ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!
аластер
рейнольдс
ФАЗА ИНГИБИТОРОВ
У Рейнольдса не бывает недостатка в великих идеях.
SF Site

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Межзвездная цивилизация не пережила нашествия ингибиторов – безжалостных и невероятно терпеливых кибернетических существ, поставивших перед собой цель полностью очистить захваченное ими космическое пространство от человечества. Немногие уцелевшие люди частью укрылись на обломках своих миров, частью рассеялись по Галактике. Тридцать лет крошечная община ютилась в полых недрах безвоздушной, испещренной кратерами планеты, надеясь дожить до того дня, когда угроза минует. И вдруг следящая аппаратура сообщила, что к планете приближается корабль. Вероятность того, что он приведет врагов к убежищу, огромна. И Мигель де Рюйтер, лидер общины, отправляется навстречу, чтобы уничтожить корабль вместе со всеми, кто летит на его борту, – и, возможно, погибнуть самому. Впервые на русском!

- Аластер Рейнольдс
  - ○
  - ○ Фаза ингибиторов
    - ■ Предисловие
    - ■ Часть первая
      - ■ Глава 1
      - ■ Глава 2
      - ■ Глава 3
      - ■ Глава 4
      - ■ Глава 5
      - ■ Глава 6
    - ■ Часть вторая
      - ■ Глава 7
      - ■ Глава 8
    - ■ Часть третья
      - ■ Глава 9
      - ■ Глава 10
      - ■ Глава 11
      - ■ Глава 12
      - ■ Глава 13
      - ■ Глава 14
      - ■ Глава 15
      - ■ Глава 16
    - ■ Часть четвертая
      - ■ Глава 17
      - ■ Глава 18

- Глава 19
- Глава 20
- Часть пятая
  - Глава 21
  - Глава 22
- Часть шестая
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
- Часть седьмая
  - Глава 31
  - Глава 32
  - Глава 33
  - Глава 34
- Примечания

○ Музыка чумы
○ Благодарности

Аластер Рейнольдс
Фаза ингибиторов. Музыка чумы

© К. П. Плешков, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Фаза ингибиторов
Роман

Предисловие

Дорогой читатель!

Действие этого романа происходит во вселенной Пространства Откровения. Хотя он в определенной степени связан с некоторыми другими книгами и рассказами этого цикла, надеюсь, что его можно читать независимо. Вдобавок, хотя в нем имеются отсылки к предшествующим событиям и персонажам, я пытался избегать существенного раскрытия содержания других произведений. Если хотите погрузиться в эту книгу с нуля – добро пожаловать, и можете пропустить остальное.

Если же вам хочется чуть больше ориентироваться в происходящем, вот самое существенное, о чем следует знать.

Спустя пять с небольшим столетий человечество распространилось в космическом пространстве, заселив многие окрестные звездные системы. Бывали как хорошие времена, так и плохие: золотой век, фракционные войны, разрушительная эпидемия. Исследуя руины исчезнувшей чужой цивилизации, люди пробуждают давно спящую угрозу, возникшую еще в начале времен. Из тьмы появляются безжалостные кубические самовоспроизводящиеся машины – ингибиторы, которые принимаются истреблять человечество. В последующие двести лет люди и их союзники (включая обладающих коллективным разумом сочленителей и генетически модифицированных гиперсвиней), несмотря на все разногласия, объединяются и прибегают ко все более радикальным средствам в поисках оружия против ингибиторов, известных также как волки.

Все эти попытки в той или иной степени завершаются неудачей.

К концу двадцать восьмого века от человечества остается лишь несколько изолированных общин, которым приходится существовать в условиях все более ограниченных ресурсов, по-прежнему не имея представления, как отражать атаки волков.

С этого начинается «Фаза ингибиторов».

Опять-таки, если вам этого достаточно – добро пожаловать. Если желаете узнать больше подробностей о хронологии, терминологии и ключевых персонажах, загляните в конец книги, но имейте в виду, что эти примечания в определенной степени раскрывают содержание как «Фазы ингибиторов», так и других произведений.

Именно потому они и расположены в конце.

Аластер

Часть первая
Солнечный Дол

Глава 1

Викторина раскрашивала стену. Я смотрел, как появляются все новые детали на потемневшем краю настенной росписи. Из пустоты летело множество кубов, каждый был изображен двумя быстрыми штрихами темно-синей и черной краски. Кубы отчетливо выделялись на красноватом фоне пылевого диска, выстраиваясь в извилистые линии, петли и цепи, прежде чем слиться в нечто более крупное и зловещее, пронизанное молниями, будто армада грозовых туч. Но все это творчество принадлежало не Викторине, а другим школьникам, часть которых давно выросла или умерла.

И тем не менее она трудилась, слой за слоем нанося краску. Вот из тучи вырвалась стая диковинных уродливых тварей с пылающими злобой глазами, мускулистых и мохнатых, когтистых и клыкастых.

– Я знаю, что они на самом деле не волки, – сказала Викторина, словно предвидя мою реплику. – Я знаю, что мы просто их так называем. Но они вполне могли бы быть волками.

– Ты же никогда не видела волков.

– Мне это ни к чему.

– Они напоминают нам о том, что нас сюда привело, – тихо проговорил я. – Именно потому они изображены на стене. Но ты рисуешь их так, будто они собираются прыгнуть с неба. Тебе правда так кажется?

Викторина положила кисть на край металлического ящика, который держала в другой руке. Внутри находился импровизированный инструментарий. Химические пигменты и стабилизирующие эмульсии когда-то, во время великого поселенческого проекта, служили совсем другим целям. Некоторые цвета были ей недоступны, поскольку нужные ингредиенты либо не удалось найти, либо их нельзя было тратить на нечто столь несерьезное, как школьная стенная роспись. Роль кистей играли неоструганные палочки, увенчанные жесткой шерстью скотины, которую мы держали ради еды и одежды. Сам ящик с красками прежде был частью ранца жизнеобеспечения, давно разобранного и приспособленного для других целей. То, что Викторина вообще могла оставить на стене какой-то след, казалось неким чудом. По сути, в ее волках жила невероятная,

полная отчаяния энергия.

– А как, по-твоему, мне должно казаться? – ответила она вопросом на вопрос.

Земля содрогнулась от глухого удара. Мы оба посмотрели вверх – над стеной, над школой, на каменный потолок высоко над нами. Последовал второй удар, и с потолка посыпалась грязь и пыль. Потолочные огни мигнули и погасли. Начали отваливаться более тяжелые камни. В пещере послышались крики.

Викторина, однако, оставалась полностью спокойной.

– Они здесь, – сказала она, отходя на шаг от плода своих трудов. – Они здесь и хотят ворваться. – В ее голосе послышались обвинительные нотки. – Это значит, что у тебя ничего не вышло, Мигель. Ничего не вышло, и настает конец всему.

Она опустила кисть в баночку с растворителем и неторопливо ею помешала.

Грохот ударов сменился пульсирующим сигналом таймера пробуждения. Вместо шороха кисти слышался шум просыпающихся воздушных насосов. Глаза жгло, но не от попавшего в них мусора, а от попытки широко их раскрыть после долгих недель сна.

Я проснулся.

Внутри гибернатора.

Лежа в невесомости, я сразу же понял, что пережил полет и что корабль вместе со всеми его компонентами сумел продержаться достаточно долго, чтобы доставить меня в точку перехвата. Учитывая состояние нашей техники, в том числе систем защиты, уже за одно это мне следовало благодарить судьбу. Гибернаторов вполне хватало, чтобы провести несколько недель в анабиозе, но по надежности они никак не могли сравниться с криокапсулами, которые мы когда-то воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Каждый перелет, включавший в себя период анабиоза, сопровождался риском погибнуть или стать навсегда инвалидом. Я рискнул и остался жив; и мне предстояло рискнуть как минимум еще раз до моего возвращения в Солнечный Дол.

Я подождал минуту, собираясь с силами, а затем занялся отключением находившихся в камере датчиков и катетеров. Покончив с долгой и мучительной процедурой, я не спеша осмотрел себя отстраненным, методичным взглядом врача. Голубое сияние беспощадно высвечивало все дефекты: шрамы, дряблые мышцы, седые волосы – ничего нового. Несколько свежих ссадин, пара синяков, кровотечений тут и там, обычное онемение и дрожь в пальцах. Ничего такого, что могло бы умертвить меня в

ближайшие часы.

В памяти все еще были свежи воспоминания о последних нескольких днях перед отлетом. Обнаружение, подтверждение, решение о перехвате. Мое добровольное согласие участвовать в операции. Аргументы за и против, слезы и тоскливое прощание с Николя и Викториной. Старт из кратера с ложным дном над ангаром для шаттлов в Солнечном Доле. Боль в костях, пока шаттл разгонялся, набирая скорость под прикрытием окружавшего звезду пылевого диска. Десять *g,* четыре целых семь десятых часа. К счастью, большую часть этого времени я пробыл без сознания, а выдержал лишь благодаря энергичным мерам по жизнеобеспечению, снявшим бремя с сердца и легких. Позвоночник все еще болел от последствий перегрузки, от медленного и болезненного перехода к невесомости.

Такое тяжело даже для молодого человека, а для реликта вроде меня вообще убийственно.

Почему я вызвался добровольцем? Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось углубиться в воспоминания, и меня сразу обожгла дикая боль, будто от прикосновения к болтающемуся на нерве зубу.

Ах да. Вот почему.

Политическое искупление вины.

На моей профессиональной репутации появилось пятно, когда провалилась попытка от меня избавиться. После спорного суда и неумелой казни я решил исправить ошибку.

Рюрик Тэйн, корчащийся на полу, еще не мертвый.

Во всем был виноват только я. Для смещения меня с должности не было никаких поводов – ничего криминального, лишь ряд ошибочных суждений, – но этого вполне хватало, чтобы подорвать оказанное мне доверие, за которое я столь тяжко сражался с момента основания Солнечного Дола.

Я подавил всяческую жалость к себе. Я сам сделал выбор, никто меня не вынуждал. Как союзники, так и скептики пытались меня отговорить. Но я знал, что единственный способ искупить вину – исполнить свой долг.

И теперь мне предстояло довести дело до конца.

Как только миновала сопутствовавшая пробуждению слабость, я выбрался из гибернатора и поплыл в рубку управления с местами для пилотов и слабо светящимися приборами. Хотя на корабле с легкостью могла поместиться более многочисленная команда, я был один. Устроившись в среднем кресле, я поднял яркость приборов до нормальной, оставив иллюминаторы закрытыми. Удовлетворившись тем, что корабль

пребывает в добром здравии (спасибо основательно постаравшимся инженерам), я включил связь, надеясь получить информацию о пришельце. Меня бы вполне устроило, если бы это оказалась ложная тревога, некий мираж, или если бы команда пришельца передумала и двинула обратно в межзвездное пространство, оставив нас в покое.

Но надеждам не суждено было сбыться. Пришелец никуда не делся, он продолжал лететь прямо в сторону Михайлова Дня и Солнечного Дола.

Я скорректировал свое положение, используя маневровые двигатели на холодном газе, чтобы минимизировать вероятность быть замеченным. Мой корабль все еще отделяли от пришельца тридцать миллионов километров, но это была мелочь по сравнению с размерами системы. Наша относительная скорость составляла чуть меньше четырех тысяч километров в секунду – до встречи оставалось два часа.

Перейдя в ракетный отсек, я открыл шлюз и внимательно осмотрел оружие, убеждаясь, что оно не пострадало при старте.

Ракета была лишь одна – толстый цилиндр с закругленными торцами, длиной в два метра, на развертываемых пусковых салазках. На плоской стороне кожуха виднелась панель с черными кнопками. Я коснулся одной из них, и вспыхнула матрица из красных огоньков, которые прошли стартовый цикл и замерли, сигнализируя о готовности. Загерметизировав люк, я откачал из ракетного отсека воздух, затем открыл внешний люк и выдвинул салазки за пределы корпуса.

Вернувшись в рубку управления, я обнаружил, что проверка ракеты и подготовка к пуску заняли менее десяти минут.

Я загрузил тактические данные с главной консоли шаттла в ракету, снабдив ее информацией о текущем положении и скорости пришельца. Затем еще раз проверил связь – просто на случай, если вдруг поступил приказ об отмене атаки.

Но ничего такого не поступало.

Дождавшись, когда расстояние между нами сократится всего до двух миллионов километров, я выпустил ракету. Захваты на салазках раскрылись, и ракета без каких-либо фанфар устремилась прочь, быстро разгоняясь. Я ждал реакции пришельца, попытки увернуться, но он продолжал приближаться. Впрочем, меня это не удивило: если пришелец мог обнаружить ракету, он точно так же мог давно обнаружить и меня.

Судя по данным на консоли, ракета зафиксировала цель. Она должна была проскользнуть подобно кинжалу между лучами двигателей и самоуничтожиться за микросекунду до столкновения. Издали аннигиляционный взрыв ничем не

отличался бы от аварии двигателя сочленителей – точно такая же авария последовала бы мгновение спустя, когда корабль развалился бы на части.

Лишь покончив с делом, я позволил себе подумать о тех, кто сейчас спал на том корабле. Я понятия не имел, сколько их, где и когда началось их путешествие. Вряд ли мы когда-нибудь узнали бы это. Но хотелось думать, что они легли в свои анабиозные камеры без страха в душе, ничего не зная о том ужасе, который, судя по всему, их обнаружил, а потом преследовал среди звезд, гоня к последнему пристанищу.

Я знал, что однажды мы найдем способ их оплакать. Дело вовсе не в том, что мы являлись убийцами по своей природе или имели что-то против команды и пассажиров того корабля. Наверняка они просто искали укрытие от волков, какое-нибудь тихое, неприметное место. Сами мы именно по такой причине выбрали Михайлов День и вообще эту систему. Вероятно, они руководствовались той же логикой.

Но мы успели раньше. Мы зарылись в кору Михайлова Дня и прожили там много лет, доказав, что хорошо умеем залегать на дно. Мы никому и никогда не выдавали нашего присутствия и не намеревались этого делать. Вот почему мы не могли допустить, чтобы до нас добрался этот яркий и неуклюжий незваный гость. Даже если люди на его борту ничего о нас не знали и даже если не имели ни единого шанса узнать, они все равно могли привести волков прямо к нашему порогу.

И потому они должны были погибнуть, причем так, чтобы это выглядело случайной катастрофой.

На консоли замигал красный огонек, раздался пронзительный предупреждающий сигнал. К моему ужасу, в траектории ракеты появилась аномалия. Я мог лишь беспомощно наблюдать, считывая едва различимый след телеметрии – низкочастотный треск, смешивавшийся с радиочастотным шумом, который исходил от Михаила. При одном из резких отклонений заело маневровый двигатель, и ракету начало уводить в сторону.

Я проклял наше невезение. У импровизированных ракет отказ рулевого управления был вполне вероятен – мы требовали от них намного большего, чем то, на что они были рассчитаны. Но мы сделали все возможное, чтобы минимизировать эту проблему.

– Скорректируй курс, – прошептал я.

Ракету мотало из стороны в сторону. Могло хватить любого толчка, чтобы заклинивший двигатель вновь заработал. Еще оставался шанс…

Но на консоли снова замигал огонек, и послышался уже другой предупреждающий сигнал:

Перехват невозможен.

Перехват невозможен.

Перехват невозможен.

С математикой не поспоришь. Судороги увели ракету слишком далеко от расчетной траектории. Если только пришелец вдруг любезно не сменит свой курс, ракета уже никак не может достичь цели.

– Отбой и самозащита, – приказал я ракете.

Мои слова предназначались исключительно для консоли, обладавшей достаточным искусственным интеллектом, чтобы понимать естественный язык. Ракете передавалась лишь короткая последовательность двоичного кода.

Ракета должна была израсходовать остатки топлива в попытке выхода на орбиту-отстойник, откуда ее смогут когда-нибудь забрать. Сколь ни сложна подобная задача, все равно это лучше, чем потерять боеголовку.

Теперь я знал, что нужно делать. О том, что это может потребоваться, я знал всегда, но загонял знание в самые дальние уголки разума, пока оставалась надежда, что нашей первой линии обороны вполне достаточно.

Однако, после того как отказала ракета, оставалось лишь прибегнуть к другому нашему способу остановить летящий на околосветовой скорости корабль. Метод этот нельзя было назвать столь же хирургическим, и он мог обойтись куда дороже Солнечному Долу… А самое главное, даже если бы получилось, я никогда бы об этом не узнал.

Но альтернативы у меня не было.

– Протокол два, – сказал я шаттлу. – Запрет на отбой.

Подтверждение?

– Кидония, – ответил я, воспользовавшись заранее заготовленным паролем.

Шаттл принял мои инструкции. Заработали его собственные маневровые двигатели, еще точнее коррелируя его курс с курсом пришельца. Ему предстояло последовать по той же траектории, что и ракете, проскользнув между лучами дюз. Это непросто даже для ракеты, не говоря уже об объемистом шаттле. Но даже если часть радиации из дюз пришельца просочится сквозь корпус, это уже не имеет значения.

Боеприпасов у меня не было, так что разрушительная мощь шаттла содержалась исключительно в его массе и скорости. Я надеялся, что этого хватит.

Я чувствовал себя намного спокойнее, чем можно было ожидать. Ни для сомнений, ни для нервного срыва уже не оставалось времени. Я передал все необходимое управление

шаттлу, лишив себя возможности что-либо отменить. Я мог сражаться с приборами, умолять о пощаде, но все было бы тщетно.

Мне предстояло умереть.

Вместе с собой я обрекал на смерть неведомое число невинных душ, летящих на том корабле. Но при этом я спасал пять тысяч жителей Солнечного Дола, включая женщину, которую любил, и ее дочь, которую она допустила в мой мир. Я представил, как Николя и Викторина сидят за нашим столом. Николя сообщает печальную новость, а Викторина слушает, отважно храня самообладание в течение нескольких секунд, прежде чем до нее доходит вся правда. Я не был ее отцом и никогда не знал дочерней любви, но верил, что она будет мной гордиться.

Я собрался с духом и стал смотреть, как таймер отсчитывает секунды до нуля. Последовала яркая вспышка, и на какое-то дурацкое мгновение я решил, будто это и есть удар. Но белое свечение никуда не делось, оно просачивалось сквозь стены кабины и заслонки на иллюминаторах, пока наконец не исчезло.

Шаттл сильно тряхнуло.

Таймер миновал нулевую отметку и продолжил считать.

И все-таки я не умер. Но что-то все же случилось. Словно в тумане я увидел, что все системы корабля выключились. Новых толчков не последовало, но я чувствовал, что корабль рыскает, потеряв управление.

Я глубоко вздохнул, ошеломленный тем, что все еще существую. Я всерьез жалел, что искупление грехов, на которое я надеялся в миг смерти, более мне недоступно.

Постепенно мое зрение восстановилось; столь же постепенно восстанавливались функции шаттла. На консоли снова вспыхнули индикаторы. Имелись некоторые повреждения, но не столь серьезные, чтобы их можно было связать с какого-либо рода столкновением. Внешняя обшивка слегка пострадала, но явно не от удара.

Внезапно будто градом осыпало шаттл. Или будто кто-то колотил по нему кулаками. Мгновение спустя все прекратилось.

Я начал понимать.

Мне вовсе не обязательно было таранить пришельца. В последние несколько секунд перед столкновением его двигатели наконец не выдержали и разрушились, вызвав белую вспышку и лишив чувств мой шаттл, но не уничтожив его. Я проплыл сквозь расширяющееся облако обломков.

Шаттл явно пребывал в замешательстве. Ему поручили задачу, но этой задачи больше не существовало.

Отсутствует решение для протокола два.
Отсутствует решение для протокола два.
Отсутствует решение для протокола два.
Отменить запрет отбоя?

– Да, – выдавил я, с трудом переводя дыхание после того, как меня коснулась холодной лапой смерть. – Да, отменить запрет отбоя. Подтвердить отмену.

Запрет отбоя отменен. Жду приказаний.

«Приказаний». Сама мысль об этом казалась нелепой. Что я, собственно, мог приказать? Несколько минут назад я очистил разум от всего, кроме полного смирения с неминуемым концом. Теперь же мне предстояло нашарить оборванную нить моей собственной жизни, найти какую-то цель и двигаться дальше.

– Не знаю, – проговорил я. – Просто… стабилизируй положение. Следуй прежним курсом и… выясни, что, черт побери, произошло. И… отзови ракету, если ей еще хватит топлива.

Полчаса я продолжал дрейфовать мимо точки взрыва. Затем с консоли раздался мелодичный звон – негромкий и вежливый, будто кашель в театре.

Шаттл что-то обнаружил. Это были не данные от ракеты, не сообщение из Солнечного Дола или с одного из наблюдательных спутников-апостолов, а электромагнитный сигнал – повторяющиеся радиоимпульсы с интервалом, близким к одной секунде. Я поручил шаттлу собрать достаточное количество этих импульсов и подвергнуть тщательному анализу заключенное в них содержание. Содержания, впрочем, было крайне мало – всего лишь плавные взлеты и падения, за которыми следовала тишина, потом снова взлеты и падения.

Пока мы дрейфовали, шаттл сумел запеленговать источник импульсов. Он удалялся от точки, где взорвался пришелец, но в том же направлении, что и я, и почти с той же скоростью – разница составляла лишь несколько сотен километров в секунду. Если бы он двигался вместе с облаком обломков, его сейчас отделяли бы от меня десятки миллионов километров, но он находился меньше чем в двух миллионах километров у меня за кормой.

Нечто сумело пережить взрыв или было выброшено незадолго до него. И это нечто распространяло в точности тот самый сигнал, который Солнечный Дол уже тридцать лет изо всех сил старался не распространять: четкий, повторяющийся и недвусмысленный индикатор функционирующей человеческой технологии. Неизвестно, мог ли взрыв привлечь волков, но вряд ли они проигнорируют методичный сигнал бедствия.

Если только этот сигнал не смолкнет. И очень скоро.

Ракета вернулась, скользнув из темноты внутрь шаттла и вновь зафиксировавшись на салазках.

Поместив ее обратно в оружейный отсек, я начал перекачивать в ее бак топливо из запасов шаттла. На это требовалось время, но иных вариантов у меня не было. Пока шла заправка, я с помощью непростой, но тщательно отработанной процедуры извлек из передней части ракеты боеголовку с антиматерией. Ее магнитная оболочка вместе со встроенной в нее системой детонации представляла собой кусок стерильного металла величиной с кулак, чистый и блестящий, будто искусственное сердце. Боеголовка была слишком ценна, чтобы тратить ее на цель, для которой, как я рассчитывал, хватит обычного кинетического удара.

Покончив с этим и загрузив в ракету пересмотренные координаты цели, я отправил ее обратно.

И стал ждать.

Мой план был достаточно ясен – я уже начал коррекцию курса, которая в конечном счете привела бы меня назад, на Солнечный Дол.

На таком отдалении от плоскости эллиптической орбиты космическая пыль уже не защищала меня в той же степени, что и вначале. Маневровыми двигателями приходилось пользоваться осторожно, с псевдослучайными интервалами, стараясь по возможности затеряться в переменном свечении самого Михаила.

После того как ракета сделает свое дело, проложенный курс приведет меня в окрестности точки удара, которые я обследую на предмет природы источника передачи. О том, на что могут указывать те обломки, не хотелось думать.

Ракету отделяло от цели тридцать минут, когда послышался голос.

Он принадлежал женщине, говорившей на каназиане – языке, которым пользовалось большинство из нас в Солнечном Доле.

– Помогите мне… Кто-то наверняка меня слышит. Пожалуйста, помогите…

Консоль подтвердила, что голос исходит из той же точки, что и сигнал бедствия. Он был едва слышен, но проблем от этого не становилось меньше.

– Замолчи, – умоляюще проговорил я, как будто она могла услышать. – Ты все равно умрешь, к чему усложнять?

– Я не знаю, где я и сколько прошло времени, – продолжал голос. – Но что-то случилось, и никого больше нет. Думаю, с кораблем что-то произошло, что-то плохое. Если вы меня

слышите и находитесь где-то рядом, помогите мне. Мне холодно… все холоднее. Пожалуйста, помогите.

Голос казался призрачным, потусторонним, будто исходил не из человеческой гортани.

– Ты волк? – прошептал я в пустоту кабины. – Хочешь заманить меня в ловушку?

– Мне очень холодно. Вряд ли так должно быть. Я не могу пошевелиться… не чувствую ничего ниже шеи. Даже не уверена, говорю ли я в самом деле. Я слышу свой голос… но он как-то не так звучит. Будто это не я, а мой призрак.

– Потому что ты умерла, – сказал я.

Я велел консоли открыть обратный канал связи на той же частоте.

– Замолчи, – повторил я, но на этот раз уже для нее. – Замолчи и попробуй сообразить, как отключить этот твой аварийный маячок.

Последовало двадцать секунд тишины, затем ответ:

– Кто ты? Можешь мне помочь?

– Не важно, кто я. Ты слишком шумишь, и это нужно прекратить.

Теперь я тоже шумел, но, по крайней мере, шаттл посылал мой ответ по узкому лучу строго в ее сторону, сводя к минимуму вероятность, что он рассеется или будет перехвачен.

– Если ты не сможешь… – Собственно, ни о каком «если» речи не шло – я собирался в любом случае ее убить. – Просто выключи аварийный маячок. Вероятно, ты все еще пребываешь в криосне, но пробудилась до минимального уровня сознания. Ты наверняка можешь обратиться к командному дереву своей капсулы. Найди способ отключить сигнал и прекрати голосовую передачу.

Снова наступила тишина – задержка, вызванная разделявшим нас расстоянием. Она тянулась столь долго, что мне показалось, будто загадочная незнакомка восприняла мое предупреждение со всей серьезностью.

– Мне страшно, – наконец проговорила она. – Я не помню, что случилось. Сперва был корабль, а потом это. Я даже не…

– Замолчи.

– …помню, кто я.

– Слушай меня внимательно. Здесь небезопасно. Мой долг – защищать мой народ, а ты несешь угрозу.

– Где я?

– Дрейфуешь вдалеке от тех мест, где тебе когда-либо хотелось оказаться. А теперь выключи сигнал.

– Мне так холодно…

Двадцать секунд спустя маячок смолк – то ли выключился

сам, то ли она все-таки сумела добраться до командного дерева. Я позволил себе облегченно вздохнуть. Оценить последствия случившегося я не мог, но был рад уже тому, что мне больше не бьет по ушам идущий с консоли сигнал и что не придется тратить ракету.

– Думаю, он больше не работает.

– Хорошо, – выдохнул я. – А теперь…

– Пожалуйста, помоги мне.

Я рассчитал новый курс, отозвал ракету и велел ей снова идти на орбиту-отстойник. Мы с ней должны были пройти через одну и ту же область пространства, но в разное время и с разными скоростями, так что перехватить ее в этот раз не было никакой надежды. Но даже без боеголовки ракета стоила того, чтобы ее сохранить.

Чтобы добраться до места, откуда исходил женский голос, требовалось три недели. Снова забравшись в гибернатор, я закрепил в нужных местах катетеры и датчики, после чего настроил автоматику так, чтобы она оживила меня, когда шаттл окажется в двух часах пути от дрейфующего объекта.

Ее капсула свободно парила, давно покинув облако обломков. Она медленно кувыркалась, поворачиваясь ко мне всеми сторонами. Внешне походила на продолговатый ящик с закругленными углами; из торца торчало сплетение шлангов и проводов. Модуль для криосна – но не привычной мне разновидности. По повреждениям в конце капсулы, противоположном голове пассажирки, я предположил, что ее сорвало с какой-то опоры или шасси, возможно выполнявшей некую функцию, которую капсула не могла обеспечить сама. Как долго она способна поддерживать жизнь своей пассажирки без поступающих через эти обрубленные корни питательных веществ? Мне подумалось, что та должна обладать отменным здоровьем, чтобы протянуть несколько суток, не говоря уже о неделях, которые потребовались мне, чтобы до нее добраться.

Я подплыл ближе, пользуясь лишь пассивными датчиками шаттла и полагаясь на окружающее освещение. Меня не оставляла мысль, что это может оказаться волчья ловушка, хитроумная имитация-приманка. Но чем больше сокращалось расстояние между нами, тем менее вероятным казался подобный вариант. Слишком уж реально и убедительно все выглядело. На поверхности капсулы виднелись вмятины, и царапины, и множество пузырей в тех местах, где обшивка, должно быть, подверглась воздействию чудовищного жара. В уцелевшем ее конце располагалось прямоугольное окошко, примерно там, где

должно было находиться лицо пассажирки. Стекло защищала металлическая решетка. Дизайн капсулы выглядел грубоватым и старомодным.

Капсула продолжала кувыркаться. Под стеклом что-то мелькнуло – или нет?

На мгновение возникло безмятежно спящее лицо, залитое красноватым светом Михаила.

Я подвел шаттл к капсуле на расстояние нескольких метров. Если это бомба, я уже чересчур близко – не важно, в метрах или километрах. Открыв оружейный отсек, я опустил салазки, используя захваты, чтобы поймать капсулу и остановить ее вращение. Задача оказалась не из простых, но после двадцатиминутной возни, сопровождавшейся потерями и погонями, мне наконец удалось в достаточной степени укротить капсулу, чтобы затащить в корабль. Хорошо, что там не было ракеты, иначе в отсеке просто не оказалось бы места. К счастью, два эти объекта не слишком различались формой и размерами.

Загерметизировав шлюз, я открыл внутренний люк. Капсула лежала окошком ко мне, но из-за внезапного переноса в воздушную среду стекло под решеткой заиндевело, не позволяя проникнуть сквозь него моему взгляду.

Я заранее подготовился, надев наушники. Закрепив на оболочке капсулы магнитный держатель, поднес к губам микрофон.

– Слышишь меня? – неуверенно спросил я. – Меня зовут Мигель де Рюйтер, и это я говорил с тобой три недели назад. Я доставил тебя на борт моего корабля. На обшивке твоей капсулы установлен радиопередатчик, работающий на той же частоте, на которой мы уже общались. Ответь, если хоть что-нибудь из сказанного до тебя дошло.

Ответа из капсулы не последовало, но я на это и не рассчитывал. Я совершал привычные действия, почти смирившись с тем, что пассажирка уже мертва – или, что то же самое, ее невозможно вернуть к жизни. Смерть приходила во многих обличьях. В самой глубокой точке криосна мертвы были все – никаких мыслей, никаких клеточных процессов. Но человека все же удавалось оживить – если капсула работала штатно. Если же случался сбой, по клеткам тела могла пронестись разрушительная волна, раздирая их изнутри и разрывая связи между ними, кодировавшие все то, что мы считали самым дорогим для себя. Теплый труп с превратившейся в серую кашу нейронной сетью был ничем не лучше холодного.

На других планетах, в лучшие времена, всегда оставалась надежда. В Солнечном Доле проблемой становилось даже

удаление зуба или вправление перелома. Восстановление же поврежденного мозга абсолютно выходило за пределы наших возможностей.

– Отдыхай, – сказал я, будто это имело какое-то значение. – Теперь ты в безопасности, летишь со мной на мою планету.

Я оставил магнитный держатель на месте, не выключая радиоканала.

Пройдя в переднюю часть шаттла, я начал готовить его к полету домой. Несколько запусков маневровых двигателей, пара коррекций курса, немного еды в брюхо – и я уже мог снова лезть в гибернатор. О том, что делать с жутким трофеем, пусть теперь беспокоятся другие.

– Поговори со мной.

Голос доносился с консоли, передаваемый через магнитный держатель. Метнувшись обратно в оружейный отсек, я схватил перчатку и, как сумел, стер иней с зарешеченного окошка.

– Я здесь, – сказал я в микрофон. – Ты… хорошо себя чувствуешь? Помнишь что-нибудь из случившегося за последние три недели?

– Где я?

Голос все так же казался отстраненным и не вполне реальным. В нем было нечто чересчур чистое, кристальное, вроде мелодии, издаваемой бокалом, когда по нему проводят влажным пальцем.

– На корабле. Я тебя спас.

– Спас меня?

Я напряг зрение, пытаясь лучше разглядеть лицо за окошком. Но стекло слишком запотело изнутри, и лицо парило под ним, будто темноглазая луна, проглядывающая сквозь перистые облака.

– Что-то случилось. Ты была на корабле – намного большем, чем этот. Произошла катастрофа… Твой корабль взорвался при входе в нашу систему.

– Катастрофа?

– Отказ двигателя. Похоже, тебя взрывом вышвырнуло наружу. Я поймал сигнал твоей капсулы. Только твой.

– Были и другие, – отстраненно проговорила она, будто к ней только теперь начали возвращаться воспоминания. – Ты должен их отыскать. Не могла же я быть единственной.

– Вряд ли кто-то еще уцелел. Даже если и так… боюсь, найти их невозможно. У тебя работал передатчик, но больше ни у кого его не было.

– Я хочу выбраться из этой штуки. У меня все онемело.

– Ничем не могу помочь, пока мы не прилетим в Солнечный

Дол. Там о тебе позаботятся.

– Что такое Солнечный Дол?

Я перешел к другому концу криокапсулы, на который пришлось больше всего повреждений; там торчали чисто срезанные многочисленные шланги и провода.

– Безопасное место. Маленькое поселение на планете под названием Михайлов День, на орбите звезды, которая называется Михаил.

– Не знаю таких.

– Тебе и неоткуда знать. – Надев изолирующие перчатки, я осмотрел оборванные соединения, пытаясь опознать знакомые технологии и функции. – Позволь спросить: ты хоть что-нибудь помнишь о себе?

– Был корабль. Нас погрузили на него, потом собрались усыпить. Сказали, когда мы проснемся, окажемся где-то в другом месте. Меня зовут… – Она замолчала, не в силах дать себе ответ на простейший вопрос. – Я не помню.

– Вспомнишь, – пообещал я, ощупывая два толстых кабеля с сердцевиной из металлического сплава, скорее всего силовые. – Если я скажу слово «волк»… оно будет для тебя что-то значить?

– У нас были волки в холмах над Плато Завинула. Они прибыли с одним из первых кораблей. Я слышала их, когда луна стояла высоко в небе.

– Это не те волки. Но хорошо, что ты хоть что-то помнишь о своей родине. Плато Завинула… – задумчиво произнес я. – Кажется, это на Приюте – одно из первых поселений демархистов. Помнишь, когда вы оттуда улетели?

– Не совсем. Как, ты сказал, тебя зовут?

– Мигель де Рюйтер.

– Ты пилот?

– Нет. – Предположение вызвало у меня улыбку. – Администратор.

– Важная персона?

Отойдя от капсулы вглубь оружейного отсека, я с усилием открыл служебный люк в переборке шаттла. За полосатой, как пчела, панелью находилась путаница силовых кабелей и идущих к датчикам проводов. Как и все прочее на шаттле, оно носило явные следы неоднократного ремонта и переделок.

– Занимаю достаточно высокое место в пищевой цепочке.

– Тогда почему послали тебя?

– Я сам себя послал.

Открыв взятый в дорогу инструментальный ящик, я начал перебирать его содержимое в поисках того, что могло понадобиться для установления импровизированной связи между

кораблем и капсулой. Я решил, что это вполне реально, даже если будет выглядеть не вполне изящно.

– Они в самом деле все погибли, Мигель де Рюйтер?

– Думаю, да.

– Это плохо, что я ничего не чувствую?

Обеспокоенный вопросом женщины, я снова взглянул на капсулу.

– Я бы сказал, что это вполне по-людски. Ты вовсе не обязательно должна была знать хоть кого-то из летевших на том корабле. На «Салмакиде» многие из нас путешествовали в одиночку, не контактируя с другими пассажирами. Мы толком не знали друг друга, пока не основали поселение.

– А теперь?

– Мы стали общиной. Семьей из пяти тысяч человек. Есть свои различия, как и в любой семье, и порой весьма серьезные. Но нас связывает чувство единства и взаимопонимания, ощущение нашей хрупкости. Можешь называть это любовью. Чтобы выжить, приходится заботиться друг о друге. Без любви и поддержки наших сограждан каждый из нас крайне уязвим. Вместе, когда каждый делает свою работу, мы достаточно сильны, чтобы переждать нашествие волков. И этим, несмотря ни на какие препятствия, мы занимаемся уже тридцать лет.

– Думаю, ты очень хороший человек, Мигель де Рюйтер, если оставил свою семью и прилетел сюда ради меня.

– В таком случае ты ошибаешься.

– Ты рисковал жизнью, разлучился с любимыми, и все ради одной пассажирки, которую даже не знаешь.

Я был только рад, что она не видит, как напряглось мое лицо.

– Я делал свою работу.

Глава 2

Еще через шесть недель я вернулся домой.

Когда я вышел из гибернации в нескольких часах пути от Михайлова Дня, шаттл уже тормозил в последний раз. Извещать о моем прибытии не было никакого смысла – в течение всего пути за мной следили апостолы, они предупредили Солнечный Дол о моем неминуемом возвращении. Даже без апостолов датчики Михайлова Дня зафиксировали бы мой корабль и установили, что я не имею никакого отношения к волкам. Если бы меня сочли некоей иной угрозой – объектом человеческого происхождения, чересчур заинтересовавшимся Михайловым Днем, – я был бы уже сбит нашими оборонительными рельсотронами.

То, что я все еще жив, означало, что меня опознали как

своего.

Когда перегрузка упала в достаточной степени и я смог двигаться, я вернулся к пассажирке и убедился, что с ней все в порядке. Она пребывала на прежнем уровне криосна – как и в тот момент, когда я сам ушел в гибернацию. Инея на ее окошке чуть убыло, черты лица стали различимее. Бледное, бескровное, оно походило на белую бумажную маску. Глаза с темными кругами были закрыты, губы плотно сжаты; на лице застыло выражение безмятежного покоя. Мне вспомнилась виденная когда-то картина, изображавшая плавающую в воде утопленницу.

Я вернулся в рубку, готовясь посадить шаттл.

Михайлов День – голая глыба размером больше Марса, но меньше Земли. Не считая короткого периода заселения людьми, он был обречен на необитаемость. На нем отсутствовала атмосфера, не было морей и ледяных шапок. За всю его крайне короткую жизнь никакие жидкости не проливались на его поверхность и вряд ли могли пролиться в будущем: злые солнечные вспышки на Михаиле изгнали из его планетной системы все животворные химические соединения, причем навсегда. Поэтому Михайлов День вполне устраивал нас в качестве укрытия. Постоянная бомбардировка метеоритами превратила его поверхность в хаос перекрывающихся кратеров, обеспечив естественную маскировку для наших наземных сооружений, пусковых установок и служебных шахт. Каждый метеорит отдавал часть своей кинетической энергии коре планеты, едва заметно повышая ее температуру. Со временем этот температурный фон послужил камуфляжем для нашей собственной деятельности, производящей тепло. Вдобавок кора звенела как колокол, что весьма затрудняло обнаружение человеческого присутствия посредством дистанционной сейсмографии, сканирования поверхности лазером или радаром. Постоянный фон был таков, что нашим сейсмофонам приходилось тяжко трудиться, чтобы отделить сигнал от шума. Дополнительное прикрытие обеспечивал пылевой диск, в котором Михайлов День парил, а когда на Михаиле происходила очередная вспышка, мы старались замаскировать ею старт корабля или передачу сигнала.

Нельзя сказать, что все это было абсолютно надежно и достаточно просто. Мы прилетели на Михайлов День не для создания колонии, а для того, чтобы как можно дольше скрываться. Сколько именно – тридцать лет или сто тридцать, – никем не обсуждалось. В Солнечном Доле считалось аксиомой, что мы будем ждать, сколько потребуется, всегда осознавая, что это лишь временное убежище. Каждый день, который мы

добавляли на наш счет, был достижением, а каждый год – триумфом. В Святилище строились планы на будущее с учетом наших долгосрочных нужд, но для большинства граждан подобный образ мыслей категорически не одобрялся. Следовало сосредоточиться лишь на завтрашнем дне, а все остальные последуют за ним.

Через каждые несколько лет случались кризисы. Иногда они носили политический характер, как было с Рюриком Тэйном. Иногда они были обусловлены нехваткой ресурсов, отказом систем, цепью случайностей. Иногда, как с нынешней пассажиркой, речь шла об экстренной ситуации, вызванной чем-то, обнаруженным апостолами. Этот последний кризис мы пережили, избежав того, чего больше всего опасались. Хотя пришелец-человек представлял для Солнечного Дола серьезную угрозу, в наших силах было ее нейтрализовать. Когда-нибудь апостолы увидят у входа в пещеру тень, похожую на волчью, – но не сегодня и, вероятно, не в этом году. Нам снова повезло, и в этом везении я сыграл свою небольшую роль.

Шаттл быстро снижался хвостом к земле. Каждый раз приходилось нервничать, дожидаясь, когда дно кратера в последний момент скользнет в сторону и позволит кораблику опуститься в подземную шахту.

Солнечный Дол впустил меня. Двигатели смолкли. Шаттл покачнулся на посадочных опорах и замер. В шахте не бывало воздуха, если только не требовался ремонт, но из стены выдвинулся герметичный переходной мостик, и вскоре навстречу мне по прозрачной трубе выбежал закутанный в овчинный тулуп Морган Валуа; за его спиной болтался дыхательный ранец.

– Да ты счастливчик, де Рюйтер.

– И в чем же мое счастье?

Открыв ранец, Валуа достал бутылочку и, откупорив, протянул мне. В ноздри ударил тяжелый запах, начало жечь в глазах. Уже чувствуя, как увядают клетки в мозгу, я сделал вежливый глоток ради дружбы. Я понятия не имел, что в бутылке и где Валуа это раздобыл, но подобное пойло появлялось лишь по исключительно редким случаям.

– Тебе еще предстоит прочитать собственные некрологи. Пожалуй, в них ты выглядишь не так уж плохо.

– Я вроде живой.

– Теперь-то мы знаем. Собственно, знаем уже три недели, с того момента, когда ты появился в сети слежения. Но уже успели написать некрологи и размножить, и теперь слишком поздно что-нибудь предпринимать. – Он прищурился, сверля меня взглядом. – Почему, во имя Михаила, ты не вышел на связь?

– Не видел необходимости. Апостолы никогда бы меня не потеряли.

– И тем не менее. Сам знаешь – система небезупречна. Собственно, если апостолы иногда теряют наш корабль, это даже хорошо. Это значит, что меры по маскировке не столь уж бессмысленны. – Он нервно провел рукой по лбу. – К тому же, пока тебя не было, у нас с апостолами… в общем, были проблемы.

– Проблемы?

– Не важно. Скоро все исправится. А вот что теперь будет с твоими семейными отношениями, даже предположить боюсь.

– А что такое?

– Для Николя и Викторины это стало настоящим адом.

– О господи! Хочешь сказать, они все эти недели были убеждены, что меня нет в живых?

Валуа забрал бутылку и вернул в свое священное хранилище. От его добродушного выражения не осталось и следа.

– Николя оберегала Викторину как могла. Естественно, цеплялась за надежду, что ты жив, но ближе к концу даже она перестала верить. – Он покачал головой, и в голосе зазвучала осуждающая нотка. – Незачем было подвергать нас столь жестокому испытанию, Мигель. Если там случилось нечто такое, из-за чего тебе пришлось задержаться, вполне мог бы и сообщить.

Я уставился на него:

– Что значит – если? Ты прекрасно знаешь, что случилось.

– Мы могли только догадываться. Видели, как взорвался корабль. Либо в него попала твоя ракета, либо ты применил протокол номер два. Поскольку ты молчал, мы вынуждены были предположить последнее.

– А сигнал бедствия?

– Какой сигнал?

– Это что, какая-то игра, Морган? Проверка, насколько я хорошо соображаю после пробуждения?

– Уверяю тебя, это никакая не игра.

– Поступил сигнал бедствия. Нечто вышло на связь с кораблем. Я нашел источник сигнала и обнаружил дрейфующую капсулу.

– Капсулу, – медленно повторил Валуа, будто следователь, запоминающий мои ответы с целью выяснить, насколько тщательно я придерживаюсь одной версии событий.

– Этот сигнал передавался по всей системе. Я должен был любой ценой заставить его замолчать. Солнечный Дол никак не мог его не услышать, не говоря уже об апостолах.

– Мы не принимали никаких сигналов бедствия.

– Значит, он был… узконаправленный. – Я нахмурился, превозмогая головную боль, которую вряд ли можно было объяснить крошечным глотком из бутылки. – Понятия не имею, как сигнал сумел меня найти, но это единственное объяснение. Впрочем, все это можно обсудить и позже; если ты считаешь, что я сочиняю или брежу, то у меня в оружейном отсеке есть все необходимые доказательства. Я нашел дрейфующую капсулу и взял ее на борт. Вместе с содержимым.

– С содержимым?

– В капсуле пассажирка с того корабля. Который, кстати, мне вовсе не пришлось уничтожать. Он взорвался сам, как раз в тот момент, когда я собирался его таранить.

Валуа удивленно поднял брови:

– То есть ты уже был к этому готов?

– Ракета ушла в сторону. У меня не было возможности вернуть ее и заново заправить, и я пошел на таран. – Я понизил голос: – Да, Морган, я был к этому готов. Ты бы знал насколько. И как приятно было ощущать, что я собираюсь пожертвовать собой.

Удивление на его лице столь же быстро сменилось жалостью.

– Пока неожиданное событие не лишило тебя шанса на благородное самопожертвование?

– Ты не побывал в моей шкуре, поэтому тебе не понять.

Он медленно кивнул:

– Ладно, верю. Я заметил: когда ты улетал, было видно, что тебе не терпится искупить вину. Ты серьезно насчет капсулы? В самом деле что-то привез сюда?

– Не что-то, а выжившую. Я с ней разговаривал. Это вовсе не обожженный радиацией труп – капсула давала достаточно тепла, чтобы пассажирка могла со мной общаться. Она летела на корабле с Приюта.

– Единственная выжившая? Из скольких?

– Она почти ничего не помнит. Надеюсь, вспомнит, когда приведем ее в чувство.

– И что сейчас с этой… счастливицей? Она в криосне?

– Капсула повреждена, но я подключил ее к системе питания шаттла. Женщина снова уснула.

– Хорошо, – кивнул Валуа. – Значит, она не почувствует, как мы ее убьем.

Я постучал в свою собственную дверь чисто из вежливости. Последовала долгая пауза, и, хотя был вечер и занятия в школе закончились, я подумал: не ушли ли куда-нибудь Николя с Викториной, отсрочивая тот миг, когда им снова придется увидеться со мной. Винить их за это я не мог. Мне не терпелось

их увидеть и в то же время отчаянно хотелось отложить встречу, поскольку всем нам предстояло пережить непростые мгновения.

Я уже собирался вернуться в Святилище под предлогом неких неотложных дел, когда Николя наконец меня впустила. Мы обнялись в коридоре, но в ее объятиях ощущалась неуверенность. Я поцеловал Николя, и она не отстранилась, но и не поспешила ответить поцелуем.

– Рада, что ты вернулся, – тихо проговорила она, словно опасаясь, что Викторина в соседней комнате может услышать. – Куда сильнее рада, чем, наверное, тебе кажется. Но из-за тебя нам пришлось пережить кошмар.

Закрыв за собой дверь, я сбросил дыхательный ранец и тулуп, который надел, чтобы пройти до дома через пещеры.

– Морган говорит, ты не теряла надежды.

– Не терять надежду – вовсе не то же самое, Мигель, что знать, что ты жив. – Голос Николя звучал чуть сдавленно. – Что еще мы могли подумать, когда увидели взрыв?

– У меня было желание подать сигнал. Но любая связь – всегда риск.

– Зря ты мне об этом говоришь.

– Да, – мягко согласился я. – Постарайся меня понять. Тот корабль уничтожила не ракета, а нечто другое. Скорее всего, отказ двигателя. Но я должен был учитывать и иную возможность: что где-то рядом находятся волки. Хватило бы единственного фотона, чтобы они насторожились. Обнаружив меня, волки обнаружили бы и апостолов, а потом и Солнечный Дол.

– Не драматизируй.

– Даже не думаю. Если бы явились волки, мы бы сейчас не разговаривали. – Я взглянул ей в лицо, надеясь, что мои жестокие слова подействовали. – Я не подал сигнал не из-за беззаботности и не по недомыслию, Николя, а из-за любви. Я предпочел бы умереть, но не навести волков на наше убежище.

Ее взгляд стал слегка задумчивым.

– Морган говорит, ты едва не пожертвовал собой.

– Это был последний способ остановить тот корабль. Ракета промахнулась.

Я почувствовал в ней некую перемену – еще не прощение, но шаг к нему, дававший слабую надежду на примирение.

– И насколько ты был близок к гибели?

– Я уже смирился с судьбой.

– А потом?

– Потом была вспышка, которая избавила меня от столь печальной необходимости.

– О чем ты думал в последние мгновения?

– О том, как вы теперь будете жить одни, без меня. И надеялся, что ты меня поймешь.

– Это не мне нужно понимать. Я до последней возможности скрывала известие о твоей смерти от Викторины, но полностью утаить не смогла.

Я кивнул:

– Вряд ли это было бы честно по отношению к ней.

– Когда до Викторины наконец дошла новость, которую все мы считали правдой, случившееся потрясло ее до глубины души. Однако по прошествии времени, общаясь с друзьями, она поняла, что в глазах многих ты стал героем. Мигель де Рюйтер, человек, который отдал жизнь ради спасения Солнечного Дола. Думаю, она предпочла бы в эти несколько дней быть твоей дочерью, а не моей. Но теперь, когда оказалось, что ты вовсе не мертв, на нее обрушилось новое горе – умер образ, который она создала в своих фантазиях.

– Ничего не могу поделать, – сказал я. – Ни с тем, что я не умер там, в космосе, ни с тем, что так и не стал героем-мучеником, которым и не хотел никогда стать. Я знаю лишь одно: была некая угроза, а теперь ее нет. Можно снова спать спокойно – неделю, месяц, а то и дольше. – Я отступил на шаг, показав раскрытые ладони. – Вот, собственно, и все. У меня был долг перед Солнечным Долом, и я его исполнил.

– А было ли чувство, что тебе есть в чем покаяться?

Я решил было солгать, но подумал, что Николя заслуживает только правды.

– Ты сама говорила, что у меня нечиста совесть. Я пытался отрицать, но понимал, что ты отчасти права.

– А теперь… сбросил бремя с души?

– Думаю, да.

– Я тоже на это надеюсь. Ради всех нас. – Ее голос стал суровым, но в нем появилось знакомое тепло. – Ты никуда больше не полетишь, Мигель. Пообещай мне – и пообещай Викторине. Сможешь?

– Постараюсь.

– Этого мало. Я хочу получить твое обещание здесь и сейчас. – Она взяла меня за руки. – Такое же священное, как супружеская клятва. Ты больше не бросишь нас. Не покинешь Солнечный Дол до того дня, когда его покинем мы все. Ты меня понял и со всем согласен?

Я торжественно кивнул:

– Согласен. У меня болят все кости. Я уже забыл, каково в космосе, а ведь провел там лишь несколько недель. В следующий раз полетит кто-то другой. Обещаю.

– Хорошо. – Ее пальцы напряглись. – Точно?

– Точно.

– У тебя руки дрожат. Онемели?

– Через пару дней пройдет.

Николя наконец расслабилась, как я и надеялся.

– Скажешь все то же самое Викторине. Она ждет в кухне. Когда Морган сообщил, что ты идешь сюда… я приготовила обед. Мне выдали еще одну норму баранины по случаю твоего возвращения. Поешь с нами?

У меня защипало в глазах. То были слезы благодарности и облегчения, слезы радости от того, что я возвращаюсь в лоно любимой семьи.

– С превеликой радостью.

Нормального обеда все равно не вышло, но в любом случае это было лучше, чем ничего. Я дал Викторине то же обещание, что и Николя, а когда она выдвинула сотню дополнительных условий, принял их без возражений. Решив этот вопрос к собственному удовлетворению, она стала выпытывать подробности событий, последовавших за моим отлетом. В большинстве случаев я мог ответить прямо, но углубляться в тему самопожертвования не спешил. Я лишь упомянул, что ракета ушла не туда и что вскоре после этого корабль взорвался сам.

– Морган сказал маме, будто ты там кого-то нашел.

– Да, – ответил я. – Женщину, единственную выжившую с того корабля.

– Похоже, никто больше об этом не знает.

– Пока не знают. Как только мы выясним, в каком она состоянии, я сделаю объявление.

Викторина выковыряла шпинат, застрявший между передними зубами.

– Как ее зовут?

– Неизвестно. Я с ней разговаривал, но она тогда еще не оттаяла, к ней не полностью вернулась память.

– А вернется?

– Очень надеюсь. Возможно, женщина знает нечто такое, что могло бы нам помочь. Даже если это самые примитивные знания, мы отнесемся к ней по-доброму и примем в нашу общину.

Какое-то время Викторина ела молча.

– Она знает, что ты полетел туда, чтобы ее убить?

– Не ее лично, – вмешалась Николя.

– А какая разница? – спросила Викторина, глядя на нас обоих. – Ее или кого-то из тысяч других людей, путешествовавших на том корабле? То, что ты не знаешь никого

из них по имени, вовсе не означает, что их всех не собирались уничтожить.

– Корабль нужно было остановить… – начала Николя.

– Все в порядке, – мягко оборвал я ее. – Викторина заслуживает того, чтобы услышать неприкрашенную правду. Да, я собирался убить пассажирку, и от этого никуда не деться. Я собирался убить ее и еще неведомо сколько тысяч людей, вместе с которыми она летела. Даже если их было пятьдесят тысяч, а нас тут всего пять – какая разница? Добродетельны были они или нет, разве важно? Дело не в моральных принципах. Этим людям все равно пришлось бы умереть, чтобы не подвергнуть риску наше собственное выживание.

– Получается, что мы чудовища, – проговорила Викторина.

– Да, – согласился я, гася ее гнев. – И благодаря этому мы живы и можем жить дальше. Главное в том, Викторина, что мы доказали себе: у нас есть все средства, чтобы существовать в Солнечном Доле. Каждая смерть, каждая рана, каждый горький урок на пути, который привел нас сюда, оказались бы напрасны, если бы мы позволили кому-то забрести в нашу систему и привести с собой волков. Да, то, что нам приходится делать, приятным не назовешь. Но пока мы не узнаем доподлинно, что мы не единственный оставшийся очаг человечества, нам придется принимать столь же хладнокровные решения. Дело не в нас самих; дело в той связи, которую мы обеспечиваем, – связи между человечеством прошлого и человечеством будущего. Если не сохраним эту связь, если не исполним свой долг, оберегая наше сообщество, то лишимся будущего. Пропадут все надежды, все мечты. Останется лишь тьма до скончания времен.

– Ты все это сам придумал или тебе подсказал кто-то в Святилище?

– Со временем поймешь, – ответил я.

– Не хочу понимать.

После, когда Викторина забрала свои краски и ушла к себе в комнату, а мы с Николя взялись прибраться в кухне, жена дотронулась до моего запястья и сказала:

– Она это переживет, Мигель. Дело вовсе не в том, что она винит тебя за возвращение из мертвых. В глубине души она очень рада. Но на несколько дней ты стал в ее воображении кем-то другим, вымышленным героем, с каким не сравнится никто из людей. А теперь ей снова приходится иметь дело с реальностью.

– Спасибо, что выступаешь в мою защиту.

– Я не согласна с тем, что ты молчал. Того, через что нам пришлось пройти, врагу не пожелаешь. Пусть и справедливо сказал Морган: ты вправе был рассчитывать, что мы справимся

сами. Но я верю в то, что ты сделал, и в то, что ты намеревался сделать. Те, кто считает, будто тебе было за что каяться, ошибаются, а если ты до сих пор считаешь так сам, то не прав и ты. – Она привлекла меня к себе – этих искренних объятий я ждал с момента возвращения. – Ты лучше, чем все твои клеветники. Ты хороший человек, Мигель де Рюйтер, и я горжусь тем, что я твоя жена.

Утром я присоединился к Моргану Валуа и Альме Чунг в лазарете Святилища. Как и все наши сооружения, он представлял собой беспорядочный комплекс импровизированных модулей и зданий, спрятанных в сети пещер в сотнях метров под поверхностью. Каждая его часть представляла собой переделанный фрагмент корпуса «Салмакиды».

– Что-то я плохо соображаю, Альма, – услышал я, входя, голос моего заместителя. – Могу поклясться, мы только вчера разговаривали, но у меня такое ощущение, будто прошел день или два.

– Да, разговаривали, – коротко ответила Альма.

– Тогда… что тут делает Мигель? Ему ведь советовали оставаться дома, приходить в себя от двадцати шести до пятидесяти двух часов.

– Этот совет он явно решил проигнорировать. – Чунг, глава планетной безопасности, небрежно пожала плечами – на подобные легкомысленные беседы у нее просто не было времени. – Я ничуть его не виню, учитывая, как быстро приходит в себя его трофей. Мигелю наверняка хочется узнать, что же он нам привез.

Мы втроем смотрели в застекленный отсек, куда после моего возвращения поместили пассажирку и ее капсулу. В стерильном герметичном помещении находились койка и обычное медицинское оборудование, довольно простое, но пассажирка пока оставалась в капсуле. Модуль для криосна вкатили внутрь на тележке вроде тех, на которых мы транспортировали ракеты; он уже был подсоединен к гораздо более замысловатому комплексу систем жизнеобеспечения. Двое техников в масках и защитных костюмах возились с соединителями, проверяя показания приборов и делая заметки на громоздких планшетах.

– Нам знакома эта технология? – спросил я.

– Она старше и сложнее всего, что мы привезли с собой, – ответил Валуа. – Но не настолько старая, чтобы нельзя было разобраться с помощью прошлого опыта. Вероятнее всего, она создана еще до чумы. Но это вовсе не значит, что мы не приняли все доступные меры защиты.

– Если найдешь в Солнечном Доле хоть что-нибудь, чего могла коснуться чума, дай знать. Мы погрязли в темных веках, Морган. Как бы ни деградировала наука к тому времени, когда эта женщина погрузилась в сон, наш уровень технологий покажется ей допотопным. Удалось ли получить какую-нибудь информацию с поврежденного модуля памяти?

– Разнообразные зашифрованные данные. Все они указывают на одно и то же – на пассажирскую декларацию о человеке, севшем на корабль на Приюте в шестьсот тринадцатом году. Взрослая женщина, имя: Брианна Бетанкур.

– У нас есть сведения и о самом корабле, – сказала Чунг. – Субсветовик «Тишина в раю». Корабль для перевозки пассажиров, пять с половиной мегатонн, построен в триста двадцать девятом году, орбитальный завод демархистов, Фанд, Лакайль-9352. Двигатели и вспомогательные силовые установки арендованы у сочленителей в соответствии с протоколом о совместном использовании технологий из Соглашений Европы.

– Хорошо, что мы знаем, как ее зовут, – кивнул я, не в силах избавиться от навязчивой мысли, что этот корабль был ковчегом, полным спящих пассажиров, которые летели туда, где их ждал лучший мир и лучшее будущее. – Как скоро нам удастся ее пробудить?

– Уже начали перфузию крови, – сказал Валуа. – Прежде чем Брианна очнется и ее можно будет переместить на койку, пройдет еще от тринадцати до двадцати шести часов. И даже тогда, вероятно, от слабости она мало что сможет вспомнить, так что не надейся в ближайшее время сыграть с ней в шахматы.

– Не считая проблем с памятью, которая, кстати, уже возвращалась к ней, она соображала неплохо.

– Это было тогда, – возразил Валуа. – Мы пытаемся открыть тот канал нейросвязи, по мере того как оживает ее мозг, но пока не сумели пробиться.

– Скорее всего, это какая-то аварийная функция капсулы. Капсула больше не считает, что ее системы могут отказать, и нейроинтерфейс просто не включается.

– Если этот фокус проделан с помощью имплантатов, – сказала Чунг, – то придется их выковырять и сжечь, прежде чем она сделает хоть шаг за пределы этой комнаты.

– Будь реалисткой, Альма, – покачал я головой. – Даже если Брианна была носителем плавящей чумы, она для нас неопасна.

– Считай, что это дело принципа – точно так же, как твое решение не выходить на связь, – добродушно ответил Валуа. – В общем, мы просканировали этот гроб с предельной тщательностью. Похоже, внутри у Брианны нет ничего

искусственного, как нет и неприятных сюрпризов в самой капсуле. Когда Брианна очнется, мы сделаем все необходимые анализы, но, сдается мне, она явилась к нам невинной как младенец.

– Невинность? – усмехнулась Чунг. – Что-то новенькое. Увидишь – расскажи хоть, как она выглядит.

Пол едва заметно содрогнулся. Техники за стеклом прекратили свое занятие. Мы с Валуа и Чунг со страхом уставились на аварийный фонарь в углу стены: вот сейчас он замигает красным и взвоет сирена, сообщая, что из какой-то части Солнечного Дола уходит к поверхности воздух. Никто из нас не запасся дыхательным ранцем – внутри Святилища, способного герметично закрыться в считаные секунды, в нем не было нужды. Если на нас обрушилась достаточно крупная глыба, способная пробить оболочку Святилища, вряд ли останется необходимость в каком бы то ни было правительстве, не говоря уже о выживших.

Но фонарь светил по-прежнему тускло и сирена молчала.

– Возможно, когда Брианна узнает, в каком мире проснулась, ей захочется залезть обратно в свою капсулу, – сказал Валуа.

– Пусть благодарит судьбу за то, что вообще жива, – без тени сочувствия процедила Чунг. – Она ведь знает про волков, Мигель?

– Вряд ли.

– Тогда что говорил пассажирам их капитан? От чего они бежали?

– Этого Брианна не сказала. Вряд ли она имела хоть какое-то понятие о том, что происходило с кораблем после вылета с Приюта.

Последовала пауза. Я почти слышал, как жужжат шестеренки в мозгу у Чунг.

– С тех пор, как ты сказал, что у тебя на борту пассажирка, меня мучает одна мысль: как, черт побери, она выжила?

Я кивнул на застекленный отсек:

– Можно назвать это чудом. Ты видела, в каком состоянии ее капсула.

– Вы сближались на скорости порядка семи тысяч километров в секунду, – констатировала Чунг.

– Они летели в систему, а я двигался им на перехват, практически навстречу. Это как два сближающихся кулака. Естественно, у нас была высокая относительная скорость.

– Однако из навигационного журнала шаттла нам известно, что тебе не составило особого труда перехватить капсулу. Разность скоростей была намного ниже, чем скорость вашего сближения.

– Пытаешься понять, как выжившая пассажирка оказалась рядом?

– Думаю, то, что ее вышвырнуло взрывом, не просто счастливая случайность. Наверняка было что-то еще.

– Может, и было. Кто знает?

– Журнал шаттла подтверждает твои слова о сигнале бедствия.

– Рад, что ты не подумала, будто я его сочинил.

– Но мы его не приняли. Другие корабли и апостолы – тоже.

– Значит, он предназначался мне, а не им.

– Чтобы направить сигнал в твою сторону, – сказал Валуа, продолжая мысль Чунг, – Брианне нужно было точно знать, где ты находишься. Но, по твоим словам, она не знала, кто ты и откуда.

– Может, какое-то устройство в капсуле автоматически навелось на меня, о чем пассажирка даже не догадывалась?

Чунг посмотрела так, будто у меня пошла носом кровь:

– В этом гробу? Лучше ничего не мог придумать?

– Это не допрос, Альма, – подчеркнул я. – И когда мы начнем беседу с пассажиркой, это тоже не будет допросом. Мы станем обращаться с ней так, как она заслуживает, – как с единственной выжившей после чудовищной катастрофы. Как с почетной гостьей – со всей добротой и пониманием.

К нам поспешно подошел сзади какой-то чиновник:

– Прошу прощения, господа. Боюсь, ваше присутствие требуется в Красном зале.

– Что случилось? – бросила Чунг.

– Что-то странное показывают сейсмофоны последние несколько минут. Пожалуйста, идите туда.

Глава 3

Атмосфера в Красном зале царила скорее растерянная, чем откровенно тревожная. Уровень опасности оставался оранжевым, каким он и был с момента гибели «Тишины в раю». До этого он был красным, и ему предстояло снизиться до желтого, а затем до зеленого, если появление в системе пришельца не повлечет никаких других последствий.

Вокруг главного стола столпились аналитики Чунг. Дисплей показывал крупным планом Михайлов День – расположенные рядом полушария планеты. Оба были испещрены светящимися отметками – призматической формы, показывавшими расположение разнообразных датчиков и защитных систем. Особенно густое скопление этих устройств наблюдалось вокруг Солнечного Дола; не считая этой асимметрии, полушария выглядели весьма похоже: изрытые кратерами, как побывавшие в едкой среде монеты.

– Доложите обстановку, – велел я.

– Наблюдается движение, господа, – сказал Кантор, один из старших сотрудников Чунг. – Вот здесь, недалеко от предполагаемой точки последнего зафиксированного удара, примерно в девяноста километрах к востоку. Там нет наших глаз, но есть несколько сейсмофонов.

– Покажи, – потребовала Чунг.

Кантор кивнул на один из висевших над столом экранов. От края до края шла волнистая зеленая линия, пульсируя, точно крайне медленная электрокардиограмма.

– Мы не сейсмологи, – напомнил Валуа.

– Что-то воздействует на сейсмофоны, – сказал Кантор. – И это не обычная послеударная волна, какую можно было бы ожидать. Такие волны очень быстро затухают. А эта – нет.

– Преобразуй этот след в акустический сигнал и выведи его на динамики, – велела Чунг.

Мы подождали, пока Кантор отдаст необходимые распоряжения. Техники прекратили работу, услышав звуки из системы оповещения – приглушенный удар, потрескивание, опять глухой удар. Звуки передавались не по воздуху, а посредством вибраций коры Михайлова Дня.

Удары продолжались с ритмичностью, которую невозможно было игнорировать.

– Похоже на шаги, – озвучил Валуа нашу общую мысль. – Сигнал поступает со всех сейсмофонов, находящихся в том секторе?

– Да, но с разной силой, – ответил Кантор. – Так что вряд ли это дефект самих сейсмофонов или связывающих их с Солнечным Долом кабелей. Есть одно предположение…

Кантор вдруг замолчал и бросил взгляд на Чунг, будто ожидая разрешения продолжать или, наоборот, запрета высказывать соображения.

– Говори, – сказала Чунг.

– Возможно, источник сигнала перемещается. Амплитуда растет на одном приемнике и снижается на других, но в любом случае слишком медленно, чтобы можно было связать сигнал с упавшим камнем.

– Если источник движется, то примерно с какой скоростью? – спросил я.

Кантор снова взглянул на Чунг и глубоко вздохнул:

– На мой взгляд, около двух километров в час. Достаточно медленно для пешехода. Но может, и не столь медленно для подобной местности, учитывая, что на идущем должен быть скафандр.

– А если он движется, – настойчиво продолжал я, – то в каком направлении? Можешь оценить?

– Только очень грубо.

– И все же?

– Возможно, в сторону Солнечного Дола. Если так, то в течение ближайших двадцати шести часов станет намного яснее. – Кантор указал на стол. – Вибрацию начнут регистрировать другие сейсмофоны, а в том секторе, куда перемещается источник сигнала, у нас есть глаза. Покрытие достаточно разреженное, но и оно может нам что-то дать.

– Девяносто километров, – сказал я. – Если кто-то в самом деле направляется в нашу сторону, примерно через сорок пять часов он постучится к нам в дверь. Интересно, что он надеется найти?

Чувствуя, что откладывать столь важное событие больше нельзя, я поднялся по короткой лестнице и вышел на сцену, представ перед гражданами. Меня сопровождали двое чиновников без тулупов, в церемониальной одежде, лишь чуть менее вычурной, чем моя собственная.

Стоило толпе меня увидеть, и атмосфера ощутимо изменилась. Я почувствовал, как вспотели подмышки. Здесь было не столь прохладно, как в Святилище, а пять тысяч человек, столпившихся на форуме, лишь добавляли тепла и влажности.

Ропот и шорох смолкли. Кто-то в последний раз кашлянул, и наступила тишина.

Я попытался охватить взглядом всех собравшихся. В первых шести рядах они сидели в креслах, а дальше были только стоячие места, и даже с высоты своего положения я мало что мог разглядеть в скоплении усталых и встревоженных лиц. Я попросил прийти всех жителей Солнечного Дола, за исключением больных или занятых на неотложных работах. Пять тысяч человек – слишком много, чтобы знать каждого лично, но несколько сотен из них я мог назвать по имени, с ними меня связывали семейные, профессиональные и политические отношения.

Среди присутствующих была Мина Лофгринд, чей отец Маркус погиб при строительстве двадцатой пещеры. Мина гнула спину на грядках шпината, чтобы нас прокормить. Нейт Маснек, потерявший большую часть кисти руки в аварии на бумажной фабрике считаные недели назад, шел на поправку, но я знал, что потом ему придется сменить работу. А вот Этьен и Мохтар, неутомимые знатоки замкнутой системы жизнеобеспечения; не проходит и дня, чтобы они не ремонтировали какой-нибудь узел или не пытались заставить его работать эффективнее. И естественно, здесь не было детей – по крайней мере, детей младше Викторины.

Я с легкостью нашел Николя и ее дочь во втором ряду. Их засыпали со всех сторон вопросами, желая заранее узнать, о чем я буду говорить. Судя по раздраженному взгляду Николя, ее терпение было на пределе.

Многие ли из тех, кого я знаю, полностью на моей стороне? Еще до истории с Рюриком Тэйном это нелегко было понять. По большому счету, Солнечный Дол не поддержал его попытку мятежа, но, кроме простого неодобрения, имелось и множество других мнений. Некоторые считали, что я был чересчур благодушен, позволяя несогласным организовываться и строить планы, и что часть ответственности лежит на мне. Другие полагали, что я проявил непозволительное мягкосердечие в выборе метода казни, ведь тот, кто подверг нас всех опасности, заслуживал повешения, потрошения и четвертования.

В том, что по этому поводу думает семья Рюрика, у меня не было никаких сомнений. Его жена Орва сидела рядом с его братом (и своим деверем) Сореном. Я старался не смотреть в их сторону, но тщетно. Отчего-то подмывало взглянуть Орве в глаза, словно только так я мог себя реабилитировать.

«Чего ты хочешь? – подумал я. – Моей крови?»

У меня не было ни малейшего желания казнить Рюрика. Но сама суть его преступления исключала какое-либо иное наказание. Так гласило жесткое законодательство, которое мы оба помогали создавать в первые дни существования Солнечного

Дола. Само наше выживание, сама возможность скрываться от волков зиждились на простом и обязательном для всех постулате: никто не может покинуть систему.

Чтобы это гарантировать, я уничтожил «Салмакиду». Мы забрали с корабля все, что могло пригодиться, а потом отправили его на автопилоте в сторону Михаила – конечно, точно рассчитав момент столкновения, чтобы взрывы двух сочленительских приводов выглядели как выбросы фонового излучения. Этот жертвенный акт был хорошо известен, и память корабля чтили; в числе прочего «Салмакида» присутствовала на стенной росписи, которой Викторина и ее соученики (а также их предшественники) покрыли школьную стену. Принцип был незамысловат и доходчив. Желание улететь может стать неодолимым после нескольких тяжелейших десятилетий, а волки могут не появляться год за годом, порождая у нас предательскую мысль, будто они ушли навсегда. А значит, лучший способ избежать катастрофы – ликвидация транспортного средства. Мы преднамеренно оставили себе лишь возможность путешествовать внутри системы, причем исключительно в экстренных случаях.

Но лет пять назад начал распространяться слух.

Как и любая наглая ложь, он был весьма коварен и трудноопровержим. Говорили, что на самом деле «Салмакиду» никто не уничтожал, и что она все еще на ходу, и что ее держат где-то неподалеку от Солнечного Дола для бегства правящей элиты в случае появления волков или какой-либо иной катастрофы. А большинство из пяти тысяч будут брошены на произвол судьбы, поскольку корабль способен взять на борт лишь немногих счастливчиков.

Когда впервые поползли эти слухи, Рюрик от них попросту отмахивался. Позже стал относиться к ним с осторожным скептицизмом, не веря, но и не полностью отвергая. Наконец задумался о том, как использовать их в своих собственных политических целях. У нас возникли серьезные разногласия при планировании действий на случай контроля за рождаемостью, продовольственного нормирования и тому подобного, и Рюрик начал агитировать за смену руководства. Вряд ли поначалу он воспринимал ложь всерьез. Для него это был лишь удобный рычаг, чтобы создать некоторый раскол в обществе и набрать сторонников. Но, полагаю, со временем он начал в нее верить, хотя сам участвовал в операции по уничтожению корабля.

Рюрик и его команда мятежников добрались лишь до ангара для шаттлов, но, попытавшись покинуть Солнечный Дол без прямого распоряжения Святилища, он навлек на себя самое суровое наказание по нашим законам.

Помиловать его было не в моих силах, но я сделал все возможное, чтобы спасти его сообщников, включая Орву Тэйн, которая, несомненно, знала о планах мужа. По справедливости, ей бы сейчас сидеть за решеткой в скромной тюрьме Святилища. Но от этого не было бы никакой пользы. Орва хорошо работала, многие ее уважали, так что я воспользовался всем моим авторитетом, чтобы избавить ее от ответственности за участие в мятеже.

«Ты либо слишком мудр, – доверительно сказал Морган Валуа, когда я изложил свой план защиты сообщников Рюрика, – либо чрезвычайно легковерен. Надеюсь, у нас есть лет тридцать – сорок, чтобы выяснить, что из этого правда».

«Если нам посчастливится столько прожить, – тихо ответил я, опасаясь чужих ушей, – я с готовностью приму любой приговор».

Сейчас Валуа наблюдал за мной, стоя у самых кулис. Судя по его мрачному взгляду, он считал, что от моего выступления пользы будет немного. Не следует, полагал он, публично объявлять о нашей гостье, пока мы не разберемся, что она из себя представляет и как с ней связаны сейсмические пертурбации. Но уже пошли слухи, и я слишком хорошо знал, сколько может быть вреда, если дать им волю.

– Друзья, – начал я, с улыбкой глядя на собравшихся и пытаясь придать голосу уверенности, – у меня есть новости, преимущественно хорошие. Как вам всем известно, некоторое время назад я отправился на перехват корабля, который угрожал выдать Солнечный Дол волкам. Пусть этот корабль и не пытался вступить в контакт с нашей общиной, его поведение вызывало тревогу. Его было необходимо уничтожить, даже если это подразумевало гибель многих невинных душ. – Я придал тону надлежащую серьезность. – Однако это вовсе не означает, что исполнение долга доставило бы мне радость. К тому же наше вмешательство было закономерно сопряжено с огромным риском. Но этот риск мы осознавали всегда. Мы решили, что готовы пойти на него ради Солнечного Дола, ради пяти тысяч его обитателей, к кому я сейчас обращаюсь. Итак, пришелец был успешно перехвачен и уничтожен.

Я вглядывался в лица, пытаясь понять, как люди отнеслись к тому, о чем я умолчал: что пришелец был уничтожен скорее вопреки моему вмешательству, а не благодаря ему. Если у кого-то и имелись сомнения, их тщательно скрывали.

– Это не столь приятная новость, – продолжал я. – Погибли люди, и мы скорбим по ним. Но эта трагедия подарила нам еще одну жизнь.

Послышался ропот, в котором смешались в равной мере

удивление, любопытство, скептицизм и негодование.

– В живых остался один из пассажиров, – сказал я. – Мы полагаем, что это женщина, вероятно, с Приюта. Возможно, мы знаем ее имя, но лучше подождем, когда она сама сможет нам представиться. Похоже, она хорошо себя чувствует, судя по обследованию, которое нам удалось провести. Наша гостья еще в анабиозе, но вряд ли пройдет очень много часов, прежде чем она сможет общаться. – Я натянуто улыбнулся. – Потом придется выполнить самую трудную задачу – объяснить ей, что случилось. Полагаю, для нее это станет шоком и ей потребуется помощь, чтобы все осознать. Возможно, сперва мы ей не понравимся. Но, думаю, со временем, благодаря нашему терпению и участию, она свыкнется с произошедшим и будет рада, что выжила. А мы, в свою очередь, будем рады принять ее в наше общество.

– Еще один рот, который придется кормить, – выкрикнул Сайлус Маурус, один из моих самых смелых и шумных критиков.

Он сидел в первом ряду, по-жабьи расплывшись в кресле и воинственно скрестив на груди руки.

– Да, – с энтузиазмом ответил я. – Еще один рот, который придется кормить. Еще пара легких, которая добавит нагрузки нашей системе жизнеобеспечения. Еще живая душа, нуждающаяся в крове и тепле. Мне нужно объяснять, что она принесла с собой? Возможности. Разум, полный новых идей. Новые истории, новые уроки. Новые песни, новые шутки. Ей достаточно привнести сюда хоть что-нибудь новое, сущую мелочь, чтобы жизнь в Солнечном Доле изменилась радикально. Это может быть неизвестный нам способ выращивания шпината, или приготовления баранины, или удаления гнилого зуба, или сшивания овечьих шкур.

– А может и вообще ничего не быть, – криво усмехнулся Маурус.

– Может, – согласился я, – хотя это и маловероятно. Но вот что я вам скажу. Нельзя определить ценность человека, задав ему несколько вопросов. Чтобы понять, чего стоит жизнь, никакой жизни не хватит. И именно это мы дадим нашей гостье, без всяких ограничений и условий, – новую жизнь среди нас, в Солнечном Доле. – Не дожидаясь, когда кто-нибудь из критиков вставит хоть слово, я добавил: – Она найдет себе работу по способностям. Каждый вносит свой вклад, и она тоже этим займется. Но с того момента, когда она откроет глаза, мы будем относиться к ней как к одной из нас. Если она может предложить нам нечто новое, то сделает это со временем. Но мы не станем ничего от нее требовать. Мы дадим ей нашу дружбу и доброту.

– А что скажешь насчет странных звуков, о которых ходят слухи? – Нейт Маснек, слегка приподнявшись в кресле, потирал

здоровую руку забинтованной культей.

Я постарался сдержать недовольство. Маснек всегда был честен со мной, и сейчас он задал не праздный вопрос. Не его вина, что слухи о сейсмических пертурбациях уже просочились за пределы Святилища.

– В последнее время наблюдается достаточно высокая метеоритная активность, – ответил я достаточно близко к истине, чтобы не бередить собственную совесть. – Как обычно, мы отслеживаем всю сейсмическую активность и соответственно реагируем. В данный момент никаких оснований для беспокойства.

Только теперь я заметил подошедшего сбоку Моргана Валуа.

– Спасибо за исключительно полезную информацию, администратор, – проговорил он так напряженно, будто считал, что еще немного – и я потерплю позорное публичное фиаско. – Поскольку у тебя еще достаточно дел, а здесь так много граждан, я воспользуюсь возможностью и сделаю несколько объявлений. – Он подчеркнуто не стал ждать моего согласия. – Прежде всего рад сообщить, что ответвление в четвертую камеру расчищено после случившегося в прошлом месяце обвала…

Собравшиеся все еще выкрикивали вопросы, хотя Валуа пытался перевести разговор на такие темы, как сезонный урожай шпината, обязательное нормирование воды и обновленное расписание учебных занятий.

Я несказанно обрадовался, что могу повернуться к людям спиной и покинуть сцену.

День уже подходил к концу, когда наша гостья оказалась готова к выходу из криосна. Законные дела в Святилище (насчет которых Валуа был прав) отняли у меня последние часы перед возвращением домой. Я слегка беспокоился, какой прием мне окажет Викторина. Однако Николя, похоже, с ней поговорила, или девочка успела оттаять, а может, возымели некоторое действие мои слова на собрании, – от антипатии, которую я ощущал накануне, почти ничего не осталось. Я пожалел, что взрослые не способны с той же легкостью, что и дети, выходить из тупиковой ситуации и забывать о том, что казалось непростительным считаные часы назад, – и позавидовал способности юных избавляться от своего прошлого «я», как от старой бесполезной шкуры.

– Она уже выбралась из своего гроба? – спросила Викторина, пока мы расставляли на доске фишки для игры, которой часто предавались после ужина.

– Нет. Может, завтра, если все пойдет хорошо. Спешить

незачем. Ей потребовались десятилетия, чтобы до нас добраться, так что несколько часов ничего не изменят.

– Как думаешь, она когда-нибудь видела волков?

– Сомневаюсь. Мы полагаем, что она покинула свою планету за годы до появления волков. Многое из того, что мы воспринимаем как само собой разумеющееся, станет для нее новостью, которую не так-то просто будет переварить.

– Ты ведь говорил с ней там, в космосе? А на собрании ничего об этом не рассказал.

– Да, я с ней говорил, но не возьмусь судить, много ли она поняла. Потому и решил не упоминать. Если мы с мамой посреди ночи прервем твой крепкий сон и станем нашептывать всякие секреты, вспомнишь ли ты их утром?

– Зависит от того, какие секреты.

– В логике ей не откажешь, – улыбнулась Николя, доставая из мешочка самодельные игральные кости. – И все же поможем пассажирке приспособиться, сделаем все, что от нас зависит? Будет только лучше, если в Солнечном Доле появится новое лицо.

– Как думаешь, она станет злиться из-за того, что все остальные на ее корабле погибли? – со всей непринужденностью спросила Викторина.

– Думаю, расстроится, когда услышит правду, – ответил я, выставляя фишки на исходные позиции. – Но, возможно, она не знала всех этих людей так же хорошо, как мы знаем друг друга в Солнечном Доле.

– И все равно она не сможет ни с кем поговорить о родных местах.

– Да, – кивнул я, встретившись с Николя взглядом. – Наверное, ей будет тяжко, пока она не приспособится к новой жизни.

– Многое бы изменилось, – тихо сказала Николя, – если бы выяснилось, что она не единственная выжившая.

Я коротко кивнул, предпочтя не развивать тему. Следовало сообразить, что новости об уловленных сейсмофонами ударах обязательно просочатся за пределы Святилища, особенно если учесть, что я сам выступил против их засекречивания.

Мы сыграли три партии, и Викторина наголову разбила нас с Николя. Потом усталость взяла свое, и мы все стали готовиться ко сну.

– Были слухи, – тихо сказала Николя, когда мы сидели вдвоем, допивая чай, – будто что-то приближается с востока.

– Именно так. Слухи, и ничего больше.

– Нейт Маснек спрашивал про странные звуки, а я что-то слышала про шаги.

– Не стоит обращать внимание. Никто не стал бы высаживаться в девяноста километрах отсюда, чтобы после идти пешком по поверхности.

– Может, они ничего не знают про нас.

– В таком случае слишком уж странное расстояние – всего лишь девяносто километров. Это выглядит полной бессмыслицей. Если бы они обнаружили наше присутствие, то сели бы ближе. Может, не прямо у нас над головой, но и не в десятках часов пути. А случайный гость высадился бы где угодно на Михайловом Дне, но только не в этом секторе. – Я улыбнулся, стараясь успокоить Николя, хотя сам с трудом сдерживал страх. – Думаю, все намного проще: эти сейсмофоны не слишком надежны, а кабели, соединяющие их с Солнечным Долом, вполне способны повредиться. Пусть на поверхности не бывает непогоды, зато геология дает о себе знать. Температура хаотически меняется, кора планеты сжимается и растягивается, и стоит какому-нибудь кабелю лишь потереться о камень, чтобы мы получили ложный сигнал.

– В последние недели вообще творится что-то загадочное. Сперва Рюрик Тэйн, потом тот пришелец. А теперь возвращаешься ты, когда мы уже думали, что тебя нет в живых, и привозишь подарок для нашей общины, причем весьма своеобразный. Никто не знает, что обо всем этом думать, Мигель. Будто какое-то дурное предзнаменование. – Она улыбнулась, спеша заверить меня, что пока не готова поверить предрассудкам. – Слишком много неясного. Мы все выживаем, не зная, чего ожидать. Вряд ли это можно назвать нормальной жизнью. – Она кивнула в сторону спальни, где засыпала ее дочь, которой, как я надеялся, снились настолько приятные и беззаботные сны. – Если бы ты узнал, что всем нам станет хуже, ты бы мне рассказал, несмотря на запреты твоего Святилища?

– Рассказал бы.

– Что ж, ладно. Ложись спать, и крепкого сна – я еще никогда не видела тебя таким усталым, как в последние дни. А завтра, если все будет хорошо, твоя пассажирка заговорит.

Поздним утром я вышел из своего кабинета и направился в лазарет, куда меня вызвала Киргиу, дежурный врач. Видимо, такой же вызов получил и Валуа – мы едва не столкнулись в каменном тоннеле, соединявшем две части Святилища.

– Альмы с нами не будет? – спросил я.

– У нее хватает проблем, друг мой, помимо твоей выжившей любимицы.

Я удивленно взглянул на него – нервный тон звучал

непривычно в устах невозмутимого Валуа. Похоже, напряжение последних дней отразилось на всех нас, выставив напоказ наши слабости.

– Все те же странные шумы с сейсмофонов?

– Нет, хотя в данных обстоятельствах настроение они не поднимают. – Валуа понизил голос, хотя вряд ли кто-то мог нас подслушать. – Петр и Савл пропали.

Я понял, что он имеет в виду, пусть и надеялся, что ослышался. Петр и Савл – два наших сторожевых спутника-апостола, часть общесистемной сети раннего предупреждения.

– Пропали? В смысле, замолчали?

– От них не поступил сигнал состояния. Он посылается не по четкому расписанию, а в пределах окна, когда мы должны его принять. Окно было, а сигнала не было. Мы дождались, когда Михаил немного оживится, и послали запрос. – Видя мою растущую тревогу, он добавил: – Маломощный, в самом нижнем диапазоне, по обычному протоколу, нацеленный на Петра и Савла.

Я прошел несколько шагов и спросил:

– И что?

– Ответа не последовало. Такая команда обязательна к исполнению; если апостол ее получает, он подтверждает прием вне зависимости от активности Михаила или иных факторов, влияющих на работу. При серьезной поломке апостол имеет возможность перейти в режим самовосстановления. Такое уже случалось – после удара метеорита, достаточно малого, чтобы повредить спутник, но не уничтожить его. Иногда они возобновляют работу самостоятельно, иногда приходится лететь и чинить их. Но чтобы замолчали два одновременно…

– Что ж, у нас осталось еще десять – вполне достаточное покрытие. Конечно, если все они работают как надо. – Я успокаивающе похлопал Валуа по плечу, пожалев, что рядом нет никого, способного оказать мне такую же любезность. – Как-нибудь справимся, Морган. Это только на общем фоне кажется, что все плохо, но тут нет ничего такого, с чем мы не сталкивались раньше.

– И все-таки что-то не так, Мигель. Всерьез и по-настоящему не так.

Мы как раз подошли к лазарету, и Валуа кивнул на застекленный отсек, где держали пассажирку.

– Что-то не так с этой… если не ошибаюсь, Брианной Бетанкур?

Доктор Киргиу и ее коллеги готовились извлечь женщину из капсулы. Та уже была открыта, ее верхняя часть лежала в стороне,

будто снятая крышка гроба. Врачи в халатах и масках рылись в капсуле руками в перчатках и какими-то инструментами. Высокая, сутуловатая Киргиу стояла сбоку, держа планшет, а ее коллега водил сканером вдоль капсулы.

Понять, что происходит, было нелегко. Кроме врачей, капсулу окружали тележки с мониторами, системы жизнеобеспечения (пока не работавшие, но пребывавшие наготове) и нагруженные мешками с разноцветными медицинскими растворами стойки.

Я нажал вделанную в перегородку кнопку интеркома:

– Доброе утро, доктор Киргиу. Спасибо, что позвали меня. Могу я узнать, как скоро она очнется?

Высокая женщина подняла взгляд от планшета, и из решетки над окном послышался ее голос:

– Она уже очнулась бы, если бы не наши анестетики, администратор. Как только она начала подавать признаки жизни, мы погрузили ее в сон. Надо проверить еще раз ее кровь и сделать последние анализы.

Пока пассажирка пребывала в анабиозе, врачи просверлили капсулу и взяли крошечный образец ткани. Этого вполне хватило, чтобы проделать ряд основных анализов и подтвердить (насколько это было возможно), что она человек, а не созданный волками конструкт. Врачи также проанализировали образец на известные нам заразные болезни, после чего взяли у Брианны кровь, костный мозг и спинномозговую жидкость. Вероятно, все это подверглось еще десятку тестов, слишком сложных для того, чтобы пытаться объяснить мне их суть. Киргиу повернула планшет экраном ко мне, там ползли туманные контуры знакомых частей тела: таза, ребер, плеч и черепа. Хоть я и не был хирургом, ничто из этого не выглядело искусственным даже при самом высоком разрешении сканера. Мозг не нарушали никакие имплантаты, на теле отсутствовали следы травм.

Киргиу вновь провела сканером вдоль туловища пассажирки.

– Стоп! – сказал я. – Я что-то заметил. Проведи немного назад, вокруг грудной клетки.

– Что ты заметил? – спросила Киргиу.

– Не знаю. Что-то сплошное, где-то в груди. Какое-то уплотнение, вроде имплантата. Размером примерно с кулак. Похоже на искусственное сердце.

– Там ничего нет, Мигель. – Она поводила сканером в интересовавшей меня области. – Кости, мышцы, легкие, сердце. Обычные ткани, обычные органы. Ничего механического.

– Клянусь, я что-то видел.

– Сканер все записывает. Я воспроизведу. Отмотать на тридцать секунд?

– Думаю, вполне хватит.

Киргиу снова пустила воспроизведение. Я не сводил глаз с экрана, пока мы не добрались до того момента, когда Киргиу по моей просьбе вернула сканер к грудной клетке.

– Там ничего нет, – осторожно повторила она, ожидая моих возражений.

Но сказать мне было нечего – я тоже видел запись, и в ней не обнаружилось ничего необычного.

– Хотя я смотрю через окно, – заметил я. – Может, какое-то отражение или игра света.

Женщина в маске с сомнением кивнула, возможно полагая, что на мне все еще сказываются последствия пережитого.

– Чтобы завершить все анализы, потребуется несколько часов. Но, с учетом соблюдения всех обычных гигиенических мер, не вижу причин не будить ее, если ты готов к встрече.

– Я готов.

– Хорошо. Скажем, через полчаса?

Между врачами возник просвет, и я впервые увидел пассажирку не через разделявшее нас зарешеченное окно в ее капсуле. Она показалась мне маленькой, бледной и хрупкой без металлической брони, непроницаемой для жара, холода или вакуума. Как и все мы, она была человеком – чрезвычайно уязвимым существом.

– Будьте с ней поосторожнее, – сказал я.

Кантор уже подготовил главный стол с увеличенным изображением окрестностей в радиусе двухсот километров. При таком разрешении Солнечный Дол был как жирный отпечаток пальца – скопление из двадцати пещер на глубине от двухсот до шестисот метров. От поселения расходилось около десятка радиальных линий длиной от пяти до двадцати километров – проложенные с немалым трудом тоннели к реакторам, ангарам для шаттлов и наружным шлюзам. Дальше никаких подземных сооружений не было, лишь станции дистанционного наблюдения, рельсотронные установки и паутина кабелей, соединявших отдаленные датчики и оружие со Святилищем.

Кантор отметил зелеными призмами находившиеся в пределах этих двухсот километров сейсмофоны, включая те три, которые уловили повторяющийся сигнал. От этого скопления теперь тянулся след из светящихся точек, огибая кратеры и глубокие трещины, но в целом двигаясь в направлении Святилища. Я оценил его протяженность: от сорока пяти до пятидесяти километров. След уже миновал несколько других сейсмофонов, чье покрытие улучшалось по мере приближения к

Солнечному Долу, и теперь находился рядом с двумя синими призмами – глазами и ушами, которых у нас имелось не столь много.

– Значит, это никакой не дефект, – тихо сказал я.

– Если считаешь, что утверждение очевидного помогает твоим аналитическим способностям, можешь не стесняться, – столь же тихо ответила Чунг.

– Там что-нибудь видно? – обратился к Кантору с вопросом Валуа.

– Если там что-то есть, у нас все шансы увидеть в ближайшие несколько минут. Михаил почти в высшей точке, так что контраст низкий, зато освещенность высокая – не идеально, но куда лучше, чем темнота. Те два глаза стоят за каменной грядой, так что пока мы ничего различить не можем. Но если показания наших сейсмофонов верны, причина пертурбаций должна появиться очень скоро.

– У этих глаз есть оружие? – спросил я.

– Нет, только пассивная защита. – Кантор ткнул пальцем в другую пару призм, сразу за двадцатикилометровой отметкой, где находился наш самый дальний наружный шлюз. – Зато эти вполне зубастые, и они сумеют навестись на медленно движущуюся по поверхности цель.

У нас имелось два типа рельсотронов: тяжелые орудия, нацеленные в небо, и пушки поменьше – последняя линия обороны на случай, если что-то сумеет добраться до нас по поверхности. Эта защита играла скорее психологическую роль, но я бы лучше вырвал бы себе ногти, чем обошелся без нее. Чтобы комфортно ощущать себя по ночам, многим достаточно задернуть занавеску или сунуть голову под одеяло, и я считал необходимым обеспечить такой комфорт по максимуму.

– Там что-то… – начал Кантор.

На два висящих в воздухе экрана выводилась картинка с глаз, обозревавших каменную гряду. Оба изображения выглядели почти одинаково, поскольку два глаза располагались всего в километре друг от друга. Неровная, не вполне горизонтальная линия гряды делила картинки напополам. Над грядой простиралась мгла космоса. Хотя на Михайловом Дне сейчас был «день», на нем отсутствовала атмосфера, которая могла бы рассеять в небе свет Михаила, а сам Михаил находился позади глаз. Пылевое облако на орбитальном пути Михайлова Дня было слишком слабым, чтобы его можно было увидеть на фоне ярко сияющей поверхности планеты в нижней половине каждого изображения. Поверхность эта была лишена каких-либо черт, отчего становилось сложнее оценить расстояние, возвышение и

относительные размеры. Михаил был звездой не из ярких, но даже света красного карлика хватало, чтобы затмить тени и снизить контраст, отчего земля напоминала ровный мазок охры на стене.

Я уже заметил минимальное несовпадение двух изображений, обусловленное разной позицией глаз, а услышав Кантора, начал различать на одной из картинок нечто поднимающееся над каменной грядой – белую выпуклость, похожую на восходящую над горизонтом бледную планету. Планета превратилась в белое полушарие, затем чуть правее появилось второе. Теперь то же самое видел уже и второй глаз.

Мы молча наблюдали. Полушария продолжали подниматься. Это оказались головы, а точнее, шлемы с черными прорезями спереди. Потом появились плечи, туловища, руки и ноги двух одетых в белое, шагавших бок о бок. Значит, мы слышали поступь не одного, а двоих. Впрочем, незнакомцы шли в ногу, одновременно поднимая и опуская ступню.

Поднявшись на гряду, они начали спускаться. Они выглядели как вырезанные из белой бумаги силуэты, скользящие вниз по вертикальной поверхности, но виной тому была крайняя близорукость глаз вкупе с отсутствием атмосферных помех и каких-либо ориентиров, позволявших оценить перспективу.

Меня поразило, насколько медленным казалось движение. Вряд ли Кантор сильно ошибся насчет двух километров в час – вполне достаточно, чтобы преодолеть за день сорок пять – пятьдесят километров. Ресурсов скафандра при необходимости хватило бы и на более долгое время, к тому же при некоторой доработке скафандр мог идти на автопилоте, если находившийся внутри был ранен или спал. И тем не менее в неторопливой синхронной походке чувствовалось нечто неестественное, вызывавшее мысль о тревожных сновидениях.

У меня зашевелились волосы на затылке.

– Сможем увидеть их получше, когда они подойдут ближе?

– Возможно, – ответил Кантор. – Зависит от того, каким путем они двинутся, спустившись с гряды.

– Мне нужна любая информация. Знаки, имена – все, что может связывать эти скафандры с «Тишиной в раю». Не помню, говорил ты мне или нет, – с ними пытались связаться?

– Полное молчание в эфире с тех пор, как мы услышали шаги. Если эти двое и общаются друг с другом, то на каком-то канале малого радиуса, который нам не перехватить. – Кантор с сомнением посмотрел на меня. – Может, Святилищу стоит послать кого-нибудь им навстречу? Они примерно в двадцати километрах от нашего дальнего шлюза, но если сейчас

отправится группа на электрокаре к концу тоннеля, она встретит наших гостей на полпути.

– Не будем спешить, – сказал я. – Подождем, пока не разглядим их получше или пока не убедимся, что они направляются к шлюзу. Потом решим, что делать дальше.

– Не вижу ничего похожего на оружие, – заметил Валуа.

Доктор Киргиу помогла мне облачиться в стерильное одеяние.

– Не снимай маску и очки. Никакого физического контакта, пока мы не получим анализ крови. Можешь с ней поговорить, но не подвергай ее лишнему стрессу. Если она мало что помнит о случившемся, не стоит вываливать на нее все разом.

– Постараюсь вести себя вежливо. Но есть ряд вопросов, которые нам необходимо задать.

– Я буду следить за мониторами по эту сторону стекла, так что сразу замечу, если она разволнуется.

Пройдя через шлюз в выделенную зону, я приблизился к койке пассажирки и опустился на стул слева от нее, напротив контрольной аппаратуры. Киргиу сказала, что наша гостья уже должна была пробудиться от анестезии, но та пока никак не реагировала на мое присутствие. Я наконец увидел вместо бестелесного овала в гробу женское лицо.

Она выглядела моложе меня, но так я мог бы сказать почти о каждом. Кожа была белой, в буквальном смысле как снег, без пигментации, если не считать темных пятен вокруг закрытых глаз. Волосы отсутствовали – череп напоминал гладкий белый купол. Губы имели пепельный оттенок.

Жемчужно-серыми были и ногти на покоившихся на простыне руках.

Я ждал, прислушиваясь к ее дыханию. Заметив, как чуть шевельнулась голова и дрогнули, будто собираясь открыться, веки, я сказал:

– С возвращением, Брианна.

Ее ноздри раздулись, медленно втягивая воздух. Глаза оставались закрытыми, но зашевелились губы.

– Где я?

Сказано это было очень тихо, но вполне понятно. Я впервые слышал ее реальный голос, а не имитацию. Он оказался более низким и горловым, чем я ожидал.

– В убежище, которое называется Солнечный Дол. Возможно, это что-то для тебя значит. Меня зовут Мигель. Я нашел тебя в космосе после катастрофы и пообещал доставить на мою планету.

Она помедлила, прежде чем спросить:

– Что со мной случилось?

– Ты была на корабле, которому… не повезло. Ты дрейфовала в анабиозной капсуле, мы с тобой встретились и поговорили. Потом я забрал тебя на свой корабль и привез сюда.

– Где этот… Солнечный Дол?

– Под поверхностью планеты, которая называется Михайлов День, на орбите звезды AU Микроскопа. Мы зовем ее Михаил.

Женщина слегка приоткрыла глаза.

– Помню красный свет. Облако пыли. Мне было… холодно. И ты меня нашел.

– Рад, что ты помнишь. Хороший знак. Позволяет надеяться, что твоя память сохранила и все остальное.

Она чуть наклонила голову и взглянула на меня. Очерченные темными кругами глаза были цвета стали. Чем-то она походила на старую черно-белую фотографию.

– Остальное?

– О том, что случилось с твоим кораблем, прежде чем он добрался до нас. Мы полагаем, что ты родилась на Приюте и жила недалеко от места под названием Плато Завинула. Судя по данным, которые мы обнаружили, ты, вероятно, покинула Приют около ста восьмидесяти лет назад. Мы также полагаем, что тебя зовут Брианна Бетанкур. Тебе знакомо это имя?

– Повтори.

– Брианна Бетанкур, – сказал я.

Подняв руку с воткнутой в нее иглой, женщина бесстрастно взглянула на прибинтованный к запястью катетер. Мне стало интересно, что она думает о нашей медицине и что та внушает ей – страх или надежду.

– Я здорова?

– Да, – осторожно проговорил я, не желая опережать врачей, а затем уже увереннее продолжил: – Да, ты выздоравливаешь. Можешь самостоятельно дышать, двигать конечностями, говорить и понимать нас, и начинаешь вспоминать фрагменты прошлого. Я многим помогал выходить из анабиоза и знаю, что такое добрые предзнаменования.

– Предзнаменования… – На бледных губах возникла едва заметная улыбка, их оттенок изменился – сделался, как у грозовых туч. – Я доброе предзнаменование?

– Ты наша гостья, – кивнул я. – В данный момент пациентка, пока не выздоровеешь настолько, чтобы покинуть лазарет, а потом – новый член нашего общества, которому все будут рады. – Я слегка наклонился к ней. – Брианна… если тебя в самом деле так зовут. Я должен задать пару непростых вопросов. Предпочел бы подождать, но, боюсь, подобной роскоши мы позволить себе не

можем.

Ее губы слегка изогнулись в улыбке. Казалось, она пробует на вкус приятные воспоминания или предвкушает удовольствие.

– Что за вопросы?

– Помнишь, как ты оказалась вне корабля? Был взрыв, а потом я поймал твой сигнал. Я предположил, что тебя выбросило наружу, но нам трудно понять, как такое могло произойти. Возможно ли, что ты еще до этого покинула «Тишину в раю»?

Она нахмурилась, но вместо морщин на лбу появились две идеальной формы ямочки, будто кто-то надавил невидимыми пальцами на податливую кожу.

– Зачем мне покидать корабль?

– Не знаю. Но может быть, ваш корабль послал разведывательную группу задолго за того, как достиг границ нашей планетной системы? А может, и не одну?

Ямочки на лбу исчезли, кожа вновь стала гладкой, как девственный лед.

– Вы нашли кого-то еще?

– Еще? Не знаю. – Я улыбнулся, а точнее, поморщился под маской, чувствуя себя так, будто участвую в игре, правил которой не знаю. – Есть признаки того, что на нашу планету мог сесть другой корабль. Или он опустился достаточно близко, чтобы высадить исследовательскую команду. Двух человек.

– Они здесь?

– Пока нет. Нам бы очень помогло, если бы ты подсказала, кто бы это мог быть. Чего хотят, на что рассчитывают… что они могут о нас знать. Тогда мы будем уверены, что они друзья, и окажем им соответствующий прием.

– Почему бы им не быть друзьями?

– Надеюсь, что так и есть.

Внезапно она заговорила быстрее:

– Была вспышка, очень яркая вспышка. А все, что до этого… размыто, тускло. – Ее глаза расширились, взгляд стал умоляющим. – Ты видел вспышку, Мигель?

– Видел. – Я поднялся со стула, чувствуя себя невероятно уставшим после нашего короткого разговора. – Это было ужасно.

– Там, в этой вспышке, были люди, кроме тех двоих, о которых ты говорил?

– Во вспышке?

– В смысле, люди, которые из-за нее погибли?

Я медленно кивнул:

– Весьма вероятно. Но так или иначе, ты теперь с нами.

– Надеюсь вас не разочаровать, – сказала она.

– Улучши картинку, – скрестив руки на груди, потребовала Альма Чунг, когда Кантор показал очередной видеофрагмент с двумя приближающимися фигурами.

Аналитики уже прозвали их Белыми Ходоками, позаимствовав словосочетание из полузабытого мифа, каким-то образом добравшегося до Солнечного Дола.

– Пока они не дошли до следующей пары глаз, это лучшее, чем мы располагаем, – ответил Кантор. – Я применил все фильтры, которые у нас есть, а потом еще несколько из тех, которых нам иметь не положено.

– Хватит, – одними губами прошептал я.

Гости – как продолжали называть их Чунг, Кантор, Валуа и я – спустились с гряды и двинулись южнее глаз, пройдя мимо ближайшего в двух с половиной километрах. К сожалению, глаза были рассчитаны на обзор больших участков неба и местности, а не на увеличение маленьких фрагментов того и другого.

Но, по крайней мере, теперь мы могли видеть сбоку огибавшие южный глаз скафандры. Выделив около пятнадцати секунд видео, Кантор зациклил его, так что гости снова и снова проходили один и тот же участок местности. С тех пор как скафандры впервые появились над грядой, Михаил опустился ниже и тени на земле удлинились, давая чуть больше контраста и возможность различить детали скафандров – знаки и снаряжение, которые могли бы намекать на намерения незнакомцев.

Однако даже на отфильтрованной и увеличенной картинке скафандры выглядели гладкими, практически лишенными каких-либо черт. Между частями тела не было никаких сочленений – сплошь белая гибкая оболочка. Ботинки и перчатки являлись бесшовными продолжениями ног и рук. Шлемы выступали прямо из туловищ, я не заметил герметичного воротника. Единственными деталями, видимыми, когда гости поворачивались лицом, были узкие, похожие на прорези визоры, огибавшие шлемы от уха до уха. При взгляде сбоку был виден похожий на горб ранец, но он опять-таки являлся неотъемлемой частью скафандра и не позволял нам судить, что в нем находится, кроме системы жизнеобеспечения.

Видео продолжало воспроизводиться по кругу. Я не сводил с экрана глаз, надеясь разглядеть подробности, которые, возможно, упустил раньше.

– Такие скафандры нам бы очень пригодились, – задумчиво проговорил Валуа. – Когда в следующий раз придется просить какого-нибудь беднягу выйти наверх во время вспышки, было бы неплохо, чтобы по возвращении он мог прожить дольше нескольких часов. Как считаете, дадут они нам скафандры, если

их хорошенько попросим?

– Если они дружественно настроены и готовы принять правила нашей общины, почему бы им не поделиться технологиями?

– В обмен на что? – спросила Чунг. – Овчину и шпинат?

– Останови, – вдруг сказал я.

Кантор послушался. Я попросил отмотать видео на несколько секунд и снова остановить.

– Киргиу говорила, тебе порой мерещатся призраки, – вспомнил Валуа.

– Не в этот раз. Взгляните внимательнее на линию горизонта позади передней фигуры.

Скафандры двигались бок о бок, но из-за угла обзора глаза тот, что справа, казался впереди того, что слева.

– Она проходит за визором, всего на секунду. Кантор, запусти видео, но со скоростью намного ниже нормальной.

Кантор дал одну двадцатую скорости от обычной. Скафандры поползли вправо, их походка стала почти неощутимой – в ней не было ничего человеческого, как в движении облаков.

– Остается лишь поверить Мигелю, будто он и впрямь увидел что-то на горизонте, кроме этих двоих, которых видим мы все, – сказал Валуа.

– Дело не в линии горизонта, а в том, что с ней происходит. Смотрите внимательно, когда она окажется позади визора. Она все равно видна.

– И что? – спросила Чунг.

– Разве ее не должна загораживать голова?

Глава 4

Два рельсотрона на двадцатикилометровой отметке были заряжены девятью кинетическими снарядами каждый – их обычная рабочая загрузка. В магазине содержалось десять зарядов, но, поскольку они изготавливались партиями, а процесс заряжания требовал частичной разборки и повторной сборки пушки, считалось необходимым произвести один проверочный выстрел, чтобы убедиться, что снаряды сделаны в пределах допуска и что пушка собрана правильно.

К счастью, с тех пор как эти пушки перезарядили, что само по себе было опасной и хлопотной задачей, ложных тревог не случалось, так что в каждом магазине оставалось лишь одно пустое место.

Обычная начальная скорость снаряда составляла сто километров в секунду, что намного превосходило вторую

космическую скорость Михайлова Дня. Изначально пушки применялись для защиты кораблей от столкновений на большой скорости: чтобы разнести микрометеорит на безвредные ионы, требовалась быстрая реакция и крайне высокая ударная сила. Они были хороши и для противокорабельной обороны (что вовсе не значит, будто их когда-либо испытывали в этом качестве), но не столь эффективны против находящихся над горизонтом целей вроде этих двух скафандров. Чтобы пушки могли функционировать в таком режиме, начальную скорость приходилось уменьшать вдесятеро, не давая снаряду улететь в межпланетное пространство, выйти на орбиту Михаила или обогнуть полпланеты, прежде чем рухнуть на землю.

С уменьшенной начальной скоростью снаряд можно было нацелить в точку, находившуюся в пределах десятков километров, – вне прямой видимости, но недалеко за линией горизонта. Проблема заключалась в том, что при этом уменьшалась и ударная сила – кинетическая энергия падала пропорционально квадрату скорости, так что десятикратное сокращение последней означало стократное уменьшение останавливающего воздействия.

И все же то, что способно остановить корабль, остановит и скафандр, пусть даже ударит в сто раз слабее. Но мы, располагая всего лишь восемнадцатью снарядами и не имея возможности перезарядить орудия меньше чем за день, были вынуждены тщательно готовить каждый выстрел.

Мне все же хотелось найти некое объяснение, которое позволило бы нам избежать уничтожения скафандров. Я даже надеялся, что Брианна Бетанкур что-то вспомнит к нашей следующей встрече. Но до тех пор, пока она не даст объяснение, либо его не дадут сами скафандры или те, кто их послал, ничего другого не оставалось, как по-прежнему допускать, что намерения гостей враждебны. Мы договорились, что первые два выстрела (сделанных не одновременно, но с минимальным интервалом) пройдут поверху, так, чтобы снаряды упали примерно в километре от скафандров, не причинив вреда, но четко продемонстрировав наши возможности. Два попадания в одну точку покажут, что мы можем стрелять прицельно. Если это средство устрашения не сработает, два следующих снаряда упадут ближе. Если и это не подействует, следующие два снаряда будут посланы в скафандры.

Те уже вышли из поля зрения первой пары глаз, но Кантор и другие аналитики продолжали получать показания сейсмофонов. Сигналы были слабые, и все же их хватало, чтобы запеленговать цель с погрешностью примерно в двадцать метров – слишком

неточно, чтобы гарантировать смертельное попадание, но вполне достаточно для предупредительных выстрелов. Наделив Чунг всеми необходимыми полномочиями, я направился в лазарет, но не успел до него дойти, как замигали лампы: рельсотроны забирали энергию из наших и без того работавших на пределе генераторов.

Пассажирка тоже что-то почувствовала – в ее взгляде появилась настороженность.

– Не думала, что ты так быстро вернешься, Мигель. Все в порядке?

Я притворно улыбнулся под маской:

– А что может быть не в порядке?

– Только что мигнуло электричество. Я подумала, что у вашего поселения какая-то проблема.

Я опустился на стул рядом с ней.

– Тебе еще предстоит привыкнуть ко многому, кроме случайных миганий. Иногда мы вынуждены по нескольку дней обходиться аварийными источниками энергии. Глубоко под землей работают генераторы. Когда-то они были частью маневровой системы «Салмакиды», а теперь выручают нас при перебоях с электропитанием. Впрочем, бесконечно они работать не могут, так что иногда в этих пещерах становится темно и холодно.

– Может, мне лучше вернуться в капсулу?

– Ну, это уж точно ни к чему. Но жизнь тебе, вероятно, предстоит более тяжелая, чем та, которую ты знала на Приюте. У нас достаточно примитивная медицина, мы обходимся ограниченной диетой, хотя она вполне удовлетворяет наши потребности. В не самые лучшие годы мы вынуждены вдвое сокращать норму, будто у нас и без того мало проблем. В Солнечном Доле уже двенадцать лет не рождаются дети.

– Если так, вы долго не продержитесь.

– Да, нам не так уж много лет осталось.

– У тебя есть дети, Мигель? Не помню, спрашивала ли я раньше.

– Своих нет. Но у моей жены есть дочь от прошлого брака. Ее зовут Викторина. Она дорога мне так же, как если бы была родной.

– А жену как звать?

– Николя. – Я слегка напрягся, поскольку рассчитывал на разговор о нашей гостье, а не о моей биографии. – Брианна, помнишь, о чем я тебя спрашивал в прошлый раз? О двух людях – возможно, участниках вашей экспедиции.

Она снова нахмурилась, отчего на лбу образовались

симметричные ямочки.

– Я пыталась вспомнить, но мне все еще трудно сосредоточиться. Может, расскажешь чуть больше о том, что знаешь?

Я положил на койку принесенную плоскую, размером с книгу коробочку с потрепанными краями. Достал из нее складную доску с отверстиями и мешочек с разноцветными фишками.

Брианна взглянула на меня с таким восхищением, будто я высыпал на простыню перед ней настоящее сокровище.

– Ты принес игру! Любишь играть? Я люблю.

– Пришлось послать человека за ней ко мне домой. Я предположил, что если ты сосредоточишься на чем-то, легче будет вспомнить.

Я расставил два комплекта цветных фишек на начальные позиции, а затем объяснил крайне элементарные правила.

– Я поняла, Мигель. Не так уж сложно. Думаю, можно сыграть прямо сейчас.

– Партию для разминки?

– Как скажешь.

Я позволил ей сделать первый ход и с легкостью разыграл дебют. Игра была простая, но это вовсе не означало, что в ней нет никаких хитростей; всевозможные ловушки и тонкости подстерегали на каждом шагу. Пока мы по очереди делали ходы, я подводил разговор к тому, что беспокоило меня – собственно, всех нас – с момента спасения Брианны.

– Я спрашивал тебя, что произошло перед взрывом. Ты не вспомнила, но, возможно, тебе поможет, если я объясню, в чем проблема.

– Объясни.

– Наши корабли летели навстречу друг другу со скоростью несколько тысяч километров в секунду, два с лишним процента от скорости света.

– Не так уж и быстро.

– Для межзвездных кораблей вроде «Тишины в раю» – да. Но это очень быстро для любого, кто пролетает через звездную систему. После взрыва твоя капсула должна была продолжать движение примерно с той же относительной скоростью, что и корабль, плюс-минус погрешность. Но почему-то ее скорость оказалась намного ближе к скорости моего корабля. Да, мне потребовалось время, чтобы поравняться с тобой, но в этом не было ничего трудного.

– Значит, мне повезло.

– Воистину повезло.

Игра продолжалась. Моя противница сделала несколько

предсказуемо неудачных ходов в дебюте, но теперь наверстывала упущенное, начиная меня теснить. Быстро учится, подумал я. А может, ей просто не требовалось учиться этой игре.

– Есть еще одна странность, Брианна. Каким-то образом ты сумела послать моему кораблю сигнал бедствия. Но больше ни один из наших приемников его не получил.

– Возможно, они работают не столь хорошо, как вам бы хотелось.

– Или тебе удалось обнаружить мой корабль и нацелить на него очень узкий луч связи.

Она оторвалась от раздумий – должно быть, любой вариант очередного хода давал ей преимущество, – и на лице отразилось недоумение.

– Похоже, ты не вполне мне доверяешь.

– Я хочу тебе доверять, – сказал я. – Это нормально, когда рискуешь жизнью ради чьего-то спасения – а я рискнул жизнью всех нас, когда не расстрелял тебя на месте. Но с тобой все не так просто. – Я помедлил. – Говоришь, заметила, как мигнул свет? Это две наши пушки выстрелили за горизонт кинетическими снарядами.

– Зачем?

– Чтобы кое-что сообщить паре скафандров, которые шагают в нашу сторону по поверхности Михайлова Дня. – Я внимательно наблюдал за реакцией Брианны, надеясь, что в ее безупречной броне появится хоть малейшая трещина. – Насколько мы поняли, внутри этих скафандров пусто. Вряд ли может быть совпадением, что вы все одновременно прибыли на Михайлов День. Те скафандры наверняка с «Тишины в раю», как и ты, и они, как и ты, наверняка знают о нас больше, чем нам хотелось бы. Ты знала о моем корабле. А эти скафандры знают местоположение Солнечного Дола.

– И что вы собирались им сообщить?

– «Стоять. Не приближаться, пока не объявите о своих намерениях».

– Думаешь, это их убедит?

Я ответил не сразу:

– Меня больше беспокоит, что окажется внутри этих скафандров в будущем.

Мы сделали еще по несколько ходов. Мои шансы на ничью, не говоря уже о победе, уменьшились до чисто теоретических.

– Собственно, как ты себе это представляешь? Думаешь, кто-то залезет в эти скафандры и куда-то пойдет?

– Не знаю. Сейчас я изо всех сил стараюсь не исключать любой возможности.

– Ответ верен.

– То есть?

– То есть в данный момент тебя настолько занимают мысли о том, имею ли я какое-то отношение к этим скафандрам, что ты весьма разумно оставляешь вопрос открытым.

– Мне ничего не остается, как сделать определенный вывод, – сказал я, глядя на нее с легкой тревогой. – У тебя есть друзья, которые послали тебя к нам и которые должны забрать тебя обратно?

– Думаю, если бы у меня были друзья, я бы их помнила.

Игра подходила к концу. Хотя я мог потянуть еще несколько ходов, это лишь отсрочило бы неизбежное.

Я сделал последний ход.

– Ты дал мне выиграть, – возразила она.

– Нет, я лишь избавил нас обоих от мучений. Из той позиции, в которую ты меня загнала, мне бы ни за что не победить.

– Ты слишком легко сдаешься. Возможно, это всегда было твоей главной слабостью. – Она произнесла эти слова так, будто просто продолжала разговор, а не пыталась резко сменить тему. – У каждого из вас есть свои недостатки, но твой именно таков.

– У каждого из нас?

Она схватила меня за пальцы, прежде чем я успел убрать руку с доски. Хотя на мне были хирургические перчатки, ее ногти вонзились сквозь ткань мне в кожу. Я ощутил резкое давление, и хватка тут же ослабла.

Я отдернул руку, ошеломленный ее поступком не меньше, чем до этого – словами.

– Кто ты, черт побери?

– Мне было интересно, когда ты наконец это спросишь. – Она улыбнулась, глядя, как я потираю руку в том месте, где ее ногти проткнули кожу. – Тебе не о чем беспокоиться, это лишь формальность. Ничего с тобой не случится.

– Кто ты? – снова спросил я. – Кто тебя послал?

Она коротко рассмеялась:

– Я сама себя послала.

Я увидел, как на растопыренных пальцах ее руки, только что продырявивших мою перчатку, один за другим чернеют ногти – не постепенно, сверху вниз, но так, будто каждый из них был экраном, заполнившимся межзвездной тьмой.

Я вышел из палаты, все еще потирая руку. Киргиу стояла рядом с помощницей, листая какие-то заметки. Похоже, о том, что произошло с пассажиркой, она ничего не знала.

– Все в порядке, администратор?

Я запер за собой дверь:

– Вызови охрану и никого сюда не пускай. Если она попытается встать с койки и вообще хоть что-то сделать, пусть всадят ей в шею заряд из бозера.

– Что-то твой тон изменился, как я погляжу.

Сорвав перчатку, я показал Киргиу ладонь:

– Она только что проделала со мной нечто странное. Вонзила ногти мне в кожу, а потом ее ногти почернели. Вряд ли впрыснула мне яд. Разве что медленный, но я наверняка бы уже что-то почувствовал. Да и зачем ей применять медленный яд? – Мой голос дрожал, сердце отчаянно билось, но я списывал это скорее на нервное возбуждение, чем на некое вещество у меня в крови. – Мы что-то упустили. Ногти у нее наверняка искусственные.

– Что с тобой случилось?

– Не знаю. Возможно, меня следует отправить на карантин. Если она занесла в Солнечный Дол какую-то заразу…

– Мы ничего не упустили, администратор.

Киргиу, впрочем, уже нажала кнопку экстренного вызова. Первой явилась Альма Чунг с маленьким пистолетом-бозером, а за ней трое облаченных в броню охранников Святилища с эксимерными ружьями, дубинками-парализаторами и топорами. Следом, тяжело дыша, спешил побагровевший Морган Валуа.

– Что за чертовщина, старик?

Пассажирка продолжала лежать на койке, лениво передвигая фишки по доске и шепча что-то под нос.

– Доложи обстановку, – потребовала Альма Чунг.

– Нас… можно сказать, подставили, – сбивчиво начал я, все еще пытаясь собрать факты в нечто осмысленное. – Она не та, кем кажется. – Я показал ладонь. – Похоже, у меня взяли образец. Ее ногти – нечто вроде анализатора. Микролаборатория. Нанотехнология.

– Что за чертовщина? – будто зациклившись, повторил Валуа. – Мы же ее просканировали. Ведь так, доктор Киргиу?

– Ничего не обнаружилось. Никаких имплантатов, никаких протезов, ничего механического или биологического.

– Я что-то видел, – настойчиво заявил я. – Внутри ее.

– Опять тебе мерещится, – сказала Киргиу.

Я помахал ладонью:

– Если она способна на такое, то на что еще? Раз она скрыла одно, то могла скрыть и другое. Наверное, я просто успел что-то заметить, прежде чем она полностью пришла в себя.

– Мы заново воспроизводили запись, – напомнила Киргиу.

– Значит, она сумела внести изменения. – При этой мысли я

вздрогнул. – На мгновение потеряла бдительность, совершила ошибку и тут же ее исправила.

Охранники Чунг стояли вплотную к стеклу, проверяя готовность оружия.

– Каков будет приказ? – спросила Чунг.

– Войти внутрь. Окружить ее, но не прикасаться. Дать ей понять: одно неверное движение – и ее пристрелят. И осторожнее с ногтями.

Убедившись, что пассажирка находится под вооруженной охраной и вряд ли способна причинить еще какой-либо вред, Чунг пришла следом за мной и Валуа в Красный зал. Мы собрались вокруг светящейся карты с радиальной разметкой тоннелей, линиями рельефа и подсвеченными призмами. Кантор и другие аналитики упорно трудились над обновлением данных, негромко переговариваясь, как ассистенты хирурга в ходе сложной операции.

– Тебе стоило бы обратиться к врачу, – услышал я голос Валуа.

– Потом, – ответил я, разминая руку, на которой все еще ощущались ранки. – Что бы она со мной ни проделала, этого уже не изменишь. Выстрелы подействовали?

– Попали в цель, – осторожно ответил Валуа. – Два предупредительных, два поближе и два, которые должны были их прикончить. Сейсмометрам потребовалось время, чтобы восстановиться, но скафандры продолжают приближаться.

– Точно?

– Оба скафандра, той же походкой. Никаких видимых повреждений. Как будто снаряды прошли сквозь них, как сквозь воздух.

Кивнув, я попытался найти хоть какую-то зацепку:

– Значит, мы просто ошиблись в расчете их местоположения. У нас ведь еще осталось по шесть снарядов в каждой пушке? Как только скафандры появятся из-за горизонта, можно будет прицелиться точнее и выстрелить в полную силу.

– Надеюсь, – сказал Валуа.

– Только надеешься? – прищурилась Чунг.

– У меня такое чувство, что наша пассажирка знает о наших возможностях не хуже нас. – Валуа бросил на меня усталый взгляд. – В следующий раз, старик, когда найдешь болтающуюся среди звезд бабу, может, там ее и оставишь? Не знаю, кого или что ты приволок в наше гнездо, но ей тут точно не рады.

– Если бы я знал…

– Старая песня. – В его голосе, однако, послышалось

сочувствие. – Я бы на твоем месте поступил так же, чего бы это ни стоило. Мы прячемся от чудовищ, а не пытаемся ими стать.

– Но она вполне может оказаться чудовищем, – сказала Чунг и, мгновение помедлив, продолжила: – Как по-вашему? Может она быть тем, чего мы всегда боялись: неким волчьим конструктом, биологическим инфильтратом?

– Нет, она нечто иное, – уверенно заявил я.

– Ты это точно знаешь, администратор? Или просто чувствуешь?

– Перед тем как схватить меня за руку, она говорила со мной так, словно речь шла о чем-то личном. Как будто ее больше интересовал я, а не Солнечный Дол. Вряд ли волчий конструкт стал бы так себя вести. Для волков мы вредители, а не индивидуумы.

– Может, они разрабатывают новую стратегию? – предположил Валуа.

– Внутри ее биологического тела что-то есть, некий объект, который я видел в ее грудной клетке. В нем вполне хватило бы места для магнитного резервуара и нескольких зернышек антиматерии. Чтобы уничтожить целиком Солнечный Дол, не нужна мощная бомба – миниатюрного ядерного заряда более чем достаточно. Так почему же она не устроила взрыв, как только тут появилась?

Валуа почесал под носом:

– Собирает разведданные?

– Если только она не использует волчий канал связи, о котором мы ничего не знаем, никакие сигналы не могут покинуть Михайлов День, – ответила Чунг. – Тебе это прекрасно известно, Морган.

Она явно подразумевала: «Не трать впустую мое время на непроверяемые гипотезы».

Я бросил взгляд на Кантора:

– Как скоро скафандры окажутся в пределах прямой видимости?

– Примерно через полчаса, администратор, – в зависимости от их точной траектории. Хочешь послать еще одно предупреждение или открыть огонь, как только их станет видно?

– У нас осталось по шесть снарядов на пушку, всего двенадцать. Этого вполне хватит, но я не хочу ни одного израсходовать зря. Возможно, чтобы остановить эти скафандры, мало снести им головы, так что повремените со стрельбой, пока они по крайней мере наполовину не покажутся над горизонтом. Ясно?

– Ясно, администратор.

– Считаю, пора отправить отряд охраны в дальний конец двадцатикилометрового тоннеля, – сказала Чунг. – На случай, если эти скафандры попытаются силой проникнуть внутрь. Пошлем охранников прямо сейчас – у них будет время занять оборонительную позицию с тяжелыми «брейтенбахами», и они успеют заложить взрывчатку, чтобы обрушить тоннель, если скафандры пройдут через шлюз.

Я отверг предложение Кантора встретить скафандры на полпути, но теперь у меня не оставалось сомнений в их враждебных намерениях. Не считая рельсотронов, самым мощным нашим оружием для поражения живой силы были переносные пушки «брейтенбах», которые не применялись ни разу.

Мне всегда думалось: если возникнет повод их применить, это будет означать, что сражение уже проиграно.

– С условием, что они успеют отойти в безопасное место, – сказал я.

Чунг заранее взяла на себя инициативу по отбору и подготовке отряда, ожидая лишь приказа отправиться в тоннель. Пара электрокаров доставит их к шлюзу всего за двадцать минут, так что они окажутся там незадолго до того момента, когда мы увидим скафандры.

Доверив Чунг координацию дальнейших действий Чунг, мы с Валуа вернулись в лазарет. За это время мало что изменилось. Охранники образовали кордон вокруг койки, нацелив пистолеты и ружья на пассажирку, которая сидела, задумчиво разглядывая игровую доску и словно не замечая вооруженных людей.

– Она что-нибудь делала или говорила? – спросил я у Киргиу.

– Нет – такое впечатление, будто ее окружает некий пузырь. – Доктор потянулась к сумке с медикаментами, которую держала открытой в ожидании моего прихода. – Я осмотрю твою руку, хочется тебе этого или нет.

– Потом.

– Администратор! Тебе не кажется чрезмерной твоя реакция?

– С чего бы? Ты же видела, что произошло с ее ногтями.

Не обращая внимания на протесты, она осмотрела мою ладонь и смазала раны сильно пахнущей мазью.

– Мы просмотрели записи, сделанные в процессе извлечения женщины из капсулы. Ногти были черными.

– Как насчет того, чтобы освежить память? – Я отдернул руку. – Она может вмешиваться в работу наших записывающих устройств. Это указывает на некие кибернетические способности, как у сочленителей. Сейчас ты скажешь, что мы не видели никаких имплантатов у нее в черепе. Думаю, все это означает крайне развитое умение манипулировать нашими сканерами,

чтобы показать нам то, что, по ее мнению, мы должны увидеть. Похоже, она способна проделывать все это в реальном времени и почти столь же быстро менять уже существующие записи.

– Не думала, что мы воюем с сочленителями, – сказала Киргиу, снова хватая мою руку и возобновляя осмотр.

– Как-то трудновато воевать с теми, кого тут больше нет, – заметил Валуа, но спорить с доктором не стал. – Собственно, даже если бы они вновь вернулись, для конфликта не было бы причин. Да, у нас бывали столкновения, даже войны, но теперь мы на одной стороне – против волков. Все остальное – лишь идеологические придирки.

– Я и не говорю, что она из них, – раздраженно бросил я. – Всего лишь имею в виду, что у нее похожие способности и мы должны быть начеку. Черт побери, Киргиу! Жжет!

– Оставим пока способности. Чего она, собственно, хочет? – спокойно продолжал Валуа, безразличный к моим страданиям.

– Думаю, нужно это выяснить, – вздохнул я, позволяя Киргиу обрабатывать мою руку. – Пойду туда снова. Дай мне шприц с чем-нибудь быстродействующим.

– Чтобы ее убить?

– Нет, чтобы быстро вырубить. И какова бы ни была расчетная доза, удвой ее.

Я вошел, держа в руке шприц с водянистым голубым препаратом, составом и мощью которого предпочел не интересоваться. Жестом велев охранникам отойти от койки, приблизился к Брианне. Та отложила доску с таким видом, будто после нашего разговора прошло много часов и она крайне рада моему возвращению.

– Сколько еще ждать? – живо спросила она.

– Чего ждать?

– Когда ваши рельсотроны увидят цель. Думаю, еще минут двенадцать-тринадцать. – Брианна покачала головой. – По-моему, напрасные хлопоты. Лучше приберегите снаряды на потом, когда появится противник, которого и впрямь вы смогли бы замедлить. Обрати внимание, я сказала замедлить, не остановить. Нужно мыслить реалистично.

Я быстро наклонился к ней. Не знаю, видела ли Брианна шприц, – скорее всего, нет. Но я приставил его к шее женщины, прежде чем та успела дернуться. Киргиу дала мне шприц с толстой иглой, так что я мог просто надавить, не проткнув сразу кожу.

– Больше никаких игр.

– Даже в фишки? Мне понравилась эта игра. Как и многие

другие.

Свободной рукой я сбросил доску на пол.

– Не испытывай мое терпение, Брианна. Мне называть тебя так, или это вовсе не твое имя, а чья-то чужая личность, которую ты украла, чтобы проникнуть к нам?

– Ох, перестань! – Она закатила темные глаза. – Хватит лить крокодиловы слезы, Мигель де Рюйтер. Ты был готов убить тысячи людей, всех спящих на том корабле. Так что я просто взяла имя одной из пассажирок, чтобы втереться в доверие. Это даже не преступление – ее все равно уже не было в живых.

– Не моя ракета уничтожила корабль. Я не успел этого сделать. И все больше сомневаюсь, что причина во внезапном отказе двигателя.

– Гм… – Она нахмурилась, преувеличенно изображая непонимание. – Но тогда… что его уничтожило?

– В этой системе есть другой корабль. Которого мы не видели.

– Ответ верен! – восторженно объявила она.

– Вероятно, это корабль, который высадил на Михайлов День скафандры. И вероятно, он же доставил тебя в окрестности моего шаттла. – На случай, если она забыла о шприце, я надавил сильнее. – Ты ведь прибыла независимо от «Тишины в раю»? Твой корабль воспользовался для прикрытия шумом, который она создавала. Если вообще «Тишина в раю» – его настоящее название.

– Я бы в любом случае тут появилась, – сказала Брианна. – Другой корабль случайно оказался в системе в то же самое время. Крайне неудачно. Не стану отрицать, что он послужил отвлекающим объектом. Но угроза, которую он нес вам – Солнечному Долу, – была намного выше, чем я могла позволить.

– Значит, ты признаешь, что убила тех людей?

– Между нами нет никаких моральных различий, Мигель. Ты был готов убить тех людей. Просто так уж вышло, что это сделала я. Для истории не важны неисполненные намерения, важно лишь то, что мы сделали. Могли бы мы сказать, что Фарсидский Мясник был хорошим человеком, если бы он не совершил военные преступления?

Я пропустил этот вопрос мимо ушей.

– Когда мы с тобой беседовали, мне казалось, будто ты проявляешь к моей персоне некоторый интерес.

– Да неужели?

– Вызваться добровольцем для той операции мог любой из нас. Даже если я тебе небезразличен, ты не могла знать, кто окажется в шаттле.

– Не могла, но и не собиралась рисковать жизнью любого из вас, – сказала она. – Тем более что знала: вряд ли в этих пещерах вас больше нескольких тысяч. К тому же ты сам заранее решил вопрос за меня: Кидония.

На этот раз уже я нахмурился, причем совершенно искренне недоумевая.

– Что?

– Пароль для твоего самоубийственного протокола. Я считала бортовую телеметрию. Ваши защитные меры вовсе не столь надежны, как тебе кажется.

– Кидония – случайное кодовое слово. Оно ничего не значит.

– Оно значит намного больше, чем ты способен понять, дорогой Мигель де Рюйтер.

– Кто ты и что тебе нужно?

– Я… – Имя будто застыло на ее губах. Не обращая внимания на приставленный к шее шприц, она обвела палату взглядом, поворачивая голову из стороны в сторону. – Так… посмотрим. Оно вертится у меня на языке. Потолок? Нет, не то. Пол? Стена? Не совсем. Стекло? – Ее внимание вдруг привлек стоявший на столе возле прозрачной перегородки, из-за которой за нами наблюдали Киргиу и Валуа, стакан с напитком. – Ну да, конечно. Как я могла забыть? – Губы растянулись в лукавой улыбке. – Напиток. Сидр. Меня зовут Сидра. И я прилетела сюда ради тебя, Мигель. Ты – единственное, что нужно мне от Солнечного Дола.

– В таком случае ты облажалась.

– То есть?

– Ты одна и без оружия. Может, внутри тебя есть нечто такое, что могло бы нам повредить, но если это бомба, ты погибнешь вместе с нами. А твои скафандры скоро будут уничтожены.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Я не погибну. Дай помогу тебе со шприцем.

Ее рука легла на мою, прежде чем я успел среагировать. Движение было столь быстрым, что походило на мгновенную смену кадра. Я продолжал давить на ее шею, ожидая, что она попытается сбросить мою руку, но ее намерение было другим. Нажав на поршень, она сделала себе инъекцию.

– Что ж, хорошо. Избавила меня от лишних проблем.

– Ты собирался меня убить?

– Через несколько секунд узнаешь.

Я отошел от койки, ожидая, когда подействует препарат. Не важно, вырубит ее доза мгновенно или через несколько секунд, но я не сомневался в результате. Однако ее лицо оставалось невозмутимым, и от этого зрелища у меня по спине пробежал

холодок.

– Я анализирую. Интересная смесь химических веществ. Они легко разлагаются на безвредные продукты метаболизма.

Приняв решение и взяв всю ответственность на себя, я выхватил пистолет-бозер из руки ближайшего охранника, убедился, что он поставлен на максимальную мощность, и нацелил толстый ствол женщине в голову. Моя рука слегка дрожала – это происходило со мной постоянно, – но на столь малом расстоянии я вряд ли рисковал промахнуться.

– Я это сделаю, Сидра. Разнесу тебе башку.

– Справишься? Или будет как в тот раз, когда казнили Рюрика Тэйна? – Она с серьезным видом кивнула. – Да, я с легкостью проникла в ваши секретные архивы. Узнала, что на самом деле твоей вины нет. Когда дошло до приговора, у тебя были связаны руки – как-никак совершено особо тяжкое преступление, попытка организации переворота в Солнечном Доле. Лучшее, что ты мог сделать, – это проявить некоторое милосердие к его сообщникам, вроде политической амнистии для его семьи. Как всегда, ты пытался быть хорошим человеком на трудной должности. Но Рюрик Тэйн настоял, чтобы его казнь стала достоянием общественности, и именно он потребовал, чтобы приговор исполнил ты.

– Замолчи!

– Конечно, ты мог отказаться, – продолжала она, – поручив это кому-нибудь другому. В вашем законодательстве ничего не говорится о том, что ты должен был подчиниться малодушному решению Тэйна, с помощью которого он хотел привлечь к себе внимание. Но ты счел нужным проявить смелость. Когда-то он был твоим другом, ценным союзником в тяжелые первые годы. И ты согласился всадить ему в череп заряд из бозера. Все могло бы получиться как надо, если бы он не отказался надеть капюшон, и у тебя не осталось выбора, кроме как смотреть ему в лицо. – Ее губы изогнулись в фальшивой сочувственной усмешке. – Увы, от этого стало только хуже, не так ли?

Мой палец напрягся на спусковом крючке.

– Заткнись!

– У тебя дрожат руки. Повреждение периферийной нервной системы, память о тех временах, когда ты работал с пневматическим буром в бригаде шахтеров, выдалбливая жилое пространство. Даже возглавляя этих людей, ты оставался одним из них, не стыдился грязи под ногтями. Но верность общине подвела тебя, когда ты больше всего в ней нуждался. Лицо Рюрика, сильнейшее волнение, устремленные на тебя взгляды… Твоя рука дрогнула, и заряд снес половину его лица, но не убил.

Завершать расправу был вынужден Валуа, поскольку ты был слишком занят – корчился на полу, не в силах осознать случившееся. В это мгновение для тебя все рухнуло, и потом ты так и не смог прийти в себя. Ты должен был искупить вину, пожертвовав жизнью ради защиты своего народа.

Я нажал на спуск. Бозер щелкнул в моей руке, и на нем мигнул сигнал ошибки.

– Нет ничего такого, до чего я не могу дотянуться и что не могу контролировать, – сказала Сидра. – Я уже воздействую на все, что есть в Солнечном Доле. Знаешь, чем я больше всего разочарована? Тем, что задача оказалась слишком простой. Вся ваша защита похожа на бумажные стены.

Я опустил пистолет, уже не сомневаясь, что он бесполезен – как и любое другое энергетическое оружие.

– Что ж, прекрасно, Сидра, – проговорил я и, схватив топор, поднял его, чтобы нанести удар.

– Советую подумать, – спокойно сказала она. – Если хочешь, чтобы Николя и Викторина жили дальше. Как и все твои друзья.

Свет померк, оставив нас в куда более глубокой тьме, чем бывало при перепадах энергии, которыми сопровождалась активация рельсотронов. Вместе с темнотой наступила оглушительная тишина – внезапно исчез даже фоновый шум системы воздухоснабжения. По прошествии секунды свет и шум вернулись, но освещение казалось теперь нездоровым, а звуки – зловеще фальшивыми.

– Да, это сделала я, – кивнула Сидра. – И могу точно так же поступить со всем Солнечным Долом. Стоит меня убить, и вам никогда не удастся снова запустить ваши системы. Вы замерзнете и задохнетесь. Положи топор, пока я не совершила какую-нибудь глупость.

– Глупостью было тебя спасать.

– Возможно, – согласилась она. – Но возможно и то, что какая-то польза от этого все же будет. – Она вздохнула, и в ее голосе появилась ободряющая нотка. – Мне нужен только ты, Мигель. У меня нет никакого интереса вредить Солнечному Долу. Даже напротив: я очень надеюсь, что этот маленький осколок человечества сумеет выжить. Других таких не так уж много.

– Ты точно это знаешь?

– Да, знаю. Я много где побывала и многое повидала. И тебе тоже это предстоит. Мы с тобой отправимся в путешествие. Но только мы вдвоем, и никто больше. Только ты и я. Нас ждет Харибда.

– Зачем?

– Затем, что есть волки и их нужно истреблять. – Она

улыбнулась, глядя в мое изумленное лицо. – Сказать тебе, что будет дальше? Что бы вы ни делали, вам не остановить скафандры. Они придут сюда, и в них мы с тобой улетим. Но у тебя еще есть немного времени, воспользуйся им разумно. Попрощайся с любимыми.

– Что случится, если я откажусь?

– Чем больше ты создашь мне проблем, тем вероятнее, что будут жертвы. А я этого вовсе не хочу. Но ты мне нужен, и если за это придется заплатить цену… – Она резко сменила тон: – Чего ты ждешь? У тебя мало времени. И больше его не станет.

Глава 5

Пока мы с Чунг ждали в Красном зале, когда начнут стрелять рельсотроны, Валуа пошел ко мне домой, чтобы привести в Святилище Николя и Викторину.

– Головы появились над горизонтом, – доложил Кантор. – Примерно через полминуты мы отчетливо увидим верхние половины скафандров.

– Стреляй, когда сочтешь нужным, – велела Чунг. – Но только одиночными, если я не скажу иначе. – Она повернулась ко мне. – Мои отряды уже на месте, «брейтенбахи» наготове, и на последних ста метрах тоннеля заложена взрывчатка. Будет досадно, если придется рыть его заново, но раз уж нельзя иначе… Мы точно знаем, что отказ электропитания устроила Сидра? Мне все-таки кажется, что стоило наброситься на нее с топорами, – заодно и узнали бы, насколько она блефует.

Я обреченно покачал головой:

– Это никакой не блеф. Она деактивировала мое оружие, вмешалась в подачу энергии и работу системы жизнеобеспечения целой секции Святилища и получила доступ к нашим данным – причем не слезая с койки. Думаю, если бы мы смогли увидеть то, что у нее в черепе на самом деле, а не то, что она нам показывает, мы бы оцепенели от ужаса. И я верю ее угрозам.

– Чего она хочет?

– Не знаю. Несла какую-то чушь насчет истребления волков. Послушай, Альма, я верю ее угрозам, но это вовсе не означает, что я не считаю ее сумасшедшей.

– Подано питание на оба рельсотрона, – сообщил Кантор.

Свет померк, как обычно бывало при возросшем потреблении ресурсов. Стрелки датчиков на стенах Красного зала покачнулись, затем вернулись в обычное положение.

– Пошли снаряды, – сказал Кантор.

При скорости сто километров в секунду удар последовал

почти мгновенно. Экраны, получавшие информацию от глаз, показали невероятно яркую вспышку над хребтом. Пламя быстро рассеялось в безвоздушной среде.

– Подтвердите поражение цели, – потребовал я, будто на этом еще не сосредоточился каждый из собравшихся в Красном зале аналитиков.

– Цель не поражена, – ответил Кантор. – Оба скафандра… – Он запнулся, словно не веря собственным словам. – Оба скафандра продолжают идти, целые и невредимые.

– Не может быть, – проговорила Чунг, будто ее упрямая уверенность в обратном могла что-то изменить.

– Пушки промахнулись или что-то нейтрализовало снаряды? – спросил я.

– Промаха не было, траектория полета снарядов подтверждена, – ответил Кантор.

– Выпустить еще два снаряда, – приказала Чунг.

Снова мигнул свет, пушки выстрелили. Последовала еще одна белая вспышка.

Мы ждали.

– Цель не поражена. Скафандры не пострадали.

– Она может как-то… противодействовать, – в отчаянии проговорила Чунг.

– Или управлять пушками, – сказал я. – В это легко поверить после того, что я уже видел.

Чунг наклонилась над столом:

– Передовым отрядам перейти во внешний шлюз и доложить обстановку.

– Приказ отменяется, – выкрикнул я. – Вернуться к герметичному люку на отметке восемнадцать километров. И побыстрее!

– В рельсотронах осталось по четыре снаряда, – сказал Кантор. – Выпустить еще два?

– Попробуй, – кивнул я.

Мы снова подождали. Чунг подтвердила, что ее отряды отходят на два километра назад по тоннелю, туда, где они будут защищены в случае внезапной разгерметизации.

– Цель не поражена. И… – Кантор уставился на бегущие по краю стола цифры, – пушки поворачиваются. Обе…

– Отключить их, – бросил я.

– Дистанционно не получится. Пушки работают автономно.

– Если бы! – Я покачал головой.

– Продолжают поворачиваться, – сказал Кантор. – Миновали отметку сто восемьдесят градусов.

– Защита не позволит им нацелиться на Солнечный Дол, – не

слишком уверенно пообещала Чунг.

– Двести семьдесят градусов, – проговорил Кантор. – Похоже, их цель – внешний шлюз.

В зале становилось все темнее.

– Где твои отряды, Альма?

– Не знаю. Где-то в пути.

Зал содрогнулся, с потолка посыпалась пыль, призмы на столе опрокинулись. В двадцати километрах от нас пара могучих кулаков только что обрушилась на поверхность Михайлова Дня. Мониторы, обозревавшие тот участок, сразу ослепли.

– Пушки готовятся сделать еще два выстрела, – сказал Кантор.

– Сидра! – заорал я. – Прекрати! Если ты хотела нам на что-то намекнуть, то тебе это удалось.

– Думаешь, отсюда до нее можно докричаться? – спросила Чунг.

– Думаю, она слышит меня откуда угодно. – Я понизил голос, сообразив, что вовсе не требовалось его повышать. – Сидра, ты меня убедила. Теперь я верю, что ты можешь нас взорвать. А если у тебя закончатся снаряды, ты отключишь все воздушные шлюзы в Солнечном Доле. Наша система безопасности тебя не остановит. Вероятно, при желании ты можешь попросту лишить нас воздуха. Но тебе незачем это делать. Все. – я обреченно поднял руки. – Все. Я в полной твоей власти. – Я повернулся к Чунг. – Что слышно от твоих отрядов?

– Пока ничего.

– Сидра! Не убивай их. Я иду к тебе. Делай со мной что хочешь.

– Мы лишились всей телеметрии с того конца тоннеля, – сказал Кантор. – Никакой информации о герметичности, состоянии шлюза… и о том, существует ли вообще тоннель.

– Закрыть все промежуточные шлюзы. Если воздух уходит в пустоту, мы не узнаем об этом еще с минуту.

– Мигель, – сказал Валуа, вернувшийся в Красный зал вместе с Николя и Викториной. (Все трое были так же ошеломлены и напуганы, как и остальные.) – Что она творит, черт побери?

Подойдя к ним, я положил руки на плечи Валуа:

– Мне нужно немного побыть наедине с женой и Викториной, если ты не против.

Николя оттащила меня от Валуа:

– Нет! Что бы ты ни собирался мне сказать – нет!

Похоже, по пути в Святилище она успела кое-что услышать о затруднительном положении, в котором мы оказались.

– У меня нет выбора. У нас у всех нет выбора. Я нужен

Сидре. – Я никогда еще не смотрел в чьи-либо глаза так же страстно, как сейчас в глаза Николя. – Я должен отправиться с ней. Если я этого не сделаю и мы не прекратим сопротивление, она будет разрушать Солнечный Дол, пока не получит то, чего хочет. И от этого вы пострадаете куда больше, чем если потеряете меня.

– Мы можем ее убить, – бесстрастно проговорила Николя, на которую мои слова обрушились, как весть о тяжелой утрате. – Наверняка ее как-то можно убить.

– Не исключено, – кивнул я. – Но для нас это связано со страшным риском, и нам все равно не избавиться от той части Сидры, которая уже внедрилась в наши системы. Можно убить ее тело, но душа никуда не денется.

Викторине вполне хватило услышанного, чтобы спросить:

– Она хочет, чтобы ты с ней полетел? Надолго?

У меня имелось только два варианта: утешительная ложь и откровенная правда. Пусть это и казалось мне жестоким, но я считал, что ради блага Викторины следовало ответить честно.

– Навсегда.

– Ты этого не знаешь! – вмешалась Николя.

– У Сидры есть корабль, – ответил я. – Межзвездный, он сейчас где-то в космосе. Она упоминала место под названием Харибда – вероятно, планету. Но о такой планете никто из нас не слышал, а это значит, что она где-то далеко от заселенных систем, а значит, отсутствовать мне предстоит очень и очень долго. Как долго – не имею ни малейшего понятия. Но жизнь наша теперь коротка. – Я привлек Викторину к груди, чувствуя, как к глазам подступают слезы. – Прости. Мне очень-очень жаль. Я хотел увидеть тебя взрослой. Я хотел увидеть, как ты станешь великой личностью – а ты ею обязательно станешь. Николя… – Я повернулся к ее матери. – Ты разделила со мной многие годы; ты позволила мне узнать, что такое дочерняя любовь. Где бы я ни был, всегда буду тебе за это благодарен. Вы обе значите для меня намного больше, чем я того заслуживаю.

Николя уже не пыталась возражать – поняла, что я принял окончательное решение. В ее голосе звучала лишь нескрываемая тоска.

– Ей не следовало так с нами поступать.

– Да, – согласился я, криво улыбаясь сквозь слезы. – Не следовало. И мне совершенно не нравится происходящее. Но здесь и сейчас я значу намного меньше, чем Солнечный Дол. – Я опустился на корточки, так что мое лицо оказалось на уровне лица Викторины, и взял ее за подбородок, и заглянул в полные слез глаза. – Это самое худшее, что могло со мной случиться. Но

прошу тебя, оставайся сильной и будь хорошей девочкой. Я сохраню твою любовь, где бы ни оказался, а ты сохранишь мою любовь здесь, в Солнечном Доле. Живи, расти и люби. И пусть мама гордится тобой, а я всегда буду гордиться вами обеими.

– Убей ее ради меня, – сказала Николя.

– И ради меня, – добавила Викторина.

– Когда представится шанс. А он наверняка представится.

Тяжело вздохнув, Николя поцеловала меня и отошла.

– Ты хороший человек, Мигель. Мы будем тебя помнить. Но и ты должен помнить нас. Где бы ты ни был, что бы ни случилось, храни в своей душе мои слова: ты хороший человек, и тебя любят.

Был отдано распоряжение не чинить нам помех. Мы беспрепятственно покинули лазарет, а затем пределы Святилища. Прошли мимо моего дома к электрокару, который должен был доставить нас в конец длинного тоннеля. К тому времени мы уже знали, что отряд Чунг добрался до относительно надежного укрытия за герметичным люком на восемнадцатом километре, а поскольку этим людям было приказано не оборонять тоннель и не задерживать скафандры, мы разминулись с ними, когда они возвращались в Святилище, потрясенные тем, что едва остались живы, – они находились гораздо ближе к точке попадания снарядов, когда рельсотроны развернулись в нашу сторону.

Последние два километра тоннеля за шлюзом были полностью разрушены – отчасти снарядами, отчасти преждевременным срабатыванием заложенной взрывчатки. Скафандры, оставив в углубляющейся борозде отчетливый след, ждали по другую сторону шлюза.

По требованию Сидры я приказал Святилищу закрыть люк на шестнадцатом километре, заперев нас в двухкилометровой воздушной трубе. Сойдя с электрокара, мы подошли к люку. Сквозь его толстое стекло виднелись скафандры – будто бледные призраки.

Это был просто люк, не шлюз. По одну его сторону находился воздух, а по другую вакуум. Либо нам предстояло выйти, либо скафандры должны были войти к нам. И то и другое означало разгерметизацию – весь воздух, запертый в двухкилометровом отрезке тоннеля, вырвался бы наружу.

– Что будем делать? – спросил я. – Полагаю, у тебя есть план?

– Не пытайся задержать воздух в легких.

Я скептически посмотрел на Сидру:

– Потому что ты не хочешь моей смерти?

– Потому что мне не нужны проблемы с выращиванием новых легких для тебя. Хотя мне все равно придется над тобой

поработать, так что, возможно, я и впрямь порадую тебя кое-чем новеньким.

– Это, конечно, здорово, что ты не предложила прихватить снаряжение для пребывания в вакууме. Надо полагать, штуковина внутри тебя – система жизнеобеспечения?

Сидра наклонила голову, размышляя над ответом:

– Что-то вроде. Но для того, чтобы прожить несколько секунд в вакууме, она не потребуется. Скафандры сомкнутся вокруг нас сами; если хочешь, попробуй шагнуть в свой. Или просто подожди, когда он к тебе приблизится.

Пройдя достаточное число тренировок и зная, что делать при разгерметизации, я не пренебрег предупреждением Сидры насчет воздуха в легких. Она положила руку на рычаг открывания люка, и я глубоко вдохнул, чтобы насытить кровь кислородом. Потом выдохнул, и Сидра открыла люк.

Не помню, что было дальше. Кажется, нас вышвырнуло потоком воздуха. В какой-то момент я смутно осознал, что мне тепло, что я дышу и меня ведут – будто раненого солдата поддерживают его товарищи.

Мы двигались по поверхности планеты, изрытой снарядами рельсотронов, – я в одном скафандре, Сидра в другом, слева от меня. Шли в ногу. Я попытался слегка отстать, но скафандр был намного сильнее моих собственных мышц.

– Не сопротивляйся. Со временем я позволю тебе управлять почти всеми функциями скафандра. Но не сегодня, пока ты еще слегка на нервах.

– Ты слышала, что я пообещал Николя и Викторине?

– Что убьешь меня? Да.

– Думаешь, не смогу?

– Думаю, тебе стоит реалистично оценивать свои шансы.

– Я видел, на что ты способна, Сидра. Я видел, как легко ты нас переиграла, как запросто могла всех нас уничтожить. И еще видел, как быстро ты можешь двигаться. Возможно, умственно и физически ты самое опасное из всех существ, которых я когда-либо встречал. Но ты вовсе не неуязвима. Ты испугалась топора, пусть даже на секунду. И не смогла подавить страх. Ты совершаешь ошибки. Я видел ту штуку внутри тебя.

– С чего ты взял, что я сама не хотела, чтобы ты ее увидел?

– С того, что ты еще кое-чего не умеешь – лгать. Думаю, ты так стремишься быть идеальной, что тебе не хватает умения быть человеком.

– Да ты чуть ли не насквозь меня видишь. И как же собираешься меня убить?

Я пожал плечами внутри скафандра:

– Придется найти топор побольше.

Сидра остановилась, и я тоже. Подняв руку, она сделала жест, будто подзывая что-то с неба.

Над нами возник корабль – черная крестовина, затмевающая звезды. Конический корпус с небольшим утолщением сзади, острый нос и два лонжерона с двигателями.

– Это «Коса». Корабль типа «мурена», с некоторыми дополнениями. Быстрый, темный и невероятно резвый. На какое-то время он станет твоим домом, так что привыкай.

– Если за тобой сюда последовали волки, вряд ли это время будет долгим.

– Они меня даже не видели. «Коса» умеет держаться в тени и двигаться против ветра. Стаи ингибиторов безжалостны и сильны, но с трудом приспосабливаются к меняющейся обстановке. Это наша единственная надежда – быстро адаптироваться и искать способы сбить их со следа.

– На этой штуке есть оружие?

– Да, очень мощное. Но его хватит лишь для того, чтобы замедлить волков. Зато маскировка у меня отменная. Они не видят моих двигателей, не видят корабля. Темноприводы, криоарифметика, хамелеофляж, манипуляция световыми потоками, плюс еще шесть или семь принципов, для понимания которых тебе пришлось бы совершенствовать мозги.

Вытянув руку, Сидра сотворила во мгле над головой светящийся прямоугольник, из которого, будто язык, выдвинулся пандус, коснувшись нижним краем земли. Мы шагнули на пандус, и тот двинулся обратно, доставив нас в шлюз.

Я ощутил движение корабля; в животе возникла тяжесть. Мы улетали прочь от Михайлова Дня.

Как шлюзовая камера и скафандр заполнялись воздухом, я даже заметил, но вдруг мой шлем щелкнул и сполз назад. То же произошло и со шлемом Сидры. Затем скафандры раскрылись полностью и мы смогли из них выйти, оставшись в том, что было на нас в Святилище. Пустые скафандры переместились к стене шлюза и наполовину погрузились в нее.

– Сколько тут людей?

– Только я. А теперь еще ты.

Я попробовал прикинуть, как долго Сидра пробыла вне «Косы».

– И этот корабль летает сам? Он же длиной полкилометра.

– Около того. И да, в основном он летает сам. Мы можем с ним общаться по нейросвязи, но только на относительно небольшой дистанции. Во всем остальном… «Коса» достаточно умна для корабля.

– Надеюсь, тут хороший карцер.

– Я вовсе не собираюсь сажать тебя под замок. Что это были бы за манеры? Нет, корабль теперь твой. Можешь ходить по нему куда вздумается. Если я сочту нужным куда-то тебя не пустить, «Коса» тебе откажет, сперва вежливо, а потом категорично. И если потребуется, применит силу.

– Таковы правила?

– Таковы правила.

– Ладно. А вот мои. Несмотря на все твои предупреждения, я найду способ тебя прикончить.

– Что ж, хорошо. Мне нравятся люди, у которых есть цель.

– Буду искать варианты. И какой-нибудь наверняка подвернется, если проявить терпение.

– «Коса» тебя убьет.

– Но ты уже не увидишь этого и не сможешь порадоваться. А если я смогу тебя убить, остаться в живых и развернуть корабль – порадуюсь сам. И запомни: думать об этом я буду каждую минуту.

– Что ж… теперь я спокойна. Если бы тот, кого я выбрала, не дал мне такого обещания, я бы забеспокоилась: а будет ли от него какая-то польза? – Она взяла меня за подбородок и развернула к себе, чтобы наши взгляды встретились. Ее пальцы напоминали клещи, ногти с силой вонзились в кожу. – Ты ведь не врешь? Я вижу ненависть в твоих глазах. Столько ненависти…

– А чего ты ожидала?

– Ненависть помогает. Ненависть полезна. – Она щелкнула пальцами, будто отгоняя повисшую между нами тьму. – Впрочем… может, хотя бы сделаем вид, будто обсуждаем нечто более приземленное? Идем, покажу тебе рубку управления.

Мы прошли вперед – или вверх, в зависимости от меняющейся перспективы. Насколько я мог судить, «Коса» сперва висела над Михайловым Днем брюхом вниз, а затем начала удаляться от планеты, сохраняя ту же ориентацию. Но теперь расположенные в задней части корабля двигатели толкали его вдоль продольной оси и местная сила тяжести сместилась на девяносто градусов. Полы и стены без особой суеты меняли свое предназначение, коридоры сжимались и расширялись, люки открывались и закрывались в соответствии с меняющейся геометрией.

Рубка управления представляла собой сферическое помещение, главное место в котором занимали два чудовищных противоперегрузочных кресла, снабженные целым арсеналом систем жизнеобеспечения, так что человек мог просуществовать в этом устройстве не одну неделю. Оба кресла были установлены на громоздких карданах и поршнях, позволявших быстро менять

ориентацию, компенсируя любые головоломные маневры, которые потребовалось бы совершать «Косе». Подлокотники и подголовники были усеяны дисплеями, в то время как остальные расположились на сферических стенах, сгруппированные в соответствии со своими функциями в консоли, и к ним можно было направить кресло. Имелись здесь также большие экраны, складные панели управления и расположенные по кругу узкой лентой иллюминаторы.

Иллюминаторы открывали вполне убедительный вид на уменьшающийся диск Михайлова Дня, но он почти наверняка был фальшивым, передававшимся сквозь десятки метров толщины корпуса. Если Сидра действительно приложила все усилия, чтобы сделать корабль невидимым, иллюминаторы – последнее, в чем он нуждался.

– Садись, – сказала она.

Я опустился в левое кресло, оказавшееся куда более удобным, чем противоперегрузочные койки на наших шаттлах. Оболочка кресла бесшумно изменила конфигурацию, подстроившись под мое тело. Я провел пальцами по встроенным органам управления, надеясь, что все опасное заблокировано на системном уровне. Ожили диаграммы и меню на экранах – как закрепленных на кресле, так и расположенных на стенах в поле моего зрения; все с надписями на каназиане.

Я едва успел заметить, как каназиан сменился рунглишем – не каким-то случайным вариантом рунглиша, но хорошо знакомым мне диалектом.

– Как он это проделал?

Сидра обустраивалась в своем кресле. Она пользовалась лишь сенсорными органами управления – делала руками отрывистые, похожие на танцевальные движения, но ни к чему не прикасалась.

– Корабль читает визуальные саккады, непроизвольные движения глаз. Он следил за тем, как твой взгляд перескакивал через одни символы и задерживался на других, а после, используя прогнозную модель, он определил, что рунглиш – твой предпочтительный язык. Все верно?

Ложь она заметила бы мгновенно.

– Да. Но вряд ли кто-то в Солнечном Доле пользуется рунглишем. Я уже почти забыл, что мне на нем легче говорить, чем на каназиане.

– Может, ты и забыл, но твой мозг – нет. Старую прошивку трудно научить новым трюкам.

Она снова щелкнула пальцами, и я услышал серию быстрых, глухих ударов где-то в направлении кормы. В расположенных по дуге иллюминаторах я заметил несколько десятков небольших

объектов, которые удалялись от нас – черные пятнышки на фоне диска Михайлова Дня. Несколько секунд они дрейфовали по естественным траекториям, становясь все меньше, а затем разогнались, устремившись ко всем четвертям горизонта, будто рассеялся при появлении хищника косяк рыбы.

– Что это?

– Первый из моих прощальных подарков. Считай это усовершенствованием ваших защитных систем, которым – если можно так выразиться – кое-чего недостает. Они заменят вашу сеть сейсмофонов и рельсотронов. У вас будут более качественные глаза, уши и зубы. Мои системы скрытно подключатся к проложенным на поверхности кабелям, снабдив их самовосстанавливающейся оболочкой, а потом переработают ваши нынешние датчики и пушки на сырье.

– Ты говорила, ничто на этом корабле не способно остановить волков.

– Да, и все эти усовершенствования тоже их не остановят. Но хорошо послужат Солнечному Долу в других отношениях: они надежнее, чувствительнее и точнее. Если в вашу систему залетит еще какой-нибудь корабль или – не хочется даже думать – незваный гость вроде меня, вы будете намного лучше к этому готовы.

Я не мог представить, с чего бы Сидра стала преувеличивать пользу своих подарков или тратить силы на их изготовление, если они не могли всерьез улучшить наше положение.

– Мне нужно связаться с Солнечным Долом и сообщить, что происходит.

– Нет необходимости. В Святилище всегда будет присутствовать частичка меня, которая позаботится о вашей безопасности.

– Только позаботится? Или возьмет власть в свои руки?

– Где же твоя благодарность? – проворчала Сидра. – Не беспокойся, ко мне быстро привыкнут. А со временем поймут, что я на их стороне. Я хочу, чтобы Солнечный Дол выжил. Вы не одни, есть и другие островки жизни, бесстрашные группки уцелевших, которые прячутся в ночи. Но в любой момент какая-то из этих групп может погибнуть сама или ее отыщут волки. Так что каждую из них следует считать незаменимой.

– Странный у тебя способ проявлять любовь к другим.

– Любовь? Интересное слово ты выбрал. Не подумал ли заодно о вере и надежде? Но это вовсе не то, Мигель. Это гарантия защиты вида как такового. И мои дары на этом не заканчиваются. Пока «Коса» летела сюда, чтобы меня забрать, я велела ей послать беспилотники навстречу вашим апостолам. Это

помогло мне слегка вас ослепить, но уверяю тебя, лишь временно. В апостолов внедрены системы самовосстановления – вроде тех, что я отправила на поверхность планеты. Когда апостолы вновь оживут, они станут намного совершеннее. Опять-таки это никак не остановит волков. Но если вы сумеете заранее получить сигнал об их появлении, у вас будет больше времени, чтобы отключить все ваши шумные процессы и затаиться.

– Ты многое знаешь о волках. Или мне так только кажется?

– Это стало делом моей жизни. Кто-то ведь должен. – Она указала на иллюминаторы, за которыми продолжал уменьшаться диск моей планеты. – Попрощайся с Михайловым Днем, Мигель; когда ты увидишь его в следующий раз, он будет похож на крошечный камешек.

Несколько секунд я смотрел на родной дом, но в конце концов стала невыносима мысль, что Николя и Викторина сейчас где-то там, что они ничего не знают о происходящем со мной и что я никогда не узнаю, как сложится их судьба.

Я отвел глаза, охваченный тоской и отчаянием.

Сидра ошибалась. Я знал, что следующего раза не будет.

Глава 6

В другой части корабля был накрыт обеденный стол. Между двумя креслами с пухлыми спинками расположились тарелки, приборы, бокалы, бутылки и кувшины. В создаваемых «Косой» воздушных потоках покачивалось пламя свечей.

– Если хочешь, чтобы я поел, просто дай что-нибудь, что можно унести в каюту.

– Нет, я настаиваю. А когда я говорю «настаиваю»… – Сидра указала на кресло напротив иллюминатора. – Садись. Говорят, считается вежливым предоставлять гостям место с лучшим обзором.

Почувствовав, что спорить с ней бесполезно, я сел в кресло. Сидра расположилась в другом, спиной к иллюминаторам. От Михайлова Дня не осталось и следа – лишь рыжеватое пятно пылевого диска, на фоне которого виднелось несколько ярких звезд. Вероятно, имел место некий фокус с контрастом, поскольку хватало даже света свечей, чтобы звезды расплывались у меня в глазах.

Сидра, не спрашивая, налила мне вина.

– Начнем сначала, Мигель. Оставим все плохое позади. Я оторвала тебя от семьи, и вряд ли ты станешь меня за это благодарить. Но обещаю: со временем ты многое увидишь в ином свете. Пока же нам придется делить на двоих этот корабль.

Делить на протяжении всего путешествия и, поскольку наши жизни взаимозависимы, заботиться друг о друге. – Она доверительно понизила голос: – Но в конце пути ждет награда, которая стоит всех наших трудов.

– Харибда?

– Все-таки соображаешь. Ну как, договорились? Мой корабль – твой корабль. – Она подняла бокал и жестом предложила мне поднять свой. – Предлагаю тост. Но не за меня и даже не за нас – для этого еще слишком рано. Ты меня ненавидишь, и я понимаю твои чувства. Так что – за твоих и моих друзей и за нашу общую борьбу с волками. Ночь холодна, лес полон кошмаров, но на горизонте мерцает огонек.

– За моих друзей, – сказал я.

– И за моих.

– Буду молиться, чтобы они никогда не встретились, – проворчал я. – Ибо, кем бы ты ни была и кто бы тебя ни послал, я не желаю в этом участвовать.

– Мои друзья не то же самое, что я.

Сидра пригубила из бокала, и я последовал ее примеру. Как бы ни хотелось обратного, вино оказалось приятным на вкус и пьянящим.

Меня не особо беспокоило, что в вино может быть что-то подмешано или что алкоголь помешает мне трезво мыслить. Я теперь на корабле Сидры, и только в ее власти ввести в мое тело что-нибудь или извлечь. Раз уж мне позволено дышать, я с тем же успехом могу пить вино.

– Что такого я могу предложить, чего ты не в состоянии сделать сама? – спросил я. – Или чего не может сделать твой корабль?

– Твоя ценность станет ясна к тому времени, когда мы доберемся до Харибды.

– И где она, эта Харибда? Вряд ли я раньше слышал о планете с таким названием. Я порылся в архиве Солнечного Дола и не нашел никаких упоминаний.

– Значит, тебе придется просто поверить в ее существование. Но отчасти я помогу. Это название нигде не встречается, потому что его дала планете я и оно абсолютно неофициальное.

– Так где же она?

– В системе, до которой с легкостью может долететь этот корабль.

– Но все равно до нее десятилетия пути.

Сидра беспомощно пожала плечами, будто мы оказались в ситуации, которая нисколько от нее не зависела.

– Космос велик. Что поделаешь?

В помещение вплыли белые шары величиной с человеческую голову – своего рода прислуга. От каждого шара отходили членистые рычаги, они держали дымящиеся тарелки с нашим первым блюдом – чем-то вроде клецек, обрызганных блестящим соусом. Шары поставили тарелки и удалились.

Если вино можно назвать превосходным, то для клецек у меня попросту не нашлось слов. Возможно, это объяснялось контрастом с кухней Солнечного Дола, но я не мог вспомнить ничего, столь же удачно подходящего моим не вполне атрофированным вкусовым предпочтениям. Я чувствовал себя будто слепой, вновь узнавший, что такое яркие краски.

– Вкусно?

– Не жди благодарности. – Я помолчал, прожевывая клецку. – Но ты права насчет твоего корабля: готовит он отменно.

Я посмотрел на нож, который держал в руке. Тяжелый, из какого-то холодного сплава – не настолько длинный или острый, как хотелось бы, но если действовать быстро…

Сидра отодвинула свою тарелку.

– Ты думаешь, как бы ткнуть меня ножом, и гадаешь, удастся ли достаточно быстро перепрыгнуть через стол, чтобы до меня добраться. А еще беспокоишься, не расплавится ли нож у тебя в руке и не обратится ли против тебя самого.

Вероятно, она ждала, что я в положу нож, шокированный тем, как безошибочно она поняла мои намерения. Вероятно, она также полагала, что я захочу узнать, как ей удается столь ловко читать мысли.

Но вместо этого, оттолкнувшись со всей силой, я прыгнул через стол, держа перед собой нож и расшвыривая тарелки и бокалы. Меня занимала лишь одна мысль: куда лучше метить – в глаз, горло или грудь. Я был готов резать и колоть, пока она не сдохнет. Я жаждал проверить ее способности в полной мере.

Сидра, казалось, даже не пошевелилась, но мгновение спустя она очутилась рядом, остановив меня правой рукой и перехватив руку с ножом левой. Я замер, как будто налетел на железную решетку.

Сидра что-то проделала с моим запястьем – ущипнула? – и нож выпал из пальцев. Она продолжала удерживать меня в той же позе над разгромленным столом, так что наши лица разделяло расстояние не шире ладони.

– Я не виню тебя за эту попытку, – спокойно сказала она, будто продолжая нашу беседу. – Да и блеф удался мне чересчур легко. – Она толкнула нож ко мне через лужу вина, а затем, ослабив хватку, мягко усадила меня в кресло. – Попробуй еще раз, чтобы убедиться окончательно. Делай что хочешь. На этот

раз я даже не стану реагировать. Вместо меня вмешается «Коса». – Она опустила руки на колени, под стол. – Ну, давай же. Это будет… поучительно.

Подумав секунду, я отодвинул нож. Руку больно жгло в том месте, где Сидра сдавила нервы.

– Вряд ли есть смысл.

– Ты быстро учишься.

Сидра взглянула на дверь. Снова появились шары, быстро ликвидировав устроенный мной беспорядок. Боль в запястье утихала.

– Думай масштабнее, – продолжала Сидра, снова подняв бокал. – Осознай свою цель, сколь бы сложным тебе это ни казалось. Лети со мной и найди нечто, способное помочь в борьбе против волков. Прояви всю любовь к своим близким, какую только можешь.

Шары принесли главное блюдо. У меня не было никакого желания и дальше играть роль раболепного гостя перед властной хозяйкой. Но это относилось к моей гордости, а вот аппетит был готов к любым унижениям.

– Тогда, в Святилище, – заметил я, поднимая нож ради эмфазы, а не с намерением нанести удар, – ты сказала нечто такое, что всерьез меня озадачило.

– И что же?

– Ты тогда говорила об этике намерений. И привела в пример Фарсидского Мясника.

Сидра наклонила голову:

– Вроде было.

– Почему именно его? В твоем распоряжении вся история, любое количество деспотов и безумцев. Почему из всех ты выбрала Фарсидского Мясника?

Она ответила вопросом на вопрос:

– Вам многое о нем рассказывали?

– Достаточно, чтобы помнить, что его звали Невил Клавэйн. – Я съел пару кусочков. – Военный деятель, имевший какое-то отношение к Марсу. Очень давно, пятьсот или шестьсот лет назад.

– Он участвовал в первой войне с сочленителями, – сказала Сидра, наклонившись ко мне с видом школьницы, которой не терпится продемонстрировать свои знания. – Клавэйн пытался их сокрушить, остановить любой ценой. Прозвище он получил за свои крайне жестокие методы.

– Наверное, он объяснял это тем, что просто делал свою работу, как солдат.

– Я тоже склонна так считать, – удивила меня Сидра. – Иные времена, и вряд ли стоит его осуждать. Но тебе не кажется, что

нам бы сейчас весьма пригодился такой человек, готовый пойти на крайности в интересах некой военной цели?

Моя каюта по части комфорта и оснащенности оказалась в несколько раз лучше, чем любые жилые помещения в Солнечном Доле. Она состояла из нескольких смежных комнат. Там были спальня, маленькая гостиная, гардеробная, туалет, ванная с невесомым душем и раковиной, где даже присутствовал набор мыла, масел, мазей и иных принадлежностей для ухода за собой; а еще имелся уголок для тренировок. Вода в ванной была такой горячей, что я едва не ошпарился. К моей радости, там нашлась небольшая библиотечка печатных книг, в основном классика: первые издания на рунглише и последние на русском и английском. Имелась также цифровая библиотека с возможностью поиска в базе данных, доступ к которой осуществлялся с помощью складной клавиатуры, подозрительно похожей на те, которыми мы пользовались в Солнечном Доле. Одна из стен гостиной играла роль фальшивого окна, открывая вид на космос, но с тем же успехом она могла показывать океанские волны, заход солнца в горах или миллион других столь же умиротворяющих сцен. Удобства отвечали всем моим потребностям и даже больше; я почти жалел, что мне недолго придется ими пользоваться.

Сидра заверила меня, что я не пленник; и как только я помылся и оделся (в шкафу нашлась свежая одежда, оказавшаяся мне абсолютно впору), я решил обследовать корабль.

Ничто мне не препятствовало.

Я ходил в любых направлениях, как мог далеко, пока не убедился, что побывал во всех доступных местах минимум дважды. Мне встретилась анабиозная камера, где ждали две криокапсулы, потом нечто вроде игровой комнаты или стрелкового тира, а рядом с ней помещение, заполненное всевозможным оружием, хранившимся за стенами из матового стекла, так что я мог различить лишь смутные очертания.

В другой части корабля я наткнулся на коридор, упиравшийся в переборку с окошком, за которым виднелось ярко освещенное пространство с множеством сверкающих механизмов. Я решил, что это нечто вроде машинного отделения. Там трудились шарообразные роботы, скользя между лопастями и спиралями, создававшими впечатление гигантской турбины, которая пока неподвижна, но способна вращаться с убийственной быстротой. Впрочем, вряд ли это было машинное отделение или по крайней мере нечто вроде обычного двигателя. Я практически не видел «Косу» снаружи, когда она парила над Михайловым

Днем. Но тогда мне хватило одного взгляда, чтобы опознать крестообразные очертания корабля, построенного по принципам сочленителей, с заостренным корпусом и двумя двигателями на консолях. Сидра сказала, что это темноприводы, но инстинкты подсказывали мне, что это скорее разновидность базовой технологии, чем нечто совершенно новое.

Я не увидел на переборке петель или замков, но это вовсе не означало, что она не может превратиться в дверь. Однако вопреки любопытству я ощущал в себе нежелание идти дальше. Интуиция подсказывала, что там происходит нечто небезопасное и неблагоразумное. Интересно, что бы сказала моя интуиция о здравомыслии хозяйки корабля?

Это единственный из увиденных мной отсеков, где не удалось побывать, но вряд ли могло быть случайностью, что мне позволили приблизиться к окну. Если Сидра не хотела, чтобы я увидел происходящее в помещении с механизмами, она могла лишить меня доступа в эту часть корабля или просто сделать окошко в переборке непрозрачным. Но она так не поступила, и я ни на мгновение не смог поверить, что причиной тому простой недосмотр или рассеянность. Сидру вполне устраивало – если не сказать больше, – что я увижу штуковину, над которой трудятся роботы, и нетрудно было понять, что данный факт имеет значение для моего будущего.

По крайней мере, для того будущего, которое она мне уготовила.

Я дотронулся до стекла и ощутил межзвездную стужу, а затем повернул назад, продолжив изучение корабля. Шел, сколько удавалось пройти, по прямым и извилистым коридорам, через перекрестки и узлы, и везде представлял себя точкой внутри «Косы» – пытался мысленно построить схему. Но расположение отсеков сбивало с толку, и задача казалась безнадежной. Я мог побывать везде, кроме отсека с механизмами. И больше мне не встречалось ничего достаточно чувствительного или опасного, что могло бы стать объектом удачной диверсии. Я вовсе не хотел умереть, но, если бы нашел способ повредить корабль, вынудив Сидру вернуться в Солнечный Дол, даже если бы это дало лишь выигрыш времени до момента, когда она снова нас одолеет, я бы с радостью принял смерть.

Может, виной тому было нечто, подмешанное в вино или еду, а может, просто все накопившееся за последние дни, но я вдруг почувствовал, что валюсь с ног от усталости. Признав, что все вокруг меня находится в полной власти Сидры, я вернулся в свою каюту. Найти ее было легко, – словно угадав мое намерение, корабль открыл кратчайший проход. Но прежде чем забраться под

одеяло, я сел за откидную клавиатуру и набрал единственное слово, желая узнать, что скажет в ответ «Коса».

Это было слово «Кидония».

Мгновение спустя передо мной появилось изображение ржаво-красного диска, маленькой безвоздушной планеты. Оно увеличилось, и показалась та часть, где в результате случайного сочетания геологических факторов возникло нечто похожее на человеческое лицо, которое смотрело на меня пустыми глазницами. Чем-то оно походило на лицо Сидры.

На изображение был наложен зеленый текст на рунглише:

Кидония: регион Марса, Первая система.

См. также: Рыцари Кидонии.

См. также: Война между сочленителями и Коалицией.

См. также: Невил Клавэйн.

Спал я плохо.

Меня похитили из родного дома, разлучив с людьми, которых я любил больше всех во Вселенной. Меня отрезали от поселения, которое я помогал строить, от пяти тысяч соотечественников, которые, возможно, только и остались от человечества. Семейную жизнь и служебные обязанности, дававшие, несмотря не повседневные тревоги и заботы, ощущение определенного комфорта, сменила компания мучительницы с лицом призрака и темного корабля, которого я не знал и которому не доверял.

Но меня больше беспокоило вовсе не то, что со мной сотворила Сидра, не разлука с моим народом, не бегство из Солнечного Дола и не пребывание на борту «Косы».

Меня тревожили трещины, которые вдруг открылись в моей душе. Трещины едва заметные, как микродефекты зубной эмали, но обещавшие стать источником страданий.

– Доброе утро, Мигель. – Сидра сидела за столом, допивая свежевыжатый сок. – Надеюсь, ты всем доволен?

– А если и нет, какая разница?

– Ясно. – Она кивнула, будто утвердилась в каких-то подозрениях. – Вижу, ты намерен продолжать в том же духе. А я-то рассчитывала, что хороший сон сделает тебя сговорчивее.

– В смысле покорнее?

– Я бы предпочла нормальное сотрудничество. И все же… как насчет того, чтобы немного развлечься после завтрака? Сядь, прошу тебя.

– Невил Клавэйн был рыцарем Кидонии, – сказал я, садясь.

– Правда?

– Тебе, конечно же, прекрасно известно, что я это знаю. Не

могу представить, чтобы ты позволяла мне рыться в архивах «Косы», не регистрируя все мои запросы.

– И чем тебе помог краткий экскурс в древнюю историю?

– Лучше расскажи сама.

– Клавэйн был интересной личностью, – задумчиво проговорила Сидра. – Сперва заклятым врагом сочленителей, одной из высокопоставленных фигур в Коалиции за нейрочистоту. Но случилось нечто, заставившее его изменить взгляды. Мы знаем, что его взяла в плен Галиана, предводительница врагов. Однако в конце концов он вернулся к своим, похоже продолжая верить в прежние цели. И все-таки что-то в нем изменилось – пребывание в плену заронило в душу крошечное зернышко сомнения.

– Я прочитал кое-что еще. Его спровоцировали на измену.

– Вот как? – спросила Сидра, будто сей факт не был ей известен.

– Клавэйн отправился на Марс с мирной миссией, намереваясь склонить сочленителей к заключению какого-то договора. Тогда он еще полностью верил в правоту своего дела. Но мирную инициативу стремились сорвать его собственные сторонники. Сочтя Клавэйна расходным материалом, его обрекли на смерть, обвинив в этом сочленителей. Однако история говорит нам, что он остался жив. И самого факта предательства оказалось достаточно, чтобы он перешел на сторону Галианы.

Сидра широко раскрыла похожие на черные озера глаза:

– Наверняка измена причинила ему немалую боль.

– Надо полагать.

– И тот, кто совершил это преступление, наверняка был очень рад, когда Клавэйна перестали интересовать проблемы человечества.

– Думаешь? – Не дожидаясь ответа, я добавил: – Еще один вопрос, Сидра. Ты не просто так упомянула его в разговоре, ты забросила глубинный зонд, пытаясь что-то разузнать. Но боюсь, желаемого эффекта это не возымело.

– Не сомневаюсь. Хотя вряд ли иначе ты бы обратился с запросом к «Косе»…

– Я все еще пытаюсь понять, что ты такое. И когда ты бросаешь мне кость, я кидаюсь за ней. Даже если в итоге оказываюсь в историческом тупике.

– Что ж… думаю, речь шла попросту о той пользе, которую может принести военный ум. Я выбрала… неудачный пример, только и всего. Извини, если затронула какое-то больное место.

– Вовсе нет. – Я покачал головой, злясь на собственную реакцию и понимая, насколько легко Сидре удается со мной

играть. – Впрочем, ты в любом случае не права.

– Поясни.

– От такого человека никакой пользы – ни сейчас, ни тогда. Мы сражаемся с чудовищами. Но нам незачем самим становиться ими.

– Будем надеяться, что мы ими еще не стали. – Она подала мне стакан сока, а затем сдернула ткань с чего-то, стоявшего посреди стола.

Это оказалась игровая доска, такая же, как та, на которой мы играли в лазарете, и с расставленными в начальной позиции фишками. Конечно, не та же самая, если только Сидре не удалось каким-то образом прихватить ту с собой, но неотличимая копия.

– И чтобы доказать, что я не чудовище, которым ты меня считаешь, я готова вернуть тебя домой, к семье.

Я покачал головой, не веря ни единому слову:

– Если хочешь запудрить мне мозги, Сидра, попробуй как-нибудь иначе. Я уже смирился. Вряд ли ты затратила бы столько сил и времени лишь для того, чтобы в итоге зашвырнуть меня обратно.

– Если я обещаю, то делаю. И я обещаю совершенно искренне. Я говорила тебе, что люблю играть. Мы сыграем три партии. Если выиграешь две, я разверну корабль и доставлю тебя в Солнечный Дол. Ты будешь жить там долго и счастливо. – она криво улыбнулась. – Конечно, при условии, что не явятся волки. Но если две партии выиграю я, мы продолжим путь до пункта назначения.

– Имеется в виду Харибда? – не удержался я.

– Нет, сначала надо уладить кое-что в другой системе. Тебе даже не потребуется просыпаться. Но, конечно же, этого путешествия не будет, если победишь ты.

Я покачал головой, отказываясь клевать на приманку:

– Ни на секунду не поверю, что в случае моей победы ты исполнишь обещание.

– У тебя есть выбор, – вздохнула Сидра. – Либо мы играем, либо нет. Если нет – идем в анабиозную камеру. Если да – есть шанс, что ты снова увидишь Николя и Викторину. И чтобы состязание было честнее, я могу дать тебе фору, заблокировав часть нейроресурсов.

– Насколько большую? – осторожно поинтересовался я.

Сидра удовлетворенно улыбнулась:

– Начну с того, что фора выражена в процентах. Сперва она будет щедрой, но я стану уменьшать ее на один процент по прошествии каждой секунды. Чем раньше сделаешь ход, тем больше твое преимущество – но ты должен действовать быстро. Стоит тебе замешкаться, и фора практически сойдет на нет.

– Знаю, это бессмысленно, – сказал я, тоже вздохнув. – Но если существует хоть малейшая возможность, что тебя можно победить и что ты сдержишь обещание, мне ничего не остается, как попытаться.

Сидра кивнула:

– Ответ верен.

– Начинай свой чертов аукцион наоборот.

– Начинаю. Пятнадцать процентов…

– Принято, – ответил я, делая ход, прежде чем она успела произнести еще хоть слово.

Сидра удостоила меня одобрительной улыбкой:

– Гораздо быстрее, чем я ожидала. Как, не слишком мала моя начальная ставка?

– Естественно, она мала.

Чем поможет фора в пятнадцать процентов? Но это всяко лучше, чем без форы вообще.

– Ты не первый, с кем я играла в такой аукцион, – сообщила Сидра. – Ты бы удивился, узнав, сколь многие колеблются, а не действуют так же четко, как ты.

– Возможно, они слишком мало тебе доверяли, чтобы отнестись к игре всерьез.

– Но ты доверяешь?

– Нет, но маленький шанс лучше, чем вообще никакого. Может, продолжим?

Сидра позволила мне выиграть первую партию. Или, допускаю, я выиграл законными средствами – я ведь тоже знал толк в этой забаве. Разница между игрой на борту «Косы» и игрой в лазарете заключалась в том, что я с самого начала не давал Сидре пощады. В лазарете я ставил целью развлечь ее, не относясь к игре всерьез, пока Сидра не стала одерживать верх, а тогда пытаться изменить ситуацию было уже поздно. Сейчас же я напряг мозги до предела, стараясь продумать наперед как можно больше ходов и вызывая в памяти тысячи выигранных и проигранных партий против Николя и Викторины.

Пошла вторая партия. Я держался сколько мог, и в какой-то момент возникла иллюзия, что противница загнана в угол, но надежда оказалась ложной. Сидра отвечала точно рассчитанными ходами и вскоре полностью меня связала. Мне удалось оттянуть неизбежное еще на нескольких ходов, однако судьба партии была предрешена. И вряд ли я мог отрицать, что Сидра победила честно. Мне доводилось играть против машин, и я не забыл ощущения проигрыша алгоритму. Но теперь я чувствовал, что играю с безжалостным человеком, способным исключительно быстро учиться и приспосабливаться.

Признав поражение, я откинулся в кресле.

– Ты знала, что даже с наполовину отключенным мозгом победишь меня.

– Но пока не победила. Счет равный. Третья партия все решит.

– У меня больше нет сил играть.

– Но тебе и терять нечего. Мы учимся друг у друга. Каждый может совершить ошибку. Каждый может напороться на неожиданный ход.

Вздохнув, я покачал головой, но все же расставил фишки на своей стороне доски, пока Сидра делала то же на своей. Она позволила мне пойти первым. Я согласился и разыграл нелогичный дебют, открывавший слабое место с моего фланга. Внешне это выглядело как намек на быстрое завершение игры, но мне доводилось заманивать Николя в подобную ловушку, и это не заканчивалось для нее ничем хорошим. Я не особо надеялся, что в эту западню угодит Сидра, но хотелось верить, что у меня чуть больше шансов, чем если бы я играл в прежнем стиле.

Какое-то время мой план работал. Сидра проигрывала. Она могла делать ходы, о которых успела узнать от меня, но оказывалось, что ни один из них не применим к новой конфигурации. Вынужденная импровизировать, она выдавала свои слабые места, и я не упускал возможности этим воспользоваться. Я мстил ей, платя беспощадностью за беспощадность, и методично разрушал ее защиту.

Но у нас обоих истощился запас фигур, и игра перешла в более знакомое русло. Сидра вновь получила возможность черпать информацию из своей растущей библиотеки ходов. Наступил момент, когда инстинкт подсказал мне, что победы не будет. Но ни один мускул не дрогнул в моем лице. Я перемещал фишки так же сосредоточенно, как и в самом начале.

Сидра выиграла. Я обескровил ее, но недостаточно, и турнир завершился ее победой.

– Что ж, это было поучительно, – сказала она, складывая доску.

– В смысле – насколько я был доверчив, решив, будто ты позволишь мне выиграть?

– Напротив – насколько решительно ты держался до конца. Хочу кое в чем признаться.

– Ты жульничала?

– Нет, я сдержала обещание. Но я велела «Косе» просканировать работу твоего мозга в течение всех трех партий. Мне хотелось знать, насколько серьезно ты относишься к задаче. Ответ меня радует: ты отдавал все силы. Вряд ли кто-то еще мог

играть столь упорно и целеустремленно.

– И что это доказывает?

– Это доказывает, что я не ошиблась в тебе. Ты готов сражаться насмерть. До последнего вздоха. Неважно, каковы шансы.

– Я был готов сдаться.

– Но ты не сдался, и это важно. Скажу честно: после первой партии вероятность твоего выигрыша была крайне малой. Но и не нулевой.

– Ты бы исполнила обещание?

– Самой хочется в это верить.

Мне показалось, что это ее первые по-настоящему искренние слова за все время нашего знакомства.

– Но ты не уверена?

– В данных обстоятельствах я бы исполнила обещание… а потом стала искать другие методы убеждения. Мне бы не хотелось тебя потерять, особенно теперь, когда я знаю, как стойко ты сражаешься. – Сидра вышла из-за стола, оставив доску. – Идем. Теперь ничто не мешает нам отправиться в анабиозную камеру. Для тебя все станет намного проще, как только пробудишься от криосна.

Сидра приглашающе протянула руку. Встав, я двинулся вдоль стола и оказался рядом с ней у его края. Я наклонил голову, изображая смирение с судьбой. Впрочем, я сомневался, что мне удалось убедить Сидру, тем более что «Коса» все еще смотрела мне в череп, считывая активность мозга. Мой замысел был бы очевиден для самой тупой машины. Но решение уже было принято.

Я метнулся к Сидре, схватил ее левой рукой за горло, а правой ударил под ребра. Притиснул ее к стене. Сильнее сдавил глотку, вонзил пальцы в живот. Сидра ударила меня кулаком в лицо, затем ее локоть врезался мне в горло. Что-то хрустнуло в трахее или гортани, я попытался вздохнуть, но не смог. Оторвав мои пальцы от своего горла, она двинула меня коленом в пах. Я опрокинулся на стол и услышал треск собственного позвоночника. Очередная попытка вздохнуть ни к чему не привела.

Сидра рассмеялась. Ее глуховатый горловой смех напоминал грохот сыплющихся в ведро камней. Подняв ногу, она придавила меня к столу, заставила выгнуть спину. Я почувствовал: еще немного – и не выдержит хребет…

– Знаешь… – Она помедлила, потирая шею. – Знаешь, меня бы даже слегка разочаровало, если бы ты не попытался.

– Буду пытаться и дальше, – прохрипел я, с трудом втягивая в

легкие воздух.

– Но не здесь и не сейчас. Сейчас ты отправишься спать.

Сидра рывком поставила меня на ноги, и в помещение вплыли шесть или семь белых шаров, которые засуетились вокруг меня, хватая членистыми манипуляторами. Я сопротивлялся, но сил уже не осталось.

Сидра ничего не приказывала вслух, но шары явно знали, что делать. Подхватив меня, точно куклу, и не позволяя прикасаться к поверхностям, понесли в анабиозную камеру. Путь оказался недолгим, как будто за ночь замысловатые коридоры лабиринта распрямились и укоротились. В камере ждали две капсулы, стоявшие бок о бок под углом сорок пять градусов к полу – покрытые ребрами радиаторов хромированные зеленые коконы, возле каждого – пульт управления. В отличие от похожей на гроб капсулы, доставившей Сидру в Солнечный Дол, эти устройства открывались вдоль; лепестки ждали момента, когда им снова позволят сомкнуться в непроницаемый замок.

Сопротивляться я был уже не способен – как сонный малыш, которого укладывают в кроватку. Хотя мысли о борьбе никуда не делись, тело окончательно сдалось. Шары с удивительной нежностью возились со мной, а Сидра наблюдала за ними, уперев руки в бока.

– Ты говорила, что у тебя есть дела в какой-то другой системе, – сумел прохрипеть я. – Где?

– Тебе вовсе незачем забивать этим голову.

– И все-таки скажи. Если я для тебя хоть что-то значу.

Сидра взглянула на меня с отстраненной жалостью:

– Ладно, скажу. Мы сделаем короткую остановку в системе Йеллоустона, на орбите Эпсилона Эридана. Я должна забрать там кое-что важное.

– Что именно?

– Гидеоновы камни.

– Боюсь, мне это ни о чем не говорит.

– Если бы говорило, я бы всерьез заволновалась.

– Что такое гидеоновы камни, Сидра?

Она слегка наклонилась, будто собираясь спеть колыбельную.

– Они помогут нам убивать волков. И если все сложится хорошо, мы убьем очень много волков.

– Я видел кое-что в окошко. Лопасти и спирали.

– Ага… Видел, значит?

– Ты сама прекрасно это знаешь, – прохрипел я. – Тебе известно все, что со мной происходило с того момента, как я оказался на этом корабле. Что это за штука?

– Хочешь испортить сюрприз?

– Пожалуй, да.

Она вздохнула с таким видом, будто я расстроил некую игру.

– Это еще одно, что может нам помочь. Не оружие, но то, что способно создать оружие. И для того чтобы оно работало как надо, нужны гидеоновы камни. – Сидра коснулась пальцем ямочки над моей верхней губой. – Но я об этом позабочусь, малыш. А теперь отдыхай. Тебе не о чем беспокоиться. Ты нужен мне свежим – для знакомства с ними потребуются все твои силы, как душевные, так и телесные.

– С кем – с ними?

– С жонглерами образами, – произнесла Сидра таким тоном, будто именно этого ответа я должен был ждать.

Часть вторая
Иоанн Богослов

Глава 7

На Марс падали шестеро спящих.

Капсула, в которой они находились, отделилась от корабля у самой границы запретной зоны. Вместе с ней корабль покинули девятнадцать обманок с теми же размерами и массой, чтобы сбить с толку и перегрузить наши орбитальные системы защиты. Под этим прикрытием капсула с изменниками должна была проскользнуть через барьер и опуститься на поверхность.

Знакомая тактика. Мы были к ней готовы.

За девять месяцев, прошедших с начала войны, мы имели дело с бесчисленным множеством подобных попыток. Изменники прилетали из всех областей системы. Проще было бы сбивать сами корабли, не дожидаясь, когда они окажутся у границы запретной зоны, но мы по глупости заключили ряд военных соглашений, сделавших такую меру проблематичной. На кораблях часто бывали живые щиты – гражданские заложники, не полностью обращенные в идеологию сочленителей. Убийство большого числа гражданских выглядело бы не лучшим образом, и нам приходилось следить за кораблями, но не открывать огня, пока они не попытаются кого-то высадить. Любые спускаемые капсулы считались законной добычей, но лишь после того, как войдут в запретную зону, включавшую орбиту Деймоса, внешнего из двух крошечных марсианских спутников.

Чтобы ликвидировать эти капсулы, требовалась безупречная работа орбитальных систем слежения и орудийных платформ, и за последнее время они накопили изрядный опыт. Эффективность перехвата теперь составляла девяносто шесть процентов, то есть успешной бывала от силы одна попытка достичь поверхности из двадцати. Враг знал об этом не хуже нас, именно потому он все чаще пользовался обманками. В ответ мы установили больше пушек и усовершенствовали алгоритмы различения целей.

При таких мерах у этой новой капсулы практически не оставалось шансов.

Когда она оказалась в радиусе действия систем слежения, те выпустили лазерные лучи в сторону каждой из двадцати возможных целей. Фотоны отразились от их корпусов и вернулись назад. Измерив фазовые смещения между переданным и отраженным светом, можно было обнаружить едва заметные

колебания внутри капсул. Лишь из одной исходил сигнал особой формы. Анализ Фурье показал, что он соответствует сердцебиению шести человек. Соответствующим образом изменив приоритеты, пушки сосредоточили внимание именно на этой капсуле, игнорируя остальные девятнадцать. Вряд ли стоило сомневаться, что рано или поздно сочленители найдут способ обманывать детекторы сердцебиения.

Пушки выплюнули высокоскоростные рельсотронные снаряды. Попасть в цель удалось не сразу – капсулы меняли направление, что осложняло прогнозирование траектории. У нас имелось лучевое оружие – более мощная версия лазерного детектора, – но его было трудно разворачивать, оно медленно заряжалось и не так быстро поражало жертву, как один хорошо нацеленный снаряд. Все-таки численный перевес был на нашей стороне. При наличии многих орудий, расположенных вокруг Марса на разных орбитах, в системы слежения можно было одновременно загрузить несколько разных прогнозных траекторий.

Рано или поздно – пусть даже в девятнадцатый раз из двадцати – одна из пушек сделает верный выстрел.

Одна за другой превращались в ничто обманки. Как правило, для поражения хватало единственного снаряда. Три вероятные обманки прорвались в верхние слои атмосферы, но системы слежения показали, что ни одна даже не пыталась замедлиться, прежде чем врезалась в поверхность на скорости несколько километров в секунду.

Осталась двадцатая – та, в которой бились сердца.

Какое-то время ей везло. Миновали три четких интервала, каждый из которых длился секунды, когда одна или несколько пушек спокойно могли сбить капсулу. Пушки развернулись, их магнетронные стволы вновь изготовились к стрельбе.

Но пушки так и не выстрелили. Сработали системы соблюдения соглашений, временно переведя орудия в безопасное состояние. Часть территории Марса, даже почти полностью заброшенной, оставалась под юрисдикцией демархистов, и артиллерии запрещалось стрелять, если траектория огня пересекала любую из этих зон.

И все же оставалась одна пушка, которая могла сбить капсулу.

Это орудие находилось на самой низкой орбите, и его позиция предполагала, что выстрел уйдет вверх и в сторону от Марса, а не вниз. Даже если бы снаряд прошел мимо цели или пробил ее насквозь, он попросту превратился бы в очередной кусок космического мусора, летящий прочь из Солнечной

системы.

Поскольку никакие договора не нарушались, пушке была предоставлена свобода действий. Она пришла в боевую готовность, снаряд уже был заряжен и настроен на максимальную мощность удара. В том, что задача будет выполнена, пушка не сомневалась. На то, чтобы выстрелить, у нее имелось целых пятнадцать миллисекунд.

Внутри капсулы сердца спящих издали по удару.

Пушка обнаружила некий сбой.

В ее модули принятия решений неожиданно поступил сигнал неисправности, диагностическое сообщение. Озадаченная, пушка временно перешла в безопасный режим, чтобы провести тщательную проверку всех систем.

Безопасный режим был рассчитан на три миллисекунды – нежелательно долго, но вполне достаточно (по мнению пушки), чтобы решить проблему и возобновить работу программы.

Пушке требовалось в точности знать, куда она нацелена. Обычно это не составляло проблемы, поскольку пушка хранила историю своих действий и находилась в постоянном диалоге с другими орудийными платформами и системами слежения, ведя непрерывный процесс коррекции ошибок. До сего дня у нее ни разу не возникало причин сомневаться в своих способностях.

Но теперь один из ее трех невероятно точных гелиево-супержидкостных гироскопов давал расходящиеся показания. С точки зрения пушки, доверять следовало двум другим гироскопам, особенно если учесть, что их показания соответствовали ее предполагаемой ориентации, так же как и контрольные сигналы, которые она получила в составе последнего корректировочного импульса.

И все же имелась малая, но конечная вероятность, что верно третье показание, и на кону стояло слишком многое, чтобы пушка могла этим обстоятельством пренебречь. Что, если она нарушит условия договора?

Чтобы во всем этом разобраться, требовалось время. Пушка продлила безопасный режим еще на три миллисекунды и занялась более тщательной функциональной проверкой гироскопов. Окно для выстрела пока что составляло больше шести миллисекунд.

Время еще оставалось.

Функциональная проверка ничего не дала. Имелся некий намек на потенциальный отказ подозреваемого гироскопа, случившийся двадцать две секунды назад, но статистики было слишком мало, чтобы на нее полагаться. Пушка колебалась, продолжая расходовать временное окно. Ничто в ее истории не

подсказывало выход из ситуации. Осталось меньше трех миллисекунд. Через две миллисекунды от остальной сети должны поступить очередные корректировочные данные. Может ли она столько ждать?

Пушка рассчитала, сколько времени ей потребуется на анализ этих данных и на принятие решения насчет сбоящего гироскопа.

Оказалось, что времени недостаточно. Пушка может прийти к какому-то решению, но для выстрела ей не хватит оставшегося окна. Пушка заново проанализировала свой прогноз, пытаясь упростить процесс. Если обнулить ряд массивов, сделать логичные предположения о вероятном содержимом других и приготовиться действовать на основе неполного, но достаточно надежного анализа корректировочных данных…

Нет. Нельзя, ни при каких обстоятельствах. Все варианты, включающие расчет выстрела в пределах окна, ничем не отличаются от выстрела наугад, не дожидаясь корректировки.

Пушка не могла ничего поделать. Она осталась в безопасном режиме, и окно закрылось.

Шестеро спящих все так же молчали – ни одно сердце не успело совершить очередной удар. А когда это наконец произошло, капсула уже вошла в мертвую зону, ощутив первый холодный поцелуй разреженной марсианской атмосферы. Под ней простирались безрадостный, изъеденный временем рельеф плато Фарсида.

Я пришел в себя, когда раскрылись лепестки криокапсулы. Меня уложили туда Сидра и ее роботы, но, похоже, теперь предполагалось, что выбираться я должен сам. Было весьма соблазнительно ничего не предпринимать, барахтаясь в волнах медленно возвращающегося сознания. Попытка вылезти из капсулы казалась мне чуть ли не предательством.

Но и умирать не хотелось. На корабле царила тишина. Я поднял руку, без каких-либо усилий поднес ее к лицу. «Коса» пребывала в невесомости, что могло означать лишь отсутствие какого-либо ускорения.

Выплыв из капсулы, я растер руки и ноги, осмотрел их – нет ли повреждений. Если ко мне и были подсоединены какие-нибудь шунты, разъемы и мониторы, то они безболезненно отделились, оставив лишь несколько едва заметных следов. Дрожи в руках не чувствовалось, а пошевелив пальцами, я обнаружил, что исчезло и былое онемение. Пока я пребывал во сне, капсула, похоже, привела в порядок мою периферийную нервную систему.

Я двинулся в сторону, к соседней капсуле. Она тоже была открыта.

– Сидра! – выкрикнул я, скорее для того, чтобы проверить свои голосовые связки, чем с намерением позвать хозяйку. Голос звучал хрипло и сухо, но достаточно громко, чтобы его было слышно за пределами анабиозной камеры. – Сидра, ты где?

Ответа не последовало.

Я проплыл по всей камере – это было легко, поскольку рядом всегда оказывалось что-нибудь, позволявшее ухватиться рукой или оттолкнуться ногой. Воздух был прохладным, и я с радостью нашел шкаф с простынями, в одну из которых тотчас завернулся. В другом шкафу оказались емкости с лекарствами и питательными таблетками, которыми я тоже без колебаний воспользовался. Если Сидра собиралась меня отравить, то выбрала для этого чересчур замысловатый и абсурдный способ.

Решив, что ждать в анабиозной камере бессмысленно, я отправился на разведку. При условии, что корабль допустит меня туда, где я уже побывал, я рассчитывал найти Сидру полностью проснувшейся и деятельной, по-прежнему демонстративно безразличной к моим чувствам.

Но ни в одном из знакомых мест ее не оказалось.

Корабль не пытался чинить препятствия или сбивать меня с толку. Коридоры вели, куда я рассчитывал попасть, двери оставались на своих местах, но я находил лишь пустые помещения.

Наконец появился шар, который куда-то плыл, втянув конечности внутрь тела. Я следовал за ним до шлюза в брюхе корабля – того самого, через который попал на борт. Никаких следов Сидры не обнаружилось и там, зато я увидел лишь один скафандр, частично погруженный в стену.

На месте другого зияла впадина в форме скафандра.

– «Коса», – заговорил я, – если ты слышишь меня и понимаешь – можешь ли подтвердить, что Сидра покинула корабль?

Ответа не последовало.

Я подошел к шлюзу, надеясь обнаружить намек на то, когда им пользовались в последний раз. Но, как и большая часть корабельных систем, датчики и органы управления работали по нейральным или жестовым каналам, к которым имела доступ только Сидра.

Я уже обшарил рубку управления, но все равно вернулся туда. До этого я искал Сидру, а теперь меня заинтересовало, что находится снаружи.

В прошлый раз ничто не привлекло моего внимания – и неспроста. Иллюминаторы превратились в черную ленту. «Коса» не находилась возле планеты, или звезды, или вообще на какой-

либо орбите. Но если мы в межзвездном пространстве, то где звезды? Коль скоро мы куда-то летим, все равно должны быть видны одна или две яркие звезды, вне зависимости от релятивистских эффектов.

Сидра позволила мне ознакомиться с системой управления. Но действует ли ее разрешение и сейчас? Чтобы это проверить, я уселся в то же противоперегрузочное кресло, что и раньше. Почувствовав мое присутствие, приборы в окрестностях кресла переключились на рунглиш. На этот раз я сосредоточился. Дисплеи и шкалы выглядели незнакомо, но не настолько, чтобы я не мог в них худо-бедно разобраться. Некоторые относились к непосредственному управлению кораблем: его двигателями, системами точного маневрирования и навигационным функциям. Имелись даже признаки наличия у меня ограниченного доступа к средствам защиты и атаки.

Прошло десять минут, за которые я так и не сумел ничего узнать о состоянии или координатах корабля, зато нашел способ уменьшить свечение приборов, а еще усилить проходящий через фальшивые иллюминаторы свет.

Это почти ничего не дало.

Если датчиков «Косы» достигало столь малое число фотонов, то рассчитывать на лучшее вряд ли стоило. В одних и тех же местах возникали едва заметные вспышки, намекая на некую неподвижную структуру вокруг корабля, но ее не могли осмыслить ни мои глаза, ни мозг. Если бы «Коса» приземлилась внутри одной из пещер Солнечного Дола, где отсутствовало искусственное освещение, картина вряд ли сильно отличалась бы от той, которую я видел в данный момент. Но мы в любом случае не могли находиться внутри некой планеты, будь то Харибда или другой остановочный пункт Сидры, или спутника, или астероида – даже самое слабое гравитационное поле уже успело бы себя проявить.

Я вернулся к шлюзу. Там все так же присутствовал один скафандр и отсутствовал другой. Я подплыл к скафандру, вгляделся в темную полосу его визора. Снаружи не было никаких кнопок или швов, и я понятия не имел, как проникнуть внутрь.

– Откройся, – приказал я.

Скафандр не послушался. Я вспомнил, как мы с Сидрой забирались в скафандры и выбирались из них – повернувшись не лицом, а спиной. Судя по всему, скафандр был запрограммирован на приближение и определенную позу. Мне потребовалось лишь отвернуться и медленно подплыть спиной. Скафандр издал хлюпающий звук, раскрываясь вдоль потайных соединений, а затем мягко обхватил меня. Я подавил панику, – если скафандру

хватило ума понять мое намерение облачиться в него, вряд ли он решил бы меня удушить.

Скафандр ожил. В поле зрения визора появились символы, которые я уже видел во время нашего исхода из Солнечного Дола. Единственная разница заключалась в том, что все надписи переключились на рунглиш.

Я все еще пребывал в неведении насчет многих функций скафандра, но, увидев, как цифры и стрелки засветились зеленым, понял, что скафандр полностью снабжен всем необходимым, и похоже, он прошел надлежащее обслуживание после Солнечного Дола. Возникло чувство, что внутри его я мог бы прожить очень долго.

Я попытался пошевелить руками. Скафандр подчинился, в немалой степени облегчив мои усилия. Но было и некоторое сопротивление, напоминавшее, что я нахожусь внутри скафандра и полностью завишу от его защиты. Затем я попробовал оттолкнуться от стены. Скафандр сделал это с легкостью и поплыл. Выставив руки и ноги, я причалил к противоположной стене и развернулся кругом; в поле зрения оказался шлюз. Да, скафандр работал, и мне уже была предоставлена определенная автономия, пока мы с Сидрой шли к кораблю, но вряд ли я могу воспользоваться шлюзом без ее согласия. А вдруг мне захочется совершить какую-нибудь глупость, например покончить с собой?

Цепляясь за стены и отталкиваясь, я добрался до шлюза, но он и не подумал открыться передо мной. Я приложил ладонь к панели возле люка, надеясь, что сработает какой-нибудь скрытый датчик, но ничего не произошло.

Мне требовалась помощь.

– Ты меня понимаешь?

– Да, – ответил скафандр.

Голос звучал так, будто кто-то пустил ускоренное воспроизведение.

– Мне нужно покинуть «Косу». Открой шлюз.

– Модуль Бета не может обработать запрос.

– Передо мной люк. Мне нужно, чтобы ты его открыл.

– Модуль Бета не может обработать запрос.

– Погоди, – сказал я, мысленно возвращаясь к предыдущим событиям. – Где модуль Альфа?

– Модуль Альфа находится вне корабля.

– Модуль Альфа намерен вернуться?

– Модуль Бета не может обработать запрос.

Я почувствовал, как участилось дыхание. Оставалось надеяться, что скафандр окажется более сговорчив, когда я попрошу его выпустить меня из своих объятий.

– Скажи… как далеко находится модуль Альфа?

Скафандр, казалось, задумался. Мне стало интересно: то ли он просто слишком глуп, то ли поврежден, то ли работает по столь ограниченному набору командных протоколов, что не в состоянии ответить почти ни на один запрос.

– Модуль Альфа находится в одной целой двадцати трех сотых километра от модуля Бета.

– Модуль Альфа движется?

– Модуль Бета не может…

– Не важно, – прервал я его. – Модуль Бета может открыть канал связи с модулем Альфа?

– Протокольный канал остается открытым.

– Мне нужно поговорить с Сидрой. С той, кто находится внутри модуля Альфа. Можешь меня с ней связать?

– Модуль Бета не может…

– Не важно. Модуль Бета может последовать за модулем Альфа?

Наступила пауза.

– Прошу подтвердить инструкцию.

– Да! – воскликнул я, не позволив туповатому скафандру порвать тонкую нить только что установленного взаимопонимания. – Подтверждаю!

– Инструкция принята. Модуль Бета переключается на автономное управление до выполнения инструкции. Автономное управление может быть перехвачено в любой момент. Прошу приготовиться к переходу из корабля в абсолютный вакуум.

То, что оказалось невозможным для меня, не составило никакого труда для обретшего наконец цель скафандра. Люк автоматически открылся, и скафандр вместе со мной вплыл в шлюзовую камеру. Отработала система откачки воздуха, всего через полминуты открылся внешний люк, и скафандр вылетел за пределы «Косы», в окружавший корабль неведомый космос.

Я огляделся. Визор позволял смотреть по сторонам, а если я смещал взгляд до предела вбок, поле видимости расширялось еще на десять – пятнадцать градусов, до пределов моего периферийного зрения. Если я продолжал попытки, скафандр создавал над главной визуальной полосой еще одну, показывая вид сзади и позволяя моим глазам отдохнуть. «Коса» была невидима на фоне окружавшей ее мглы, если не считать светящегося шлюза, который уже закрывался за мной.

Я ощутил едва заметный разгон – скафандр набирал скорость с помощью своих микрореактивных двигателей. Сидра ни разу ими не пользовалась, и я предположил, что им хватает мощности лишь для работы в невесомости, в космическом вакууме.

Возникло неприятное чувство, будто я вбегаю с закрытыми глазами головой вперед в темную комнату, не зная, как далеко до стены. Шлюз полностью закрылся, лишив меня точки отсчета. Несколько секунд спустя я утратил всякое представление о том, с какой скоростью и в каком направлении мы движемся.

– Помедленнее.

– Желаешь изменить текущую инструкцию?

– Нет, просто не желаю ни во что врезаться.

Скафандр поразмыслил над моим ответом.

– Действуют средства предотвращения столкновений. Желаешь просмотреть перечень средств предотвращения столкновений?

– Нет… да! Да, покажи мне эти средства.

В верхней левой части визора поплыли строчки. Едва их увидев, я понял, сколь многое происходит без моего непосредственного участия; скафандр предпочитал не беспокоить меня по мелочам. Он сканировал пространство вокруг нас с помощью радаров и надежных систем лазерной локации. Он использовал оптическое усиление для обнаружения видимых препятствий. Он производил замеры гравитационного градиента, способные обнаружить любой большой и плотный объект поблизости. Он вынюхивал нейтрино, мюоны и десяток других частиц. Он даже брал пробы не вполне абсолютного вакуума, проводя масс-спектрометрию следов атомов и ионов… и следовал тем данным, которые получал от скафандра Сидры, совершавшего точно такое же путешествие.

Поняв намерения скафандра и удовлетворившись тем, что столкновение с чем бы то ни было исключено, я уговорил скафандр дать мне визуальное представление работы его датчиков в активном и пассивном режиме. В поле зрения появился лиловый узор, испещренный быстро меняющимися значениями относительного расстояния и скорости. Пространство, имевшее, как я теперь понял, сотни метров в поперечнике, окружали неровные стены. Все-таки это оказалась пещера, с глубиной больше чем ширина, с отвесными круглыми противоположными стенами, напоминавшая цилиндр. Большая часть трехмерной контурной карты была составлена по показаниям радаров и лазеров, но на ней также имелись несколько бледных светящихся полос, вероятно соответствовавших тем слабым вспышкам, которые я видел изнутри «Косы».

Только теперь мне стало ясно, что эти полосы – на самом деле свет, проникающий в пещеру снаружи.

Скафандр нес меня к стене пещеры, направляясь ко впадине

или разрыву в поверхности стены. Мне снова показалось, будто мы летим слишком быстро, но скафандр держал ситуацию под контролем. Где-то в области груди заработали маневровые двигатели, быстро уменьшив нашу скорость. Когда стена приблизилась и изображение стало четче, я вдруг понял: то, что я принял за естественное образование, таковым не является.

Я увидел соединенные друг с другом панели, торчащие модули, переплетение труб и проводов, рычаги управления и похожие на клешни захваты – но, несмотря на гигантский масштаб, все это казалось собранным из случайных частей, будто у каждого из последующих хозяев имелись свои идеи по поводу ремонта и усовершенствования. Помещение также несло на себе отпечаток плавящей чумы – именно потому я столь легко принял ее за имеющую естественное происхождение. Почти по каждой поверхности расползлись волокнистые ветвящиеся нити, размягчавшие и разъедавшие все, к чему прикасались. Чем-то это походило на опутанные бледными червеобразными лианами галереи заброшенной церкви, постепенно превращающейся в руины.

Присутствие чумы пробудило былые страхи, не успевшие притупиться за тридцать лет в Солнечном Доле. Однако здесь процесс распада, похоже, прекратился; чума успела пустить ростки, но будто споткнулась, оставив узнаваемым изначальный вид помещения и не проникнув в его глубину. Возможно, где-то еще сохранились активные споры, но, если я хочу найти Сидру, вряд ли стоит придавать этому значение. Ведь она уже прошла этим путем; наверняка она прекрасно знает, на что способен ее скафандр.

Ширины пролома в стене как раз хватало, чтобы я мог через него пробраться. Скафандр развернулся, меняя ориентацию. Пролом находился на месте уничтоженной двери, которая вела, как мне сперва показалось, в коридор, направленный вдоль длинной оси цилиндра. Однако для коридора помещение выглядело чересчур широким; и хотя здесь поработала чума, можно было различить рельсы, расположенные на стенах с интервалом в девяносто градусов. Они были разорваны и изогнуты, но я понял их предназначение: это направляющие для какого-то транспортного средства. Может, поезда, а может, лифта.

– Превышен минимальный порог опасности. Прошу подтвердить дальнейшее исполнение текущей инструкции.

– Подтверждаю, – с легкой тревогой ответил я.

Все еще невесомый, скафандр поплыл по шахте с рельсами. В ограниченном пространстве он двигался чуть быстрее пешехода,

то и дело огибая какой-нибудь выступ или завал. Ничто опасное по этим разрушенным рельсам перемещаться не могло, но это понимала лишь здравомыслящая часть моего разума. Чтобы не вставали волосы на затылке, мне приходилось время от времени поглядывать на дисплей заднего вида.

К тому времени я свел идеи насчет нашего местонахождения к трем вариантам. Первый: цилиндрическое пространство внутри небольшого каменного тела – скажем, астероида диаметром в несколько километров. Именно так были устроены некоторые поселения – оболочка из горной породы защищала от радиации и метеоритов. Второй вариант был версией первого: искусственная планета с тонкими стенками в форме цилиндра, по какой-то причине переставшая вращаться и создавать искусственную силу тяжести.

Третий вариант, который, как я инстинктивно подозревал, был верным, заключался в том, что я нахожусь внутри звездного корабля, субсветовика величиной с «Тишину в раю» или нашу «Салмакиду». Подобные корабли вполне могли вмещать десять или двадцать причальных или грузовых отсеков размером с этот цилиндр.

Это вполне соответствовало тому немногому, что я знал. Сидра говорила о каких-то своих делах, которые ей нужно уладить по пути. Предполагалось, что в это время я буду спать, – но что, если в планах Сидры что-то пошло не так?

– Как далеко находится модуль Альфа?

– Ноль целых двести сорок три тысячных километра от модуля Бета.

Меньше четверти километра. Будь тут воздух, я мог бы ее позвать.

Шахта разветвлялась – рельсы расходились в разные стороны. Скафандр выбрал менее поврежденное ответвление, снова набирая скорость. Шахта свернула вбок и закрыла мне обзор.

– Медленнее, – прошептал я, и скафандр послушно вернулся к скорости пешехода.

За поворотом шахты появился слабый свет. На мгновение показалось, будто он просачивается снаружи, но, когда его интенсивность увеличилась, я понял, что этот зеленовато-желтый оттенок не имеет никакого отношения к звезде Эпсилон Эридана или одной из ее планет. Никакая звезда или планета не отличалась столь болезненной бледностью.

Что-то затрещало, и в моем шлеме зазвучал голос:

– Представься, незнакомец.

Голос не принадлежал Сидре – он был низким, протяжным и мужским. А исходил, казалось, сразу отовсюду. Если бы в моем

черепе вдруг прозвучал глас Господень, вряд ли бы он сильно отличался.

– Кто ты?

– Кажется, я первым спросил.

Это был не просто голос – ему будто вторило нечто вроде хора. Я пытался разобрать слова этого хора, но их смысл остался для меня недосягаем. Это был какой-то старый язык, предшествовавший современным формам норта, каназиана или рунглиша. Меня по-прежнему окружал вакуум, поэтому внятный голос и фоновый его хор каким-то образом проникали в скафандр по своим собственным каналам связи. Я счел необходимым сказать правду:

– Мигель де Рюйтер.

Мой ответ, похоже, позабавил обладателя голоса.

– Де Рюйтер? Интересная этимология. Рюйтер… может, рыцарь? Что ж, ты прибыл в замок с привидениями. Какое дело привело тебя ко мне, Мигель де Рюйтер?

– Мне самому хотелось бы это знать, – ответил я, но, предположив, что для безымянного собеседнику этого может оказаться недостаточно, добавил: – Я прибыл сюда не по своей воле. Даже не знаю, где нахожусь.

– И все же рассчитываешь, что тебя пропустят дальше. Ты капитан, де Рюйтер? Я повидал всех капитанов. Кажется, сам когда-то был капитаном…

Расставив руки и ноги, я слегка коснулся стен. Скафандр свободно дрейфовал, и мне почти не потребовалось усилий, чтобы остановиться.

– Я не капитан. Но я высадился сюда с корабля, а женщина, которая им управляет, отсутствует на борту. Ее зовут Сидра, и мой скафандр говорит, что она где-то здесь.

– Сидра твоя подруга?

– Нет, – осторожно ответил я. – Пожалуй, вернее будет сказать, что она кто угодно, только не подруга.

Наступила пауза. Тишину нарушал лишь хор. Только теперь мой мозг начал распознавать значение слов. Английский, до эпохи Транспросвещения. Слова я понимал с трудом.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Семи печатей книга Иоанна Богослова.

– Ты хорошо ответил, де Рюйтер. Иди дальше. Собственно, я даже настаиваю на этом. А пока идешь, расскажи, чего хочет от тебя Сидра.

Я легко оттолкнулся руками и ногами и двинулся вперед не быстрее пешехода.

– Я знаю только то, что она мне говорила. Будто бы я должен помочь ей что-то найти.

– Что именно?

– Она не слишком-то откровенна. Но, как мне кажется, это нечто такое, что можно использовать против волков.

– Оружие?

– Возможно.

– Я видел немало оружия, которым предполагалось остановить волков. Кое-какое даже носил в себе – экзордиальные устройства, гипометрические пушки. Но они оказались совершенно бесполезны.

– Ни о чем подобном я не слышал. Даже не знаю, стоит ли верить всему, что сказала мне Сидра. Но если есть хоть малейший шанс, что она права, я буду сражаться до последней капли крови.

– Мне нравится твоя сила духа.

– Надеюсь, это нечто большее, чем просто сила духа.

– Когда-то внутри меня был человек. Старый солдат. Он тоже не прекращал поиски. И тоже был готов сражаться до последней капли крови. Но в конечном счете это ничем ему не помогло.

– Что с ним случилось?

– Он отдал свою жизнь, чтобы мог жить другой. Ты способен пойти на такую жертву?

– Нисколько не сомневаюсь.

– Немногие могут так ответить. И мало кому из них я бы поверил. Но в твоих словах нет ни гордыни, ни хвастовства. Факт остается фактом – ты прошел испытание и был готов пожертвовать собой. Но похоже, Вселенная сыграла с тобой небольшую шутку.

– Я остался жив. Но не благодаря Вселенной.

– А благодаря кому? Сидре? Что ж, я не удивлен. У нее есть привычка менять чужие судьбы. Скажу прямо: у нас с Сидрой есть кое-какая общая история. Не слишком долгая, но ее хватило, чтобы понять друг друга.

– Ты убил ее?

– А ты бы этого хотел?

– В конечном счете – может быть. Но от мертвой мне мало толку. Я пришел к выводу, что она нужна мне: чтобы управлять кораблем или по крайней мере дать власть над ним. А потом я разверну корабль и отправлюсь домой, к семье, от которой она меня оторвала. Если семья все еще жива. – Я помедлил. – С тобой Сидра поступила похожим образом?

– Да. Самым худшим. Она заставила меня снова жить.

– Не совсем понимаю.

– Сейчас поймешь. Подойди ближе, сэр рыцарь.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Семи печатей книга Иоанна Богослова.

Зеленовато-желтый свет исходил из бреши в стене шахты. Я проскользнул через дыру с рваными сморщенными краями в помещение, заполненное живыми мертвецами.

Сферическая камера имела объем примерно в одну сотую от причального отсека. Вдоль ее стен виднелись беспорядочно сваленные в кучу криокапсулы, и среди них не было даже двух приблизительно похожих по конструкции. Их было по крайней мере пятьдесят, может, даже сто, все очень старые. Капсулы были вдавлены под разными углами в стены до половины, будто камни в мягкий цемент, и каждая окутана той же ветвящейся волокнистой массой, которую я видел в причальном отсеке. Некоторые капсулы были закрыты, и оставалось лишь гадать, кто или что в них находится. Другие, с задранными, будто крокодильи пасти, крышками, пустовали. В третьих, тоже открытых, я видел тела на разных стадиях разложения. Именно от них, от капсул, в которых лежали трупы, и от опутавших их волокон исходило зеленовато-желтое свечение.

Все эти люди, открытые космической стуже, были мертвы. Но некоторые из них шевелились. Их головы поворачивались при моем приближении, рты открывались и закрывались в такт словам…

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Семи печатей книга Иоанна Богослова.

При виде этого хора мертвецов я едва не спятил от ужаса. Единственное, что позволило мне сохранить здравый рассудок, – это присутствие Сидры. Я пришел за Сидрой. Сидра еще жива. Все остальное выглядит полнейшим безумием, но если я сумею продержаться…

Чье это откровение? Иоанна Богослова.

Ее скафандр был притиснут к постаменту из двух поставленных друг на друга капсул. Вокруг постамента собралось с десяток трупов, и каждый удерживал Сидру по крайней мере одной рукой. Все они пели, раскрывая рты в вакууме. Остальными конечностями мертвецы сцепились друг с другом, чтобы вместе напирать на Сидру.

Сидра корчилась под их натиском, пыталась отбиваться руками и ногами, но даже сил ее скафандра не хватало, чтобы преодолеть давление мертвых ладоней.

– Ты меня слышишь? – спросил я.

– Де Рюйтер, – еле слышно проговорила она, – уходи отсюда.

Возвращайся на «Косу». И прикажи ей начать…

– Ну-ну, Сидра, – произнес все тот же голос. – Так-то ты намерена меня отблагодарить за все, что я сделал? Велев своему умному кораблику выпотрошить меня изнутри?

– Кто ты? – спросил я, изо всех сил подавляя инстинктивное желание повернуться и убежать из этого кошмара. – Что связывает тебя с Сидрой?

– Объясни ему, – велел голос. – Расскажи ему все.

– Что бы я ни сказала, ты все равно меня убьешь.

– Просто ответь, – сказал я.

Сидра продолжала сражаться с мертвыми руками, но все медленнее. Как долго она тут пробыла, насколько ослабла? Похоже, она смирилась. Я услышал едва заметный вздох.

– Мне был нужен корабль.

– У тебя он имелся.

– Мне нужен был второй.

– У тебя же есть корабль, – сказал я.

– Сейчас… объясню.

Я окинул взглядом дьявольскую сцену. Я давно бы уже закоченел от страха и отвращения, если бы не подозрение, что хозяин этого места счел меня союзником или по крайней мере врагом Сидры.

– Говори, – сказал я.

– Я давно тебя искала. Сперва отправилась на Арарат, но тебя там не оказалось. Зато ты оставил след, намек, где тебя можно найти – на Михайловом Дне. Хотя у этой планеты не было имени, пока ты там не высадился. Но прямо на Михайлов День я полететь не могла. Слишком большая мне предстояла работа. Требовались союзники, те, кто сможет взяться за одну часть проблемы, пока я буду трудиться над другой.

– Я ничего не понимаю.

– Пусть говорит, – с легкой усмешкой произнес голос. – Это ведь правда, Сидра? Пусть и весьма странная.

Семи печатей книга Иоанна Богослова.

Мертвые руки позволили ей кивнуть головой в шлеме.

– Мы договорились лететь порознь: я – к AU Микроскопа, мои союзники – к Эпсилону Эридана. Для этого им был нужен корабль. К счастью, он у них имелся, хоть и слегка поврежденный.

– Этот тот корабль, на котором они прилетели? – спросил я. – Мы в системе Эпсилона Эридана?

Голос рассмеялся:

– Корабль – это я. Но она лжет. Я не был поврежден. Я был мертв.

– Кто ты?

– У меня было много имен. Прежде чем умереть, я выбрал для себя последнее. Теперь покойники восхваляют меня своим пением.

– Значит, твое имя… Иоанн? – Я колебался, думая, как бы не нанести ему смертельное оскорбление. – Ты… некий конструкт? Личность уровня «гамма» или выше? В твою задачу входило управление кораблем?

– Не конструкт. Человек, такой же, как и ты.

– Когда-то у корабля был капитан, – сказала Сидра. – Старик, у которого хватало странностей еще до того, как его коснулась чума. Постепенно он слился с кораблем, став с ним неразделимым целым. Когда я велела «Косе» внедрить в останки этого корабля устойчивые к чуме репликаторы, сопротивляться стала вовсе не чума, а сам Иоанн Богослов – он мешал любым попыткам вернуть его к жизни.

– Тебя предупреждали, что со мной хлопот не оберешься.

– Думаешь, я отказалась бы от моих планов из-за слов какой-то полуразумной свиньи?

– Эта свинья куда лучше всех, кого ты когда-либо знала.

Сидра насмешливо фыркнула, что в данных обстоятельствах показалось мне не самым разумным.

– Я прибегла к более жестким средствам, вынудив корабль принять мои условия, – и победила. Я подчинила корабль моей воле, привела его в порядок, так что он мог совершить еще один или два межзвездных прыжка, и отправила моих товарищей на Йеллоустон.

– Ты причинила мне множество мучений, возвращая к жизни.

– Я дала тебе еще один шанс искупить вину.

– Послушайте! – Я поднял руку. – Каковы бы ни были ваши взаимные обиды… меня они не касаются. Но мне нужна Сидра. Пожалуйста, отпусти ее.

– Я мог бы разорвать ее на кусочки прямо у тебя на глазах. Возможно, тебе кажется, будто она сильная. Хочешь посмотреть, насколько я сильнее? Хочешь узнать, что я могу с ней сделать?

– Мне она нужна живой. Она устроила кризис в нашей колонии, парализовала защиту, угрожала лишить нас воздуха. Из-за Сидры у меня крайне мало шансов снова увидеть жену и дочь.

– Как их зовут, Мигель де Рюйтер?

Я судорожно сглотнул.

– Николя и Викторина.

– Хорошие имена. Ты их любишь?

– Всем сердцем.

– Я тебе верю. Мы оба старики; мы понимаем, что такое любовь. Но оттого меня еще больше удивляет, почему ты не

желаешь Сидре смерти.

– Я ей желаю отправиться к чертям в ад! Но только она умеет управлять своим кораблем.

– Я могу убить ее, а потом проникнуть в ее корабль. Вряд ли будет сложно раскрыть его тайны. О кораблях я знаю почти все. Иногда полезно… самому быть одним из них.

– Даже если бы ты смог…

– Он не смог бы, – прервала меня Сидра. – «Коса» уничтожила бы его изнутри, как только он попытался бы взломать ее защиту. Он не сильнее меня, он просто застиг меня в неудачный момент, когда моя защита была не готова.

– Можешь написать это на своем надгробии, Сидра.

– Есть еще кое-что, – сказал я. – Раз уж меня затащили сюда помимо моей воли, по крайней мере хотелось бы знать, что в этом есть какой-то смысл. Я не прочь встретиться с ее товарищами, которые летели у тебя на борту. Что за дела у них были на Йеллоустоне? В последних полученных нами сообщениях говорилось, что волки оставили там лишь руины, как на орбите, так и на поверхности. Мне также хотелось бы побольше узнать о Харибде. Какое она имеет отношение к истреблению волков? Если для этого потребуется, чтобы Сидра прожила чуть подольше, – пусть.

– Она не знает, что стало с двумя ее товарищами.

– А ты знаешь?

– Они улетели. На корабле поменьше, который я доставил внутри себя в эту систему.

– Когда?

– Не помню. Я перестал вести счет времени. Ты бы на моем месте тоже перестал. Может, десять лет назад, а может, десять недель.

Следующий вопрос я адресовал Сидре:

– Что с запланированной встречей? Как долго мы здесь пробыли, прежде чем я проснулся?

– Я знаю только то, что их здесь нет. – Сидра помедлила. – «Коса» причалила три недели назад. Мои союзники должны были добраться до Йеллоустона на корабле поменьше, завершить свои дела в Городе Бездны и вернуться сюда раньше нас. Они могли все закончить несколько лет назад – в их распоряжении имелись десятилетия. Планировалось, что они погрузятся в криосон до моего прибытия. Не обнаружив их, я пошла искать инерциальные часы.

– Что искать?

– Устройство, которое я оставила на корабле на случай, если придется воспроизвести передвижения товарищей. Мой скафандр

был настроен на эти часы, и он привел меня сюда.

– Она говорит правду, Иоанн?

Корабль сухо рассмеялся:

– Пока да.

– Эти союзники… Ты ненавидишь их так же, как и Сидру?

– Нет, – ответил он после короткого раздумья. – Я не могу их ненавидеть.

– Но у меня впечатление, будто они непосредственно участвовали в том, что сделала с тобой Сидра.

– Они не понимали, на что она была готова пойти, чтобы вынудить меня сдаться. Если делали вид, будто ничего не замечают, если позволили себя убедить… что ж, бывали преступления и похуже. Уж я-то знаю, я сам совершал подобное.

– Тебе известно, где они?

– Улетели и не вернулись. Последние сведения о них я получил из окрестностей Йеллоустона, но даже не могу сказать, вошли ли они в атмосферу, не говоря уже о том, добрались ли до Города Бездны.

– Что они собирались там делать?

– Спроси Сидру.

– Пожалуйста, позволь ей вернуться со мной. Тебе вовсе незачем прощать ее за содеянное. Просто дай мне возможность в конце ее наказать.

– Извини, сэр рыцарь, но вряд ли ты в том положении, чтобы кого-то наказывать. Судя по твоим словам, ты ее пленник.

– Она в любом случае поплатится. Не здесь и не сейчас, но рано или поздно. – Я подумал, что, возможно, совершаю чудовищную ошибку, взывая к лучшим качествам старика. – Те, которые не вернулись, были твоими друзьями?

– Как минимум близкими знакомыми. Мы немало пережили вместе.

– В таком случае обещаю тебе: мы выясним, что случилось с твоими друзьями.

– Ты серьезно?

– Более чем.

– У нас с тобой есть кое-что общее, сэр рыцарь. Нас обоих затащили сюда против нашей воли. И нам обоим хочется верить, что в нашем пребывании здесь есть какой-то смысл. Пусть Сидра проводит тебя на свой корабль. Я не настолько нелюбезный хозяин, чтобы помешать тебе уйти.

– Спасибо.

– Счастливого пути, де Рюйтер. Если мы никогда больше не встретимся, а скорее всего так и будет, я не пожалею о том, что наши пути сегодня пересеклись. И еще, Сидра…

– Да? – настороженно спросила она.

– Хочу сказать кое-что на прощанье. Первое: цель крайне редко оправдывает средства. Ты взялась послужить хорошей цели, но заодно совершила немало зла. Подумай об этом.

– А второе? – В ее голосе звучало стальное безразличие.

– Я не хотел бы отпустить тебя без твоей игрушки.

Один из пассажиров-зомби резко выпрямился в своей капсуле, судорожно выставив вперед негнущуюся руку. Пальцы раскрылись, и из них выпал темный предмет величиной с гранату.

Сидра подхватила его и крепко прижала к груди.

Глава 8

Мы вернулись на «Косу» тем же путем – сперва сквозь труп звездолета, затем сквозь пустой причальный отсек к ожидавшему нас кораблю Сидры.

– Что это за штуковина?

Сидра все еще держала в руках прощальный подарок Иоанна Богослова.

– Мои инерциальные часы.

– Надеюсь, оно того стоило. Старик в самом деле продержал тебя три недели?

– Не важно, – бросила в ответ Сидра. – В случае необходимости я могла бы прожить в скафандре многие годы. И никто не сумел бы мне навредить. Собственно, ничто во Вселенной не может мне навредить, если я сама этого не позволю. Убить – да, но не причинить вред. И я бы все равно оттуда выбралась, как только мой скафандр выявил бы слабые места старика и разработал меры противодействия зомби.

– Кто они?

– Немногочисленные пассажиры, которых он не сумел спасти в окрестностях Хелы, маленькой ледяной планеты на орбите Сто седьмой Рыб, где я впервые с ним встретилась. И несколько оставшихся с прежних времен трупов. Он запустил в них свои щупальца и заставил их плясать, как марионеток.

– Наверняка твой скафандр рано или поздно что-нибудь придумал бы. Иначе было бы весьма глупо угодить в такую ловушку, тем более что ты отправилась туда в одиночку.

– Это никак тебя не касалось.

– Но ведь теперь коснулось?

– Твое вмешательство, возможно, ускорило неизбежное, – помедлив, сказала Сидра. – Так что в этом смысле оно… было не столь уж и нежелательным.

– По крайней мере, тебе хватило ума настроить мою капсулу, чтобы она меня разбудила. Если бы я продолжал спать, все могло бы закончиться крайне печально для нас обоих. Я застрял бы на «Косе», а ты в том склепе.

– Скафандр меня бы оттуда вытащил.

– Ну да, конечно, – усмехнулся я. – Всего лишь вопрос времени. Но скажи честно: твои приятели в самом деле опоздали на вечеринку?

– На какую еще вечеринку?

Мы несколько секунд проплыли в пустоте, прежде чем Сидра ответила:

– Они должны были вернуться. У них был небольшой внутрисистемный корабль с усовершенствованной защитой от волков, который проделал весь путь от Хелы в брюхе Иоанна Богослова. У этого корабля не было таких возможностей, как у «Косы», но для их целей он вполне годился. Он должен был доставить моих союзников на Йеллоустон, а затем под прикрытие атмосферы.

– Значит, что-то пошло не так и они погибли.

– Или задержались. Будет понятнее, когда я прочитаю показания инерциальных часов. Если только старик их не зашифровал.

По некой команде Сидры «Коса» открыла шлюз. При виде его у меня возникли странные чувства. Хотелось поскорее оказаться в безопасности, которую обеспечивал корабль, однако, ненавидя Сидру за все, что она со мной сделала, я считал его молчаливым соучастником преступления. Но конечно же, вернуться на борт «Косы» было все же предпочтительнее, чем оставаться в зачумленных потрохах Иоанна Богослова.

Мы прошли через шлюз и освободились от скафандров. Даже я, проведя в скафандре несколько часов, ощущал себя не слишком чистым. Сидра же, если верить ее словам, пробыла в своем не меньше трех недель. Она по-кошачьи потянулась, глубоко вдыхая корабельный воздух. В ноздри мне ударил резкий запах закисшего пота, вполне естественный после столь долго пребывания в замкнутом пространстве. На секунду мне стало ее жаль. За ее белой броней все же скрывалось нечто человеческое.

– Мы полетим на Йеллоустон, – сказал я.

– Ответ верен.

– И мне предстоит помогать тебе в поиске союзников. Исключительно на срок данной операции я обещаю не пытаться причинить какой-либо вред тебе или кораблю.

– Надо полагать, это лишь временное перемирие?

– Пока мы не выясним, что случилось. Но у меня есть ряд

условий.

– Условий? – Выражение ее лица стало заинтригованным, будто перед ней был ребенок, пролепетавший нечто неожиданное. – И каких же?

– Начнем с того, что я хочу, чтобы ты была со мной откровенна. Мне кажется, перед тем, как я погрузился в криосон, ты что-то со мной проделала.

– И что же я проделала?

– Мне снились очень странные сны.

Она изобразила сочувственную улыбку:

– В них нет ничего сверхъестественного. Когда все эти несчастные синапсы сперва отключаются, а потом снова оживают при пробуждении…

– Слишком уж они были… связными, эти сны. Что-то про войну на Марсе.

Сидра с глубокомысленным видом кивнула.

– Что ж, значит, прогресс в самом деле есть. Хочешь откровенности, де Рюйтер? Будет тебе откровенность. Но вряд ли ты меня за это поблагодаришь.

Иоанн Богослов отпустил нас. В конце причальной камеры открылся огромный круглый люк, повернувшись на единственной массивной петле, и «Коса» выскользнула в открытый космос. Сидя в кресле в рубке управления слева от Сидры, я впервые увидел как систему, в которой мы находились, так и корабль, где не состоялась запланированная Сидрой встреча. Последний был больше любого субсветовика, но я видел лишь его разрозненные компоненты; приходилось мысленно собирать их воедино, как делает путник, вглядываясь в мрачные очертания окутанного туманом замка на скалистой вершине. Корабль был так же темен, как и окружающий его космос. Не отбрасывала на него свет и удаляющаяся «Коса» – Сидра проявила в этом отношении осторожность. Хоть как-то различить фрагменты корабля позволял лишь свет Эпсилона Эридана, а поскольку мы находились от звезды в двадцати астрономических единицах или четырехстах световых минутах, слабое сияние придавало этим фрагментам тусклый красно-коричневый оттенок, а на прочее набрасывало темную погребальную пелену.

Все субсветовики имели форму клинка, что помогало им преодолевать сопротивление межзвездного пространства, но этот клинок так сильно был изуродован чумой, что практически ни на что не годился. Во многих местах зияли обширные дыры, давая нечто вроде урока анатомии звездных кораблей. Передняя часть, острие клинка, почти не пострадала, но посередине корабль был

смят, будто вокруг него сомкнулась исполинская рука в железной перчатке. Элементы, образовывавшие рукоять, – выносные консоли для сочленительских двигателей – казались изъеденными червями, кое-где просматриваясь насквозь. Через скелет корабля, через его сухожилия и нервы просвечивали звезды. Однако я заметил, что консоли справлялись со своей задачей – удерживали двигатели, несмотря на немалые и, возможно, критичные повреждения.

– Волки могут знать, что этот корабль здесь? – спросил я.

– Сейчас почти наверняка знают. Но он добрался сюда от Хелы без лишнего шума, и с любого расстояния выглядит как дрейфующий мертвый остов. Вряд ли волкам есть до него дело. Никакой угрозы он не представляет, и на нем не осталось ничего из наших технологий, что могло бы их заинтересовать.

– Иоанн Богослов – человек, который сидит внутри этого корабля, или сам корабль?

– Думаешь, это имеет значение?

– Кем бы он ни был, важно одно: ты вернула его к жизни вопреки его воле.

– Мне нужен был корабль, – ответила Сидра и почти шепотом продолжила: – Иоанн Богослов вполне подходил для моих целей. Он не заслуживает ни жалости, ни даже снисходительности, Мигель. Если бы я стала перечислять все прегрешения, которые он совершил на своем веку, мы с тобой торчали бы здесь, пока волки не обратились бы в прах. Но это вовсе не значит, что я изначально собиралась поступить с ним жестоко. Если бы имелся другой способ…

На пульте сработало сигнальное устройство – завершилось извлечение данных из инерциальных часов. По дисплеям побежали цифры и кривые.

Сидра смотрела на них в мертвой тишине.

– Ну? – поторопил я.

– Что-то не так. Они слишком долго добирались.

– Мы это уже знаем.

– Добирались до этой системы, – раздраженно бросила она. – Судя по показаниям часов, намного дольше, чем я ожидала.

– Ожидания не всегда оправдываются.

– Что-то их задержало, – пробормотала она.

– Насколько все плохо?

Сидра тяжело вздохнула:

– Я обнулила инерциальные часы, когда оставила союзников на Хеле в семьсот пятидесятом году, по пути к тебе. К тому времени я уже запустила процесс восстановления, и наблюдать за ним мне не требовалось вплоть до его завершения. Я знала, в

каком состоянии субсветовик и что нужно сделать, чтобы он снова мог летать. Иоанн Богослов сопротивлялся, но я была уверена, что он поймет справедливость моей миссии и согласится участвовать. Вместе с его пассажирами союзники должны были провести в пути год – может быть, два… но часы показывают двадцать лет задержки!

– И что это означает?

Раздраженная моим вопросом, но и желающая продемонстрировать способности своего устройства, Сидра показала на линию, которая начиналась с небольшого значения и двигалась вправо, оставаясь горизонтальной на протяжении двадцати отметок.

– Часы фиксируют местное ускорение – это все, что они могут измерять, находясь внутри субсветовика. После того как я покинула союзников, оно держится на постоянной четверти *g*, то есть союзники находятся в местном гравитационном поле Хелы, никуда не перемещаясь. Здесь мы видим выброс через двадцать лет – видимо, момент старта, когда субсветовик снова устремился в космос. Потом ускорение падает до нуля – несколько недель затрачено на проверку двигателей и последние корректировки в невесомости. А затем поднимается до одного *g* на время прыжка между Сто седьмой Рыб и Эпсилоном Эридана.

– Значит, им потребовалось на ремонт корабля двадцать лет, а не год или два. Мне это не кажется таким уж чрезмерным. Планы редко соответствуют реальности.

– У тебя столь обширный опыт ремонта кораблей?

– Ни одного не ремонтировал, – признался я. – Зато доводилось один разбирать. Нам потребовалось пять лет, чтобы снять все полезное с «Салмакиды» после высадки на Михайловом Дне. Мы рассчитывали, что это займет год, самое большее полтора. Но планы есть планы.

Сидра задумалась, явно не в силах возразить.

– И все равно двадцать лет – это слишком долго. Смотри. – Она ткнула пальцем в наклонно поднимающуюся до одного *g* линию. – Часы находятся в той же инерциальной системе отсчета, что и корабль, поэтому они должны фиксировать силу тяжести в одно *g* вплоть до средней точки. Но через пару месяцев что-то происходит.

– Ускорение падает до примерно половины *g* и больше не восстанавливается. Вероятно, какие-то проблемы с двигателями. Либо они не могли и дальше работать с желаемой мощностью, либо истощилась защита, либо корабль не мог выдержать напряжение, и было решено сбросить мощность, уменьшив ускорение до приемлемой величины. – Я пожал плечами. –

Половины *g* вполне достаточно, чтобы достичь релятивистской скорости, просто на это потребуется больше времени. Но вряд ли это проблема при расстояниях в десятки световых лет – придется лишь добавить год-другой к полету, который и так займет десятилетия.

– Но они так и не превысили семидесяти процентов от скорости света. – Палец Сидры двигался вдоль горизонтальной части графика, пока линия не нырнула в область отрицательного ускорения. – Большую часть пути они летят по инерции, на холостом ходу двигателей, вплоть до замедления. Путешествие, которое должно было занять двадцать лет, займет тридцать!

– Значит, учитывая задержку перед отлетом… получается, что они отстают от графика примерно на тридцать лет.

Сидра задумалась.

– У них все равно должно было оставаться время, учитывая наши разные траектории. Даже с учетом задержки субсветовик провел в этой системе двадцать восемь лет, так что они вполне успели бы много раз слетать на внутрисистемном корабле на Йеллоустон и обратно. Явно случилось что-то еще.

– Можешь определить, как давно они улетели?

– Нет. Фиксируются только перемещения основного корабля. Их отлет не создал бы достаточно крупного события, чтобы его зарегистрировали часы.

– Значит, они могли улететь как двадцать восемь лет, так и двадцать восемь дней назад. О том, когда именно это случилось, ты не имеешь ни малейшего понятия, и на помощь Иоанна Богослова рассчитывать тоже не приходится. Да уж, все идет по плану, ничего не скажешь.

– План остается в силе, – возмущенно заявила Сидра. – Если даже они не сумели вернуться к месту встречи, это вовсе не значит, что у них – или у кого-то еще – нет того, что мне нужно. Сможешь вытерпеть три *g* или снова поместить тебя в криосон?

– Что можешь вытерпеть ты, вытерплю и я.

Сидра улыбнулась моей наивности. Хоть ее планы и шли прахом, я был рад, что она все еще способна получать некоторое удовольствие от моих недостатков.

– Вот же трагедия: ты даже не представляешь, как сильно ошибаешься.

При трех *g* Сидра могла перемещаться без посторонней помощи, но для меня это было слишком утомительно. Послушав мои стоны и посмотрев, как я ковыляю – будто экспериментируя с целью узнать, сколь долго я способен продержаться до первого перелома, – она велела кораблю создать гибкий и легкий каркас-

экзоскелет, который я мог носить поверх одежды или под ней. Он оказался достаточно умным, чтобы поддерживать меня, не создавая излишнего давления, которое привело бы к появлению синяков и ссадин. В нем даже имелась мягкая опора для моего черепа, которая охватывала подбородок и затылок, облегчая нагрузку на позвоночник и шейные мышцы. Мне потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к каркасу, после чего я перестал его замечать. Каркас обучился моей походке и жестам, он предвидел все мои движения, как партнер по танцам.

Но ускорение «Косы» я все равно переносил тяжело. Моя кровь весила втрое больше обычного, так что сердцу приходилось трудиться напряженнее. Но поскольку каркас облегчал нагрузку на кости, мышцы и связки, я ничем не рисковал: каркас не позволил бы мне упасть или еще как-нибудь удариться – я по крайней мере мог передвигаться и без особого труда заботиться о личной гигиене.

Сидра настояла, чтобы мы продолжали принимать пищу в столовой, где готовили и подавали еду бортовые роботы. Как только я приспособился к тяжести приборов в моих руках и к тому, как прыгало вино из бутылки в бокал, походивший по весу на массивную пивную кружку, все стало выглядеть на удивление обычно.

На удивление обычно – и почти празднично.

– Должна кое в чем признаться, – сказала Сидра, кладя кусок хлеба на мою тарелку. – Поддерживающий модуль действует лишь временно. Постепенно его эффективность будет снижаться.

– Если хочешь насладиться моими страданиями, для этого есть способы и попроще.

– Страдать тебе не придется. Ты просто все меньше будешь в нем нуждаться, становясь все сильнее. Пока ты пребывал в криосне, я велела твоей капсуле провести кое-какие нанотерапевтические корректировки. Они еще не завершились – клетки не так-то просто перемещать в замороженном виде, – но со временем ты ощутишь результат. От твоих старых костей мне нет никакой пользы. Я перестраиваю их, сбавляя твои годы. Ничего магического, всего лишь комплекс методов омоложения, на которые мы и внимания бы не обратили три столетия назад. Будет немного больно, пока к тебе не вернутся силы, но это приятная боль.

– У меня внутри какие-то машины?

– Ну вот, опять беспокоишься попусту. Не надо. Вероятность, что тебя коснется хоть одна спора чумы, пренебрежимо мала, и я даже не стала бы рисковать, не будь мои средства абсолютно надежны. – Она подняла тяжелый бокал без малейшей дрожи в

руках.

– Во что ты пытаешься меня превратить?

– Не превратить, а снова сделать тем, кем ты был.

– Я никем никогда не был.

– И тем не менее некто, заявляющий, будто никем никогда не был, каким-то образом оказался во главе пяти тысяч человек, которыми ему удается управлять, несмотря ни на что, уже на протяжении тридцати лет.

– Кто-то должен был это сделать.

– Когда-то, – сказала Сидра, глядя на меня сквозь красную толщу вина, – ты был солдатом.

– Думаю, я бы об этом помнил.

– После того как ты зашифровал и заблокировал собственные воспоминания – уже нет. – Сидра сплела пальцы, с серьезным видом глядя на меня, отчего мне все больше становилось не по себе. – Вас было двое братьев, и обоим была предначертана военная судьба. Твой брат родился много лет назад и стал важной персоной. Его звали Невил Клавэйн, и он был крупным военачальником во время первой войны с сочленителями. Он воевал на стороне Коалиции за нейрочистоту, организации, выступавшей против экспериментов сочленителей на Марсе. Но случилось так, что Невил Клавэйн попал в плен к сочленителям, а потом его отпустили, не причинив никакого вреда. Пережитое подорвало его верность Коалиции, и позже он перешел на другую сторону. С тех пор он действовал в интересах сочленителей, но так и не проникся их духом, всегда чувствовал себя чужим для них.

– Нет! – резко возразил я. – Не имею ничего общего с этим человеком… с этим чудовищем.

А потом подумал: ведь я видел странный сон о Марсе, о войне, бушевавшей века назад.

– Позволь мне продолжить, – спокойно произнесла Сидра.

– Да, пожалуйста, – с чувством обреченности ответил я. – Готов слушать до победного конца.

– Клавэйн прожил несколько веков. На склоне своих лет он участвовал в первых попытках сопротивления волкам. Среди сочленителей шла фракционная борьба из-за различных мнений насчет стратегии, велись споры по поводу запрещенного оружия и опасных экспериментов. В конце концов Клавэйн погиб – к великому моему сожалению, поскольку я считаю, что нам бы помогли его стратегические и тактические способности, включая одну крайне важную информацию.

– И ты полагаешь, что у меня она есть?

– Собственно, я нисколько не сомневаюсь, что у тебя ее нет.

Подняв бокал, я выпил за тщетность ее миссии.

– В таком случае мне очень жаль, что ты впустую потратила столько лет.

– Вовсе не впустую. – Сидра замолчала, увидев появившихся с предсказуемо аппетитной едой роботов.

Она смотрела, как те расставляют блюда, и от ее легкой улыбки мне стало неуютно.

– Судя по обстоятельствам гибели Клавэйна, есть вероятность, что крайне важную для моей миссии информацию все еще можно найти на Харибде. Я пыталась раздобыть ее сама, но не сумела. Возможно, у кровного родственника Невила будет больше шансов.

– Даже если хоть что-то из этого правда… я для тебя бесполезен. Потому что я не тот, кто тебе нужен.

– Нет, Уоррен, ты именно тот.

– Кто такой Уоррен?

– Ты, – ответила Сидра. – Таково твое настоящее имя. Уоррен Клавэйн. Ты был одним из элитных стратегов Коалиции за нейрочистоту, мыслителем и воином в одном лице. Для вашей небольшой группы суперсолдат у вас имелось свое, достаточно возвышенное название.

– Какое? – спросил я, не в силах унять нервную дрожь.

– Рыцари Кидонии. – Сидра указала на еду и предложила, пока жалкие остатки моей уверенности в себе проваливались в чудовищную бездну: – Угощайся, сэр рыцарь. Нам предстоит большая работа.

Вернувшись в свою каюту на «Косе», я обнаружил там нечто новое. Оно стояло на прикроватной тумбочке, удерживаемое зажимом на случай внезапных изменений местной силы тяжести. Это было какое-то украшение, оказавшееся весьма тяжелым, когда я его взял, – толстое деревянное основание с торчавшим из него вертикально металлическим стержнем, который, в свою очередь, поддерживал кусок шершавого полупрозрачного материала.

Я пощупал материал – грубо обработанный параллелепипед, шириной сантиметров двадцать и чуть больше в длину, плавно изогнутый в двух направлениях, так что казалось, будто стержень поддерживает фрагмент, вырезанный из какого-то большого предмета приблизительно сферической формы. В толщину параллелепипед был примерно с половину моего мизинца, с неровными краями. Поверхность его была покрыта ямками и царапинами, создававшими впечатление неких форм и цветов, но никакого конкретного изображения я различить не смог. В глаза бросилось маленькое отверстие посередине, от которого

расходилась сеть тонких трещин.

Я повертел украшение в руках, не сомневаясь: оно должно что-то для меня значить и я при неких обстоятельствах уже видел его раньше. А еще я был уверен в том, что его присутствие здесь не случайно. Сидра точно знала, что вещица меня встревожит.

– Вера, – против воли прошептал я, глядя на украшение. – И Надежда.

А затем:

– И Любовь.

В приступе злости я швырнул украшение на стол. Но ни одна его часть не сломалась.

Часть третья
Свинарник

Глава 9

Я падал на Марс верхом на каменной глыбе.

Рядом со мной падали еще двое солдат. Каждый был втиснут в одноместный десантный кораблик размером немногим скафандра. Кораблики, имевшие форму куколки насекомого, крепились к камню лишь передней частью, в то время как их сужающиеся хвосты торчали в космос. Черные на черном, кораблики прятались на задней поверхности камня. Кроме наших трех, имелся еще четвертый, пока пустой.

Я огляделся, корчась в тесных противоперегрузочных снастях. В глаза било солнце, затемненное до терпимого уровня фильтрами моего визора. Однако даже в его ярком свете наши кораблики выглядели лишенными каких-либо черт или формы – просто черные пятна на поверхности камня.

На кромках визора появились отображавшие состояние графики – системы пробудились или перезагрузились после долгого сна. Пробежавшись по графикам взглядом, я понял, что с моим телом, скафандром и кораблем все в порядке. Судя по поступившим от руководства нашей миссии данным, вторая фаза операции завершилась удачно. Капсула вошла в атмосферу, и, вместо того чтобы сбить, ее пропустили, устроив так, чтобы орбитальные пушки не сумели ее перехватить.

Анализ сердцебиения показывал, что в капсуле находятся шестеро. Они уже почти неделю пребывали на поверхности Марса. Судя по данным температурного сканирования, капсула выдержала вход в атмосферу и посадку и ее обитатели остались живы. Но никакого движения с их стороны не наблюдалось, и никакие другие силы сочленителей не пытались добраться до них из Материнского Гнезда.

Однако в том, что они появятся, я нисколько не сомневался. Для Галианы эта капсула – слишком соблазнительная добыча, чтобы ее проигнорировать.

Мой скафандр установил связь ближнего радиуса с другими десантными кораблями. По поступавшим с них биометрическим данным я понял, что двое солдат тоже выходят из анабиоза.

Я пососал трубочку, смочив губы и горло, и попытался заговорить:

– Надежда? Любовь?

Мгновение спустя последовали слабые, но отчетливые ответы.

– Я здесь, Вера, – сказал Надежда.

– Я тоже, – сказала Любовь.

– Хорошо. С возвращением. – Я не добавил: «К миссии, в которой, скорее всего, мы все погибнем».

Напоминания не требовалось – никто из нас не знал, каковы его шансы выжить, но иллюзий не питал. Предприятие было крайне рискованным, без возможности найти укрытие или получить подкрепление, если что-то пойдет не так.

– Вы получили ту же информацию, что и я, хотя, возможно, еще ее не усвоили. Вкратце: капсула вошла в атмосферу и совершила посадку в восьмистах километрах к северу от предполагаемого места нашей высадки. Она там уже шесть дней. Пауки даже не пошевелились.

– Думаешь, почуяли ловушку? – спросил Надежда.

– Нет. С чего бы? Это вполне законная капсула с изменниками, которая сумела преодолеть нашу защиту, и, пока мы ее не коснемся, ловушкой она не станет. До этого момента она является именно тем, чем кажется, и они рано или поздно что-нибудь предпримут. Единственное, из-за чего они еще этого не сделали, – инстинктивная осторожность и понимание того, что спешить им некуда. Но мы создадим им стимул.

– Есть указания на место нашей встречи? – спросила Любовь.

– Наиболее предпочтительная точка – лагерь маскиан в двухстах километрах к югу от капсулы. Кто-то из нас, вероятно, прибудет на несколько часов раньше остальных. Его задача – обеспечить укрытие и начать проверку систем, сперва прочесав окрестности на предмет паучьих ловушек.

– Можно подумать, мы об этом забыли, – сказал Надежда.

– Вы будете все в синяках от удара при посадке, к тому же уставшие после тяжелого трехсуточного похода без сна. В реальности все бывает намного хуже, чем на тренажерах.

– Что ж, это радует, – усмехнулся Надежда.

– Побольше оптимизма, – ответил я. – Пока у вас одна задача: остаться в живых, спускаясь на планету верхом на взрывающемся астероиде.

– Я готова, – сказала Любовь.

Она говорила вполне серьезно, и я ею восхищался. Идеальное приобретение для Коалиции – отважная, целеустремленная, самоотверженная, преданная делу борьбы с сочленителями. Никто не знал о происходившем в головах пауков лучше, чем эта одаренная молодая женщина из психохирургической службы. И немалую честь ей делало то, что в этой операции она согласилась

участвовать добровольно.

Или, если говорить прямо, не стала отказываться, когда ее сочли пригодной.

Я почти жалел, что не знаю, как ее зовут на самом деле.

Отключив темнопривод, Сидра скользнула под прикрытие вереницы трупов, остававшихся на орбите Йеллоустона.

Десять тысяч поселений, тысячи больших кораблей и десятки тысяч кораблей поменьше превратились в гирлянду из руин. Около трех тысяч поселений еще можно было опознать, но даже они беспорядочно кувыркались, взорванные и потерявшие воздух. От прочих остались лишь обломки миниатюрных планет, куски субсветовиков и внутрисистемных кораблей, фрагменты человеческих тел.

Сидра не отрывалась от дисплеев, на которых светились пики, волны и беспорядочные последовательности двоичного кода.

Я поерзал в противоперегрузочном кресле, пытаясь найти наименее болезненную для суставов позу.

– Что мы ищем?

– Что-нибудь с признаками жизни, – ответила она, понизив голос, будто нас могли подслушать. – В идеале – нечто с признаками жизни, способное с нами общаться.

– Я думал, мы уже перестали говорить друг с другом загадками.

Сидра слегка пожала плечами:

– Здесь не все полностью мертвое. Есть фрагменты кораблей, сохранившие остаточную функциональность. Есть поселения, где еще работают на минимальной мощности обслуживающие устройства, хотя обслуживать им больше некого. Космические маяки, автоматически передающие коды.

– И чем это может нам помочь?

– Некоторые из них продолжают посылать информацию, как будто ничего не изменилось. Сигналы дальномеров, опознавательные запросы, авторизация приближения и так далее. Это как последние электрические импульсы в умирающем мозгу. Своего рода машинное старческое слабоумие.

– Думаешь, какой-то из этих сигналов исходит из корабля, который должен был встретить нас внутри Иоанна Богослова?

– Не обязательно. Но если мои союзники тут были, их могла обнаружить какая-нибудь система слежения и зафиксировать их перемещения. Если удастся найти следящее устройство и исследовать его память, я узнаю, когда они прибыли. – Она помолчала, закусив губу. – Но пока что эти системы не отвечают.

– Ты с ними общаешься? Не слишком ли рискованно после всех наших усилий остаться незамеченными?

– Да что ты все время беспокоишься? – (Я увидел в ее глазах нечто среднее между удивлением и разочарованием.) – Как ты вообще мог воевать?

– Я не солдат.

– О том, что ты солдат, говорит даже твое имя – оно происходит от слова «война». Когда вы с братом в детстве играли на песчаных дюнах около дома, брат называл тебя Воином. Об этом упоминается в одном из файлов с военными биографиями, в том месте, где рассказывается, как вас обоих повысили до небесных маршалов. Разве не здорово? Он предвидел, кем ты станешь!

– Да ты в своем уме?

Она задумалась.

– Что ж, может, и нет, если под пребыванием в своем уме понимать деятельность в функционально предсказуемом объеме ментального фазового пространства. Ко мне это точно не относится. – Сидра по-кошачьи передернула плечами, будто ей казалась отвратительной сама мысль, что она может быть нормальной. – Но я и не безрассудна, дорогой мой Воин. Все те сигналы, которые мы обсуждаем, работают на минимуме энергии, в крайне узконаправленном режиме. Поскольку я имитирую здешние сигнальные протоколы, любое обратное рассеяние будет выглядеть как случайная утечка переговоров вроде тех, которые велись здесь десятилетиями. Проблема в том, что нет никаких признаков…

Сидра замолчала и, прищурившись, устремила взгляд черных глаз на один из дисплеев.

– Что ты хотела сказать?

– Пока что я не получила ответа ни на одну просьбу о доступе к реестру внутренних данных. Вероятно, это означает, что большая часть передатчиков для нас бесполезна, поскольку не способна записывать историю событий. Зато этот сигнал выглядит куда более многообещающе. Он слабый, но его выходные импульсы не так искажены, как у других, и он реагирует на мои вызовы.

– Он посылает тебе запись перемещений?

– Нет… Возможно, потребуется его убедить. Но, по крайней мере, он понимает суть моего запроса. Однако я не стану рисковать, пока мы не продвинемся дальше вдоль орбитального потока.

Нам приходилось пользоваться реактивной тягой, чтобы оставаться на одной и той же высоте над Йеллоустоном, двигаясь

при этом быстрее, чем обращавшиеся вокруг планеты останки. Сидра экономно расходовала энергию двигателей, включая их ненадолго, и при возможности применяла любой крупный и относительно цельный объект в качестве прикрытия для смены курса.

По прошествии двадцати достаточно нервных минут на «Косе» раздался предупреждающий сигнал, который извещал о появлении впереди некой массы, превосходившей по плотности все, что встречалось нам раньше. Сидра замедлила наше приближение к цели, сбросив скорость относительно движения орбитального потока до километра в секунду.

– Не знаю, насколько велики были самые крупные сооружения, – призналась в собственном невежестве Сидра, что с ней бывало нечасто. – Но некоторые, похоже, движутся как единое целое, а не по независимым орбитам. Не знаю почему. Придется каким-то образом проникнуть в эти руины. Похоже, именно там находится маяк, который я ищу.

– Можно поискать другой маяк.

– Мы и так уже все обшарили. Рассчитывать больше не на что.

Мы плыли среди черных айсбергов – разрушенных анклавов, пространство между которыми медленно сужалось. С расстояния в десять километров они выглядели абстрактными фигурами, сохранившими лишь следы прежнего облика – разорванный цилиндр, раскрывшийся лепестками с одного конца, будто жерло пушки, в которой застрял снаряд; кусок дуги космического колеса; разбитая сфера, из которой давно вывалились все потроха. Я подумал о миллионах тех, кто, возможно, называл эти миры своим домом, о жизни, которая когда-то шла своим чередом в их теплом уютном нутре.

«Коса» опять издала предупреждающий сигнал, на этот раз другой тональности.

– Что такое?

Сидра смотрела на дисплей, сосредоточенно закусив губу. Судя по ее застывшему взгляду, она вела напряженный диалог с кораблем. Наконец отстегнула ремни, удерживавшие ее в кресле.

– Жди здесь. Сейчас вернусь.

– Не слишком подходящее время для туалета, Сидра. Может, потерпишь? Или никак?

– Если бы ты знал, что мне приходится сдерживать в себе, не стал бы так шутить. Поосторожнее с юмором.

Через минуту-другую она вернулась, неся цилиндр размером с небольшой кислородный баллон. На его скошенных торцах виднелись толстые металлические заглушки с мерцавшими на них огоньками. Это был контейнер со стеклянными стенками,

испускавший бледно-фиолетовое сияние.

В центре этого сияния парила черная точка.

– Знай своего врага. Полагаю, ты видел издалека, как это действует. Но держать в руках вещь, способную уничтожить человечество, – совсем другое дело.

Сидра протянула мне цилиндр с таким видом, будто тот был воплощением зла, а я – обреченным получателем этого дара.

– Разумеется, мы все это видели, – спокойно ответил я.

– До того, как покинули человеческую цивилизацию, или после?

– Немного и до, и после.

Хотя цилиндр был невесом, я ощущал массу его бронированной оболочки и мощных сдерживающих механизмов. Я сразу же понял, что черная точка – машина ингибиторов, частица волка, или в некотором смысле волк целиком. Если ее увеличить, я увижу идеально черный куб. Точнее, я увижу квадрат или шестиугольник, в зависимости от угла зрения, поскольку трехмерную сущность кубов ингибиторов невозможно воспринять. Их грани и ребра столь же неуловимы для света, как горизонт событий.

– Что такое случилось с «Салмакидой», что вы взяли курс на AU Микроскопа? Вряд ли это планировалось изначально, когда корабль стартовал.

– Да, не планировалось, – осторожно ответил я. – Когда мы улетали, уже ходили слухи о войне, но ею было охвачено относительно небольшое число планет и систем, и многие считали, что скоро она закончится сама собой, поскольку вряд ли какие-то восставшие из мертвых инопланетные машины способны победить цивилизацию, которая уже пережила плавящую чуму и множество собственных войн. Некоторые из нас надеялись, что нужно лишь перегруппировать силы и дать отпор и в этом нам поможет одна из планет, где уже есть люди.

– И тем не менее от этого плана отказались.

– На полпути капитан с командой вывели из анабиоза четверть пассажиров, а остальных пробудили до базового уровня сознания. Нам устроили опрос в лучших традициях демархистов. К тому времени на «Салмакиду» обрушилась целая лавина сигналов, полных тревоги и паники. С разных планет, с разных кораблей. Общим было лишь одно – рано или поздно все эти сигналы бедствия смолкали. Куда бы мы ни бросали взгляд, повсюду появлялись волки, вокруг каждой заселенной звезды. Зачастую становилось ясно, что они с самого начала были рядом с нами: спящие и никем не замеченные, дожидались момента активации. О безопасной гавани в известных системах теперь не

стоило мечтать. Требовалось проложить новый курс к какой-то планете, где никогда не ступала нога человека и куда с наименьшей вероятностью могут заглянуть волки. Предложений поступило много, но большинство из них были сочтены неприемлемыми по тем или иным причинам.

Я… выступал за систему Михаила, – продолжал я. – Сперва моя идея встретила сопротивление. Кому охота провести остаток жизни, прячась внутри безвоздушной, выжженной звездным излучением каменной глыбы, бегающей по орбите внутри облака космического мусора? Но возражения отпадали одно за другим. Мы могли добраться до этой системы, не слишком приближаясь к скопищам волков, а метеоритное облако вокруг звезды и ее излучение обеспечивали идеальную защиту, особенно на первых порах, когда мы трудились над разборкой корабля.

– Что ж, хорошо, что твой голос восторжествовал.

– Если бы мы полетели куда-то еще, возможно, точно так же справились бы.

– Но ты этого не знаешь.

– Я знаю, что Солнечный Дол дался нам нелегко и что многие хотели меня линчевать за мое предложение.

– И все же в итоге ты фактически стал их главой. – Сидра посмотрела на меня с холодным восхищением, какое обычно приберегают для хорошо закаленного клинка. – Право голоса имел каждый пассажир, но твой оказался убедительнее.

– Кому-то все равно пришлось бы. Команда корабля передала все полномочия гражданскому совету поселения. Если бы образовался вакуум власти, скорее всего, я помог бы его заполнить. Но я вовсе не принимал решения в одиночку, будто какой-то самодержец. Были еще Морган Валуа и… Рюрик Тэйн.

– Тот, которого ты потом застрелил или пытался застрелить?

– Все, к чему нас вынуждали обстоятельства, Сидра, было связано исключительно с волками. – Я взглянул на предмет у себя в руках, вновь почувствовав его странную и пугающую притягательность. Ни одна ядовитая змея или паук не могли вызвать у меня большего трепета. – Я видел все те передачи. В том, как умирали люди, не было ничего отстраненного или абстрактного. Истребление человечества – не просто некая бюрократическая процедура. Это крики, удушье, отчаяние, ужас, боль и тоска, и ты знаешь, что они не закончатся никогда. Я увидел все это и поклялся, что в Солнечном Доле ничего подобного не случится. – Я сглотнул, ощутив вдруг сухость в горле. – И я сдерживал свое обещание до самого конца.

– Обещание, которое едва не довело тебя до массовой резни. Бедный мой брат Воин.

– Хватит, – со злостью бросил я. – Ты не была там, в тех пещерах. И у тебя нет никакого права меня судить.

– Есть, и более чем. Разве приговоренная не вправе высказать все, что она думает о своем палаче?

– Я сказал, что убью тебя, Сидра, но пока что не убил. – Я вздрогнул, пытаясь выбросить из головы ее безумные вопросы. Кусок стекла с неровными краями, просверленный посередине… – Это… волк, – сказал я, сосредоточиваясь на практических аспектах предмета, который держал в руках. – Как он тут оказался? И в самом ли деле ты уверена, что он мертв?

Сидра вздохнула – то ли с облегчением, то ли с разочарованием из-за того, что я не позволил ей и дальше бередить раны моего прошлого.

– Его обнаружила «Коса». Он упал на корпус корабля и сразу был опознан, помещен в карантин снаружи, а затем доставлен внутрь для исследования. Что касается второго твоего вопроса, то он не мертв. Иначе бы мы его не увидели. Когда волк умирает, куб схлопывается и остается лишь крохотная горстка пыли. Поскольку куб наличествует и корабль на него среагировал, это означает, что волк жив. Но, вероятнее всего, он пребывает в спящем или ослабленном состоянии и потому не представляет для нас непосредственной опасности. Можно? – Сидра осторожно забрала у меня контейнер и что-то проделала с органами управления на его торце. – Смотри, сейчас я уменьшу его сдерживающую силу.

– С ума сошла?

– Я сказала – уменьшу, а не отключу.

Пальцы Сидры забегали по кнопкам, будто по клавишам аккордеона. Машина ингибиторов увеличилась в размерах, превратившись из точки в черное пятнышко величиной с чешуйку кожи. Однако я все так же не мог различить ее структуру, увидеть хоть какой-то намек на глубину. Сидра позволила ей еще немного вырасти – до размеров рисового зернышка, потом изюминки, потом маленькой игральной кости с пустыми гранями.

– Хватит, – прошептал я.

Контейнер дрожал в ее руках. На его концах пульсировали красные огоньки.

– Ага, значит, ты все-таки живой. – Сидра позволила кубику еще увеличиться, так что размерами он теперь походил на те, в которые играют дети. Фиолетовое свечение усилилось, красные огоньки теперь горели непрерывно – устройство сдерживало стремление куба расширяться дальше. – Ты ведь спал, пока не наткнулся на меня? Спал и почти забыл, кто ты. Кем должен быть. Но теперь вспоминаешь. – Она подняла устройство так, что куб

оказался на уровне ее глаз. – Столько решимости, столько зла, столько страстного желания исполнить свой долг. Столько… самоотверженности. – Она щелкнула пальцами, и бока устройства ярко вспыхнули белым.

Я моргнул, а когда в глазах прояснилось, увидел, что цилиндр пуст и фиолетовое свечение тускнеет. Сидра открыла маленькую крышку в его основании, и высыпалось чуть-чуть мелкой пыли. Растерев пыль в пальцах, она поднесла их к моему носу. – Понюхай. Именно так пахнет истребление человечества.

– Как фейерверк?

– Не знаю, как пахнут фейерверки. Но говорят, все мы по-разному воспринимаем этот запах. Он пробегает по обонятельному нерву и находит в каждом из нас что-то свое. Некие воспоминания или нечто связанное со смертью.

– Как я понимаю, эта пыль безвредна?

– Инертная материя. Когда волки схлопываются – когда внешняя сила превосходит их способность генерировать поле, – они не оставляют после себя ничего полезного, ничего такого, что низшие существа могли бы воспроизвести и обратить против них. Так что – да, она безвредна.

– Собственно, в этом не было никакой необходимости, Сидра.

– Напротив, была, и немалая. В тех передачах ты видел худшее, на что они способны. Вопли и горе. Я тоже получила свою долю. И тебе знаком более медленный и мучительный кошмар, когда приходится прятаться годами, десятилетиями, и единственная ошибка может стать роковой. Этот кошмар проникает в каждую твою мысль, в каждое сновидение. Он лишает надежды и пятнает любое радостное событие мыслью, что все может скоро закончиться, причем ужасно. Но есть и иная истина, которую мы должны всегда помнить. Несмотря на все то, что волки с нами сотворили, поставив нас на грань гибели, они не неуязвимы. Мы можем убить их, и мы это сделаем.

Пару секунд слова Сидры эхом отдавались в моей душе. Наконец я ответил:

– Возможно, мы способны их убить. Но только если они будут любезно являться по одному или по двое, причем в полусонном состоянии.

– Найдутся и другие средства. Собственно, они уже есть. – Сидра отложила контейнер, который, похоже, исполнил свое предназначение – шокировать меня или вдохновить, а может, и то и другое вместе. – Теперь мы по крайней мере знаем, что волки все еще здесь, пусть и в состоянии некой спячки. «Коса» может справиться по-тихому с небольшим их отрядом. Но сталкиваться с более крупными стаями крайне нежелательно.

– А если все-таки столкнемся?

– Возможно, нам стоит поискать какого-нибудь убийцу волков. – Сидра немного помолчала. – Что мы в любом случае сделаем – с твоей помощью.

По мере того как мы приближались к поселениям, расстояние между ними уменьшалось до каких-то сотен метров. В похожих на каньоны пространствах царила темнота, и я испытывал неодолимое желание повернуть назад. Но Сидра продолжала следовать сигналу маяка, и ничто не могло ее устрашить.

– Видишь? – вдруг спросила она.

– Что?

– Черные нити, какие-то темные структуры, соединяющие эти дрейфующие громадины. Вот почему они движутся по одной и той же орбите. Их тащат на буксире. – Она на минуту задумалась. – Вряд ли это имеет отношение к волкам. Если бы они намеревались поглотить эти руины как питательный материал, уже давно бы это сделали. Впрочем, им это ни к чему – в системе хватает сырой материи, бери не хочу.

– Тогда что это?

– Нечто местного происхождения, вышедшее из-под контроля. Возможно, штаммы чумы, вырвавшиеся из частных виварием или потайных ниш, где их не удалось полностью уничтожить. А может, некий преднамеренно запущенный самовоспроизводящийся биологический или кибернетический процесс, который теперь неограниченно разросся, превзойдя любые прихоти его создателей.

– А волки не вернутся, чтобы его прекратить?

– Вряд ли это настолько их заботит. Для них это мелочь.

– Мелочь?

– Волки уже раздирали в клочья целые цивилизации, многие из которых наверняка порождали в терминальной стадии нечто подобное, своего рода маркер предсмертных судорог высокоорганизованного общества. – Немного подождав, она вывела на дисплей синтезированное изображение замысловатых сетевидных структур, связывающих руины, – расходящиеся в стороны голубые линии, пересеченные голубыми же концентрическими окружностями. – Ничего не напоминает?

– Паутина. А там, где паутина…

– И потому нам нельзя медлить. Маяк прямо впереди, закреплен на внешней стене ближайшего поселения. Иди надевай скафандр. Когда поравняемся с нашей целью, ты должен быть готов к выходу.

– А кого-нибудь из твоих роботов послать нельзя?

– В отличие от скафандров, они не способны эффективно передвигаться в вакууме. И если уж я собралась доверить тебе скафандр, то вполне могу дать ему возможность действовать автономно.

– До чего же я рад, что смогу действовать автономно, – ответил я.

Чтобы добраться до маяка, от скафандра не требовалось особых усилий – нам предстояла всего лишь быстрая прогулка через пару сотен метров открытого космоса. Ко времени моего выхода роботы доставили в шлюз автоматический зонд, который теперь висел за моей спиной, разматывая тонкую как волос нить, связывавшую его со «Косой». Основную часть зонда составлял короткий цилиндр с двумя ручками и встроенным в один из его торцов набором захватов, резаков и дрелей. Сидра заверила меня: он знает, что делать.

Пространство, в котором я плыл, представляло собой похожую на каньон щель между двумя поселениями, которые сблизились друг с другом, но не сплавились вместе. Испещренные вмятинами и шрамами поверхности были готовы сомкнуться, будто пара гнилых коренных зубов. Они тянулись во все стороны, оставляя лишь узкие промежутки сверху и снизу. Почерневшие и покрытые коростой стены не испускали света, но внизу простирался Йеллоустон, ярко освещенный лучами Эпсилона Эридана. Часть отраженных лучей проникала в ущелье между поселениями, отбрасывая отблеск цвета сепии на корабль, мой скафандр, стены поселений и тянувшуюся между ними паутину.

Сидра загрузила в скафандр навигационные данные маяка, но мне все же потребовалась минута, чтобы опознать цель. Маяк имел форму двенадцатигранника около четырех метров в поперечнике, с панелями из какого-то блестящего вещества. Его частично окутывала паутина, связывавшая его со стеной, но не настолько плотно, чтобы нельзя было добраться.

По мере моего приближения паутина утолщалась. Скафандр хотел ринуться напролом, но я замедлил его и переключил в полностью ручной режим. В конце концов мне пришлось подогнуть руки и ноги, чтобы протискиваться в самые узкие проходы. Добравшись до маяка, я сумел распрямиться и поставить ногу на выступ стены, а затем положить руку на одну из панелей двенадцатигранника.

Мы знали, что маяк работает, так что меня нисколько не удивил мерцающий за панелью огонек – единственный признак жизнедеятельности, который я видел в окрестностях Йеллоустона, знак того, что наша цивилизация способна была

оставить после себя нечто большее, нежели безмолвные руины. Прежде чем двинуться дальше, я взглянул сквозь паутину, убедился, что «Коса» на месте. Сидра не выходила со мной на связь, даже не послала сигнал, но я представлял себе, как она наблюдает за моими успехами.

Я приставил режущую кромку зонда к ближайшей и наименее заслоненной панели. В последнее мгновение зонд вырвался из моей руки и зафиксировался на поверхности маяка. Положив ладонь на другую грань маяка, я ощутил вибрацию, которая продолжалась минуту или две, а затем прекратилась. Маяк слегка подрагивал и сотрясался, но я уже знал, что зонд вонзил свои клыки в его внешнюю броню и теперь преодолевает более мягкую ткань логических массивов и регистров памяти.

Маяк тревожно мерцал огоньками. Я настороженно наблюдал за ними, желая, чтобы приключение поскорее закончилось. Пока дело ограничивалось огоньками, опасности не было – вряд ли их свет можно заметить за пределами каньона.

Маяк резко дернулся, едва не сбросив меня с моего насеста. Видимо, зонд прорвал какую-то внутреннюю мембрану… а может, разрушил находящийся под давлением сосуд или элемент питания. Огоньки погасли. Зонд прекратил свои усилия.

– Сидра… – начал я, но тут зонд вздрогнул и возобновил работу, послав импульс по линии обмена данными, – и маяк в буквальном смысле завопил.

Половина его граней вспыхнула ослепительным розовым светом, и он начал подавать пронзительный сигнал тревоги в широком диапазоне частот, в усиленном виде поступавший в шлем моего скафандра. Я не сомневался, что сигнал достаточно мощный и его можно принять на другом полушарии Йеллоустона, а может, и дальше.

Я попытался отсоединить зонд, но тот будто врос корнями, продолжая сверлить. Сдвинуть его было невозможно.

– Сидра! – заорал я, воспользовавшись каналом связи скафандра с кораблем; теперь, когда мы уже производили столько электромагнитного шума, это не имело значения. – Из-за тебя тут что-то сработало! Заставь его замолчать!

– Нет, еще рано. Данные только начали поступать на «Косу».

– Волки услышат!

– Что случилось, то случилось, уже ничем не поможешь. Остается лишь надеяться, что волки воспримут сигнал как естественное последствие происходивших здесь разрушительных процессов. К тому же я изучаю ряд способов, как перехватить управление…

– Изучай быстрее!

Маяк смолк. Панели перестали мигать розовым. Все закончилось так же внезапно, как и началось, но меньшим потрясением для меня не стало.

Казалось, зонд впрыснул в добычу смертельный яд и теперь высасывает ее досуха. Я еще несколько секунд понаблюдал за ним, гадая, есть ли смысл оставаться тут. Если вернусь, «Коса» наверняка сумеет втянуть зонд обратно без моей помощи.

Маяк снова слабо шевельнулся в своем гнезде из паутины, но на этот раз инициатива исходила не от него, а от самой паутины, пришедшей в движение. Я замер, озираясь. То, что до этого выглядело неподвижным, начало ползти и сочиться. Отблески цвета сепии подчеркивали тысячи теней, наползавших со всех сторон, по мере того как паутина сжималась, расширялась и плыла в соответствии с неким обширным, медлительным и тщательно скоординированным планом.

Я оттолкнулся от уступа и устремился в открытый космос. Зонд мог рисковать и дальше, но мне хотелось убраться из зоны, где паутина была наиболее плотной. Она уже полностью окутала маяк, заключила его в сжимающийся кокон из ползучих нитей. Сидра настроила скафандр так, чтобы он ориентировался по маяку, но предоставила мне самому прокладывать обратный путь к «Косе». Я все еще мог различить черное пятно корабля, но, по мере того как пространство передо мной перечеркивали нити паутины, сосредоточиться на нем становилось все сложнее. Паутина теперь двигалась, как и та, что возле маяка, причем все резвее. Некоторые нити были толщиной с древесный ствол, они сгибались и извивались с молчаливой голодной целеустремленностью питонов.

– Сидра, – сказал я, чувствуя, как страх превосходит желание не издавать ни звука, – похоже, мы запустили какой-то процесс. Лучше уведи «Косу» подальше отсюда.

– Я еще не закончила. Оставайся возле зонда, на случай, если он отсоединится.

– К черту зонд! Я уже возвращаюсь. Но мне хотелось бы, чтобы к моему прибытию корабль был цел и невредим.

– Это было единственное твое испытание. Единственное, о чем я тебя попросила…

– В смысле, потребовала?..

– Возвращайся, – прошипела Сидра.

Что-то ухватило меня за лодыжку, и скафандр резко остановился, не успев набрать хоть какую-то скорость. Черное щупальце сжималось все сильнее, образовав петлю. Отбиваясь всеми конечностями, я сумел освободиться – похоже, за миг до того, как петля лишила бы меня возможности сбежать. Возможно,

у скафандра имелись в резерве некие средства, но я не был готов поставить на них собственную жизнь. Тяжело дыша, я включил реактивные двигатели. К «Косе» все так же тянулась тонкая нить, в которой отразился последний золотистый отблеск Йеллоустона, прежде чем планета под нами погрузилась в ночь. Корабль, до которого оставалось менее двухсот метров, теперь виднелся отчетливее, но его корпус активно исследовала паутина. Сидра наверняка об этом знала, но продолжала медлить с отлетом, намереваясь высосать из своей добычи все данные до последней капли. Если бы в моем скафандре имелось нечто, способное перерезать эту нить, я бы сделал это, не колеблясь.

Нить ослабла, а затем натянулась снова.

– Зонд возвращается, – сказала Сидра. – Хватайся за него. Так будет быстрее, чем лететь за счет двигателей скафандра.

Оглянувшись, я увидел мчащуюся ко мне сверлильную головку, которую тянула быстро вращающаяся лебедка. У меня имелся лишь один шанс поймать головку, а разница скоростей уже составляла четыре или пять метров в секунду. Мне бы наверняка вырвало из суставов руки, если бы не скафандр. Я сумел удержаться, чувствуя, как изо рта вырывается хриплое дыхание, а затем возник новый повод для тревоги. Сидра так быстро буксировала меня, что мне грозила опасность врезаться в заднюю стену шлюза. В последнее мгновение я отпустил лебедку, и скафандр начал собственную процедуру защиты от столкновения, прежде чем я успел дать команду двигателям. Я резко затормозил, но сознания не потерял и почти мирно вплыл в шлюз. К тому времени люк начал закрываться – мы уже стартовали.

Но не столь быстро, как, возможно, хотелось бы Сидре. Паутина успела окутать «Косу» и теперь сжимала свои объятия.

Глава 10

Когда мы наконец освободились, наверное, даже Сидра поняла, что перегнула палку.

– Надеюсь, оно того стоило.

– Я тоже надеюсь, поскольку мне бы не хотелось снова полагаться на тебя. К счастью, другие маяки искать не нужно – от этого я получила все, что требовалось. Шесть лет назад эти руины посетил некий корабль. Откуда он отправился, маяку неизвестно, но вряд ли стоит сомневаться, что он с того субсветовика.

– Почему ты решила, что это не какой-то другой корабль, не имеющий отношения к твоим товарищам?

– Потому что никаких других кораблей нет. Это единственное

зафиксированное пересечение границы системы за пятьдесят три года. Никто больше не приближался настолько, чтобы его зарегистрировал маяк.

– Прежде чем возлагать все надежды на единственный факт…

– Это они. Все сходится. Они направились прямо к Йеллоустону, а потом затерялись в атмосфере. Две недели спустя маяк зарегистрировал корабль такого же типа, покинувший Йеллоустон. Но до Иоанна Богослова они так и не долетели.

– Значит, с ними все-таки что-то случилось. Может, попали в паутину или к ним прицепились волчьи кубики, которых оказалось слишком много.

– Не думаю.

Я решил, что мне больше нравится, когда Сидра в чем-то уверена. Если уж меня вынудили сотрудничать с безжалостным ангелом смерти, хотелось бы, чтобы он был полностью лишен сомнений. Сомнения пусть остаются для других.

– Маяк о чем-нибудь сообщил?

Похоже, мой вопрос показался ей не полностью идиотским – ответ был на удивление вежлив:

– Он не хранит подробной записи их перемещений. Одиночный маяк не в состоянии охватить все руины и Йеллоустон в придачу. Но, судя по тому, как они покинули атмосферу, нет оснований считать, что у них имелись какие-то проблемы с кораблем. Такое впечатление, будто перед тем, как их след пропал, они двигались к некоему небольшому телу на одной из внешних орбит. Больше они не появлялись. Скорее всего, все еще ждут на орбите, но хорошо замаскировались, чтобы их никто не мог обнаружить.

– Знаю, тебе хочется верить, что они живы. Но шесть лет – слишком долго, чтобы торчать где-то без особых на то причин.

– Вероятно, они решили, что прибыть на договоренную встречу слишком опасно. Возможно, усилилась активность волков, либо появилась какая-то иная угроза. – Сидра сжала кулак, будто поймала какую-то мысль и стиснула ее, надеясь выжать сок. – Они нас ждут. Знают, что мы обязательно за ними последуем, но не могут сообщить о своем местонахождении. Вынуждены полагаться на то, что мы найдем их по записям из маяка.

– Ладно, допустим. Но сумеем ли мы сузить круг поисков шесть лет спустя?

– Вряд ли нас это затруднит. Даже если вариантов местонахождения несколько, «Коса» может проверить их все дистанционно, по паразитному излучению или тепловому шуму. Связаться с нами мои союзники не могут, но, если мы подойдем

достаточно близко, они, возможно, объявят о своем присутствии.

– Напоминает игру в прятки в темной комнате.

– С той разницей, что и у того, кто ищет, и у того, кто прячется, в руке острый клинок и у обоих есть причина, чтобы нервничать. – Сидра зловеще улыбнулась. – Мне уже известен радиус поисков – чуть дальше вдоль орбиты, но «Коса» может сократить его по мере продвижения вперед. Игра началась, дорогой мой Воин, и нет никаких причин отступать!

Нам потребовалось три часа, чтобы прокрасться дальше по орбите Йеллоустона, используя при необходимости руины для прикрытия. По пути то и дело попадались дрейфующие группы поселений или их фрагментов, связанных вместе паутиной, из чего следовало, что она успела прорасти во многих местах. Я с облегчением вздохнул, сообразив, что Сидра не проявляет лишнего любопытства, – нервы у нас и без того были на пределе. «Коса» каждые несколько минут обнаруживала волчьи кубики, ударявшиеся о наш корпус, – одиночные ячейки или мелкие, не больше десятка, группы, не представлявшие серьезной угрозы. Кубики каждый раз уничтожались, не успев выказать склонность к поглощению местной материи; это означало, что они пребывают в спячке, как и первый. Но опасность состояла в скоординированных действиях волков – стоило бы одному такому кубику пробудиться в достаточной степени, чтобы послать сигнал тревоги более крупной стае, и нам бы не поздоровилось. Это вовсе не досужие рассуждения – подобным образом волки действовали не раз, терзая нашу цивилизацию, что было отражено в документах.

Сидра и «Коса» совместными усилиями сузили число возможных убежищ до трех, и все они двигались по аналогичной орбите. Когда мы оказывались в тысяче километров от каждого, Сидра запускала зонд.

Один из объектов представлял собой взорванный с обоих торцов цилиндр, так что мы могли смотреть сквозь него без каких-либо специальных датчиков. Внутри когда-то был ландшафт с озерами, реками, водопадами, холмиками и деревушками, соединенными извилистыми дорогами, больше подходившими для мулов и повозок, чем для высокоскоростного движения. Теперь от этого рая осталась лишь серая маска смерти. Поселение, судя по всему, подверглось быстрой разгерметизации, отчего вода выкипела в вакуум, а деревья вырвало с корнями. Посреди цилиндра все еще парило несколько окаменевших стволов. Внутри этой оболочки вполне мог бы совершить посадку корабль, но зонд наверняка бы его обнаружил, если только корабль не замаскировался под остатки местности или не

зарылся в узкое пространство между внешней и внутренней стенками.

Второй объект мог послужить чуть более надежным укрытием – это была сфера, пробитая только в одном месте, так что большая часть ее интерьера осталась неплохо укрыта от посторонних глаз. Но зонд не нашел внутри ничего, кроме нескольких разбитых фонарей и похожих на кружева останков растительности.

Лишь третий объект выглядел подходящим, чтобы укрыть в себе функционирующий космический корабль. В отличие от первых двух, он был не конструкцией, а громадным камнем, который выдолбили изнутри и сделали пригодным для жизни. Глыба могла выдержать удары, которые привели бы в негодность любое колесо или цилиндр. Впрочем, это вовсе не означало, что мир нисколько не пострадал или что в нем по-прежнему кто-нибудь мог жить без особых проблем. Нечто вроде энергетического луча проделало в камне десяток аккуратных дырочек, а входное и выходное отверстия были достаточно велики, чтобы через них мог пройти небольшой корабль. «Коса» облетела камень кругом, пытаясь почуять излучение. Сперва ничего не обнаруживалось; но когда зонд проник в один из тоннелей, он зафиксировал едва заметный, но статистически значимый избыток нейтрино. Вдобавок камень был теплее, чем некоторые из окружавших его тел, хотя и не настолько, чтобы привлечь к себе внимание.

Сидра отозвала зонд.

– Войдем внутрь. Они поймут, что мы прибыли, так что следующий ход будет за ними.

– Я бы возразил, – проворчал я, – но ты все равно скажешь, что я попусту беспокоюсь.

– Не стоит лишний раз раздражать Сидру, – произнесла она так, как будто ее не было рядом.

Сидра провела корабль через единственную дыру, достаточно большую, чтобы пропустить объект величиной с «Косу». Это не была пробоина от энергетического луча – по обеим сторонам от нас тянулись гладко обработанные стены, которые расширялись, образуя некое подобие пещеры. То тут, то там виднелись призрачные следы конструкций, которые, возможно, крепились на стенах, но потом были сняты.

– Когда-то здесь был порт, – сказал я, прежде чем Сидра успела выразить собственное мнение. – Это не случайное образование. Тут находились причальные опоры, обслуживающие комплексы, люки шлюзов. Но все это демонтировано, остались лишь следы. Возможно, очень давно, даже еще до волков.

Сидра не ответила. Я воспринял ее молчание как безмолвное подтверждение моей правоты.

– Вполне подходящее место для стоянки, – продолжал я. – Но здесь нет никаких кораблей. Думаю, надо поискать другие похожие отверстия. А может, твой зонд просто улавливает остаточное излучение чего-то случившегося в прошлом.

– Рядом с нами корабль.

– Тебе просто хочется, чтобы рядом с нами был корабль. Но это вовсе не означает…

Перед нами что-то происходило. Фрагмент казавшейся сплошной поверхности уходил вбок, являя взорам тоннель с гладкими стенами. Форма этого фрагмента была странной, но вряд ли случайной – эллипс с двумя отходящими в стороны отростками, каждый из которых заканчивался эллипсом поменьше.

Не говоря ни слова, Сидра двинула корабль вперед.

– Может, это ловушка.

– Это не ловушка. Это шлюз, запертый на замок. – Она покосилась на меня. – А мы – ключ к замку.

Я все понял. «Коса» точно вписывалась в открывшийся проем. Центральный эллипс соответствовал корпусу, а отростки и эллипсы поменьше – лонжеронам и двигателям. Изображение в иллюминаторах рубки позволяло следить за тем, как мимо скользят стены тоннеля. Сперва места вполне хватало, но «Коса» расширялась к середине, и, когда ее половина оказалась внутри, датчики приближения заявили, что нас отделяет от столкновения лишь несколько сантиметров.

Отключив сигнал тревоги, Сидра продолжала жизнерадостно двигаться вперед. Она даже не моргнула, когда корабль заскрежетал о стены.

– Если мы застрянем внутри этой штуки, проблем не оберешься.

– Не застрянем. Этот шлюз рассчитан специально для «Косы». – Она нахмурилась. – Может, и излишество, но оно внушает надежду. Для сооружения этого шлюза им требовались время и ресурсы, а также машины, чтобы перемещать массы породы незаметно для волков.

«Коса» резко затормозила, и нас бросило вперед.

Мы уткнулись в конец тоннеля. Дальше пути не было.

Сидра включила маневровые двигатели.

– Что ты делаешь?

– Чуть отступлю назад и включу резаки. Похоже, в шлюзе что-то не сработало и стену перед нами в этом месте заело. Если резаки не помогут, воспользуюсь энергетическими лучами

ограниченной мощности или кумулятивными зарядами. Не исключаю, что придется отойти назад, в первую пещеру.

– Похоже, ты кое-чего не учла.

Сидра хмуро взглянула на меня:

– А ты что, учел?

– Ты сказала, что мы ключ. Что делают с ключом сразу после того, как вставили его в замок? Или ты забыла, как на самом деле работают ключи? – Я указал вперед. – Продвинь корабль дальше, насколько сможешь, а потом двигателями придай ему крутящий момент. Ключи поворачивают.

Поразмыслив над моим ответом, Сидра, похоже, сочла его не таким уж и нелепым. Она снова подвела корабль к стене, на этот раз коснувшись ее уже осторожнее.

– В какую сторону? По часовой стрелке или против?

Я пожал плечами:

– Как получится.

Сидра включила двигатели. Сперва у нас ничего не вышло – «Коса» даже не дрогнула, зажатая со всех сторон. Поворот по часовой стрелке не удался. Сидра попробовала против часовой, но столь же безрезультатно.

– Похоже, от твоей идеи никакого толку.

– Слишком легко сдаешься. Замки порой заедают, а если этот был рассчитан исключительно на «Косу», можно не сомневаться, что им долго не пользовались. Попробуй раскачаться посильнее.

Что-то неразборчиво пробурчав, Сидра последовала моему предложению. Она включала двигатели то с одной стороны, то с другой и постепенно увеличивала их мощность. «Коса» с лязгом ударялась о стены, пока вдруг, накренившись, не продолжила вращение – цилиндр замка наконец ослабил хватку. Оказалось, что повернуть корабль нужно было по часовой стрелке, на сто восемьдесят с лишним градусов. Лишь после этого сработал механизм, и преграждавшая нам путь поверхность ушла в сторону. Сидра двинула корабль вперед, выведя его в очередное замкнутое пространство, столь же обширное, как и первая пещера, но уходившее существенно дальше вглубь камня.

«Коса» неподвижно зависла в безвоздушной тьме.

– А от тебя все-таки есть польза, – признала Сидра.

Примерно через минуту вспыхнул свет. Вдоль стен пещеры устремилось около двадцати лучей, заключив нас в светящуюся сеть. Отчетливо видимые в выхлопе маневровых двигателей, лучи заскользили по корпусу, обследуя его, а потом замерли, и в стене открылся небольшой люк.

Рядом с нашим кораблем расположился другой, намного меньше, закрепленный на стене причальным захватом – темно-

красный, с узором в виде чешуи на обшивке.

– Что, узнаешь?

Сидра коротко кивнула:

– Это шаттл, который они доставили сюда с Хелы в трюме Иоанна Богослова. Он достаточно мал, чтобы пройти через замок, вроде универсального ключа.

– Не похоже, что он сильно пострадал.

– Тебе что, знакома эта модель?

– Нет… но мне это и ни к чему. Он поврежден?

– На вид цел, – помедлив, сказала Сидра.

– Спасибо.

– Это вовсе не значит, будто я признаю свою ошибку.

– Зато я при любой возможности учусь пользоваться плодами моей победы.

Несколько минут мы наблюдали за люком, ожидая появления кого угодно или чего угодно, включая оружие. Когда стало ясно, что ничего такого не произойдет, мы с Сидрой пришли к неизбежному выводу, что нас приглашают войти.

– Пойду сам, – вызвался я. – А у тебя будет идеальная возможность меня защитить, как в тот раз, когда я отправился к маяку.

– С тобой что-нибудь случилось?

– Нет.

– В таком случае тебе не на что жаловаться. Собственно, у меня у самой есть немалое желание послать тебя вперед, просто на случай, если там какие-нибудь ловушки. Но мы пойдем вместе. Чем скорее мы все соберемся, тем скорее получим гидеоновы камни.

Я медленно кивнул. Она уже упоминала эти камни, но я все так же не имел ни малейшего понятия об их природе или предназначении.

– Пойдем с оружием?

Она изумленно уставилась на меня:

– Где твои манеры, Воин? Это было бы крайне невежливо. И бессмысленно. Мы не на переговоры с врагом прибыли. Нас встретят с радостью и во всем будут помогать.

– Да уж, пока что нам оказывали теплый прием. И пожалуйста, прекрати называть меня Воином.

Сидра перевела «Косу» в стояночный режим, и мы направились в отсек со скафандрами. Мы не взяли с собой никакого дополнительного оружия или снаряжения, хотя я не сомневался, что у скафандров есть функции самозащиты. То, что мы не размахиваем оружием, возможно, будет признано проявлением хороших манер.

В пещере царила невесомость, так что мы проплыли в люк, применив реактивные двигатели скафандров. За люком находился самый обычный шлюз, снабженный полным набором ручного управления. В нем вполне хватало места для нас обоих. Заперев внешний люк, Сидра позволила шлюзу заполниться воздухом. При этом она то и дело поглядывала на зажатую в перекрестии лучей «Косу» через окошко в люке.

– Что, опасаешься чего-то дурного? – мягко спросил я. – Ощущение, будто что-то не так, но ты не можешь ничего поделать? Если у них имеются камни, которые тебе нужны, и если их корабль исправен, почему они не придумали, как доставить их на субсветовик, или хотя бы не отправили сообщение? В чем сложность? И что это, собственно, за камни такие?

Воздух в шлюзе был вполне пригоден для дыхания, и в нем явно отсутствовали вредные примеси, так что, продолжая блюсти хорошие манеры, мы вышли из скафандров и оставили их возле шлюза. Было похолоднее, чем мне бы хотелось, но ради дипломатии я вполне мог потерпеть. Я потер руки, разгоняя кровь в пальцах. Сидра, похоже, не испытывала неудобств.

Мы поплыли вперед, отталкиваясь от стен соединительного коридора, освещенного бледно-желтыми полосами. Коридор вскоре закончился, и нам преградила путь отвесная гладкая стена. Я протянул руку, желая ощутить, насколько стена твердая. Наверняка имелся какой-то способ проникнуть сквозь нее – было бы абсурдно пропустить нас далеко, а затем запретить идти дальше.

Сидра ударила меня по руке, прежде чем мои пальцы успели коснуться стены.

– Она движется, идиот.

– Что?

– Мы видим лишь малую часть огромной движущейся поверхности, вроде обода колеса.

Я снова уставился на стену. Хотя она казалась лишенной каких-либо изъянов, я теперь понял, что это лишь следствие ее движения. Время от времени поперек коридора быстро проносилась царапина или потертость.

Глянув на пальцы, я порадовался, что они все еще на месте. Хватило бы любой трещины или шва, чтобы вырвать их с корнем.

– Не понимаю, зачем преграждать нам проход.

– Ты ошибаешься, – ответила Сидра. – Рано или поздно в стене появится проем. Это переход между основным массивом камня и какой-то его частью, которая вращается, создавая силу тяжести.

Ждать долго не пришлось. В ободе имелся паз, достаточно

широкий, чтобы по нему могли пройти двое в скафандрах. Он пребывал на виду две или три секунды, затем появлялся снова примерно минуту спустя. Переглянувшись с Сидрой, мы решительно кивнули. Прочь колебания! Если мы не рассчитали время, нас раздавит между движущейся и неподвижной частями сооружения.

Переход не обошелся без ссадин, но мои кости остались целы. Сидра уже ждала, расставив для надежности ноги и положив руку на неподвижную стену.

Я принял вертикальное положение, вновь привыкая к силе тяжести.

– Что-то тяжеловато.

– Тут даже одного *g* нет. – Сидра направилась к круглой дыре в полу и, встав над ней, заглянула в залитую желтым светом бездну. – Там лестница. Вес будет возрастать по мере спуска. Иди первым.

– Почему?

– Потому что если свалишься, мне не нужно, чтобы ты утащил меня с собой.

– Спасибо за заботу.

Я жалел, что на полу не за что ухватиться, пока я неуклюже опускал ноги в шахту и искал ступеньку. Сидра оказалась права – по мере нашего удаления от оси вращения центрифуги нагрузка росла. Впрочем, к ней постепенно приспосабливались мои мышцы.

– Было бы неплохо, если бы твои союзники встретили нас у входа.

– В этом нет нужды. Раз уж мы забрались так далеко, вряд ли повернем назад в последний момент. Видишь дно шахты?

Я посмотрел в уходящий вдаль желтый туман.

– Пока нет. Может, все-таки расскажешь про эти гидеоновы камни, прежде чем мы встретим наших гостеприимных хозяев, или для тебя это лишний повод насладиться превосходством надо мной? Очень не хотелось бы лишать тебя одной из немногих радостей жизни.

Я спустился еще на несколько ступенек, постанывая от напряжения и чувствуя, как потеют ладони. Боль в суставах ревниво напоминала о себе, будто я уделял ей недостаточно внимания. Сидра спускалась чуть выше меня, двигаясь с кошачьей грацией, на фоне которой мое продвижение казалось еще более мучительным.

– Это такие устройства. Чужая технология.

– Которую мы можем использовать против волков?

– Косвенно.

– Мне не нравится слово «косвенно».

– Тебе многое не понравится. – С минуту Сидра продолжала спускаться молча. – Это система защиты, причем весьма эффективная. Существа, которые создали эти камни, использовали их для одной цели, мы применим для другой.

Я начал различать что-то внизу. Обретя уверенность, поскольку падать было бы уже не столь далеко даже с учетом возросшей силы тяжести, я прибавил шагу. Увидев приближающийся пол – или платформу? – я прыжком одолел последние ступеньки и ощутил, как к мышцам и костям возвращается прежняя сила. Почувствовав под ногами твердую почву – точнее, решетчатый пол, – я отступил назад, давая Сидре возможность завершить спуск. Она соскользнула по лестнице, едва касаясь ее ладонями и ступнями. Пол загрохотал под ее ногами.

– Ты упустил свой шанс, – сказала она. – Мог бы проткнуть меня насквозь, пока я падала.

Я потер лоб, изображая рассеянность.

– Свербила мыслишка, что я забыл прихватить нечто важное. Кол, на который мог бы тебя насадить! Похоже, память меня подводит. Придется записывать ценные идеи.

Лестница привела нас в помещение не больше шлюза. Никаких признаков ее продолжения ниже не наблюдалось, и я предположил, что мы достигли максимального радиуса центрифуги. По моим оценкам, сила тяжести составляла около половины *g*.

– Это колесо не может крутиться все время, – сказала Сидра. – Сколь бы качественно ни было тут все устроено, от проблемы избыточного тепла никуда не деться. У них оставались кое-какие криоарифметические устройства, но непрерывно работать они не способны.

– Наверняка давно сломались.

Мы увидели, как в боковой стене открылась дверь и в проеме появился человек среднего роста, в темном плаще с капюшоном. Руки были опущены, но из-за длинных рукавов невозможно было понять, есть ли в них оружие. Капюшон выступал вперед, полностью скрывая лицо.

– Леди Арэх? – с сомнением спросила Сидра.

– С тобой мужчина… – Голос незнакомки звучал ниже и более хрипло, чем у Сидры. – Как я поняла, тот самый, ради которого ты проделала весь этот путь?

– Тот самый.

– Клавэйн?

– Нет. Его брат, как я и ожидала.

– Вот только я ожидала иного. – Капюшон наклонился ко мне, и я услышал звук втягиваемого в ноздри воздуха. – Пахнет плесенью. Старым мясом. Гнилью.

– Он стар, но я начала омолаживающие процедуры. Знала бы ты, как от него пахло до этого!

– Ты уверена, что это он?

– Генные маркеры не лгут, как и следы микрохирургии. Он отрастил себе новые руку и глаз – возможно, неоднократно. Заблокировал собственные воспоминания настолько, что даже не помнит, кто он на самом деле. Вел жизнь добродушного старика по имени Мигель де Рюйтер.

– Но так и не сумел полностью забыть прошлое?

– Да. Он мог выбрать из миллиарда имен, но предпочел связанное с Марсом. – Сидра с легкой печалью взглянула на меня. – Но кого бы он ни пытался одурачить, это не имеет никакого значения. Никто уже ничего не помнит. Он мог называть себя Клавэйном, и мир не обратил бы внимания. Но ему нужно было забыть о том, кто он.

– Однако теперь вспоминает?

– Постепенно. Во время криосна я ввела ему мнемонофагов. Блокировка создает отчетливые ассоциативные структуры. Мнемонофаги выбирают их своей предпочтительной целью, оставляя неизменными подлинные воспоминания, и помогают восстановить распавшиеся связи. Не идеально, но…

Последовала неловкая пауза. Фигура в капюшоне все так же стояла на пороге, не спеша приглашать нас внутрь.

– Можно нам войти, леди Арэх?

– Я не леди Арэх.

Фигура подняла руки, и рукава опали, обнажив короткие, похожие на копыта кисти, на которых имелось лишь по три пальца. Она откинула капюшон, и мы увидели покрытую шрамами морду с вытянутым рылом. Я вздрогнул, поняв, что мы разговариваем с гиперсвиньей.

– Меня зовут Снежинка. Я глава службы безопасности леди Арэх. И только я решаю, можно ли вам войти.

Я разглядывал сетку шрамов на физиономии Снежинки. Один шел прямо через глазницу, но глаз каким-то чудом остался цел. Часть зубов отсутствовала, другие пожелтели от времени. С низкого скошенного лба свисали космы белых волос. Заостренные опухшие уши с рваными краями были унизаны множеством металлических колец и шипов, а еще покрыты татуировками.

– Если бы ты сомневалась в том, кто мы, наверняка уже что-нибудь предприняла бы, – заметил я.

– Неправильный вывод. – Снежинка недоуменно взглянула на

Сидру. – Ты уверена, что это Клавэйн? Мне представлялось, что он своего рода гений тактики.

– Тебе пришлось ждать, пока мы не сняли скафандры и не оказались практически беззащитными, – сказала Сидра. – Поперек этой двери есть барьер, последняя линия безопасности. Но что бы она собой ни представляла, я ее не чувствую.

– Тогда откуда вообще про нее знаешь?

– Вряд ли леди Арэх настолько глупа, чтобы не обзавестись чем-то подобным.

Снежинка искоса взглянула на Сидру, похоже, с некоторым уважением.

– Вдоль прохода быстро движется вверх-вниз тонкая нить, которую не успевает заметить глаз. Ее приводит в движение гидравлический механизм. Если шагнуть через порог, половина тела так и останется за ним. – Она вызывающе задрала свиное рыло. – Лучше расскажите, как вы нас отыскали.

– Шли по следу из хлебных крошек, – ответила Сидра. – Сперва Иоанн Богослов, потом Ржавый Пояс, потом маяк, который зафиксировал перемещения вашего корабля шесть лет назад.

– И в каком же настроении нынче Иоанн Богослов?

Сидра безразлично пожала плечами:

– Чего можно ожидать от огрызка человеческого сознания, ютящегося в потрохах зачумленного древнего корабля? От человека, который родился в те времена, когда люди пользовались химией для межпланетных полетов? От того, чья жизнь состоит исключительно из громадных преступлений и судорожных попыток покаяться? От восьмисотлетнего чудовища? Впрочем, вряд ли стоит удивляться. Он был абсолютно безумен еще до того, как сросся со своим кораблем.

– Не стоит забывать и об остальном, – сказал я.

– Об остальном? – Снежинка вопросительно приподняла пересеченную шрамом бровь.

– Мне пришлось спасать Сидру. Чтобы Иоанн ее отпустил, я пообещал ему выяснить, что случилось с вами. Кем бы вы ни были, к вам он, похоже, испытывает более нежные чувства, чем к ней.

– По слухам, он испытывает более нежные чувства практически ко всему во Вселенной. – Снежинка отошла от двери. – Я отключила резак, можете пройти, – сообщила она и крикнула кому-то через плечо: – Все чисто!

– Мы выдержали проверку? – спросила Сидра.

– Похоже, старый вонючка в какой-то мере говорит правду. Если бы вы явились снизу – или, хуже того, если бы вами командовали волки, – вы никак не могли бы знать, кто нравится

Иоанну Богослову, а кто нет.

Глубоко вдохнув, я шагнул через порог, на мгновение задержавшись по другую сторону, чтобы убедиться, что преодолел его полностью. Я по-рыцарски протянул руку Сидре, но она лишь наморщила нос и прошла через дверь без моей помощи.

Позади Снежинки появилось двое мускулистых мужчин с толстыми шеями, в пластинчатой броне, с бозерными пистолетами в руках. Оба были бородаты, один с длинными волосами, а другой с выбритой макушкой, которую, будто планету после мощной бомбардировки, украшало множество шрамов и вмятин.

– Спокойно, – негромко проговорила Снежинка. – Это гости.

– Ты их знаешь? – спросил я Сидру.

– Никого, и ее в том числе. Вероятно, это… помощники, их где-то набрала леди Арэх.

– Можно подумать, для тебя мы какие-то машинки, – возразила Снежинка. – Я воспринимаю происходящее несколько иначе. Собственно, и леди Арэх тоже.

– Леди Арэх – одна из твоих союзниц, которых ты отправила с Хелы? – спросил я у Сидры. – Та самая, с которой встречалась?

Снежинка насмешливо наклонила голову:

– Это Сидра тебя так проинформировала? Как о равном партнерстве? Или утверждает, что она тут главная и леди Арэх пляшет под ее дудку?

– Мы с леди Арэх договорились сотрудничать во всем, – процедила Сидра.

– Что ж, можно сказать и так, – кивнула Снежинка. – Но можно и по-другому – что она заставила тебя ползать на коленях, умоляя пощадить, а потом позволила хоть как-то участвовать в ее планах, на манер собачки, которой бросили кость. – Снежинка взглянула на меня. – Прости, Вонючка, если для тебя это новость. Не сомневаюсь, что Сидра внушает тебе страх, но это лишь потому, что ты не знаком с леди Арэх.

– Надеюсь, она здорова? – спросила Сидра.

– Шесть лет, проведенных здесь, – испытание для любого. Но все же на этой свалке намного лучше, чем там, откуда мы прибыли. И она это знает.

– А тот свин, что с ней был?

– Пинки? В общем прекрасно себя чувствует. Я об этом забочусь.

Сидра почти ничего мне не рассказывала о своих «товарищах», но теперь я по крайней мере знал кое-какие имена, а также то, что один из них гиперсвинья, как и Снежинка. И еще – что леди Арэх ни в коей мере не подчиняется Сидре, а

следовательно, прочность их союза, возможно, оставляет желать лучшего.

Кто они, существа, носящие эти имена? Я не имел ни малейшего понятия.

– Господа, – обратилась Снежинка к охранникам, – не могли бы вы предупредить Обзорную, что мы идем наверх?

– Ты уверена? – спросил лысый, почесывая висок. – Их не обыскивали, не сканировали, не обеззараживали…

– Это именно те, кто нам нужен, Омори. А если даже нет, если волки сумели вселиться в живые человеческие тела, мы все равно уже ничего не сможем с этим поделать.

– Мне это нравится, – сказал длинноволосый. – Весьма прагматично.

– Наши взгляды во многом схожи, Кейтер. Но не беспокойся. Единственное, чего я, наверное, не смогу вынести, – это старческий запах этого Вонючки.

– Что, настолько плохо?

– Радуйся, что ты не свинья, друг мой.

Охранники ушли вперед. Прежде чем скрыться из виду, они бросили вопросительный взгляд на Сидру, но та лишь отмахнулась и покачала головой.

– И все-таки вы рискуете, – заметил я.

– Здесь не было гостей уже шесть лет, – ответила Снежинка, ведя нас по соединительному коридору, в котором сила тяжести оставалась постоянной. – От новых лиц охранников бросает в дрожь. Но вы именно те, кем себя называете.

Она двигалась странно, вразвалочку, будто у нее не сгибались бедренные суставы.

– Если Пинки и леди Арэх – те самые союзники Сидры, – сказал я, – и эту систему не посещал ни один корабль, то вывод прост: вы уже были здесь, когда прилетели союзники. Как такое возможно, черт побери?

– Что ж, Вонючка, не скажу, что это было вроде пикника на лужайке. Все, кого ты тут видишь, – выжившие, и большинство из нас носит шрамы. Как внутри, так и снаружи.

– Вполне верю. Но когда мы сюда прилетели, обнаружили лишь руины. Никаких следов жизни.

– Если бы имелись видимые следы, их нашли бы волки. Весь фокус в том, чтобы жить невидимками, а это не так-то просто. – Она похлопала по стене, мимо которой мы проходили. – Очень немногие из нас нашли себе здесь убежище. Оно хорошо защищено, так что базовая система жизнеобеспечения и некоторые другие могут работать, не создавая избытка тепла и шума. Но это вовсе не значит, что нам было легко. Прежде тут

царил холодный и темный ад. Всего один шаг до смерти.

– А еще есть выжившие? – спросила Сидра.

– Да, есть группы в Городе Бездны – в том, что от него осталось. Волки основательно его разбомбили, когда нанесли удар по Йеллоустону. Взорвали все купола, разрушили большинство крупных зданий. Изувечили Город до неузнаваемости. Но в темных закоулках продолжается жизнь. Обыватели, одичавшие банды, криминальные авторитеты. Приятного мало, и долго им не протянуть. Пригодный для дыхания воздух, вода, еда – все заканчивается. Люди болеют и голодают. Стоит ли объяснять, во что превращается человек, когда он болен и голоден?

– Там, откуда я прилетел, хватало своих тягот, – сказал я.

– Нисколько не сомневаюсь, Вонючка. Наверняка бывало, что вам целые сутки не удавалось поесть горячего.

– Ты меня не знаешь, Снежинка, – буркнул я.

– А ты не знаешь никого из нас, – парировала она.

Сидра промолчала. Мне стало интересно, о чем она думает и показался ли теплым прием, которого она ждала от своих товарищей.

Глава 11

Обзорная оказалась большим помещением со ступенчатым полом, многочисленными сиденьями и столами и прорезанными вдоль одной из стен широкими наклонными окнами. За ними виднелась серая мгла, не позволявшая различить детали; был лишь слабый намек на глубину и медленное движение.

У окна спиной к нам стояла высокая женщина властного вида: ноги широко расставлены, плечи расправлены, руки заложены за спину.

– В свое время тут творилось нечто незаконное, – услышал я ее первые слова. – Именно этим объясняется столь эффективная защита. Те, кто все это построил, хотели, чтобы их деятельность оставалась в тайне. Мы не знаем, чем тут занимались, с согласия ли участников, или по принуждению, – слишком давно это было. Но нам остается лишь благодарить строителей за основательность. Их средства безопасности продолжают защищать нас спустя многие годы после того, как волки уничтожили все прочие человеческие убежища в этих руинах.

Ее речь была медленной и размеренной, а голос глубоким и выразительным. Даже когда она замолкала, силы ее слов хватало, чтобы подавить любое желание высказаться. У меня пересохло в горле, и желание ответить ей так и осталось несбывшимся.

– Я леди Арэх, – продолжала она, не поворачиваясь к нам. – Можете называть меня так. Были и другие имена, некоторые длиннее, некоторые короче, но в данный момент меня вполне устраивает это. Моя мать была солдатом, отец – революционером. Меня зачали под воздействием матрицы Гадеса и выносили в искусственной утробе полубезумной сочленительницы, чье имя означает «вред» на давно забытом языке. Я несу в себе наследие всех моих предков, включая тех, кто навеки ушел в матрицу Гадеса. Я прожила сотню человеческих жизней; я ощущала предсмертную агонию тысячи цивилизаций, погубленных ингибиторами. Я видела, как сгорают планеты и увядают солнца. Я ступала по костям и дышала прахом мертвецов. И я рыдала. Некоторые считают меня сумасшедшей, другие – богиней. Я не то и не другое, но меня определенно не стоит недооценивать. – Она начала поворачиваться. – Вы ведь не обманете моих ожиданий? Не разочаруете меня?

Послышался голос более низкого и коренастого существа, стоявшего рядом с женщиной, тоже спиной к нам:

– Имейте в виду, сейчас она в добром настроении.

Леди Арэх повернулась. Я увидел человеческую женщину; в ее облике ничто не говорило о каких-либо явных генетических изменениях или наличии протезов. И тем не менее от нее, подобно холодному завывающему ветру, веяло властностью, и эта властность находила любую, даже самую мелкую щель в моей душе. Столь волевой натуры мне еще не доводилось встречать.

Биологический возраст женщины сложно было определить, но я догадывался, что она не принимала никаких мер, чтобы выглядеть моложе. Виднелись морщины вокруг рта и глаз, впадина под подбородком. Черные с проседью волосы были зачесаны назад и скреплены простой застежкой, которую я видел, когда леди Арэх стояла лицом к окну. Но сильнее всего поражали глубоко посаженные бледные глаза, казалось пронизывавшие насквозь. Судя по манере этой женщины держаться, любое украшение выглядело бы на ней не только неуместно, но и неуважительно по отношению к занимаемому ею посту. Впечатление строгости компенсировал лишь длиннополый плащ с высоким воротником и сине-красно-белым крестообразным узором на спине. Под ним были темная рубашка, штаны и сапоги.

Мне хотелось высказаться в свою защиту, но от взгляда леди Арэх у меня сперло дыхание. Потребовалось немалое усилие, чтобы справиться с параличом.

– У меня сложилось впечатление, что я для чего-то нужен Сидре.

Леди Арэх взглянула на Сидру, не удостоив меня ответом:

– Ты уверена в том, кто он?

– Как я уже говорила Снежинке, это подтверждается маркерами.

Спутник леди Арэх, еще один гиперсвин, с сомнением посмотрел на меня. Нас разделяла половина помещения, но он наморщил и без того сморщенное рыло и помахал перед ним рукой.

– От него воняет.

– Старческая вонь, дорогой, – сказала Снежинка.

Она тоже была с нами, но держалась чуть поодаль, демонстрируя почтение к властной женщине в разноцветном плаще.

– Я знаю, как воняют старики, Снежинка. Но от него пахнет не так, как от Клавэйна.

– Это не тот же самый человек, – пояснила Сидра.

– Я даже не уверен, что он человек. – Пинки подошел ближе.

Свин был невысок, широкоплеч, задирист и явно стар. На его шкуре боролись за свободное место шрамы с морщинами, от левого уха остался лишь мясистый обрубок, изо рта доносился кислый запах. Мы не обменялись ни единым словом, но я уже чувствовал себя так, будто пересек неизвестную мне черту этикета, не удовлетворив столь же неизвестных ожиданий.

– Да он и не похож на старика. Старик его просто прожевал бы и выплюнул. – Пинки прищурил красноватые глазки. – Что за игру ты ведешь? Зачем выдаешь себя перед Сидрой за другого?

– Никакая это не игра, – возразила Сидра. – Он его брат. И да, особого фамильного сходства ждать не стоит. Они были разного возраста еще до того, как века межпланетной и межзвездной войны разбросали их в разные стороны, к тому же для них прошло совершенно разное субъективное время.

Я наблюдал за Сидрой, испытывая странное удовольствие от того, что ей приходится перед кем-то объясняться.

– Это Уоррен Клавэйн. К нему возвращаются прежние воспоминания, он постепенно осознает правду о себе, во всей ее уродливой красе.

– Мы это проверим, – слегка кивнув, заявила леди Арэх. – Я не сомневаюсь в твоих словах, Клепсидра, как и в том, что ты тщательно сверила все биометрические данные. Но не помешает уточнить еще раз, используя наши независимые генетические образцы.

– Они точно так же подтвердят кровное родство.

– Любой иной результат для нас неприемлем.

Пинки подступил ко мне, глядя скептически, словно на некий пыльный артефакт, оказавшийся никому не нужным по

завершении аукциона.

– Не знаю, во что мне больше хочется верить: что он самозванец, который нас дурачит, или что он в самом деле брат старика.

Леди Арэх взглянула на спутника:

– Почему бы не поверить во второе?

– Потому что, если твои анализы окажутся верны, мы в полной заднице.

Похоже, ответ привел леди Арэх в некоторое замешательство.

– В каком смысле, Пинки?

– Может, он из того же теста, что и старик, но ты только глянь, как он трясется, позволяя Сидре вертеть им как ей захочется. Да ему даже высказаться в свою защиту отваги не хватает! – Он пренебрежительно хмыкнул и отвернулся. – Ничтожество.

– Других у нас нет, – сказала леди Арэх.

– Я… Мигель де Рюйтер, – сумел проговорить я, выталкивая из себя каждое слово, точно камень с зазубренными краями. – Это все, что я знаю. Я не просил везти меня сюда, и я не знаком с человеком, которого вы считаете моим братом. – И все же, раздраженный поведением свина, я выпятил грудь и гордо поднял голову. – Но это ваша проблема, а не моя. Меня интересует исключительно Сидра.

– До чего же мы крутые! – заметил Пинки. – И в чем же состоит твой интерес?

– Я намерен ее убить, – ответил я.

Сидра фыркнула. Пинки всей своей позой демонстрировал презрение. Снежинка молчала. Охранники Кейтер и Омори задумчиво уставились в пол. Лишь леди Арэх сказала:

– Что, если она слишком ценна, чтобы позволить ей умереть, Клавэйн?

Я нахмурился. Взгляд этой женщины оставался пронизывающе-ледяным, но уже не действовал на меня, как раньше. Я подумал о тех, кто сумел развить в себе невосприимчивость к змеиному яду, раз за разом давая себя кусать.

– Ты только что назвала ее Клепсидрой. И это не оговорка.

– Имя отражает ее сущность, – сухо ответила леди Арэх. – Как и я, она полусочленительница.

– Кто?

– Тебе наверняка известно о сочленителях, пусть даже по данным, полученным опосредованно. Полусочленители обладают всеми способностями обычных людей, но практически не имеют ограничений. Мы все разные. Некоторые из нас появились

изначально, другие – по стечению обстоятельств.

– А что насчет Сидры?

– Тяжелораненую, брошенную умирать мнимыми союзниками в ходе неудачной военной операции, ее нашли сочленители. Из милосердия и доброты, а вовсе не из корыстных побуждений, они доставили ее в свой комплекс и восстановили разрушенный разум с помощью экспериментальных технологий. Поскольку она, по сути, стала новой личностью, которую связывали с прошлым лишь обрывки воспоминаний, ей дали новое имя. Среди сочленителей распространены имена, происходящие от названий часов или их компонентов, – Хронометр, Брегет, Клепсидра. Но она предпочитает сокращенную форму, полагая, что та меньше напоминает о ее происхождении и сущности.

Я взглянул на Сидру:

– Это правда? Ты в самом деле сочленительница?

– Я не в большей степени сочленительница, чем леди Арэх, – ответила Сидра. – Да, нас коснулись технологии сочленителей, и когда-то я была для них полезна. Но это вовсе не значит, будто я одна из них.

– Ты путешествуешь в одиночку, – признал я. – Что, насколько мне известно, необычно для сочленителей. Они не могут вынести изоляции от своих братьев и сестер. Для них это хуже, чем любая сенсорная депривация, какую мы только можем себе представить.

– Говори за себя, – заявила леди Арэх. – Но ты прав насчет Клепсидры – она другая, как и я. Лучше считать ее искусственно созданным инструментом, орудием войны, рассчитанным на то, чтобы действовать независимо от материнского гнезда, без поддержки со стороны нейросети сочленителей. По их меркам, она социопат, но в определенных ситуациях может быть полезна. Им требовался убийца, посланник смерти, и она стала его воплощением. Ее имя отсчитывает часы до смерти. Ее корабль – орудие смерти. Госпожа Смерть, с водяными часами в одной руке и косой в другой. Даже лицо ее – бледная, точно череп, маска, которая как скрывает, так и высвечивает ее сущность. Она в той же степени произведение искусства, что и оружие.

– А ты? – спросил я, вдруг почувствовав странное желание защитить ту самую женщину, которую я поклялся убить. Я ненавидел Сидру, но как же неприятно было слышать унизительные слова в ее адрес. – Чем ты лучше ее?

– У меня множество сторон, – ответила леди Арэх. – Принадлежность к сочленителям полностью определяет сущность Клепсидры, но для меня эта принадлежность – лишь одна из граней. – Она слегка опустила голову, отчего стала выглядеть

чуть менее сурово. – По большому счету Клепсидра принесла немало пользы, и ты – свидетельство тому. Мы по-прежнему нуждаемся в ней. Ты не сможешь ничего с ней сделать, Клавэйн, даже не пытайся. Ты тоже полезен для меня, но вовсе не незаменим.

– Что ж… – Я натянуто улыбнулся. – С любезностями покончено, и теперь…

Леди Арэх никак не отреагировала на мою реплику.

– У тебя есть какие-то неотложные нужды после столь долгого пути?

– Я даже не знаю, чего ты от меня хочешь или что уже успела сделать Сидра. Она упоминала какие-то камни… гидеоновы камни. Что это такое?

– Она тебе не объяснила?

– Сообщила ровно столько, сколько ему нужно знать, – сказала Сидра. – Рассуждать о значении камней не имеет никакого смысла, пока я не получила подтверждения, что они у нас в руках. – К ней отчасти вернулась смелость. – Ведь так, леди Арэх? У вас было в распоряжении шесть лет. Только не говори, будто вы все это время сидели без дела.

Пинки поковырял толстым пальцем в руинах уха.

– Вот тут-то, мальчики и девочки, как раз и возникают сложности.

Снежинка придвинулась к нему, на мгновение коснувшись его руки.

– Так камни у вас или нет? – настойчиво спросила Сидра.

– «У нас» – достаточно растяжимое понятие, – ответила леди Арэх. – Камни извлечены из остова корабля. Всего их девять, чего вполне достаточно для наших нужд.

– Что за остов? – спросил я.

– Кто-нибудь, просветите его, – велела леди Арэх, прижав ладонь ко лбу с таким видом, будто готова упасть в обморок от усталости.

Сидра повернула ко мне белую маску своего лица, на которой выделялись черные провалы глаз. Госпожа Смерть. В ее душе явно шла борьба – Сидра охотно объяснила бы мне что угодно, но ей совершенно не нравилось получать приказы от превосходящей ее без каких-либо усилий сочленительницы.

– На дне расщелины миллионы лет назад застрял корабль чужаков. Очень долго, до появления волков, его существование было секретом полишинеля для некоторых городских преступных группировок. Они даже извлекли обитателя этого корабля и заключили его… Впрочем, это совсем другая история. Но технология осталась погребена под завалом камней, не говоря

уже о чудовищном давлении и токсичных газах у дна пропасти. За все те годы, что существовал город, никому так и не удалось туда добраться. – Сидра кивнула в сторону леди Арэх. – Но появилась она, и у нее имелись все необходимые орудия и опыт. Она должна была добыть защитные устройства, так называемые гидеоновы камни, которые потребовались для выполнения более обширной задачи.

– И ей это удалось?

– Да, удалось ли? – следом за мной спросила Сидра.

– Я же сказала: мы сумели извлечь девять камней. Но это не значит, что все девять сейчас в наших руках. – Леди Арэх взглянула на полусочленительницу, о которой я теперь знал чуть больше. – У нас есть один. Вам его покажут.

– Один? – переспросила Сидра.

– Полагаю, я достаточно четко произнесла.

Сидра кивнула – с таким видом учитель слушает неудачное оправдание за невыученный урок. И я почувствовал, как соотношение сил между этими союзниками-соперниками начинает меняться: Сидра увидела шанс завоевать временное преимущество.

– А остальные восемь? Может, расскажешь, где они?

– В Городе Бездны, вернее, в его руинах.

Сидра раздраженно щелкнула пальцами:

– Назови координаты. «Коса» способна летать в атмосфере, и на ней хватает оружия.

– Если бы все было так просто, Клепсидра, и если бы вопрос заключался лишь в грубой силе, думаешь, оставшиеся восемь камней уже не были бы у нас? – процедила леди Арэх. – Есть одна сложность.

– Какого рода? – спросил я.

– Сложность – это я, – заявил Пинки, великодушно разводя руками. – Именно из-за меня у нее нет остальных восьми камней. И хочешь знать почему? – Он не стал ждать ответа. – Потому что она меня очень любит. Где-то внутри этой грозной космической богини, рожденной в недрах нейтронной звезды, бьется настоящее человеческое сердце.

– Я не пошлю его на смерть, – сказала леди Арэх. – Уж точно не пошлю ради восьми камней. Даже гидеоновых.

– Истинная правда, будь я проклята! Никто не пошлет его на смерть, – проговорила Снежинка, снова взяв Пинки за руку.

Нам были выделены комнаты, и Снежинка получила распоряжение отвести нас туда. Даже Сидра сочла это решение разумным – постоянно летать на «Косу» и обратно не имело

никакого смысла. Кроме того, свободных помещений хватало с лихвой, и, как вскоре выяснилось, они были удивительно хорошо оборудованы.

– Мы тут ничего не меняли, – не преминула сообщить Снежинка, ведя нас по тоннелю. – Каким обнаружили этот камень, таким он и остался, если не считать дополнительных защитных устройств вокруг шлюза. Леди Арэх упомянула, что тут могли твориться темные дела. – Снежинка полностью откинула капюшон, и бесцветные пряди волос свободно рассыпались по ее плечам. – Думаю, она права. Это была арена для игр, построенная вокруг центрального ядра, и на ней могли проводиться разные соревнования.

– То серое пространство за окнами в Обзорной? – спросил я.

– Да. А когда обустроитесь, я еще кое-что вам покажу. Немного позже мы поедим, а после, вероятно, вы захотите отдохнуть. Завтра поведу вас на экскурсию.

– Буду только рад.

Она с сомнением взглянула на меня:

– Что, правда? Это всего лишь унылая, заполненная туманом, парящая в космосе глыба. Я предпочла бы ей миллион других миров – при условии, что смогла бы взять с собой Пинки.

– Видишь ли, за последние несколько десятилетий я почти ничего не видел, кроме пещер Солнечного Дола. Любая смена обстановки напоминает о том, чего мы лишились и еще можем лишиться, если не будем осторожны. – Я провел пальцами по грубо обработанной стене, подумав о тех, кто прикасался к ней до меня. – Это место появилось лишь потому, что существовало некое общество, цивилизация, иные населенные планеты. И это само по себе чудо.

Снежинка неопределенно хмыкнула:

– Не стану отрицать, польза от него есть. Но в том, чем тут занимались, приятного мало.

– Полагаю, у тебя есть соображения на этот счет?

– Имеются кое-какие намеки. Внутреннее ядро – арена – щедро оснащено собственными охранными системами, к тому же его защищают охранные системы камня. Мы полагаем, что здесь происходили всевозможные состязания, а помещения вокруг ядра предназначались для зрителей и игроков на тотализаторе. Вполне возможно, что некоторые богачи прибывали сюда со своими бойцами – кибернетически усовершенствованными, сражавшимися за награды. Наверняка среди участников имелись и добровольцы.

– Но не все? – спросила Сидра.

– Судя по обнаруженным нами свидетельствам, добровольцев

не хватало для того, чтобы увлечь зрителей, и состязаниям добавляли пикантности, вынуждая участвовать в них кого-то со стороны.

– Вынуждая? – переспросил я.

– Мы можем только догадываться. Ясно лишь то, что защиту этой арены не мог преодолеть никакой сигнал бедствия, даже посланный демархистом, сочленителем, ультра или космическим угонщиком. Через нее не приходили нейроимпульсы. Что же касается тех, с кем приходилось сражаться этим бойцам… Опять-таки наши находки указывают на серьезные попытки разработать оружие и ловушки против тех, кто имел серьезные кибернетические усовершенствования. Нейрооружие, нанооружие и прочее, по сравнению с чем плавящая чума – сущая мелочь. Мы полагаем, что этих несчастных брали в плен, а потом выпускали на арену, делая ставки, как долго они протянут.

Я покачал головой:

– А я-то думал, что могу вообразить все, что способны творить друг с другом люди.

– Погоди, ты еще не слышал про Свинарник, – сказала Снежинка.

Я вспомнил разговор в Обзорной.

– Это как-то связано с Пинки?

– В некотором роде.

– Похоже, не очень-то я ему понравился.

– Поставь себя на его место. Он был со стариком, когда тот умер. Старик доверял ему во всем, вплоть до того, что вложил ему в руку нож. Пинки боготворил старика, когда тот был жив, а после его смерти во всем пытался следовать его примеру – что весьма непросто для гиперсвиньи. А теперь вместо старика являешься ты.

Я не знал, чем на это возразить.

– Если это хоть как-то его утешит, я вовсе не пытаюсь сравниться с кем бы то ни было, кого мог знать Пинки. Я даже не утверждаю, что являюсь братом этого человека! Сидра и леди Арэх могут утверждать что угодно, но я знаю свое прошлое.

– Это только кажется, что ты его знаешь, – ухмыльнулась Снежинка.

Мы наконец куда-то пришли – к двум соседствующим помещениям.

– Нам нужно провести генетические анализы. От старика сохранились образцы тканей. К тебе придет Роза-или-Нет.

– Ты даже не знаешь точно, придет ли она? – Сидру откровенно злило, что одних лишь ее слов не хватает для подтверждения моей личности.

– Увидишь, – ответила Снежинка.

Возможно, с тех пор, как в этой комнате обитал кто-то из зрителей, прошло двести лет, но ничто в ее обстановке не свидетельствовало о течении времени. Ни единой потертости или пятнышка грязи. Покрытие пола и стен было серым и рубиновым, а все прочие поверхности зеркальными, – возможно, их конфигурацию я мог бы менять, будь у меня для этого средства. Кровать была воистину огромной, как и кресла, кушетки, шкафы и столы. Их украшали инкрустированные изображения: всевозможные примеры атлетического мастерства, боевых искусств, а также кровавой расчлененки. Ванная величиной с мой кабинет в Солнечном Доле была выложена плиткой цвета крови и кости, а в ее дно уходили похожие на вены и артерии стоки. Энергия, свет и тепло. И все эти удобства когда-то удовлетворяли потребности мужчин и женщин, которые, как я готов был поверить, потворствовали убийствам развлечения ради. Утешало лишь одно: все они почти наверняка давно погибли в огненной катастрофе, которая превратила в пепел десятки тысяч орбитальных поселений. «Надеюсь, их забавы того стоили», – подумал я.

Мне вполне хватало того, что в комнате есть все необходимое для сна и мытья, – остальным я мог пренебречь. Впрочем, вопреки претензиям Пинки, я и так был достаточно чист, а тревога и замешательство вряд ли позволили бы мне заснуть. К тому же имелись два чувства, которые не терпелось удовлетворить: голод и любопытство.

В дверь постучали, и она сразу открылась. Вошла человеческая женщина, толкая перед собой тележку. Я сел на кровати, глядя, как она мягко и бесшумно катит тележку по серому покрытию.

– Роза?

– Нет. Почему ты так решил?

– Сидра говорила, что ко мне может прийти Роза.

– Она говорила не так, да. Наверное, сказала, да, что к тебе придет Роза-или-Нет.

– Значит, ты Роза-или-Нет, – кивнул я, будто вдруг увидел в происходящем некий смысл. – Ну конечно. Какой же я дурак, что назвал тебя совсем не тем именем.

На вид она была средних лет. Узкий подбородок, острый нос и зачесанная на лоб прядь черных волос. Вместо левого глаза – звездообразный узор из швов на коже, натянутой над пустой глазницей. Одежда – строгий серый костюм из рубашки и брюк, руки спрятаны в перчатках. Она подкатила ко мне тележку и

сдернула зеленое покрывало, открыв ряды медицинских инструментов и лекарств, мне незнакомых, но и не выглядевших совершенно чуждо.

– Закатай рукав.

– Зачем?

– Чтобы мы смогли узнать, да, кто ты.

– Я знаю, кто я, – терпеливо сказал я, пока Роза-или-Нет готовила шприц; руки у нее дрожали. – Что бы вы ни делали и ни говорили, это ничего не изменит.

Она поднесла шприц к глазу, покачивая иглой в опасной близости от него.

– Им все равно.

– То есть?

– Я говорю, да, им все равно, кем ты себя считаешь, пока они не убедятся, да, что ты тот, кем тебя считают они, да и да. – Она стукнула себя свободной рукой сбоку по голове, не слишком сильно, а так, будто исполняла некое наказание. – Воистину да! Да, да! Рукав.

Я закатал рукав.

– Почему им все равно?

– Потому что, да, ты им полезен, кем бы себя ни считал. Воистину да!

Как ни странно, когда она поднесла иглу к моей руке, движения стали увереннее. Быстро и почти безболезненно выкачав немного крови, она впрыснула содержимое шприца в анализирующее устройство на тележке. Зажужжал центробежный сепаратор, тележка затряслась, звеня находившимися на ней предметами.

– Но ты вспомнишь, да. Ты тот самый, да. Да, да и да.

На анализаторе появилась строчка огоньков, бегущих слева направо.

– Видишь, да? Генетическая корреляция. Клавэйн оставил образцы на Арарате. Близкая семейная совместимость. Это определенно ты.

– Я не…

Роза-или-Нет взяла у меня соскоб изо рта.

– Почти лишнее. Высокие статистические показатели уже на основе крови. Но кровь можно подменить, так что нужно убедиться, да и да. – Когда она помещала образец в другой анализатор, у нее снова дрожали руки. – Из одного этого следует, да, высокая вероятность того, что ты родился на Земле, в Северной Европе, путем естественного зачатия и смешения генов родителей, в первой половине двадцать второго века. Что означает… да, тебе семьсот календарных лет, воистину да.

Я рассмеялся, понимая всю абсурдность услышанного:

– Будь мне семьсот лет от роду, Роза, я бы об этом знал.

– Роза-или-Нет. Не Роза. Всегда Роза-или-Нет.

– Ладно, – согласился я. – Пусть будет Роза-или-Нет. Что… с тобой случилось, Роза-или-Нет? Как ты тут оказалась? Раньше тоже была врачом?

– Не врачом. Не врачом. – Она взяла другой инструмент, похожий на увеличительное стекло. Велев мне вытянуть руку, провела стеклом вдоль нее, напряженно вглядываясь в изображения и потоки данных, мелькавшие на полупрозрачной поверхности. – Сидра сказала, что ты менял себя, да.

– Сидра может говорить, что хочет.

– Видишь эти наросты? Следы соединения костей. Ты потерял руку, а потом ее тебе механически нарастили. – Она кивнула. – Все сходится. Протез времен войны, марсианский театр, первая война с сочленителями.

– Из этой руки ты только что брала кровь.

– Ты отрастил ее заново, с помощью более поздних методов. Возможно, даже не один раз. Множественные следы срастания. – Она поводила стеклом возле моего лица. – Генетические водяные знаки. С глазом то же самое. Ты его потерял, заново отрастил – несколько раз подряд. Все сходится.

– Сидра наговорила тебе черт знает чего, и теперь ты видишь то, что хочешь видеть.

– А ты сам проведи над собой эти же тесты. Да и да. Воистину. Скрывать нечего. Но ты придешь к тому же выводу. – Она отложила сканер. – И кем бы ты ни был, тебе нужны лекарства. У тебя болят суставы?

– Легче сказать, что у меня не болит.

– Сидра ускорила омоложение, да. Перестройка костей, мускулатуры, нервной ткани. Тяжело. Вот это поможет. – Она приготовила смесь из содержимого стоявших на тележке разноцветных флаконов, наливая понемногу из каждого в стаканчик. – А мнемонофаги вызывают головную боль. Разрывают и вновь соединяют синаптические связи. Будто вскрывают городскую мостовую, прокладывая новые трубы и кабели. Со временем станет лучше. А сейчас выпей.

Поскольку терять мне было нечего, я взял стаканчик и осторожно отхлебнул, а затем с безрассудной отвагой осушил до дна.

– Могу поспорить, медицинские системы на корабле Сидры ничем не хуже, чем тут у вас.

– Воистину да.

– Тогда почему Сидра не сочла нужным дать мне что-нибудь

вроде этого? Просто чтобы притупить боль?

– Сидре все равно, что ты чувствуешь. И как ты себя чувствуешь. Лишь бы ты был жив.

Я протянул пустой стаканчик Розе-или-Нет.

– Но тебе, похоже, не все равно. Если только ты не уговорила меня выпить полный стакан яда.

Она взяла посуду и опустила в автоклав.

– Ты давно знакома с Сидрой?

– Нет. Наши пути не пересекались. Я знаю о ней лишь то, что услышала от леди Арэх и Пинки.

– То есть ты из тех, кто уже был здесь, в этой каменной глыбе?

– Нет. Не здесь, воистину да. – Она снова ударила себя по голове.

Я предположил, что у нее там что-то не в порядке – то ли заели, то ли разболтались какие-то нейрошестеренки. Это объясняло странную манеру речи, дрожание рук, возможно, даже стремление себя наказать – нечто вроде периодически возникающего нервного тика.

– Внизу, в Городе Бездны. В Свинарнике, да.

– И как было в Свинарнике? – мягко спросил я.

– Плохо. Очень плохо, воистину да. Плохо, плохо. Да! – Она дважды стукнула себя, и я пожалел, что вызвал у нее болезненные воспоминания. – Но я выбралась, да. Я выбралась. Роза-или-Нет выбралась.

– Что там произошло?

– Не что произошло. – На этот раз она ударила трижды, причем сильнее. – Что там происходило. И происходит до сих пор. Ее свинейшество! Да! Да! Да!

Я перехватил ее запястье, прежде чем она успела нанести себе очередной удар.

– Прости, Роза-или-Нет.

Она потерла руку в том месте, где я ненароком слишком крепко сжал, а затем удивленно взглянула на меня единственным глазом:

– Ты плохой человек, Уоррен Клавэйн?

Не хотелось признавать своим это имя. Но если Сидра проделала брешь в моей защите, положив начало процессу самоанализа и самоидентификации, то эта несчастная душа превратила трещину в зияющий пролом. Нельзя сказать, что я верил в представленные аппаратурой на тележке доказательства. Но я верил Розе-или-Нет.

– Не знаю, – ответил я, и меня пробрала дрожь. – И боюсь того, что могу узнать.

Глава 12

Нас позвали в Обзорную на ужин. Теперь там появился длинный стол, расположенный узкой стороной к наклонным окнам. В них все так же почти ничего не было видно, не считая намека на пугающе неровную местность, состоящую из утесов, склонов и ущелий, сплошь окутанную туманом и тьмой.

Леди Арэх стояла во главе стола, спиной к окну. Все остальные уже сидели, примерно по десятку с каждой стороны. Мы впервые увидели большинство здешних обитателей. Пинки и Снежинка устроились ближе всех к леди Арэх, но друг против друга. Следующая пара стульев оставалась незанятой, дальше сидели Кейтер, Омори и Роза-или-Нет, а затем усталого вида компания свиней и людей, каждый как минимум с парой шрамов.

– Садитесь, прошу вас. – Леди Арэх подчеркнуто формальным жестом указала на пустые стулья. – Полагаю, вы голодны, но даже если нет, у меня есть кое-что, что вам наверняка захочется увидеть.

Мы с некоторой неловкостью заняли свои места. Сидра смотрела на меня, а я на Сидру, не вполне понимая отведенную нам роль. Леди Арэх налила вина в наши бокалы.

– Нам оставили свидетельства крайне сомнительной деятельности, которая имела тут место, – продолжала она. – Нам также оставили несколько подвалов, чье содержимое почти не тронуто. Насколько этично воспользоваться этим? Как считаете?

Подняв бокал, я вдохнул букет вина.

– Как мне подсказывает инстинкт… к черту этику.

– В таком случае мы с тобой единомышленники, Уоррен. – Леди Арэх села и подвинула свой стул вперед. – Должна извиниться за немногословность во время первой нашей встречи. У меня имелись сомнения по поводу твоей сущности, а вдобавок сомнения насчет выводов Сидры. Меня занимала мысль, в самом ли деле к нам прибыл тот, кого мы искали. Внешне ты выглядишь… не слишком многообещающе.

– Но он именно тот, о ком говорит Сидра, да, – сказала Роза-или-Нет, окидывая взглядом остальных сидящих. – Я провела анализы, все анализы. Воистину да. Этот человек родился на островной территории Северной Европы, в Западном Палеоарктическом секторе на Земле, которая называется…

– Я считала, что моих гарантий вполне достаточно, – прервала ее Сидра.

– Дорогая моя Клепсидра, – снисходительно отмахнулась леди Арэх, – ты права, и я знала, что так и будет. Может, у тебя

несколько необычные, даже безрассудные методы, но ты всегда проявляла внимание к деталям.

Сидра поерзала на стуле. Трудно было понять, как упрек восприняла она эти слова или как похвалу.

– Можешь говорить про мои методы что хочешь, но я точно не стала бы бездельничать шесть лет.

– Есть сложности, – сказала леди Арэх.

– Ничего сложного, если ты готова применить необходимую силу. Разве что тебе не хватает отваги.

– Отваги как раз хватает, – возразил Пинки, быстро хлебнув прозрачной жидкости, скорее спирта, чем вина. – Если бы все дело было в силе…

– Тогда почему в нашем распоряжении нет всех девяти камней? – жестко спросила Сидра.

Осторожно глотнув вина, я поставил бокал.

– Леди Арэх, Сидра, от вашего спора нет никакого толку – для меня уж точно, и сомневаюсь, что он есть для кого-либо из ваших друзей. Которым, кстати, меня еще не представили.

– Рассчитываешь на долгое знакомство, Вонючка? – спросил Пинки.

Встретившись с ним взглядом, я как можно рассудительнее ответил:

– Если честно, ни на что не рассчитываю. Но я подумал, что немного вежливости не помешает, пока мы не договоримся о следующем шаге – каким бы он ни был.

– Верно, Уоррен, – вздохнула леди Арэх. – Я далеко не идеальная хозяйка. И ты, конечно же, вправе познакомиться с твоими новыми товарищами. Как и Клепсидра. – Показывая рукой, она стала называть имена. – Бруно, Йилин, Черсини, Мод…

Я мог лишь кивать в ответ, надеясь, что сумею запомнить всех.

– Насколько я понял, – сказал я, – некоторые из вас уже были на этом астероиде до появления леди Арэх, а некоторые прилетели сюда с Йеллоустона. Но найденный нами навигационный маяк не содержит никакой информации о перемещениях кораблей, не считая шаттла леди Арэх. Те из вас, кто прибыл из Города Бездны, наверняка прилетели одновременно, последним рейсом шаттла, шесть лет назад.

– Так и есть, – ответил Черсини – свин, чья рука в кожаной перчатке сжимала нож с длинным лезвием. Положив другую руку на стол, он очерчивал ножом ее контур. – Мы прилетели вместе с камнем – те, кому удалось добраться. Нас спасли леди Арэх и Пинки, и каждый из нас готов благодарить их до гроба. Пока сам

там не побываешь, не поймешь, насколько все кошмарно.

– Леди Арэх хотела полететь за очередной группой выживших, но я ей запретил, – тихо проговорил Пинки. – Так что спасти удалось всего двадцать. Трое не пережили первую неделю, несмотря на все усилия Розы-или-Нет.

– Ты правильно сделал, что запретил, – сказала леди Арэх. – Даже сейчас меня бросает в дрожь при мысли, насколько я была близка к роковой ошибке. Наше счастье, что волки нас не заметили, но еще один полет в атмосферу планеты почти наверняка не ускользнул бы от их внимания.

Я вновь ощутил ее пронизывающий, внушающий страх взгляд.

– И тогда компанию за ужином тебе составили бы лишь призраки, небесный маршал.

– Сперва новое имя, а теперь еще и титул. Похоже, моя значимость растет.

– Что ж, радуйся. – Леди Арэх сняла куполообразную металлическую крышку со стоявшего перед ней блюда. – Узри же гидеонов камень.

Посреди блюда лежал бесформенный комок, похожий на сплавившиеся друг с другом куски рубина и хрома, больше кулака, но меньше человеческого черепа. От него исходило мягкое красноватое сияние, подсвечивая лицо хозяйки.

Взяв камень кончиками пальцев, леди Арэх протянула его мне, уронила на ладонь. Я сжал его в кулаке. Гидеонов камень был космически холодным, тяжелым и плотным, будто я держал комок замерзшего пространства-времени, который съежился в подрагивающую точку сингулярности.

– Он активен, – сказала леди Арэх. – У него есть собственный источник энергии и протоколы деятельности. Мы можем в какой-то мере им управлять с помощью человеческих технологий, интегрируя его в наши системы защиты. Но этот камень всегда будет обладать самостоятельной волей, собственным настроением и темпераментом. Сожми его сильнее.

– Зачем? – спросил я.

– Делай, что говорят, Вонючка, – бросил Пинки.

Я сильнее сдавил камень, потакая желанию хозяев. В том, что должно что-то произойти, я не сомневался, поэтому, когда он засветился ярче и красноватое сияние потекло между моих пальцев, мне хватило благоразумия не разжать кулак. Затем я ощутил, как из камня начало сочиться нечто холодное, будто он треснул и пролил жидкое содержимое.

Камень был цел и невредим, я его не раздавил. Но он определенно что-то источал из себя. Мою кисть окутывала

жемчужная пленка, она ползла к запястью. Я ничего не чувствовал – ни холода, ни жжения, как будто пленка полностью повторяла очертания моей руки, но не соприкасалась с ней напрямую. В пленке проступала похожая на чешую мозаика – сталкивающиеся друг с другом шестиугольные бляшки.

– Черсини, – сказала леди Арэх, – давай тиски.

Отодвинув стул, Черсини что-то из-под него достал и зашел мне за спину. Прежде чем я успел пошевелиться, Кейтер и Омори придавили к столу мою кисть, уже целиком заключенную в фасетчатую перчатку.

– Если с ним что-нибудь случится, – заявила Сидра, – я пошлю «Косе» нейрокоманду залить весь этот комплекс нервнопаралитическим газом широкого спектра действия.

– Случиться с ним ничего не может. – Леди Арэх кивнула Черсини. – Он нужен нам, чтобы разгадать загадку Харибды. Демонстрация возможностей камня будет намного лучше любых слов. Давай.

Я дернулся, но Кейтер и Омори держали крепко. Разумом я понимал, что вряд ли леди Арэх желает мне зла, но рациональному мышлению не способствовал вид моей руки, которую засовывали между двумя плоскими губами механических тисков – той самой тяжелой штуковины, что стояла под стулом Черсини.

Рукоятка совершила два оборота и встретила сопротивление моей руки.

– До упора, – велела леди Арэх.

Похрюкивая от напряжения, Черсини сделал еще один оборот. В его силе я не сомневался, глядя, как проступают сквозь ткань рукава мышцы и связки его предплечья.

Но я не чувствовал боли. Тиски должны были сокрушить мои кости, однако я не ощущал ничего, кроме холодного покалывания. Жемчужная пленка, вытекшая из гидеонова камня, полностью окутала стальные челюсти.

– Сильнее, – приказала леди Арэх.

– Еще немного – и я сломаю тиски, – проворчал Черсини.

– Полагаю, леди Арэх, – сказала Сидра, – что можно считать демонстрацию успешной.

– Придерживаюсь того же мнения, – кивнул я.

Черсини закрутил рукоятку обратно. Прильнувшая к металлу пленка вдруг утратила к нему всякий интерес, снова облекая мою кисть, но ее край все еще двигался кверху по предплечью.

– Бронеткань, – сказала леди Арэх. – Защитная технология, известная цивилизации личинок. Ее привез представитель этой цивилизации; его корабль разбился под Городом Бездны. Мы

понятия не имеем, как она работает. Мы не можем даже определить, является ли это поле какой-то формой массы-энергии или хитроумным самоорганизующимся оригами пространства-времени при неоднородности Планка. Все, что мы знаем, – это что можно заставить его работать на нас. Положи камень.

Я послушался и увидел, как пленка соскальзывает с моей кисти, лишаясь своей фасетчатой текстуры и втягиваясь обратно в камень. Красноватое сияние снова угасло, камень вернулся в спячку.

Я помассировал запястье – скорее машинально, чем по необходимости.

– Можно было просто рассказать.

– Но теперь ты знаешь из собственного опыта, – сказала леди Арэх. – И это поможет тебе, когда придется вверить камню свою жизнь.

– Что способно пробить его защиту? Когда мы столкнемся с ингибиторами, вряд ли они набросятся на нас с ножами.

– Из нашего обычного арсенала – ничто. Режущие инструменты, пули, лазерные и бозерные разряды средней мощности – ничто не пробивает это поле. Как и чрезмерное давление или высокая температура.

– Позови меня, когда тебе потребуется настоящее оружие, – презрительно фыркнула Сидра.

– Бронеткань прочна, но не неуязвима, – ответила леди Арэх. – И мы об этом знаем. Если бы личинки обладали защитной технологией неограниченной мощности, вряд ли кто-то из них разбился бы на Йеллоустоне. У нее наверняка есть пределы, и если мы их превысим, то можем потерять гидеонов камень или даже погибнуть сами. Подобный риск недопустим. А следовательно, по-настоящему испытать свойства камня удастся лишь в боевых условиях.

– Думаешь, он способен противостоять оружию ингибиторов? – спросил я.

– Вряд ли стоит на это рассчитывать. Возможно, он обеспечит лишь кратковременную защиту. То, что ты сейчас увидел и испытал, – способность гидеонова камня сопротивляться сильному давлению. Вместо механических тисков вполне может оказаться атмосферное давление какой-нибудь планеты. Благодаря гидеоновым камням огромное давление выдержит любой объект – скажем, корабль.

– Насколько огромное?

– Многие гигапаскали, – ответила леди Арэх. – Многие сотни тысяч атмосфер. По крайней мере, это то, к чему мы должны быть готовы – в зависимости от ряда пока неизвестных факторов.

Я едва не рассмеялся:

– О боже!

– Не стану отрицать, задача не из простых. Но то, что мы ищем, – то, что нам помогут найти камни, – вполне может находиться под таким давлением.

– Но у вас только один камень. Этого хватит?

Леди Арэх отрицательно качнула головой:

– Увы, нет. Эффективность бронеткани имеет свои ограничения. Одного камня достаточно для небольшого объекта – скажем, скафандра или ракеты, но не корабля.

– В таком случае вам стоит подумать, как раздобыть остальные камни, – сказала Сидра.

Леди Арэх посмотрела на Пинки:

– Расскажи им, если хочешь. Вкратце.

Пинки взглянул скорее сквозь меня, чем на меня, потом на Сидру.

– У нас был союзник, он помог добыть девять камней. На беду, кто-то из его организации его предал. Прежде чем мы успели выбраться из Города Бездны, нас застигла врасплох Свиная Королева. Он погиб, а она завладела остальными камнями.

– Она… свинья? – рискнул спросить я.

– Нет. – Пинки пронзил меня взглядом. – Не свинья.

– Некоторые из тех, кого ты тут видишь, включая Розу-или-Нет, либо находились в плену у Свиной Королевы, либо были вынуждены работать в Свинарнике. Некоторые сбежали еще до того, как появились мы, остальным удалось выбраться во время операции, в царившем тогда хаосе. Но многие остались там, что следует учитывать в любых планах на будущее.

– Она готова отдать камни? – спросил я.

– Только под угрозой, – ответила леди Арэх. – Собственно, угрозы – худшее, на что мы могли бы пойти. Ей потребуется всего несколько мгновений, чтобы избавиться от камней, сбросив их на дно ущелья, откуда нам их нипочем не достать. Так что любое применение силы исключается, в том числе внезапная атака. – Она сурово взглянула на Сидру. – Даже нервный газ. Мы рассмотрели все возможные сценарии. Даже если счесть пленников расходным материалом, никакие меры не сработают достаточно быстро, чтобы гарантировать сохранность камней.

– Есть один способ, – сказал Пинки, допивая спирт. – Плата, которую она готова принять, – это я. За меня она отдаст все камни.

– Ты для нее так дорог? – спросил я.

– Это не обсуждается, – предостерегающим тоном заявила

леди Арэх.

– Возможно, самое время обсудить. – Пинки пожал плечами, скрипнув промасленными кожаными вставками своей куртки. – Свиная Королева в свое время положила на меня глаз. Она знает, что я самый старый из всех живущих свиней, и этим я для нее особо ценен. Свинина сама по себе редкость, а я – самая редкая ее разновидность. Она хочет зажарить меня и съесть.

Я недоверчиво покачал головой:

– Вряд ли посмеет.

– Можешь не сомневаться, Вонючка.

– Именно так, да, – сказала Роза-или-Нет. – Она держит свиней. Много свиней. В цепях, да и да. Откармливает, потом понемногу режет. И угощает свинарей, воистину да. – Она взглянула на свои руки, будто внезапно чего-то устыдившись. – Я была… ее врачом. Лечила их. Да и да.

Она вздрогнула, уже собираясь стукнуть себя по голове, но Омори обнял ее за плечи и подержал, пока она не успокоилась. Даже Черсини, свин с ножом, подошел ее утешить.

– Чудовищно, – проговорил я.

– Именно этим она и занимается, – равнодушно сказал Пинки. – А я – призовой экземпляр, который еще не попал к ней в меню. Дело даже не в том, каково на вкус мое мясо, хотя и это имеет значение. Я, знаешь ли, символ, свинья с реальной историей. Когда-то я был весьма известен в Городе Бездны. Можно сказать, тотем. Стоит ей меня прикончить, и она не только разрушит все надежды оставшихся свиней, но и пошлет намек соперникам: «Видите, что я сделала?! Сожрала старейшую свинью и лишила леди Арэх преданного помощника!» Она запишет мои вопли и прокрутит их раз за разом для всего Города, а если кто-то усомнится в ее жестокости или возомнит, будто может бросить ей вызов, она повторит то же самое снова.

– Вполне тупиковая ситуация, – спокойно сказала Сидра.

– И это все, что ты можешь сказать? Тупиковая? – спросил я, потрясенный ее безразличием.

– Я просто констатирую факт, – холодно ответила она. – Леди Арэх не позволит отправить Пинки на смерть. А значит, мы не получим камни. Никогда не получим. – Прищурившись, она взглянула на полусочленительницу. – Могу я поинтересоваться: у вас был план или вы просто надеялись, что реальность как-то изменится?

– План состоит в том, чтобы ждать, – с ледяным спокойствием проговорила леди Арэх. – В руинах Города Бездны непрерывно идет война между группировками, и, как уже отметил Пинки, положение Свиной Королевы становится все менее

устойчивым. Рано или поздно она переоценит свои силы и ее свергнет кто-то из помощников. И тогда мы возобновим переговоры.

– Что ж, прекрасно, – хмыкнула Сидра. – Волки у входа в нашу пещеру, костер догорает, но мы просто ждем. – Она вдруг замерла, как будто у нее возникла идея. – Я прихватила фишки. Не желает ли кто-нибудь сыграть? А может, в камень, бумагу, ножницы и смерть?

– Заткнись, Сидра, – одними губами прошептал я.

– Наконец-то хоть какая-то польза от Вонючки.

Я кивнул в сторону свина:

– Наверняка существует способ получить то, что нам нужно. Если все-таки обмен, то каким образом?

– Нет… – начала леди Арэх.

Но Пинки, по крайней мере, был готов развить мою мысль.

– Договоримся посредством оптического лазера, когда позволит погодное окно, хотя до этого могут пройти недели. Потом спустимся на шаттле. Обе стороны убедятся, что товар настоящий, и совершим обмен.

Я медленно кивнул:

– Она сразу тебя убьет?

– Это не в ее стиле. Она любит потянуть, насладиться победой. – Он поковырял в обрубке уха. – Возможно, ей захочется отрезать от меня еще кусочек, просто чтобы напомнить о прошлом. Стоит кому-то попробовать свинину, и от нее уже не отказаться. – Пинки улыбнулся, видя, что мне явно не по себе. – Но я уверен в одном: она постарается, чтобы остальная моя туша оставалась свежей.

Я снова кивнул, догадавшись, насколько он был близок к тому, чтобы стать ее добычей, и что для него означало возвращение.

– Речь идет о часах? Днях? Или дольше?

– Дай мне хрустальный шар, и я отвечу. Есть другие предложения?

Я помедлил, чувствуя, что у меня есть лишь один шанс, который, скорее всего, будет с ходу отвергнут.

– Почему бы не рассмотреть вариант, при котором удастся и провести обмен, и вернуть Пинки? – Я ждал, что меня зашикают или Сидра начнет отговаривать, но ответом была лишь напряженная тишина. – У нас теперь два корабля, а не один. Значит, открываются кое-какие возможности – особенно если Сидра сумеет действовать скрытно.

Поднялся ропот, сидевшие за столом переглянулись. Снежинка, похоже, собиралась что-то сказать, а Пинки явно

намеревался ей помешать.

– Продолжай, – велела леди Арэх.

– Вы отдаете его, забираете камни и улетаете достаточно далеко, чтобы гарантировать, что камни не попадут опять не в те руки. Сколько на это потребуется времени?

– Нам нужно лишь взлететь и убраться за пределы досягаемости пушек Свинарника. Пара минут, не больше. – Тон леди Арэх стал жестче. – И что дальше?

– Дальше являемся мы на другом корабле и вытаскиваем Пинки. Всего лишь эффект неожиданности. А камней у Свиной Королевы уже не будет.

– Нет, – покачала головой леди Арэх. – Все равно нереально. Ты не представляешь себе размеров Свинарника и численного превосходства противника. У нее сотни вооруженных приспешников и многие сотни невинных пленников в кандалах, ждущих, когда их подадут к столу. Никакая внезапная атака, сколь бы хорошо она ни была организована, не приведет к успеху. Свиной Королеве хватит одной секунды, чтобы убить Пинки, а в момент нашего вторжения он может находиться где угодно внутри Свинарника.

– Вживите ему имплантат-маячок, – предложил я.

– Когда дело дойдет до проверки товара, его просканируют, и любое скрытое устройство станет основанием для отмены сделки. – Леди Арэх посмотрела на меня так, будто я полностью ее разочаровал. – Думаешь, мы еще не рассматривали такой вариант, Клавэйн?

– Но ведь наверняка есть какой-нибудь выход, – тоскливо проговорил я.

– Может, и есть, – сказала Сидра и умолкла, наслаждаясь полным новой надежды взглядом леди Арэх.

– Продолжай, – сказала та.

– На «Косе» имеется архив оружейных систем, в том числе весьма специализированных. Некоторые очень стары и почти не использовались. Есть один… подходящий вариант. Своего рода концепт-продукт, но вполне надежный. При аккуратном применении он может послужить как оружием, так и следящим устройством.

– Ты что, не слышала, о чем мы говорили? – спросила Снежинка.

– Слышала, – промурлыкала Сидра. – Гемокласт обнаружить невозможно. Вашей Свиной Королеве его не найти – разве что у нее есть доступ к сопоставимому архиву оружия и средств противодействия. Это я могу гарантировать.

Пинки наклонился вперед:

– И как это работает?

– Гемокласт прячется на твоем теле и активируется по соответствующему сигналу. Любой находящийся рядом, не помеченный как союзник или нейтральная персона, погибнет. Эффективного убойного радиуса вполне хватит, чтобы создать движущийся пузырь, который с легкостью тебя защитит. Тебе останется лишь добраться до безопасного места.

– Вряд ли от него окажется много толку, если меня свяжут и заткнут кляпом рот, и еще меньше, если я уже буду крутиться на вертеле.

– Гемокласт можно настроить так, чтобы он уничтожал любые путы и цепи.

– Звучит обнадеживающе, – согласился я.

Сидра, похоже, была довольна поддержкой:

– Ответ верен!

– Нет, – твердо заявила Снежинка, кладя руку на руку Пинки. – Этот вариант мы даже не рассматриваем. Мы понятия не имеем, о чем она говорит, насколько это безопасно и насколько действенно. И ты все равно окажешься один против сотен кровожадных свинопасов.

– Мы можем договориться о месте встречи, – настаивала Сидра. – И я заранее отправлюсь туда, взяв с собой роботов с «Косы» и запасной скафандр. Гемокласт приведет меня к Пинки. Как только я до него доберусь, скафандр станет его броней. И мы улетим.

– Нет, – повторила Снежинка, но на этот раз не столь убежденно.

Было ясно, что любое ее возражение Сидра легко опровергнет.

– Если это позволит нам завладеть камнями и не потерять Пинки… – сказал я.

– Выбор прост. – Сидра откинулась на стуле. – Начинаем прямо сейчас, забираем, что требуется, и летим дальше. Или сидим и ждем невесть чего.

– Это оружие… – начал я, и Сидра повернулась ко мне. – Если не ошибаюсь, его название означает что-то вроде… «кровяной разрушитель».

Сидра расплылась в улыбке:

– Умный мальчик.

Утром к нам пришла Снежинка, велев одеться потеплее, с расчетом на прогулку по гористой местности. В моей комнате – как, вероятно, и в комнате Сидры – имелся огромный гардероб, способный удовлетворить потребности обладателей тел любых

размеров и форм. Я натянул две пары штанов, три слоя одежды, ватную жилетку и тяжелый плащ с поясом, капюшоном на меху и карманами для перчаток. Прочные ботинки с накладками на подошвах удобно сели поверх двух пар носков. Как и следовало ожидать, Сидра пренебрегла какой-либо одеждой, кроме комбинезона, который она носила с момента нашего прибытия.

– Замерзнешь насмерть, – сказал я.

– Не спеши радоваться.

Взглянув на нашу экипировку, Снежинка лишь равнодушно фыркнула:

– Леди Арэх хочет, чтобы я показала вам внутреннее ядро. То, как вы к этому подготовились, – дело ваше, и за последствия я не отвечаю.

Снежинка утеплилась не хуже меня. С ее ремня свисало множество сумок и кобур, а также всевозможные инструменты, ножи и крючья. На плече болтался моток веревки.

– Ты же сама говорила, что все тут нам покажешь, – напомнил я.

– Да, – ответила Снежинка. – Но это было еще до того, как я узнала вас получше.

– В таком случае если это не просто дружеская экскурсия, то в чем ее цель?

Снежинка зло уставилась на меня:

– Знаешь что, старик? Слишком много вопросов задаешь.

– Лучше, если в этом путешествии все же будет хоть какой-то смысл, – предостерегающе проговорила Сидра.

– Скажи это своей зловещей сестрице. Я просто делаю то, что она мне велит.

– Думал, ты никому не прислуживаешь, – сказал я.

– Ты прав, – огрызнулась Снежинка. – Просто следую предложениям, от которых невозможно отказаться. Так устроит?

Поняв, что надо бы хоть на время придержать язык, я двинулся следом за Снежинкой по лабиринту тоннелей и шахт. Наконец мы добрались до невесомой части глыбы, составлявшей большую часть ее объема.

Пройдя через массивные, похожие на шлюз двери, мы оказались во внутреннем ядре – таким же мрачным и туманным оно выглядело за обзорными окнами. Мы были невесомы, но это не мешало продвигаться – на поверхности утеса крепились захваты для рук и направляющие тросы, и Снежинка велела постоянно ими пользоваться. Воздух был холодным и влажным, несколько минут спустя меня начал пробирать озноб. Радуясь, что тепло оделся, я подумал, что Сидра теперь наверняка ругает себя за неосмотрительность.

Мы постепенно огибали утес. Из-за невесомости понятия реального верха и низа отсутствовали, но, судя по тому, как выступали из округлых стен каменные образования, стремясь к центру, я догадался, что когда-то все ядро вращалось, обеспечивая силу тяжести. Обзорная, однако, находилась на независимой оси, так что, вероятно, сила тяжести в ядре могла увеличиваться или уменьшатся по желанию клиентов. Сейчас Обзорная находилась напротив нас – выступ на ободе колеса, медленно вращающегося на фоне круглого щита. В Обзорной горел свет, и оттуда на нас смотрела крошечная, но властная фигура.

– У леди Арэх нашлось время подумать над твоим предложением, Клавэйн, – наконец нарушила тишину Снежинка. – Она считает, что от него может быть определенный толк, особенно с учетом оружия, которым обещает нас снабдить Сидра.

Меня пробрала дрожь.

– Не хотелось бы как-то влиять на любые ваши решения по поводу Свиной Королевы.

– Тогда зачем ты предлагал свой вариант?

– Я думал, вы уже обсуждали нечто подобное, и хотел понять, почему этот вариант нереален. Ответ меня вполне устроил.

– Он всегда такой отъявленный лжец, Сидра?

– В моем присутствии предпочитает не лгать. Естественно, он предлагал с самыми серьезными намерениями. В нем живет солдат, и никуда ему от этого не деться.

– Солдат, готовый посылать других на смерть ради достижения цели?

– Он узнал достаточно, чтобы понять: без камней нам никак не обойтись.

Снежинка остановилась. Она опережала нас, преодолевая осыпающийся уступ посреди вездесущего тумана. Несмотря на отсутствие силы тяжести, мой желудок был убежден, что еще немного – и я упаду. В брюхе Иоанна Богослова я такого не ощущал, но там было искусственное пространство, заполненное механизмами, а утесы и пропасти здешнего абсурдистского ландшафта цеплялись за некие древние участки моего мозга, обманом вынуждая его считать, будто тут есть верх и низ.

– Не шевелитесь, – проговорила Снежинка, медленно доставая из кобуры оружие с приспособленной под свиную кисть рукояткой.

Она щелкнула предохранителем, и на похожем на драконью морду стволе замерцали огоньки.

Мой взгляд уловил движение – нечто маленькое, быстрое и

юркое промелькнуло между двумя темными трещинами на соседнем утесе. Я напрягся, сообразив, что ошибся в своих ожиданиях. Раньше я предполагал, что ядро полностью заброшено, что в нем нет ничего, способного нам повредить.

– Я его чувствую, – сказала Сидра. – Присутствие какой-то машины. Она воздействует на мои имплантаты.

– Возможно, у нее к тебе особый интерес. – Снежинка смотрела вслед бегущему силуэту, пока тот не скрылся в тумане. – Мы уничтожили большинство из них и захватили других, но несколько десятков еще бегают на свободе.

– Кто это? – спросил я.

– Девятилапы. Маленькие роботы, охотники-ищейки, атрибут игр, которые тут проводились.

– Они опасны? – поинтересовался я.

– Даже очень, – кивнула Снежинка. – Пусть тебя не обманывает их размер. И особенно смертоносны они для таких, как Сидра. Их привлекают кибернетические системы. Сражавшиеся с ними имели киберпротезы, нейроусилители, встроенное оружие, но смертность все равно оказывалась слишком высокой, чтобы имело смысл делать хоть сколько-нибудь конкурентоспособные ставки.

Перед моими глазами вновь возникло нечто, на этот раз намного ближе. Оно находилось на том же каменном образовании, что и мы, чуть дальше вдоль уступа, и быстро приближалось. Из лишенного каких-либо черт овального, матово-серебристого тела расходились в разные стороны тонкие членистые конечности, сужавшиеся в тонкие как иглы острия. Длина от конца одной иглы до конца противоположной составляла около метра. Сосчитать движущиеся конечности было невозможно, но по названию обладателя я догадывался, что их девять.

Подпустив девятилапа поближе, Снежинка выстрелом снесла его с утеса, и он, кувыркаясь и размахивая ногами, полетел в бездну. Если она намеревалась полностью его уничтожить, то явно ошиблась с мощностью или прицелом. Но, возможно, уничтожение не входило в ее планы.

– Ты все еще чувствуешь их, Сидра? – спросила Снежинка.

– Чувствую. Два в непосредственной близости, еще несколько на грани обнаружения. У них сообразительные мозги.

– Леди Арэх хотела, чтобы вы их увидели. После вчерашнего предложения Клавэйна у нее возникла мысль, что они могут оказаться нам полезны.

Снежинка опустила оружие, но не поставила на предохранитель и не убрала в кобуру.

– Вы пытались как-то их подчинить или перепрограммировать?

– Без особого успеха. Может, леди Арэх и сумела бы, но, как она сама готова признаться, ее опыт работы с киберсистемами военного назначения не может сравниться с твоим. В конце концов, вы с ней единое целое.

Сидра никак не отреагировала, что бы ни означали для нее эти слова – оскорбление или лесть.

– Ты говорила, вы сколько-то их захватили?

– Около ста двадцати. Некоторые были повреждены. Как понимаешь, мы держим их под надежнейшей охраной. Если они вырвутся на свободу, то быстро нас одолеют. Нам также не хотелось бы слишком близко подпускать к ним леди Арэх – а ну как они сумеют проникнуть в ее голову?

– Я не прочь их увидеть.

– Не переоценивай свои силы, – предупредил я.

– Я пыталась, но отчего-то никак не удается выяснить их предел.

– Леди Арэх покажет вам, где держат девятилапов. Если удастся отключить встроенную в них программу, они могут пригодиться против Свинарника. Эти роботы способны быстро двигаться и пробираться в очень узкие места.

– Могут и не пригодиться. Все зависит от того, сколько у нас времени.

– Через день-другой леди Арэх попытается вступить в переговоры со Свиной Королевой по сигнальному лазеру. Пытаться раньше нет смысла – слишком неподходящая погода для связи. Есть и еще кое-что.

– Продолжай, – сказал я.

– У нас имеются глаза и уши, разбросанные по всему Йеллоустону – микродатчики, которые расставила леди Арэх сразу после своего прибытия. Время от времени они обнаруживают активность волков. Отдельные кубики для этого слишком малы, но когда они начинают сбиваться в стаи, у нашей сети больше шансов их заметить. В последние двадцать шесть часов срабатывали сигналы тревоги на сверхнизкой частоте, особенно после того, как причалили вы.

– Мы ничего не сделали, – возмущенно заявила Сидра.

– Разве что подняли шум, когда возились с маяком. Боюсь, этого вполне хватило. Волки возбудились и начали скапливаться. Если их не провоцировать, скорее всего, они снова успокоятся, как это обычно бывает. Но передача сигнала на Йеллоустон может все окончательно испортить. Не говоря уже о том, чтобы отправиться туда самим, если Свиная Королева согласится на

сделку… – Действуя одной рукой, Снежинка сняла что-то с пояса и подала мне. – Застегни на себе.

Это была металлическая петля с пружинной застежкой. Я молча закрепил ее на одежде, обведя вокруг пояса. От петли отходил трос, который пока свободно парил в воздухе. Другой его конец держала Снежинка, обмотав несколько раз вокруг запястья.

– Он мой, – сказала Сидра.

Снежинка повела в ее сторону стволом:

– Не суйся не в свое дело.

– Что все это значит? – спросил я.

Снежинка пинком сбросила меня с утеса. Я замахал руками, но мгновение спустя оказалось, что ухватиться уже не за что. Меня относило в сторону со скоростью примерно метр в секунду. Снежинка постепенно отпускала трос.

– Я готова была поверить тебе на слово, – послышался голос Снежинки, становившийся все глуше по мере того, как расстояние между нами росло. – Согласиться с любым твоим предложением. Но ты подал леди Арэх именно эту идею, и теперь она собирается послать Пинки в Свинарник. Он погибнет из-за тебя.

Туман уже скрывал от меня Снежинку и Сидру, которая предусмотрительно держалась поодаль.

– Я бы не стал этого предлагать, если бы не считал, что у нас все получится. Никто не говорит о том, чтобы отправить Пинки на смерть.

– То есть твоя совесть чиста?

– Нет! Конечно нет. Но идет война, и нам нужны эти камни.

– Тебе даже не рассказали, для чего они нужны.

– Для чего? И так очевидно: чтобы дать отпор волкам. Как – это уже другой вопрос.

– Так просто?

– В общем, да. Волки в конечном счете найдут и перебьют всех нас. Это лишь вопрос времени. Нам нигде не укрыться, разве что вернуться назад на деревья. Впрочем, может, и это их не остановит. Без камней нет будущего. Мы все умрем – или умрут наши дети, или внуки.

Трос натянулся, достигнув своего предела. Туман почти полностью сомкнулся, и в нем виднелись лишь смутные очертания утеса и двух зрительниц.

– Я могу перерезать трос, Клавэйн. Сказать, что это был несчастный случай. В таком тумане леди Арэх из Обзорной ничего не увидит. Кому она скорее поверит – мне или Сидре?

– Этим ты ничего не добьешься.

– Добьюсь хотя бы того, что некому больше будет проталкивать безрассудную идею, которая может погубить Пинки.

Мы прекрасно жили, пока не явились вы.

– Прекрасно бездельничали, – пробормотала Сидра.

– Помолчи! – заорал я ей.

– Глядя на Пинки, ты видишь перед собой лишь свинью, – продолжала Снежинка. – Возможно, тебе кажется, будто ты видишь нечто большее, чем свинья. Возможно, убеждаешь себя, что ты не такой, как все прочие люди, мужчины и женщины, которые видят в нем нечто меньшее, чем человек.

– Я вижу человека, – сказал я. – С генами свиньи, но все равно человека. То, что он свинья, сейчас ничего не значит. Важно то, что у Свиной Королевы есть вещи, необходимые нам, и так уж вышло, что взамен ей нужен он.

Снежинка медленно покачала головой:

– Вот уж действительно – ничего не значит.

– Может, мне вмешаться? – спросила Сидра.

– Не стоит, – крикнул я в ответ и снова обратился к Снежинке: – Надо думать, этим девятилапам придется долго меня искать?

– Зато когда найдут, конец будет относительно быстрым. Быстрее, чем если бы какая-то психопатка отреза́ла от тебя куски и жарила их.

– Вряд ли ты готова меня убить после того, как с таким трудом затащила сюда.

– Я же сказала, что готова.

Трос на мгновение ослаб, и возникло кошмарное ощущение, будто я падаю в бездонный туман. Но трос натянулся снова, и я понял, что Снежинка отпустила его и сразу ловко перехватила.

– Я не хочу умереть здесь, Снежинка.

– А я не хочу, чтобы Пинки умер там.

– Он не умрет. Обещаю. Даже… – Я поколебался, понимая, что данное слово обратно уже не заберешь. – Даже гарантирую. Тем, что отправлюсь туда вместе с ним.

– Все это сказано под принуждением, – заявила Сидра. – И потому не имеет силы.

– Заткнись, – велел я.

– Да, заткнись, – повторила Снежинка.

– По крайней мере, в этом мы с тобой согласны, – сказал я, пытаясь развить успех. – Как-нибудь обойдемся без малышки Сидры.

– Ты серьезно? Насчет того, что он будет не один?

– Да, – твердо сказал я. – Даю слово. Я не подведу его. И тебя тоже. Пинки вернется со мной, и гидеоновы камни будут наши.

– Слушай меня внимательно.

– Слушаю.

– Пинки может вернуться один или вместе с тобой – меня устроит любой вариант. Но если по какой-то причине он не вернется, можешь считать себя невероятным везунчиком, если больше никогда меня не увидишь. – Трос снова напрягся – Снежинка вытягивала меня. – Иначе то, что я с тобой сделаю, покажется чудовищным даже Свиной Королеве.

Глава 13

Я попросил леди Арэх собрать всех в Обзорной. Пока остальные занимали свои места, я постарался расположиться напротив Пинки. Хотелось, чтобы он смотрел мне в глаза и понимал, что я отвечаю за каждое свое слово.

Но первый мой вопрос был обращен к леди Арэх:

– Насколько подробно Свиная Королева осведомлена о вашей деятельности?

– В каком смысле?

– Она знает по имени и в лицо всех, кто сидит за этим столом?

– Нет, – осторожно ответила леди Арэх, глядя на меня так, будто уже почувствовала, к чему я клоню. – Знает некоторых, сбежавших с нами на орбиту, но никого из тех, кто уже был здесь раньше.

– Хорошо, – кивнул я. – В таком случае не составит труда представить меня как одного из ваших. Когда будешь отдавать Пинки Свиной Королеве, заодно отдашь и меня.

На физиономии свина отразился едва заметный интерес.

– Полагаешь, мне нужен тот, кто будет держать меня за ручку?

– Нет, – ответил я, не поддавшись на провокационный тон. – Нисколько не сомневаюсь, что ты вполне способен справиться и сам, особенно на трезвую голову. Но поскольку эту идею подал я, то, думаю, будет честно, если я разделю риск с тобой. Мы отправимся вместе. Сидре придется изготовить два гемокласта и обеспечить нас двумя скафандрами вместо одного, но вряд ли это сильно усложнит задачу.

– Неприемлемо, – заявила Сидра. – Это я нашла Клавэйна. Он принадлежит мне. И я не позволю ему рисковать.

– Зато приемлемо, что Пинки подвергнется смертельной опасности? – спросила леди Арэх. – Его жизнь менее ценна, чем жизнь Клавэйна?

– Да, – после недолгого размышления ответила Сидра.

– Что ж, рад, что ты не скрываешь своих предрассудков, – заявил Пинки.

– Клавэйн критически важен для второго и третьего этапа операции. Ты… не лишен некоторых способностей. Но есть разница между полезностью и незаменимостью.

– Спасибо за столь теплую поддержку, Сидра, – сказал я. – Но я отправляюсь вместе с Пинки. Об этом вопрос не стоит. Вопрос стоит о том, как мы будем действовать.

Пинки взглянул на Снежинку:

– Интересно, с чего это он вдруг за ночь так осмелел?

– Мы кое о чем договорились, – ответила Снежинка.

В ее взгляде я видел если не одобрение, то по крайней мере признание, что со мной следует считаться.

– Смелости у меня и так хватало, просто требовалось об этом напомнить. – Я помедлил. – Пинки, я не прошу ни твоей дружбы, ни уважения. Знаю, что я этого совершенно недостоин. Мне нужно лишь твое содействие. Вместе у нас будет больше шансов выбраться оттуда.

– Условия уже обговорены, – покачала головой леди Арэх. – Пинки в обмен на камни. Свиная Королева не поймет, почему я предлагаю ей больше необходимого. Она заподозрит подвох, а это подвергнет опасности камни.

– Именно поэтому мы и не поступим так. Я предложу себя в последнюю минуту – стану, так сказать, вишенкой на торте.

Наступила тишина. Я не сомневался, что приближенным леди Арэх не по душе мысль, что Пинки отправится в Свинарник, но каждый так или иначе признавал, что иного способа добыть камни, наверное, нет. И меньше всего это нравилось Снежинке.

Единственным исключением была Сидра. Вряд ли она так уж сильно не любила свина, но определенно считала его вполне приемлемой платой за камни. А поскольку Пинки шел на риск добровольно, имея шанс выжить, совесть ее тем более не мучила.

Теперь же я усложнял ей жизнь.

– С ним должен отправиться кто-то другой, – сказала она, оглядываясь в поисках кандидата. – Не я и не леди Арэх. Наши умы… еще понадобятся.

– А наши нет? – спросил Кейтер.

– Все уже решено, – сказал я. – С Пинки полечу я, и никто больше. – Я повернулся к Сидре. – Понимаю, ты считаешь меня ценным тактическим ресурсом, хотя до сих пор не соизволила рассказать, как я вписываюсь в твои планы. Но это лишь даст тебе стимул для работы над оружием. Оно должно себя оправдать. Ты не можешь допустить, чтобы я не вернулся, да и для Пинки будет польза от твоей тщательности.

Пинки скрестил руки на бочкообразной груди:

– Обойдусь без твоих подачек.

– Это поможет нам обоим, – закончил я, не желая устраивать спор. – Леди Арэх, мы видели девятилапов. Думаю, ты права. Если Сидра заставит их работать на нас, они могут стать орудием для проникновения в тыл врага.

– У тебя, как я понимаю, ничего не вышло, – заметила Сидра.

Леди Арэх резко взглянула на нее, словно мысленно упрекая за дерзость, но ей хватило ума не отрицать правду.

– Да, не вышло – во всех смыслах. Даже мне, полусочленительнице, не удалось достаточно глубоко проникнуть в их программу, прежде чем они начали сопротивляться. Но, возможно, мне недоставало твоего упорства и интуиции.

Сидра сочувственно посмотрела на нее:

– Похоже на то.

– Однако, прежде чем Снежинка допустит тебя к захваченным нами образцам, имей кое-что в виду. Судя по найденным в ядре трупам, которые явно были оставлены там намеренно, словно архитектурные украшения, сочленителей иногда заставляли сражаться с девятилапами в одиночку, но даже их сообразительности порой не хватало. Девятилапы резали и протыкали их своими конечностями, но это еще не все. Что-то проникало в тела жертв и раздирало их изнутри, возможно, не столь быстро, как хотелось бы несчастным.

Сидра вздрогнула, потеряв самообладание, но уже в следующее мгновение к ней вернулась невозмутимость.

– Покажи мне свои игрушки.

– Мы можем на тебя положиться в отношении как девятилапов, так и гемокласта? – спросила леди Арэх, упираясь руками в стол.

– Можешь предложить кого-нибудь еще? – хмыкнула Сидра.

– Сама знаешь, что больше некого.

– Просто хотела уточнить на всякий случай. – Сидра задумалась. – Но мне потребуется время – по крайней мере несколько дней.

– И когда мы услышим, каковы твои шансы на успех?

Вопрос, похоже, озадачил Сидру. Она делано нахмурилась, а потом ее будто осенило.

– Ясно. Ты считаешь сомнительным, что у меня все получится. Да, теперь понимаю. Какая же я дура, что не занялась этим раньше.

– Сидра… – проговорил я, начиная терять терпение.

– Заверяю тебя, что все будет в порядке. Можешь на меня рассчитывать, леди Арэх, так же как и я рассчитываю на твой скромный вклад в операцию. Мои слова насчет нескольких дней вовсе не означают…

– Думаю, мы можем сейчас же начать переговоры, – вмешался я.

– Хорошо, – кивнула леди Арэх. – Так и сделаем, как только позволит погода.

– Кстати, насчет гемокласта, – сказал я. – Когда он будет готов, нам что, придется учиться обращению с ним? Сидра, ты говорила, он будет спрятан на наших телах. Не вполне понимаю, как он может остаться незамеченным.

– Я сказала «на»? – с тревогой спросила Сидра. – Если так, то это непростительная оговорка.

– Не «на», а «в», да? – поинтересовался Пинки.

– Тебе следовало об этом упомянуть, – буркнул я, прекрасно понимая, что ошибки не было.

– На самом деле, – с притворной озабоченностью улыбнулась Сидра, – чем меньше вы будете знать о гемокласте раньше времени, тем лучше для вас. Впрочем, кое-что скажу прямо сейчас.

– И что же? – бодро спросил я.

– Нет никаких сведений о том, что кто-то использовал его дважды.

Сидра делила время между изготовлением гемокласта и укрощением пленных девятилапов. Последнее получалось быстрее, и уже через три дня она была готова похвалиться успехами.

Возле Обзорной подготовили надежно охраняемое помещение без окон. В прошлом, по словам Снежинки, гости игрового комплекса оставляли там личное оружие и яды, на случай чересчур яростных споров. Мы стояли спиной к запертой двери, а Сидра – напротив нас, у противоположной стены. В руках она держала покладистого девятилапа, с гладкого матово-серебристого тела которого свисали девять похожих на жала медузы конечностей.

– Не беспокойтесь, – сказала она, явно наслаждаясь пребыванием в центре внимания, даже в присутствии леди Арэх. – Этот робот полностью подчинен моей власти. Все оказалось достаточно просто. Создатели девятилапов оставили служебный нейроканал, средство доступа к глубоким уровням программы. Если им требовалось войти в ядро, например, чтобы навести порядок или убрать трупы, это средство позволяло перевести всех девятилапов в безопасный режим.

– Почему со временем этого не обнаружил никто из их жертв-сочленителей? – спросила леди Арэх.

– Попытки наверняка были. Может, кому-то и удалось? Одно

дело, когда я спокойно зондировала и картировала управляющую архитектуру девятилапа, заключенного в оболочку из гипералмаза, и совсем другое – искать уязвимые места прямо в ядре, когда девятилап несется на тебя, а ты сам беззащитен и слаб.

– У меня были те же возможности, что и у тебя, но преодолеть защиту я не смогла. Чувствовала, как девятилап сопротивляется, атакуя по нейроканалам мою собственную архитектуру.

– Именно потому мы и не позволили ей продолжать, воистину да, – пояснила Роза-или-Нет.

– Что я могу сказать? – риторически спросила Сидра. – Я оказалась настойчивее. А теперь – хотите посмотреть, на что способен девятилап?

Она бросила устройство на пол, и девятилап сразу ожил. Заканчивающиеся остриями ноги изогнулись дугой, смягчив удар и приподняв тело на несколько сантиметров. Иглы задвигались по полированной поверхности, издавая нервное постукивание.

Все мы, даже леди Арэх, отступили чуть ближе к двери.

– Мне нужна гарантия, что ты в самом деле взломала его протоколы безопасности, – сказала леди Арэх.

– Сейчас продемонстрирую, как я управляю девятилапом. Посылаю ему нейрокоманду – установить защитный кордон.

Девятилап забегал от стены к стене по одной-единственной линии, будто паук-неврастеник. Его движения все ускорялись, постукивание превратилось в непрерывный шум. Вскоре он уподобился туманной бледной сети, низко растянутой поперек помещения.

– Попробуйте пересечь черту, если хватит смелости, – сказала Сидра. – Впрочем, я бы не советовала, если вам дороги конечности.

– Насколько хорошо он отличает своих от врагов? – спросил я.

– Для наших нужд хватит.

Я кивнул, пытаясь понять, что скрывает в себе ее ответ.

– В том, что девятилап опасен, я нисколько не сомневаюсь. Он в самом деле способен помочь нам в Свинарнике?

– Однозначно. Девятилапы умеют биометрически идентифицировать индивидуума как цель или безопасный объект. Опять-таки, это мера предосторожности на случай каких-либо работ. Прежде чем вы войдете в Свинарник, я запрограммирую девятилапов на распознавание вас как своих. Более того, они будут отслеживать ваши передвижения, в чем им поможет гемокласт. Где бы вы ни находились и как бы хорошо вас ни

охраняли, девятилапы не потеряют вас из виду. И я последую за ними.

– Надеюсь, безотлагательно, – сказал я.

– Как только девятилапы вас обнаружат, они установят защитные периметры, вот такие. Этого хватит, чтобы защитить вас до прибытия скафандров.

– Значит, нас они призна́ют за своих, – заметил Пинки. – А если им попадется кто-то еще?

– Девятилапы будут всеми силами избегать обнаружения. Но если такое случится, любое сопротивление будет нейтрализовано.

– А если они наткнутся на каких-нибудь перепуганных свиней, которых держат в загонах?

– Они распознают фенотип и пометят его как имеющий низший приоритет для нейтрализации.

– Спасибо, успокоила.

– Сколько их нам потребуется? – спросила Снежинка, шагнув к Пинки.

– Чем больше я их пошлю, тем быстрее они обшарят Свинарник. Одного я приручила, сумею приручить и сотню.

– Вопрос не в том, скольких ты сможешь послать, – сказал я. – Вопрос в том, скольких сможешь держать под контролем.

– Ответ: сколько сочту необходимым.

Я повернулся к Пинки:

– Не уверен, что все это мне по душе, но идея отправиться туда без девятилапов нравится еще меньше. Тебя устраивает эта часть плана?

– «Устраивает» – далеко не первое слово, которое приходит мне на ум, Вонючка. – Он вызывающе дернул рылом в сторону Сидры. – Если сумеешь подчинить этих тварей – что ж, посылай их. Только потом, будь любезна, побыстрее являйся сама.

– Свою задачу я выполню, – ответила Сидра.

Она щелкнула пальцами, и мерцающая преграда исчезла. Девятилап прыгнул ей в ладонь, обвив ногами запястье.

Сомкнув пальцы, она опустила руку с безвольно обвисшим роботом.

– Сколько их тебе понадобится? – спросила леди Арэх. – Обойдешься двадцатью?

– Двадцати вполне хватило бы, но для более эффективных поисков я предпочла бы еще десяток или даже два. Вряд ли стоит напоминать тебе, что от скорости поиска в немалой степени зависит вероятность выживания Клавэйна и Пинки.

– Нет, не стоит. Значит, тридцать. Но только при условии, что ты будешь их полностью контролировать.

– Можно еще десять, чтобы испытать все их возможности?

– Ну, если тебе так надо… – недовольно проговорила леди Арэх. – Но не перетруждайся, Клепсидра. Ты и так уже потратила немало сил на подготовку гемокласта. Ты для меня куда полезнее в рабочем состоянии, а не вымотавшаяся до предела.

– Свои пределы я знаю. К счастью, я умею усыплять одно полушарие мозга, продолжая работать другим. Советую как-нибудь попробовать.

После того как демонстрация завершилась, мы вернулись в лабиринты каменной крепости. Пинки молча протиснулся мимо меня в дверь. Я задержался, чтобы остаться наедине с Сидрой.

– Отлично у тебя получилось.

– Тебя, похоже, впечатлил девятилап.

– Нет, я про то, как ты сумела утаить рану, которую он тебе нанес. Раскрой ладонь.

– Незачем.

– Почему бы и нет, раз уже все равно нечего скрывать? – Улучив момент, я выхватил безвольного девятилапа, что оказалось легко, поскольку ее ладонь была скользкой от крови. Разжав ее пальцы, я увидел глубокий порез. – Ну и дура же ты! – прошептал я.

– Это просто ошибка, а не потеря контроля.

– Надеюсь, ты понимаешь, что это далеко не одно и то же.

– Ничего особенного, Клавэйн. Всего лишь досадная оплошность.

– Тебе повезло, что не лишилась пальцев, – его ноги режут как бритвы. Рану нужно обработать. Иди к Розе-или-Нет.

– Если Роза-или-Нет расскажет леди Арэх, та усомнится в успехе операции и вернется к своему изначальному плану – ждать.

– Может, это не такая уж и плохая идея?

– Не считая того, что других вариантов просто нет. Все должно получиться. И получится.

Я с удивлением понял, что Сидра оправдывается. Впервые за все время нашего знакомства мне стало ясно: есть нечто такое, к чему ее невозможно принудить никакой силой.

– Это не повторится. Каждый раз я чуть лучше понимаю управляющие протоколы. Вот для чего мне нужно больше девятилапов – чтобы в полной мере изучить их возможности.

– Должен признаться, мне хочется, чтобы у тебя все получилось. – Я вручил Сидре окровавленного девятилапа, будто искупительную жертву. – Не скажу ни леди Арэх, ни кому-либо еще. Но рану необходимо обработать. Если не доверяешь Розе-или-Нет, возвращайся на «Косу», и пусть тобой займется корабль.

Держа девятилапа в здоровой руке, Сидра напряженно

уставилась на рану в другой, будто решая в уме некое уравнение. Кровотечение замедлилось, затем прекратилось.

– Уже порядок.

– Тебя можно ранить, – восхищенно проговорил я. – Ты вовсе не манекен неразрушимый, у тебя есть свои пределы. Больно было?

– Я сама решила: пусть будет больно, – вызывающе ответила Сидра. – Боль дает информацию. Информация…

– …позволяет оценить обстановку, – закончил я и нахмурился, сообразив, что эти слова пришли откуда-то сами собой, помимо моего желания.

– Ответ верен, – сказала Сидра.

Я напрягся в скафандре, ожидая удара. К тому, что перегрузка наступит внезапно, я был готов, но никакие тренировки не могли воспроизвести реальные ощущения человека, прикованного к куску хондрита величиной с дом, врезающегося в стальной купол марсианской атмосферы.

И это вовсе не обязательно могло быть самым худшим. Мы рассчитывали, что камень распадется на фрагменты задолго до удара о поверхность, но когда это в точности произойдет – предсказать было невозможно. Известно было лишь одно: четыре десантных кораблика и четыре скафандра внутри их (а также тела внутри трех из этих скафандров) способны достаточно успешно выдержать все предсказуемые нагрузки. Если бы эти нагрузки приблизились к пределу выживания, мы, скорее всего, благополучно лишились бы чувств, а в случае превышения этого предела, вероятно, падали бы на Марс уже мертвыми, в виде оплавленных комков.

Летя головой вперед, так, чтобы нарастающая сила тяжести посылала кровь в мозг, я ждал признаков приближающегося распада. Между встречей камня с атмосферой и тепловым ударом, который в итоге развалит его, вряд ли пройдет много времени.

Естественно, атмосфера не имела ничего общего со стальной стеной, поскольку была разреженной почти до состояния вакуума, но даже она представляла собой существенную преграду для каменной глыбы, примчавшейся из глубокого космоса на скорости тридцать километров в секунду. Как правило, подобные камни не оставляли на поверхности никаких следов; они разрушались на большой высоте и осыпались градом раскаленного щебня. Иногда камень успевал оставить после себя небольшой кратер. Марс был настолько велик, что падение даже таких камней редко имело смысл отражать.

Я почувствовал первое прикосновение атмосферы. Камень загрохотал, будто скрежещущий о другие льдины айсберг. Я посмотрел по сторонам, мимо остальных корабликов. Мой горизонт – находившийся всего в нескольких метрах край камня – уже мерцал пурпурным светом. Ощущение грохота усилилось, появилось чувство силы тяжести, будто некие тормоза замедлили падение камня. Пурпурный свет сменился розовым, затем белым. Мимо проносились языки пламени, сходясь позади глыбы. Резкие толчки свидетельствовали о ее неотвратимом разрушении. От камня уже откалывались куски величиной с кулак или голову. За огненной пеленой возникла широкая дуга освещенной солнцем марсианской поверхности. Меня учили визуально распознавать ориентиры, но ничто не показалось знакомым.

На глубине нескольких метров в толще камня находились акустические датчики, с помощью которых определялся идеальный момент для расстыковки. Подобную точность невозможно было обеспечить вручную. На долю секунды раньше – и мы лишились бы маскировочного эффекта от взрыва. На долю позже – и нас поглотил бы огненный шар. Я всегда знал, что этот момент наступит неожиданно; так и вышло. С моей точки зрения, пламя лишь вспыхнуло ярче и толчки превратились в тряску… а потом вокруг стало белым-бело, и я понял, что падаю.

Камень взорвался. До последнего мгновения прикованный к боеголовке мощностью в мегатонну, я теперь беспомощно кувыркался, удаляясь от расширяющейся границы взрыва подобно сотням таких же разлетающихся вокруг осколков. Все выглядело достаточно убедительно… впрочем, иначе и быть не могло. Разрабатывая операцию, все знали, что второго шанса не будет, и если нам повезет, то, возможно, удастся одурачить сочленителей.

Стоило ли рисковать, зная, что проделать тот же трюк дважды мы не сможем?

Конечно стоило.

Внизу, на Марсе, находился комплекс сочленителей, а внутри этого комплекса – крайне ценный пленник. Один из наших. Рыцарь Кидонии, как и я.

Мой брат Невил.

Мы знали, что он жив. До нас также дошло по дипломатическим каналам, что его не постигла обычная судьба всех тех, кто был схвачен сочленителями. Его не обратили в чужую веру, машины не закачали в его череп новое содержимое, лишив беднягу всего человеческого и превратив в новую частичку распределенного, не ведающего совести коллективного разума.

Сочленители не спешили, поскольку для них он был крайне ценным обменным ресурсом.

Взрыв превратился в угасающее грязное пятно высоко надо мной. Десантный кораблик снижался по почти безупречной параболической траектории, естественной для любого пылающего космического мусора. Он даже терял фрагменты корпуса, имитируя распад от жара. Где-то падают еще три таких кораблика, три искорки. В двух из них – Надежда и Любовь, мне их увидеть нельзя. Если вдруг сумею различить их на фоне реальных обломков – значит, что-то пошло не так.

Поверхность быстро приближалась, похожая на увеличивающуюся в размерах карту местности. Один из недостатков нашего плана заключался в том, что никто не должен был увидеть, как кораблики тормозят при посадке. Рассмотрев все возможные сценарии доставки на Марс трех живых тел, планировавшие нашу миссию пришли к выводу, что кораблики могут начать торможение лишь на высоте пятьсот метров.

Я знал, что будет больно.

Но боль, как я любил говорить моим ученикам на занятиях по военному планированию, позволяет оценить обстановку.

Прошла неделя, за ней другая. Цитадель леди Арэх вращалась по вытянутой орбите вокруг Йеллоустона, периодически оказываясь в крайних северных и южных широтах, но лишь иногда – над Городом Бездны. А когда это все же случалось, в атмосфере обычно бушевали мощные разноцветные бури, скрывая все следы города. Неразличим был даже термально активный участок Бездны, где из глубин мантии Йеллоустона вырывались раскаленные газы. Наконец в ответ на лазерный сигнал пришел обратный импульс, сообщая, что кто-то ее слышит и готов с ней говорить.

Окно для связи закрылось раньше, чем успел состояться хоть сколько-нибудь значимый диалог. Но условия оставались благоприятными и при следующем нашем прохождении. Свиная Королева отозвалась из своего логова.

Связь была только голосовая, и окно должно было закрыться через четыре с половиной минуты. Другой возможности для разговора не представилось бы еще три недели. Чтобы обмен мог состояться в ближайшее время, все переговоры следовало провести в пределах этого окна.

Леди Арэх это знала. Как и Свиная Королева.

– И что же у нас есть сказать друг другу, дорогуша? – спросил исходивший из стен Обзорной хриплый голос. – Ты меня не вызывала, не пыталась со мной связаться. Я думала, разговор окончен, несмотря на мое симпатичное предложение.

– Кстати, насчет предложения. Оно еще в силе?

– Что ж, если речь идет о том самом предложении… Не ты ли говорила, что я могу засунуть его в свою свиную задницу? И что ты не согласишься на него в ближайший миллион лет? Что, передумала, дорогуша?

– Каждый вправе поменять свое мнение, твое свинейшество.

– Не сомневаюсь. Но на тебя это как-то не похоже. Да что там – вообще не похоже.

– Ты же знаешь, как мне нужны гидеоновы камни.

– Знаю. И точно так же знаю, как тебе не хочется посылать ко мне твоего дружка-поросенка. Что изменилось?

– Пусть это останется между мной и Пинки. Достаточно того, что я больше не возражаю против условий сделки.

– И все-таки придется объяснить. Ты же не просто проснулась однажды утром и решила, что можешь пожертвовать самым преданным сторонником. Шесть лет назад у тебя подобного и в мыслях не было.

Зная, что часы неумолимо отсчитывают секунды, леди Арэх все же рискнула слегка помедлить. Я восхищался хладнокровием, на фоне которого ее слова звучали еще убедительнее.

– Кое-что произошло. Я верила, что могу рассчитывать на его преданность в любых обстоятельствах, но, похоже, ошибалась. Пинки всегда выступал за более решительные действия в отношении тебя. Немедленные и насильственные.

– В то время как ты предпочитала выжидать, зная, что всегда найдется кто-то, готовый воткнуть нож, стоит мне повернуться спиной.

– Нет покоя голове в венце, как сказал один из великих.

– И ты тоже лишаешься покоя, когда поворачиваешься спиной к этому свину?

– Не его вина, что он поступает в соответствии со своей природой. – Леди Арэх вздрогнула, вспомнив, что говорит это в присутствии Пинки.

Скорее всего, ему доводилось слышать и худшее, но особую боль могли причинить слова из уст той, кого он считал другом, пусть даже она и не желала ему зла.

– Ему подобные не способны заглядывать далеко вперед. Им несвойственно ждать. Они импульсивны, ими движет потребность немедленно удовлетворить свои желания. Во всех смыслах.

Свиная Королева одобрительно фыркнула:

– Значит, шоры все-таки свалились с твоих глаз. Тебе стоило меня послушать, дорогуша, когда я объясняла, что собой представляют такие, как он.

– Признаться, я была о нем лучшего мнения. Пока он не пошел против меня, показав свою истинную физиономию.

– Видать, он оплошал, раз ты сейчас говоришь со мной.

– Он собрал несколько сторонников, но этого оказалось недостаточно. Я подавила мятеж и пообещала пощадить остальных в обмен на жизнь Пинки.

– Ты великодушнее, чем я. Если кто-то посмеет взбунтоваться против меня, я освежую десятерых, выпотрошу их, зажарю и сожру на глазах у их дружков. Так что они у меня смирные.

– Мудрый совет, твое свинейшество. К сожалению, я не располагаю таким множеством сторонников. Все они меня в той или иной степени разочаровали, но заменить их некем. Так что я предпочитаю дать остальным шанс исправиться.

– В этом твоя ошибка, – произнесла Свиная Королева таким тоном, будто они обсуждали противоположные взгляды на некую бизнес-стратегию. – Но решать тебе, а не мне. В любом случае… не могу поверить, что Пинки стал твоим врагом. Нет, я вовсе не собираюсь отказать себе в удовольствии, но вы с ним были не разлей вода.

– Я увидела ту его сторону, которая прежде была от меня скрыта. Его сущность зверя, прятавшегося под маской. Я не могу больше ему доверять, и мне теперь даже смотреть на него тошно.

– Да уж, нелегко тебе. Даже неудобно говорить, дорогуша, но я тебе почти сочувствую.

– А я тебе почти благодарна. Но буду с тобой честна насчет Пинки. Считай его дефектным товаром.

– В смысле?

– Во время неудавшегося мятежа он был серьезно ранен. Впрочем, так мне даже проще было решиться. По крайней мере, я знаю, что не обрекаю его на преждевременную смерть.

– Но… чисто для ясности… ты ведь представляешь, что я собираюсь с ним сделать?

– Да, – не колеблясь, ответила леди Арэх. – И это будет на моей совести. Но такова часть соглашения, к которому мы с ним пришли. Он готов заплатить эту цену в обмен на жизнь сообщников. – Леди Арэх глубоко вздохнула и окинула взглядом собравшихся, каждый из которых понимал, что в переговорах настал критический момент. – Следует ли мне рассчитывать, твое свинейшество, что условия сделки остаются в силе?

– Камни все еще у меня.

– А у меня – свин.

– Тогда решено. Полагаю, у тебя все еще есть корабль. Как скоро ты сможешь сюда прибыть?

– Мы наблюдаем повышенную активность волков. Сейчас между нами и Йеллоустоном пролетает целая стая, но примерно через двадцать шесть часов она должна рассеяться. Если это

произойдет, мы сможем быстро и тайно опуститься на планету в любое время.

– Что ж, подожди денек, а мы тем временем расчистим посадочную площадку и зарядим пушки. Не то чтобы я ожидала каких-либо пакостей с твоей стороны, но…

– Вполне разумная предосторожность.

– Рада, что мы с тобой думаем одинаково. Ты ведь помнишь, как нас найти?

– Не забыла.

– Вот и хорошо. Мы расстелем ковровую дорожку. – Послышался треск: лазер терял связь. – И не забудь своего поросеночка. Мы подготовим вертела и раскалим сковородки. В последнее время здешняя кулинария несколько приелась, так что будет повод ее разнообразить.

Наступила тишина – связь окончательно прервалась. Леди Арэх прикрыла рукой микрофон, будто все еще оставался риск, что ее слова дойдут до Йеллоустона.

– Прости меня, друг.

– Не за что, – проворчал Пинки. – Ты всего лишь сказала то, что она должна была услышать.

– Хочу, чтобы ты знал: я не…

– Единственное, что оскорбило бы меня, – если бы ты подумала, будто я не знаю, что ты на самом деле чувствуешь. – Его тон слегка смягчился. – Все в порядке. Дерьмо еще то, но вывалить его было нужно.

Леди Арэх не лгала, упомянув о пролетающей между ее цитаделью и Йеллоустоном волчьей стае. Снежинка отслеживала уменьшение потока волков, сопоставляя сведения с разнообразных датчиков на орбите планеты. Некоторые из этих устройств были запущены с шаттла, летевшего с Иоанна Богослова, но другие изначально принадлежали Ржавому Поясу: маяки, мониторы движения, следящие устройства и прочее, возвращенные к некоему подобию жизни и запрограммированные для тайного наблюдения в тех диапазонах и модальностях, где вероятнее всего могли обнаружиться перемещения ингибиторов. Увидеть отдельные кубики, как правило, было невозможно, но когда большое их число собиралось в некую структуру или организованный поток, имелся шанс заметить всплески массы или фонового излучения. Вторая, не менее сложная задача состояла в том, чтобы переправить с трудом полученные данные в цитадель так, чтобы об этом не пронюхали волки. Как и на Михайловом Дне, сеть Снежинки передавала информацию в виде крайне слабых пакетных импульсов, замаскированных под

случайный шум. Это означало, что обновления поступали нерегулярно, иногда с промежутком в несколько часов.

Тринадцать часов спустя поток начал ослабевать, распадаясь на составляющие, которые разлетались в разные стороны, а по прошествии суток от него не осталось и следа. По крайней мере, приходилось на это надеяться – сеть датчиков была неоднородной, с изрядными слепыми пятнами, и можно было лишь догадываться, что замышляют затаившиеся в тени волки.

Но на что-то лучшее рассчитывать не приходилось.

«Коса» покинула орбиту первой. Сидра вела ее в одиночку, соблюдая крайнюю осторожность и принимая все меры для маскировки. Преодолев руины Ржавого Пояса, она вошла в межорбитальное пространство между самым нижним поясом космического мусора и тошнотворного цвета атмосферой Йеллоустона. Последний ее сигнал, посланный по направленному лучу в цитадель, подтверждал, что она не обнаружила одиноких волков, а также их скоплений в ограниченном радиусе действия ее датчиков.

Затем «Коса» вошла в атмосферу, и мы потеряли с ней связь.

Глава 14

Прежде чем улететь, Сидра договорилась обо всем необходимом с Розой-или-Нет. Отчасти экипированные для предстоящей миссии, но пока без дополнительной брони и дыхательных устройств, мы с Пинки легли на стоявшие рядом медицинские койки. Затем нас привязали ремнями, что отнюдь не добавило мне уверенности. Мое предплечье осталось свободным, так что в него с легкостью можно было воткнуть катетер для переливания крови. У Пинки для этого лучше подходила внутренняя сторона бедра. Приятного было мало – чтобы справиться с большим объемом крови, требовался катетер солидных размеров. Однако, поскольку нам предстояло намного худшее, было решено, что применять обезболивающее не имеет смысла.

Затем началась сама процедура. Роза-или-Нет вкатила между нашими койками тележку со стойкой, с которой свисали мешки для охлажденной крови, как пустые, так и полные. Литр за литром из нас выкачивали кровь, чтобы сохранить ее в мешках и потом вкачать обратно – если мы вернемся из Города Бездны. Каждый изъятый литр крови заменялся литром обогащенного кислородом буферного агента – безопасного с медицинской точки зрения кровезаменителя, применявшегося в военно-полевой хирургии, который вызывал лишь легкое недомогание. Его задача

заключалась лишь в том, чтобы поддерживать в пациенте жизнь, но не более.

Буферный агент был только промежуточным шагом. Едва он заполнил кровеносную систему и было сочтено, что организм хорошо его воспринял, начался настоящий процесс. Литр за литром – но на этот раз медленнее – буферный агент заменялся гемокластом, вводившимся из пары стоящих вертикально металлических резервуаров.

Я был прав насчет названия – гемокласт являлся заменителем крови, использовавшимся в качестве оружия. Он обладал теми же цветом и вязкостью, и мог достаточно долго поддерживать жизнь в реципиенте. Но на этом все биологическое сходство заканчивалось. Эта «кровь» состояла из быстрой материи, крошечных машин, плавающих в похожей на плазму среде. Поскольку она распределялась по всему телу, совпадая по плотности и ферромагнитным свойствам с биологической кровью, она проходила все проверки, включая рентгеновское, резонансное или ультразвуковое сканирование. Она также могла переносить кислород, хотя и не столь эффективно, как обычная кровь. Внутри наших тел гемокласт представлял собой функционирующую, пусть и не вполне совершенную, систему жизнеобеспечения. Вне их он становился автономной машиной для убийства, приспосабливающейся к любым условиям.

Но за это приходилось платить дорогой ценой. С каждым закачанным литром боль нарастала. Сперва я думал, что сумею ее вытерпеть, загнав в дальние уголки сознания, но после третьего литра понял, как сильно ошибался. Казалось, во мне циркулирует поток лавы, сжигая изнутри. Сердце отчаянно протестовало, легкие уподобились кузнечным мехам, заполненным тяжелым расплавленным металлом.

Мы с Пинки корчились в ремнях. Мое тело судорожно извивалось, руки и ноги напрягались и расслаблялись так, что казалось, их вот-вот вырвет из суставов. Еще через несколько секунд я почувствовал, как некая сила раздирает каждую мою мышцу, разрывает связки. Я бы наверняка закричал, если бы Роза-или-Нет не сунула мне какую-то штуковину в зубы. Но даже эту женщину, похоже, удивила столь жестокая реакция. На соседней койке стонал Пинки, отказавшийся от кляпа. Возможно, теперь он об этом жалел.

– Сидра кое-что говорила на этот счет, – сказала леди Арэх, когда Роза-или-Нет начала вводить последний пыточный литр. – Боль – всего лишь ложный сигнал. Ваше тело сбито с толку заменителем крови, циркулирующим в нем. Надеюсь, зная об этом, вы притерпитесь к неприятным ощущениям.

– Скажи Сидре… – начал Пинки.

Разжав челюсти, я вытолкнул изо рта кляп, за которым потянулась ниточка слюны. Роза-или-Нет, завершив процедуру замены крови, извлекала катетеры.

– …что она может засунуть все это себе в задницу, – закончил я за Пинки.

Каким-то чудом после того, как я несколько минут полежал, спокойно дыша, возникла надежда, что когда-нибудь я смогу вынести эту боль. Хотя бы на миг вновь обрету способность ходить, говорить и думать. Или не смогу? Ответ выглядел проще некуда: у меня нет выбора. Я обречен участвовать в операции, а для этого мне нужно нормально функционировать. Даже если во мне не осталось места ни для чего, кроме боли, я был бы вынужден лгать себе, что на самом деле все не так, и благодаря лжи выполнять задачу.

– Паршиво, – сказал я вслух, проверяя тембр и твердость голоса, и сам удивился, насколько решительно тот звучал. – Но думаю, выживу. Сидра права: надо помнить, что вреда от этой крови совсем немного.

Ко мне подошла Снежинка:

– Больно, Клавэйн?

– Да.

– Запомни эту боль. Это одна десятая того, что ты испытаешь, если Пинки не вернется.

– Да вернется он, куда денется! – Я склонил голову, чтобы посмотреть на него, и не сдержал стона. – Как же я… обойдусь без его преприятнейшего общества? – Я протянул руку. – Помоги мне, Снежинка. У него-то вид основательно помятый, как и должно быть по легенде, а вот я должен выглядеть свежим, по крайней мере, пока леди Арэх не оставит меня в покое.

Снежинка дернула меня за руку, помогая сесть. Я глубоко вздохнул. В груди отдалась слегка возросшая потребность в кислороде, но по сравнению с пылавшим в каждой вене и артерии огнем это нельзя было даже назвать болью.

– Спасибо, – выдохнул я.

– Я серьезно.

– Не сомневаюсь. Я бы скорее предпочел, чтобы ты была на моей стороне, а не наоборот.

– Первые твои разумные слова с тех пор, как мы познакомились, – проворчал Пинки.

– Значит, мы находим общий язык. – Преодолевая боль, я спустил ноги с койки. – Я тоже серьезно, Снежинка. Я видел, сколько усилий тебе пришлось приложить, чтобы добыть хоть какую-то информацию из сети датчиков. На Михайловом Дне мы

боролись с такими же точно проблемами. Только у нас было в сотни раз больше людей и вдесятеро больше технических ресурсов, чем у вас. Ты бы нам пригодилась.

Снежинка что-то неразборчиво буркнула, не отвергая моих слов, но и не желая показывать, будто они ее тронули. Я прекрасно ее понимал.

– Привези нам камни, и, возможно, хоть что-то из моих трудов окажется ненапрасным.

Вернулась Роза-или-Нет с двумя таблетками на ладони.

– Прими одну, да. Сидра сказала, они ненадолго притупляют симптомы, воистину да.

Таблетки выглядели одинаково, так что я взял наугад и проглотил. Она оцарапала мне горло, сухая и безвкусная, точно камешек.

– Почему ты не дала нам таблетки до того, как вводить кровь?

Роза-или-Нет взглянула на меня так, будто я задал совершенно идиотский вопрос.

– Потому что ты должен знать, каково тебе будет, когда их действие закончится.

– И как скоро оно закончится?

– Через два-три часа. Да и да. Если что, я буду в шаттле вместе с Омори. Но как только ты окажешься снаружи, тебе уже никто не поможет.

– А если что-то случится до того, как я окажусь снаружи, вряд ли и ты сможешь помочь. Я прав?

Мне показалось, будто Роза-или-Нет разрывается между желанием ответить честно и стремлением заверить меня, что ничего случиться плохого не может. На второе она явно не решалась.

– Воистину да.

– Что ж, пока мне сопутствовала удача. С чего бы ей вдруг меня оставить?

– Я не слишком хорошо тебя знаю, Клавэйн. Ты кажешься мне воплощением лжи в облике человека. Думаю, ты совершил много дурного.

– Вполне вероятно.

– Но сейчас ты совершаешь доброе дело. Да.

– Спасибо, – прошептал я.

Не знаю, что было тому причиной – то ли крупица доброты от Розы-или-Нет, то ли действие таблетки, – но я испытал некоторое облегчение, огонь внутри меня как будто ослаб. Он никуда не делся, как и все неприятные ощущения, но стал вполне терпимым. Я взглянул на Пинки, который тоже принял таблетку,

и понадеялся, что для него наступила такая же передышка. Над ним склонилась Снежинка, шепча на ухо какие-то обещания, а когда они поцеловались, я отвел взгляд, чувствуя, что вторгаюсь в их уединение.

«Я верну его», – поклялся я себе.

Вряд ли я мог сейчас сделать что-то большее.

Сперва Города Бездны не было видно нигде, а потом он возник повсюду. Пройдя через последний слой облаков, мы оказались над покрытой развалинами равнине. Моим глазам потребовалось несколько мгновений, чтобы приспособиться к зрелищу, а мозгу – чуть больше, чтобы воспринять масштабы разрушений, а также смертей, которые те повлекли за собой. Я знал, что там произошло, знал о каре, которая обрушилась на нас за то, что мы высокомерно обратили свой взор к звездам. Но никакие абстрактные знания не могли подготовить меня к наглядному свидетельству нашего падения, воплощенному в руинах величайшей метрополии.

Тяжелее всего было осознавать, что здесь когда-то был город. Слой пепла, оплавленный кратер или голый камень воспринимались бы куда легче, чем эти корявые останки. Руины рассказывали нам свою историю.

Они тянулись километр за километром – черные или пепельно-серые огрызки того, что когда-то было огромными, как горы, зданиями. Они уподобились жалким сгорбленным фигурам в плащах из мешковины, с пустыми, как у черепа, глазницами. Некоторые рухнули, нанеся урон одному или нескольким соседним. Остовы зданий торчали из щебня, будто надгробья с отбитыми краями. Все это накрывала просвечивающая насквозь пелена ветхих городских куполов. Нигде ни движения, ни огонька – вообще никаких признаков жизни. Прежде у меня не вызывали вопросов упоминания об уцелевших жителях Города Бездны, но теперь казалась абсурдной сама мысль о том, что здесь могут существовать хоть какие-то организмы, не говоря уже о людях.

Город скользил под нами, кошмарно-однообразный, пока в серой дымке вдали не появилась сама Бездна, зияющая пропасть в самой середине мегаполиса. Леди Арэх снижала скорость по мере того, как мы приближались к загибающемуся внутрь краю, возле которого сужающейся спиралью выстроились мертвые здания, будто процессия готовых обрушиться в водоворот кораблей. Турбулентность усилилась. Из Бездны поднимались густые, нездорового цвета облака, скрывая все, кроме верхней ее части. Шаттл остановился и начал осторожно снижаться. У меня подступил комок к горлу.

– Как вы? – спросила Роза-или-Нет.

– Не хуже прежнего, – ответил я. – Пинки?

– Не хуже прежнего, – повторил он.

Я подумал, что, если мы с ним хоть в чем-то согласны, пусть даже в том, что нам обоим сейчас паршиво, есть надежда, что вместе справимся.

Мы опустились ниже края Бездны, и я увидел остатки приросших к ее стене зданий, ряды которых уходили все глубже вдаль. Через пропасть беспомощно тянулись друг к другу выгнувшиеся и обвисшие обломки мостов. Леди Арэх вела шаттл среди руин, накрытых акрами полуразвалившегося купола. С каждым километром, по мере того как стены росли все выше, крепло жуткое ощущение замкнутого пространства. Сквозь облака Йеллоустона пробивалось лишь слабое подобие дневного света, а к тому времени, когда мы опустились в Бездну на пять километров, почти не стало и его.

В сгущающемся мраке среди покрытых бороздами и трещинами стен, сжимавшихся вокруг, как чудовищная глотка, я начал различать первые признаки активной жизни. В десятках мест на стене замерцали огоньки, будто чьи-то глаза в ночном лесу, а когда мое зрение приспособилось к темноте, я увидел, что их сотни. Обитаемая полоса, похоже, имела не более километра в высоту.

– Здесь не пользуются кострами для обогрева или готовки, – сказала леди Арэх, заметив мой интерес. – Это территориальные метки, разделительные линии между маленькими империями, которые продолжают сокращаться. С тем же успехом ты мог бы смотреть на карту планетных систем, чьих обитателей постепенно истребляют волки. Признаков жизни тут уже меньше, чем было шесть лет назад.

– Они вымирают?

– Одна за другой. И с этим ничего не поделаешь. Когда город пал, в нем не осталось пригодных для жизни ресурсов. Здешние банды существуют за счет того немногого, что успели припрятать, и того, что им удается похитить или выменять у других.

– А если не станет и этого, – тихо проговорил я, – никогда не поздно заняться каннибализмом.

– Не самый лучший способ выжить, если верить урокам истории.

– Это еще мягко сказано, леди Арэх. Порой мне кажется, будто у тебя есть нечто вроде чувства юмора.

– Есть. Но горький опыт научил меня, что лучше держать его при себе. – Она кивнула на сооружение, поднимавшееся из тумана в глубине Бездны. – Вот наша цель, Клавэйн, – Свинарник.

Взгляни на него хорошенько. Вероятно, через несколько минут ты окажешься где-то внутри него и тебя там ждут ужасные страдания.

– Ты садистка? – спросил я.

– Нет, просто реалистка.

– Что ж, тебе и впрямь лучше держать чувство юмора при себе.

Свинарник выступал из стены пропасти. Похожий на настенные часы без циферблата, он поддерживался снизу огромными, расходящимися в стороны наклонными опорами, которые покоились на естественных уступах примерно в ста метрах ниже этого логова порока. Дальше в густых клубах тумана ничего не было видно. От креплений в боках и углах логова расходились многочисленные натянутые тросы, погружаясь в стену, через сужающиеся проломы в которой нам приходилось пробираться. Попытку перерезать один из этих тросов наверняка сочли бы проявлением крайне дурного тона – хотя вряд ли одной успешной попытки хватило бы, чтобы логово, кувыркаясь, полетело в Бездну.

– Как думаешь, Сидра сумеет добраться незамеченной?

– Мы должны на это рассчитывать.

– Не совсем тот ответ, какого я ожидал.

– Не надо сомневаться. Маскировочные системы на «Косе» намного совершеннее, чем на этом шаттле. К тому же мы сами хотим, чтобы нас увидели. Клепсидра подкрадется, прижимаясь к противоположной стене и используя туман и адаптивный хамелеофляж ее корабля. Она будет ждать, заняв позицию где-то под Свинарником, за пределом досягаемости наших датчиков и любых наблюдательных устройств Свиной Королевы. Когда мы пошлем сигнал, она поднимется к основанию Свинарника и начнет операцию по проникновению внутрь.

– Думаешь, мы можем на нее положиться?

– У нас разные методы, разная философия. Она подобна молнии, а я – погоде. Но в этой операции она не подведет.

– И вовсе не потому, что ее как-то волнует моя судьба, – проворчал Пинки. – Или судьба свиней вообще.

– Похоже, я тебе не нравлюсь, – сказал я, – или ты меня просто не уважаешь. Вероятно, на твоем месте я вел бы себя так же. Но у меня такое чувство, что ты намного ценнее, чем кажется Сидре. И если она считает, что твоя жизнь стоит меньше моей, то ошибается.

Он скептически посмотрел на меня:

– Ты закончил, Вонючка?

– Да.

– Вот и прекрасно. Мне всю жизнь твердили, будто я что-то значу. Обычно секунд за тридцать до того, как я начинал кому-то мешать.

– Ты что-то значил для Невила Клавэйна?

– Он был не такой, как все.

– Я тоже не такой, – тихо сказал я. – Если ты что-то значил для него, то значишь и для меня.

Верхняя часть логова выглядела слишком замысловато, чтобы ее можно было назвать крышей, – мешанина разнообразных уровней и балконов, пересеченная лестницами и дорожками, ощетинившаяся остроконечными защитными сооружениями и вращающимися башенками с прорезями по бокам. Башенки следили за нашим приближением. Возможно, в них не содержалось ничего такого, что могло бы серьезно повредить шаттл, но намек был вполне ясен: нас может ждать далеко не радушный прием, с которого вряд ли стоит начинать отношения со Свиной Королевой.

В окружении шпилей и башенок виднелся ровный участок, отмеченный грубо нарисованным крестом и освещенный сигнальными огнями. Проскользнув между последними тросами, леди Арэх выпустила шасси шаттла и медленно опустилась на посадочную площадку.

– Думаю, стоит дождаться хозяев, прежде чем что-либо предпринимать, – сказала она.

Нам с Пинки пришло время надеть дыхательные маски, которые требовались для процедуры обмена. Мы взглянули друг на друга, не зная, что сказать. Возможно, отстраненное молчание помогало лучше вжиться в роль. Обезболивающее все еще действовало, но с каждым вздохом я чувствовал, что гемокласт вскоре вновь заявит о себе и нужно быть к этому готовым.

Из приземистого строения на краю площадки появились шестеро в масках и броне, вооруженные чем-то вроде длинных мушкетов, соединенных шлангами с баллонами, которые висели на спинах. «Огнеметы», – подумал я. Будто желая подтвердить догадку, один из местных поднял «мушкет» и выпустил язык голубоватого пламени.

– Что ж, прекрасно, – громко сказала леди Арэх. – Или кто-то мог подумать, что твои свинопасы явятся без оружия?

Мы с Пинки были готовы. Роза-или-Нет, Омори и леди Арэх тоже надели дыхательные маски. Омори и Роза-или-Нет первыми прошли через шлюз, взяв с собой оружие, но явно не видя необходимости демонстрировать его возможности. Сойдя с шаттла, Омори и Роза-или-Нет двигались по посадочной площадке, пока не оказались лицом к лицу с встречающими.

Мы с Пинки наблюдали за происходящим через расположенные возле шлюза иллюминаторы. Все встречающие были в масках – старомодных, кожаных, с круглыми застекленными отверстиями для глаз и похожими на рыло выступами в том месте, куда уходил воздушный шланг. Лишь через несколько секунд я с содроганием понял, что эти маски сделаны из кожи, снятой с голов свиней.

Я повернулся к Пинки, намереваясь выразить негодование.

– Оставь, Вонючка.

Между Розой-или-Нет, Омори и встречающими шел напряженный спор, а темой наверняка были окончательные условия обмена. Представители то одной, то другой стороны часто поворачивались спиной, делая вид, будто говорить больше не о чем, но все это была лишь игра, театр. Они нипочем бы не отказались от обмена в последний момент – так же, как и мы. Но обе стороны изъявляли вполне закономерное желание сперва увидеть товар.

Леди Арэх словно получила некий сигнал. Снаружи двое местных вернулись в здание, откуда снова вышли примерно через минуту, неся ящик. С ними был кто-то третий. Я мгновенно понял, что это сама Свиная Королева.

На ней был заскорузлый от крови кожаный фартук, с которого свисал целый арсенал мясницких орудий, а также другие предметы не столь очевидного назначения. Она оказалась выше ростом и шире в плечах, чем я ожидал. Ее броня выглядела более вызывающе, чем у остальных, а маска откровеннее выдавала свое происхождение: просто свиная голова, со ртом, рылом, глазами и ушами, задранная так, что между раскрытых челюстей виднелось лицо в дыхательной маске и очках. Если другие маски были сделаны из кожи, снятой с лиц гиперсвиней, то эта походила на атавизм, на генетического предшественника Пинки и ему подобных. Маска производила чудовищное впечатление. Ужас заключался не только в том, как грубо она была напялена на голову, но во вполне конкретном намеке, что такие, как Пинки или Снежинка, крайне мало отличаются от животных. До сего момента Свиная Королева казалась неким абстрактным противником, препятствием, стоявшим на нашем пути. Теперь же я видел перед собой воплощение безумия, которое следовало уничтожить, разум, в котором не осталось ничего человеческого.

– Возможно, нам стоит забрать камни силой, – сказал я, желая только одного: обратить оружие шаттла (которое наверняка имелось на борту, хотя мне его и не показывали) против ее свинейшества и ее свиты.

– А потом окажется, что в этом ящике нет ничего, кроме воздуха, – возразила леди Арэх. – Нет, моя заклятая противница продумала все не хуже нас. Я должна осмотреть товар. Выходите вместе со мной, но оставайтесь возле шаттла, пока я не дам знак подойти. – Она повернулась к Пинки. – Что бы сегодня ни случилось, твою отвагу невозможно описать словами. Не будь в моей жизни иного смысла, я сочла бы благословением, что могла делить с тобой этот крошечный кусочек пространства и времени. Ты самый лучший из нас, друг мой, и именно поэтому мы достойны спасения. И я обещаю тебе: справедливость восторжествует. Верни его нам, Клавэйн, – обратилась она ко мне.

Леди Арэх вышла первой. Мы последовали за ней и остались, как было приказано, у шаттла. Медленно вынув маленький бозерный пистолет, леди Арэх подняла его, свободно держа в полуоткрытой ладони, но с пальцем на спусковом крючке и ни в кого не целясь. Этикет требовал, чтобы все видели, что она вооружена.

Она подошла к ящику, который опустили на землю. Свиная Королева стояла позади него, скрестив руки на груди. По кивку Королевы двое охранников подняли крышку.

Леди Арэх сделала вид, будто опускает руку в ящик. Свиная Королева кивнула, жутко качнув незакрепленной маской, и насмешливо повторила ее жест.

Леди Арэх присела, не выпуская пистолет из пальцев, и извлекла гидеонов камень. Слегка повернувшись, она дала мне возможность лучше рассмотреть вещь. Для меня камень выглядел вполне настоящим, но сравнить его я мог лишь с тем, который видел в цитадели. Леди Арэх поднесла его к глазам, медленно покрутила, затем вернула в ящик и кивнула Королеве, давая понять, что убедилась: товар не поддельный.

Встав, она отошла в сторону. Охранники снова заперли ящик. Свиная Королева быстро сделала несколько жестов, – если она и говорила, то я ничего не слышал. Леди Арэх прошла назад, до середины разделявшего делегации расстояния. Следовавшие за ней двое охранников снова поставили ящик на землю. Если только не был проделан некий выдающийся фокус, камни находились в нем.

Леди Арэх повернулась ко мне:

– Все в порядке. Веди его, Мигель.

– Он может идти и сам.

– Я сказала – веди! – рявкнула она.

Я схватил Пинки сзади за пояс и толкнул в сторону Свиной Королевы. Пинки вырвался и рыкнул, что помощь ему не требуется.

Королева заговорила – тем же хриплым голосом, который мы слышали по лазерной связи, но теперь он исходил из-под свиной маски:

– Что такое, дорогуша? Вроде ты утверждала, что он пойдет добровольно.

– Еще вчера все было прекрасно, – раздраженно ответила леди Арэх. – Похоже, в присутствии твоего свинейшества у него вдруг возникли сомнения.

– Что ж, не надо раньше времени делать из него отбивную. Это уже моя работа. – маска уставилась на меня. – А это еще кто?

– Если тебе так важно – один из моих помощников.

– Вряд ли он мне знаком.

– С чего бы? Его зовут Мигель де Рюйтер. Один из главных союзников Пинки в мятеже против меня.

– В таком случае странно, что ты доверила ему эту задачу.

– Кто сказал, что я ему доверяю?

Мы уже были возле ящика. Именно этого момента я ждал, хотя и пытался мысленно отсрочить его как можно дальше. Леди Арэх что-то быстро и ловко проделала с бозерным пистолетом, крутанув его в пальцах и нацелив не на Свиную Королеву или кого-нибудь из ее свиты, а на меня. И выстрелила.

Мощность была выставлена куда ниже смертельной, луч настроен на минимальную ширину, а прицел был достаточно точен, чтобы причинить именно тот ущерб, на который рассчитывала леди Арэх, но не больше. Импульс попал мне в верхнюю часть бедра, пронизав плоть и мышцы.

Вскрикнув, я почувствовал, как подо мной подогнулась нога. Я отпустил Пинки, и тот заковылял прочь.

Выстрел леди Арэх заставил охранников Свиной Королевы развернуть стволы огнеметов в нашу сторону, а один из них выпустил короткий язык пламени, но дальнейшее предотвратила Королева, подняв руку.

– Нет, не сжигайте их. Ее выстрел предназначался ему, а не нам. – Она одобрительно кивнула, качнув маской. – Как я понимаю, этот человек не сумел вновь втереться тебе в доверие?

Я застонал, корчась на земле. Мне все еще приходилось играть роль, хотя теперь это уже во многом получалось само собой.

– Я считала де Рюйтера хорошим человеком, пока не поняла, что ошибалась, – с некоторым сожалением сказала леди Арэх. – После нашего разговора мне стало ясно, что следует более жестко показать, кто тут власть. Должна тебя за это поблагодарить, твое свинейшество.

– Что ж, не стоит благодарности.

– Можешь делать с де Рюйтером что пожелаешь. Убей его, если хочешь, или найди ему любое применение. Как оказалось, он с легкостью готов сменить хозяина. Что, возможно, скоро тебе пригодится.

– Тут точно никаких фокусов, леди Грех?

Леди Арэх кивнула на свою дрожащую и стонущую жертву:

– Это что, похоже на фокус?

– Ну… может, и нет.

– Что ж, развлекайся. Кстати, не знаю, каковы твои вкусы насчет человечины, но почему бы не попробовать?

– Обязательно.

– В таком случае, если дело сделано… можно считать обмен завершенным?

Маска Свиной Королевы оскорбленно дернулась.

– Ты так спешишь?

– Спешу оказаться подальше от гниющей помойки, в которую превратился город. Без обид.

– Обижаться не на что… почти. Но мы еще не закончили. Или ты думала, будто я с ходу поверю в твою честность? Может, я и чокнутая, дорогуша, но не настолько доверчивая.

Свиная Королева отцепила от пояса нечто похожее на толстый металлический обруч с ручкой, соединенной проволокой с коробочкой.

К нам с Пинки шагнули четверо охранников. Схватив Пинки за руки, они легко подняли его, а затем проделали то же и со мной, не обращая внимания на мою травму. Подойдя к нам, Свиная Королева занесла обруч над моей головой и провела им вдоль всего тела, пока охранники плотно прижимали мои руки к туловищу. Наклонив маску, Королева внимательно смотрела на мерцающий серый дисплей коробочки, издававшей мелодичные звуки разной высоты. Затем повторила ту же процедуру с Пинки и убедилась, что при нас нет оружия.

– Камни пока твои, – сказала она, возвращая обруч и коробочку на пояс.

– Пока? – переспросила леди Арэх.

– Ты прошла первую проверку. Но мы хотим получше присмотреться к этой парочке, прежде чем расстанемся с тобой навсегда. Твой корабль побудет на площадке, пока я не дам разрешение.

Леди Арэх велела Розе-или-Нет и Омори помочь ей с ящиком.

– Тебе нисколько не любопытно, для чего мне нужны эти камни?

– Полагаю, для чего-нибудь грандиозного. И столь же бессмысленного. Делай с ними что хочешь, дорогуша.

Наслаждайся от души. А мы будем тут обжираться мясом и опиваться кровью, пока не сгниют наши мозги или не погаснет свет, – не берусь гадать, что случится раньше.

– Более чем разумно, – согласилась леди Арэх.

Глава 15

Пока нас с Пинки толчками и пинками загоняли все глубже в логово, за нашей спиной успело закрыться множество дверей. Впереди шагала Свиная Королева, минуя толпы ее приспешников, которые при виде пленников радостно визжали, топали ногами и колотили дубинками и прикладами по любой подходящей поверхности. И хотя свинопасы легко могли до нас дотянуться, никто даже пальцем нас не тронул, зная, что это стало бы непростительной ошибкой. Впрочем, данное обстоятельство утешало слабо – оно касалось лишь сохранности нашего мяса.

В подвальном помещении, расположенном на один ярус ниже посадочной площадки, нас подвергли дальнейшим проверкам, чересчур хлопотным, чтобы их можно было провести на поверхности. Мы с Пинки не особо сопротивлялись – свину нужно было притворяться, что он безропотно принимает свою судьбу, а я изображал страдания от травмы, которую получил на самом деле. Да, леди Арэх прицелилась идеально и травма получилась достаточно болезненной, но импульс прошел лишь через мягкие ткани, и к ноге уже возвращались прежние силы. Я тщательно это скрывал, хромая и время от времени издавая протяжные стоны.

Обследовали нас весьма основательно. Сняли одежду, тщательно проверили на предмет тайников. Появились новые сканирующие устройства – некоторыми оперировала сама Свиная Королева, оказывая нам личное внимание, а другими орудовали ее подручные в свиных масках, то и дело сверяясь с показаниями стационарной аппаратуры и о чем-то негромко переговариваясь. Все это скорее напоминало медицинский осмотр, чем проверку мясной скотины на пригодность в пищу. Мою рану перевязали, но она не кровоточила.

Проверки заняли не меньше получаса, – похоже, Свиная Королева не спешила. Возможно, ей доставляла удовольствие мысль о том, что леди Арэх с тревогой ждет ответа. Наконец вердикт был вынесен. Королева тихо посовещалась со своими помощниками, и после обмена кивками кого-то послали наверх.

Единственным дошедшим до нас признаком отлета шаттла стала вибрация маневровых двигателей, сотрясшая Свинарник. Впрочем, леди Арэх не знала точно, насколько глубоко мы окажемся, и пообещала применить сигнал понадежнее.

Тридцать секунд спустя мы получили его – глухое тарахтение орудийных башенок в ответ на мстительный выстрел по логову. Именно он был важен, поскольку у нас имелись все шансы ощутить срабатывание башенок – как и у Сидры, которая ждала

намного ниже нас.

– Не пойму, зачем ей это понадобилось, – сказала Свиная Королева, обращаясь к нам. – Разве она не получила все, чего хотела? Это я должна чувствовать себя обделенной.

Без дыхательных масок мы оба теперь могли говорить свободно.

– Считаешь, что мы не ровня этим камням, твое свинейшество? – спросил я.

– Камни будут у нее всегда, господин де Рюйтер. Так ведь тебя звали?

– Так, – подтвердил я.

– В таком случае ты должен понимать разницу. Я могу съесть и убить свинью только один раз.

– Мне нравится это «съесть и убить», а не «убить и съесть», – вступил в разговор Пинки. – Нельзя ли поменять порядок? Если я хорошенько попрошу?

– Ошибаешься насчет разницы, твое свинейшество, – сказал я.

– Ошибаюсь?

– Вопрос исключительно в выборе, – убежденно кивнул я. – Тебе вовсе не обязательно есть и убивать Пинки. – Я сделал вид, будто задумался. – Нет, конечно, ты можешь это сделать – как наверняка и собиралась. Но ты совсем не рассчитывала заполучить еще и такой бонус, как я.

– Уж не намекаешь ли, что на вкус ты ничем не хуже свиньи? Де Рюйтер, даже если ты пропитан алкоголем не меньше, чем он, зря на что-то надеешься. Мы время от времени позволяем себе побаловаться человечинкой.

– Но ты же слышала, что сказала обо мне леди Арэх. Она считала меня хорошим человеком, пока не поняла, что ошибалась. Под словом «хороший» она подразумевала «полезный». Ценный советник.

– Жаль, что у меня нет свободных вакансий.

– Мне известно, насколько простирается твоя власть, – настойчиво продолжал я, пытаясь выиграть время. – Твое логово выглядит более чем внушительно – спору нет, ты потрудилась на совесть. Но тебе подвластна лишь крошечная часть Города Бездны.

– Похоже, твоя хозяйка не слишком высокого мнения о нашем житье-бытье. С чего вдруг оно волнует тебя?

– С того, что я могу помочь тебе прибрать к рукам побольше власти.

– Он всегда такой пронырливый, Пинки?

– Бывает. Но я не стал бы ему доверять.

Свиная Королева взглянула на него, наклонив маску:

– Погоди… Я думала, вы с ним были в одной команде, против леди Грех?

– Верно, – кивнул Пинки. – Но он первым всех предал, когда стало ясно, что мне не победить.

– Что ж, мне нравятся столь изворотливые натуры.

– Напомни мне об этом, когда он всадит нож тебе в глотку.

– Ну, ты вряд ли сможешь это увидеть. Конечно, я позволю тебе протянуть подольше, но, как бы редко я ни отрезала от тебя кусочек, однажды ты все равно закончишься.

– Предупреждаю: я уже давно не в лучшей форме.

– Как и все мы, Пинки, – но это не наша вина, а наша беда. – Свиная Королева хлопнула в ладоши. – В разделочную! Звоните в гонг! Ужин готов!

Нас привязали ремнями к вертикальным тележкам и покатили вглубь Свинарника, демонстрируя всем как трофеи, каковыми мы, собственно, и являлись. На рот нам надели сетчатый намордник, чтобы не пришло в голову кусаться или плеваться.

У меня не было никаких сомнений, что Пинки проводит в уме те же подсчеты, что и я. Мы можем высвободить гемокласт в любой момент, но его эффективность полностью зависит от того, насколько далеко продвинулась Сидра. Если поспешим, гемокласт вызовет небольшой хаос и выгорит раньше, чем Сидра успеет нас найти. Если слишком замешкаемся, нас могут убить чисто из соображений целесообразности, как только Свиная Королева поймет, что ее атакуют.

«Не сейчас», – подумал я.

Разделочная находилась несколько ниже того помещения, где нас осматривали. Мы спускались по пандусам, по извивающимся коридорам, на медленных скрежещущих лифтах с похожими на ножницы дверями. Повсюду нас сопровождала толпа колотящих, топающих и орущих свинопасов. У некоторых была полностью закрывающая лицо свиная маска, но по мере нашего погружения все заметней становилась иерархия: маску здесь носила своего рода элита, имевшая доступ к верхним уровням. Ниже этого привилегированного слоя располагались несколько рангов, чьи маски закрывали лишь часть лица. Подавляющее же большинство вообще не имело масок, и все были в той или иной степени ущербны – со шрамами, выбитыми зубами, язвами и бельмами. Многие пускали слюни и хихикали, будто наслаждаясь тем, как низко они пали. Некоторые дергались и бессвязно бормотали, явно повредившись разумом.

Свиная Королева не заметила единственного оружия, имевшегося у меня, так же как не заметила его и у Пинки. Вряд

ли стоило ее в этом винить – наше оружие было крошечным и почти бесполезным. Мое имело форму слегка зазубренного ногтя на указательном пальце, закрепленного поверх моего собственного. Я прятал его в кулаке. Максимум, что он мог сделать, – проткнуть глаз или вскрыть артерию, но что годилось против человека, было бессильно против толпы тюремщиков.

Я незаметно испытал его на своей ладони. Все, что требовалось, – это разрезать кожу.

Но не сейчас. Еще рано.

Королева подошла к большим красно-коричневым дверям, украшенным круглыми окнами и замысловатой сетью хромированных труб. Двери отворились, и мы вкатились в разделочную. Если бы я решил определить численность приверженцев культа Королевы, мне пришлось бы бросить все и начать сначала. Я знал, как выглядит тысяча лиц, по общим собраниям в Солнечном Доле. Здесь же их было ближе к двум тысячам, этих топающих, колотящих и вопящих безумцев в рваных свиных шкурах. Они собрались на двух крутых многоярусных трибунах по обе стороны от ужасающей сцены.

Центральная часть разделочной представляла собой прямоугольник примерно двадцать на шестьдесят метров. Пол был металлическим, с множеством отверстий, с пологими склонами и многочисленными стоками. Я сразу же понял их назначение: собирать и отводить кровь и прочие жидкости, проливаемые во время жутких обрядов Свиной Королевы.

На полу стояло двенадцать помостов на колесиках. Десять были заняты, два ближайших оставались свободными. На всех остальных были распяты свиньи, в той или иной степени лишенные частей тела. Помосты отчасти повторяли конструкцию пола, снабженные такими же стоками, а отчасти походили на операционный стол или реанимационную койку. Возле каждого жужжали, шипели и булькали разнообразные устройства, ходили туда-сюда поршни, медленно сочилась жидкость из пластиковых мешков и стеклянных сосудов. Все это, в свою очередь, соединялось толстыми змееподобными кабелями, тянувшимися по полу и уходившими в стены.

Все свиньи были живы, но лучше бы они были мертвы. Не хотелось на них смотреть, но, когда я уже решил отвести взгляд, вдруг понял, насколько хуже сейчас Пинки, и усилием воли заставил себя фиксировать свершающееся преступление во всей его полноте.

У тех свиней, что пока пострадали наименее, отсутствовали длинные куски плоти, но остались целыми конечности. Однако чудовищнее всего выглядели не сами раны, а то, что им явно

давали зажить. Возможно, когда-то в этом участвовала Роза-или-Нет, и я мог лишь догадываться, как сказалась подобная работа на ее психике. Каково это – оказывать врачебную помощь, точно зная, что тем самым лишь продляешь мучения жертвы? Здесь явно чувствовалась опытная рука хирурга: аккуратные швы, затянутые рубцовой тканью раны. Кое-где виднелась вытатуированная разметка в тех местах, где предполагалось вырезать очередной кусок. Поддерживающие жизнь машины не давали свиньям истечь кровью или слишком быстро погибнуть от шока. Возможно, тем, на кого я сейчас смотрю, повезло: после того как от них что-то отрежут, они смогут уйти на своих ногах. С другой стороны, для этих свиней путь к смерти лишь начался, а счастливчиками нужно считать тех, чей конец близок. На них смотреть тяжелее всего: почти все мясо срезано, осталась лишь одна конечность, а то и ее часть, однако они еще живы и, похоже, в сознании.

Свиная Королева расхаживала вокруг столов, постукивая жезлом по их краям и по металлическому полу. Она дергала за шланги, заставляя дребезжать стеклянные сосуды, и что-то орала зрителям, вздымая руки и размахивая жезлом над головой. Рев толпы достиг кульминации, и Королева призвала приспешников к порядку или хотя бы к некоторому его подобию. Все успокоились, но полная тишина не наступила – слишком велико было предвкушение.

– Пусть никто не говорит, будто мы не наделены даром терпения, моя верная паства! Мы много лет ждали этого дня, но никогда не теряли веры в то, что он наступит. Мы молили об этом дне, и вот он настал! Нам ниспослан тот, кого мы так долго желали, редчайший и ценнейший из всех! – Свиная Королева сделала паузу и взмахнула жезлом, вызвав одобрительный рев. – Возрадуйтесь же все! Скоро вы получите свою награду! Вас ждет роскошное пиршество – плоть старейшего! Я уже отведала его, но теперь мяса хватит для каждого! Даже самый низший из вас получит свою долю! И отчаянный визг негодяя, разносясь с моей помощью по всему городу, станет посланием для подобных ему, сообщая, что их защитник теперь в моих руках!

Пинки повернул ко мне голову. Наши тележки стояли вертикально, достаточно близко друг к другу, чтобы мы могли разговаривать.

– Уверен, что все еще хочешь работать на эту психопатку, де Рюйтер? Думаешь, это тебе хоть как-то поможет?

– Мое время еще не пришло, – ответил я.

– Зато пришло мое.

– Нет, думаю, ты еще долго протянешь. Слышал же, что она

сказала: ты сумел пережить всех остальных. Она будет поддерживать в тебе жизнь, сколько сможет, так как знает, что ты единственный в своем роде.

Свиная Королева подошла чуть ближе к нам:

– Что, болтаете, старые приятели? Коротаете время за воспоминаниями?

– Делай то, что собиралась сделать с нами, – сказал я.

– Это уж непременно!

Снова раздался оглушительный рев, но, вместо того чтобы его поддержать, Королева резко ударила жезлом в пол, и сразу наступила напряженная тишина.

– Прошу проявить хоть немного уважения к нашим гостям, моя верная паства! Из-за ваших воплей они едва слышат друг друга!

Тишина была весьма относительная – зрители на какое-то время утихомирились, но по-прежнему жужжали и булькали поддерживающие жизнь машины. Я напряг слух, пытаясь услышать какие-нибудь звуки снизу, крики или выстрелы, любой намек на то, что Сидра проникла внутрь и скоро будет с нами, но мои усилия оставались тщетны. Пинки хотел учинить тут полный хаос, и я был почти готов присоединиться, но еле слышный голос разума подсказывал: нужно еще немного подождать.

– Для тебя больше пользы от него живого, чем от мертвого, – сказал я Свиной Королеве.

Та наклонилась ко мне:

– Что, вы опять закадычные друзья?

– Я всего лишь рассуждаю логически. Ты видишь в нем свинью, твое свинейшество. Я вижу того, кто выжил. Он продержался столько лет не потому, что ему просто повезло. Он своего рода природная стихия, беспощадный тактик и стратег, которого леди Арэх ценила не без причины. Он понимает свиней, но точно так же понимает и нас с тобой. Можешь наделать из него котлет, но тогда ты лишишься чего-то намного более ценного.

– Я сама решаю, кого и когда мне сожрать. – Королева переключила внимание на Пинки. – Ладно, пока отрежу немного. Просто на закуску. Ничего такого, о чем ты мог бы пожалеть.

Пинки задергался в ремнях, стиснув кулаки. Понять, что происходит с его заостренными ногтями, было невозможно.

Внезапно на меня обрушилась боль. Вновь пробудилось пламя в моей крови – пламя, которое и было моей кровью. Обезболивающее перестало действовать без всякого предупреждения. Я напрягся, заскрежетав зубами.

Свиная Королева подошла к столу, на котором лежала почти

невредимая свинья. Отдав жезл помощнице, Королева покопалась среди инструментов и извлекла маленькую циркулярную пилу. Проверив искрящееся лезвие на краю помоста, она начала вырезать узкую полосу мяса из бедра. На мгновение свинья замерла от шока, но тут же забилась в прочных ремнях. Свинья визжала от невыносимой боли и истекала кровью, а Королева продолжала свое занятие. Она вырезала лишь тончайший ломтик, а затем отделила жужжащей пилой другой рукой кусочек мяса, размером с наглазную повязку.

Она швырнула мясо в зрителей – подачку для алчной толпы. Те устремились к ней, как железные опилки к магниту; каждый надеялся завладеть куском, а если придется – вырвать его у соседа. Свиная Королева пару минут наблюдала за суматохой не то с наслаждением, не то с отвращением, а затем вернулась к свинье. Выбрав другой участок плоти, вонзила в него лезвие пилы, после чего щелкнула пальцами свободной руки охранникам в масках, которые спустились вместе с нами из смотровой.

– Тащите сюда наши трофеи. Вряд ли небольшая дегустация испортит главное блюдо, а мне не терпится узнать, настолько ли мясо старейшего соленое, как его речи.

Двое охранников подошли к изголовью наших тележек и завозились с ремнями. Остальные двое оставались спереди, держа наготове длинные ножи. За неровными дырами в свиных масках виднелись человеческие глаза, но вряд ли что-то человеческое осталось в их взгляде.

– Она здесь, – сказал я достаточно тихо, чтобы не уловила Свиная Королева, занятая своей жужжащей пилой.

– Я ее не слышу, – ответил Пинки.

– Я тоже. Но верю, что она здесь и скоро появится.

– Хочешь сказать, пора?

– Да. Время пришло.

– Хорошо, а то я уже не могу терпеть. От этой крови такая боль – будто в меня вонзаются ножи Королевы.

Охранник передо мной, обеспокоенный нашим разговором, сунул нож мне под подбородок. Нож не коснулся кожи, но хватило бы легкого нажима, чтобы ранить.

– Что еще за время? – спросила свиная маска.

– Это такое абстрактное понятие, – ответил я.

Нож вонзился, потекла кровь. Я дернулся, но не вскрикнул, продолжая с силой раздирать ладонь зазубренным ногтем. Наконец из меня полился гемокласт.

У него имелось два выхода – через руку и через подбородок. Обе ранки были невелики, но этого хватило. Мы могли позволить себе лишь частичную потерю гемокласта – хоть он и был

оружием, еще должен был играть роль заменителя крови. По истечении одного литра гемокласта его выход должен был автоматически прекратиться, но мы могли в любой момент возобновить процесс – и терять по литру снова и снова, пока не ослабели бы вконец.

Я не видел, как текло из-под челюсти, хоть и находилось в поле зрения расползающееся красное пятно на груди. Зато ничто не мешало глядеть на руку. Сочившаяся из нее пенистая жидкость вела себя вовсе не так, как следовало себя вести крови. Она все текла и текла, не створаживаясь, и к тому моменту, когда добралась до кончиков пальцев, в ней началась некая самоорганизация. Пена рябила и приобретала зернистую структуру; участки отделялись друг от друга, между ними появлялись полоски светлой бескровной плоти. Гемокласт делился на сотни субэлементов размером с мелкое насекомое.

Мелкие красные блестящие насекомые.

Охранники видели: что-то не так. По собственному долгому опыту они знали, как течет и сворачивается кровь. То, что они наблюдали, нарушало в буквальном смысле священные принципы. Но пока они, будто охваченные параличом, пытались выразить словами увиденное, Свиная Королева продолжала орудовать пилой, а свинья продолжала вопить.

Ток из моей ладони ослаб, но я уже чувствовал, как понемногу угасает огонь, который разожгла во мне кровь. Гемокласт, стекавший с подбородка, превратился в столб, соединившийся с основной массой, которая собралась вокруг руки. Вдруг возникло впечатление, будто я намазал руку медом и сунул ее в муравейник.

Внезапно «насекомые» взлетели. Это напоминало взрыв, – брызнув в воздух, крошечные красные существа мгновение поколебались, словно выбирая цель, а затем метнулись в разные стороны, подобно молниям. Секунду спустя они достигли всех намеченных целей, в каждом уголке разделочной.

Начался хаос… но прежде Пинки тоже успел высвободить свой гемокласт. В его случае рана была только одна, однако эффект оказался сравнимым. Возможно, перемещения «насекомых» и выглядели нескоординированными, но на самом деле все существа действовали как единое оружие, готовое подзарядиться еще остававшимся внутри нас гемокластом. Кровотечение из моей ладони прекратилось – оружие определило, что израсходовано около литра. Я вонзил ноготь в кожу, заново вскрывая порез, и вновь устремился красный поток.

В разделочной царил хаос, которому, казалось, не будет конца. «Насекомые» искали любые отверстия, органы чувств, раны

и слабые места, а если не находили, все равно вгрызались в кожу подобно буравчику. Маски не помогали – «насекомые» быстро проникали в организм, добирались до нервной ткани и взрывались крошечным фейерверком. Одного или двух вполне хватало, чтобы разрушить определенные участки мозга, практически мгновенно выводя противника из строя. Когда в одно и то же место их пробирались десятки, эффект напоминал срабатывание миниатюрного взрывного устройства позади глаз, из которых било нечто вроде розовато-серого дыма. Вряд ли после такого можно было выжить, но, упав, тело продолжало судорожно дергаться и корчиться на полу.

Свиная Королева все была способна ходить и говорить. Это вовсе не означало, что гемокластические убийцы преднамеренно ее щадили. То ли ей повезло, то ли маска и броня давали необходимую защиту.

Снова зажужжав циркулярной пилой, она поднесла диск вертикально к моему лбу, позволив ему коснуться кожи, но не нажимая.

– Прекрати, – сказала она.

Вскинув левую руку, я вырвал пилу из пальцев Королевы. Мои руки были свободны с того момента, как охранники сняли ремни, но ноги оставались зафиксированы. Прежде чем Свиная Королева успела среагировать, я разрезал оставшиеся путы и бросил пилу Пинки, который тоже был почти свободен. Я надеялся, что ему тоже полегчало после того, как из него вытекла часть гемокласта.

Вторая партия «насекомых» уже закончила покидать мое тело через порез в ладони. Возможно, чуть больше их выбралось из раны под челюстью, но насколько глубок этот прокол, определить было сложно. Потеряв два литра крови, я ощущал лишь легкое головокружение.

Первая волна почти исчерпала силы, уложив уйму врагов, но и уцелевших осталось немало. Вторая волна «насекомых», включая посланных Пинки, выбирала цели. Мгновение спустя нервно подрагивающий красный шар разлетелся во все стороны.

Свиная Королева извлекла из своего носимого арсенала длинный нож и замахнулась. Я увернулся, подивившись инстинктивной быстроте собственной реакции и той легкости, с которой она сработала на подсознательном уровне. Пинки, уже освободившийся, присел позади Королевы и забрал что-то у ее павшего охранника. Это оказался пистолет с массивным стволом и короткой вычурной рукояткой, для которой рука Пинки явно не была приспособлена. Пинки бросил пистолет мне, и я ловко поймал, вмиг обхватив пальцами рукоятку и нащупал спусковой

крючок. Несколько секунд назад моя ладонь была залита кровью, но, взлетев, гемокластические создания оставили после себя чистую и гладкую кожу. Я прицелился в Свиную Королеву, точно между глаз. Оружие кашлянуло и дернулось в моей руке. В обтянутом свиной кожей лбу возникла дыра величиной с палец. Королева пыталась что-то сказать, булькая и корчась на полу. «Насекомые» окружили ее и, найдя рану, устремились внутрь. С этого момента Свиная Королева пронзительно визжала, пока в ее черепе не протрещали взрывы.

Мы были свободны, но это вовсе не значило, что опасность миновала. Свинопасов оставалось еще много. Они лезли с ярусов, в панике и бешенстве толкая и давя друг друга. Возможно, они не понимали, что произошло, но увидели достаточно, чтобы сообразить: виной всему нечто, исходившее из наших тел. Я вонзил в ладонь зазубренный ноготь, надеясь, что смогу пережить потерю еще одного литра. Мы с Пинки прижались друг к другу спиной. У него в руке был нож Свиной Королевы, а у меня пистолет – вполне достаточно, чтобы какое-то время сдерживать свинопасов.

Но чтобы выжить, нам требовалось нечто большее.

И оно пришло. Толпа разразилась дикими воплями, полными невыразимого ужаса, – мне в жизни не доводилось слышать таких. А еще я уловил металлический стрекот. Мое внимание привлек пляшущий серебристый вихрь, он прокладывал путь сквозь массу стоящих и лежащих тел, рубя их на куски. Ошеломленно глядя на него, я вдруг понял, что это девятилап. Я уже видел, на что способен этот робот, когда Сидра проводила демонстрацию, но к подобной резне оказался не готов. Девятилап превратился в демоническую сущность, в чудовищный водоворот ртути, кромсавший толпу врагов, как остро заточенные лопасти пропеллера.

Девятилап был не один. В разделочную проник второй, за ним третий. Против их оружия не имелось никакой защиты. Роботы проходили сквозь броню, как сквозь воздух, и, казалось, они никогда не остановятся. На нас сыпался дождь из крови пополам с градом из плоти. Я убеждал себя, что нас девятилапы не тронут, что они запрограммированы опознавать наши физические и биометрические параметры. Но теперь, когда я увидел их ужасающую работу собственными глазами, моя уверенность пошатнулась.

Потом я заметил четвертого, за ним пятого.

Бойня продолжалась. Мы с Пинки теперь чувствовали себя почти посторонними. Свинопасы прекратили попытки нас убить, их теперь интересовало только одно: убраться из разделочной,

сбежать в воображаемое укрытие, где эти крутящиеся чудовища их не достанут. Опасность угрожала и свиньям – девятилапы не атаковали их непосредственно, но поскольку разрушительная волна катилась и по помостам, случайных ран было не миновать. Слышались вопли свиней, и без того израненной плоти которых касались лезвия. Оборудование, предназначавшееся для защиты от шока и поддержания жизни, опрокидывалось и разносилось на куски без какого-либо разбора.

В разделочную проникало все больше девятилапов, которые выпрыгивали из каналов и решеток. Передовой отряд нашел нас, и всем остальным был дан сигнал собраться здесь.

– Их слишком много! – заорал я, пытаясь перекричать хаос. – Больше, чем она хотела послать.

– Раз они здесь, значит и Сидра тоже, – ответил Пинки.

Тяжело дыша, он сделал выпад ножом, чтобы удержать на расстоянии свинопаса в маске.

– У нее с трудом получалось управляться с одним.

– Это не имеет значения, они делают то, что нужно.

– Пока. Сможешь добраться до посадочной площадки? Если Сидра начала атаку, «Коса» должна быть там.

– Смогу. Это не мне леди Арэх выстрелила в ногу.

– Ничего страшного, она хорошо целилась.

Я полагал, что смогу найти дорогу назад. Почти затерявшись посреди всеобщей резни, мы двинулись в сторону высоких красно-коричневых дверей, но, прежде чем преодолели полпути, ворвалась новая толпа свинопасов, все вооруженные и в броне. Им потребовалось лишь мгновение, чтобы оценить ситуацию, после чего они открыли огонь – и в девятилапов, и в нас. Мы наверняка погибли бы на месте, если бы им не мешали прицелиться летящие брызги крови и куски мяса, костей и брони. Схватив за плечо, Пинки повалил меня на пол возле пустого помоста, в который с другой стороны со звоном ударились пули, неспособные пробить толстую металлическую конструкцию.

Девятилапы продолжали прибывать. Их была уже дюжина, а может, и полторы. Один замедлил вращение и подобрался к нам, шевеля девятью окровавленными конечностями.

– Он нас узна́ет, – тихо проговорил я. – Скажи мне, что он нас узнает.

Пинки потер свое лицо и показал запятнанную красным ладонь.

– Мы малость запачкались. Возможно, он не слишком хорошо считывает нашу биометрию.

Девятилап двинулся ко мне. Я отполз назад, но не настолько, чтобы покинуть укрытие, которое давал помост. Девятилап

выбросил вперед конечность, и я ощутил щекой холодный укол. Конечность отдернулась, унося микропробу.

Я разнес его выстрелом на три больших дымящихся куска, которые тут же упали на пол. Отвалившиеся конечности бесцельно подрагивали. Я отодвинулся от остатков машины как можно дальше.

– Зачем ты его прикончил?

Я зло уставился на Пинки:

– А ты бы предпочел, чтобы я этого не делал?

– Я бы предпочел, чтобы остальные не заинтересовались нами.

Полдюжины девятилапов оторвались от своего кровавого занятия и двинулись в нашу сторону. Я дважды выстрелил, каждый раз опасаясь, что после следующего нажатия на спусковой крючок услышу лишь тишину. Пистолет был неизвестной мне модели, и я понятия не имел, сколько в нем зарядов.

Меня оглушила и ослепила белая вспышка, и я замер, весь дрожа. Усилием воли открыв глаза и кое-как проморгавшись, заметил парившие на краю поля зрения три белых силуэта. Они пробили себе взрывом путь в разделочную и теперь стреляли из встроенного в них оружия. Два скафандра были знакомого мне по «Косе» размера; третий – похожей модели, но поменьше и с другими анатомическими пропорциями.

– А вот и наши средства передвижения, – сказал Пинки.

Глава 16

Сидра и два дистанционно управляемых скафандра с топотом ввалились в проделанную ими дыру в стене. Из пулеметов, выдвинувшихся из их рукавов, шел дым. Практически неуязвимые против тех свинопасов, что еще оставались в живых, они теперь стреляли из встроенных в наплечники бозеров с нечеловеческой точностью и координацией. Вдобавок скафандры извлекали из податчика на поясе микрогранаты и с не меньшей меткостью бросали их. Пули свинопасов причиняли больше вреда самим стрелявшим, рикошетируя от скафандров, а от ударов холодного оружия урона было не больше, чем от поцелуев. Из-за столь вопиющего неравенства сил происходящее смахивало на бойню, но один лишь взгляд на еще живые тела на помостах напомнил мне, что свинопасы в полной мере заслужили такую судьбу.

Скафандры продолжали прокладывать дорогу к нам. Сидра проявляла некоторую сдержанность; насколько я мог судить, ни один ее прицельный выстрел пока не попал в свинью. Но это мало

значило при таком обилии рикошетов и летавших повсюду шальных пуль.

И тут я заметил, как кое-что изменилось.

Девятилапы реагировали на скафандры, по одному и по двое прекращая свое занятие и молниеносно устремляясь к ним. Конечности роботов царапали броню скафандров и вынуждали тех обороняться, тратя все больше и больше энергии на восстановление. В белой броне появлялись серебристые разрезы, которые быстро затягивались. Но численность девятилапов росла, и они атаковали все настойчивее.

План Сидры дал сбой.

Скафандры перешли от пассивной обороны к активным действиям. Бозеры нацелились на девятилапов. Чаще хватало одного выстрела; время от времени такой же эффект давала граната. Уничтожение пятого или шестого девятилапа сопровождалось взрывом, почти столь же мощным, как и тот, что возвестил о прибытии скафандров. Ударная волна опрокинула два помоста, вывалив измученных свиней на пол. Все вокруг было красным, скользким и липким – стоки не справлялись с таким количеством крови.

– Не знаю, где нам будет безопаснее – в скафандрах или вне их, – сказал я.

– Можешь рисковать, если тебе охота, Вонючка. Сам-то я знаю точно, где предпочел бы сейчас оказаться.

Скафандры уже одолевали девятилапов, что позволило Сидре добраться до нас и присесть рядом.

– Готовы? – глухо раздался ее голос из горловины скафандра. – Я прикрою вас огнем, а вы облачайтесь. Просто встаньте перед скафандрами, и они сделают все остальное.

О помост все еще бились со звоном пули. Оружие Сидры сосредоточилось на целившихся в нас свинопасах, и их ответный огонь стал слабеть, по мере того как враги падали замертво или спешили укрыться за трупами своих товарищей. Но надеяться им было не на что – по крайней мере, пока продолжали работать скафандры.

Выбрав момент, я прыгнул к ближайшему. Он бесцеремонно облек меня, в процессе добавив несколько синяков. На лицевом щитке уже светился знакомый набор символов. Сидра предоставила мне доступ к некоторым боевым режимам, прежде заблокированным. Второй скафандр поглотил Пинки, чья голова доставала мне лишь до плеча.

– Уходим, – сказала Сидра. – С минимальным применением силы.

Я бросил взгляд на уже причиненные ею разрушения:

– Это что, минимальное применение?

– Может, тебе и нелегко понять, Клавэйн, но я сдерживалась. Не хочется, чтобы все рухнуло, пока мы еще здесь.

– Логично. Что будем делать с пленниками Королевы?

– Я уже распыляю безболезненно умерщвляющий газ.

– Нет, Сидра, – сказал я, понимая, что кричать на нее бессмысленно. – Мы не станем травить их газом. У тебя на «Косе» хватит места, чтобы вывезти не одну сотню.

– Прибыв сюда, я провела экспресс-оценку текущей ситуации. То, что здесь произошло… достойно сожаления.

– Рад, что ты так считаешь, – проворчал Пинки.

– Их уже невозможно спасти, не говоря о том, что в результате наших усилий они попали под перекрестный огонь. Так что усыпление – это самое милосердное, что можно сделать.

– Забирай его на корабль, – заявил Пинки. – Судя по всему, для тебя он важнее.

Я повернулся к нему:

– А ты куда?

– Хочу взглянуть, можно ли чем-то помочь другим пленникам, которые наверняка тут есть.

– Думаешь, сумеешь управиться со скафандром? Девятилапы теперь против нас, и только Сидра знает, сколько еще их в этом здании.

– Сколько? – резко спросил Пинки.

Сидра взглянула на него сверху вниз:

– Хватает. Но если мы уйдем прямо сейчас, скафандры доставят нас на «Косу».

– Иди, – сказал я. – Возвращайся на «Косу» и приготовься к отлету. Мы с Пинки поищем пленников.

– Я не нуждаюсь в сопровождающем, – заявил свин.

– Тебе не помешает, если кто-то будет рядом. Сидра, делай, что я сказал. Иначе сниму шлем и надышусь твоего газа.

– Я этого просто не позволю, – ответила она. – Ваши скафандры полностью подчиняются мне. В вашем распоряжении связь и оружие, но не более того. И не думай, что сможешь в меня выстрелить.

– Сидра, – прошипел я, – разреши нам обшарить нижние уровни. Если не мне, то хотя бы Пинки.

В моем визоре замерцало розовое предупреждение об опасности – пульсирующий треугольник вокруг силуэта девятилапа, прорезающего себе путь в разделочную сквозь сплошную стену.

– Они здесь, – сказала Сидра. – Уходим.

Спорить не имело смысла. Сидра быстро зашагала вперед, и

мой скафандр, вздрогнув, двинулся следом. Я даже не пытался замедлить шаг или свернуть, понимая, что нахожусь в полной власти скафандра. Видимо, Пинки пришел к тому же выводу, поскольку не сказал ни единого слова протеста. Я теперь понимал его чуть получше: за развязными манерами скрывался расчетливый ум. Возражения действовали лишь до определенного момента, после чего превращались в пустую трату энергии, которую стоило приберечь. Мне, однако, стало интересно, каким образом он намерен в дальнейшем поквитаться с Сидрой.

В разделочную врывались все новые девятилапы. Мы беспрепятственно добрались до главных дверей – Сидра лишь на мгновение задержалась, чтобы метнуть несколько гранат и бозерных импульсов в появившихся на противоположном краю помещения роботов. Закрыв за нами двери, Сидра непрерывным бозерным лучом быстро заварила шов, и мы двинулись дальше. Я ощутил два холодных укола – один в бедро, другой в плечо.

– Кажется, в меня попали.

– Нет, это хирургические иглы. Скафандр вводит тебе буферный раствор. Или ты предпочел бы гемокласт? Стоит ему пробыть в тебе чуть подольше, и ты начнешь умирать.

Скафандр проделал все необходимые манипуляции с моей кровью, и я почувствовал себя лучше, по крайней мере относительно. Я надеялся, что точно так же чувствует себя и Пинки.

Мы без особого труда поднимались с уровня на уровень, встречая лишь небольшое сопротивление оставшихся свинопасов. Росло чувство вины, ведь я бросал свиней на произвол судьбы. Я пытался усыпить совесть, твердя ей, что явился в Город Бездны не для того, чтобы избавить его от злодейства; у меня очень узкая задача: завладеть камнями. Это уже стоило мне немалых страданий, я натерпелся страха и мог запросто лишиться жизни. Хватит и того, что мы разрушили логово и обезглавили культ, посеяв зерна его краха. Нас всего трое, и мы многим рисковали…

Но я знал, что стыд никуда не денется. Выбора у меня, конечно же, не было – я нисколько не сомневался, что скафандр выполнит любой приказ Сидры. Однако меня беспокоило облегчение, которое я испытал, когда Сидра меня этого выбора лишила. Своего рода оправдание собственной трусости.

Скафандр Сидры решил, что самый надежный способ покинуть Свинарник – вернуться тем же путем на посадочную площадку. Поэтому некоторое время спустя мы оказались в смотровой, где Свиная Королева не сумела обнаружить гемокласт. Стены дрожали, перенимая вибрацию необычно большого космического корабля, который расположился прямо

над головой, вытеснив огромную массу воздуха.

Путь нам преградил девятилап. Присевший на тонких как иглы ногах, он был похож на перевернутый канделябр. Сидра немедленно его расстреляла.

– Сюда направляются другие. Нужно поскорее уходить.

– Господи, Сидра! Сколько этих тварей ты выпустила?

– Восемьдесят.

– Восемьдесят? С ума сошла? Как тебе удалось столько подчинить?

– Я… убедила леди Арэх, что массированная атака повысит наши шансы. И привезла их в одном из скафандров.

– Похоже, ты кое-чего не учла, проглядела какой-то нюанс в их программе. Самодовольно решила, будто во всей Вселенной нет системы, с которой не справится твой гениальный ум. Тебе не приходило в голову, что этих девятилапов оставили не просто так? Может, потому, что им никогда не доверяли?

Мы поднялись по лестнице. Скафандр Сидры перепрыгивал через две ступеньки, и его примеру следовали наши. Мой визор снова заполнился символами, извещавшими о подвижной механической угрозе. Рискнув бросить взгляд назад, я заметил быстрое как ртуть движение. Сзади к нам приближались два или три девятилапа, медленно, но верно, будто оценили исходящую от нас опасность и поняли, что ее следует тщательно нейтрализовать.

Сидра разнесла последние двери, и внутрь ворвался завывающий ветер. На фоне тусклого желтоватого дневного света виднелась разлапистая тень парящего вне поля зрения громадного корабля; душераздирающий вой двигателей проникал в скафандр.

Я смог различить лишь часть посадочной площадки. Вокруг валялось несколько трупов, а живых свинопасов не было видно. Башенки, сторожившие корабль леди Арэх, – по крайней мере, те, которые я мог видеть, – превратились в дымящиеся трубы. На одной я разглядел оплавленную пушку Гатлинга, а рядом два скелета в защитных очках и масках.

Сидра вывела нас наружу. «Коса» висела метрах в десяти над башенками, параллельно стене ущелья. Из ее брюха опускался пандус. Я испытал ни с чем не сравнимое облегчение, даже на миг исчезло мучительное чувство вины. Моя шкура спасена, и это здорово! Мы совершили то, что хотели, – получили камни и выжили. Впереди может ждать миллион тяжких шагов, но этот конкретный шаг уже сделан.

Почти.

Появился девятилап, прятавшийся за одним из трупов. За

ним второй.

Сидра попятилась, и я вдруг понял, что мой скафандр снова полностью мне подвластен.

– Поднимайтесь на корабль. Ты и свинья. Я прикрою вас огнем.

Спорить я не стал – план показался мне просто отличным. Возможно, оружие мне и подчинялось, но мои рефлексы не могли сравниться с нечеловеческими рефлексами Сидры. Я схватил Пинки за плечо, чувствуя его нерешительность, и мы вместе помчались через площадку к подножию пандуса, который ходил из стороны в сторону, – «Коса» дрейфовала на ветру и поднимающейся из ущелья турбулентности. Сидра прикончила двух девятилапов, но из щелей и закоулков уже вылезали другие. Мы с Пинки пустили в ход наше собственное оружие, и не без успеха, но, поскольку главной нашей задачей было попасть на движущуюся платформу, основное бремя обороны легло на Сидру, которая с трудом справлялась с таким количеством роботов. Похоже, у нее закончились гранаты – ее скафандр теперь стрелял лишь из бозеров. Девятилапы полностью сосредоточились на Сидре, будто решив, что мы с Пинки не представляем для них непосредственной угрозы.

В тот самый момент, когда мы добрались до пандуса, особо сильный порыв ветра швырнул его на нас, будто вырвавшуюся из рук тележку. От удара в живот я согнулся пополам, навалившись грудью на пандус и едва касаясь земли ногами. Пинки вообще сбило с ног – удар пришелся ему выше центра тяжести. Подтянувшись, я схватился за поручень и, кряхтя, затащил наверх Пинки. На мгновение наши взоры встретились, и я увидел некую реакцию – не совсем благодарность, но нечто в этом роде.

– Ты в порядке?

– Точно не скажу. – Он помедлил. – Но без этой дряни внутри мне намного лучше. Сидра права.

– В смысле?

– Больше даже пробовать не стану.

Мы оба остановились, повернувшись к Сидре. Следовало подумать о собственном выживании и поспешить по пандусу в корабль, но я не мог так просто ее бросить – по крайней мере, пока у нас имелось столько незаконченных дел.

Сидра отступала к пандусу, спиной к нам. Выстрелы бозеров редели. Девятилапы набрасывались на ее ноги и бедра, некоторые прыгали на грудь. В скафандре появлялись серебристые прорехи глубиной в несколько сантиметров, которые тут же затягивались, – это работали восстановительные механизмы. Однако девятилапы наносили повреждения с такой частотой, что

скафандр уже не справлялся.

Роботы все больше смелели. Один прыгнул на Сидру, опутав ногами ее коленное сочленение скафандра, и резко извернулся. Сидра споткнулась, а затем опустилась на колено, опершись на землю левой рукой.

– Вставай! – крикнул я.

Сидра с трудом поднялась и, хромая, сделала несколько шагов. Колено отказывалось удерживать ее вес, что свидетельствовало о серьезном повреждении скафандра, а возможно, и полученной ею самой травме. Она снова упала, на этот раз лицом вперед. От спасительного пандуса ее отделяло около шести метров. Мгновенно приняв решение, я спрыгнул на площадку. Какой-то девятилап уже обвивался вокруг правой ноги Сидры ниже колена, вгрызаясь в броню.

Пригибаясь, я подобрался к Сидре и схватил ее за вытянутую правую руку, а затем, доверяя скафандру, дернул со всей силы, едва не упав на спину в сторону пандуса. Я удержался на ногах, а пандус вдруг придвинулся ко мне – то ли случайно, то ли намеренно корабль сократил расстояние между собой и мной. Пинки подхватил меня, и мы с Сидрой сумели кое-как забраться на пандус. Вернее, забрался я; Сидра свисала с него, но этого было уже достаточно. «Коса» наверняка определила, что ее хозяйка снова на борту, пусть даже формально. Мы начали очень быстро подниматься, а пандус – втягиваться в брюхо корабля. Пинки удерживал меня, а я перехватил Сидру и затащил дальше на пандус, так что теперь свисали только ее ноги.

Прицелившись, я расстрелял из бозера цеплявшегося к Сидре девятилапа. Тот отвалился – размахивающий конечностями обугленный комок. Заряд отхватил кусочек и от скафандра – появилась дымящаяся черная вмятина, по которой невозможно было понять, где заканчивается оболочка скафандра и начинается Сидра.

Пандус продолжал втягиваться в брюхо. Когда он почти встал на место и мимо нас, ускоряясь, пронеслись стены ущелья, подскочили два шарообразных робота; они забрали у нас Сидру и с невероятной скоростью увлекли ее вглубь корабля. Мы с Пинки последовали за ними, рискнув в последний раз бросить взгляд на Свинарник, прежде чем пандус скрыл его из виду.

Там расцвели многочисленные взрывы – внезапно и одновременно, вокруг ключевых точек, где от Свинарника отходили тросы и опоры для стен. Тросы лопались и хлестали во все стороны, опоры и площадки оседали и рушились. Взрывы прекратились; остальное предстояло доделать механике и силе тяжести. Свинарник отделялся от стены ущелья. Вместо того

чтобы рухнуть, подобно камню, он парил секунду или две, будто оттягивая неизбежное, а затем, все еще единое целое, стал не спеша ускоряться. Мы с Пинки смотрели до последней секунды. Свинарник, кувыркаясь, летел вниз, и под напором воздуха от него отваливались куски. Продолжая ускоряться, он затерялся в слоях тумана, будто темный гроб исчез в белых волнах. Остались лишь обломки опор и дергающиеся, будто в некоем жутком нервном тике, обрывки тросов.

– Ему еще далеко падать, – тихо проговорил я.

– Думаешь, стоит об этом мне напоминать?

– Думаю, она поступила правильно. Если пленников невозможно было спасти, по крайней мере, их мучения скоро прекратятся.

– Скоро, но не сразу.

– Лучше уж так, Скорп, чем никак.

Пандус поднялся окончательно, слившись с корпусом корабля. Мы остались вдвоем – шары суетливо умчались вместе с Сидрой. Шлюз быстро заполнился воздухом, и мы освободились от скафандров. Вскоре прибыли еще два робота и немедленно занялись нашими ранами. Пока роботы закачивали в нас прежнюю кровь, я размышлял о Сидре и о том, какую цену она заплатила за наше спасение.

– Не сказал бы, что все вышло как хотелось, – заметил я. – Но, учитывая, что могло быть намного хуже, можно считать, что нам повезло.

Я ожидал, что Пинки начнет возражать, но его ответ меня удивил:

– Как думаешь, Вонючка, она поправится?

– Думаю, шансов у нее куда больше, чем было бы у тебя или у меня на ее месте. Главное, у нас есть гидеоновы камни, для чего бы они ни предназначались. – Я указал вниз, размышляя, продолжает ли еще падать где-то в тумане Свинарник. – Все остальное, включая твое или мое выживание, в данном случае второстепенно.

– Учти, я вовсе не утверждаю, будто у меня не осталось насчет тебя сомнений.

– Было бы иначе, я бы всерьез удивился.

– Но начало положено, пусть и скромное. – Он помедлил. – И еще одно.

– Да? – настороженно спросил я.

– Почему ты назвал меня Скорпом?

– Я тебя так не называл.

– Нет, назвал. Вряд ли я ослышался. Так с чего тебе вдруг пришло в голову это словечко?

– Оно что-то значит?

– Это мое имя. Одно из нескольких. Его знает леди Арэх, а еще она знает, что сейчас я предпочитаю зваться Пинки. Но когда-то я носил имя Скорпион, и оно вовсе не случайно сорвалось с твоего языка.

– Не могу объяснить. Возможно, его однажды произнесла леди Арэх и оно подсознательно всплыло в памяти.

– Нет, вряд ли. И от Снежинки ты не мог слышать этого имени. Ей известно обо мне многое, но не это. К тому же ты воспользовался сокращенной формой. Скорпом меня называл Невил.

– Но я же не он! – Я протестующе поднял руки. – Может, я и в самом деле его брат – в это вполне могу поверить, – но не он сам.

Я покачал головой, сбитый с толку заявлениями Пинки, но уверенность в том, что когда-то я называл его именем Скорп, росла. На мгновение в настоящее проник кусочек прошлого, некая связь между Пинки и мной.

Будто мы уже были когда-то знакомы.

– Сидра наверняка знает, – сказал я.

Пинки медленно кивнул:

– Хочешь, чтобы она осталась жива?

– Уж точно не хочу, чтобы она умерла до того, как я добьюсь от нее кое-каких ответов.

– А ты не так прост, Вонючка. – Пинки направился к люку, ведущему вглубь «Косы». – Поищем эту бессердечную упыриху?

– План просто отличный.

Он открыл люк.

Сидры за ним не оказалось. Зато оказалась сотня других лиц.

Ко мне первому вернулся дар речи.

– Значит, она все-таки их спасла. Прежде чем отправиться за нами, нашла их и переправила на «Косу».

– Мы вполне способны говорить, – сказал стоявший прямо перед люком гиперсвин, на котором не было ничего, кроме лохмотьев. – По крайней мере, те, кому не вырезали язык. – Он протянул руку. – Я Баррас.

Я пожал руку Баррасу:

– Я… зови меня пока Уоррен.

– У него с этим кое-какие проблемы, – пояснил Пинки и представился Баррасу. – Я Пинки. Возможно, тебе это уже известно.

– О тебе ходили слухи, – медленно, почти восхищенно кивнул Баррас. – Особенно когда ты появился в Свинарнике. Готовилось пиршество столетия.

– Об этом я догадывался. Ты не пострадал, Баррас? Извини, что мы не сумели освободить тебя сами. У Сидры имелись другие мысли на этот счет.

– Со мной все хорошо, Пинки. Как и со всеми нами. – Баррас взглянул на теснившуюся позади него толпу, которая вытянулась вдоль всего коридора. – Сегодня счастливый день. Утром все мы должны были умереть, а теперь нам это не грозит. В смысле мы умрем не прямо сейчас и не в разделочной. Не знаю, хорошие у вас новости для нас или плохие с вашей точки зрения, но могу гарантировать, что нам они в любом случае покажутся хорошими.

– Сколько она спасла? – спросил я.

– Мы не считали, – ответил Баррас. – Полагаю, около трех четвертей. Она сказала, что спасет, сколько сможет, но некоторых не успеет.

– Что случилось, то случилось, – сказал Пинки.

Оправдания Баррасу не требовались.

– Мне жаль тех, кто остался, но… все к лучшему.

– Ты помнишь Снежинку?

Со стороны толпы послышался осторожный ропот.

– Мы помним. Говорят, ей удалось бежать. Ты что-то о ней знаешь?

– Даже более того, Баррас. – Пинки крепко сжал запястье свина. – Скоро ты ее увидишь – когда мы доберемся до цитадели леди Арэх. И других тоже. Бруно, Черсини, Мод, Йилин… если эти имена что-то для тебя значат. Они все спаслись, и они с нами.

Не хотелось возвращать их к реальности, но пришлось.

– Ты видел Сидру после того, как вы оказались на борту?

– Нет. – Баррас озадаченно наморщил лоб. – Где она? Я думал, вы знаете.

– Сидра ранена, и ею сейчас занимается корабль. Но остается вопрос, кто занимается кораблем. – Прижав ладонь к стене, я ощутил легкую дрожь. Пол наклонился, и мои колени почувствовали увеличивающуюся нагрузку. – Похоже, мы поднимаемся – значит, выходим в космос. Но я не намерен просто сидеть и надеяться на лучшее. – Я повысил голос: – Корабль! «Коса»! Ты меня знаешь. Ты достаточно хорошо меня знала, чтобы разбудить, когда у Сидры возникли проблемы. А теперь я хочу ее увидеть!

– Ты можешь управлять этим кораблем? – спросил Пинки.

– Сидра дала мне полномочия, но не все. И я не знаю, что корабль позволит мне, а что нет. «Коса»!

В сплошной стене передо мной открылся люк. Баррас и еще три свиньи отодвинулись в сторону. В проеме парил шарообразный робот, протягивая ко мне две руки.

– Следуй за ним, – сказал Пинки. – Я останусь с Баррасом – нужно решить, что делать со спасенными. Когда что-то узнаешь, возвращайся.

– Обязательно. – У меня возникло желание протянуть ему руку, чтобы скрепить наши уважительные отношения, но я решил, что они еще чересчур хрупкие и мой жест может принести больше вреда, чем пользы. Так что я удовлетворился кивком. – Мы должны помочь им, Пинки.

– Будь я проклят, если не поможем, – ответил он.

Я шагнул следом за роботом, и люк за мной закрылся.

По мере того как росло ускорение, пол продолжал наклоняться, а потом в нем образовались ступени и я обнаружил, что поднимаюсь по набирающей крутизну лестнице. Через пару поворотов робот привел меня в помещение, которого я прежде не видел, даром что много блуждал по кораблю. Это был медицинский отсек, или лазарет, или как еще его могла называть Сидра.

Она лежала посреди ярко освещенного зала, стены которого излучали ангельское сияние, – лежала в окружении медицинских устройств, в большом, заполненном жидкостью резервуаре. Ее окутывала похожая на паутину сеть манипуляторов, мягко касаясь непострадавших участков тела. На ней не было дыхательной маски, а значит, она либо дышала бледно-зеленой жидкостью, либо уже была мертва. С другой стороны, если ее уже нельзя было спасти, вряд ли машины ухаживали бы за ней с таким усердием.

Пытались они поддерживать в ней жизнь или вернуть ее к жизни, я мог лишь догадываться, но что-то определенно происходило. Вокруг резервуара целеустремленно суетились машины побольше, вероятно проводя некоего рода сканирование или закачивая в резервуар энергию. Внутри его проворными рыбешками плавали машины помельче. Время от времени снаружи одна из машин касалась стенки резервуара, будто обмениваясь с теми, что внутри, какими-то устройствами или деталями сквозь проницаемый участок емкости. Машины постоянно мигали голубыми огоньками.

Но сама Сидра лежала неподвижно, и ее лицо со скрытыми под темными веками глазами напоминало маску смерти. Если она и дышала, то никаких признаков этого не наблюдалось.

Я заметил знакомое устройство, закрепленное на медицинской консоли, – переносной медицинский сканер, не сильно отличавшийся от тех, что были у нас в Солнечном Доле. Отсоединив устройство, я включил его и провел им вдоль резервуара, глядя на расплывчатое изображение на дисплее.

Настроившись на Сидру, я позволил устройству проникнуть в ее грудь, сканируя и обрабатывая один слой за другим.

Наконец я сумел получше рассмотреть инородное тело. Сидра то ли была слишком занята, чтобы позаботиться о сокрытии имплантатата, то ли сохранение тайны ее больше не волновало.

Глубоко в ее грудной полости таилось механическое ядро величиной с кулак. Искусственное сердце или аппарат сердце-легкие? Когда мы разговаривали в Солнечном Доле, незадолго до того, как покинуть герметичную часть тоннеля, она призналась, что это устройство для поддержания жизни.

Но я видел также сердце Сидры и ее легкие. Сердце билось, а легкие раздувались и сжимались, хотя и крайне медленно. Значит, она все-таки дышит. Она жива.

Зачем существу вроде Сидры, и без того нечеловечески сильному и выносливому, понадобился столь грубо выглядящий механизм в груди?

Изображение на экране сканера сменилось белым шумом.

– Клавэйн, – эхом отдался от стен голос Сидры, хотя ее губы оставались неподвижными, – тебя разве не учили, что некрасиво лезть в чужие дела?

Я отложил сканер:

– Мне очень жаль, что из-за меня ты пострадала.

– Жалеешь, что я едва не погибла, не дав погибнуть тебе самому? Или жалеешь, что мои страдания затмили все твои прежние мысли и планы насчет меня?

– Мне просто жаль, что ты пострадала.

– Что-то не похоже на тебя. Что случилось с твоей клятвой?

– Почему, черт побери, ты не сказала нам, что уже спасла тех свиней? – ответил я вопросом на вопрос.

– Потому что не считала нужным объясняться. Их спасение зависело от того, удастся ли безопасно взлететь «Косе», что на тот момент вовсе не гарантировалось.

– Ты хорошо поступила. Сделала доброе дело.

– Всего лишь реализовала тактическую возможность.

– Заткнись, Сидра. Хватит играть роль. Я тебя насквозь вижу. Почти непробиваемая оболочка – а внутри нечто намного более теплое, чем ты готова признать. Человеческая сердцевина, которая способна ошибаться и которой не все равно.

– Ошибкой было рисковать, спасая свиней. Я уже видела, что девятилапы перестают мне подчиняться.

– Перестают подчиняться! Что ты называешь смертью? Когда перестаешь дышать?

– Я называю смертью смерть. Мы с тобой прекрасно все

понимаем. – Она помолчала. – Но это было ошибкой. Я рисковала единственной составляющей операции, которую мы не могли провалить.

– Теперь я снова всего лишь «составляющая», да?

– Мы все – ее составляющие.

– И тем не менее ты спасла свиней. Можешь как угодно доказывать, что тебе не следовало этого делать, но факт останется фактом: им предстояло умереть, а теперь они будут жить.

– Возможно, их шансы нисколько не выросли. Я получила сообщение от леди Арэх, как только та покинула Йеллоустон. Пока мы были на планете, ситуация ухудшилась.

– Насколько?

– Перемещения ингибиторов, которые мы отслеживали с момента нашего прибытия, стали более организованными. Они явно заинтересовались цитаделью леди Арэх.

– Значит, нужно что-то делать.

– Ответ верен. Иди в рубку управления и попроси корабль связать тебя с леди Арэх. «Коса» сделает все возможное, чтобы избежать перехвата сигнала, но тебе следует воздержаться от лишних слов.

– Зачем ты мне все это говоришь?

– Мне нужно время, чтобы восстановиться. Возможно, несколько дней. Корабль введет меня в искусственную кому, чтобы помочь процессам в мозгу.

– Вряд ли сейчас для этого подходящее время.

– У меня нет выбора. Я должна избежать смерти, чтобы снова жить. А теперь ступай и поговори с леди Арэх. Она знает, куда нам лететь дальше.

– На ту самую Харибду?

– Пока нет. Прежде чем отправиться на Харибду, нам нужно получить информацию. Мы найдем ее на Арарате, в системе Пи Эридана. Леди Арэх все объяснит.

– Сидра… – тихо проговорил я.

– Да?

– Не умирай.

Я приложил ладонь к резервуару, подумав, что, возможно, она прижмет свою с другой стороны. Но Сидра даже не шевельнулась, и я оставил ее выздоравливать.

Часть четвертая
Эвакуация

Глава 17

С огромным облегчением – и даже без особого удивления – я понял, что совершил посадку, живой и относительно здоровый. Десантный кораблик был абсолютно неподвижен. Сквозь визор и искривленную прозрачную часть корпуса я различил невысокий, ржавого цвета горный хребет примерно в ста метрах впереди. Ближе виднелась пологая местность, усеянная некрупными острыми камнями. Бледное небо казалось обманчиво ярким, – чтобы рассеять солнечное излучение, создавая видимость уютного покрова пригодной для дыхания атмосферы, большого количества атомов не требовалось.

Я лежал на боку, почти горизонтально. Других корабликов не было видно, хотя в воздухе все еще висело несколько едва заметных дымных следов. Я запустил проверку всех систем. Если у меня сломана конечность или необратимо поврежден скафандр, моя миссия закончена. Остальные смогут обойтись без меня – незаменимых в нашей группе нет.

Но скафандр не пострадал, что было только к лучшему, поскольку на Марсе я полностью от него зависел. С корабликом было покончено – внешняя оболочка превратилась в шлак, но этого следовало ожидать. Его единственное предназначение состояло в том, чтобы спустить меня на поверхность. Что касается моего тела, то повреждения оказались не настолько серьезными, чтобы помешать мне действовать дальше. Я ничего не сломал и не вывихнул, хотя обнаружились несколько синяков и пара треснувших ребер, а также растяжение связок на бедрах и коленях. Во время посадки я получил легкую контузию и небольшое кровоизлияние в одном глазу. И еще, похоже, прикусил язык и сломал зуб.

Со всем этим я мог справиться, – впрочем, иного выбора просто не было. Однако, прежде чем двинуться в путь, я просмотрел все возможные диагностические опции и уполномочил скафандр максимально привести меня в порядок. В кожу вокруг поврежденных суставов вонзились иглы микрошприцев, закачивая коктейль из стероидов, противовоспалительных и обезболивающих средств. Вскоре я ощутил теплое онемение в бедрах и коленях. Хотя движения оставались неуклюжими и плохо скоординированными, я мог

выдвигаться.

Постанывая от боли в ребрах – с этим скафандр никак не мог помочь, – я вскрыл корпус и выбрался из тесного отсека. Пошатываясь, поднялся на ноги и обошел останки кораблика. Все еще дымящийся, он казался слишком маленьким для того, чтобы вместить меня, не говоря уже о том, чтобы прослужить мне домом в течение трех месяцев, пока я летел к Марсу.

К нему крепились жаропрочные багажники для слишком объемистого, чтобы поместиться внутри вместе с моим скафандром, снаряжения. Пинками сбив обгоревшие крышки, я вынул все из багажников и закрепил на скафандре – походные пайки, медицинские аптечки, патроны и оружие, в том числе тяжелый пулемет, для которого на поясе имелся специальный кронштейн, под ранцем жизнеобеспечения.

Убедившись, что ничего не забыл, я дал кораблику словесный приказ похоронить себя. Части его корпуса задвигались по замысловатой спиралевидной траектории; суденышко медленно закапывалось в почву, словно темная извивающаяся гусеница. Ему потребовалось пять минут, чтобы полностью уйти под землю. Предстояло погрузиться до коренной породы, после чего должен был начаться еще более медленный процесс автокаталитического распада. Даже если бы сочленители нашли место его захоронения, им не досталось бы никаких полезных деталей или материалов.

Я выровнял башмаком потревоженную почву. Впрочем, следы минимальны, а через несколько дней ветер скроет их окончательно. Пока же кажется, будто здесь упал кусок, отвалившийся от астероида.

В точности так, как планировалось.

Больше было проблем с отпечатками ног. Каждому из нас предстояло пройти сотни километров до места встречи и еще больше – до капсулы. К счастью, люди, планировавшие миссию, учли эту деталь. У моего скафандра имелись утолщения на лодыжках и рукавах, там находились телескопические ходули. Я постепенно выдвигал ходули на лодыжках, пока их длина не достигла максимума. Сперва меня шатало, но через несколько секунд я вновь обрел равновесие. Тренировки не прошли даром – ходули ощущались как собственные ноги. Такие же опоры на руках предназначались для передвижения по сложной местности, они пока были без надобности.

Ходули были рассчитаны на то, чтобы почти не оставлять следов на почве, при этом выдерживая мой вес. Изготовленные из теплоизоляционных материалов, они не излучали тепла, что могло быть важно, поскольку нам предстояло двигаться и в

темное время суток.

Последним дополнением к скафандру являлся огромный саморазворачивающийся маскировочный тент. Выпрыгнув из верхнего отсека ранца, он выпустил стебель над моей головой, а затем развернул перекрывающиеся сегменты в радиусе трех метров. Тент имел форму купола со свисавшими примерно в метре над поверхностью краями. Он закрывал мое поле зрения, но вшитые в него датчики давали картинку на визор. При возникновении угрозы я мог низко присесть, полностью слившись с местностью. Верхняя поверхность тента постоянно меняла цвет, текстуру и температуру в соответствии с параметрами почвы. Казалось бы, все это не имеет особого смысла, ведь сочленители практически не располагали возможностями для разведки с воздуха, но главная задача тента заключалась в том, чтобы обмануть нейтральных демархистов: они не должны усомниться в том, что Коалиция в полной мере выполняет условия договоров.

Я тронулся с места, с каждым взмахом ходули совершая шаг в четыре метра, и практически сразу поймал ритм, которому нас учили. Сквозь дурман обезболивающего я все же чувствовал, как протестуют суставы и мышцы. Если боль станет невыносимой, скафандр увеличит дозу. Но я не могу позволить себе замедлить шаг или остановиться.

Мигающий огонек на лицевом щитке показывал направление и примерное расстояние до места встречи.

Шестьсот километров. На тренировках я преодолевал в среднем двести километров в сутки, если местность не была слишком коварной.

Трое суток непрерывного движения…

Я неустрашимо шагал вперед, освободив разум от любых мыслей, кроме мысли о необходимости сделать очередной шаг. Вряд ли Невил поблагодарит кого-либо из нашей группы за задержку с его спасением, а уж меня и подавно.

Корабль послушно проводил меня в рубку управления. Еще до того, как сесть в кресло, я взглянул в фальшивые иллюминаторы и получил представление о том, где мы находимся. От левого и правого борта уходила по дуге дымка цвета охры, сливаясь с чернотой наверху. Я мог различить несколько звезд и, возможно, несколько тусклых отблесков от руин Ржавого Пояса, но мы еще не выбрались в космос. Времени, однако, прошло немало, учитывая, сколько я пробыл с Сидрой, так что у «Косы», видимо, имелась причина для задержки с отлетом. Единственное, что приходило мне в голову: корабль счел слишком опасным лишиться относительного прикрытия

атмосферы.

– Корабль, – сказал я, пристегиваясь. – Сидра говорит, что ты до определенной степени подчиняешься моим командам. Свяжи меня с леди Арэх – разумеется, приняв все возможные меры безопасности.

Мгновение спустя с консоли раздался голос леди Арэх:

– Клепсидра?

– Нет, это я. Сидра временно неработоспособна. Что тебе известно?

– Почти ничего. Ситуация не становится лучше. Сидра ранена? А ты? Пинки?

– Мы оба целы и невредимы, выбрались из Города Бездны. Девятилапы взбунтовались против Сидры, но она говорит, что корабль поможет ей оправиться от ран. Нам не опасно оставаться на связи?

– Когда станет опасно, поймешь.

Я взглянул на дисплей, показывавший положение корабля леди Арэх. Он находился в нескольких сотнях километров выше нас, далеко за пределами атмосферы. Судя по траектории движения, леди Арэх не спешила вернуться в цитадель – она решила укрыться в поясе обломков вокруг планеты.

– Есть проблема, леди Арэх. Не знаю, что тебе сообщили Сидра или корабль, но у нас на борту гиперсвиньи, эвакуированные из Свинарника.

– Сколько?

– Я не считал по головам. Около сотни; может, чуть больше.

– И что вы собираетесь с ними делать?

– Лично я – ничего. Сидра спасла их, не предупредив нас. Они смогут пожить в цитадели, пока мы что-нибудь не придумаем? Там есть место? – Мне показалось, будто я говорю в пустоту. – Леди Арэх?

Ее голос был лишен всякой надежды.

– Все кончено. Волки идентифицировали цитадель как источник организованной человеческой активности и теперь собираются в стаю. Защита цитадели активирована, но это в лучшем случае отсрочка. Я отменила свое возвращение. Единственное, что сейчас можно сделать, – пристыковаться к «Косе» и обменяться гидеоновыми камнями.

– Что будет с теми, кто там остался?

– Боюсь, их уже не спасти. Они это знают, Клавэйн. И смирились с судьбой точно так же, как и я.

– Мы не можем так просто сдаться! – возразил я.

– Мы не сдаемся! – яростно бросила она. – У нас есть камни. Все девять. Я взяла с собой тот камень, на случай если он

понадобится для сравнения. Все, что нам теперь нужно, – это встретиться, а уничтожение цитадели отвлечет волков. – Леди Арэх немного помолчала. – Наверное, тебе кажется, что я слишком хладнокровно все это воспринимаю. Ты меня недооцениваешь. Я тысячу раз продумывала варианты, искала выход. И единственный осмысленный вариант для нас сегодня – не умереть. Ты собираешься умереть, Уоррен Клавэйн?

– Естественно, нет.

– В таком случае делай, что я скажу.

Я велел кораблю отложить исполнение моих приказов на пять минут, что позволило мне вернуться к Пинки и беженцам.

– Ты видел Сидру?

– Да. Думаю, с ней все будет в порядке; но пока она в лазарете, мы предоставлены самим себе. Я говорил с леди Арэх, и самое лучшее, что можно сделать, – незамедлительно отправиться на рандеву с ее кораблем.

– А почему не в цитадель, где мы будем в безопасности?

– Это тактически нецелесообразно.

– Почему?

Я обвел взглядом беженцев и обратился к ним:

– Через несколько минут корабль начнет быстро ускоряться. Насколько я понимаю, он переориентирует внутренние поверхности, чтобы минимизировать риск повреждений, но это не значит, что будет легко. Разойдитесь как можно дальше друг от друга и по возможности лягте на пол. Если имеется одежда или что-нибудь еще, что может послужить в качестве подушки, – воспользуйтесь. Постарайтесь помочь раненым и слабым. Ускорение продлится недолго, а затем наступит невесомость. Естественно, она тоже небезопасна. Держитесь ближе к поверхностям на случай, если корабль внезапно сменит курс. – Я медленно поднял руки, будто сдаваясь. – Мы бы и рады оказать вам иной прием, но сейчас это все, что можем предложить. Часа через два часа мы должны встретиться с другим кораблем. Если все пойдет хорошо, сможем поговорить о будущем. А пока сосредоточьтесь на том, чтобы пережить эти два часа.

– Что-то явно идет не по плану, – сказал гиперсвин по имени Баррас.

– Мы угодили в переплет, – сказал я. – Но сможем выпутаться, если примем верное решение.

Я жестом велел всем лечь на пол. Они не спешили, пока Баррас не повысил голос, и тогда свиньи начали чуть ли не драться за участок пола, сваливая на него свое тряпье.

– Ты тоже, Пинки, – сказал я, укладываясь. – Переждем тут.

Корабль знает, что делать.

Пинки устроился рядом со мной, с краю от беженцев, но не отдельно от них.

– Ты не ответил на мой вопрос, – проворчал он.

Я уставился на собственные ноги.

– Насколько все плохо?

– Настолько, что леди Арэх предпочла бы, чтобы кое о чем ты услышал от нее самой.

– А раз так, какое бы обещание ты ей ни дал, ты уже частично его нарушил.

– Да похоже, что не частично.

– Может, тогда скажешь, о чем, по ее мнению, мне не следует знать прямо сейчас?

Мне казалось, будто я сижу рядом с пороховой бочкой и играю со спичками. Я представил себе злость, которая закипала в Пинки и которую он явно не мог сдержать. Возможно, леди Арэх лишь пытается защитить меня – несущего дурную весть гонца. Возможно, она знает, что способен сотворить со мной Пинки.

– Мы не можем вернуться.

– Не можем или нам нельзя?

– Волки уже там.

Следующий вопрос встревожил меня еще больше, несмотря на холодный, рассудительный тон Пинки. Я подумал о том, что сейчас копится у свина в душе, угрожая прорвать внешнюю броню невозмутимости.

– Снежинка и остальные погибли?

– Леди Арэх сказала, что они активировали защиту.

– Им прекрасно известно, что это не поможет. Когда волчья стая выходит на след, добыча обречена. – Свин поудобнее устроился на корточках. Приземистый и кривоногий, на полу он, похоже, чувствовал себя намного уютнее, чем я. – Они могут все закончить за секунду, перегрузив реакторы цитадели.

– Но они этого не сделали, – сказал я, – потому что хотят дать нам шанс. Цитадель отвлечет волков, и те, возможно, не заметят наши корабли.

– Леди Арэх на связи со Снежинкой? Или сделала такой вывод на основе своих наблюдений?

– Она не сказала.

– Хотелось бы знать.

Я не считал в уме, однако пять минут, должно быть, истекли. Ускорение начало нарастать, но очень плавно, и я с облегчением понял, что мое ощущение вертикали не меняется. Корабль придавливал нас к полу, зато не швырял на стены, не сваливал в кучу, где вполне можно задохнуться или переломать кости.

Слышались стоны и крики беженцев, – возможно, у некоторых обострились неприятные ощущения от старых или недавних ран. Но если они переживут ближайшие две минуты, я смогу продлить им жизнь еще на два часа.

– Нам нужно еще кое-что обсудить, – тихо сказал я.

– То есть вопрос насчет возможной смерти моей подруги и большинства товарищей решен?

– Вовсе нет. Как только наступит невесомость, мы пойдем и выясним, удастся ли восстановить связь с леди Арэх. Но есть одна заминка. С тобой и со мной ничего не случится – в рубке управления есть противоперегрузочные кресла. Ничего не случится и с Сидрой – она, можно сказать, в подвешенном состоянии. Но всем остальным нужно будет приготовиться к торможению в десять *g*.

Пинки поднял голову, преодолевая трехкратную перегрузку, и взглянул на беженцев.

– Заминка, говоришь?

– По-другому не получится. Единственное, что радует, – это ненадолго.

Он несколько секунд смотрел на меня, затем кивнул.

– Как я понимаю, ты рассматривал и другие варианты?

– Да, и все они значительно хуже.

– А когда мы получим гидеоновы камни – что дальше?

– Сидра что-то говорила про Арарат. Впрочем, уже не в первый раз.

– Ты был на Арарате, Вонючка?

– Нет, а стоило побывать?

Пинки ответил не сразу:

– Интересное местечко.

– Тебе оно знакомо?

– Мы все побывали на Арарате. Я, леди Арэх… старик. Жили там какое-то время. Потом случилось кое-что нехорошее, и мы улетели. Пожалуй, я предпочел бы никогда туда не возвращаться.

К тому времени, когда «Коса» покинула атмосферу Йеллоустона, она уже двигалась по баллистической траектории, с небольшой избыточной скоростью, которой хватало как раз для того, чтобы пересечь орбиту леди Арэх. Свиньи достаточно хорошо перенесли переход к невесомости – после всего, что им довелось пережить, новые ощущения даже воспринимались как нечто приятное, – но я прекрасно знал, что вскоре последует множество не столь приятных побочных эффектов, к которым мало кто из них готов. Системе очистки воздуха предстояло иметь дело не только с газообразными отходами, и я надеялся,

что Сидра настроила ее должным образом.

Пинки воспринял невесомость как само собой разумеющееся. Вдвоем мы быстро добрались до рубки управления. Я мысленно отсчитывал минуты до того момента, когда нам потребуется обеспечить безопасность беженцев. Мы с Пинки договорились действовать совместно: ему предстояло связаться с леди Арэх и выяснить положение дел в цитадели, а мне – убедить корабль, чтобы он принял меры для защиты новых пассажиров. Если же из этого ничего не выйдет, имеется запасной вариант: возможно, Сидра все еще в сознании – она напрямую даст команду кораблю.

– Можешь сообщить леди Арэх, что мы летим к ней, – сказал я Пинки, после того как велел кораблю открыть для него канал связи. – Наше примерное время прибытия… через сто девять минут. Скорее всего, она не увидит нас, пока мы не окажемся прямо над ней, резко тормозя. Так что предупреди ее, пусть отменит боевой режим для всего оружия, которое у нее есть.

– Беспокоишься, что она может причинить нам вред?

– Больше беспокоюсь насчет того, что может предпринять в ответ «Коса».

Пинки и леди Арэх связались друг с другом; и хотя я был занят вопросом безопасности беженцев, я слышал большую часть разговора. Старые союзники – насколько я мог понять, даже старые друзья – едва не срывались на крик. Леди Арэх проклинала меня за то, что я рассказал Пинки о случившемся с цитаделью. Пинки злился на леди Арэх за то, что та решила, будто ему не хватит хладнокровия воспринять известие, как подобает разумному существу. Леди Арэх в свою очередь возмущалась, что он безрассудно пренебрег ее мудрым советом вести себя сдержаннее, а ведь ею двигали лишь забота и глубокое понимание того, на какие крайности он способен.

– Смелее тебя никого нет! – кричала она. – Не далее как сегодня ты был готов пожертвовать жизнью ради великого дела, ради нашей борьбы! Но тогда еще был шанс, клочок надежды, повод во что-то верить. После того что случилось с цитаделью, все кончено. Ничего уже не сделать, вообще ничего, и я не стану рисковать жизнью моего лучшего друга второй раз за день!

– Называешь меня смельчаком, а сама все от меня скрыла, хотя ему рассказала…

– Он должен был знать, что в цитадель уже нет возврата! – Голос леди Арэх дрожал от ярости.

Пока это продолжалось, я пытался сообразить, как объяснить кораблю, что ему придется позаботиться о себе самому. Вероятно, до него дошло мое послание, а может, и нет. Понять было невозможно.

Постепенно ругань и вопли сменились неким подобием рассудительного диалога, и наконец леди Арэх согласилась поделиться информацией, которую она получала из цитадели, – вернее, лишь малой ее толикой, поскольку данные, передаваемые по голосовой лазерной связи, приходилось сжимать почти до предела.

Но этого вполне хватило. Стало ясно, что надежды на спасение Снежинки и остальных нет. Цитадель пока невредима, но окутана густеющим облаком черных машин, частично или полностью скрывшим ее от глаз-мониторов, которые леди Арэх разбросала по всему Ржавому Поясу. Волки сбиваются в стаи вокруг маленького астероида и обрушиваются на него со всех сторон. Кое-что еще можно было разглядеть: цитадель отчаянно боролась, стреляя сгустками энергии из десятков прежде замаскированных орудийных установок.

Я прекрасно понимал, насколько тяжело было Снежинке принять решение. Имевшаяся у цитадели защита могла противостоять натиску волков лишь ограниченное время, и после ее применения не осталось никаких сомнений, что на орбите Йеллоустона есть люди, вооруженные могущественными машинами и преисполненные желания выжить. Снежинка, вероятно, была обречена с того самого мгновения, когда волки начали проявлять к цитадели сколько-нибудь заметный интерес. Активировав защиту, она фактически подписала себе смертный приговор.

Но добыча доставалась волкам дорогой ценой. Грозное оружие пробивало дыры в сгущающихся стаях, уничтожая и разбрасывая их элементы, как жужжащих черных мух. Стаи разваливались, превращаясь в кружевные лохмотья, а затем исчезали полностью, но на их место тотчас приходили другие, будто волны накатывались на берег. Рои волков устремлялись к цитадели из разных мест Ржавого Пояса, обеспечивая практически нескончаемое подкрепление. Как обычно, волки были готовы нести тяжкие потери на ранних этапах битвы, изучая обстановку и приспосабливаясь к ней. Рано или поздно они скоординируют свои действия и модифицируют боевые механизмы либо за счет быстрой эволюции, либо найдя некий ответ в своих архивах. Они способны успешно противостоять любому когда-либо изобретенному нами оружию, так же как и оружию всех других рас, с которыми им доводилось иметь дело. Это лишь вопрос времени, когда они найдут способ одолеть Снежинку. Любые потери они считают не только приемлемыми, но фактически несущественными. Они не солдаты, а всего лишь детали чудовищной военной машины, действующей в масштабах

световых лет и бесчисленных веков.

Есть ли у нас надежда победить такого врага?

Ни малейшей, подумал я. Полагать иначе – всего лишь тешить свойственное людям высокомерие.

Но стратегия выживания может быть и иной. Если бы удалось заставить волков признать, что полное истребление человечества – задача чересчур сложная, но зато нас можно укротить, это могло бы считаться победой. Величайшая сила волков заключается в их терпении, в готовности осаждать врага в течение миллионов лет. Если мы окажем достаточно жестокое и упорное сопротивление, они могут отложить решение нашей проблемы на потом, на один-два оборота Галактики. Для волков это вовсе не станет поражением, лишь передышкой. А мы, теплокровные короткоживущие существа, мыслим совершенно непостижимыми для них временными масштабами. Так бабочка-поденка может рассматривать лишний час как желанную отсрочку смертной казни.

Нам приходится мыслить, как поденкам.

– Соедини меня с ней, – сказал Пинки.

– Нет, – ответила леди Арэх. – Я не могу рисковать. У меня не было прямого контакта со Снежинкой уже сорок минут. Слишком велика вероятность перехвата.

– И все равно соедини.

– Дорогой мой Скорпион… – Ее голос сорвался на имени, которое он не желал носить. – Дорогой друг…

– Соедини, – громко сказал я. – Мне тоже есть что сообщить Снежинке.

Наступила тишина, нарушаемая лишь периодическим треском помех от орудийных разрядов.

– Я открыла канал связи. Только голосовой, без гарантии, что он долго продержится. Мы со Снежинкой уже попрощались.

– Тогда попрощаюсь и я, – сказал я. – Снежинка, надеюсь, ты меня слышишь. Я вижу, что ты делаешь, и это настоящий подвиг. Ты знаешь, что скоро все кончится, но твоя отвага позволит нам выиграть время и отвлечь врага. И за это огромное тебе спасибо.

До меня донесся ее голос – слабое, с металлическими нотками подобие настоящего. Я мог бы даже не узнать его, если бы не говорил с ней раньше.

– Не жалей меня. Каждый час, который я провела вне Свинарника, – это час, который я никогда не надеялась прожить. Точно так же считают и остальные. Мы всегда были готовы. Сделаешь для меня одну вещь?

– Постараюсь.

– Прими свое истинное имя. Сидра потратила немало труда,

чтобы тебя найти. Мы все рассчитывали на ее успех. И теперь, когда она доставила тебя к нам, ты должен стать тем, кто ты есть. Пообещай мне.

– Я не могу обещать того, во что не верю. – Мой голос дрогнул.

– Со временем поверишь. Так что сделай эту небольшую поправку. Никто не требует, чтобы ты отрекся от воспоминаний о том, кем был, прежде чем появилась Сидра. Я знаю: ты имел семью и тебя от нее оторвали. Мне очень жаль, Уоррен, но эта рана затянется, останется лишь шрам. Стань тем, кто нам нужен. Ты небесный маршал Уоррен Клавэйн, рыцарь Кидонии.

– Я небесный маршал Уоррен Клавэйн, – нараспев произнес я.

– А теперь скажи серьезно.

– Я небесный маршал Уоррен Клавэйн, – с некоторой злостью повторил я.

– Громче, солдат. Объяви всему миру, кто ты.

– Я небесный маршал Уоррен Клавэйн! – яростно заорал я.

– И остальное тоже!

– Рыцарь Кидонии!

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно проговорила Снежинка. – В глубине души ты уже все понял. Отомсти за нас, небесный маршал. У тебя гидеоновы камни. Убей волков.

– Прощай, Снежинка, – сказал я.

– Прощай, небесный маршал. А теперь можно мне поговорить с Пинки? Нам нужно кое-что сказать друг другу. Наедине.

Глава 18

Свиньи пребывали в полном замешательстве, которое не имело отношения к предстоящему рандеву с кораблем леди Арэх. О них уже взяла на себя заботу «Коса» – неизвестно откуда появились десятки шарообразных роботов (до этого я видел одновременно лишь нескольких), и теперь они убеждали беженцев, а иногда и вынуждали, улечься на пол лицом вверх. Когда те наконец легли, участок пола под каждым прогнулся, будто сделанный из резины, образовав нечто вроде оболочки, но не смыкаясь полностью, так что пассажиры могли дышать и разговаривать. Однако во всех прочих отношениях они стали пленниками пола, не в силах освободиться или хотя бы пошевелить конечностями.

Я сразу понял, что корабль готовится к резкому торможению. Но у беженцев создалось впечатление, что пол поглощает их, как добычу. Некоторые, включая Барраса, сохраняли видимость спокойствия, веря, что это делается ради их же защиты. Но у

многих, видимо, вновь обострились воспоминания о мучениях в Свинарнике. Тех, кто упорно сопротивлялся, удерживали на месте роботы, буквально вдавливая в податливый пол, пока тот не обволакивал свинью со всех сторон.

– Только не говори, что все это для нашей же пользы, – проворчал Баррас.

– Именно так, – ответил я, сердясь на корабль: он принял к сведению мое беспокойство, но не счел нужным сообщить мне об этом. – Приблизительно через час двадцать минут закончится невесомость – «Косе» придется резко тормозить. Если бы вы и дальше болтались в воздухе, вряд ли многие из вас пережили бы этот процесс. А так не очень комфортабельно, зато надежно.

– Некоторые из нас едва пережили это в прошлый раз.

– Знаю, а сейчас будет еще хуже. – Я окинул взглядом роящееся тряпье, среди которого суетились шарообразные роботы, усмиряя неуступчивых беженцев. – Все будет в порядке, Баррас. Скажи своим, что ничего страшного не происходит, пол отпустит их, как только завершатся наши маневры.

Баррас насмешливо взглянул на меня:

– Ты точно это знаешь?

– Нет, но, судя по всему, корабль хочет защитить своих обитателей, включая тебя.

– Было бы куда лучше, если бы их в этом заверил Пинки.

Я подумал, стоит ли делиться с ним правдой, и решил, что она лишь поспособствует доверию, сколь бы тяжелой ни была новость.

– Снежинка скоро умрет, Баррас. Волки атаковали цитадель леди Арэх. Те немногие, кто там остался, пустили в дело все свое оружие, чтобы задержать волков. В конечном счете ничто им не поможет. Но эта отсрочка поможет нам.

Баррас переваривал услышанное. Меня не оставляли мысли о том, что объединяло его, Снежинку и Пинки. Хотя это никак меня не касалось, я чувствовал, что за этим кроется удивительная история совместно пережитых страданий и дружбы – совершенно человеческой дружбы. И для этого им вовсе не обязательно быть людьми. Через что им пришлось пройти, я просто не мог себе представить. Да мне и не хотелось представлять.

– Он сейчас с ней?

– Говорят друг другу последние слова, – тихо ответил я. – Леди Арэх не хотела давать им связь, но мы ее убедили.

Баррас встретился со мной взглядом, и я увидел в его глазах понимание.

– Есть вещи, которые слишком многое значат. После того, что Пинки пришлось пережить в Свинарнике… мне кажется, это

нечестно.

– Как и многое другое. Может, это звучит чересчур цинично, но, вероятно, из всех жизненных философий эта самая безопасная.

– Я скажу всем, что бояться не нужно. – Баррас с сомнением взглянул на царящий в воздухе хаос. – Надеюсь, мне не придется об этом пожалеть.

– Спасибо.

Прежде чем повернуться к другим, он задал мне последний вопрос:

– У нас ведь есть план? Если потеряна цитадель, то вряд ли во всем Ржавом Поясе найдется другое безопасное место. А ведь нам нужно где-то жить. – Помедлив, он повторил уже жалобнее: – Так у нас есть план?

– Будет, – ответил я.

Связь прекратилась.

Средства слежения леди Арэх отключились по всему Ржавому Поясу.

Йеллоустон окутали гирлянды взрывов – волки обрушились на самые крупные из уцелевших строений. В некоторых оставалось достаточно воздуха, чтобы вспыхнули пожары.

Ничто не заставляло «Косу» свернуть или заново рассчитать курс. Лишь в последние минуты мы получили подтверждение, что приближаемся к нужному объекту, который был лишь чуть теплее окружающего его космического мусора. Наши темноприводы перешли в реверсный режим, сопровождавшийся десятью *g* резкого торможения, и мы замерли всего в двадцати метрах от корабля леди Арэх.

Дальнейшее происходило очень быстро. «Коса» уже смоделировала оптимальную траекторию для стыковки, и мы причалили, неприлично лязгнув корпусами. Помогло то, что Сидра и леди Арэх уже договорились о стыковочном интерфейсе, поэтому «Косе» не требовалось проходить через утомительную процедуру, приспосабливаясь к другому, не столь сообразительному кораблю.

Столь же быстро на борту появились леди Арэх и Роза-или-Нет с гидеоновыми камнями, а также несколькими ящиками с припасами и оружием. Мы были почти готовы отчалить. Волки наверняка уже сообразили, что здесь что-то происходит, поскольку из-за десятикратного торможения реактивный след темноприводов задержался чуть дольше обычного.

– О том, что тебе пришлось пережить, поговорим позже, – сказала леди Арэх, обнимая Пинки. – Даже на секунду не

усомнись, что этот долг будет забыт.

– Он ничего не значит по сравнению с нашим долгом перед Снежинкой и остальными. – Пинки высвободился из ее объятий. – Ты все сделала как надо, Раш. И Вонючка тоже.

– Думаешь, он стал прежним?

– Суду еще не все ясно. Но… Вонючка нас не подвел.

– Мне нужно осмотреть твои раны, Клавэйн, да, – сказала Роза-или-Нет, разглядывая след от выстрела.

– А я что, кусок свинины? – спросил Пинки.

– Ты весь состоишь из ран. Если я обработаю одну, придется обрабатывать все, и когда это закончится?

– Разумно, – согласился свин.

– К тому же, – продолжала Роза-или-Нет, – в тебя не стреляли. Вы уже пришли в себя после гемокласта?

– Я в порядке, – сказал я. – Леди Арэх целилась точно, а скафандры откачали из нас гемокласт еще на Йеллоустоне.

– Что, в самом деле все было так плохо, как говорят?

– Намного хуже. Но со своей кровью в венах я чувствую себя намного лучше, а раны поджили. Так что нога может подождать. Где-то тут должен быть экзоскелет, который дала мне Сидра, когда мы покидали Солнечный Дол. Если найду его, мне даже не придется нагружать ногу.

– Заодно поищи и другие, – сказала леди Арэх. – Возможно, скоро они понадобятся всем нам. Роза-или-Нет, посмотри, чем можно помочь эвакуированным.

Роза-или-Нет тут же взялась за дело:

– Проводи меня к ним. И пришли медицинских роботов и лекарства, да.

Леди Арэх повернулась ко мне:

– Что-нибудь известно о Клепсидре?

– Когда я ее нашел, она плавала в резервуаре и собиралась войти в искусственную кому.

– Сейчас не самое подходящее время, чтобы терять контроль над кораблем, – покачала головой леди Арэх.

– Думаю, ей это и самой не нравится, но другого варианта нет. Сидра вернется, когда сможет. Пока же нам придется действовать самостоятельно. Надеюсь, корабль нас послушается, особенно если мы поможем ему понять, что нам нужно. – Я кивнул в сторону все еще открытого шлюза. – В шаттле осталось что-нибудь, что нам надо забрать?

– Все необходимое уже на борту.

– Тогда нам лучше закрыть люк и стартовать, – сказал я, недоумевая, почему Омори не спешит покинуть шаттл.

– Есть сложности, – сообщила леди Арэх, глядя на

соединявший два корабля шлюз. – После того как я послала вам сигнал, нас обстреляли из Свинарника. Омори пришлось улетать на ручном управлении, и теперь шаттл не воспримет нашу команду стартовать.

– В таком случае откажемся от этой части плана и все равно улетим. Если волки соберутся в этой точке космоса, они обнаружат дрейфующий шаттл и решат, что именно от него исходило излучение.

Леди Арэх снова обернулась к шлюзу.

– Омори! Мы что-нибудь придумаем! – прокричала она, а затем обратилась ко мне: – Я постараюсь как можно скорее провести проверку всех систем. А ты пока поможешь мне. На этом корабле еще остались зонды, которые Клепсидра использовала для разведки?

– Думаю, да, – кивнул я, не решаясь брать на себя ответственность за ответ, поскольку проблема заключалась в том, как этими зондами управлять. – Может, прикрепить один к шаттлу и запустить, создав побольше шума и света…

Я не договорил, вдруг сообразив, что происходит – одновременно с леди Арэх. Омори закрыл шлюз со стороны шаттла и начал процедуру принудительной расстыковки.

Леди Арэх заколотила по запертому люку:

– Омори! Нет! Зачем?

Но его уже было не остановить.

Шаттл отделился от «Косы». Мы наблюдали через фальшивые иллюминаторы, расположенные по обе стороны шлюза, как он медленно удаляется от нас, пока расстояние не стало достаточным, чтобы Омори смог запустить двигатели. Шаттл вошел в штопор и умчался по дуговой траектории прочь. Я тупо смотрел ему вслед, прекрасно осознавая, что Омори на моих глазах пожертвовал собой, и не в силах в полной мере постичь, каково сейчас леди Арэх. Казалось, случившееся парализовало ее, лишив возможности действовать. Я было решил, что если мы немедленно не стартуем, то жертва Омори станет напрасной. Но я очень сильно недооценил леди Арэх.

– Он сделал свой выбор, и я уже ничем не могу ему помочь, – спокойно сказала она. – Пора подумать о дальнейшем. В этой системе для нас не осталось безопасных мест, и откладывать рейс к Арарату бессмысленно. Придется лететь на пониженной мощности темноприводов – чуть ниже той, при которой нас могут обнаружить. И ни в коем случае не превысить этот порог.

– Корабль поймет, – ответил я. – Другой вопрос – сумеем ли мы все остаться в живых. Я видел только две криокапсулы.

– Значит, кораблю придется изготовить еще какое-то их

количество. Надеюсь, это ему вполне под силу.

– Не слишком ли многое ты принимаешь на веру?

Она снисходительно посмотрела на меня:

– Позволь кое-что тебе объяснить насчет выживания. Не стоит беспокоиться насчет третьего или четвертого шага, пока не завершились успехом первый и второй. Все прочее – лишь нелепое отвлечение усилий от текущего момента. И сейчас именно такой момент.

Я улыбнулся, соглашаясь с полученным уроком:

– Понятно… Раш?

– Леди Аура Рашмика Эльс Хоури, – сказал Пинки. – Или короче – Арэх.

– Проводите меня к раненым, – потребовала Роза-или-Нет.

Мы сбежали.

Сборище волков вокруг бывшей цитадели леди Арэх теперь превратилось в сплошную черную пелену; машины сцеплялись друг с другом, будто фрагменты безумной головоломки, образуя непостижимые конфигурации. Рой прибывающих со всего Ржавого Пояса машин становился все плотнее, перекрывая любой свет. Оружие уже не могло пробить этот покров нигде. Приходилось предполагать самое худшее – что машины из внутреннего слоя вскоре проникнут в шлюзы и коридоры, ведущие в обитаемые части цитадели, или попросту прогрызут себе путь сквозь каменную толщу. Никакая связь теперь была невозможна, – может, оно и к лучшему. Мы ничем не могли помочь защитникам цитадели, а они не могли сообщить нам никаких новостей. Вполне вероятно, Снежинка и ее товарищи уже были мертвы, а оборону продолжали упорно держать несколько обслуживающих программ. Насколько мы могли судить, реакторы еще не взорвались.

Волки пока не настигли Омори, но часть их отделилась от большого роя внутри Ржавого Пояса и устремилась к новой цели. Из четырех мест, расположенных на почти равных расстояниях вокруг Йеллоустона, в сторону шаттла тянулись черные, похожие на пальцы жгуты. Они не тратили зря энергию, а двигались с той скоростью, какая требовалось. И это было страшнее всего: чуждая смертоносная система знала, что ей некуда спешить, имея дело с такой мелочью, как мы, и что рано или поздно она до нас доберется.

Я был солдатом. Теперь я принял это как данность, которую невозможно отрицать. Некая воинственная часть меня хотела броситься в бой с волками, вспороть эту черную коросту, отрубить эти тянущиеся пальцы, прежде чем они найдут свою

цель. Однако более хладнокровная часть, которая могла бы принадлежать опытному старому воину, знала, что мы побеждаем, когда нам это удается, но всегда готовы с достоинством принять поражение.

Шаг за шагом.

Пока Роза-или-Нет оказывала внизу помощь эвакуированным, мы с леди Арэх и Пинки наблюдали из рубки управления, как цитадели приходит конец. «Коса» улетала из Ржавого Пояса, нацелившись носом в межзвездное пространство, так что фальшивые иллюминаторы должны были показывать лишь тьму и звезды. Однако леди Арэх каким-то образом сделала так, что иллюминаторы «смотрели» назад, на удаляющийся Ржавый Пояс и планету, вокруг которой он вращался.

Вскоре Йеллоустон заметно уменьшился в размерах, а в поле зрения входило все больше Ржавого Пояса, и вот он уже виден целиком, от одного края орбиты до другого. Диск Йеллоустона был освещен, и отрезок Ржавого Пояса, деливший планету на две части, походил на темную челку поперек ее лба. Различить уцелевшие сооружения было невозможно, я видел лишь сплошной поток руин, покрытых пылью и населенных призраками. Здесь человечество пыталось превзойти собственные возможности, и это ему удалось, но лишь на несколько коротких столетий.

Все это мы уже видели, подлетая к Йеллоустону, но теперь оно выглядело иначе. Потоки волков напоминали темные артерии, которые, извиваясь и закручиваясь в спирали, проходили сквозь рои обломков, сосредотачиваясь в самых крупных из них; там машины насыщались и размножались, дожидаясь своего часа. На фоне космоса с планеты Ржавый Пояс прежде был невидим, его присутствие выдавали лишь заслоняемые им звезды. Но теперь в нем, будто фонарики в медленной реке, вспыхивали золотистые и красные огоньки – последние человеческие костры, последние судорожные выдохи жизни, навсегда уходившие в космос.

– Он снова прекрасен, – проговорила леди Арэх. – Несмотря ни на что, он снова прекрасен. Пусть даже лишь на несколько часов, в свой последний день.

– Это все из-за нас, – сказал я. – Из-за того, что здесь появились мы с Сидрой. Если бы мы не прилетели, этого бы не случилось.

– Все равно случилось бы – может, не сегодня, но достаточно скоро, – возразила леди Арэх. – Мы оказались здесь из-за того, что нас преследовали волки. И единственная тому причина – безвестная рыбешка, когда-то попробовавшая дышать кислородом вместо воды.

– Она всегда так, – заметил Пинки. – Стоит возомнить, что ты рассуждаешь логически, и у нее находится способ опустить тебя до уровня рыбы. – Он пожал плечами, чему не помешала перегрузка в три *g*. Ему удалось найти подходящий к его фигуре экзоскелет. Впрочем, он был настолько приземист, коренаст и мускулист, что вряд ли ему требовались какие-то вспомогательные средства. – По крайней мере, она сейчас выбрала существо, обладающее нервной системой. В свое время не брезговала и бактериями.

Он явно пытался отвлечься.

Мгновение спустя в одном из квадрантов Ржавого Пояса вспыхнула яркая точка, будто широко раскрылся маленький глаз, чтобы обозреть окрестности. Через секунду или две глаз закрылся и свет погас.

Пинки молчал. Я хотел как-то его утешить, но любые приходившие на ум слова оказывались непростительно банальными и неуместными.

– Мы ей благодарны, – сказала леди Арэх. – Снежинке и остальным. Вот и все. И будем благодарны до последнего вздоха. Нам ничего не остается, кроме как жить дальше, всегда храня эту благодарность в наших сердцах. – Она обняла своего друга-гиперсвина, который, как я надеялся, со временем станет и моим другом. – И быть последовательными в своих поступках.

Когда мы остались вдвоем – погруженный в раздумья Пинки ушел, слегка переваливаясь с боку на бок в своем экзоскелете, проведать Розу-или-Нет и беженцев, – леди Арэх вывела на экран извлеченную из архивов «Косы» картинку.

– Клепсидра рано или поздно тебе бы ее показала, или ты сам нашел бы путем запросов, так что вполне можешь увидеть и сейчас.

Я почувствовал себя так, будто прохожу какое-то испытание, которое уже начинаю проваливать.

Картинка представляла собой квадрат, разделенный пополам очень пологой кривой, почти прямой диагональю. Верхняя левая его половина была черной – космическая бездна, на фоне которой мерцало лишь несколько слабых звезд. Нижняя правая половина изображала часть планеты, изогнутый край которой образовывал границу между темной и светлой частями картинки. Видимая часть планеты была бледно-голубого цвета, но на ее фоне виднелись более темные полосы и завитки оттенка опала и бирюзы.

– Не узнаю.

– Я на это и не рассчитывала. Ничего не напоминает?

– Вероятно, это Харибда, на которую Сидра намекает с тех пор, как мы с ней познакомились. Она говорила, что сама дала имя планете и что до нее не так уж далеко, чтобы не мог долететь корабль типа «Косы». Судя по картинке, это ледяной гигант, нечто достаточно распространенное. Нужно сравнить с планетами в знакомых нам системах…

– Ты прав насчет того, что ледяные гиганты – достаточно рядовое явление. Но эта планета не совпадает по параметрам ни с одной в исследованных роботами или людьми систем. В том-то и состоит наша проблема, Клавэйн. Если бы я попросила тебя определить местонахождение этой планеты, как бы ты поступил?

– Уменьшил бы изображение, чтобы в поле зрение попало больше звезд. А уж рассчитать положение созвездий и выяснить, в какой системе находится планета, наверняка раз плюнуть.

– Вполне разумное предложение. Увы, то, что ты видишь, – все изображение целиком, а горстки звезд, которая на нем случайно оказалась, недостаточно для параллактической триангуляции. Все остальные способы ничего не дали. Яркость края Галактики, анизотропия фонового излучения – ни за что не зацепиться. По спектру падающего на Харибду света можно предположить, что она обращается вокруг звезды класса *G,* возможно желтого карлика, но вряд ли это чем-то нам поможет. Мы не способны определить, в какой системе находится эта планета.

– Не понимаю, леди Арэх. Если у тебя есть один снимок, у тебя должен их быть миллиард. Не важно, как он сделан – телескопом с расстояния в несколько световых лет или с малой дистанции, но единственным он никак быть не может.

– Увы, в данном случае это именно так. Сейчас объясню.

– Слушаю.

– Я слегка ввела тебя в заблуждение – в этой системе побывали. Но то была ранняя межзвездная экспедиция, посланная сочленителями много столетий назад и никак не задокументированная. Конкретно это изображение было сделано кораблем «Сандра Вой», опытным образцом, собранным и запущенным под руководством Галианы.

– Той самой Галианы?

– Той самой. В первые десятилетия двадцать третьего века Галиана и ее неустрашимые союзники устремились в межзвездные глубины в поисках убежища, а также всего прочего, возбуждавшего их бескрайнее любопытство. В конце концов они вернулись домой, а их открытия вошли в архивы сочленителей. Но эти архивы весьма серьезно пострадали во время последующих событий. Многое оказалось потеряно или искажено до

неузнаваемости, включая сведения о той системе. Читаемыми остались лишь фрагменты. В них имелось достаточно информации, чтобы понять значение Харибды для противодействия волкам, но ее не хватало, чтобы выяснить, как найти саму планету. Естественно, это холодный газовый гигант; и хотя такие планеты весьма многочисленны, «Сандра Вой» могла посетить лишь определенное количество систем и планет, учитывая релятивистскую механику. Будь наше время и ресурсы безграничны, мы могли бы попросту послать автономные экспедиции в каждую из интересующих нас систем, в пределах пятидесяти или шестидесяти световых лет от Земли. Но их очень много, Клавэйн, – тысячи и тысячи, а сейчас не обычные времена. Даже если бы мы ограничили поиски желтыми карликами, перед нами все равно стояла бы задача чудовищной сложности. Волки преследуют нас на каждом шагу, как мы можем убедиться. И простыми средствами эту проблему не решить. – она помолчала. – Поэтому нужен ты.

Я растерянно моргнул.

– Невил Клавэйн был близко связан с Галианой. Насколько мне известно, когда-то они враждовали, а потом случилось нечто, заставившее его изменить взгляды. Он дезертировал и связал судьбу с сочленителями. – Поняв, что леди Арэх не пытается мне возражать, я рискнул продолжить: – Полагаю, вплоть до того, что участвовал в той экспедиции?

– Да. И нам известно, что Невил Клавэйн унес нужные нам сведения с собой в могилу. Он наверняка помнил Харибду как некую аномалию, заслуживающую дальнейших исследований, и наверняка знал, в какой системе она находится.

– То есть… вы надеетесь, что знания Невила каким-то образом просочились перед его смертью в мой мозг? Только потому, что я его давно потерянный брат?

– Нет. Мы вовсе не идиоты, Уоррен. Ключ ко всему – Арарат, поскольку именно там умер Клавэйн. В других обстоятельствах на этом бы все и закончилось, но Арарат – планета-океан. Мир жонглеров образами. Мы… считаем, что образы из памяти Клавэйна все еще существуют в зашифрованном виде и жонглеры образами могут их восстановить.

– Я кое-что знаю о том, как это происходит у жонглеров, – кивнул я. – Если они сохранили его личность, в тех морях может плавать кто-то еще, в чью нейроматрицу впечатаны образы из его памяти. Если жонглеры поймут, чего мы от них хотим, и согласятся… Кто-нибудь из вас уже пробовал?

Я заметил во взгляде леди Арэх легкую неуверенность, которая тут же исчезла.

– Клепсидра пыталась с ними общаться, в том смысле, на который ты намекаешь, и у нее ничего не получилось. Но вероятность успеха может быть намного выше, если с жонглерами встретится кто-то, имевший личную связь с Невилом Клавэйном.

– Понятно. – Я задумался над услышанным, чувствуя, что совсем рядом лежит нечто большее. – Полагаю, ее попытка контакта была не такой уж безуспешной. Она явно узнала достаточно о Невиле, чтобы ей стало известно и кое-что обо мне.

– О тебе?

– Что я существую. Что я могу в какой-то степени заменить Невила. Что меня можно найти в Солнечном Доле.

И все же некий едва слышный голос шептал, что брат никак не мог знать о моих намерениях отправиться на «Салмакиде» к AU Микроскопа. После Марса наши пути разошлись. Возможно, он ненавидел меня из-за того предательства, но прошедшие с тех пор годы наверняка загнали воспоминания обо мне в глубины его памяти, заодно со всеми прочими атрибутами молодости. Его заботили куда большие проблемы, чем недоброжелательное отношение брата, – судьба не просто конкретной идеологии, но самой человеческой цивилизации. Вряд ли я вообще возникал в его мыслях в последние годы его жизни, и уж тем более вряд ли я мог что-то значить для его призрака, обитающего в чужом океане.

С другой стороны, мой брат никогда не забывал нанесенных ему обид.

– Уоррен? – осторожно спросила леди Арэх.

– Просто задумался о том, что от меня может потребоваться.

– Ничего особо сложного. Поплаваешь с ними, как делали до тебя миллионы других. Риска практически никакого. Тебе могут отказать в контакте, но ты в любом случае останешься жив, а мы перегруппируем силы и попытаемся еще раз. Рано или поздно появится возможность для общения, а дальше все будет зависеть лишь от желания и целеустремленности. Если ты откроешь жонглерам свой разум, если сумеешь объяснить им, что ты брат того, кто пребывает внутри их, вполне вероятно, что они поделятся сохраненной информацией. Твой разум и разум Невила не так уж сильно отличаются друг от друга. Твоя нейроматрица воспримет его собственную, дополнив твою личность, а не стерев ее. Все должно получиться. Ты самое лучшее вместилище, какое мы только могли найти.

– А после того, как это произойдет – если такое вообще возможно, – я волшебным образом вспомню все, что тебе нужно знать о Харибде?

– Это вопрос не волшебства, а всего лишь чужой биологии. Но ты уже и сам понял, что все наши надежды возложены на

жонглеров. И твое участие лишь повышает шансы на успех.

Я ощутил вкус соленой воды во рту и жжение зеленого солнца в глазах. Меня вдруг охватила паника, как у утопающего.

– Почему мне страшно, леди Арэх? Почему мне кажется, будто я уже побывал у жонглеров образами, уже пытался сделать то, о чем ты меня просишь? И ничем хорошим это не кончилось?

– Ты бы помнил, если бы у них побывал, – ответила леди Арэх и добавила, будто утешая: – Не думай об этом, Уоррен. Главное для нас – то, что впереди, а не воображаемые призраки. Неведомое всегда пугает.

– Я знал, как его зовут, – прошептал я.

– Кого?

– Скорпиона. Или Скорпа, как звали его друзья. Как, видимо, звал его Невил. Имя всплыло у меня в голове само по себе. – Я пристально взглянул на леди Арэх. – Откуда я мог его знать?

– Возможно, я неосмотрительно назвала его прежним именем, а ты случайно услышал.

Почувствовав, что разговор зашел в тупик, я вновь переключился на загадочный фрагмент картинки, гадая, каким образом он у нас оказался и откуда у Сидры или леди Арэх такая уверенность, что в нем заключен ответ на их вопросы.

– Ладно. К черту прошлое. Отправлюсь к вашим жонглерам. Но если все получится, что мы узнаем?

Леди Арэх убрала картинку, заменив ее на другую, изображавшую некоего рода машину – чудовищную смесь турбины, штопора и сосны. Все это сверкало, переплеталось и вращалось в разные стороны, так что стало больно глазам.

Естественно, я уже ее видел, только частично разобранную. Именно этот механизм я углядел через окошко в переборке во время моего первого путешествия по «Косе». Механизм, который Сидра позволила мне заметить, хотя и не сочла нужным объяснить его присутствие, обойдясь лишь туманными намеками.

– Это прототип гипометрического устройства, – сказала леди Арэх.

– Спасибо, что меня просветила. – Я немного помолчал. – Иоанн Богослов что-то упоминал о гипометрическом оружии. Это оно?

– Скажем так: относится к тому же семейству технологий. Но само по себе это не оружие.

– Ладно, – медленно проговорил я. – Примерно так же ответила Сидра, когда я спросил насчет машины, которую видел на борту «Косы».

– Хорошо, что ты ее видел, – сказала леди Арэх. – По крайней мере, не придется убеждать тебя, что нечто подобное может

существовать. Буду, однако, исходить из предположения, что кое-чего о нем ты не знаешь.

– Верное предположение.

Она глубоко вздохнула:

– Много лет назад мы пытались одолеть ингибиторов с помощью гипометрического оружия – средства, позволяющего производить определенные операции над локальной структурой пространства-времени. Используя это средство, мы могли проникнуть внутрь корабля, не нарушив ни единого атома в его структуре – создавая своего рода тоннель в обход реальности. Или, напротив, могли разнести на атомы корабль поменьше или ракету.

– Кажется, до меня доходили слухи. Пока мы летели к Михаилу, «Салмакида» принимала разные передачи, и часть из них намекала на невероятное оружие, якобы похищенное из будущего.

– Лучше бы никаких слухов вообще не было. Надежда на гипометрическое оружие оказалась ложной. Оно помогло нам пережить несколько столкновений, но у нас его было слишком мало, и мы не умели им управлять достаточно эффективно, чтобы добиться решающего перевеса. В конце концов мы добавили его к списку наших неудач – загадочных игрушек, которым следовало оставаться в своем сундуке.

– И теперь хочешь попытаться еще раз?

– Нет, от этого точно так же не будет проку, к тому же волки кое-чему научились после наших ограниченных успехов и разработали стратегию противодействия. Но мы не исчерпали всех возможностей гипометрической технологии. Если плоды первых усилий были своего рода атомными бомбами, орудиями тупого разрушения, то теперь они станут орудиями созидания. По аналогии – своего рода атомными микроскопами.

Я вспомнил наши неловкие попытки ремонтировать и обслуживать миниатюрные системы в импровизированных лабораториях Солнечного Дола.

– Атомный микроскоп позволяет манипулировать материей в масштабах атомов.

– И продолжая эту же мысль, гипометрический манипулятор – та машина, которую ты можешь видеть в инженерных файлах Сидры, – будет с аналогичной точностью оперировать пространством-временем. Созданная на основе набора инженерных программ – если можно так назвать, образцов, – она станет технологией-прототипом, промежуточным шагом кое к чему иному, полностью для нас непостижимому.

– К чему?

Леди Арэх понизила голос до благоговейного шепота, будто намереваясь произнести некую ересь или даже богохульство:

– К инкантору.

Глава 19

У меня закружилась голова к тому времени, когда я нашел Пинки, о чем-то тихо совещавшегося с Розой-или-Нет. Мы все трое были в экзоскелетах, но даже под их защитой двигались медленно и осторожно. Экзоскелет помогал от перегрузки на «Косе», а не от излишней небрежности.

Баррас и остальные эвакуированные оставались втиснутыми в пол, будто утонувшие в зыбучем песке куклы. Вокруг них суетились шарообразные роботы, помогая тем, кто нуждался в особом уходе. Большинство беженцев могли обойтись собственными силами, но почти каждому десятому требовалась медицинская поддержка, которую мог предоставить корабль. Кислородные маски на лицах походили на перевернутые цветы; «стебли» росли из пола рядом с головами. К некоторым маскам были подсоединены трубки с питательным или обезболивающим раствором.

Немало проблем доставляли сломанные конечности, треснувшие ребра и черепа, открытые раны и старые, плохо зажившие повреждения.

– Многое удалось сделать? – спросил я у Розы-или-Нет.

– Немного, да, – печально ответила она. – Пока корабль не понял, чем я занимаюсь, и не решил, что может справиться гораздо лучше, да и да.

– Думаю, он со всем способен справиться лучше нас, если понимает, чего мы хотим. Вроде верного пса, которому хочется порадовать хозяина, но он не всегда знает как. И мне неизвестно, в какой степени им сейчас управляет Сидра. – Я помедлил, глядя на свина. – Пинки…

– Можешь ничего не говорить, Вонючка.

– Но все равно хочу сказать. Мне очень жаль. Был бы рад, если бы все случилось иначе. – Я посмотрел на Барраса и остальных. – Ты им уже сообщил?

– Решил сначала узнать, что планируют самые умные. – Он упер руки в бока. – Так что?

– Мы все в одной лодке, Пинки.

– Нисколько не сомневаюсь.

– Я серьезно. И если, говоря про самых умных, ты считаешь, будто ваша судьба зависит в том числе и от меня, то сильно ошибаешься. У Сидры и леди Арэх имеются насчет меня планы, и

вы тоже часть этих планов. Тебе говорили про машину, которую создает Сидра внутри этого корабля?

Он настороженно взглянул на меня:

– Что тебе известно?

– Достаточно, чтобы слегка испугаться.

Чуть подумав над моим ответом, он кивнул:

– Если бы ты видел ее в действии, понял бы почему.

– Леди Арэх говорит, это нечто новое, превосходящее то, что они применяли раньше. С помощью этой технологии они собираются создать новое оружие.

– Хорошо, когда есть какой-то план.

Он уже собрался уйти, но я остановил его, коснувшись плеча:

– Для машины нужен образец. Если бы он у нас имелся, наверное, леди Арэх сказала бы мне.

– А она сказала?

– Сам знаешь, что нет. Но она уж точно не могла не посвятить в свой план самого преданного друга. Так что рассказывай.

Пинки впился в меня взглядом, и на мгновение показалось, будто всю накопившуюся в нем злость он решил потратить на меня одного.

– Что рассказывать?

– Она хочет, чтобы я встретился с Невилом Клавэйном. Это как-то связано с местонахождением планеты, на которой, как я понимаю, скрывается нечто, необходимое леди Арэх для создания оружия. И еще я думаю, что гидеоновы камни, за которые мы заплатили столь дорогую цену…

– Не говори мне о цене, когда сам ничего не потерял, – прорычал он.

– Трудно что-то потерять, когда ты человек без прошлого. Человек, которому все время лгут.

– С чего ты взял, будто стоишь того, чтобы тебе лгали?

– С того, что тут кое-что не сходится, и ты сам это знаешь, – спокойно ответил я, взывая к его здравомыслию. – Я откуда-то знаю твое настоящее имя. Я назвал тебя Скорпом.

– Видимо, случайно услышал от кого-то.

– Сомневаюсь – как усомнился и ты, когда впервые меня на этом подловил. Никто в твоем окружении не глуп настолько, чтобы касаться столь больного места.

Он что-то проворчал, отчасти соглашаясь, хоть это и было мучительно.

– Так какова твоя грандиозная теория, Вонючка?

– Моя теория такова, что узнать это я мог только от Невила Клавэйна – того самого, с кем мне еще предстоит пообщаться. Но какая-то его частица уже сидела внутри меня, хотя я этого даже

не осознавал.

– Вы же были братьями. Вроде бы.

– Но последний раз говорили друг с другом в разгар войны, полтысячелетия назад. Невил тогда не мог тебя знать. – Я медленно покачал головой. – Не сходится. Каким бы образом знание ни попало из его головы в мою, это случилось намного позже. Но в течение пяти веков мы ни разу не встречались, – уверенно добавил я, желая сохранить здравый рассудок. – Не встречались, – повторил я, а затем умоляюще спросил: – Или все-таки было?

– Думаешь, если бы вы встречались, мне бы об этом сообщили?

– Мне кажется, ты знаешь больше, чем готов мне открыть. Может, даже больше, чем готов открыть самому себе.

– Тебе попался не тот свин, – буркнул Пинки.

– Похоже на то, – ответил я, отходя от него. – Будь ты на самом деле другом Невила Клавэйна, тебе хватило бы приличия рассказать правду его брату.

– Только не… – начал он.

Оставив запутавшегося в противоречиях Пинки кипеть от злости, я присел рядом с Баррасом и объяснил ему, в каком затруднительном положении мы оказались и что собираемся делать. Именно с ним я ощущал самую непосредственную связь, веря, что он сумеет запомнить все подробности. Но посвящать в ситуацию одного лишь Барраса не имело никакого смысла, а он в данный момент не мог распространить информацию среди остальных, так что сразу после нашего разговора я двинулся вдоль рядов вдавленных в пол тел, пытаясь как можно честнее обо всем рассказать.

– Цитадели леди Арэх больше нет. Все, кто выжил, находятся на борту этого корабля: Пинки, Роза-или-Нет и сама леди Арэх. Сидра, которая вас спасла, сейчас лечится в лазарете. Снежинка и остальные оказали нам огромную услугу: пока они сопротивлялись, мы совершили рывок в межзвездное пространство, и враг этого не заметил. Омори помогает нам сейчас: летит на своем шаттле и отвлекает волков. Нам нужно извлечь максимум пользы из их отваги и самоотверженности. Но боюсь, это означает, что двигатели будут работать на пределе мощности еще много часов.

– Сколько? – спросила одна из свиней, глядя на меня из своего углубления. – Мы не можем пошевелиться, не можем поговорить друг с другом…

– Через тринадцать часов мы, возможно, поймем, насколько велика опасность. Еще через полсуток или сутки, вероятно,

сможем передохнуть.

– Выпусти нас, – сказал кто-то еще. – Я вполне способен вытерпеть. Смогу ходить, как ты, даже без этого каркаса.

– Не сомневаюсь, – ответил я. – Но только кораблю решать, когда все закончится.

– Получается, мы все еще пленники, – жалобно проговорила третья свинья.

– Но вы живы, – возразил я. – И у вас есть будущее. Которого у вас не было в Городе Бездны.

– Вам придется с ним согласиться, – заявила Роза-или-Нет, услышавшая наш разговор. – Он верно говорит, да и да. И мы о вас позаботимся, чего бы это ни стоило, воистину да.

– Куда мы летим? – резко спросил кто-то.

– На планету Арарат, – ответил я. – Она примерно в двадцати двух световых годах отсюда. Или в двадцати трех годах полетного времени.

– Зачем нам туда? – сурово осведомился другой.

– Хороший вопрос, будь я проклят, – угрюмо пробурчал Пинки.

– Леди Арэх хочет доставить туда меня. Это планета жонглеров образами.

– Каких еще жонглеров? – переспросил чей-то голос.

Я попытался собрать воедино все известные мне факты.

– Это форма инопланетной жизни, рассеянная в живом океане. Хранящая информацию биомасса, в каком-то смысле разумная, но не в привычном для нас понимании. В основном безобидная, а иногда готовая сотрудничать. Нечто вроде живого архива, способного манипулировать глубинными структурами нашего разума – временно или необратимо перепрошивать наши мозги, заполняя их новыми воспоминаниями, восприятием реальности и так далее.

– Водяная планета? – спросил кто-то.

– Да, – ответил я. – И не одна. Жонглеров можно встретить на нескольких планетах, но все они схожи между собой.

– Вода и свиньи не очень-то совместимы, – прозвучал тот же голос.

– По словам леди Арэх, там есть и суша, где мы сможем высадиться и разбить нечто вроде лагеря. К тому же будем не первыми – Пинки уже жил на Арарате, он может подтвердить, что это вовсе не водяной ад.

– Помолчи, Вонючка! – выкрикнул Пинки. – Мне совсем не хочется туда возвращаться.

– А нам совсем не хочется лишить всех этих свиней последней надежды, – процедил я сквозь зубы.

– Сперва, однако, нужно туда добраться, – сказал Баррас, и я порадовался, что он, по крайней мере, не возражает против места назначения. – И как я понимаю, никто этого не гарантирует?

– Что-нибудь придумаем, – с напускной уверенностью ответил я. – Кораблю придется постараться, чтобы мы остались живы после рейса, но все не так плохо, как может показаться. Когда скорость «Косы» приблизится к скорости света, на что потребуется меньше трех месяцев непрерывного ускорения, время для нас замедлится. Пройдет около десяти лет – долго, конечно, но всяко меньше, чем двадцать три. Надеюсь, корабль сумеет погрузить всех нас в анабиоз. Для этого ему понадобится больше ста криокапсул.

– Я слышала, свиньи не очень хорошо переносят пребывание в этих капсулах, – произнесла одна из свиней, возможно знавшая несколько больше других.

– Не стану спорить, – медленно кивнул я. – Ничего хорошего в этом нет, но выбирать не приходится. Умники, которые веками совершенствовали технологию криосна, как-то не подумали про гиперсвиней. Но мы знаем, что криосон для вас вполне возможен. Пинки тому доказательство, а леди Арэх сказала, что они научились применять средства, эффективные для любого из вас.

– Эти капсулы… где-то на борту?

Именно этого вопроса мне хотелось пока избежать.

– Если нет, корабль вполне способен их изготовить. А если не сможет или не поймет, что нам нужно, – что ж, придется эти десять лет помучиться.

– Ты серьезно, Вонючка? – проворчал Пинки.

– Более чем, – ответил я, с трудом сдерживая злость. – Можешь мне поверить.

– Думаю, он говорит серьезно, – доверительно сообщила Роза-или-Нет своему другу, но достаточно громко, чтобы я услышал. – Воистину да. И тебе тоже пора начать ему верить.

Йеллоустон не превосходил величиной мой кулак. Он все еще был обращен к нам дневной стороной, рассеченной надвое Ржавым Поясом, но я знал, что вскоре планета вместе со своими ближними и дальними поселениями сможет уместиться в моей горсти. В межпланетном, а тем более в межзвездном масштабе такое расстояние ничего не значило, но во мне постепенно росла надежда, что нам все же удастся сбежать незамеченными. Самый яркий из пожаров начал угасать, гирлянда вновь превращалась в цепочку темных остовов. Но мы все еще могли следить за Омори, которому пока удавалось опережать волчий поток.

– У него в любой момент может закончиться топливо, –

сказала леди Арэх. – И тогда его быстро настигнут. Для них он сущая мелочь – кораблик, на котором вряд ли может быть больше десятка людей и который даже не в состоянии покинуть систему. И они прекрасно это понимают.

– Им будет даже толком не развлечься, – сказал сидевший рядом с ней Пинки.

Леди Арэх печально покачала головой:

– Омори вовсе незачем было так поступать.

– Но ты в любом случае не смогла бы ему помешать. По крайней мере, теперь у нас есть отвлекающий фактор. – Я кивнул на дисплеи вокруг кресла леди Арэх, конфигурация которых заметно изменилась с прошлого раза. – Похоже, ты делаешь успехи в управлении кораблем. Как думаешь, удастся заставить его воспринимать прямые команды, или придется и дальше сообщать, чего мы хотим, а он будет интерпретировать наши желания, как ему заблагорассудится?

– Кое-что удается. Я благодарна ему уже за то, что он вообще готов нас куда-то доставить.

– Я тоже. Но Баррас и остальные не могут оставаться в противоперегрузочных лежках до конца пути.

– Что предлагаешь?

– Как только минует опасность, уменьшим ускорение. Даже если это продлится всего лишь день, у Розы-или-Нет появится возможность оценить состояние беженцев, а сами они смогут почувствовать себя не просто бесполезным балластом.

Леди Арэх резко взглянула на меня:

– Они в самом деле считают себя бесполезными?

– Думаю, у них на это есть все основания.

– Нам нужно выжить, Клавэйн. – В ее голосе появились жесткие нотки, явно с расчетом убедить меня. – Я им от души сочувствую, но, если нас догонят волки, вряд ли кого-то будут волновать несколько переломов.

– В чем-то Вонючка прав. Их доставила на борт Сидра, и с этого момента мы за них отвечаем.

– Я вовсе этого не отрицаю, но… Погоди минуту, Пинки.

– Что такое? – спросил я.

– Точно не знаю. Знаю только то, чего бы мне не хотелось.

– Может, не будем говорить загадками, твоя светлость? – проворчал Пинки.

Леди Арэх увеличила изображение Йеллоустона, так что теперь казалось, будто мы все еще находимся в его гравитационном поле.

– Я отслеживаю изменения, и они меня беспокоят. У этой области планеты снизилось альбедо.

Я понял, что она имеет в виду, но оставалось неясным, что это означает для нас.

– Снизилось альбедо – в смысле, стало меньше отраженного света?

– Или меньше света до нас доходит. Что-то заслоняет от нас Йеллоустон. Если бы это был одиночный сплошной объект, мы бы его увидели. Но отсюда не видно ничего – датчики отмечают лишь уменьшение отраженного света от круглой области размером примерно в треть диаметра планеты. Как тусклый серый отпечаток пальца на фотографии.

Леди Арэх что-то подрегулировала на консоли, и на диске Йеллоустона возникло новое искажение, кроме рассекавшего его Ржавого Пояса. Они были непосредственно связаны друг с другом, но их природа была различна.

– Волчий поток, – сказал я.

– И он направлен прямо на нас, так что мы смотрим вдоль него сверху вниз, а не видим сбоку, как другие. Он растет уже несколько минут, расширяясь и снижая альбедо.

– Значит, они все-таки нас нашли. Отвлекающие приемы помогли, но не настолько, чтобы мы успели улизнуть. – Я слышал собственные слова будто со стороны, удивляясь их холодной отстраненности. – Можешь оценить расстояние, придумать какой-нибудь выход?

Леди Арэх беспомощно пожала плечами:

– Они могут быть в ста тысячах километров позади нас, а могут и в десяти тысячах. Если изменим курс, пятно со сниженным альбедо сместится и даст нам представление о расстоянии до потока и его протяженности. Но это никак не поможет нам лететь быстрее, а наш маневр лишь подтвердит, что мы их цель.

– Похоже, насчет нас они уже все решили, – сказал Пинки.

– Вряд ли этот поток действует столь согласованно, – возразила леди Арэх. – Это своего рода разведгруппа, небольшая по сравнению со стаей, собравшейся вокруг Йеллоустона. У меня такое подозрение, что волки не считают наш корабль достойным того, чтобы бросать против него все ресурсы.

– В таком случае, проявим хладнокровие, – сказал я. – Продолжим убегать, не меняя ни курса, ни ускорения. И будем надеяться, что этот поток потеряет к нам интерес.

Леди Арэх взглянула на дисплей, потом снова на меня:

– Вряд ли нужно сообщать об этом Баррасу и остальным. Сделать они все равно ничего не могут, так зачем добавлять им лишних тревог?

– Нужно завоевать их доверие, – возразил я. – Думаю, лучше

всего вести себя с ними так же честно и открыто, как друг с другом.

– Сомневаюсь, что они тебя поблагодарят, – сказала леди Арэх.

– Вряд ли поблагодарят, – согласился Пинки. – Но я согласен с ним. Если станем делиться с беженцами только хорошими новостями, они никогда не поймут, стоит ли нам верить.

Леди Арэх была права, но только отчасти. Беженцы отреагировали на известие о том, в каком положении мы оказались, по-разному: кто-то злился, что я добавил ему лишних тревог в полностью не зависящей от него ситуации, кто-то поворчал, но отнесся к услышанному стоически, кто-то воспринял новость с веселой обреченностью, кто-то искренне благодарил за то, что я не скрыл правду. В основном же мнения сводились к тому, что лучше знать о происходящем, чем оставаться в неведении.

– Не стану отрицать, у нас проблемы, – объяснял я, продвигаясь между углублениями в полу и чувствуя, как отдается болью каждый шаг, несмотря на экзоскелет. – Но если у кого-то и есть шанс сбежать от волков, то именно у нашего корабля. Вероятно, они что-то почуяли – какое-то наше взаимодействие с обломками вокруг Йеллоустона или возмущения магнитосферы. Но они не уверены, что это не просто какой-то призрачный сигнал. Вот почему против нас послали относительно небольшое число элементов. Это разведывательная экспедиция, а не целенаправленная атака. А наш друг Омори пытается увести их подальше…

Мою проповедь прервал крик леди Арэх, сообщившей мне и моим слушателям, что шаттл взорвался. Омори использовал имевшиеся на шаттле боеприпасы или последние капли топлива, чтобы лишить волков свежего источника материала для их трансформаций.

– Мы с Пинки рисковали жизнью, чтобы добыть гидеоновы камни, но оба надеялись вернуться живыми. Омори в точности знал, когда улетал на шаттле, что для него не будет пути назад, не будет шанса выжить. Но он хотел, чтобы мы получили преимущество, пусть даже совсем крошечное. И ему это удалось.

– Хороший человек, да и да, – подтвердила Роза-или-Нет.

Кто-то спросил, не поздно ли вернуться в Свинарник.

– Свинарник превратился в груду обломков на дне Бездны, – ответил я. – Но у вас есть право подать жалобу. Возможно, когда мы куда-нибудь причалим, вам хватит везения или глупости, чтобы сесть на корабль, который полетит обратно. – Вряд ли вопрос был задан всерьез, но я крайне остро осознавал, на какие

жертвы пришлось пойти другим ради нас. – Еще ничего не закончено, впереди множество проблем и тревог. Но к вам я отношусь со всем уважением и считаю, что вам следует знать не только хорошее, но и самое худшее.

– Ты правильно сделал, что рассказал, – прошептал Баррас, когда я проходил мимо него. – И со временем они поймут. Ты знал этого человека, Омори?

Возникла было мысль солгать, чтобы боль потери выглядела более личной и оттого более благородной.

– Хотелось бы сказать, что да. Но несколько недель назад мы даже не были знакомы.

– Не важно, как он поступил, и не важно, спас он нас или нет, но, думаю, мы согласимся с тем, что он позволил нам выиграть время.

– Да, пожалуй.

– Лучше быть живым, чем мертвым. Даже считаные часы, а главное – в обществе друзей.

Йеллоустон превратился в почти полностью почерневшую монету. Долгие секунды я смотрел на его изображение, не желая делать неизбежных выводов.

– Поток стал плотнее, – сказал я. – Прибывают все новые элементы.

– Вне всякого сомнения, – кивнула леди Арэх. – По консервативной оценке – их там около миллиона.

– С небольшими количествами «Коса» вполне способна справиться. Сидра даже принесла одного волка на корабль, я своими глазами видел, как она его уничтожила.

– Но от миллиона нам точно не отбиться. Скажем так: сложнее в десять тысяч раз.

– Изменение в потоке произошло после гибели Омори?

– Нет, оно началось раньше, – ответил Пинки. – Но теперь они могут бросить против нас больше сил.

Закрыв глаза, я глубоко вздохнул. Боль в ноге давала о себе знать, пока я возвращался от беженцев, но теперь она уменьшилась до легкого жжения, почти не беспокоя.

– Похоже, они решили, что мы нечто большее, чем некий призрачный сигнал.

– Возможно. Или предпочитают не рисковать, после того как нейтрализовали два других отвлекающих фактора.

– Корабль может ускориться.

– Но ценой маскировки, – возразила леди Арэх. – При большем ускорении темноприводы начнут выбрасывать видимые побочные продукты, а криоарифметическим устройствам

придется бороться с тепловым рассеянием. Мы попросту начнем светиться.

– Но если мы уже освещены…

– Мы этого не знаем.

– Как бы быстро мы ни пытались бежать, это не поможет, – сказал Пинки. – Мы видели тщетность любых попыток, когда пролетали мимо этой системы по пути к Хеле. Корабли удирали, и некоторым волки позволяли улететь чуть подальше. Но все заканчивалось одинаково.

– Разрешаю слегка увеличить мощность наших двигателей, – объявила леди Арэх. – Есть… средства, способные смягчить чрезмерную реакцию, хоть и ненадолго. А если мы сместим криоарифметическое охлаждение к корме, позволив носу нагреться, для волков наш зад останется холодным.

– А если впереди тоже волки? – спросил я.

– Тогда останется только молиться. Очень недолго, – сказал Пинки.

– Как считаешь, Клавэйн, – деловито поинтересовалась леди Арэх, – смогут свиньи выдержать повышенную перегрузку еще несколько часов?

– Только если стоит вопрос о нашем выживании. Роза-или-Нет говорит, что некоторые едва держатся из-за ран. Они могут не вынести.

– Для меня важнее общий результат.

– Что ж, тогда пойдем на компромисс, – сказал Пинки. – Прибавь еще одно *g*, а я сообщу им, что это временно.

– Сам к ним пойдешь? – спросил я.

Он уже направился к выходу.

– Не могу же я допустить, чтобы они решили, будто на этом корабле тактичным и понимающим способен быть только человек?

Средства, которые требовалось применить к темноприводам и криоарифметическим системам, леди Арэх не могла привести в действие мгновенно, даже если бы корабль полностью ей подчинялся. Сперва ей нужно было сформулировать свои желания посредством ограниченного набора протоколов, которые корабль готов был слушать, а затем действовать шаг за шагом, проверяя каждое изменение, прежде чем перейти к следующему. Это была крайне деликатная и необычная работа – любое вмешательство в реакцию, шедшую внутри привода сочленителей, особенно темнопривода, могло немедленно повлечь катастрофу. Но насколько я понял, леди Арэх владела неким тайным знанием сочленителей, и этот ее дар, как мне теперь стало ясно, был

невероятно велик.

– Начнем через десять минут, – объявила она, завершив все, что было ей под силу. – Пинки как раз успеет вернуться.

– Мне очень жаль, что вам обоим пришлось столько сегодня пережить.

– Но у тебя, похоже, подозрение, что сильнее это ударило по нему.

– Я не прав?

– Пинки подобен снаряду, выстреленному в будущее. Который летит, кувыркаясь и разваливаясь на части. Ему бы не спешить… даже вообще остановиться. Но он продолжает идти вперед, получая шрамы на шкуре. Порой мне кажется, что ему не позволяет умереть боль. Смерть Снежинки и потеря цитадели не убьют его, Клавэйн. Он будет страдать, у него добавится шрамов… но он все вынесет.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю от силы десятую часть того, что уже довелось пережить Пинки. И этого более чем достаточно.

– Хотелось бы надеяться… – Я покачал головой, улыбнувшись своей самоуверенности. – Не важно.

– На что?

– На то, что однажды он перестанет считать меня самым презренным существом из всех, кого когда-либо встречал. Может, все же удастся заслужить хотя бы один процент его уважения.

– Думаю, ты ближе к этому, чем тебе кажется. Не спеши. Его дружбу нелегко завоевать, но стоит этому случиться, и никакая сила во Вселенной не сможет ее разрушить. Клавэйн, если ты… – Она вдруг замолчала, вновь уставившись на дисплеи с изображением Йеллоустона.

– Что такое?

– Похоже, что-то происходит. Пятно удлиняется.

Я нахмурился, не в силах проделать в уме необходимые трехмерные преобразования, чтобы осмыслить меняющиеся данные.

– Нас берут в клещи?

– Пока слишком рано судить. Да, возможно, поток разветвляется, чтобы зажать нас с двух сторон… – Леди Арэх внезапно замерла, ее взгляд стал сосредоточенным, как у хищника, готового прыгнуть из засады на добычу. – Нет… Не может быть. По крайней мере, я в это не верю. Пятно удлиняется из-за того, что поток отклоняется в сторону. Он больше не направлен точно на нас, и мы начинаем видеть вдоль него… – Она отвела от дисплея взгляд, в котором вдруг появилась мольба. – Хочется в это поверить, Клавэйн, но я боюсь. Они

готовы были на нас наброситься, а теперь отступают?

– Волки ведь не сдаются просто так?

– Во всяком случае, я таких ситуаций не знаю. Если только это не тактический прием, которого я прежде не видела…

Неожиданно в рубке управления раздался голос Сидры:

– Ничего нового.

– Ты вернулась, – с удивлением и облегчением проговорил я.

– Осторожнее, Клавэйн; такое впечатление, что ты рад меня слышать.

– Ты в самом деле вернулась?

– Пока лишь на время, друзья мои. «Коса» пробудила мое сознание до минимального уровня по единственной причине – чтобы проанализировать чрезвычайную ситуацию, не совпадающую ни с одним из имеющихся в корабельном архиве сценариев, и дать соответствующие указания.

– И как ты ее оцениваешь, Клепсидра?

– Поток действительно отклоняется, леди Арэх. Волки выбрали другую цель.

Леди Арэх вновь просмотрела показания приборов «Косы», подстраивая пороги и фильтры.

– Теперь вижу, – сказала она. – Клепсидра права. Поток переключился на что-то другое. Глупо, что я не заметила этого раньше.

– Чего не заметила?

– Радиочастотного излучения, Клавэйн. Очень мощного и узконаправленного. Какая-то передача, стопроцентный признак человеческого разума… – Она довольно улыбнулась. – Приманка для волков. Мы ведь любим приманки для волков, Клепсидра?

– Очень даже любим, леди Арэх, – особенно когда не являемся приманкой сами.

– «Коса» ловит простую передачу. Только звук. Воспроизвести?

– Пожалуй, стоит, – ответила Сидра. – Очень даже стоит.

Послышались поющие голоса:

Чье это откровение? Иоанна Богослова.
Чье это откровение? Иоанна Богослова.
Семи печатей книга Иоанна Богослова.

– Он предвидел, что могут возникнуть сложности, – сказала Сидра. – Предвидел и решил, что тебе не помешает отвлекающее средство посущественнее.

Леди Арэх показала на один из дисплеев:

– Это выбросы темнопривода, более горячие и шумные, чем

наши. Легко обнаруживаются в радиусе нескольких световых минут. В этой системе есть только один корабль, способный тратить столько энергии.

– Он прилетел с границы системы, – ошеломленно проговорил я. – Вряд ли ждал, когда у нас начнутся неприятности; принял решение уже давно – возможно, сразу же, как только мы его покинули.

– Он расположился в замыкающей точке Лагранжа позади Глаза Марко, где обычно собирались корабли во время торговых остановок, – сказала леди Арэх. – Там наверняка уже наблюдается повышенная активность волков. Они растащат на части все останки кораблей, переживших первую волну истребления. Это приманка, провокация.

– Которая, судя по поведению потока, работает, – заметила Сидра.

Леди Арэх вернулась к изображениям Йеллоустона:

– Волки оставляют нас в покое. Не стану утверждать, что все составляющие потока отказались от погони, но если какие-то и остались, то лишь небольшой процент.

– Иоанн Богослов сумеет сбежать? – спросил я.

– Нет, – с усталой обреченностью ответила леди Арэх. – На это никакой надежды. Ты видел этот корабль, Клавэйн. Он в сорок раз больше «Косы», и он уже был стар и разбит, когда добрался до этой системы. Иоанну Богослову его судьба известна не хуже, чем нам.

– Он становится видимым, – сказала Сидра. – Его темноприводы разогнались, выйдя далеко за пределы безопасного режима. Сияют, как звезды.

– Он не хочет дать волкам ни малейшего повода повернуть назад, – еле слышно прошептал я. – Наверняка уверен, что нам известно о его действиях и мы извлечем из них максимум пользы. Что нам и следует делать. – Я прокричал, обращаясь к находившимся внизу Пинки и Розе-или-Нет: – Это Клавэйн. У нас появилась возможность избавиться от волков и благополучно уйти в межзвездное пространство. Но для этого придется приложить все усилия. Перегрузка возрастет, и самым слабым придется нелегко. Как только мы запустим двигатели на полную мощность, вы не сможете передвигаться или оказывать помощь раненым.

– Предполагается это как-то обсудить? – спросил Пинки.

– Нет. Я просто подумал, что вам следует подготовиться.

Он помедлил, прежде чем ответить:

– Ты говоришь совсем как старик.

Мы разогнались до четырех *g*. При такой перегрузке непросто было не то что двигаться, но даже разговаривать и думать. При каждом вздохе мне казалось, будто на ребра навалена груда книг. Так что нам оставалось лишь лежать и наблюдать.

Иоанн Богослов теперь стал самым ярким источником энергии во всей системе, за исключением Эпсилона Эридана. Выбросы его двигателей походили на два расположенных рядом маяка, два миниатюрных солнца, то вспыхивавших, то угасавших. Но их уже начала заслонять пепельная вуаль волчьих машин. Вокруг корабля собирался не только рой, прежде считавший добычей нас, – к нему устремилось из окрестностей Йеллоустона вдесятеро больше. Казалось, все разрушения, которым мы сегодня стали свидетелями, лишь прелюдия к величайшей из катастроф.

Я допускал, что в конечном счете жертва Иоанна Богослова никак не отразится на наших шансах. Но хотелось верить, что с расстояния в несколько световых минут – не столь уж большого расстояния – какая-то его часть следит за нашими передвижениями, ловит отголоски экзотического излучения увеличившихся выбросов нашего темнопривода или видит тепло, исходящее от более не защищенных криоарифметическими экранами частей корпуса. Его угол зрения отличается от угла, под которым ранее двигался преследовавший нас волчий поток, так что, возможно, он знает, что мы реагируем на его действия. Оставалось лишь надеяться, что другие потоки не придерживаются иного мнения на наш счет или настолько увлечены новой добычей, что попросту нас не замечают.

Это была лишь гипотеза, которую невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, но я верил, что в историю войдет еще одно благородное деяние. Что вопреки длинному списку сомнительных поступков, из которых состояла его долгая и странная жизнь, возможно, самая долгая и странная из всех жизней, Иоанн Богослов, автор книги семи печатей, получит наконец отпущение грехов, пусть даже в последние сладостные мгновения его существования в этом мире.

– Насколько я его знаю, – сказала леди Арэх, – он наверняка попытается забрать с собой как можно больше врагов.

О том, что должно случиться, мы узнали заранее, но совсем незадолго. Две летящие рядом звезды разделились – Иоанн отбросил двигатели, как старинные химические ускорители, отделявшиеся от основной части ракеты. На некотором отдалении – по словам леди Арэх, в считаных километрах – двигатели взорвались. Нам не требовалось ни увеличения, ни улучшения картинки, чтобы понять результат: если бы у «Косы» имелись настоящие иллюминаторы, мы бы увидели вспышку

собственными глазами; пожалуй, пришлось бы зажмуриться, чтобы избежать временной слепоты. Взрыв был необычайно мощным: казалось, будто огонь вырвался из пространства между двигателями. Он поглотил и их, и все до единого атомы корабля, и, возможно, сколько-то волчьих элементов.

А пока этого не случилось, хор продолжал петь:

Чье это откровение? Иоанна Богослова.
Чье это откровение? Иоанна Богослова.
Семи печатей книга…

Иоанна Богослова не стало.

А мы продолжали спасаться бегством.

Глава 20

Через час мы снизили ускорение с четырех *g* до трех, а еще через шесть договорились сбросить его до обычной силы тяжести на время, которое требовалось для ухода за беженцами и решения худших проблем с их здоровьем. Мы с Пинки и Розой-или-Нет спустились к ним, пока леди Арэх следила за кораблем и его окрестностями. Наши нервы все еще были напряжены до предела.

Мы тешили себя надеждой, что удалось ускользнуть от волков. Возможно, так оно и было, но убедиться в этом мы могли лишь по прошествии многих недель. У меня вдруг возникло знакомое со времен «Салмакиды» ощущение – именно тогда я понял, что человек не в состоянии испытывать тревогу бесконечно. Ближайшие недели казались столь же несущественными, как и последующий миллион лет. Имело значение лишь то, что в течение часа мне не нужно думать о смерти.

Беженцы все еще пребывали в своих углублениях. Никто не кричал, а стоны и брюзжание странным образом успокаивали.

Баррас взглянул на меня из своего кокона, имевшего форму его тела.

– Расскажи нам, что происходит, – попросил он.

Я посмотрел на Пинки, подумав, что это ему следует обратиться к свиньям, но он лишь кивнул и пошел дальше по проходу, высматривая вместе с Розой-или-Нет тех, кто нуждался в экстренной помощи.

– Мы полагаем, что волки утратили к нам интерес.

– Полагаете?

– Редко можно быть в чем-то уверенным, – улыбнулся я. – Но

все говорит о том, что поток погнался за другой добычей.

– Когда мы точно будем знать, что опасность миновала?

– Может, никогда. Но если сегодня мы умрем, то не из-за волков.

– Ты что, таким образом пытаешься поднять наш моральный дух? – усмехнулся Баррас, но встретил мой взгляд и кивнул. – Ты вытащил нас из Свинарника, Клавэйн. Что бы ни случилось по пути к водяной планете, я уже за одно это тебе благодарен.

Меня позвал Пинки, который склонился над беженцем, согнув колени и уперевшись в них руками.

– Что-то происходит, Вонючка. Пол выталкивает ее обратно.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Свинья взглянула на меня:

– Мира.

Мы с Пинки попытались ей помочь. Пол выравнивался, заполняя углубление.

– Ты ранена, Мира? – Я заметил сильно распухшее запястье и подумал, нет ли перелома.

– Есть те, кто пострадал куда сильнее. Но после того, как мы легли в эти ямы, болит уже не так сильно. Теперь в основном просто жжет.

– Все равно нужно осмотреть.

В помещение вплыли четыре шарообразных робота. Мы с Пинки настороженно наблюдали за ними, понимая, что эти машины напрямую нам не подчиняются. Они выполняли распоряжения корабля.

Роботы окружили Миру и протянули к ней конечности, намереваясь извлечь ее из углубления. Я отступил на шаг, понимая, что мешать им нет смысла. Пинки, оказавшийся чуть медлительнее – или чуть упрямее, – получил не слишком вежливый тычок в живот и едва не упал. Он размахивал руками, пока я не поймал его за локоть.

– Доктор лучше знает, что делать, – заметил я.

Пинки проворчал в ответ нечто, что могло бы сойти за спасибо.

Мира сопротивлялась роботам, как поступил бы любой на ее месте. Но у них было больше конечностей, чем она могла оттолкнуть руками и ногами, и им удалось достаточно деликатно ее одолеть. Свинью подняли в воздух, равномерно распределив между собой вес.

– Они хотят тебе помочь, – сказал я.

Мира перестала отбиваться и обмякла, – похоже, ей вкололи успокоительное. Роботы удалились, неся между собой безвольное тело.

– Ты точно знаешь, что они собираются с ней сделать? – прошептал Пинки.

– До сих пор корабль заботился обо всех. Если только он не спятил, следует исходить из предположения, что ее доставят в медицинский отсек, как было с Сидрой.

Постепенно прибывали все новые роботы. Казалось, пол в первую очередь выталкивает тех свиней, которые больше всего нуждаются в лечении, – корабль каким-то непостижимым образом их сортировал. Возможность решить вопрос со всеми сразу у него явно отсутствовала, так что свиней забирали лишь по одной или по две. К тому времени стало понятно, что само пребывание в углублениях обладает анестезирующим воздействием: большинство раненых сообщили об ослаблении боли. Но на большее устройства в полу не были способны, и дальнейшее лечение приходилось проводить где-то в другом месте.

– Этот корабль вовсе не сумасшедший, – сказал я так, чтобы слышал только Пинки. – В каком-то смысле он даже нормальнее Сидры.

– Ну, раз уж дошло до сравнений, Вонючка…

– От помощи он не откажется, – улыбнулся я. – Знаю.

Леди Арэх уговорила корабль снова впустить нас в медицинский отсек. Казалось, та встреча с Сидрой произошла намного раньше, чем день назад, – в ином, менее грешном периоде моей жизни. Тогда Снежинка, Омори и Иоанн Богослов были еще живы. Их смерть будто прочертила границу между тем, кем я себя считал, и тем, кем, как я знал в глубине души, был на самом деле.

Мы собрались возле занимавшего в помещении главное место резервуара, в котором я видел Сидру в последний раз. Возможно, она все еще пребывала там, но заглянуть в резервуар теперь было невозможно. Заполнявшая его среда помутнела и стала желто-зеленой, скрывая свои тайны, а медицинские устройства прекратили всю деятельность, которой занимались прежде.

– Ты там, Сидра? – спросила леди Арэх, приложив ладонь к стенке резервуара.

– Наверняка, – сказал я.

– С чего ты взял? – буркнула леди Арэх.

– Где же еще ей быть? Я видел ее в этом сосуде. И вокруг нее суетились машины.

– Проклятые девятилапы. Они никогда мне не нравились. – Леди Арэх убрала ладонь, оставив влажный отпечаток, испарившийся через несколько секунд. – Она нам нужна. Не только потому, что во многих аспектах этого корабля разбирается

лучше меня, но и из-за всего остального. У нее не меньше тактического и стратегического опыта, чем у меня. – Леди Арэх посмотрела мне в лицо. – И у тебя тоже его будет много – когда все вспомнишь.

– Сидра! – позвал я. – Если хоть какая-то частичка тебя жива и слышит меня, найди способ ответить!

– Ты что, теперь ей приказываешь? – спросила леди Арэх.

Пинки негромко откашлялся.

– По-моему, когда мы сюда пришли, этого не было.

В противоположной стене медицинского отсека открылась еще одна дверь, словно приглашая нас войти. Шагнув в находившееся за ней помещение, я невольно ахнул, ошеломленный тем, что на корабле имелось столь обширное пространство, прежде полностью от меня скрытое. Оно было в двадцать раз больше лазарета, и в нем вполне мог целиком поместиться корабль. Но по сути оно являлось лишь более просторным дополнением к медицинскому отсеку, заполненным многочисленными копиями одного и того же оборудования.

Мы перемещались от сосуда к сосуду, содержимое которых невозможно было ни с чем спутать, – в каждом угадывались очертания тел свиней, которые, судя по происходившим вокруг и внутри сосудов процессам, подвергались всевозможным хирургическим и терапевтическим процедурам.

– Спасибо, «Коса», – сказал я, не задумываясь о том, как могут отнестись к моим разговорам с кораблем остальные. – Мы поняли, что ты пытаешься им помочь. Продолжай в том же духе.

– Вылечить их – лишь половина задачи, – заметила леди Арэх. – Какой в этом смысл, если они не смогут потом выжить? Потребуется криосон, или система жизнеобеспечения, или…

– Надо думать, у корабля имеются необходимые средства, – ответил я. – Или очень скоро появятся.

Дальняя стена не была закреплена, она медленно сдвигалась назад, как цилиндр поршня, оставляя после себя некую структуру – мягкую и бесформенную, похожую на извлеченную из формы, не успевшую застыть отливку. Но она твердела у нас на глазах, обретая вид криокапсулы, точно такой же, как и те, которыми пользовались мы с Сидрой.

Отступающая стена завершила формирование капсулы, и из той же движущейся поверхности сразу начала прорастать новая.

– Похоже, нас поняли, – сказал Пинки.

Друзья и союзники – даже столь странный и переменчивый союзник, как Иоанн Богослов, – увели волков с нашего следа, но окончательно мы в это поверили, лишь оказавшись в месяце пути

от Йеллоустона. Леди Арэх, воспользовавшись всеми имевшимися в ее распоряжении пассивными датчиками, объявила, что ни впереди, ни позади нас нет никаких признаков врага, по крайней мере в радиусе нескольких световых минут. Естественно, утверждать это со всей определенностью было нельзя, но, поскольку на большее рассчитывать не приходилось, мы все с радостью восприняли ее слова. По опыту жизни в Солнечном Доле я знал, что под давлением обстоятельств человеческий разум готов цепляться за любую надежду.

Корабль продолжал день за днем лечить свиней и производить криокапсулы. Ни тот ни другой процесс невозможно было ускорить, но, как только появилось ощущение определенности, мы начали строить планы. Еда, вода и все прочее, необходимое для жизни, имелись в изобилии. Мы ни разу не видели, откуда все это берется, что, может, и к лучшему. Главное, что обслуживавшие нас роботы не знали усталости, и если какое-то блюдо отвергалось (свиньи были достаточно привередливы из-за своих гипертрофированных чувств запаха и вкуса), то тут же появлялась альтернатива. Уже в начале месяца машины – и, соответственно, «Коса» – пришли к полному взаимопониманию со своими гостями, постепенно приспосабливаясь к их потребностям. Словно из ничего возникли ванные с туалетами, а также мебель и прочие удобства, включая личные пространства для сна. Вместо лохмотьев свиньям было предложено нечто более приличное, и они рылись в грудах чистой разноцветной одежды, выбирая себе вещи подходящего размера и стиля. Поскольку корабль пока что держал ускорение в одно *g,* жизнь на нем можно было считать почти нормальной в том смысле, в каком ее понимали большинство свиней.

Один за другим к нам возвращались исцеленные, чему я был только рад, предпочитая иметь все доказательства их выздоровления, а не отправлять их прямо в новые капсулы. Другие свиньи видели, как улучшается самочувствие их друзей, и начинали верить, что эта жуткая, непредсказуемая автоматизированная среда в самом деле пытается им помочь. К тому времени свиньи поняли, что всем им предстоит отправиться в криосон, но это повлекло за собой новые тревоги. Свиней либо пугала сама перспектива оказаться замороженными, либо они осознавали конкретные опасности для свиного организма, связанные с анабиозом. Нам ничего не оставалось, как уверять их, что никаких причин для опасений нет.

Так или иначе, «Коса» явно рассчитывала, что все мы погрузимся в сон, после чего она сможет наращивать ускорение по своему желанию. Ей будет намного проще, если никому из нас

не потребуется в это время дышать или ходить.

Ключом ко всему оказался Баррас. Ему хватило ума сообразить: погружаясь в криосон, свиньи принимают на себя определенный риск, но этот риск имеет под собой чисто физические и биологические причины, ничего общего с безумными прихотями Свиной Королевы или хладнокровным хищничеством волков. То есть вполне можно справиться. Не все свиньи это понимают в полной мере, но несогласных, если их будет немного, в случае открытого неповиновения можно загнать в капсулы силой. Баррас, однако, был уверен, что большинство свиней сами поймут: криосон – это лучшее, на что они могут рассчитывать, а сомневающиеся рано или поздно с ними согласятся.

Мы предпочитали не вмешиваться. Если хотим, чтобы свиньи нам доверяли, нужно дать им возможность самостоятельно решать свои дела, тем более что у них имеется фактический лидер и некое подобие спонтанной демократии. Я в очередной раз повторил: если по какой-то причине криосон свиней не устроит, я останусь бодрствовать и проведу эту долгую вахту вместе с ними. Но одновременно дал ясно понять, что вряд ли чем-то смогу им при этом помочь.

В конце концов свиньи пришли к единогласному решению. Каким образом – меня не волновало; главное, что Баррас убедил их отправиться в криокапсулы. К тому времени уже были созданы все вместилища, они выстроились в ряд вдоль огромного помещения. Роботы больше в этом не участвовали, предоставив нам самим решать, в каком порядке заполнять модули и на какое время выставлять таймер для пробуждения.

Леди Арэх построила несколько моделей движения «Косы» при разных режимах работы двигателей. Мировое время нашего путешествия оставалось практически неизменным, но время по бортовым часам при различных сценариях могло отличаться почти на год – чересчур долго при слишком раннем пробуждении. Проблема, по словам леди Арэх, заключалась в том, что «Коса» может начать тщательный сбор разведданных, лишь находясь в нескольких световых месяцах от Арарата. При обнаружении волков или возникновении какой-либо иной угрозы ей, возможно, потребуется изменить скорость торможения и профиль приближения к планете. А значит, все подробности завершения нашего полета невозможно предсказать заранее, из чего следует, что мы не можем точно знать, на какое время нужно поставить таймер пробуждения.

– Свиньи вполне могут подождать, пока мы не убедимся, что нам есть куда садиться, – сказал Пинки. – Остальные выйдут из

анабиоза раньше.

– Насколько раньше? – спросила леди Арэх, когда лишь мы вчетвером остались возле ожидавших нас криокапсул.

Двумя уже пользовались мы с Сидрой, и одна из них вполне подходила для леди Арэх, а две новые были изготовлены для Пинки и Розы-или-Нет.

– На месяц. На полгода. Может, даже на год. Разнюхаем, что происходит в той системе, и уточним наши планы.

– Если эти планы потребуют большого ускорения, – сказал я, – может случиться так, что до самого конца полета бодрствовать мы не сможем.

Пинки взглянул на свою капсулу. Внешне она выглядела точно так же, как и остальные три, но внутреннее пространство было меньше – расчет на то, чтобы плотно облегать свинью.

– Тогда залезем обратно.

– И каждый раз будем играть в лотерею, сумеем ли выйти снова, – возразил я.

– Это уже мои заботы, а не твои.

Леди Арэх, однако, меня поддержала:

– Клавэйн тоже стар, Пинки – старше любого из нас. Клепсидра вылечила его от ряда болезней, но все равно криосон – дело рискованное. Не стоит несерьезно к этому относиться.

Пинки задрал рыло:

– Я что, похож на того, кто относится к этому несерьезно?

– Не против, если я выскажу свое мнение?

Мы все повернулись на голос. В дверях стояла Сидра, появившаяся бесшумно и без предупреждения. Она выглядела точно так же, как перед рейдом в Свинарник: уверенно стояла на ногах, полностью владея собой.

– Я только за, – сказала леди Арэх, протягивая руку, хотя они стояли далеко друг от друга. – Рада тебя видеть, Клепсидра. Мы уже начали беспокоиться из-за твоего долгого отсутствия.

– Так беспокоились, что ты уже собралась залезть в мою криокапсулу? – спросила Сидра.

– Вряд ли стоит обижаться, – сказал я. – Кто знал, – может, ты провела бы в том сосуде еще много месяцев. А корабль продемонстрировал, что способен наделать этих криокапсул сколько угодно.

– Ты совершенно прав, Клавэйн: никаких обид. – Сидра твердой поступью подошла к нам. Кажется, она слегка похудела и побледнела с тех пор, как я видел ее в последний раз, но точно сказать было сложно. – Я восстановилась, и вы можете ложиться в капсулы. Собственно, моя задача – проследить, чтобы вы все четверо погрузились в криосон.

– А ты? – подозрительно спросила леди Арэх.

– Я тоже, но в свое время, – ответила Сидра. – Есть ряд технических вопросов, которые мне хотелось бы решить, пока «Коса» в пути. Прежде всего я завершу работу над гипометрическим устройством, сущность которого ты достаточно хорошо объяснила Клавэйну. Наша остановка на Арарате обеспечит идеальную среду для ряда системных тестов с малыми затратами энергии, без риска, что нам помешают волки.

– А до этого? – поинтересовалась леди Арэх.

– Я собираюсь заняться кое-чем другим – испытать гидеоновы камни и интегрировать их в систему. Это достаточно тонкая работа, и с ней лучше не торопиться. Некоторое время я буду бодрствовать – может, несколько месяцев, в зависимости от того, как пойдет дело, – и проснусь раньше вас, чтобы закончить оставшееся.

– Я могу помочь, – сказала леди Арэх.

– Обязательно поможешь – если вдруг окажется, что я не успеваю.

– Когда ты начала возиться с этими камнями… была опасность разрушить корабль? – спросил я.

– Еще какая! – с энтузиазмом кивнула Сидра.

– В таком случае, чтобы сберечь нервы, я предпочту пребывать на том свете, пока ты с ними колдуешь.

Пинки явно принял решение – он уже забирался в капсулу. Встретившись с ним взглядом, я ободряюще кивнул и последовал его примеру.

Часть пятая
Фотосфера

Глава 21

Солнце все еще висело на высоте десять градусов над горизонтом, когда я добрался до руин маскианского лагеря. От него мало что осталось, и пыль уже скрывала его очертания, но сам этот объект был хорошо задокументирован и легко наносился на карту с орбиты, по каковой причине являлся лучшим из всех возможных мест нашей встречи. Я был рад, что десантные корабли не слишком отклонились от предполагаемой зоны посадки, – все другие укрытия были не столь удобными, как это, и не столь близкими к цели.

Лагерь представлял собой пятерку герметичных куполов – главный посередине и четыре поменьше вокруг, соединенные полукруглыми тоннелями. Купола давно обветшали и развалились, от них остались лишь фундаменты и загибающиеся кверху огрызки стен высотой метра полтора. Все мало-мальски пригодное – солнечные коллекторы, шлюзы, системы жизнеобеспечения – было давно разграблено. По Марсу были разбросаны сотни таких поселений, которые постепенно превращались в прах. Всем им было не больше ста лет, но я легко мог вообразить, будто пробираюсь среди увитых лианами стен тысячелетнего храма в джунглях.

С Марсом уже была связана долгая и малопонятная история амбиций, завоеваний и горьких, мучительных неудач. И маскиане с их возведенными в ранг культа чрезмерными устремлениями являлись всего лишь одной маленькой главой в этом повествовании.

В ожидании остальных я занялся подготовкой нашего временного лагеря. Убрав ходули, поставил капсулы со снаряжением на темнеющую почву, а затем развернул теплозащитный настил шириной в четыре метра и закрепил его колышками. Присев на настил, я разложил перед собой инструменты, оружие и припасы. Используя стены в качестве прикрытия, раскрыл маскировочный навес, похожий на более крупный камуфляжный тент моего скафандра. Теперь даже бдительные нейтральные демархисты вряд ли смогут заметить нас из космоса.

К тому времени, когда я закончил, солнце уже зашло. Без аппаратуры для усиления изображения под навесом царила

кромешная тьма, так же как и вне его. Ни свечения атмосферы, ни лунного сияния. Камуфляжная ткань трепетала и дрожала на холодном ветру, слабый свист которого я слышал в акустических датчиках скафандра. Чтобы беречь энергию, я сидел не шевелясь, поджав колени к груди.

Первым появился Надежда. Скафандр предупредил меня о его приближении, уловив едва заметный сейсмический сигнал от ходулей. Я почти ничего не видел, пока он не пробрался через пролом в стене и не присел под навесом. Мой визор обрисовывал его фигуру бледно-розовым контуром. Я усилил изображение в шлеме и пригляделся: нет ли каких-либо повреждений?

Наши скафандры установили связь в ультракоротком диапазоне.

– Состояние? – спросил я.

– Синяки и ссадины, но вполне функционален. Как ты?

– В норме.

– С тобой даже толком не поговоришь, Вера.

– Вряд ли разговоры помогут нам выполнить задачу и улететь с Марса.

– Зато помогут скоротать время. Знаешь, когда меня эвакуировали по завершении предыдущей миссии, страсть как хотелось говорить с любым, у кого есть что-нибудь похожее на лицо.

– Можешь говорить сам с собой. Пока это не влияет на ход операции, не имею ничего против. – Я указал на разложенные передо мной предметы. – Я уже начал инвентаризацию имущества.

Надежда распаковал свои капсулы со снаряжением и стал раскладывать их содержимое рядом с моим: оружие, боеприпасы, компоненты для скафандра, медицинская техника, провизия. Более тяжелое оружие и инструменты мы перед вылетом поделили между собой, и теперь появилась возможность собрать их из деталей.

– Посадка оказалась жестче, чем на имитаторах, – посетовал Надежда, со щелчком соединяя две части бронебойной винтовки.

– Это всегда жестче, чем на имитаторах. Мы сумели сесть. Если нас увидели или что-то заподозрили, к рассвету начнется какая-то активность.

Проверив прицел, я убрал магнитный пистолет в кобуру.

– Насчет Любви что-нибудь слышно? – спросил Надежда.

– Пока нет.

– А насчет четвертого скафандра?

– Пока нет.

Я продолжил разборку снаряжения.

Любовь появилась час спустя, усталая, но довольная, что нашла место встречи. Она распаковала свое снаряжение, и после быстрого осмотра мы убедились, что все в целости и сохранности.

Что не могло не радовать – у каждого из нас имелась своя роль, но роль Любви была, пожалуй, самой главной. В случае ее неуспеха всю операцию пришлось бы считать проваленной.

– Отдыхай, пока есть возможность, – посоветовал я. – Скафандр еще не прибыл, но, даже если он появится скоро, нам нужно будет дождаться бури, чтобы отправиться в путь под ее прикрытием.

– Насчет того скафандра…

– Да?

– Кажется, я видела, как он упал. Что-то с силой врезалось в почву километрах в двадцати к северу от места моей высадки. Вряд ли это был осколок метеорита – объект выглядел маленьким и обтекаемым, как десантный кораблик. Но я не заметила никакого торможения. Он летел почти у горизонта – возможно, взорвался, когда уже был вне поля зрения…

Началась буря, которая никак не хотела заканчиваться. На смену ночи пришла ее близкая родственница – лишенная теней серость на фоне мчащихся пылевых туч. Казалось, буря окутала весь Марс и уже никогда не выпустит его из объятий. Но наша группа прекрасно знала, что в это время года на этой широте буря может продлиться лишь сутки, – и нам вполне бы этого хватило.

Я был единственным, кто получал информацию с орбиты – надежно зашифрованные пакеты данных, которые рассылались во все стороны, а не только направлялись к поверхности. Даже если бы сочленители обнаружили эти сигналы, они бы не сделали вывод, что идет какая-то операция. Содержание передач было весьма кратким – указания, безопасно ли продолжать путь, и расчет времени.

– До окончания бури двенадцать часов, – сообщил я. – На ближайшие семь дней другая буря сравнимой силы не прогнозируется.

Надежда неуверенно присвистнул:

– Почти на грани.

– Вполне хватит. Пять часов до цели, час на месте, пять часов обратно. Если все пойдет как надо, – может, даже меньше часа на месте. Успеем вернуться в укрытие с запасом как минимум в час – но только если выйдем немедленно.

– Или подождем тут, пока не начнется буря поосновательнее.

– Чем дольше будем тянуть, тем больше вероятности, что

пауки доберутся до капсулы раньше нас. Все уже спланировано. – Я повернулся к Любви. – Эти пять часов будут трудными, и передышек мы себе позволить не можем. Сумеем ли добраться до капсулы, зависит от тебя. Все мы здорово устали, но другой возможности, скорее всего, не появится.

– Я готова, – подтвердила Любовь.

– Что ж, мы на тебя рассчитываем, – сказал я и добавил, словно только что вспомнив: – Кстати, Любовь, командование подтверждает твою информацию: четвертый десантный корабль молчит с момента своего ожидаемого прибытия.

– Значит, четвертого скафандра не будет, – проговорила Любовь.

Я кивнул, разглядывая запасной визор из нашего снаряжения:

– Да, это осложняет задачу. Но мы что-нибудь придумаем.

Сидевший рядом со мной Надежда промолчал.

Мы рассортировали снаряжение, отобрав все необходимое для этой стадии операции, а прочее укрыли от пыли среди стен. Буря была не столь уж сильной. Вряд ли стоило опасаться, что ветер что-нибудь повредит или унесет, но пыль носилась здесь всегда, без нее трудно представить себе Марс. Теперь же она играла нам на руку: никакие доступные сочленителям средства наблюдения не могли обнаружить нас под пеленой бури.

Выдвинув ходули, мы сомкнутым строем двинулись вперед. Нашим поводырем был маяк капсулы.

Пробудившись от криосна, я увидел над собой два человеческих лица.

Леди Арэх нисколько не изменилась. Зато Сидра выглядела теперь иначе – она заметно похудела, очертания костей вокруг ее обведенных темными кругами глаз стали четче, кожа туже обтягивала находившуюся под ней арматуру. Отчего-то у меня возникла мысль о боевых барабанах и крепких луках.

– Клавэйн, скажи что-нибудь.

– Не торопи его, Сидра. Не забывай: тем, у кого нет наших качеств, намного тяжелее.

Я попытался заговорить. Казалось, вместо языка во рту толстая сухая гусеница.

– Леди… Арэх. Сидра.

Моргая, я чувствовал, как веки грубо трутся о глазные яблоки. Все части моего тела будто склеились друг с другом, как если бы меня мумифицировали, погрузив в густую смолу.

– По крайней мере, он помнит, как нас зовут, – заметила леди Арэх.

– И не только это помню. Где мы?

Сидра бесцеремонно выволокла меня из капсулы, как мешок со старыми костями.

– Что ты помнишь о цели нашего путешествия?

– Марс, – прохрипел я, даже не пробуя сопротивляться. – Мы летели на Марс.

Она швырнула меня на кушетку.

– Какой еще Марс, чертов глупец? Уж точно не на Марс.

– Он еще плохо соображает, – с едва заметным сочувствием улыбнулась леди Арэх.

Сидра ударила меня по щеке:

– Сосредоточься, Клавэйн! Иоанн Богослов погиб. Помнишь Иоанна Богослова? Ради всего святого, скажи, что ты помнишь Иоанна Богослова…

– Это как-то связано… – Мне пришлось дождаться, когда мозг отправит нервные импульсы в свои теплые глубины и извлечет оттуда фрагменты воспоминаний. Чем-то это походило на разгон остывшего двигателя. – …С гидеоновыми камнями. И мы летим на… – Я застонал, напрягая память. – …Альбертин. Амдуман.

– Арарат, – сказала леди Арэх.

Я взволнованно закивал:

– Арарат. Где живут жонглеры… жонглеры…

– Образами, – подсказала она.

– Жонглеры образами, – повторил я. – Чтобы с ними поплавать. И что-то узнать. – Ко мне постепенно возвращалась ясность мыслей. – Мы уже добрались до Арарата? Сидра собиралась пробудиться раньше остальных…

– Именно так, – кивнула Сидра. – Мы почти на месте.

– Насколько «почти»? – спросил я, потирая лоб.

– Внутри системы, завершаем торможение. Остается еще немного сбросить скорость, и мы выйдем на баллистическую траекторию к Арарату.

– Расскажи ему остальное, – велела леди Арэх.

Я спустил ноги с кушетки, чувствуя, как конечности обретают подвижность.

– Наверняка есть какая-то проблема. Иначе бы вы не разбудили меня столь срочно. Если до Арарата еще несколько недель пути, лишний час или день роли не играют. Так в чем дело?

– Возникла проблема с интеграцией гидеоновых камней, – ответила Сидра.

– Попробуй сформулировать поконкретнее, дорогая Сидра, – сказала леди Арэх.

Сидра бросила на нее недобрый взгляд:

– Я попыталась встроить в систему три гидеоновых камня.

Чтобы от них была какая-то польза, они должны работать совместно с криоарифметическими устройствами. К несчастью, возник конфликт.

– И как ты отреагировала на этот конфликт, вместо того чтобы подождать моего совета? – проворчала леди Арэх.

– Продолжила работу, поскольку необходимыми знаниями систем корабля обладаю только я.

– Но когда эти знания потребовалось применить, их оказалось прискорбно недостаточно.

От этой перебранки мне стало чуть ли не хуже, чем от последствий криосна.

– Хватит. – Я поднял руку. – Что случилось? С кораблем явно все в порядке, иначе бы нас здесь не было. Что-то с камнями? Или с криоарифметическими устройствами?

– Ничто не повреждено, – сказала Сидра.

– Уже лучше.

– Но есть одна сложность, – добавила леди Арэх. – Весьма существенная. Мы… не смогли прийти к единому мнению относительно дальнейших действий.

– Что насчет Пинки?

– Пинки высказал свое мнение, – ответила Сидра.

– Прекрасно. Я выскажу свое, как только пойму, чего, черт побери, оно должно касаться.

– Ты можешь ходить, Клавэйн? – спросила леди Арэх.

– Подожди еще секунду. Или несколько.

Просунув руку под мою левую подмышку, она потянула меня с кушетки. Сидра что-то проворчала и взялась поднимать с другой стороны. Вместе они тащили меня куда-то, пока я пытался установить хоть какой-то контакт между полом и уподобившимся гибким щупальцам ногами.

– Ты прав насчет корабля, – сказала Сидра. – Все системы в норме. Как ты наверняка уже заметил, мы отрабатываем программу торможения.

– Что с Баррасом, Розой-или-Нет и остальными?

Леди Арэх, похоже, порадовала моя озабоченность.

– Все в порядке, но они еще в капсулах. И пусть спят, пока мы не решим возникшую проблему. Разбудим их, когда доберемся до Арарата. Если мы справимся, дальше им лететь не придется.

– Вокруг Арарата есть волки?

– Если и есть, то они прячутся, – ответила Сидра.

– Необходимо учитывать их присутствие, даже если нет никаких свидетельств, – сказала леди Арэх.

– Корабль может лететь бесшумно, если потребуется, – кивнул я.

– Так и следовало поступить, – вздохнула леди Арэх. – На беду, из-за экспериментов Сидры это теперь невозможно. Скажи ему, дорогая. Он в любом случае узнал бы – от тебя или от меня.

– Этот конфликт систем… – Сидра запнулась. – Его создала я.

– Продолжай, – кивнула леди Арэх.

– Я не сумела вовремя остановиться. Мои испытания вызвали множество отказов, и корабль впал в кому, за исключением системы жизнеобеспечения. Темноприводы перешли в безопасный режим.

– Иными словами, – сказала леди Арэх, – они отключились.

– Мы не начали торможение в нужный момент, – продолжала Сидра. – Потребовалось какое-то время, чтобы вернуть корабль в нормальное состояние. В результате мы теперь слишком быстро приближаемся к планете.

– Слишком быстро для чего? – спросил я.

– Для того, чтобы нас не увидели, – ответила леди Арэх. – Если сейчас начнем сильнее тормозить, чтобы завершить подлет к Арарату, станут заметны выбросы двигателей. Если в окрестностях есть волки, они наверняка нас выследят.

Мы пришли в рубку управления. Там уже был Пинки, который сидел в одном из кресел, хлебая что-то ложкой и глядя на движущиеся по дисплеям графики. Корабль сконфигурировал органы управления так, чтобы они подходили для свиных пальцев. Мы кивнули друг другу, будто приятели, в последний раз беседовавшие перед сном. То, что сон этот занял десятилетие и мог вполне оказаться для нас вечным, в данный момент не имело значения.

– Что тебе рассказали, Вонючка?

– Что нам придется чуть сильнее тормозить и трудно понять, как это сделать, чтобы не заметили волки. Как ты?

– Вполне неплохо для свиньи.

– Что ж, рад за тебя.

– Будь так добр, Пинки, изложи вкратце план, – попросила леди Арэх.

– С превеликим удовольствием, твоя светлость. – Он задумчиво потер рыло. – Ты как, сидишь, Вонючка? Пристегнулся? Не помешало бы.

– Рассказывай.

– Нам нужно прикрытие. Какая-нибудь симпатичная планета или спутник, за которой мы могли бы прятаться, пока сбрасываем лишнюю скорость, которую столь любезно подарила нам Сидра.

– Понятно.

– Но вся штука в том, что подходящей планеты или спутника нет – учитывая направление нашего полета и любые разумные

предположения насчет того, где могут прятаться волки. Если они вообще тут есть.

– Было бы неплохо, если бы их не оказалось.

– С этим не поспоришь. И все же имеется один вариант. Способ замаскироваться. Он отлично работает практически при любых допущениях. Мы воспользуемся Пи Эридана А, звездой, которую раньше называли Ярким Солнцем.

– Понятно, – проговорил я, хотя и не сомневался, что понял не все. – Мы проложим курс так, чтобы спрятаться за звездой на время торможения?

– Не совсем, – ответила Сидра. – Мы не воспользуемся Ярким Солнцем как ширмой. Мы воспользуемся ею как маскхалатом. «Коса» построила траекторию, которая позволит нам приблизиться к звезде вплотную, нырнуть в ее фотосферу и завершить торможение, находясь в ней.

Я рассмеялся, что было единственной здравой реакцией.

– Похоже, я еще плохо соображаю после пробуждения. Ты что, в самом деле сказала – нырнуть в звезду?

– Не так уж страшно, как может показаться.

– Нет, – возразил Пинки. – В тысячу раз страшнее.

Я взглянул на Сидру:

– Ты явно не дура и уж наверняка не склонна к самоубийству. Объясни, как это может получиться.

– Хорошо, Клавэйн, – по крайней мере, ты готов выслушать. Мы намерены лишь ненадолго погрузиться в фотосферу звезды. Это не слишком сильно отличается от входа в атмосферу планеты.

– Не считая того, что это не планета, а звезда.

– Не стоит чересчур на этом зацикливаться. Фотосфера – всего лишь переходная зона, где подвергается большим изменениям длина свободного пробега сталкивающихся фотонов. С точки зрения «Косы», это ничем не отличается от перехода из одной плазменной среды в более плотную и возбужденную среду, состоящую из той же плазмы.

– Не считая того, что это звезда, – повторил я.

– Внутри фотосферы, – невозмутимо продолжала Сидра, – фоновая энергия будет практически полностью маскировать наши выбросы. Мы сможем завершить торможение и выйти из фотосферы с нужной скоростью, чтобы безопасно достичь Арарата. Определенного повышения температуры не избежать, но математическая модель указывает на то, что теплорассеивающие возможности криоарифметических устройств вполне способны с ним справиться.

– «Математическая модель указывает…» Внушает доверие,

ничего не скажешь.

– Он впечатлен не меньше меня, – заметил Пинки.

Я повернулся к леди Арэх:

– По крайней мере, ты не глупее Сидры. Хоть что-то из этого осуществимо?

– Гм… есть свои проблемы. Но я видела те же математические модели, что и Сидра, и считаю предложение в своей основе вполне здравым.

– А теперь расскажите ему самое забавное, – посоветовал Пинки.

– Маневр невозможно осуществить без участия гидеоновых камней, – сказала Сидра. – Динамическая нагрузка на «Косу», как от внешних сил, так и от торможения, в отсутствие гидеоновых камней приводит во всех моделях к полному разрушению корпуса.

– В отсутствие этих самых практически неиспытанных гидеоновых камней, – проговорил я. – Сколько их ты заставила работать, Сидра, прежде чем все пошло не так, как следовало?

– Три. Если вдаваться в тонкости – два.

– А сколько их всего потребуется?

– Все девять.

Я пожал плечами:

– Что ж, можно сказать, вообще никаких проблем.

– Надеюсь, я смогу помочь и все окажется не столь сложно, как в первый раз, – сказала леди Арэх. – Есть и еще одно соображение. Камни так или иначе нужно привести в рабочее состояние. Если сейчас у нас ничего не выйдет, мы по крайней мере будем знать, что весь остальной план лишен смысла.

– Ладно, – покорно вздохнул я. – Будем считать, что это крайний вариант. Мне он не по душе, но я готов поверить, что все сработает, если этим займутся Сидра и леди Арэх. Каков запасной план?

– Откажемся от подлета к планете, – ответила Сидра. – Пролетим сквозь систему на текущей скорости, надеясь, что нас не заметят, вернемся в межзвездное пространство, подождем, пока не окажемся достаточно далеко, и повернем назад.

– Что задержит нашу встречу.

– Примерно на два года, с неизбежной поправкой на неопределенность, – кивнула Сидра. – И в конечном счете нам все равно придется заставить гидеоновы камни работать как единое целое.

– Пожалуй, я предпочел бы опоздать, чем сгореть дотла в звезде. Но вряд ли выбор настолько прост?

– Любой движущийся объект рискует быть обнаруженным,

особенно пролетая через пыльную магнитную среду звездной системы, – сказала леди Арэх. – Чем чаще мы будем это проделывать, тем больше вероятность, что нас заметят.

Я взглянул на бегущие по дисплеям строчки и графики математических моделей.

– Ответьте мне честно, обе. Если системы сработают как надо, мы в самом деле останемся в живых?

Я наблюдал за Сидрой, пытаясь найти в ее взгляде малейшие признаки сомнения, но ответ был быстрым и однозначным.

– Да.

– Леди Арэх?

– Это вполне в пределах наших возможностей.

Я повернулся к Пинки:

– Мне говорили, ты уже высказался на этот счет.

– Да, Вонючка.

– И каково твое мнение?

– Пожалуй, будет лучше, если ты сперва выскажешь свое, – вмешалась леди Арэх. – Наши с Пинки мнения разделились, так что твой голос будет решающим. Можешь немного подумать. В любом случае нужно менять курс, и чем раньше мы это сделаем, тем меньше вероятность, что нас обнаружат. Будет весьма неплохо, если ты примешь решение в течение часа… еще и потому, что маневр через фотосферу звезды потребует немало подготовительной работы.

– Я мог бы потратить десять часов, взвешивая разные варианты, но все равно без толку.

– Пожалуй, что так, – согласилась леди Арэх.

– Если мы не попадем на Арарат, я не смогу встретиться с братом. Без информации, которую ты рассчитываешь от него получить, весь остальной наш план теряет смысл. И тогда нас уничтожат волки. – Я глубоко вздохнул. – По сути, ты требуешь от меня решения, которое может спасти или погубить все, что осталось от человечества.

– Не дави, Вонючка.

– В таком случае доверюсь интуиции. Все или ничего: попытаемся добраться до Арарата за этот заход.

Леди Арэх торжественно кивнула:

– Это твое окончательное решение?

– Да. – Я повернулся к Пинки. – Надеюсь, ты меня не возненавидишь.

Кожа на его лбу собралась в хмурые складки.

– С чего бы? Ты только что меня поддержал.

– Я думал, ты счел все это полнейшим безумием.

– Потому что про свиней говорят, будто они предпочитают не

рисковать?

– Потому что свиньи в своем уме.

– Против была я, – сказала леди Арэх. – Я склонялась к тому, чтобы отвергнуть план Сидры, и все еще придерживаюсь этого мнения. Но большинство высказалось за, и я подчиняюсь его воле. Вы с Пинки все решили.

Она закрыла глаза.

Корабль заглушил двигатели, и мы с Пинки, облачившись в скафандры, вышли наружу. Дождавшись, когда инерция отнесет нас на пару сотен метров, затормозили с помощью маневровых двигателей скафандров, а затем развернулись кругом, намереваясь оценить результат уже проделанной на «Косе» работы.

Черный силуэт корабля был почти не виден на фоне тьмы, и лишь пробегавшие по нему едва заметные отблески позволяли различить его очертания.

Пи Эридана была двойной звездой, состоявшей из похожих оранжевых карликов. Арарат обращался по орбите одной из этих звезд, Пи Эридана А, так называемого Яркого Солнца, в то время как В-компонента всегда находилась на некотором отдалении. Но хотя Яркое Солнце и сияло намного ярче своего казавшегося не столь крупным и более тусклым напарника, даже с этого расстояния оно казалось лишь тусклым золотистым пятном. Большую часть доступного нам света давали встроенные в скафандры прожекторы. Корабль мог стать еще темнее, поглощая все испускаемые нами в его сторону фотоны, но мы пока были достаточно далеко, чтобы обходиться без этих предосторожностей.

У нас с Пинки имелись при себе оставшиеся семь камней, три у него и четыре у меня. Два, которые удалось успешно встроить в систему, выглядели крошечными по сравнению с кораблем, но выделялись, точно бородавки, на его гладкой поверхности.

Я уже имел до этого дело с гидеоновым камнем, и мне продемонстрировали некоторые его возможности. Однако по-настоящему полезными камни становились, когда их использовали группами – в соответствии с некими функциональными принципами, которые попытались в меру моего понимания объяснить леди Арэх и Сидра.

Камень прикладывался к обшивке корабля, после чего прилипал к ней, будто моллюск, пуская корни глубоко в покрывавшую корпус броню. Он проделывал это без посторонней помощи – если бы я слишком долго держал его в руках, он точно так же попытался бы прирасти и ко мне. Закрепившись таким

образом, камни создавали внутри корабля извилистые взаимосвязи, устанавливая с помощью некой таинственной технологии своего рода управляющий протокол.

Осмотрев корабль издали, мы с Пинки велели скафандрам доставить нас в разные точки на его поверхности, разделенные сотней метров, откуда мы не могли видеть друг друга. Примагнитившись подошвами ботинок, я извлек из футляра на груди один из камней. Пинки подтвердил, что проделал то же самое.

Между моими пальцами замерцало рубиновое сияние.

– Сидра, леди Арэх, я готов.

– Пинки, ты на месте? – окликнула леди Арэх.

– Сейчас. – (Я услышал, как он, ворча, устраивается на обшивке.) – Уже достал волшебный камешек. Жду команды.

– Похоже, интеграция проходит более гладко, когда камни вводятся одновременно, – сказала леди Арэх. – Ваша задача – расположить в обозначенных местах три оставшиеся пары камней, потом девятый, последний. Клепсидра? Объясни им, что делать.

– Камень нужно поднести к корпусу. Слишком сильно прижимать не следует. Даже лучше убрать пальцы, как только произойдет контакт.

– Почему? – поинтересовался Пинки.

– Возможно, пальцы тебе еще пригодятся.

– Спасибо, Сидра. Похоже, неспроста именно нам с Вонючкой выпала эта честь.

– Если уверены, что вам хватит реакции, чтобы справиться с двумя конфликтующими задачами по системной интеграции, учитывая, что допустимая задержка возможного вмешательства составляет около трех десятых секунды, – действуйте, – сказала леди Арэх.

– Что мне в ней нравится, – заметил Пинки, – так это то, что она никогда не старается пощадить мои чувства.

– Похоже, нас поставили перед фактом, Пинки, – доверительно сказал я. – Готов?

– Как и ты, Вонючка.

– Ставьте, – одновременно произнесли Сидра и леди Арэх.

Я взял камень обеими руками, держа его между пальцев, и почти швырнул в корпус корабля, после чего отдернул руки, чувствуя, как жжет кожу, будто в них уже начала проникать энергия гидеонова камня. Камень, казалось, сам выпрыгнул из моих ладоней. Он прилип к корпусу, будто магнит, и наполовину погрузился в выглядевшую мгновение назад непроницаемой броню.

– Есть, – доложил я.

– Есть, – сообщил Пинки.

– Хорошо, – ответила леди Арэх. – Теперь переходите ко вторым точкам. Мы с Клепсидрой приступим к начальной интеграции камней, как только они подсоединятся к электронным системам «Косы».

– Не стоит торопиться, – тихо проговорил я.

Действуя со всей осторожностью, мы с Пинки в течение часа внедрили в обшивку корабля все камни, кроме девятого, оставшегося у меня.

– Не тяни с возвращением, – сказала леди Арэх, когда я присел с камнем в руках. – С оставшимся без пары что-то происходит. Похоже, он провоцирует прочих к началу инициализации бронеткани.

– Спасибо за информацию. Может, Пинки стоит вернуться раньше меня?

– Мы вместе это начали, Вонючка, – послышался его голос. – Вместе и доведем до конца.

Поднеся девятый камень к корпусу, я ощутил, как он пытается вырваться. Я расслабил пальцы, и он, вылетев из моей руки как из пращи, врезался в обшивку. Проследив за ним взглядом, я направился к шлюзу.

Мы с Пинки появились у шлюза с интервалом в секунду. Как только оказались внутри, даже еще при открытом внешнем люке, я решил, что нам больше ничто не угрожает. Но Сидра и леди Арэх велели побыстрее закрыть люк и заполнить шлюз воздухом.

– Бронеткань следует рельефу поверхности, – объяснила леди Арэх. – Она стремится заполнить любую полость. И я бы не советовала вам находиться внутри этой полости.

– С каждым часом все веселее, – проворчал Пинки.

Мы прошли через шлюз в «Косу».

Двигатели уже разгонялись – Сидра и леди Арэх не хотели потратить ни одной лишней секунды до нашей встречи с Ярким Солнцем. Избавившись от скафандров, мы вернулись в рубку управления.

Сидра и леди Арэх даже не удостоили нас кивком, целиком уйдя в мысленную задачу по инициализации семи новых камней. Их спины были выгнуты, шеи напряжены, рты раскрыть, веки дрожали, словно в жутком припадке. Теперь я понимал, что значит быть полусочленителем – они могли подключаться к мысленным ресурсам своих прародителей, координируя и деля между собой мысленные задачи, но не растворяясь в абсолютном коллективном разуме.

Дисплей со схемой «Косы» был включен, он показывал

похожие на сеть связи между гидеоновыми камнями – извивающиеся желтые линии, которые ежесекундно меняли направление, утолщались и сливались, будто сверхъестественные молнии, пляшущие на корпусе корабля.

– Дамы вовсе не шутили, – негромко произнес Пинки. – Все и впрямь происходит очень быстро.

– Что они тебе об этом рассказывали?

– Много чего. – Он наклонил голову, размышляя над ответом. – Другой вопрос – много ли я из этого понял.

Корабль вздрогнул. Взвыли сирены. Желтые линии на схеме стабилизировались, но теперь появилось нечто новое. От каждого камня расходилась бесцветная матовая чешуйчатая пленка, прилипая к корпусу и соединяясь с другими в контактных точках между камнями.

– Бронеткань? – спросил я.

– Похоже, формируется.

Я вспомнил жемчужную фасетчатую пленку, которая сочилась из камня при демонстрации его свойств в цитадели, обволакивая мою руку и защищая ее от ножа.

– Она вытекает из наростов и превращается в некое подобие плотно прилипающей брони. Вряд ли нам стоит знать, что это такое, Пинки, – достаточно того, что практически ничто не способно ее пробить.

– Большего мне понимать и не надо. Как-то всю жизнь обходился.

– Вполне разумный подход.

– И ладно. Другого у меня все равно нет.

Корабль снова содрогнулся, но на этот раз не столь сильно, и сирены зазвучали не столь громко. Казалось, «Косу» попросту раздражает, что две технологии, чужая и человеческая, никак не могут прийти к согласию.

Леди Арэх дернулась и закашлялась, выходя из транса. Жемчужная сеть на дисплее утончалась и сжималась, распадаясь на части и всасываясь обратно в гидеоновы камни.

– Имеет место устойчивая координация всех девяти камней, – сказала леди Арэх.

– Девяти хватит? – спросил я.

Сидра тоже начала приходить в себя. Глаза ее секунду оставались закатившимися, словно застряли в глазницах. Она тряхнула головой, будто пытаясь вернуть их на место.

– Девяти хватит. – Сидра кивнула сидевшей рядом леди Арэх. – У тебя отлично получилось. У нас все получилось.

– Было… нелегко, – ответила леди Арэх. Ее грудь тяжело вздымалась, будто эта женщина только что побывала под водой. –

Но не так уж неприятно.

– Вдвоем мы должны справиться с управлением камнями при проходе сквозь фотосферу, – сказала Сидра. – Это будет непросто – магнитогидродинамическая нагрузка потребует постоянной корректировки. Зато…

– Весело, – проговорила леди Арэх, слегка наклонив голову, как будто веселье было для нее чем-то новым.

Глава 22

Яркое Солнце с каждым днем становилось все крупнее и светило все сильней. Иллюминаторы «Косы» могли показывать абсолютно реалистичную картинку, и на диск звезды уже нельзя было долго смотреть. Глядя из-под прищуренных век на неровную, охваченную бушующим пламенем границу, где сияние звезды встречалось с тьмой космоса, я восторгался безумием, на которое мы отважились. Мы намеревались добровольно нырнуть в эти жгучие волны. Самое настоящее безумие – надеяться, что мы это переживем.

Хотя наш маневр был предрешен, оставалось еще немало переменных, которые следовало принять в расчет. Приходилось идти на жестокие компромиссы. Чем резче будет тормозить корабль, тем меньше времени ему придется провести в фотосфере; это минимизирует нагрузку на гидеоновы камни и криоарифметические устройства. Однако выше определенного порога ничто не может гарантировать безопасность для всех нас, включая спящих пассажиров. Чем глубже мы войдем в фотосферный слой – яркую пленку толщиной около ста километров вокруг звезды, – тем больше шансов скрытно завершить торможение. Но тогда намного усложнится все остальное. К счастью, Сидра и леди Арэх сами взяли на себя задачу взвесить все факторы и предложить наименее плохой вариант.

Мы с Пинки не возражали.

С момента нашего вхождения в фотосферу до момента выхода из нее должно было пройти около часа. В фотосферу нам предстояло нырнуть на скорости порядка восьмисот пятидесяти километров в секунду относительно Яркого Солнца. При выходе наша скорость должна была снизиться до все еще немалой – четыреста девяносто километров в секунду. Это нас вполне устраивало – мы сможем сбросить излишек, медленно и скрытно замедляясь в промежутке между звездой и Араратом. Но чтобы этого добиться, требовалось непрерывно тормозить в фотосфере с перегрузкой в десять *g*.

И тут имелась определенная сложность.

Нельзя было промчаться сквозь звезду по кратчайшему пути – оказавшись глубоко в зоне конвекции, мы бы попросту изжарились. Траекторию следовало рассчитать так, чтобы она проходила внутри невероятно узкой «пленки» фотосферы – не толще, чем атмосфера планеты. Но на столь высокой скорости мы будем лететь быстрее любого объекта, находящегося на орбите звезды на той же высоте. В результате центробежная сила окажется намного больше тормозящей силы наших двигателей – сто четыре *g* в начале маневра. Гравитационное поле самой звезды слегка уменьшит перегрузку, действуя в противоположном направлении, но вовсе ее не нейтрализует. Масса Яркого Солнца меньше массы Солнца земного, но и плотность звезды выше, что означает силу тяжести на ее поверхности в тридцать четыре *g*. Соответственно, наша итоговая перегрузка составит «всего» семьдесят *g*.

По сравнению с ними наши десять *g* при торможении – сущий пустяк. Мы почувствовали бы их как легкое отклонение от местной вертикали. Впрочем, мы бы вообще ничего не почувствовали – пребывать в сознании в таких условиях попросту невозможно. При семидесяти с лишним *g* неспособны мыслить даже сочленители.

Но ситуация улучшалась бы по мере торможения и уменьшения радиальной составляющей нашего ускорения. На восемнадцатой минуте маневра, на середине пути через фотосферу, центробежная перегрузка сократится до сорока пяти *g,* что, по словам Сидры и леди Арэх, позволит Сидре возобновить нормальную мыслительную деятельность, получая информацию о состоянии корабля и управляя им. Вскоре к ней сможет присоединиться леди Арэх, но придется еще долго ждать, когда такие же возможности появятся у нас с Пинки. Прежде чем центробежная сила уменьшится до десяти *g,* сравнявшись с перегрузкой при торможении, пройдет еще полчаса. Но даже тогда нам придется терпеть перегрузку в четырнадцать *g,* поскольку влияние вектора торможения уже не будет пренебрежимо малым.

Противоперегрузочные кресла были рассчитаны на продолжительную нагрузку в три *g* и кратковременную от десяти до двадцати. Соответственно, всем нам требовались специализированная защита и средства поддержания жизни.

Для тех из нас, кто сейчас бодрствовал, таковыми должны были стать скафандры, уже приспособленные к тому, чтобы защищать находящихся внутри от всевозможных нагрузок. Вместо воздуха они могли заполняться плотной, но пригодной для

дыхания жидкостью. Приятного мало, но пережить можно. Что касается эвакуируемых, то их криокапсулы могли автоматически модифицироваться, обеспечивая аналогичную степень защиты. «Коса» поняла, что ей следует делать, и взяла на себя все необходимые приготовления. Капсулы обзавелись дополнительными опорами, надежно крепившими их к полу. Пространство вокруг лежащих в них тел начало заполняться окрашенным в темный цвет гелем. Признаки подготовки наблюдались и в других помещениях. Корабль укреплял свои слабые места, избавляясь от лишних конструктивных элементов и спрямляя лабиринт отсеков и коридоров. Он будто превращался в стальную иглу, предназначенную единственно для того, чтобы проскользнуть сквозь подмигивающий глаз фотосферы. Чем-то он походил на готовящуюся к войне крепость, сбрасывающую с себя всю шелуху мирного времени.

По мере того как росло Яркое Солнце, Сидра и леди Арэх продолжали уточнять математические модели, рассчитывая с точностью до секунды момент, когда у них будет возможность подать последние команды. Кто-то из них сумеет продержаться чуть дольше, но к тому моменту, когда обе лишатся чувств, корабль перейдет на самоуправление. Ему дадут определенную свободу действий, позволят менять курс, чтобы обходить возникающие в фотосфере бури – или использовать их для максимального прикрытия.

Мы с Пинки тоже знали в точности, как долго можно тянуть с облачением в скафандры. Стоит немного опоздать, и амортизирующая среда не успеет создать в них достаточное давление, чтобы мы могли выдержать перегрузку в семьдесят *g*.

В последние два часа Яркое Солнце заполнило треть неба, затем половину, будто ослепительный оранжево-желтый костер. Как и почти любая звезда, оно выглядело спокойным и неизменчивым лишь издали. Вблизи его поверхность походила на бурное море с поднимающимися из глубин конвекционных зон водоворотами.

«Коса» перешла в свободное падение, и за полчаса до контакта мы с Пинки под наблюдением Сидры и леди Арэх укрылись в скафандрах.

Густая жидкость хлынула мне в рот и ноздри. Тело еще не было готово к тому, чтобы в ней утонуть, и я с трудом одолел рвотный рефлекс. Несколько раз судорожно дернувшись, я наконец смирился с неизбежным.

– Ты меня слышишь, Клавэйн? – донесся до меня голос Сидры.

– Да.

– Хорошо. Очень скоро начнешь терять сознание. Скафандр будет оберегать тебя с помощью механических и электрических устройств, так что не удивляйся, если очнешься с несколькими сломанными ребрами и головной болью величиной с солнечную систему. Поскольку от тебя ничего не требуется, кроме как выжить, беспокоиться не о чем.

– Иными словами, я попросту балласт.

– Ценный балласт, – уточнила Сидра так, будто мне от этого должно было полегчать.

На протяжении последнего миллиона километров нагрузки на «Косу» продолжали расти. В основном они носили тепловой характер. Обычные материалы и охлаждающие системы корабля с легкостью отражали тепло, но это имело свою цену. В вакууме любой излучающий тепло объект может оставаться холодным лишь светясь, но для нас это означало бы риск выдать себя. Фоновая температура космоса – чуть меньше трех градусов по Кельвину, и кораблю достаточно было бы превысить ее всего на пару градусов, чтобы стать весьма соблазнительной целью.

И потому задолго до того, как приступить к выполнению главной задачи, криоарифметические устройства разогнались до алгоритмической скорости, производя свои мистические вычисления. Перемешивая символы и играя в фишки с информационной гранулярностью локального пространства-времени, они сумели обмануть нерушимые законы классической и квантовой термодинамики. По отдельности их уловки почти не давали преимущества, но они повторялись снова и снова, пока эффект не стал сперва измеримым, а затем макроскопическим.

Все работало как надо. Но чем ближе мы подлетали к Яркому Солнцу, тем энергичнее приходилось считать устройствам; приближалась та граница, за которой их алгоритмические циклы пошли бы вразнос. По слухам, оказавшийся в таком состоянии корабль раскрывался навстречу всем ветрам преисподней, чтобы уже никогда не закрыться. Задача леди Арэх и Сидры состояла в том, чтобы довести криоарифметику до этой грани, но ни в коем случае не дальше.

Еще ни одному криоарифметическому устройству не приходилось трудиться столь тяжко, как устройствам «Косы». Обычно от них требовалось лишь охлаждать определенные части корабля на сотню-другую градусов Кельвина. Теперь же речь шла о тысячах градусах, причем не имело значения, насколько горячо снаружи, – определить это в бушующем море фотосферы было невозможно. Но внутри температура должна была оставаться достаточно низкой, чтобы не перегрузить сотни аппаратов

жизнеобеспечения, в каждом из которых лежал теплый ком, состоящий из солоноватой воды и клеток, обладающий разумом и воспоминаниями.

Нырнув в фотосферу, «Коса» оказалась в среде из полностью ионизированных частиц. Корабли встречались с плазмой постоянно – как правило, преодолевая ее без последствий. Собственно, мы уже преодолели коронарную плазму, в сотни раз более горячую, чем фотосфера. Но хотя температура этой плазмы была огромной, что означало чудовищную кинетическую энергию каждой из ее частиц, в имеющемся объеме их было недостаточно, чтобы перегрузить наши системы. В фотосфере все обстояло иначе. Температура там составляла скромные пять тысяч градусов, зато теплоемкость была намного выше. Мы летели сквозь среду, сопоставимую по плотности с пригодной для дыхания атмосферой на уровне моря, за исключением того, что она была раскалена и мы мчались в ней со скоростью в сотни километров в секунду.

Мысленно глядя сверху на ослепительное море фотосферы, я видел острый как игла черный корабль. От его носа и хвоста расходились конусы Маха, похожие на усыпанные бриллиантами плюмажи. За нами следовала сгустившаяся волна длиной в десятки тысяч километров, превращаясь на своей границе в фрактал из множества уменьшающихся рекурсивных итераций. Но бушующее море вскоре поглощало наши следы.

Криоарифметические устройства предохраняли «Косу» от жара звезды, но для того, чтобы защитить корабль от давления и стрессовых напряжений в полете сквозь фотосферу, требовались гидеоновы камни. Проблема заключалась в том, что эти разновидности защиты пытались спорить друг с другом и, чтобы разрешить разногласия, прежде чем те погубят корабль, необходимы были два человеческих разума, пусть даже измененных. Когда камни и устройства вступали в пререкания, приходилось их регулировать, ослаблять либо то, либо другое, а иногда, наоборот, усиливать. Самая пустяковая ошибка грозила ростом нестабильности, ситуацией, когда у корабля останется не больше шансов, чем у задевшего крылом пламя мотылька.

И все это время вынуждены были работать на пределе остальные системы корабля, включая разогнанные до максимума двигатели сочленителей. Но двигатели создавали лишь торможение в десять *g* по направлению полета, они не могли обеспечить семьдесят *g* центростремительной силы, необходимых, чтобы оставаться на изгибающейся траектории. Эта составляющая создавалась за счет магнитогидродинамического взаимодействия корпуса «Косы» с плазмой – корабль использовал двигательные

консоли как управляющие поверхности. Сидра заверила меня, что без гидеоновых камней консоли бы под такой нагрузкой выгнулись и оторвались вместе с двигателями.

В этом случае у нас возникли бы проблемы совершенно иного порядка, но, по счастью, лишь на миг.

Мне снилась песчаная равнина.

Плоская черная бескрайняя равнина и одинокая фигура, сгибающаяся почти горизонтально под натиском ветра – раскаленного, светящегося, как расплавленный металл. В конце концов фигура слилась с обжигающей глаза белизной, превратившись в маленькое звездообразное пятнышко, а затем провалилась в ослепительно-белое забытье.

– Клавэйн, хватит бормотать.

Чьи-то руки извлекали меня из скафандра. Я не мешал – не было сил ни сопротивляться, ни помогать. Казалось, я превратился в мешок с костями, в хрящеватую массу, которую удерживают воедино лишь боль, упрямство и смутное навязчивое подозрение, что у меня еще остались незавершенные дела.

– Где… – проговорил я, не в силах сформулировать простейший вопрос.

– Мы вышли из фотосферы, удаляемся от звезды. «Коса» сейчас в состоянии невесомости, но нам вполне хватает скорости, чтобы покинуть гравитационное поле. Как только корабль проведет цикл самовосстановления и устранит повреждения от полученных в фотосфере перегрузок, я начну постепенно тормозить в сторону Арарата. Вход в атмосферу произойдет приблизительно… через пятьдесят три часа.

– Со мной все в порядке, спасибо.

– Я не спрашивала. Ты пришел в себя, значит скафандр сработал как надо. Ребра болят?

– Трудно сказать, что у меня не болит. Как Пинки?

– Еще без сознания. Не будем его пока трогать. Ему потребуются силы, когда мы окажемся на Арарате, – ради тебя, поскольку мои возможности небезграничны. А теперь нам нужно поговорить о леди Арэх…

Несмотря ни на что, я все же сумел нахмуриться.

От Яркого Солнца отделилась теплая искорка. В этом не было ничего необычного – над поверхностью постоянно вздымались языки плазмы, захваченной в клещи магнитного потока. Иногда они снова опадали, а иногда вяло отрывались, улетая в космос. Какое-то время эта искорка ничем не отличалась от прочих

капель звездной материи, обреченных истончиться, остыть и в конечном счете затеряться в магнитных полях планет на орбите Яркого Солнца. В ней не было ничего такого, что могло бы представлять хоть малейший интерес.

Капелька остыла, но не рассеялась. Это был наш корабль, быстро охлаждавшийся до двух целых и семи десятых градусов Кельвина. К тому времени, когда он покинул хромосферу звезды, он стал неразличимо темным и холодным, и даже его вновь перешедшие в режим готовности двигатели не испускали ничего, что могли бы обнаружить имеющиеся у людей или волков средства.

Внутри этого корабля парили в невесомости мы с Сидрой, в сидячей позе расположившись напротив друг друга. Мой друг Скорпион оставался в своем скафандре.

– Когда мы завершали торможение, что-то случилось, – сказала Сидра. – Возникла нестабильность во взаимодействии между камнями и криоарифметическими устройствами, которую мы не смогли нейтрализовать. Вибрация снаружи корабля стала усиливаться, вместо того чтобы уменьшаться. Конфликтующие воздействия создали торсионную нагрузку на корпус… и один из камней начал отваливаться. Девятый, который мы поставили последним.

– Ты говорила, что девяти камней должно хватить. Уверен, что с вашими способностями вы вполне могли бы обойтись и восемью.

– Теперь так и придется, поскольку их осталось восемь. – Сидра пребывала в смятении, чего я никогда за ней раньше не замечал. – Мы не просто боялись потерять один камень – существовала опасность, что, оторвавшись, он увлечет за собой остальные. Этого допустить ни в коем случае было нельзя. Одной из нас необходимо было выйти наружу, Клавэйн. Выйти на корпус во время полета через фотосферу. Либо заново закрепить камень, либо срезать, пока он не забрал с собой другие… И леди Арэх пошла.

– Невозможно было остаться после этого в живых, Сидра. Мы же находились внутри звезды.

– Возможно, если действовать быстро. Возможно, – повторила она, словно пытаясь себя убедить, – если бы скафандр оставался в контакте с корпусом, бронеткань облегла бы его и защитила леди Арэх от плазмы. Системе охлаждения скафандра пришлось бы работать на полную мощность, но пока сохранялся его тепловой контакт с кораблем, криоарифметические устройства взяли бы на себя большую часть нагрузки…

– Сидра, только не говори, что ты выпустила наружу

человека, пока мы находились внутри звезды. Не говори, что ты не сочла это безумием.

– Кто-то из нас должен был пойти.

– Почему, черт побери, нельзя было послать скафандр или зонд?

– Требовалась автономность. Плазма заблокировала бы любые управляющие сигналы. Иногда приходится посылать мясо в консервной банке.

– Она не мясо!

– Все мы мясо. Кто-то из нас должен был остаться, чтобы координировать перемещение камней. Мы… спорили, Клавэйн. Обменивались планами. Устроили что-то вроде поединка. Каждая пыталась убедить другую в своей правоте. – Сидра сокрушенно покачала головой. – Но она одержала верх. Она больше годилась для того, чтобы работать снаружи, а я – чтобы управлять кораблем. Никакой двусмысленности, никаких сомнений, никаких тяжелых чувств. Речь шла не об отваге, самопожертвовании и благородстве – речь шла о голой целесообразности.

– Мы здесь, – медленно проговорил я. – И ты сказала, что мы летим к Арарату. Значит, что бы ни произошло… мы не погибли. – Мой голос сорвался от нарастающей злости. – Так что случилось, черт побери? Как вышло, что мы здесь, а леди Арэх – нет?

– Мы с ней поддерживали контакт. По нейросвязи. Но чем дальше она уходила от шлюза, тем обрывочнее становились сообщения. Она боролась с фронтом плазмы, пытаясь добраться до нестабильной точки… Мы были друг у друга в голове, Клавэйн. В последние несколько секунд она открылась мне больше, чем когда-либо прежде. Будто наконец мне поверила. Будто знала.

– Что у нее ничего не выйдет?

– Она наверняка успела добраться до девятого камня и срезать его. Больше мне ничего не известно. «Коса» обнаружила…

– Что?

– «Коса» обнаружила нечто, сорвавшееся с ее корпуса. Падающее в плазму.

Сидра достала из-за спины вещь, которая была пристегнута к ее поясу. Это был бозерный пистолет.

Она вложила оружие в мои пальцы. Я сжал холодную невесомую рукоятку.

– Зачем это?

– Я выставила мощность на нужный уровень, так что корабль не пострадает. Только я. Все протоколы вмешательства

отключила.

– Я не собираюсь тебя убивать.

– Почему? Разве не этого ты всегда хотел? – Прежде чем я успел среагировать – несмотря на слабость, Сидра действовала по-прежнему быстро, – она схватила меня за запястье и вывернула руку так, что пистолет оказался нацеленным прямо ей в лоб. – Ну давай. Убей меня. Убей еще раз.

– Не буду.

– Убей.

– Нет!

– Я позволила леди Арэх умереть. Это моя вина.

– Ты не могла знать.

– Я знала, как поступаю с тобой! Я уничтожила все, что было тебе дорого. Я украла у тебя твою жизнь. Я разрушила твое счастье. Я оторвала тебя от тех, кого ты любил и кто любил тебя. И ты пообещал меня за это убить. – Ее речь перешла в рычание. – Так убей же!

Я попытался отвести пистолет, но Сидра была сильнее.

– Я не собираюсь тебя убивать. Не сейчас.

– Ты поклялся.

– Нет, не я. – Я глубоко вздохнул, чувствуя, как меня всего трясет, кроме кисти и запястья, которые крепко держала Сидра. – Не я. Тот, кто поклялся, мертв. Его больше нет. – Я помедлил, с трудом подавляя дрожь. – Я никогда им не был. – И вдруг неудержимо зарыдал. – Кем бы я ни был, тебя поклялся убить другой, плохой человек. – Сглотнув, я утер свободной рукой слезы. – Чего ты от меня хочешь, Сидра? Что я тебе такого сделал? И что, черт побери, ты имела в виду, когда сказала: «убей меня еще раз»?

– Ты уже однажды убил меня. Убил и ушел. Но, как оказалось, я не совсем умерла. И теперь прошу лишь об одном: доведи дело до конца. – Она ободряюще кивнула. – Давай, Клавэйн. Покончи с этим.

– Нет.

Похоже, Сидра поняла, что другого ответа не будет. Она отвела мою руку в сторону и забрала пистолет.

– Ты сейчас не готов это сделать? Или вообще никогда не будешь готов?

– Никогда.

– Что ж, нужно было это выяснить. Я подумала, так будет проще всего.

Сидра снова потянулась ко мне, но, вместо того чтобы схватить за руку, привлекла к себе и крепко обняла, не обращая внимания на мои ушибленные и сломанные ребра. Я обнял ее в

ответ, чувствуя, как утихает бившая нас обоих дрожь.

– Кто мы? – тихо спросил я.

– Двое потрепанных солдат, – ответила Сидра. – Вдалеке от войны, которая сделала нас теми, кто мы есть.

– Я думал, ты куда сильнее будешь на меня злиться, – сказал я Пинки, после того как помог ему пробудиться и вкратце объяснил ситуацию.

– С чего бы мне считать тебя виноватым, Вонючка? – Он странно на меня посмотрел.

– Все случилось из-за меня. И вина по большому счету лежит на мне. Я не просил втягивать меня, но это вовсе не освобождает от ответственности.

– В чем-то ты виноват, – задумчиво согласился он, – но не во всем. Виновата и Сидра. Если бы она не напортачила с камнями, мы бы обошлись без всяких глупостей вроде полета сквозь звезду.

– Леди Арэх с самого начала считала это неблагоразумным.

– И была права.

– Несправедливо, что в итоге именно она поплатилась жизнью.

– В этом я с тобой полностью согласен, Вонючка. Но у меня есть для тебя новости. Вселенной плевать на справедливость. И леди Арэх знала об этом не хуже любого из нас. – Он покачал головой. – Нет, в этот раз не только ты во всем виноват. И знаешь, почему у тебя нет никаких причин в этом сомневаться?

– Не знаю.

Он взглянул на свои запястья:

– Потому что у меня две здоровые руки, а ты все еще дышишь.

Часть шестая
Арарат

Глава 23

Мы не замечали капсулу изменников до последнего мгновения, когда она вдруг возникла среди стремительно несущейся пыли, накренившаяся и частично погребенная в песке.

Я замедлил шаг. К моему удивлению, капсула выглядела крупнее, темнее и более зловеще, чем можно было судить по сделанным с орбиты сканам. Из космоса она воспринималась как ясная тактическая цель – упавший металлический объект с полезным содержимым внутри. Это вовсе не означало, что мы ничем не рисковали. Поводов для беспокойства имелось достаточно – от возможности обнаружения наших действий до того, что находящиеся в капсуле окажутся мертвы или разработанный Любовью протокол захвата не сработает так, как ожидалось. Я знал лишь одно: моя команда готова ко всему, и если миссия потерпит неудачу, то вовсе не из-за небрежности с нашей стороны. Однако при всем при этом я оказался не готов к облику капсулы, которая пребывала в задумчивой неподвижности, будто ожидая нашего появления.

Надежда и Любовь обогнули капсулу сзади, а я подошел к ней чуть ближе. Пока что никаких неприятных сюрпризов не случилось. Если бы капсула упала, зарывшись люком в песок, у нас возникли бы проблемы. Пришлось бы откапывать ее посреди бури, а потом убирать за собой все следы, заботясь о том, чтобы пыль не попала в шлюз. Сканы позволяли надеяться на лучшее, но сомнения оставались.

Я посветил на корпус капсулы фонарями, расположенными на запястье и в шлеме, и мгновение спустя остальные тоже включили фонари, что на первый взгляд выглядело необдуманным, но изначально входило в наш план. Пока продолжается буря и полуденное небо кажется черным, будто в полночь, обнаружить нас никто не сможет.

Учитывая, с какой скоростью входила в атмосферу и садилась капсула, она пребывала в отличном состоянии. Возле узкого конца ее корпуса, имевшего в грубом приближении коническую форму, мигал маячок. Передатчик продолжал издавать убаюкивающий двухтональный сигнал. Люк шлюза был полностью виден, но находился достаточно невысоко, так что добраться до него можно было без проблем.

Собственно, вряд ли капсула могла расположиться удачнее.

– Любовь? – спросил я.

– Готова.

– Надежда?

– Готов.

– Действуем.

Я закрепил на поверхности капсулы магнитную присоску, в которой находился управляющий механизм для этого типа шлюза. Мы испытывали его на захваченных у сочленителей трофеях, и не было никаких причин ожидать, что он не сработает. Но все же я невольно напрягся, глядя, как огоньки на присоске меняют цвет с красного на зеленый и шлюз со скрежетом открывается, превозмогая натиск бури.

Оставив присоску на месте, мы забрались в шлюз, лишь в последний момент сложив ходули. Было тесно, но нас к этому готовили, и мы знали, что поместимся в шлюзе все трое.

Конструкция шлюза выглядела грубой, но вполне надежной. Закрылся внешний люк, и автоматика заполнила камеру воздухом из резервуаров капсулы. Через две минуты наши скафандры определили давление в одну стандартную атмосферу и люк открылся в тускло освещенное красным нутро.

Я шел первым, освещая фонарем тесное пространство капсулы. В ней имелся лишь один отсек, на изогнутых стенах которого висели в похожей на гамаки паутине шестеро перешедших на сторону сочленителей новобранцев. Между гамаками располагались иллюминаторы, какие-то элементарные приборы и устройства жизнеобеспечения.

Свет моего фонаря упал на лица новобранцев, которые были то ли без сознания, то ли мертвы. Скафандры на них отсутствовали, имелись лишь прозрачные пластиковые маски, закрывающие нос и рот. Глаза были закрыты. Казалось, эти люди безмятежно спят.

– Твой ход, Любовь.

Распаковав свои медицинские диагностические устройства, она принялась закреплять нейросканеры на головах и анализаторы крови на запястьях. Устройства провели быстрое сканирование, взяли анализы и проделали расчеты, и по дисплеям на запястье и в шлеме Любви побежали строчки результатов.

– Все живы.

– Почему они без сознания? – спросил я.

Любовь указала на введенные в тела катетеры:

– Их погрузили в глубокую искусственную кому, чтобы сократить потребление бортовых ресурсов. Они знали, что им

предстоит долгое ожидание на поверхности, и заранее подготовились. Кома не столь эффективна, как анабиоз, но ее намного проще создать.

– Они уже стали пауками? – спросил Надежда.

– Именно так.

Не всех новобранцев, переходивших на сторону сочленителей, коснулось Транспросвещение. Некоторые были лишь заблудшими паломниками, убежденными, что на поверхности Марса их ждет лучшая жизнь. Но в данном случае, если верить устройствам Любви, все шестеро были надлежащим образом обработаны и готовы вступить в армию Галианы. Их нервная система необратимо изменилась, и каждый предвкушал все радости жизни среди сочленителей.

– Нейросвязь? – спросил я.

– Минимальная, – ответила Любовь. – Если бы они разогнали свои мозги до обычной для сочленителей частоты, то вскоре выжгли бы все, что еще осталось в здешней системе жизнеобеспечения.

– Выбери наиболее подходящего кандидата, – сказал я. – И другого – на роль жертвы.

Выбирать особо не пришлось. Все шестеро были примерно одинакового телосложения и возраста, но одному из них предстояло стать носителем, а еще одному – подставной фигурой, чтобы скрыть следы использования нами шлюза.

Любовь сделала выбор и сообщила о нем.

– Действуй, – сказал я.

Она извлекла новое оборудование – похожее на каркас короны устройство, которое надела на череп женщины средних лет. Вокруг короны на равных расстояниях располагались желтые шишечки наноинъекторов, им предстояло вступить в сражение с аппаратурой сочленителей. Их неоднократно испытывали, и они оставляли после себя лишь микроскопические повреждения. Но сам процесс был достаточно хлопотным.

– Оружие на изготовку, – сказал Надежда.

Мы достали маленькие полуавтоматические пистолеты, приготовившись убить любого из пяти остальных сочленителей при малейшей реакции на производимую с шестым процедуру. Устройства, прикрепленные снаружи к нашим скафандрам, должны были блокировать или глушить нейросвязь ближнего радиуса действия, но они ни разу не испытывались в полевых условиях.

– Мы готовы, – сообщила Любовь.

– Продолжай, – велел я.

Она отдала команду через наручный интерфейс, и корона

вонзила свои желтые клыки в череп. Реакция не заставила себя ждать – женщина дернулась, приходя в себя, ее глаза широко раскрылись, полные ужаса. Сочленительские системы обнаружили атаку и повысили уровень мозговой активности своей носительницы.

На высоком властном лбу женщины выступил пот.

Ничего иного мы не ожидали. Вводя в череп нанотерапевтические устройства, корона блокировала нейромоторику посредством множества электрических и химических импульсов. Женщина побледнела и замерла со все так же широко раскрытыми глазами. Зрачки сузились, мышцы напряглись.

– Она пытается предупредить остальных, – холодно проговорила Любовь. – Но сигналы блокируются. Ее приятели видят лишь обычный служебный фон.

– Состояние? – спросил я.

– Есть вход. Барьер первого уровня преодолен. Второй уровень начинает поддаваться.

– Она задыхается, – сообщил Надежда.

Глаза женщины выпучились, маска затуманилась от пара.

– Идет переключение с автономного режима на наше управление, – объяснила Любовь. – Ничего, выдержит.

– Состояние защиты второго уровня? – спросил я.

– Пройдена. Начато преодоление третьего уровня.

– Непростой этап, – заметил Надежда.

– Только не для нас, – улыбнулся я.

– Все, она наша, – сказала Любовь.

Мы по-прежнему держали наготове оружие. Я сжал рукоятку пистолета, глядя, как Любовь снимает корону. Она вгляделась в кожу на черепе женщины, но не смогла обнаружить следы проколов.

– Выглядит неплохо, – прокомментировал я.

Женщина расслабилась, впав в забытье. Введенные в ее организм препараты гарантировали, что она не будет ничего помнить об этом эпизоде, даже если полностью придет в себя. Я знал, что, сделав свое дело, они распадутся, оставив лишь обычные продукты метаболизма. К тому времени, когда сочленители, возможно, проявят интерес к биохимии этой женщины, останавливать протокол захвата будет уже поздно. А как только она вступит в контакт по нейросвязи с другим сочленителем или с любой из их систем, заражение продолжится.

Мониторы на головах улавливали лишь обычный фон, так что теперь их можно было безопасно снять. Любовь оставила монитор только на голове мужчины, которого она выбрала для выхода в

шлюз. Монитор должен был помешать сочленителю подать сигнал тревоги, когда его подвергнут эвтаназии.

– Мне это не особо по душе, – сказала она.

– Нам тоже, – ответил Надежда. – Но те, кто планировал операцию, рассмотрели все возможности, и иного решения проблемы попросту не нашлось.

Я хлопнул Любовь по плечу:

– Ты отлично справилась.

Она ввела мужчине препарат, который имитировал смерть от удушья в вакууме. Дождавшись, когда тот подействует, собрала свою медицинскую аппаратуру.

– Ничего не забудь, – велел я.

Любовь тщательно оглядела отсек:

– Все чисто.

Мы закончили. Пора было уходить, пока нас еще прикрывала буря.

Любовь вышла первой, уведя мужчину в шлюз. Мы с Надеждой последовали за ней, как только шлюз завершил цикл разгерметизации. Выдвинув ходули, мы оттащили тело от капсулы шагов на десять и оставили лежать лицом вниз. Любовь сняла с него монитор.

Мертвец служил единственной цели – скрыть использование нами шлюза. Все расчеты показывали, что при открытом внешнем люке невозможно помешать проникновению пыли внутрь. Найдя подобного рода следы, сочленители поняли бы, что шлюз открывали снаружи – скорее всего, в то время, когда из-за бури ничего не было видно, и проявили бы большую осторожность при наборе новых рекрутов. Оставался только один вариант: создать видимость, будто кто-то пытался покинуть капсулу без скафандра. Если верить нашим аналитикам, такое иногда случалось. Новоиспеченные рекруты теряли ориентацию или впадали в горячечную эйфорию, начисто забывая о риске.

Больше мы ничего сделать не могли. Сняв магнитную присоску, я позволил шлюзу закрыться, а затем, в последний раз взглянув на труп, мы втроем скрылись за завесой бури.

Мы приближались к планете со стороны эклиптики. Внизу, наклонившись к нам северным полюсом, вращался зелено-голубой шар – по большей части водный мир, но наклона его оси хватало для сезонных изменений климата и погоды. Северный и южный полюсы были покрыты маленькими ледяными шапками с неровными краями; они ярко сверкали, будто вдавленные в планету осколки зеркала. Шапки занимали лишь около пяти процентов ее поверхности; еще пять процентов были отданы

россыпи островов, по большей части объединенных в цепочки архипелагов и сосредоточенных преимущественно в северных широтах. Острова эти возникали вследствие вулканической активности вокруг слабых мест в коре планеты, затем подвергаясь медленной эрозии и вновь уходя в океан. Очень немногим из них было больше десяти миллионов лет, и жизнь на них почти отсутствовала. Насколько нам было известно, людям удавалось найти приют только на этих засушливых камнях, да и то крайне ненадолго. Впрочем, наши датчики не улавливали никаких признаков технологии, которые могли бы свидетельствовать о продолжающемся человеческом присутствии.

– Прекрасная планета, – заметил я.

– Рада, что ты так считаешь. И тебя ничто в ней не удивляет? Не кажется знакомым?

Сидра затронула больное место, о существовании которого я узнал только сейчас.

– Я наверняка видел похожие водные планеты. Видел изображения, экспериментальные данные. Может, даже бывал на планете вроде этой когда-то давно. Но я не помню никаких подробностей. Если и были воспоминания, то стерлись подчистую, как и о моем пребывании на Марсе.

– Но если бы ты уже бывал на Арарате, то вспомнил бы?

– Думаю, да.

– Ты был здесь, – прямо заявила Сидра. – Как и я. Для нас обоих это второй раз.

– Ты же говорила, что раньше я тут быть никак не мог.

Арарат почти ощутимо увеличивался в размерах с каждой минутой. «Коса» искусно корректировала курс, уточняя траекторию посадки.

– Если бы ты знал правду, тебе бы это ничем не помогло. Знай ты в полной мере о том, что тут произошло, возможно, не захотел бы возвращаться.

– С чего бы это? – рассердился я. – Давай начистоту, Сидра. Меня не интересуют твои идеи насчет того, какая версия правды должна меня устраивать. Начнем с закономерного вопроса: зачем, черт побери, я пытался бы связаться с братом, о котором даже ничего не знал?

– Тогда ты знал. Может, подсознательно, но знал, что именно здесь ты сможешь хоть как-то примириться с Невилом. Наверняка в то время ты уже хотел полностью забыть о прошлом, о том, что сделало тебя тем, кто ты есть, – о преступлениях и славе, о войне на Марсе. Но если все еще сомневаешься, задай себе вопрос, Клавэйн: каким образом я отыскала тебя в Солнечном Доле? Ответ прост: до того как я попыталась добраться до Невила, ты

здесь уже побывал. Ты встречался с жонглерами, надеясь, что они помогут связаться с братом. И ты оставил едва заметный след. Найти Невила мне не удалось, но эхо твоего пребывания еще оставалось, оно в достаточной степени рассказало о твоих намерениях, чтобы привести меня в Солнечный Дол.

– Боюсь, это всего лишь очередная твоя ложь.

– Зачем мне лгать? – Во взгляде Сидры промелькнуло едва заметное сочувствие. – Думаю, ты и сам на каком-то уровне все помнишь. Яркое небо и серо-зеленые моря. Жжение от морской воды в глазах. Соленый вкус водорослей. Море пытается растворить любую человеческую машину, любое человеческое орудие. Ты становишься частью биомассы, входя обнаженным в чужое море…

Я ощутил, мою грудь сжимает нарастающий страх.

Страх утонуть.

– Хватит!

– Свои воспоминания о Марсе ты заблокировал преднамеренно. Я сумела преодолеть эту блокаду, действуя медленно и упорно. Но то, что произошло на Арарате, – событие совсем иного порядка. Возможно, пережитое там нанесло тебе такую сильную травму, что практически не отпечаталось в памяти. Море помнит о твоем визите намного больше, чем ты сам.

– Я совершил с братом нечто ужасное? – хрипло проговорил я. – Нечто такое, что едва не умер, когда пытался с ним здесь связаться?

– Будем надеяться, что время лечит, – ответила Сидра.

Пока мы подлетали к Арарату, волки нам не досаждали. Они наверняка были повсюду вокруг, частью рассеявшись по системе, а частью собравшись среди обломков спутника планеты, как и в Ржавом Поясе. Но мы оставались максимально темными, холодными и бесшумными. Вход в атмосферу Арарата был нежен, как поцелуй новой возлюбленной, – без каких-либо возмущений, ударных волн или тепловых вспышек. Столь же гладко и незаметно мы опустились к водной поверхности.

Мы летели на высоте один километр, оставаясь практически невидимыми благодаря хамелеофляжу. Мчащийся в туманной неопределенности между морем цвета неба и небом цвета моря корабль смахивал на камешек серо-зелено-голубого жадеита или бирюзы. Играя роль вежливых гостей, не желающих оскорбить хозяев, мы старались двигаться на дозвуковой скорости над теми участками океана, где концентрация жонглеров была наименьшей. Для нас, находившихся на борту «Косы», жонглеры

не представляли никакой угрозы, но стоило бы нам настроить их против себя, и о любом контакте пришлось бы забыть на многие годы.

Постепенно под нами возникла суша – западная оконечность одной из цепочек островов. Мы видели пологий каменный мыс, некое подобие бухты, россыпь бледных образований всевозможных размеров и форм. Они торчали под разными углами, будто вдавленные в ил раковины. Некоторые, в сотни метров высотой, едва не дотягивались до нас. За кормой, дальше к востоку, вздымались хмурые пурпурные грозовые тучи.

– Руины гнездостроителей, – уверенно определила Сидра. – Чужая технология. Остатки их кораблей и оружия, упавших на Арарат во время сражения, вероятно случившегося тысячелетия назад. Теперь эти раковины практически безвредны. Поселенцы нашли их и приспособили в качестве жилищ и административных зданий.

Пинки сосредоточенно наблюдал, не говоря ни слова.

Мы обогнули Первый лагерь. Издали могло показаться, что он заброшен, но пребывает в относительно целом состоянии. Однако, когда мы подлетели ближе, иллюзии развеялись.

Могучие волны и ветер, похоже, сорвали с места все, что не было надежно вделано в землю. Среди раковинных построек остались лишь редкие следы человеческого пребывания – в основном голая почва, да еще узкая зеленая бахрома у побережья и несколько похожих на дамбы холмов в тех местах, где на мощную стену из раковин обрушилась смытая волнами масса похожих на хижины строений. Некоторые раковины сами опрокинулись или навалились друг на друга, а их крупные обломки нашли покой на относительном мелководье, в нескольких сотнях метров от берега.

Зрелище вгоняло в тоску.

– Мне очень жаль, – прошептала Сидра.

Пинки кивнул.

– Что случилось? – спросил я.

– Мы оставили здесь лагерь, после того как Иоанн Богослов отправился с Арарата на Хелу. На орбите произошло сражение… весьма крупное. Между человеческим и волчьим оружием. – Пинки шмыгнул носом, явно чего-то не договаривая. – Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, какие потери понес Арарат. Взорвался его спутник. Даже если ни то ни другое оружие не затронуло планету напрямую, хватило бы одних обломков…

– Стихийные бедствия, – сказала Сидра. – Падение крупных метеоритов и вызванный этим подъем уровня океана. Усиленная вулканическая деятельность и нечто похожее на цунами.

– Возможно, все это было кем-то вызвано, – сказал я.

Пинки промолчал.

Мы опускались все ниже, остерегаясь ловушек. Вряд ли волки решили бы обосноваться в биосфере планеты жонглеров, но мы не осмеливались в это верить. Под прикрытием атмосферы «Коса» рискнула провести сканирование. Никаких признаков волков не обнаружилось. Особого облегчения мы не испытали, слишком уж сильно были напряжены наши нервы. Но в любом случае это было лучше, чем иной вариант.

– Нужно найти способ пересечь море, – сказала Сидра. – Мы не можем подлететь на корабле напрямую – жонглеры не пойдут на контакт, если мы сразу дадим о себе знать.

– Я думал, ты уже как-то подготовилась.

– Да. Когда я была здесь в прошлый раз, велела «Косе» построить для меня скиммер – высокоскоростной, минимально контактирующий с водой катамаран, почти целиком керамический, способный долго находиться в море без риска раствориться. Я оставила его среди этих камней, зная, что рано или поздно вернусь. Но его нет. Море, должно быть, накрыло остров и поглотило мой скиммер.

– Плохо.

– У «Косы» остались образцы, так что она вполне может за несколько дней создать новый.

Сидра послала зонды, которые проникли через отверстия в раковинные постройки. Там не оказалось ни выживших людей, ни работающих машин, но ее механические шпионы обнаружили свидетельства былого человеческого присутствия – груды гниющих отходов в дальних уголках построек. Биологический распад зашел уже слишком далеко – столь близко от берега даже атмосфера была насыщена микроорганизмами жонглеров. Но, как и содержимое «дамб», часть материалов из этих мусорных куч может пригодиться – если удастся извлечь.

Найдя пологий участок зеленой полосы со стороны побережья, недалеко от основной массы раковинных построек, Сидра медленно опустила «Косу» на плавучий ковер из водорослей. Вода вскипела от создаваемого посадочными двигателями жара. Когда «Коса» погрузилась примерно на три пятых и вода успокоилась, водоросли сомкнулись, образовав вокруг корабля зеленый пояс, способный послужить маскировкой. Как объяснила Сидра, водоросли и прочие морские организмы тотчас принялись растворять корпус «Косы», но на мелководье этот процесс идет достаточно медленно и защита корабля способна относительно легко ему противостоять.

Судя по личному опыту Сидры и имевшимся сведениям об

Арарате, воздухом можно было без особых сложностей дышать. Она открыла верхний люк, и мы втроем выбрались на спину «Косы». Стояли на небольшой огороженной платформе, точно бравые подводники, обозревающие новый континент.

– Дыши, – подбодрила меня Сидра, когда всем стало ясно, что мне не удается вдохнуть полной грудью.

– Я забыл, каково это место на вкус, – проговорил Пинки и мощно чихнул, обильно забрызгав ярко-зеленой жижей рукав. – Все-таки снаружи лучше, чем внутри. – Присев, он обтер рукав о поверхность «Косы». – Давай, корабль, попрактикуйся. Если не сумеешь справиться с каплей здоровых свиных соплей, то у нас куда больше проблем, чем нам кажется.

– Вспоминаешь прошлое? – осторожно спросил я.

Пинки кивнул:

– Мы млекопитающие, Вонючка. Обоняние и вкус значат для свиней даже больше, чем для людей. – Он фыркнул и наморщил рыло, будто готовясь еще раз чихнуть. – Тут случилось и хорошее, и плохое. В основном плохое. Но теперь, снова почувствовав запах, я вспоминаю и хорошее. Антуанетту, Ксавьера, старых друзей. – Он покачал головой, будто стыдясь собственных мыслей. – Их давно уже нет, но такое ощущение, что мы просто где-то разминулись, и если немного подождать, они вернутся. – Его голос зазвучал тише. – Я хотел бы снова увидеть друзей.

Сидра протянула руку, и ограждение исчезло. На хребте корабля образовалась плоская дорожка, до самого утолщения на хвосте – там, как я теперь понял, находилось гипометрическое устройство. Мы прошли по дорожке в сторону суши, где хвост соприкасался с поднимавшимся из воды склоном. На боку корпуса выросли похожие на ступени скобы, с помощью которых мы преодолели последние десять метров до твердой почвы Первого лагеря. Наши ботинки зашлепали по покрытому слизью камню.

Мы то и дело спотыкались и оступались. С собой не взяли почти никакого снаряжения, а одеты были практически в то же, что носили на корабле. Нуждаемся ли мы в какой-либо защите, понять было трудно. Липкий влажный воздух мог секунду спустя смениться пронизывающе холодным. Если бы мы решили, что нужна дополнительная одежда, пришлось бы за ней вернуться или велеть роботам-слугам ее принести.

Я не сводил взгляд с неба, зачарованный его гипнотически сияющими просторами. Хотя я прекрасно понимал, что атмосфера не собирается улетать в космос, было не по себе от мысли, что моя жизнь зависит от этой тонкой воздушной прослойки,

удерживаемой на месте лишь собственной тяжестью. Пока мы садились, над нами собрались грозовые тучи, покачиваясь над головой, будто любопытствующие великаны, и щеку обожгли несколько дождевых капель. Пинки снова чихнул, и споткнулась Сидра, пытаясь скрыть бросавшие ее в дрожь воспоминания.

– Что это с ней? – спросил Пинки.

– С тех пор как мы вышли из криокапсул, она явно что-то от нас скрывает.

– Нам нужны вы оба, Вонючка. И теперь, когда нет леди Арэх, тем более.

– Знаю, – кивнул я.

Мы пробирались сквозь зеленую кайму, пока не оказались на более сухом пространстве, над которым нависали раковины. Они имели цвет облаков и лишь слегка просвечивали. В некоторых местах в них были прорезаны человеческих размеров окна и двери, на что наверняка потребовалось немало времени и сил, поскольку отверстий было не так уж много. Польза этого инопланетного материала заключалась в его изумительной прочности, но по той же причине с ним было крайне тяжело работать. Нетрудно было представить, как ценили поселенцы все, что помогало им пережить непогоду Арарата.

Исследуя образовавшиеся возле раковин груды, мы обнаружили, что хижины и палатки, смятые, как бумажные игрушки, превратились в слежавшуюся сырую массу. Может, там и лежало что-нибудь полезное, но чтобы его извлечь, пришлось бы провести основательные раскопки. Сидра отыскала останки аппарата на воздушной подушке, который нам бы весьма пригодился для полета над водой, но он оказался в таком состоянии, что проще было поручить «Косе» сотворить новый.

Внутрь раковин вели находившиеся на уровне земли проемы. Некоторые были естественного происхождения – арки или трещины, уже имевшиеся до прибытия поселенцев. Другие явно были прорезаны человеческими инструментами – некоторые размером с дверь, а некоторые достаточно высокие и широкие, чтобы можно было переместить в укрытие тяжелое оборудование или груз. Пару раз попадались выцветшие, но все еще читаемые символы или надписи над дверями, вроде «Центр удобств» или «Служба безопасности», напоминая, что это был не просто временный форпост, а жизнеспособная самоуправляющаяся община, как на этом острове, так и на других, во многом похожая на Солнечный Дол, только небо здесь состояло из воздуха, а не из камня. Интересно, сумел бы я приспособиться к здешнему бытию?

Мы выбирали самые крупные раковины, ограничивая свои изыскания нижними уровнями. Сочившийся сквозь стены

молочно-белый свет позволял обходиться без фонарей. В основном строения не были пусты, а делились на помещения поменьше несколькими уровнями. Большинство перегородок, полов и потолков, возведенных руками поселенцев, пребывали в разной степени разрушения. На верхние уровни вели лестницы, но почти все они серьезно обветшали, и, чтобы попасть выше, нам пришлось бы вернуться за дополнительным снаряжением.

С этим можно было подождать. Хватало чем заняться и внизу – мы пытались найти любые намеки на произошедшее и вещи, которые могли бы нам пригодиться, особенно для путешествия по морю. Груды мусора достигали в высоту двух-трех человеческих ростов, но они были пологими и не слишком плотными, так что не составляло труда забираться на них и вести раскопки. В третьем здании мы нашли корпус лодки, торчавший под углом кормой кверху, но относительно целый на вид и достаточно легкий, так что втроем мы сумели высвободить его из мусора и отскочить, прежде чем он повалился.

Лодка была небольшая, цвета олова, традиционной формы. Неизвестно, как ее изготовили, но ее предназначение становилось с первого взгляда понятно любому человеку, жившему в пределах ста километров от берега моря на протяжении последних трех тысяч лет. Лодка была открытая, без кабины – лишь несколько предназначенных для сидения поперечин. Вместить она могла самое большее шестерых, а с относительным комфортом – четверых.

На корме имелось крепление – возможно, для мотора.

Сидра присела, раздумывая об отсутствующем компоненте.

– Могу приспособить существующий вариант двигателя. – Она встала, отряхивая ладони. – Хорошая находка. Поищем еще, вдруг попадется что-то получше. Но если нет – этой скорлупки нам вполне хватит.

Я с сомнением взглянул на серый металлический корпус. Погруженный в воду, он будет выглядеть не таким солидным, как на суше.

– Будем надеяться, что море останется спокойным. И что тот, кто сделал эту лодку, знал: жонглеры переваривают все, что оказывается в воде.

Сидра хмуро уставилась на плавсредство:

– Корпус металлокерамический, он достаточно долго сможет противостоять океану. Я вызову роботов, пусть вытащат ее наружу. Если удачно выберем погодное окно, лодка такого размера вполне нас устроит.

– Мы столько пролетели на невидимом космическом корабле с силовыми полями, а теперь должны обходиться какой-то

растворимой лодкой? – спросил Пинки.

– Ты прекрасно все понимаешь, – сурово ответила Сидра. – К жонглерам нужен тонкий подход. Тот мой скиммер – предел технологий, которые они готовы терпеть. А поскольку мы не можем проделать весь путь вплавь…

– Я даже метра не проплыву, – буркнул Пинки.

– Полагаю, у тебя имелись дела поважнее, чем учиться плавать, – сказал я.

– Этой лодки вполне хватит, если только не найдется чего-нибудь получше.

Но ничего не нашлось. Нам попадались разбитые вертолеты, искореженный вездеход на воздушной подушке, какие-то наземные машины, несколько не поддающихся опознанию предметов и пара лодок вчетверо больше первой. Но, как сказала Сидра, «больше» необязательно «лучше». Их сложнее было спустить на воду, к тому же они, скорее всего, оказались бы не столь быстрыми и поворотливыми, не давая при этом никаких преимуществ в смысле безопасности.

– Будем искать дальше, – сказал я. – Неизвестно, что лежит в этих мусорных кучах, а нам может пригодиться даже оружие или медицинский комплект.

– Кое-чего мне бы найти не хотелось, – сказал Пинки.

– Чего? – рассеянно спросила Сидра.

– Мертвецов на этих руинах. Но ты была тут позже, Сидра. Ты должна знать.

– Была. Только трупов не видела. Когда я испытывала скиммер, недалеко отсюда находилось что-то вроде памятника. Но он явно возник раньше, чем случилась полная катастрофа.

В конце концов, усталые и разочарованные, мы снова собрались снаружи, на пологом склоне чуть выше зеленой полосы. Над головой, будто готовый раздавить нас каблук, висела черная туча. Начался порывистый дождь, от которого иногда пахло морем, а иногда электрическими разрядами. Сидру непрестанно била дрожь. Вдруг она согнулась в три погибели, и ее стошнило чем-то сухим.

Пинки подхватил ее, прежде чем она успела свалиться.

– Пора узнать правду. Что с тобой?

– Ничего.

– Она лжет, – сказал я. – И у нас хватает забот, кроме ее здоровья. Нужно обустроить здесь жилье для беженцев. С убежищем вопрос решен – или решится, как только у нас будет достаточно рук, чтобы расчистить все эти строения от мусора, а может, и от трупов. Потом велим «Косе» сделать новые стены и

полы для комнат. Вряд ли это слишком сложная задача для космического корабля, который способен перестраивать себя в мгновение ока.

– «Коса» уже перераспределила внутренние ресурсы, чтобы создать гипометрическое устройство.

– Уверен, что потеря тысячи тонн для нее мало значит, а такого количества хватит с лихвой, чтобы построить автономное поселение, тем более что строить придется не с нуля – у нас уже есть эти раковины.

Сидра зашипела от злости, но все же сказала:

– Пожалуй, расстаться с частичкой своей массы «Коса» могла бы.

– Ну вот, не так уж все и сложно, верно? Но мы должны начать прямо сейчас, и нужно четко объяснить Баррасу и остальным, что они не просто балласт, который мы случайно взяли на борт.

– Что ты предлагаешь? – спросил Пинки.

– Давайте оживим Розу-или-Нет, Барраса и десяток самых здоровых свиней. Выведем их наружу и покажем, с чем предстоит иметь дело. Твое мнение будет крайне полезно, Пинки. Ты тут жил, знаешь, что можно сделать и, что не менее важно, чего сделать нельзя. – Я повернулся к Сидре. – И если мы намерены действовать всерьез, ты должна дать Баррасу доступ к управлению «Косой». Естественно, не в полном объеме, но в достаточной степени, чтобы корабль по его требованиям создавал все необходимые инструменты и материалы, а также приказывал роботам переносить детали и собирать из них модули.

На лице Сидры отразилась внутренняя борьба.

– Ладно. Не такое уж неразумное предложение. Отправиться с нами на лодке они все равно не смогут, так что пусть займутся чем-то полезным, пока мы будем в море. Пинки?

– Ты помнишь, как меня зовут? Она помнит мое имя, Вонючка! Я расту в ее глазах.

– Выбери самых здоровых, чтобы оживить их первыми. Можешь ввести их в курс дела, пока мы с Клавэйном готовим лодку.

– Это ведь не приказ? – уточнил я. – Да, Сидра?

– Предложение, – процедила она сквозь зубы.

– И не такое уж неразумное. – Я кивнул в сторону опутанного водорослями корабля, похожего на всплывшее из-под воды горбатое чудовище. – Полагаю, корабль сможет какое-то время всех кормить и одевать, даже если они будут находиться снаружи. Но к тому времени, когда мы соберемся улетать, здесь уже должно быть автономное поселение. Как думаешь, возможно

создать такое за… скажем, несколько дней, самое большее недель, в зависимости от погоды и поведения жонглеров?

– Однажды у нас это получилось, – проговорил Пинки, задумчиво глядя на запад. – Будет проще, если привыкнуть ко вкусу чая из водорослей. И супа из водорослей. И всего остального из водорослей.

– И сколько времени вам для этого потребовалось?

Он удивленно взглянул на меня:

– Я сказал – будет проще, если привыкнуть. Но я не говорил, что привыкнуть можно.

Сидра бродила вокруг раковинных построек и с интересом их разглядывала. Я издали наблюдал за ней и гадал, что она пытается найти.

Остановившись возле одной из раковин, торчавшей из земли, будто доисторический менгир, она стерла с конструкции гнездостроителей зеленую пленку, обнажив гладкую белую просвечивающую поверхность. Несколько мгновений изучала расчищенный участок, уперев руки в бока и слегка склонив голову, будто пытаясь постичь смысл произведения абстрактного искусства. Затем, наклонившись вперед, оперлась рукой о раковину, словно вдруг лишилась сил. Ладонь со сжатыми пальцами скользнула по поверхности, оставив узкий изогнутый след на зеленой слизи. Отойдя на шаг, Сидра задумчиво прочертила другой ладонью кривую, пересекавшую первую, изобразив нечто вроде скрещенных сабель. Опустив руки, вновь взглянула на свое творение, и по всему ее телу пробежала дрожь. Снова наклонившись, Сидра одновременно провела по поверхности раковины обеими ладонями. Ее движения стали быстрее; казалось, она пытается стереть некую непостижимую для меня ошибку или богохульство. Дрожь усилилась, руки мелькали с такой скоростью, что я уже не мог различать отдельные их следы. Сидра упала на колени, вскинула над головой ладони и уперлась ими в раковину. Ее голова крутилась из стороны в сторону, будто пытаясь оторваться от шеи.

В раковине возникло пятно, похожее на движущуюся под ее поверхностью тень. Там, где продолжала тереть Сидра, раковина вроде стала шершавой, обретя кожистую текстуру, но это длилось лишь секунду. Сидра в последний раз вздрогнула, и руки безвольно упали. Она повалилась на бок, глухо ударившись головой о землю.

Я кинулся к ней – что, пожалуй, следовало сделать, едва у нее начался приступ. Она все еще корчилась на земле, когда я упал на колени рядом, больно ударившись о камень, и обхватил

ее голову руками. Было ощущение, словно я пытаюсь остановить движущуюся машину, которая намного сильнее меня. Отпустив голову Сидры, я обнял ее за плечи и прижал к себе, и она постепенно затихла. На губах проступила белая пена.

Я взглянул на то место раковины, где сочленительница сумела вызвать к жизни нечто странное.

– Сидра, – тихо сказал я, не зная, слышит ли она, – нам нужно поговорить.

Когда Сидра успокоилась, я усадил ее рядом с собой на скользкий камень. За спиной у нас темнело море, между облаками у самого горизонта пробивалась полоска оранжево-розового света.

– Скажи, что с тобой не так.

– Ничего.

– Хватит врать! Если бы я не оттащил тебя от раковины, ты бы через пять минут вышибла себе мозги. И что это все вообще означает?

Сидра задумалась, глядя на запад:

– Я пыталась проверить ряд жестовых команд гнездостроителей. Но они не сработали.

– Кое-что сработало.

– Даже близко не удалось. К тому же раковина повреждена – ее сорвали с предназначенного для нее места, поэтому она не может функционировать как надо.

– Ты говорила, что когда-то это были части корабля.

– Или многих кораблей, или некой структуры, которая могла разделяться на части и перестраиваться по собственному желанию. Может, однажды мы встретим один из тех кораблей, и нам необходимо знать их достаточно, чтобы не погибнуть.

Я окинул взглядом руины:

– С чего ты взяла, что мы можем встретить один из тех кораблей? Или у тебя уже есть мысли, где их искать?

– Когда «Сандра Вой» исследовала Харибду, она обнаружила в атмосфере ледяного гиганта большую твердую массу. Увы, Клавэйн и Галиана не обладали ни базовыми знаниями, чтобы правильно идентифицировать находку, ни средствами для ее изучения, кроме нескольких высокоатмосферных зондов. Но сейчас, спустя века, я уверена: это был невредимый, или почти невредимый, корабль гнездостроителей.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю. – Она собралась с мыслями. – И мы его найдем, как только доберемся до Харибды. Он наверняка должен быть все еще там. Не стоит совершать ошибку, думая в

человеческих временных масштабах, когда дело касается гнездостроителей. Но было бы неплохо заранее удостовериться, что все командные протоколы работают как надо.

– Похоже, ты перестаралась.

– Я потратила на эту раковину слишком много ментальных ресурсов. И не предохранилась.

– Не предохранилась от чего?

Она тяжело вздохнула, с болью признавая свое несовершенство:

– От девятилапов.

– Девятилапов? Они же остались на Йеллоустоне.

– Я пострадала от них сильнее, но не созналась тогда. В них было встроено оружие, предназначенное для поражения сочленителей. Или тех, в ком есть нейроструктуры сочленителей, вроде меня.

– Снежинка и леди Арэх предупреждали, что это рискованно. Почему ты не послушалась?

– Думала, что сумею справиться. – Она поморщилась и тряхнула головой. – Когда меня начала лечить «Коса», я еще не осознавала, насколько велики мои проблемы. Но диагностика показала, что в ранах остались частицы конечностей девятилапов. Микроскопические осколки, сами по себе автономное оружие. С тех пор они силятся проникнуть в мою голову. «Коса» пыталась вымыть их из моего организма. Потом вырезать или выследить и умертвить с помощью своих нанофагов. Но эти частички легко приспосабливались, вырабатывали стратегию противодействия. Они уже имели дело со многими средствами сочленителей и сумели их победить.

– Как же так, Сидра? Ты взломала все системы в Солнечном Доле, переписала нашу информацию и обратила против нас наши орудия. Как, черт побери, ты сумела так попасться?

– Не хочу тебя разочаровывать, но победа над Солнечным Долом была детской игрой. Я же говорила, что люблю играть. – Она невинно улыбнулась. – А это… это уже игра для взрослых. И она многого не прощает.

– Ты не можешь проиграть.

– Не могу?

– Да. Мы потеряли леди Арэх, и кто теперь, кроме тебя, обладает всей оперативной информацией? Не я и не Пинки. Это твоя война, Сидра. Может, я и в самом деле оружие, в котором ты нуждаешься, но именно твой разум его направляет. Так что умереть ты не можешь. Ты должна жить. Ради нас.

– Нужно было завершить работу над гидеоновыми камнями. Если бы я позволила «Косе» полностью меня вылечить, нам

просто не хватило бы времени, чтобы полностью интегрировать камни. – Она вздохнула, крепче обхватив руками колени. – Я… произвела кое-какие расчеты, Клавэйн. Я обменяла на камни свое здоровье, и это нас спасло.

– Значит, расчеты оказались неверны!

– Помнишь, леди Арэх говорила, что нужно делать шаг за шагом? Я все слышала и считаю, что она была права. Это был именно тот шаг, который следовало сделать.

– И теперь ты умираешь?

– Нет. По крайней мере, надеюсь, что нет. Но все средства корабля оказались бессильны, а частички девятилапов, как ты уже заметил, атакуют мою последнюю линию обороны, так что остается только один вариант. И боюсь, он весьма радикален.

Вечерняя прохлада пробрала меня до костей.

– Продолжай.

– Я прилетела вместе с тобой к жонглерам образами. Мы оба поплывем к ним, но по разным причинам. Ты – чтобы связаться с братом. Я – чтобы восстановить прежнюю биологическую матрицу, в которой уже не будет этих частиц.

– Такое возможно?

– Я входила в это море однажды и пыталась общаться с жонглерами.

– Безуспешно?

– Не совсем. Я узнала о твоих намерениях, а это значит, что восстановимы и мои собственные воспоминания, хотя бы частично. Возможно, жонглеры сохранили эхо той встречи. Я попрошу восстановить меня – такой, какой я была в тот день.

– В самом деле радикально, – кивнул я.

– Ответ верен.

– Что насчет новой памяти, накопленной после того, как ты побывала на Арарате? Что с ней случится?

– Вероятнее всего, она исчезнет – или, по крайней мере, уйдет в море. Но со временем я смогу ее реконструировать. Корабль знает, что я делала, и ты тоже знаешь. Вы свидетели.

– Это безумие, Сидра.

– Так и есть. Безумие высшей пробы. Необходимое безумие высшей пробы. Поможешь мне? Когда мы доберемся до жонглеров, я могу оказаться слабее, чем ты ожидаешь. Мне не справиться в одиночку.

– Мне тоже не справиться в одиночку.

Сидра грустно покачала головой:

– Да мы с тобой прямо парочка увечных монстров, Клавэйн. Как думаешь, море нас излечит?

Я взглянул на тускнеющий горизонт, несший нам обоим

отчаяние и надежду.

– Либо излечит, либо убьет, – ответил я.

Глава 24

Наступила ночь – наша первая ночь на Арарате. Собрались грозовые тучи, непрерывно поливая остров дождем. Небо рассекали молнии, порой ударявшие достаточно близко, чтобы озарить остатки Первого лагеря судорожным светом фальшивого дня. По морю медленно катились темные зеленые волны – будто дышало окутывающее планету чудовище, черное, с множеством щупальцев и дурным нравом, которое мы рисковали самым неделикатным образом пробудить.

Мы вернулись в теплое безопасное нутро «Косы», где гроза нам нисколько не досаждала. Хотя все трое бывали раньше на Арарате (пусть даже я почти ничего об этом не помнил), Сидра настояла, чтобы мы подверглись тщательному обследованию на случай, если в биологической среде планеты что-то изменилось. Но если в нас и проникло нечто пагубное, то оно было слишком мелким – средства Сидры ничего подозрительного не выявили. За исключением насморка и легкого жжения в глазах, которые вряд ли продлились бы долго, мы не ощущали никаких последствий, напрямую связанных с Араратом.

Прежде чем отдыхать, мы с Пинки отправились в анабиозный отсек и заново составили реестр спящих с учетом их физического состояния и возраста. Насчет Барраса и Розы-или-Нет вопрос был уже решен, но выбор других, кого предстояло разбудить в первую очередь, потребовал раздумий. Нам нужны были свиньи достаточно опытные для того, чтобы принимать решения, и вместе с тем достаточно здоровые, чтобы заниматься физическим трудом. Если мы не успеем создать поселение, выжившим придется плыть вместе с нами, невзирая на любые подстерегающие опасности.

Определившись с выбором, мы перевели криокапсулы в режим медленного пробуждения: пройдет минимум тринадцать часов, прежде чем кто-нибудь из этих свиней мало-мальски придет в себя. Мы сами нуждались во сне, но прежде чем обратиться к двенадцати пробужденным, нам требовалось получить хотя бы призрачные очертания плана, чтобы Баррасу и остальным не казалось, будто их бросают на произвол судьбы.

– Сидре становится хуже, – сказал я, когда Пинки закрыл панель ручного управления на последней из двенадцати капсул.

– У Сидры наверняка есть уши во всех частях корабля.

– В таком случае наш разговор нисколько ее не удивит. Она

возлагает надежды на то, что жонглеры смогут исправить случившееся с ней в Свинарнике, вернув ее к той версии Сидры, что побывала здесь в прошлый раз.

– И что ты по этому поводу думаешь?

– Думаю, что мы, возможно, многого не понимаем. – Я понизил голос из уважения к предыдущему замечанию Пинки. – Но она слабеет, и мы наверняка видим лишь вершину айсберга. Ты же помнишь, как она едва не упала в обморок. Если бы ты ее не подхватил, наверное, она разбила бы голову о камни.

– Я бы скорее беспокоился насчет камней.

– Меня тревожит мысль: не слишком ли мало у нас времени? Как только будет готова лодка и гроза утихнет настолько, что выход в море не станет самоубийством… думаю, пора будет плыть.

– И ты хочешь, чтобы я поплыл с вами?

– Если Сидра права, в прошлый раз, когда я здесь был, дела обстояли не лучшим образом. Возможно, мне так и не удалось связаться с братом. Но возможно также, что я с ним все-таки связался – или с тем, что осталось от него в этом океане, – и он стал сопротивляться. Мне нужен поручитель, тот, кого брат воспринял бы как друга и союзника.

– Тогда тебе стоит поискать кого-то другого, а не того, кто его убил.

– Я успел достаточно тебя узнать и нисколько не сомневаюсь: что бы ты ни совершил тогда, ты совершил это с любовью в сердце.

Он насмешливо фыркнул, но я продолжал:

– Вселенная не оставила тебе выбора. Она держала твою руку железной хваткой, вынуждая следовать ее воле. И если твоя рука сжимала нож, точно так же его сжимала и рука моего брата.

– Может, и так. – Он помедлил и вдруг взорвался: – И тем не менее я его убил! Его разум осознавал, почему это должно случиться. Но это был его живой разум. И то, что хранится здесь, вовсе не обязательно то же, что и было. Что, если от Невила Клавэйна не осталось ничего, кроме ненависти, ярости и тоски, а также смутных воспоминаний о том, как кто-то резал его, пока он еще кричал?

– Тогда, возможно, нам придется стать поручителями друг для друга.

– Это лучшее, что ты можешь предложить?

– Пока да.

– Что ж, если для этого в самом деле требуется совершить безумный поступок, выйдя в море на лодке… можешь считать, что вопрос решен. – Пинки по-собачьи встряхнулся, что я воспринял

как злость и обреченность в равной мере. – Ну и сволочи же вы все, Клавэйны. И почему от ваших проблем постоянно зависит моя жизнь? Почему я всегда должен вас спасать? Почему бы вам не найти какую-нибудь другую свинью?

– Считай, что мы идеально умеем подбирать союзников.

Утром ожили все двенадцать. Мы с Сидрой и Пинки ждали этого пробуждения, готовясь смочить живительной влагой их губы, глаза и пересохшие глотки. Основной груз работы взяли на себя я и Скорпион, поскольку Сидра никак не могла справиться с колотившей ее дрожью.

Проснувшиеся задавали очевидные вопросы. Добрались ли мы до Арарата? Где леди Арэх? Почему остальные продолжают спать? Что будет дальше?

Мы терпеливо отвечали, пытаясь поставить себя на их место, и нас вовсе не раздражало, когда рассказ о прохождении через Яркое Солнце либо воспринимался с откровенным недоверием, либо не вызывал никаких возражений. Казалось, будто все двенадцать разделились на два лагеря – тех, кто знал достаточно, чтобы считать наш подвиг выдающейся ложью, и тех, кто в силу своего астрономического невежества не придавал этому сколько-нибудь существенного значения.

Вскоре мы развеяли заблуждения, объяснив, что корабль был близок к катастрофе, которую предотвратила леди Арэх своим отважным поступком. Но эта отвага стоила ей жизни.

Вряд ли свиньи оплакивали утрату так, как Пинки и Роза-или-Нет или хотя бы как Сидра, потерявшая если не подругу, то коллегу. Но они явно понимали, что ее гибель обошлась нам крайне дорого.

– Это едва ли не самое худшее, что могло случиться, – сказал я. – Но было бы куда хуже, если бы погибли все, и мы должны быть благодарны леди Арэх за то, что этого не случилось. Она дала нам шанс продержаться, перегруппировать силы и продолжить борьбу. И мы так и поступим, ради нее и всех тех, кто отдал свою жизнь за то, чтобы мы смогли сбежать от волков. – Я посмотрел каждому в глаза. – Теперь нам придется действовать без ее руководства. А дел у нас хватает.

Когда Баррас, Роза-или-Нет и остальные в достаточной степени пришли в себя, чтобы покинуть «Косу», мы вернулись на сушу. Ночная буря почти утихла, дождь лил намного слабее, но это вовсе не означало, что погода смилостивилась над нами. Море оставалось неспокойным, а на северо-востоке собирались новые тучи. Возможно, этот новый мир беженцы предпочли бы увидеть не совсем таким, но я решил, что будет лучше, если они

познакомятся с его нравом сейчас, а не разочаруются позже.

Впрочем, похоже, их это не особо волновало. Для них было чудом уже то, что они могут дышать свежим воздухом или пройти больше трех шагов, не уткнувшись в прутья клетки или стену. Они спотыкались, падали на скользкие камни и, смеясь, поднимались. К концу дня им предстояло заработать немало синяков и ссадин, но, похоже, все сочли, что это вполне достойная цена за возможность выжить. Даже Роза-или-Нет, никогда не сидевшая за решеткой, радовалась, что ее не окружают искусственные поверхности и ее жизнь не зависит от непрерывного функционирования машин.

– Мы сможем здесь жить, – сказала она, показывая на раковиные постройки. – Если могли наши предшественники, сможем и мы, да и да. Я знаю, им было нелегко, но нам доводилось терпеть и худшее.

– Ты абсолютно права. И мы не обречены остаться здесь навсегда, нам нужно провести на этой планете лишь несколько десятилетий.

Я улыбнулся, подумав о том, как легко говорю о десятилетиях, словно это не более чем краткий эпизод, о котором вскоре можно будет забыть. Хоть я и понимал, что это вовсе не так, старые привычки давали о себе знать.

– Нам – да. А вам? – спросила Роза-или-Нет.

– «Коса» обязательно вернется. – Обещание выглядело несколько опрометчивым, но если бы я не рассчитывал на удачу, то мог бы уже сейчас покончить с собой. – Не исключено, что прилетит не только этот корабль. Наверняка где-то есть и другие. Если все получится, то нам больше незачем будет скрываться. Те из вас, кто успеет привыкнуть к Арарату, могут остаться, но это вовсе не пожизненный приговор.

– Но сперва, воистину да, нам нужно построить жилье.

Всех уже коротко проинструктировали насчет возложенной на них задачи. Помогать должен Пинки, но им самим предстоит договориться, как они разделят между собой работу и ответственность. Сперва было решено обследовать раковины и определить, какие подходят для первоначального заселения. Затем начнется работа как минимум по двум направлениям: одна группа учится взаимодействовать с «Косой», убеждая ее производить все необходимое, а другая убирает мусор и делает перегородки, полы и потолки в дополнение к тем, что уже имеются среди руин.

– Совершенство не требуется, – подчеркнул я. – Главное, чтобы было где жить. Мы трое уплываем, но корабль остается здесь, так что у вас будет запасной вариант. Можете проводить в

«Косе» сколько угодно времени и рассчитывать на то, что она обеспечит все ваши основные нужды. Но следует помнить, что однажды ей придется улететь, а это может случиться уже скоро.

– Через несколько месяцев?

– Раньше. Если не возникнет слишком серьезных проблем с жонглерами образами.

По лицу Розы-или-Нет я понял, что она в мгновение ока лишилась всякой надежды.

– Беру свои слова обратно! – Судорожно дернувшись, она стукнула себя по лбу. – Это невозможно, да, да, да!

– Нет, просто сложно. С голоду вы не умрете. Пинки знает, что при должной осторожности можно есть практически все, что море выбрасывает на берег. Не обещаю, что эта пища вам не приестся, но прожить вы сможете. Не умрете от какой-нибудь заразы или от переохлаждения. С одеждой, одеялами и обогревателями проблем не предвидится. Это вовсе не конец, а начало. Арарат – одна из самых пригодных для жизни планет, на которых мы могли бы высадиться.

– Она уже погубила других.

– Нет, – возразил я. – Не Арарат это сделал и не жонглеры образами. Они вполне терпимы к гостям. Тех других погубила разразившаяся в космосе война, но больше такого не случится.

– Ты слишком самоуверен.

– Война будет, – уточнил я. – Но не такая, в каких нам приходилось сражаться раньше. Иная.

Роза-или-Нет смерила меня взглядом, слегка наклонив голову:

– Ты уже не тот человек, который к нам прибыл. Не тот, в кого я втыкала иголки в цитадели. Да и да. Я поняла, что это ты, по генетическим образцам, но все равно не верила, не совсем. Теперь верю. Твоими глазами на меня смотрит другой. Более холодный и жесткий, да и да. Более уверенный в себе. Готовый вообразить невообразимое.

– Я об этой перемене вовсе не просил. Но теперь кажется, будто мое прошлое всегда ждало своего часа, чтобы вернуться. – Я топнул по камню. – Здесь наше место. Мы строим форпост, заявляя, что человечество не погибло. Нас теснят и гонят и вынуждают скрываться, но с нами не покончено. Мы пребывали во тьме, но настал переломный момент, когда мы вновь поворачиваемся к свету. Он начинается на Арарате, и он начинается с вас.

Она задумчиво кивнула:

– Значит, строим.

– Значит, строим, – повторил я.

– Иди займись лодкой, старик, – сказала Роза-или-Нет. – Кое-кого из нас ждет настоящая работа, да и да.

Я был бы рад отправиться в путь этим же утром – не то чтобы не терпелось встретиться с жонглерами, но я просто не мог думать ни о чем другом. Точно так же чувствовал себя в Солнечном Доле, зная, что предстоит выдернуть зуб. Мне попросту хотелось, чтобы все побыстрее закончилось, чтобы меня больше не мучили боль и неопределенность.

Но обстоятельства задерживали нас на день-другой. Сидра должна была к вечеру закончить доработку лодки, после чего мы могли бы завершить все необходимые приготовления за час или два. Однако у погоды имелись иные планы. Хотя ночная гроза на какое-то время прекратилась, на горизонте продолжали сплачивать свои ряды тучи, похожие на ощетинившиеся пушками галеоны с темным днищем. Море ревело и плевалось брызгами. Может, судно покрупнее с закрытой кабиной и смогло бы отправиться в путь, но наша лодка перевернулась бы кверху килем несколько минут спустя. Казалось даже забавным, что все наши путешествия и проявленная отвага забросили нас в каменный век, когда приходится смотреть на небо и ждать попутного ветра. Мы не имели ни малейшего понятия о погодных условиях за горизонтом. Сидра не пожелала оставить на орбите «глаза», а теперь непреклонно заявляла, что посылать зонды или роботов на разведку за пределы Первого лагеря слишком рискованно, поскольку их могут обнаружить волки. Не менее рискованно было и плыть по морю на лодке, но этой части нашей экспедиции мы избежать не могли.

Так что теперь нам ничего не оставалось, как ждать. Задержка действовала на нервы, но, по крайней мере, позволяла Баррасу и остальным войти в рабочий ритм, а нам со Скорпионом – помогать, где возможно, знаниями и мускульной силой. «Коса» и ее слуги-роботы неустанно выплевывали груды простейших модулей, из которых можно было собрать стулья или столы, а также обеспечивали нас инструментами и связующими материалами для создания более сложных конструкций. В административной раковине уже имелась длинная импровизированная кухня, где можно было дать отдых ногам, поесть или выпить. Также были отведены места под туалеты и умывальные, оснащение которых основывалось на базовых, но надежных образцах из архивов «Косы». Все это выглядело бессистемно, к тому же еду приходилось доставлять с корабля, как и отправлять на него отходы. Но со временем, судя по опыту Скорпиона, ничто не помешает поселению зависеть

исключительно от моря. Познания свина стали мощным стимулом для решения краткосрочных проблем, а его уверенная и самодовольная манера вскоре передалась остальным. Скорпиону хватало ума не вмешиваться, когда он видел то или иное решение, но знал, что будет лучше, если другие додумаются сами. Я с гордостью наблюдал за ним, как будто его достижения были моей заслугой, а потом сам же себя за это ругал.

К концу вторых суток, когда местный воздух уже не так раздражал глаза и носы, зашел разговор о том, чтобы разбудить еще сколько-то спящих, – это позволило бы ускорить приготовления. Однако Баррас и Роза-или-Нет уже успели ввести демократические принципы, и вопрос был поставлен на голосование, закончившееся с небольшим перевесом отрицательно. Было решено продолжать строительство в прежнем темпе и разбудить очередную порцию беженцев, лишь когда будет что им показать, кроме многих акров скользкого камня, продуваемых ветром раковин и некрасивых груд отбросов.

Все двенадцать работали посменно, расчищая раковины и учась общению с «Косой». Сидра организовала интерфейсы для связи с кораблем, позволявшие свиньям пользоваться естественным языком, письменным кодом или абстрактными жестами. Интерфейсы представляли собой планшеты, защищенные от непогоды, способные выдержать падение на камни или недолгое пребывание в воде, и приспособленные под свиные пальцы.

Для свиней это представляло некоторые сложности, поскольку мало кому из них доводилось отдавать команды машине. Но с другой стороны, им не требовалось начинать с чистого листа. Я с радостью наблюдал, как они быстро преодолевают неуверенность, убеждая корабль создавать вещи, удовлетворяющие всем потребностям, а не просто сырье или полуфабрикаты. Процесс оборудования раковин набирал темп, и свиньи находили все более изобретательные и действенные решения, превращая заливаемые дождями и продуваемые ветрами оболочки в нечто пригодное для жизни. Казалось, вся та свобода воли, которой они были лишены в течение многих лет на Йеллоустоне, вернулась к ним за считаные дни.

Никаких трупов мы не обнаружили. Во время своего прошлого визита Сидра их тоже не нашла, но призналась нам, что искала не слишком тщательно. И у меня не возникало ощущения, будто я раньше видел здесь мертвые тела, хотя в этом отношении я мог полагаться лишь на эмоциональный фон таящихся в глубинах разума воспоминаний. Порой оттуда всплывала боязнь утонуть, но не страх встречи с непогребенным покойником.

Возможно, я очень недолго пробыл в Первом лагере и его окрестностях, и весь мой существенный опыт ограничивался открытым морем.

Я сказал Сидре, что до того, как мы отправимся к жонглерам, хотелось бы посетить упомянутый ею памятник. Мне это казалось необходимой данью уважения. Сидра, однако, сочла это совершенно излишним. Одно дело – часовой полет на ее скиммере, и совсем другое – долгое и утомительное плавание на моторной лодке.

– Это не туризм, Клавэйн. Мы прилетели сюда не достопримечательностями любоваться.

– У меня такое чувство, будто мы ступаем по костям.

Сидра дала понять, что ее отказ окончателен.

– Как только будет благоприятствовать погода, отправляемся. Но не к памятнику. – Она пристально взглянула на меня. – Что ты надеешься найти? Теплое послание от брата, отпущение грехов с того света?

– Если бы я здесь уже бывал, то, возможно, оставил бы послание самому себе.

– Но не оставил, – бесстрастно сказала она. – Я бы его нашла.

На следующий день погода оказалась не мягче, чем в первую грозу, и в ближайшие пятьдесят два часа улучшения не ожидалось. Даже свиньям пришлось сбавить темп. Они уже отложили прокладку противоскользящих дорожек, которые изготовила по их просьбе «Коса», вокруг раковин и между ними, но из-за дождя, ветра и обжигающих глаза брызг морской пены работа на время приостановилась. Свиньи отдыхали, частью вернувшись на корабль, частью укрывшись в почти обустроенной раковине. Пора было полечить раны, вытянуть натруженные ноги, набить животы, поделиться историями и похвалиться достижениями. Тепла и горячей воды имелось в изобилии, и корабль обеспечивал едой и питьем в любых желаемых количествах и разновидностях. Скорпион, движимый духом солидарности, даже поучил свиней добывать водоросли: какие искать, каких избегать и как приводить собранные в относительно съедобный вид. Все это наводило на мысли об утомительно однообразной диете, но я вспомнил похожие уроки, которые мне – или человеку, который был не совсем мной? – довелось получить в Солнечном Доле. Мы постепенно находили удивительные вкусовые нюансы в небогатой пище, которую нам удавалось выращивать в пещерах, и эта способность различать тонкости усиливалась у каждого нового поколения.

Погода в конце концов улучшилась, хотя мы не осмелились

сразу же отплыть – опасались, что за горизонтом близится нечто похуже. Но еще через день дожди и ветер окончательно сошли на нет, небо расчистилось, насколько хватало взгляда, а зеленовато-голубую поверхность моря едва шевелили волны. Воздух стал теплее и суше, и к вечеру засияли звезды, будто зажженные заботливыми богами фонари. Все мы смотрели на них с одной и той же мыслью: где-то во тьме среди этих ярких точек затаился враг; возможно, он слишком близок. Но пока мы были бессильны против волков, а потому старались загнать страх перед ними как можно дальше в недра сознания.

Лодка была готова. Ее корпус почти не изменился, но зато Сидра добавила двигатель, состоящий из трех корабельных роботов. Шары были соединены в ряд и окружены каркасом. Они всасывали воздух и ускоряли его поток внутри себя, и на выходе получалась мощная струя; ее вполне хватало, чтобы толкать лодку со скоростью сорок километров в час при слабом сопротивлении ветра и малой волне – ненамного быстрее, чем электрокар в Солнечном Доле, но нас вполне устраивало. Двигатель крепился к корме на поворотной стойке, и сидевший на кормовой банке мог управлять вручную. Сидра имела возможность регулировать мощность двигателя посредством нейроинтерфейса, но для простых смертных румпель был снабжен пультом. Ничто на Арарате не могло быть стопроцентно защищено от разъедающего воздействия биохимических и молекулярных компонентов моря, но, по крайней мере, наш мотор находился над водой. Мы надеялись, что он продержится долго, чтобы доставить нас к жонглерам образами и обратно.

Когда мы садились на планету, Сидра определила, что ближайшее крупное скопление жонглеров находится в двухстах пятидесяти километрах от Первого лагеря. Если оно не сместилось и море продолжает нам благоприятствовать, мы доберемся меньше чем за шесть часов. Контакт с жонглерами невозможно никак спрогнозировать, но в случае отказа, вероятно, он закончится быстро. На этой широте и в это время года Яркое Солнце находилось над горизонтом около восемнадцати часов. У нас был шанс сделать первую попытку и вернуться на базу до наступления ночи. И даже ночью, хотя путешествие было бы рискованным, Сидра вполне смогла бы справиться с навигацией.

Мы договорились отправиться в путь перед самым рассветом. Хотя рассчитывали вернуться до темноты, все же подготовились к более длительной экспедиции: взяли еды и воды на три дня, медикаменты, дополнительную одежду, плавсредства и тент на случай, если придется дрейфовать под жарким солнцем. Мы также взяли две пары весел, найденных среди мусора, и убрали

их под банки: если и понадобятся, то не скоро. У нас имелись ножи и газовый гарпун, но больше никакого оружия. Работавший на радиочастоте коммуникатор позволял держать связь с Розой-или-Нет, хотя мы собирались ограничить его использование до минимума. По словам Сидры, любое излучение энергии могло отпугнуть жонглеров. Обойтись без двигателя мы не можем, но чем меньше при нас будет достижений технологической культуры, тем лучше.

Мы с Сидрой уже были в лодке, устраиваясь поудобнее и укладывая груз, когда подошли Скорпион, Баррас и Роза-или-Нет.

– Он говорит, что вам без него не обойтись, – сказал Баррас.

– Это так.

– Привезите его назад, – сказала Роза-или-Нет, подчеркивая повелительный тон циклопическим взглядом. – Он считает, что его помощь нам не нужна, но она нужна, да. Да и да. – Она хлопнула тыльной стороной кисти по лбу. – Привезите его назад, да и да.

– Мы все вернемся, – ответил я и сразу об этом пожалел, поскольку мои слова прозвучали как пустая бравада. – А о Скорпе позаботимся особо. Ему вовсе не обязательно плыть с нами, и тем не менее я попросил его, потому что мне нужен друг, и я считаю, что его присутствие повысит наши шансы. Но он знает, что может отказаться и я не стану его принуждать.

– Я бы стала, – пробормотала Сидра.

Баррас помог Пинки забраться в лодку, пока я страховал с другой стороны.

– Решила, что без моего волнующего общества тебе не прожить, Сидра? – проворчал Пинки, устраивая ноги в тесном пространстве между банками.

– Решила, что Клавэйн прав и ты можешь нам пригодиться. – Она взглянула на оставшихся на берегу. – Вряд ли мы вернемся раньше чем через тринадцать часов. Если задержимся, не беспокойтесь.

– Сообщи нам, если… да и да. Если возникнут, да, сложности.

– Думаете, вы сумеете нам помочь, не имея никаких транспортных средств?

– Нам все равно нужно… Да, все равно нужно знать, да и воистину да.

– Что ж, узнаете, – пообещала Сидра.

Пинки втиснулся на среднюю банку. Сидра села сзади, у румпеля, я спереди. Без предупреждения со стороны Сидры мы тронулись с места, сперва не спеша, поскольку корпус уже начали опутывать водоросли, но затем лодка набрала скорость и, вырвавшись из зарослей, устремилась в относительно открытое и

спокойное море. Мотор издавал тонкий пронзительный свист, вздымая воду на протяжении почти десяти метров позади нас.

Сидра прибавила скорость, похоже, до предела. В лицо мне били ветер и водяные брызги, и я отвернулся, положившись на навигаторские способности Сидры.

Мы направлялись на запад, так что Яркое Солнце светило нам в спину. Первый лагерь постепенно удалялся, строения все уменьшались, а через полчаса суша скрылась за озаренным горизонтом, и вместе с ней исчезли вершины раковин. В отсутствие других видимых островов мы сделались движущейся точкой посреди океана, не имея возможности оценить пройденный путь. Гроза миновала, но море не успокоилось, и лодка то и дело задирала нос, поскольку большая часть веса приходилась на корму. Иногда лодка вставала на дыбы под натиском волн, а иногда мы врезались в них, поднимая облако обжигающей водяной пыли.

С момента нашего отплытия мы не произнесли ни слова. Сидра держалась уверенно, сосредоточившись на управлении лодкой, и я гадал, каких внутренних резервов ей это стоило. Пинки стоически подставлял рыло ветру, щурясь и вглядываясь в юго-западный горизонт. Тонкие белые волоски на его лбу прилипли к коже.

– Как ты? – спросил я час спустя, ощутив первые признаки морской болезни.

– Для меня это не первое путешествие на лодке.

– Для меня, похоже, первое. Может, я и добирался прежде по воде до жонглеров, но ничего об этом не помню. Где тебе в последний раз приходилось плавать? Здесь?

– На Хеле лодки вроде без надобности. – Он покосился на меня. – Есть о чем еще поговорить, кроме лодок и Арарата?

– Извини, – улыбнулся я. – Знаю, тебе тяжело.

– Ты даже половины не знаешь.

– Ты помнишь, что случилось на этой планете, и тебе не хочется плыть туда, где это случилось. Я не помню, что было со мной, кроме того, что остался страх утонуть. Но я должен вернуться. Возможно, это поможет нам обоим.

Сидра молча наблюдала за нами. Трудно было понять, слушает ли она и насколько вообще ее наш разговор интересует.

– А если не поможет, будем надеяться, что не окажемся еще глубже в заднице. И лучше быть к этому готовыми, – как я убедился, жизнь далеко не всегда исполняет наши ничем не обоснованные желания.

– Я готов. Мне страшно, но я готов. И я знаю еще одно: худшее, что может случиться со мной в этом океане, – ничто по

сравнению с гибелью человечества от волков.

– Вполне разумно подмечено, – прокомментировала Сидра.

– Ты слышала?

– Я всегда слушаю. Воспринимаю ли – другой вопрос. Иногда шум в голове для меня предпочтительнее человеческой болтовни.

– Поздравляю, – усмехнулся Пинки. – Ты преодолел ее порог, оказавшись меньшим раздражителем, чем белый шум. – Он помолчал, не сводя с меня взгляда. – Я знаю, что здесь случилось и каково было мое участие. И этого уже не исправишь. Я примирился с тем, что совершил. Приходи, когда убьешь единственного настоящего друга во всей Вселенной, и тогда, может быть, поговорим.

– Ты убил моего брата, – тихо произнес я. – Думаю, в этом есть и моя вина.

Пинки промолчал. Лодка неслась по волнам, и пронзительный вой двигателя врезался мне в душу.

Глава 25

Вокруг простиралось бескрайнее море, все ориентиры остались далеко позади. От Первого лагеря нас отделяло больше двух часов пути. Размеренное покачивание лодки и плеск волн убаюкивали, и мне приходилось моргать, чтобы не заснуть.

Внезапно сон как рукой сняло. Метрах в ста по левому борту что-то на мгновение всплыло среди волн, хотя, возможно, мне лишь показалось. Сидра была всецело занята управлением, но Пинки наверняка заметил, как я вскинулся, пытаясь высмотреть силуэт.

– Что?

Это было первое слово, которое он произнес после разговора о смерти моего брата.

– Ничего, – ответил я, поскольку то, что я видел, а может, и не видел, уже скрылось под волнами. А потом не слишком благоразумно добавил: – Я просто подумал…

– Будто увидел что-то в воде. – Он немного помолчал. – Угу. Я тоже. Не сейчас, но пару минут назад, а может, и раньше.

Сидра наконец обратила на нас внимание:

– О чем вы?

Пинки повернулся к ней:

– Ты видела?

– Нет.

– Тогда тебе не стоит воспринимать мои слова всерьез.

– Острота зрения у свиней намного хуже по сравнению с…

– Я тоже видел, – сказал я, глядя на Сидру. – Тут есть кое-что

еще, кроме моря и микроорганизмов.

– На Арарате нет крупных океанских обитателей. Жонглеры – единственная большая организованная форма жизни, не считая плавучих масс водорослей.

– Мне все равно, что сказано в твоей базе данных о жителях этого океана или их отсутствии. – Я поднял с днища лодки газовый гарпун. – Что-то следует за нами, и, возможно, не одно. Какая-то часть жонглеров может плавать тут, отделившись от главного сгустка?

– То, что я видел, похоже на животное, – сказал Пинки. – Пусть заметил его лишь мельком, но мне вполне хватило. Крупное, темное и сильное.

– Величиной с эту лодку?

– Не знаю. Может, и нет.

Я медленно кивнул:

– Я тоже не знаю. Даже не уверен, что я видел – голову или плавник. Но оно вполне реальное, цельное и движется почти так же быстро, как и мы. Это не какое-то болтающееся в воде скопление микроорганизмов. Чем-то оно мне напомнило кита.

Я осмотрел гарпунное ружье, на которое не обратил особого внимания, когда мы загружали лодку. Из ствола торчал зазубренный гарпун, а в полый приклад были вставлены два запасных. Взведя оружие, я прицелился, и оно мне показалось удобным и знакомым. Мое внимание привлек еще один темный силуэт, на этот раз по правому борту, и я повел стволом в его сторону, удивляясь уверенности в себе. Мой палец напрягся на спусковом крючке, но стрелять я не стал – это оказалось всего лишь творение света и волн, вмиг растворившееся среди зеленых бурунов.

– Если те существа, которых ты видел, настоящие… – начала Сидра.

– Никаких «если», – бросил я.

– В таком случае, они не вписываются ни в какие шаблоны жизнедеятельности жонглеров. Океан, естественно, способен поддерживать другие формы жизни, но в базе данных ничего об этом не говорится.

– Ты была здесь до того, как отправилась за мной на Михайлов День, – поправил я. – С тех пор прошло немало времени, база данных устарела. Я даже не знаю, который сейчас год, но многое могло измениться.

– В любом случае мы не знаем, насколько они опасны, – сказал Пинки.

– Хочешь рискнуть после всего, что нам пришлось пережить?

Но я все же медленно опустил гарпун.

Сидра первой увидела жонглеров образами. Продолжая управлять лодкой, указала правой рукой на пятнышко на западном горизонте.

– Вот они, – бесстрастно проговорила она. – Передний край сгустка.

Мы были в пути уже почти семь часов, дольше, чем рассчитывали. Судя по всему, эта масса успела переместиться или реорганизоваться за те дни, что прошли с момента нашего прибытия. Плавающие существа, кем бы они ни были, больше не возвращались, и, возможно, Сидра все еще сомневалась в их реальности. Часть ее скептицизма передалась и мне. В самом ли деле я что-то видел? А если так уверен Пинки, то почему не сказал раньше?

Но в реальности сгустка сомневаться не приходилось. Пять минут спустя я и сам отчетливо смог его различить без подсказок от Сидры. Он выглядел как низкая ровная полоса, как первый намек на лежащую на горизонте сушу. Погода в той стороне менялась – собирались тучи, конденсируя влагу в более холодном, чем над открытым морем, воздухе.

Через несколько минут Пинки подтвердил, что видит. Полоса становилась все шире. По краям сгусток был низким, как коралловый риф, но он простирался далеко на север и на юг – возможно, на пока невидимые тысячи квадратных километров.

– Смотрите! – взволнованно сказал я, заметив движение к югу от нас. – Летучая рыба? Или птица?

– На Арарате нет летучих рыб или птиц, – ответила Сидра, глядя на быстро несущееся над волнами существо. – Это спрайт-курьер, он летает между сгустками. Один сгусток заряжает его информацией, а другой получает ее и усваивает. Для связи есть и другие средства, включая биохимические сигналы в воде и живые передаточные кабели, которые тянутся под поверхностью на сотни, даже на тысячи километров. Но этими спрайтами пользуются, когда нужно очень быстро передать большой объем информации.

– Значит ли это, что нас заметили?

– Не стоит делать поспешных выводов, Клавэйн. Нас, безусловно, заметили. Они замечают абсолютно все. Но подобный обмен информацией происходит постоянно. Считай, что это обширная коллективная бюрократия, непрерывно устраивающая ревизию самой себе.

– Что скажешь насчет тех других существ, которых мы видели? – спросил Пинки.

Сидра снисходительно посмотрела на него:

– Для наших текущих задач они несущественны.

В нескольких километрах от границы сгустка Сидра сбавила скорость. Из космоса его очертания выглядели резкими, но впечатление было обманчивым. Сгусток распространял свое влияние в окружавшем его море намного дальше этих четких пределов. Насыщенная микроорганизмами вода теряла прозрачность, зато приобретала все более густой серо-зеленый цвет и вязкость. Лодка теперь двигалась тяжело, мотор надрывно ревел, толкая нас сквозь уплотняющуюся гущу. По бокам корпуса скользила зеленая масса, походившая на жидкую глину, но в ней все явственно проглядывала какая-то структурность, организованность. В ее толще виднелись сетчатые узоры и похожие на веревки трубки, и создавалось неуютное впечатление, будто биомасса пытается противостоять волнам, а не плыть по их воле. Меня уже давно мучила морская болезнь, а теперь приходилось тратить все силы на борьбу с тошнотой.

Наша скорость сократилась примерно вдвое. Глядя за борт, я заметил, что зеленая масса прилипает к корпусу не случайным образом, но образуя нечто вроде кристаллического узора, как на подмороженном стекле. Достав пару весел, мы с Пинки стали отталкивать более крупные ее скопления, прежде чем те успевали надежно пристать.

– Мы тут завязнем, не добравшись до основной части, – сказал я.

– Чуть южнее есть канал, – ответила Сидра, поворачивая руль. – Если не получится напрямик, вернемся и обойдем кругом.

В конце концов наша скорость упала до минимума, чуть быстрее пешего шага, но мы, по крайней мере, продолжали двигаться, а весла помогали сохранять относительно чистой надводную часть корпуса. Мы плыли приблизительно на юг, параллельно кромке сгустка, надеясь найти вход в канал, о котором говорила Сидра. Оставалось лишь верить, что она не ошиблась. В том, что подобные каналы существуют, я не сомневался, поскольку видел их из космоса – они врезались в сгусток, филигранно сверкающий отраженным солнечным светом.

Лодка накренилась вперед, и мне пришлось схватиться за борта, чтобы не свалиться в ее носовую часть. Мы резко остановились, будто наскочив на мель. Сидра увеличила мощность мотора, сильнее вспенив зеленую воду за кормой, но это ничего не изменило.

– Похоже, мы запутались, – сказал я, обнаружив, что нос лодки наполовину погребен в клейкой зеленой массе. – Похоже, это кабель из тех, о которых ты говорила, или целый пучок. Он

был под водой, пока мы на него не наткнулись. Можешь нас вытащить?

– Держитесь крепче, – ответила она. – Иначе вас вышвырнет из лодки.

Мы с Пинки пригнулись на банках. Сидра дала задний ход, меняя уровень мощности. Лодка дернулась, пытаясь высвободиться, но то, в чем мы запутались, держало крепко.

– Застряли, – обреченно проговорила Сидра, выключая двигатель. – Выбора нет, придется резать. Берите ножи.

Открывая ящик с ножами, я подумал, насколько бы все могло быть проще, возьми мы с собой бозерный пистолет или эксимерное ружье. Я передал нож Пинки, и мы со свином уместились на носовой деке. Я уже был готов рубить, но осторожность остановила мою руку.

– Сидра, а мы не повредим организму? Я думал, весь смысл в том, чтобы не испортить с ним отношения.

– Эти связи постоянно формируются и трансформируются, – ответила Сидра. – Биомасса должна терпимо относиться к определенному уровню повреждений из-за факторов окружающей среды, ей вовсе не обязательно воспринимать это как атаку.

– Надеюсь, ты права. А также надеюсь, что мы угодили в эти щупальца случайно, а не потому, что сгусток пытается нас недвусмысленно предупредить. – Я кивнул Пинки, давая понять, что нужно резать одновременно. – Готов?

– Готов.

– Сидра, жди моего сигнала, а потом запускай двигатель. Разрежем что сможем и попробуем вырваться.

Острые ножи рассекали зеленые волокнистые пряди, почти не встречая сопротивления – по крайней мере вначале. Их были десятки, этих прядей, замысловато переплетенных друг с другом, и казалось, они становятся все упрямее. Через минуту, измазав зеленым руку, я взглянул на лезвие ножа, которое покрылось мерцающим оливковым налетом.

– Оно сопротивляется. Попробуй запустить мотор, Сидра.

Лодка сдвинулась назад на добрый метр, натягивая оставшиеся путы, но высвободиться не сумела. На гладком корпусе не за что было уцепиться, однако волокна держали его мертвой хваткой. Возможно, они уже намеревались приступить к медленному, но неумолимому процессу химического разложения и переваривания.

– Придется работать быстрее, – вздохнул я, когда Сидра заглушила мотор. – Иначе не успеем, прежде чем испортятся ножи.

– Надо было мне сохранить нож Невила, – сказал Пинки. – Уж

он-то выдержал бы что угодно.

Я сомневался, что нам удалось рассечь хотя бы половину опутывавших нитей. До остальных дотянуться было сложнее, а под водой их могло оказаться намного больше, чем мне представлялось. Почувствовав, что мы кое-чего добились, я дал знак Сидре, и она врубила двигатель в полную силу. Я ощутил затылком тепло его выхлопа, мы дернулись назад и вырвались, по крайней мере временно, на свободу, волоча спутанную массу и набирая скорость, все так же задним ходом.

И тут я увидел, как метрах в двадцати к северу от нас над покрытой зеленой пеной водой появилась круглая безволосая голова, переходящая в мускулистые плечи. Из зеленого покрова рядом с ней торчал какой-то заостренный предмет, украшенный уходящими в воду зелеными лентами. Инстинктивно посмотрев на юг, я различил в зеленой массе другой такой же силуэт. Плывущих гуманоидов разделяло около сорока метров, и у второго тоже была заостренная штуковина. Я понял, что это шесты, между которыми натянуто что-то вроде ловчей сети.

Бросив затупившийся нож на днище лодки, я снова поднял гарпунное ружье и выстрелил в того, что находился севернее, – он показался более легкой целью. Глухо кашлянул газовый заряд, гарпун вылетел из ствола. Я смотрел, как он описывает дугу над водой, выпуская дополнительные острия и увеличивая дальность с помощью собственного газового двигателя. Прицел мой был точен, а гарпун быстр, но пловец скрылся под водой за мгновение до удара, и невозможно было понять, попал я или нет.

Взявшись за рукоятку прикрепленной к прикладу катушки, я начал сматывать трос, тянувшийся к гарпуну. После нескольких оборотов трос ослаб, и я сразу понял, что он обрезан. Вместо того чтобы доматывать до конца бесполезный обрывок, я отсоединил катушку и вставил в ствол запасной гарпун.

Мы все еще шли реверсом. Пинки рубил прилипшие к носу лодки зеленые нити. Наконец большая их часть словно с неохотой отвалилась, и Сидра, развернувшись, повела лодку дальше на юг. Оба силуэта исчезли.

– Неплохо, Сидра, – сказал я.

Пинки почистил свой нож о корпус.

– И впрямь неплохо.

– Есть мнение, что это за твари?

– Понятия не имею.

– Ты видела таких раньше?

– Нет, – с несвойственной ей неуверенностью ответила Сидра. – Ни здесь, ни вообще где-либо. Но они явно имеют человеческое происхождение.

– Явно, – повторил я.

– Ты… правильно поступил, Клавэйн. Я тоже расценила их намерения как враждебные.

– Раскидывать сети – не лучший способ для начала мирных переговоров. – Я положил гарпунное ружье. – Вряд ли я его убил. И вряд ли мне охота встретить других таких же, пока мы не закончим тут наши дела. Возможно, они просто защищают свою территорию, но я сейчас не в том настроении, чтобы рассуждать о политике.

– В конечном счете все сводится к политике, – сказала Сидра.

Дернувшись в очередной раз, лодка выбралась на относительно чистое пространство. Сидра резко свернула вправо, и мы двинулись по проходу, где зелень росла лишь на поверхности, практически не оказывая сопротивления. Нас окружали берега из более густой растительности, обозначая границы канала и направляя наш путь. По мере нашего продвижения эти берега становились все круче и выше – сперва полметра, потом метр, а затем они полностью перекрыли вид на север и юг. Мне уже меньше досаждала морская болезнь, поскольку в канале не было волн, зато возникла клаустрофобия. Извивающийся среди густой зелени канал неуклонно сужался, и меня охватил древний страх путника, заблудившегося в сумеречном лесу, не знающего, какие тайны и кошмары могут его подстерегать.

Я оглянулся: не преследуют ли нас загадочные пловцы?

Сидра сбросила скорость до двадцати километров в час. Волны, разбегавшиеся позади лодки, бились о зеленые стены, которые шевелил выхлоп двигателя, рисуя на них странные узоры.

– Может, на веслах? – предложил я. – Так будет медленно, но мне начинает казаться, будто мы… не слишком вежливы по отношению к хозяевам.

– Мы еще даже не добрались до ядра сгустка, – ответила Сидра. – Осторожность никогда не помешает, Клавэйн. Но чрезмерная осторожность может погубить.

– В чрезмерных количествах погубить может что угодно.

– Не знаю, что там насчет осторожности, – заметил Пинки, – но мне это не нравится.

Я проследил за его взглядом.

Канал разделялся на два еще более узких ответвления. Выросшие по обе стороны от нас стены были теперь высотой с дом и наклонялись внутрь. Ответвления уходили в разные стороны, и ни одно не выглядело особо заманчивым. Между их сужающимися краями провисали похожие на веревки волокна.

– Сюда, – сказала Сидра, сворачивая в левое ответвление. – Если рельеф не слишком изменился, это самый прямой путь к ядру. Пусть вас не пугают нити, они лишь обеспечивают связь частям сгустка. Представьте, будто мы клетка, движущаяся в промежутке между полушариями мозга.

– Вряд ли от этого станет легче, – проворчал Пинки.

Мы продолжали двигаться по каналу, ширина которого практически не менялась на протяжении километра. Я знал, что ищет Сидра – нечто вроде лагуны, одной из нескольких, которые были видны из космоса. Эти лагуны, чье существование намеренно поддерживала биомасса, внушали определенную надежду пловцу, надеявшемуся установить контакт. Они означали, что сгусток, по крайней мере, готов принять гостей, хотя никакой гарантии успеха быть не могло.

Приведенное Сидрой сравнение сгустка со структурой мозга врезалось мне в память. Насчет того, являются ли разумными сами сгустки жонглеров образами, ясного мнения до сих пор не сложилось. Но сгустки однозначно владели множеством биологических методов хранения информации, ее обработки и распространения. Жонглеры держали в себе многие разновидности информации, от фрагментов чистых бесплотных знаний до специфических ее форм, относящихся к конкретным биологическим видам. Заплывший в воды жонглеров мог убедить микроорганизмы сгустка перестроить его разум – так он получал какой-нибудь новый дар вроде выдающихся математических способностей или владения давно умершим инопланетным языком. Однако подобные таланты, полученные от жонглеров, обычно оказывались временными, иногда всего лишь через несколько часов впечатанные в мозг структуры распадались. Изменения крайне редко сохранялись достаточно долго, чтобы реципиент успевал ими воспользоваться хотя бы раз. Повторные визиты к жонглерам случались нечасто и еще реже завершались удачно. Говорили также, что в тех редких случаях, когда талант становился постоянным, срабатывала известная поговорка насчет необходимости быть осторожным в желаниях.

Но с моим братом произошло нечто иное. Если какая-то его часть продолжала до сих пор существовать, то лишь потому, что жонглеры образами поглотили его тело. Подобное бывало и с другими, но обычно лишь после слишком многократных попыток контакта и отсутствия реакции на предупреждения. Те, с кем такое случалось, как правило понимали риск, но считали, что потенциальная награда того стоит. К тому времени, когда жонглеры забирали такого человека к себе, в его тело уже успевали внедриться морские организмы, пометив его как

кандидата на поглощение. Мой брат, по словам тех, кто его знал, никогда не плавал к жонглерам, слишком опасаясь того, что он мог бы найти – или, скорее, чего он бы не нашел.

Море уже забрало у него нечто ценное. Фелку, дитя сочленителей, Невил считал своей дочерью. Ее матерью – в том смысле, в каком могли понять лишь сочленители, – была Галиана, основательница всего движения сочленителей. Галиану убили ингибиторы – вероятнее всего, она была первой из людей, кто с ними столкнулся, – но задолго до гибели она побывала на Арарате и, возможно, оставила свой след в океане. Если жонглеров и мог заинтересовать человеческий разум, то именно таковым был необыкновенный и прекрасный разум, принадлежавший Галиане. Фелка пыталась войти в контакт с матерью, когда море поглотило ее целиком. Горе Невила было таким огромным, что даже надежда стала для него мучением. Фелка, возможно, передала свою сущность морю, и посредством своей любимой дочери он рассчитывал связаться с Галианой. Кто знает – может, и Фелка, и Галиана оставили после себя мыслящие тени, даже если среда, в которой те хранились, сама по себе мыслящей не является?

Но, уже отойдя от дел и живя в одиночестве у моря, Невил так и не заставил себя ступить в воды, которые могли бы ответить на все его вопросы. И для того, чтобы он наконец оказался в океане, потребовалась смерть – смерть от руки его самого старого и преданного друга.

К тем трем потерянным душам, возможно, теперь добавится четвертая. Но мне вовсе не хотелось, чтобы жонглеры забрали меня к себе. Мне требовалось лишь установить контакт.

Лодка углублялась дальше в сгусток. Канал теперь походил на заросший густой зеленью коридор с пушистыми стенами и потолком из переплетенных усиков, сквозь которые, будто гипнотизируя, светило стоявшее почти в зените Яркое Солнце. Воздух был влажным и намного более теплым, чем в море. В носу щекотало от зеленой дымки, которая состояла из летающих микроорганизмов.

Сидра заглушила двигатель:

– Мотор слишком шумит. Отсюда пойдем на веслах.

– Отличная мысль, – ответил я, вставляя весло в уключину. – Жаль, что сам не додумался.

Гребли мы с Пинки, поскольку мне хотелось сберечь силы Сидры. Впрочем, греблей это можно было назвать лишь с натяжкой – мы скорее отталкивались концами весел от упругих, пытающихся сопротивляться стен. В лучшем случае удавалось двигаться со скоростью неторопливого пешехода, и вскоре я весь

покрылся потом, но мерный ритм гребли помогал успокоить нервы.

Что-то с жужжанием пронеслось мимо моей щеки. От неожиданности я едва не выронил весло, успев увидеть промчавшегося впереди нас по зеленому тоннелю спрайт-курьера. В сгустившейся тени стало видно, что спрайт испускает биолюминесцентное свечение. Через несколько мгновений пролетел еще один, на этот раз в обратном направлении. Затем мы увидели наверху пугающее и вместе с тем захватывающее зрелище: с двух сторон вытянулись навстречу друг другу два зеленых рога, встретившись посередине, будто половинки разводного моста. Пульсирующая зеленая труба сделалась толще, и я различил внутри какое-то движение.

– Повышенная организационная активность, – сказала Сидра, когда мимо нас пролетела одна пара спрайтов. – Все это требует энергии. Вне всякого сомнения, сгусток реагирует на наше присутствие.

– С тобой уже бывало такое?

Я почувствовал ее неуверенность, – казалось, она собиралась солгать, но передумала.

– Столь выраженной реакции не было. Но тогда океан меня еще не знал. Теперь все иначе – для всех нас.

– Он нас узнает? – спросил я.

– Нечто в нем может нас узнать.

– И снова не легче, – буркнул Пинки.

Очередной спрайт примчался по тоннелю и трижды облетел нашу лодку. Теперь, когда он был совсем рядом, я наконец смог разглядеть его во всех подробностях. Тело величиной с птицу испещряли светящиеся точки, но голова и какие-либо органы чувств отсутствовали. Единственными конечностями были жужжащие крылья, прозрачные и в тонких прожилках. Мне стало интересно, каким образом он получает информацию о том, что его окружает.

Спрайт прервал изучение лодки и умчался прочь.

Мы продолжали грести, ритмично двигая веслами. Стены уже не выглядели безумной зеленой массой, готовой пожрать нашу лодку. Они размеренно и волнообразно шевелились, как будто мы перемещались по пищеварительному тракту чудовища. Когда весла погружались в массу, от места соприкосновения кругами расходилась рябь. Круги сталкивались, создавая узоры второго порядка. Сквозь зелень просвечивали другие цвета. Трудно было понять, движемся ли мы вообще. Какие-либо ориентиры отсутствовали, и я сомневался, что Сидра, при всем, что имеется у нее в голове, способна отслеживать наше перемещение

относительно «Косы» или Первого лагеря. У меня вдруг возникло жуткое ощущение, словно мы застряли навсегда между этими сочащимися стенами, – думаем, что гребем, а на самом деле стоим на месте.

– Вижу лица, – сказал Пинки.

В любых других обстоятельствах Сидра наверняка бы заявила, что это всего лишь фокусы его подсознания. Но сейчас она кивнула:

– Да, я тоже вижу. То появляются на миг, то исчезают. Видишь их, Клавэйн?

– Да, – ответил я, переставая грести, как и Пинки. – Они ведь только что возникли? Кто-то нами явно заинтересовался.

– Эти лица я вижу впервые, – сказала Сидра. – Но Пинки, возможно, они знакомы – если имеют какое-то отношение к жителям Первого лагеря.

– У свиней не слишком хорошая память на человеческие лица. Сам знаешь – у вас ни ушей приличных, ни рыла. – Помолчав, Пинки добавил: – Не вижу ни одного из тех, кого я мог запомнить. Впрочем, они так мелькают, что точно не скажешь. Будто призраки в пламени.

– Возможно, эти лица извлечены из памяти кого-то, кто сюда наведывался или был поглощен. Так что это вовсе не обязательно те, кто бывал на Арарате, – уверенно заявила Сидра. – Это уже радует. Гребите дальше.

– Никогда еще так не радовался, – вздохнул Пинки и заработал веслами.

Я последовал его примеру.

– Пока что только человеческие лица, – заметил я.

– Просто мы способны их узнать, – сказала Сидра. – Будь у этих образов лица каких-нибудь инопланетян, наше зрение могло бы их полностью проигнорировать. Если предположить, что у инопланетян вообще есть лица. Скорее всего, биомасса просто извлекает информацию, которая в ее понимании имеет отношение к нам, людям, а не к обширной коллективной памяти других гостей, побывавших здесь тысячи или даже миллионы лет назад. Опять-таки, я склонна считать, что нас пытаются приободрить.

Я натянуто улыбнулся, надеясь, что это поднимет мой дух.

– Боюсь даже представить, что, с твоей точки зрения, могло бы нас отпугнуть.

Мы продолжали двигаться по каналу, который теперь превратился в сжимающийся коридор с постоянно возникающими и исчезающими в зеленой массе лицами. Они появлялись меньше чем на секунду, так что глаз едва успевал уловить пропорции и

понять, что он видит нечто значащее. Лица напоминали зеленые маски с пустыми глазами и странно одинаковым выражением, как у ироничных зрителей, которых вывело из задумчивости наше появление. Расходящаяся по стенам рябь превращалась в лица и снова рассасывалась в случайный узор, и так раз за разом. Я никого не узнавал и не видел ничего похожего на мое собственное лицо.

Сидра метнулась к гарпуну. Схватив его обеими руками, она прицелилась в волнующуюся воду за кормой. Ее руки тряслись, ствол с торчащим из него острием ходил ходуном.

Я придержал гарпун:

– Что такое?

– Одна из тех тварей. Появилась на секунду. Я видела только голову, но на этот раз отчетливее. Это гуманоид. Существо человеческого происхождения.

– Но его там нет.

– Был, – твердо сказала Сидра.

Мы продолжали грести, но медленнее, настороженно вглядываясь в зеленую воду. Поток лиц ослаб, будто ощутив нашу тревогу. У Сидры все еще тряслись руки – но виной тому был не страх, а нейромышечная реакция на происходившее в ее мозгу.

Я осторожно забрал у нее гарпун, пока Пинки управлялся с веслами, вяло погружая их в воду вместо того, чтобы отталкиваться от берегов.

– Где-то в наших сведениях есть пробел, – тихо сказал я. – Кто-то прилетел сюда, а потом приспособился к жизни в океане. Может, вынужден был приспособиться. Так или иначе, мы теперь для этих существ незваные гости. Эти пловцы погибли бы, если бы не сумели поладить с морем и жонглерами, не выработали образ жизни, позволяющий им сосуществовать со сгустками. – Я улыбнулся. – Посреди хаоса и мрака возникло нечто новое. Видообразование, адаптация, биогенез. Жизнь всегда пробьет себе дорогу.

– А потом окажется, что ничего у нее не вышло и оплакивать ее некому, кроме разлагающихся клеточных культур. Адаптация – это замечательно, но пока никто не придумал, как бороться с волками, это всего лишь более медленный и спокойный способ вымереть без остатка.

– Ты говорила, что волки не трогают планеты жонглеров. Возможно, это и есть решение – укрыться в океанах и дождаться, когда волки уйдут.

– И за этот срок, – сказала Сидра, на миг напомнив леди Арэх, – у нас исчезнет не только позвоночник, но и центральная нервная система.

– Может, стоит подождать, пока мы не познакомимся с этими существами поближе, прежде чем судить об их выборе?

– Похоже, у вас появился шанс, – подал голос Пинки.

Из воды метрах в пятнадцати позади нас снова высунулся пловец. Над зеленью поднялась голова, затем расширяющаяся шея, затем плечи и мускулистая широкая грудь. Неясно было, то ли пловец перебирает ногами в воде, то ли стоит на каком-то бугорке из биомассы под ее поверхностью, но поза выглядела вполне уверенной.

Сидра была права, когда говорила о человеческом происхождении, – в этом я теперь убедился. По сравнению с некоторыми относительно дикими подвидами людей, существовавшими в Ржавом Поясе или за его пределами, среди угонщиков либо ультра, пловец был идеально приспособлен к окружавшей его среде. У него было плоское, похожее на морду тюленя лицо с щелевидными ноздрями и большими смотрящими вперед глазами, явно эволюционировавшими для зрения под водой. Вокруг носа и рта топорщились чуткие усы, весьма полезные в темноте или ограниченном пространстве. У этого существа имелись внешние уши, но лишь рудиментарные, плотно прилегающие к черепу, который покрывала темная блестящая оболочка, вероятно обладавшая теплозащитными свойствами. На плечи падала грива зеленоватых волос, а то, что я сперва принял за запутавшийся в них мусор, оказалось вплетенными украшениями или амулетами. На коже местами виднелись бледные, почти светящиеся золотистые и зеленые пятна. Видна была пока что лишь верхняя треть существа, но я не замечал ничего похожего на одежду.

Все это я успел разглядеть в течение секунды после слов Пинки, добавив собственные наблюдения к полученным нами ранее. Мы уже видели, что эти существа используют орудия и явно желают нас поймать, а потому я предположил, что и у этого пловца столь же враждебные намерения.

– Уходи! – крикнул я, направляя в его сторону гарпунное ружье и надеясь, что мой жест будет понят недвусмысленно, вне зависимости от того, какими языками владело или не владело это существо.

Пловец издал протяжный стон.

– Не-е-ет!.. – глухо проревел он. – Не-е-ет!.. Не-е-ет… Уходи!.. Не ходи! Не ходи!

Если только мой мозг не воспринимал некие несуществующие смыслы, то произнесенные пловцом слова были вполне ясны. Возможно, для этого существа наш язык был не самым предпочтительным, но оно достаточно хорошо его знало,

чтобы отдавать команды.

– А вот это не тебе решать. – Я ткнул в его сторону гарпунным ружьем. – Оставь нас в покое, друг, и мы тебя не тронем. Наше дело – не твое дело.

– Пристрели его, – сказала Сидра.

В ружье оставались два гарпуна, один готовый к стрельбе, а другой в прикладе. Я было решил сделать предупредительный выстрел над головой существа, но если бы он не возымел желаемого эффекта и существо набросилось на нас, перезарядиться я бы не успел.

– Уходи! – крикнул я. – Ты же понимаешь слово «уходи»! Уходи – или я сделаю тебе больно! Не вынуждай меня!

– Не ходи! Не плыви! Плохое время!

Сидра запустила мотор, направив его выхлоп на пловца. Струя горячего воздуха ударила ему в лицо. Он взвыл и поднял над водой левую руку, чтобы прикрыть глаза большой перепончатой ладонью. Лодка помчалась прочь, набирая скорость. Из воды появилась другая рука, в которой он держал что-то вроде абордажного крюка на веревке. Пловец начал раскручивать его, и делал это все быстрее, постепенно пропуская веревку между пальцами.

Я выстрелил, но не смог заставить себя прицелиться в существо. Я знал, что оно разумно, и в какой-то степени понимал, что его слова можно считать как угрозой, так и предупреждением, которому вполне целесообразно было бы последовать. Но мы уже зашли слишком далеко, чтобы теперь отступить.

Выстрел был нацелен в крутящийся крюк, а не в руку существа, но эффект оказался практически таким же. Гарпун зацепился за веревку и вырвал ее из руки вместе с куском мяса. Пловец взревел, его кисть окрасилась кровью, перепонка превратилась в лохмотья. Я отпустил привязанный к гарпуну тросик. Глядя на нас и держа раненую руку за запястье, существо погрузилось в воду. Вскоре извилистый зеленый коридор скрыл его из виду, будто сдвинулся театральный занавес.

Глава 26

Когда стало ясно, что существо вряд ли снова сумеет нас найти, Сидра заглушила мотор и мы продолжили путь на веслах. Я зарядил последний гарпун, но после той встречи уже не возникало повода поднять оружие.

Это вовсе не означало, что мы могли с облегчением вздохнуть. Мы почти не обсуждали случившегося – собственно, обсуждать было нечего, поскольку все видели одно и то же, – но каждый размышлял о мотивах пловца и о том, были ли его намерения действительно воинственны. Если наше появление на Арарате застигло этих существ врасплох, то, возможно, их вынужденные действия лишь выглядят враждебными, поскольку доводам логики препятствует языковой барьер. Вероятно, они пытались поймать лодку в сеть не потому, что хотели причинить вред нам или плавсредству, но потому, что мы двигались слишком быстро и нельзя было воспрепятствовать нам иными средствами. Когда воспрепятствовать не удалось, один из них последовал за нами в сгусток… И если бы ставилась цель с нами разделаться, то в момент его появления мы бы находились в пределах легкой досягаемости для копий, стрел, отравленных дротиков и любого другого метательного оружия. Но существо попросило нас остановиться, а услышав отказ, лишь продемонстрировало намерение зацепить крюком нашу лодку. Возможно, вскоре ему на подмогу прибыли бы другие.

Или я излишне снисходителен там, где для снисходительности нет никаких оснований? Может, если бы я не выстрелил, кто-нибудь из нас угодил бы под крюк и лишился глаза или руки. Мне ли решать, что здесь является оружием, а что – лишь инструментом?

– Впереди лагуна, – вырвала меня из задумчивости Сидра. – Мы добрались.

Канал расширился, за ним появилась водная гладь – относительно широкая, метров двести в поперечнике. Лагуну окружали зеленые стены, такие же высокие, как и в канале, а за ними виднелись массивные террасы более густой зелени; они поднимались ступенями, будто зиккураты, на пятьдесят-шестьдесят метров над уровнем моря. Наверняка у этих сооружений был живой архитектурный каркас, наподобие сплетенных ветвей лесного полога, но его полностью скрывал зеленый покров.

Воздух был неподвижен, влажен и тяжел. Единственным входом в лагуну и выходом из нее служил приведший нас сюда

канал, который теперь казался узким и даже непроходимым. Скопление туч, которое мы видели издали над сгустком, нависало прямо над нами темной зловещей массой; внутри постоянно что-то копошилось, извивалось, словно змеи в гнезде. Дождя пока не пролилось ни капли, но у меня холодок шел по коже при мысли, что над нами на тончайших ниточках висит целый океан. Где-то вдали прогрохотал гром. Похожее на клеща насекомое укусило меня в шею, и я смахнул его.

Лодка вышла на середину лагуны. Я остановил ее веслами и положил их на днище.

– Что ж, – обратился я к Сидре, – мы на месте. Как я понимаю, это та самая лагуна. Каков дальнейший план?

– Мы уже общаемся, – ответила Сидра. – Сгусток разрешил нам пройти, и сам факт наличия этой лагуны означает молчаливое предложение действовать дальше. Отправимся вплавь: ты – чтобы связаться с братом, я – чтобы восстановить мой прежний образ.

– То есть ничего особо выдающегося.

– Жонглеры редко размениваются на мелочи. – Сидра начала раздеваться. – Снимай одежду, Клавэйн. Если не хочешь, чтобы ее сожрала вода, оставь в лодке.

– Голые люди. – Пинки слегка передернуло от отвращения. – Вы даже не догадываетесь, как сильно похожи на свиней под этой упаковкой. Аж не по себе становится.

– Радуйся, что тебе не придется плыть, – сказал я, раздеваясь.

– Если бы от этого зависела моя жизнь – поплыл бы. Но только в такой ситуации. В любых других обстоятельствах плавание для меня почти наверняка означало бы смерть. Точно не хочешь малость подождать? Насладиться видом и все такое?

– Всеми фибрами души хочу, Скорп, – кивнул я. – Но Сидра права. Мы здесь, и задержка ничего не изменит.

– Что ж, буду просто сидеть и думать о приятном.

– Нет, – твердо возразил я. – Ты мой поручитель, забыл? Плыть тебе незачем, но если сгусток знает о нас, то он знает и о тебе. Объясни ему, что я не собираюсь причинять никакого вреда и был бы ужасно рад встретиться с братом. Напомни ему, кто ты, и объясни: ты здесь для того, чтобы за меня поручиться.

– По крайней мере, в этом нет ничего из ряда вон выходящего.

– Делай, что сможешь. Но главное – что бы ни случилось, береги себя. А если мы с Сидрой не вернемся… разворачивай лодку и плыви в Первый лагерь.

– Ты сам знаешь, что этого не будет. Но спасибо за добрые чувства.

– Если потеряешь с нами связь, жди шесть часов, – твердо сказала Сидра. – Не дольше. Бравада бравадой, но я хочу, чтобы весть о нашей неудаче дошла до Розы-или-Нет.

– И чем это поможет? – спросил я.

– В лагере будут знать, чего не следует делать. Но все равно они должны будут пытаться, снова и снова, даже если шансы связаться с твоим братом с каждым разом будут уменьшаться. У нас нет иного выхода, Клавэйн: либо мы добираемся до информации, которую хранит Невил, либо конец всему и навеки.

Я закончил раздеваться. Хотя воздух казался липким, а гроза будто силилась прорваться сквозь какую-то невероятно тонкую мембрану, меня все еще била дрожь. Я чувствовал себя слабым, полуживым. Сидра бесстрастно взглянула на меня, и я кивнул в ответ, готовый и не готовый одновременно, полный страха, сомнений и мрачных предчувствий – всего того, что предшествует встрече с родственниками после долгой разлуки.

– В воду?

– В воду. – Соскользнув с лодки, Сидра без единого всплеска погрузилась целиком, затем над поверхностью появились ее голова и плечи, покрытые тонкой пленкой зеленой пены. Вместо того чтобы стереть ее с глаз, Сидра уставилась на меня немигающим, преисполненным решимости взглядом. – Советую не сопротивляться организмам. Впусти их в себя добровольно, как бы ни был неприятен этот процесс. То, что должно случиться, все равно случится, а сопротивление лишь отсрочит неизбежное.

Присев на борт лодки, которую уравновешивал с другой стороны Пинки, я спрыгнул в нескольких метрах от Сидры. Нырнул с головой, рефлекторно зажмурив глаза, а затем выставил лицо над водой. Кожу жгло, и, казалось, в ноздри норовила просочиться клейкая масса.

Сидра поплыла на спине от лодки. Кроме лица, над поверхностью виднелись лишь пальцы рук и ног с черными ногтями.

– Следуй за мной. Нужно отплыть на некоторое расстояние от лодки. Сгусток должен понять, что мы намеренно погрузились в воду и не собираемся возвращаться туда, где безопасно.

– Когда мы поймем, что что-то происходит?

– Вряд ли следует ждать полной ясности. О последнем своем визите ты отчетливо помнишь лишь то, как тонул. Типичный уровень ощущений при контакте с жонглерами.

Я плыл рядом с Сидрой, глядя в сторону лодки. Пинки, которому уже не нужно было уравновешивать мою тяжесть, стоял посередине, расставив ноги. Выпятив грудь, он расправил плечи и приставил к рылу ладони:

– Эй, Невил! Слышишь? Это Скорп. Надеюсь, ты меня помнишь. Трудно забыть, учитывая, чем закончилась последняя наша встреча. Никогда не думал, что однажды сюда вернусь, и никогда этого не хотел. Но я здесь. Порой жизнь и впрямь преподносит сюрпризы.

Он умолк и, похоже, решил сесть, осознав, насколько смехотворна возложенная мной на него роль. Винить его я не мог ни в малейшей степени. Я говорил совершенно искренне, когда просил свина сопровождать меня в путешествии к жонглерам образами, но лишь отчасти воспринимал его как поручителя – скорее как защитника, как своего рода амулет, оберегающий самим фактом своего присутствия. Пинки был рядом с моим братом до конца, и Невил погиб вовсе не из-за каких-то его ошибочных действий.

Но свин не сел. После недолгих раздумий он снова собрался с духом:

– Когда тебя не стало, меня выбрали главным. Судя по всему, я справлялся неплохо. Многим удалось выжить, хотя после того, как мы улетели с Арарата, жизнь нас не баловала. Но вот оратор из меня всегда был никудышный. – Он постучал себя по лбу. – Говорят, тут кое-что недоразвито – всякие мелкие участки, ответственные за размышления, стратегическое планирование, отложенное удовольствие и все такое прочее. А поскольку они слабы, то и убедительность не самая сильная моя черта. Но раз так уж вышло, что некий свин оказался последней спасительной соломинкой, придется обходиться тем, что есть, то бишь мной. И я помню тебя, дружище. Не проходит и дня, чтобы не вспоминал. Наверное, мы слишком долго пробыли вместе или, наоборот, недостаточно долго – пока я этого так и не понял, и, может, никогда не пойму. Но вот что я хочу тебе сказать. – Пинки повернул голову в мою сторону, будто предупреждая – о чем? Что сейчас будет произнесено мое имя и обратно слова уже не вернешь? – Я привел кое-кого, он желает с тобой встретиться. Возможно, ты уже знаешь, кто это. Хотелось бы думать, что знаешь, поскольку это избавило бы меня от необходимости его представлять… Но раз уж меня об этом просили и я не хочу подводить друзей… Это твой брат. Его зовут Уоррен, и мне известно, что вы… не особо ладили. Какая-то хрень случилась между вами сотни лет назад, и ты никогда мне об этом не рассказывал – вероятно, не хотел бередить раны даже спустя такой огромный срок. Не мое дело утверждать, будто все это не имело значения тогда и не имеет сейчас. Но я считаю своим долгом сказать, какие у меня по этому поводу мысли. Уоррену не сравниться с тобой, Невил. Он не видел и не совершил всего того,

что видел и совершил ты, и сомневаюсь, что ему довелось пережить хотя бы половину выпавших на твою долю страданий. Но за то время, что я был рядом с ним – должен признаться, это лишь миг на фоне жизни, по крайней мере жизни человеческой, – я видел достаточно, чтобы замолвить за него доброе слово. И если это слово дойдет до тебя, если есть хоть какой-то шанс, что ты примешь брата, – поговори с ним, расскажи ему то, что знаешь. Может быть, ты даже не догадываешься, как это для нас важно. Прошу тебя, помни о нашей дружбе и считай своим другом любого из моих друзей, сколь бы странными ни были обстоятельства, которые нас свели.

Пинки замолчал и тяжело опустился на банку, явно изнуренный. Возможно, он понимал, что высказал все разумные доводы в мою защиту и любые дальнейшие речи вряд ли что-то изменят. Пока он говорил, мы с Сидрой пересекли большую часть лагуны, а поскольку при каждом вздохе в меня лезла зеленая биомасса, пытаясь удушить, я смог лишь благодарно кивнуть ему. Возможно, от его заступничества не будет никакого толку, но ни на что другое я рассчитывать не мог и всерьез радовался, что Пинки отправился с нами.

– Тебе страшно, Сидра?

– А если да, то что?

– Мне страшно. Но думаю, мой страх иного рода. Я либо погибну, либо нет. Если не погибну, глядишь, и узнаю от Невила то, что может нам помочь. Если же дело закончится моей смертью, уже ничто не будет иметь значения. А ты боишься, что утратишь какую-то часть себя, лишишься памяти и опыта, накопленных с тех пор, как побывала на Арарате в прошлый раз. Жонглеры, вероятно, сохранили твои прежние воспоминания, но гарантии нет.

– Это вполне приемлемая жертва. В моем мозгу есть информационные структуры, которые могут показаться жонглерам достаточно заманчивыми, и они захотят взамен оказать мне услугу. Но они вовсе не обязаны выполнять мою просьбу.

– В таком случае выбор у тебя небогат – умереть частично здесь и сейчас или умереть полностью где-то позже. Я тебе не завидую, Сидра. Но если не хочешь сознаваться, что тебе страшно, я сделаю это за тебя. Мне не хочется терять ту твою часть, которая знает меня. Ты свидетельница и катализатор произошедших во мне изменений. Ты была орудием, которое сделало меня тем, кто я есть теперь. Не скажу, что я тебе за это благодарен… хотя, пожалуй, стоило бы. Правда всегда лучше лжи.

– Ты и без меня знаешь, кто ты.

– Но ты нужна мне, чтобы не распадалась связь. Ты единственная видела, кем я был и кем стал. Ты половина моей истории. Если не станет тебя, не знаю, что случится с остальной моей половиной.

– Ты был тем, кто выжил. И остаешься им.

– Обещаю, Сидра: если у тебя заберут память и мы выйдем отсюда живыми, я помогу восстановить утраченное. Мы станем костылями друг для друга, двумя половинками души, которые не могут существовать порознь. Я помогу тебе вспомнить, а ты, вспоминая, поможешь мне обрести себя.

– Вот что я тебе скажу, Клавэйн, – немного подумав, ответила Сидра. – Ты слишком много болтаешь.

Небо над нами раскололось.

На зеленых стенах, на террасах вокруг лагуны заплясали, замерцали лица. Теперь они были больше, чем прежде, – на нас таращились физиономии величиной с дом, появляясь и исчезая в зеленой массе быстрее, чем успевал поймать взгляд. И не только лица – среди бескрайней мешанины перекрывающихся изображений возникали нечеловеческие тела и части тел, будто замысловатые рисунки на обоях: клешни, щупальца, фасетчатые глаза, заостренные крылья. Волна изменений ускорялась, изображения сливались в некий континуум, в бесконечный карнавал всех существ, когда-либо касавшихся этих вод, и, возможно, всех чудовищ и призраков, которых эти создания принесли в своих потаенных кошмарах и фобиях.

Не менее яростными волнами пошла и вода в лагуне. Нас швыряло из стороны в сторону, вверх и вниз. Лодка то появлялась, то исчезала среди бушующей стихии. На мгновение мне показалось, будто Пинки выбросило за борт, но в следующий миг я с облегчением увидел, что он прильнул к банке, стараясь как можно ниже опустить центр тяжести. Мне было страшно за него, но пока лодка оставалась на плаву, я считал, что у него есть шанс.

Сидра пыталась держаться рядом со мной, но стихия начала нас разделять. Стараясь не окунаться с головой в зеленые волны, я протянул руку. Мои пальцы сомкнулись на чем-то, но недостаточно прочно. Высморкав зеленую слизь, я рванулся вперед, но коснуться Сидры не сумел, а висящая в воздухе дымка мешала видеть. Все стало зеленым.

– Сидра! – задыхаясь, выкрикнул я. – Сидра!

И не получил ответа.

Какое-то время я продолжал сражаться за жизнь, хотя понимал, что самым разумным было бы сдаться, впустить зелень

в легкие, утонуть, чтобы, возможно, возродиться снова. Но полмиллиарда лет эволюции на суше прошили в моем мозгу неодолимое отвращение к самой мысли о смерти в воде. Это не имело ничего общего с погружением в резервуар на «Косе», оснащенный лучшими достижениями цивилизации. Сейчас я был один, без снаряжения, совершенно голый – тонущий зверек, охваченный первобытным страхом.

Я боролся, но силы иссякали, и вот в мой рот, как в распахнувшиеся наконец перед осаждающим войском ворота цитадели, радостно хлынула зеленая волна. Микроорганизмы штурмовали горло, трахею, легкие; подобно лавовому потоку отыскивали любые щели и каналы. Они следовали по нервам и кровеносным сосудам; они проникли в мозг и установили связь со сгустком, внутри которого я находился, а оттуда со всеми остальными сгустками на Арарате. Меня охватил беспредельный ужас, который сменился покорностью, затем полной обреченностью. А после пришло блаженство растворения в теплом гостеприимном море. Я постепенно переставал ощущать себя как личность, превращаясь в очередной набор образов, готовый слиться с остальными.

Я вспомнил Сидру и Пинки; вспомнил, что явился сюда не просто так. Несмотря на мешанину новых стимулов и ощущений, я продолжал осознавать важность моей миссии; я цеплялся за эту мысль сверхчеловеческим усилием воли. Нужно было просеять всю массу обрушившихся на мой разум впечатлений, и отыскать среди них брата, и воззвать к нему со всем смирением и покорностью.

В мое сознание врывалось множество воспоминаний, которые мне не принадлежали. Не принадлежали они и тем, кого я мог бы назвать людьми. Я видел чужие небеса, чужие солнца, рождающиеся туманности, развеянный прах планет и звезд, картины столь же величественных разрушений. Время кружило мне голову. Я считал, что оно для меня постижимо, но теперь был потрясен собственным невежеством. Время оказалось куда более обширным, холодным и пустынным, чем я мог себе представить. Тяжелые океанические слои времени обрушивались в безмолвную черную бездну, на самом верху которой, освещенном солнцем, парило крошечной пушинкой мое сознание. В этом океане была увековечена история всей Галактики, и все приключения человечества оставили лишь едва заметный след на ее последней странице.

У меня еще сохранилось ощущение физического тела, размытого по краям, но пока не уничтоженного. Хотя я уже не плыл и не дышал, превратившись в уплотнение зеленой массы,

имеющее человеческую форму, в сосредоточение живой материи, которое могло с одинаковым успехом раствориться или вновь стать единым целым.

«Помоги Сидре», – послал я мысль. И еще одну: «Не трогай Скорпа».

Волнение в лагуне сменилось яростной бурей. Я находился где-то посреди нее, привязанный к сгустку, будто марионетка, миллиардом нитей. Волны швыряли меня вверх и вниз. Каким-то образом я продолжал осознавать окружающее, пусть и не столь отчетливо. Окружавшие лагуну призраки пришли в неистовство, постоянно меняя облик. В этой кипящей массе вспыхивали огоньки. В воздухе носились спрайты. Сверху нависали пурпурные тучи. Между сгустком и небом то и дело просверкивали молнии, будто замыкая некий чудовищный контур.

Среди меняющегося фона на краю лагуны сформировался округлый зеленый выступ. Он продолжал расти, словно намереваясь связать берега арочным мостом.

Вот он прекратил вытягиваться и начал менять форму. По зеленой слизи побежали волны, и появились пять отростков, обретая вид пальцев.

С неба протянулась зеленая рука и выдернула меня из лагуны. Я увидел себя со стороны – нечто вроде всклокоченной морской звезды с обвисшими щупальцами.

Рука подняла меня выше. То место, где она выходила из берега лагуны, превращалось в грузное туловище, из которого выросла еще одна рука, затем подобная булыжнику голова. Внизу образовались две ноги, громадные, как колонны, поднимая туловище и голову еще выше.

Рука держала меня на уровне головы, похожей на грубое перекошенное изваяние. Когда-то у нее имелось лицо, но его полностью разрушило время, оставив лишь две глазницы, щель рта и очертания подбородка.

И тем не менее я его узнал.

Невил, послал я мысль.

Невил.

Невил.

И великан заговорил:

Как смеешь ты взывать ко мне? Как смеешь обращаться по этому имени?

Я почувствовал, как рука сжимает мое промокшее безвольное тело. И я, и рука состояли из одной и той же материи; мы перемешивались, проникали друг в друга.

Мое имя ты знаешь. Я Уоррен, твой брат.

Пальцы сжались сильнее.

Тебе не стоило возвращаться. Забыл, что я обещал? Разве я не дал ясно понять, что с тобой сделаю, если вернешься?

Лицо обретало глубину и симметрию, превращаясь в зеркальное отражение моего собственного. Под массивными нависающими бровями возникли лишенные возраста пустые зеленые глаза.

Мне нужна твоя помощь, Невил. Нам всем нужна твоя помощь.

Лицо презрительно усмехнулось.

Тебе мало, что я уже один раз умер ради тебя?

Здесь твои друзья. Они понимают, что не могут тебя ни о чем просить. Но есть то, о чем ты знаешь, есть информация, которую ты забрал с собой, и она могла бы нас выручить. Помоги нам, Невил. Помоги человечеству – всему, что от него осталось.

На губах возникла безрадостная улыбка.

И за этим… они послали тебя?

Я сделал два размеренных вдоха – как если бы внутри этой зеленой массы еще оставались грудная клетка, легкие и сердце.

Нет. Я сам себя послал.

Получается, ты забыл о нашей последней встрече. Когда я едва тебя не убил, предупредив тем самым, чтобы ты больше никогда не тревожил эти моря. – Голова насмешливо склонилась набок. – *Я думал, что достаточно ясно выразился. Что тебе осталось непонятно?*

В прошлый раз ты оставил внутри меня часть себя. Я прилетел сюда с гиперсвиньей по имени Пинки… вот только я однажды назвал его Скорпом, а знать это имя мог лишь потому, что ты оставил его в моей памяти, когда я был здесь в последний раз. Скорп выступил в мою защиту. Если хоть что-то из сказанного им до тебя дошло, ты уже в курсе: я здесь не для того, чтобы причинить тебе боль или попросить прощения. Он знает меня лучше, чем я знаю сам себя. И он знал тебя.

Пальцы великана напряглись.

Ты обманул моего старого друга.

Нет, я этого не делал. Я обманул сам себя. Я заблокировал собственную память и начал жизнь с чистого листа. Я бежал от правды; я не хотел помнить, кто я и как с тобой поступил. Я ничего не отрицаю и готов заплатить любую цену. Но прежде чем ты меня покараешь, поделись информацией. Ты в долгу перед Скорпом, перед Аной Хоури, перед всеми погибшими на Арарате. Перед памятью о Фелке и Галиане.

Я всерьез рисковал, упоминая тех, кто был ему дорог, но был к этому готов. Я знал, что мои слова либо пробьют его защиту,

либо окончательно настроят его против меня. Третьего было не дано.

Пальцы давили все сильнее. Я чувствовал, как просачиваюсь между ними струйкой слизи, которая когда-то была человеком по имени Уоррен Клавэйн.

Кулак продолжал сжиматься.

Глава 27

Обратно к убежищу маскиан нас доставили скафандры, руководствуясь данными инерциальных компасов. Когда мы добрались до камуфляжного навеса, буря уже подутихла.

– Если они клюнут на приманку, – сказал я, пока мы, снова распаковав снаряжение, посасывали через трубочки питательную смесь, – это случится скорее раньше, чем позже.

– Что, если их просто бросят умирать? – спросила Любовь. – Не самый ли это вероятный исход, учитывая все известное нам о психологии их коллективного разума? Нередко индивидуумами или даже группами жертвовали, чтобы снизить риск для главных гнезд.

– Верно, – кивнул я. – Но это новобранцы, им пришлось через многое пройти, чтобы попасть на Марс. Вряд ли сочленителям хочется отбить у других тягу к подобным предприятиям. Материнским гнездам нужны новые тела на замену тем, кого мы убиваем. И бросать новичков вовсе не склонны, даже если вопрос лишь в том, чтобы не дать нам пропагандистский повод.

– Проработав столько времени в психохирургической службе, я, пожалуй, лучше других знаю, что творится у них в головах, – сказала Любовь. – Но все-таки для меня непостижимо, каково это – быть сочленителем.

– Радуйся, – усмехнулся Надежда.

– Это восхитительно, – ответил я, вынимая обойму из полуавтоматического пистолета и вставляя новую. – Наверняка восхитительно, иначе бы они бы изо всех сил пытались избавиться от такого подарка. А может, дело всего лишь в манипуляциях с памятью. Если внушить человеку, что раньше ему всяко жилось хуже, он без возражений согласится на трансформацию. И уже не захочет ничего другого.

– Брат много об этом размышлял, – проговорил Надежда.

Я заметил, как нахмурилась Любовь. Наверняка она пыталась понять, о чьем брате речь. У нее самой брата не было. Относилась ли фраза ко мне? Но считалось, что никто из нас ничего не знает об остальных: даже настоящие имена – тайна, не говоря уже о семейных отношениях. Любовь явно смутило небрежное

замечание Надежды, заставив подумать, будто ее во что-то не посвятили.

И я ей сочувствовал. Знакомое, вызывающее мурашки ощущение.

– Вряд ли кто-то думал об этом больше, чем он, – сказал я, ставя пистолет на предохранитель. – Возможно, мой брат даже испытал весь процесс на себе самом.

– Твой брат? – переспросила Любовь.

– Тот самый пленник, которого нам предстоит забрать. Мы прилетели на Марс, чтобы похитить его у пауков.

– Не знала.

– Ты и не должна была знать, – мягко ответил я. – Впрочем, с тактической точки зрения это несущественно. Важно лишь то, что он ценный актив, который нам нужно вернуть, и теперь мы на пути к цели.

– Вы… небесный маршал Клавэйн, сэр?

Уловит ли она в моем ответе едва заметную насмешку?

– И насколько тебе это кажется вероятным, Любовь?

– Не знаю. – Она судорожно сглотнула. – Я думала, небесный маршал… в смысле, один из маршалов сейчас с дипломатической миссией на Европе.

– Небесный маршал Невил Клавэйн уже три с половиной месяца на Марсе, – терпеливо ответил я. – Вся эта история насчет Европы – дымовая завеса, маскирующая его отсутствие. Нам крайне неприятно, что он попал в плен, и еще неприятнее – что мы его до сих пор не вернули. Но к этому мы уже близки – благодаря вам.

– Значит, вы… небесный маршал Уоррен Клавэйн, сэр?

– Значит, так.

– Э-э… Для меня большая честь участвовать в этой операции, сэр. Я всегда относилась к ней всерьез, но теперь, когда знаю, кто пленник и что вы с нами…

– Давай закончим на этом, Любовь, – прервал я ее, зная, что она все равно будет называть меня Верой, пока я не разрешу обращаться по настоящему имени и званию. – Все идет хорошо, почти в точном соответствии с планом. За исключением одной детали.

В щеки мне хлестал соленый ветер. Я сидел, подтянув колени и обхватив руками исцарапанные ноги. Бледная трава щекотала кожу. Меня била дрожь.

Рядом со мной сидел мальчишка. Позади нас тянулся поросший травой берег, дальше – узкая полоска бесцветного ила, а еще дальше простиралось бурное серое море, покрытое

барашками волн до самого горизонта цвета белого шума.

– Ты в самом деле думал, что это хорошая идея? – спросил мальчишка, катая между пальцами гладкий серый камешек. – В смысле – после всего, что случилось?

– У меня не было выбора. Если бы мы поменялись ролями, ты бы точно так же прилетел на Арарат. – Раздраженно прищурившись, я смахнул со лба треплемые ветром волосы. – Дело не в том, как я поступил с тобой, и не в том, как, по твоим словам, ты поступил бы со мной.

– А в чем?

– Я знаю, что поступил несправедливо. Отправил тебя на смерть ради политического трюка… потому что мне хотелось продолжения войны, а не установления мира, который, как ты знал, был вполне возможен. Согласен, я был не прав. Но я так действовал вовсе не потому, что мне нравилась война. Я лишь верил в правоту нашего дела и считал войну единственным средством для того, чтобы оно восторжествовало.

– Значит, ты несправедливо поступил со мной, но с твоей точки зрения в том не было ничего плохого? Потому что ты верил в некую высшую цель?

Я заскрежетал зубами:

– Ничего подобного!

– Давай раз и навсегда определимся, в чем состояло твое предательство, ладно? Ты не просто воспрепятствовал моим мирным инициативам. Ты подстроил мне смертельную ловушку. Ты замыслил убить меня.

– Но ты не умер.

– Что, конечно же, снимает груз с твоей совести?

– Ты оказался не лучше, – сказал я, глядя на серо-зеленую неопределенность на горизонте. – Когда ты перешел на сторону Галианы и сбежал из Солнечной системы… какое последнее сообщение послал миру? Возвышенно-всепрощающее, как подобает тому, кто наконец поднялся над низостью войны? – Фыркнув, я медленно покачал головой. – Нет, ты вложил всю силу в то, чтобы объявить вендетту брату. Ты заявил, что убьешь меня при первой же возможности и никогда не откажешься от этого обещания. Что ни один мой подвиг не искупит вины за единственное преступление против тебя. Что мне не стоит даже мечтать о лучшей жизни, поскольку заслужить твое прощение невозможно чисто математически.

– И тем не менее ты жив.

– Пока.

– Тебе не приходило в голову, что я мог вовсе не желать, чтобы меня нашли на Арарате?

– Я уже побывал здесь, – помолчав, ответил я. – Пытался связаться с тобой и не смог, но по какой-то причине ты оставил меня в живых.

– Ты об этом помнил?

– Я помнил, как боялся утонуть. Я помнил, что не хочу сюда возвращаться, пусть и не понимал почему.

– Зря ты не послушался этой боязни. Возможно, в минуту слабости я тебя пожалел, вот и не убил на месте. Но оставшегося в душе страха тебе вполне должно было хватить, чтобы понимать: в следующий раз пощады не будет.

– И все же… мы здесь. – Я вырвал пучок травы с комком илистой земли на корнях. – Я вернулся не для того, чтобы проверить, насколько серьезна твоя угроза. И не для того, чтобы просить прощения или убеждать тебя, что заслуживаю еще одного шанса. Я здесь даже не как твой брат. Я прилетел, чтобы поговорить с тобой как солдат с солдатом о войне, по сравнению с которой та, что разделила нас, выглядит сущим пустяком. Речь идет о вымирании. О том, из-за чего наша жизнь выглядит столь же мизерной, как этот комок грязи по сравнению с океаном.

Немного подумав над ответом, он раздраженно бросил:

– Это не океан. Это Северное море.

– Ты кое-что повидал в путешествиях, – настаивал я. – Когда вы с Галианой отправились на «Сандре Вой» в межзвездное пространство, за пределы всех уже исследованных систем. Когда вы пролетали рядом с газовым гигантом, приборы обнаружили признаки физической аномалии. Аномалия находилась внутри атмосферы, слишком глубоко, чтобы до нее мог добраться ваш корабль, а самые надежные зонды сумели лишь зарегистрировать ее наличие. Не имея возможности подобраться ближе, вы поступили единственно разумным способом, отложив аномалию на будущее – как загадку, которой займетесь, когда наука сочленителей продвинется еще на пару столетий. – Я отшвырнул пучок травы. – Но этого не случилось – вмешалась история. Аномалия так и осталась узелком на память, слишком далеким и слишком отвлеченным явлением, чтобы вкладываться в повторную экспедицию. Возможно, это был попросту мираж, или ошибка приборов, или некая игра природы, вроде брокенского призрака. Нечто интересное само по себе, но вряд ли способное приблизить победу в войне. – Я помолчал. – Но тогда шла другая война.

– Войны постоянно занимали мои мысли, – вздохнул Невил. – Теперь уже нет. Когда я стал тем, кто я есть, среди этой зелени… ты удивишься, насколько изменились мои взгляды. Под конец жизни я от всего устал. Теперь же это так далеко позади, что мое

нынешнее душевное состояние вряд ли доступно твоему пониманию.

– Я тоже устал, – признался я. – Мы оба через это прошли.

Он усмехнулся:

– Через войны. Да, прошли, в буквальном смысле.

– Но сейчас все иначе. Те былые войны – результат человеческих ошибок. Мы позволили им случиться, поскольку нам было лень придумать что-то получше. Мы могли в любой момент все изменить. Но в этот раз дело обстоит совсем иначе.

Он повернулся ко мне, и я увидел в уголках его глаз насмешливые морщинки, свойственные скорее мужчине, чем мальчику.

– Думаешь, эта разница меня теперь интересует?

– А стоило бы поинтересоваться. Это убежище может оказаться не столь надежным, как ты думаешь.

– Волки не сунутся в эти воды.

– Ты хоть помнишь, что тебя сюда привело?

– Трудно забыть.

– В таком случае можешь не опасаться волков. Допускаю, что где-то в недрах их программы есть команда, запрещающая причинять вред планетам жонглеров. Допускаю, что раньше это работало. Но ты действительно уверен, что так будет продолжаться и дальше, на протяжении всего пространства-времени? Волки все еще опасны – мы видели тому немало примеров. Но сам факт, что мы сумели настолько далеко проникнуть в космос и продолжаем это делать, говорит о том, что они более не всесильны. Что-то разрушается в них в течение многих миллионов лет. От энтропии никуда не деться. Любые системы рано или поздно отказывают, даже безжалостные машины. И в процессе этого разрушения могут размываться запрограммированные границы.

– Это лишь предположение.

– Не спорю. Но ты же не станешь отрицать, что Арарат уже пострадал? Разбитый на куски спутник, нашествие космического мусора, усилившаяся после катаклизма вулканическая и тектоническая активность. Поднялся уровень моря, поглотив острова.

– Море излечится. Ты недооцениваешь его способности.

– Но ты всегда был осторожен. Есть повод для сомнений, Невил, и не стоит это отрицать.

Он почти минуту молчал. Волны били о берег, покачивалась трава. Небо было столь же серым, как и море, не переставая дул ветер.

– Ты говорил, что приплыл сюда вместе со Скорпом.

– Да.

– Я не ощущаю его присутствия.

– Он здесь. Или там, в лагуне. Вплавь мы добирались вместе с Сидрой… Знаешь Сидру?

– Знаю. Она здесь уже не в первый раз.

Я живо кивнул:

– Она искала тебя, как и я. Но я получил отказ, и она тоже. Что ты о ней помнишь?

– Я заглядывал ей в голову.

– Сейчас или тогда?

– Тогда. Она об этом не догадывалась, – усмехнулся Невил. – Я разобрал ее на дольки, точно плод, изучил то немногое, что меня интересовало, а потом собрал обратно. Ты знаешь, кто она, Уоррен. Или еще не понял?

– Сидра – вовсе не та загадка, ради которой я сюда явился.

– Что ж, нам не всегда приходится выбирать. Она была с тобой на Марсе – настолько далеко уходят ее воспоминания. Она состояла в эвакуационной команде. Ты же помнишь? Вы прилетели меня спасать.

– Нет.

– Не помнишь?

– Нет, как раз помню. Но Сидра не имеет отношения к происходящему. Это исключено. Мы оставили ее там.

– Хочешь сказать – после того, как убили?

Мой следующий вопрос поверг Любовь в растерянность.

– На какой планете, по-твоему, мы находимся?

Если бы она не так сильно нервничала, то вполне могла бы рассмеяться в ответ. Я преднамеренно поступал с ней жестоко. Обычно жестокость не была мне свойственна, но сейчас я вдруг обнаружил, что готов на все ради достижения цели и даже жалею, что раньше проявлял слабость. Жестокость вдруг стала для меня чем-то естественным, будто пришедшаяся впору одежда, которую я прежде даже не думал примерять.

– Это… Марс, сэр. Мы на Марсе.

– Ты уверена, что Марс, а не имитация?

Я почувствовал, как она колеблется.

– Это не имитация, сэр. Я тренировалась на имитаторах, как и все в психохирургической службе, и это были очень качественные симуляции… Нет, я твердо знаю, что это реальная операция, происходящая в реальном времени. Мы в самом деле на Марсе.

– Что ж, ты права.

– Спасибо, сэр.

– Следующий вопрос: имеется ли на Марсе воздух?

– Нет, сэр. В смысле – почти нет. Атмосфера практически отсутствует, а тем, что есть, невозможно дышать. Я знаю, внутри Великой Марсианской стены есть более плотный и теплый воздух, но он накапливается слишком медленно, и… – Любовь запнулась. – И он по-настоящему еще не пригоден для дыхания. На Марсе невозможно выжить вне герметичных комплексов или капсул, если только на тебе нет скафандра.

– В том-то и суть.

– Вот именно, – усмехнулся Надежда.

– Вся проблема как раз в скафандрах. Если все и дальше пойдет по плану – а благодаря твоей добросовестной работе, Любовь, нет никаких причин в этом сомневаться, – нам предстоит забрать нашего пленника, моего брата, из лагеря и эвакуировать его с Марса.

– И что нам для этого нужно, как думаешь? – спросил Надежда.

– Скафандр, сэр.

– Ответ верен, – кивнул я. – В детстве мы с братом, плавая в озере возле нашего дома, соревновались, кто дольше продержится под водой. – Я доверительно понизил голос. – Скажу честно: Невил всегда побеждал. Легкие у него куда лучше, чем у меня, – а может, секрет в силе воли. Но даже ему не задержать дыхание на срок, необходимый для того, чтобы улететь с Марса.

– Возможно, сочленители любезно оставят неподалеку скафандр, – сказал Надежда. – С запасом воздуха и всего прочего, что нужно для попытки к бегству. Как думаешь, Любовь?

– Я… сомневаюсь, сэр, что они способны так поступить.

– И я сомневаюсь, – согласился я. – Мы, конечно, могли бы попытаться снять с кого-нибудь из них скафандр, но поскольку нам приходится спешить, толку от этого было бы мало. Сочленительские скафандры совсем не похожи на наши.

– Они подключены по нейросвязи к тем, кто внутри, – кивнул Надежда. – Привычных нам органов управления нет вообще. За пару дней мы бы справились с подключением нашей аппаратуры, но чего у нас нет, так это времени. Нужно проникнуть в лагерь и побыстрее убраться. Да ты и сама это знаешь.

– Да, знаю, – сказала Любовь. – Потому-то с нами и летел четвертый скафандр. Вы говорили, что на случай его пропажи есть какой-то другой вариант.

– Этот вариант – ты, – ответил я.

Любовь собралась с духом:

– Моя задача – управление нейропротоколами. Я специалист в этой области. Меня готовили именно для этой операции, и я

сделала все как надо. Все, что должна была сделать. Остальное от меня никак не зависит.

– Можешь не сомневаться, мы всегда будем перед тобой в долгу, – сказал я.

Быстрым и плавным движением подняв пистолет, я выстрелил в визор ее шлема.

Из дыры в стекле, словно гейзер, вырвался воздух. Надежда заткнул ее пальцем, дав мне время перекрыть клапаны системы жизнеобеспечения и тем самым предотвратить дальнейшее падение давления. Оставшийся воздух всосался обратно в резервуар, что позволило снять скафандр с Любви, а затем собрать его заново, уже пустой. Надежда подтвердил, что повреждения в затылочной части шлема минимальны – пуля не пробила его насквозь. Визор заменили на новый – обычная в полевых условиях процедура, доведенная до такого автоматизма, что ее можно было выполнить на ощупь.

Хорошо, что мы взяли с собой запчасти.

– Надеюсь, она была права насчет самоприспосабливающихся протоколов, – заметил Надежда, пока мы копали неглубокую могилу.

– Я нисколько не сомневаюсь, что она сделала все, что от нее требовалось, – ответил я. – И о том, что мы перед ней в долгу, я говорил совершенно серьезно. Когда все закончится, ей будут оказаны должные почести.

Пока мы закапывали быстро замерзающий труп, я размышлял о том, на что мне пришлось пойти. Я знал, что если – нет, когда – операция будет рассекречена, никто не станет лгать о том, что здесь произошло. Факты будут представлены в точности как есть: я застрелил своего бойца ради успеха миссии. И это никак не сошло бы за несчастный случай или гибель от вражеского огня. Это было хладнокровное, в какой-то степени не имеющее оправдания убийство, но самомалейшей моральной разницы между убийством Любви и отправкой в бой группы солдат, из которых треть обязательно погибнет, для меня не существовало.

Поступить иначе было просто нельзя.

– Интересно, почему она ничего не сказала, когда увидела запасной визор? – спросил Надежда.

– Она была полностью сосредоточена на своей задаче, и ничто другое ее не интересовало. – Я улыбнулся внутри шлема. – В этом нет ничего постыдного. Нам всем приходится думать только об одном: как победить в этой войне.

– Надеюсь, мне хватит для этого сил.

– Надеюсь, их хватит у нас обоих.

Мы завершили похороны. Теперь оставалось лишь ждать. Буря утихла, небо над укрытием стало безоблачным. Мы с Надеждой ничего не знали о погодных условиях за пределами нашей позиции, и нам не могли сообщить никаких сведений, но казалось вполне вероятным, что область ясной погоды простирается до самой капсулы, вновь обнажившейся после бури.

Буря была для нас союзником в двух отношениях: она прикрывала наше приближение и отход, а также уничтожала следы. И все же хватило бы единственного слабого отпечатка руки или ходули, чтобы сочленители узнали: у капсулы кто-то побывал. А в том, что они станут искать любые признаки постороннего вмешательства, я не сомневался.

И точно так же я не сомневался, что возможная награда слишком соблазнительна для них, чтобы ее проигнорировать.

Я покачал головой:

– Нет. Мы никогда бы так не поступили.

– Еще как поступили бы, братишка. Была война. – Он неподвижно глядел в морской простор, затерявшись в прошлом. – Коалиция за нейрочистоту – разве это не предполагает некую целеустремленность? А какую роль в этом сыграли мы с тобой? Рыцари Кидонии? Повелители войны, повелители Марса? Мы делали все, что считали нужным. Убить одного из наших, пусть даже самого толкового, преданного и отважного добровольца, потому что он должен был умереть, чтобы выжил я? Без колебаний.

– Если я убил Любовь… – В этот раз я не договорил, вспомнив утверждения Сидры, что я уже однажды стал ее убийцей.

– Никаких «если». Хотел бы ты ее увидеть, братишка? Хотел бы в точности вспомнить, что именно совершил?

– Нет… – промямлил я.

– Проблема в том, что выбора у тебя уже не осталось, – сказал брат и услужливо добавил: – Позволь проникнуть в тебя чуть глубже, снять последние психические барьеры, чтобы ты наконец смог познать себя.

– Невил, прошу…

Он лишь рассмеялся в ответ, и я почувствовал, как он копается в моей душе, руша мою слабую защиту, снося все мои призрачные самоограничения. И вот передо мной возникла Любовь. На лице за стеклом визора проступало холодное и ясное осознание того, что я собираюсь с ней сделать.

Мгновенная тревога во взгляде. Слегка изогнувшиеся губы, будто в попытке сформулировать некий контраргумент, предложить альтернативный план. Мой давящий на спусковой

крючок палец. Выстрел, отдача. Полет вращающейся пули: из ствола сквозь вакуум в стекло шлема. Разлетающиеся осколки.

Продолжение полета. В теплом и влажном воздухе, еще не успевшем улетучиться в жалкую атмосферу Марса. Вхождение пули в лицо. В кожу, в мышцы под кожей, в кости и лобные доли мозга.

Губы, пытающиеся что-то произнести, – нервные сигналы все еще достигают гортани.

Невил зациклил мои воспоминания, заставив их воспроизводиться снова и снова, с каждым разом все медленнее и кошмарнее, пока я не превратился в рыдающий огарок человека, наконец понявшего, как он поступил с другим человеческим существом.

Наконец понявшего. Наконец осознавшего.

– Как она выжила?

– Ее нашли сочленители, – сухо ответил он. – Принесли труп в гнездо и решили посмотреть, что из него можно спасти. Нечто вроде эксперимента по радикальному нейровосстановлению. Только представь, какая от этого могла бы быть польза. Если бы удалось вернуть ее к жизни после многодневного пребывания в песках Марса и чудовищных повреждений мозга, то те же принципы реставрации памяти и личности они смогли бы применять и к собственным раненым.

– Не слишком отличается от того, что они делали с нашими пленными. Вскрывали им черепа, набивали головы сочленительской аппаратурой, мгновенно превращая их в своих сторонников. – Я помолчал. – Но Сидра не из таких. У нее есть все способности сочленителей, но она действует в одиночку.

– Это еще один из аспектов того эксперимента. За счет принудительно транформированных они увеличивали свою численность. Можно сказать, за счет нас.

Я кивнул, вспомнив, что брат окончательно перешел на сторону Галианы.

– Но, как и ты, Сидра была не совсем такой, как они.

– Что касается меня, то я благоразумно решил не подвергаться полному Транспросвещению. Я считал, что буду полезнее и способнее, если в какой-то степени сохраню нейральную автономию. Полагаю, так и вышло. Автономия, причем еще большая, была предоставлена и Сидре, причем не случайно. Вряд ли будет преувеличением сказать, что ее наделили искусственной социопатией… но при этом посвятили в кое-какие факты.

– Чего они рассчитывали достичь?

– Думаю, им нужна была гарантия. Некто преданный их делу

– нашему делу, – но способный действовать независимо, без ментальной поддержки других сочленителей. Агент-одиночка, посланный в мир. Наверняка были и другие. Но, возможно, лишь Сидра пришла к нам сквозь века.

Я размышлял над его словами, набирая в ладонь песок и просеивая его сквозь пальцы. Хватило бы всех песчинок, чтобы пересчитать годы, в течение которых путешествовала Сидра?

– Когда она нашла меня на Михайловом Дне, я решил, что интересую ее исключительно как средство для победы над волками. Но это была лишь половина ее замысла. Остальная половина – кара. Она знала, что я совершил, и ей было нужно, чтобы я тоже об этом вспомнил.

– Считаешь это карой? Разве цель истины не в том, чтобы нас освободить?

Я уставился в землю, чувствуя, как глаза обжигает ветер.

– На Михайловом Дне я был хорошим человеком.

– Тот, кем ты был, – сплошная ложь. Теперь тебе придется жить тем, кто ты есть, а не какой-то утешительной выдумкой. – Невил слегка поерзал, будто у него затекли ноги от сидения в одной позе. – Ответь-ка мне, брат, тебя действительно интересует та планета?

– Нам нужны координаты ледяного гиганта, который Сидра называла Харибдой. У «Косы» – корабля, на котором мы прилетели, – есть средства, чтобы добраться до объекта, увиденного тобой внутри тамошней атмосферы.

– С какой целью?

– Сидра считает, это корабль гнездостроителей. Мы знаем, что такие существуют, – ты сам видел их останки, ими усеян Арарат.

– Вряд ли останки могут служить добрым предзнаменованием.

– Судя по данным Сидры, гнездостроители – единственная раса в этом секторе Галактики, достигшая технологического паритета с ингибиторами.

– Тогда почему гнездостроители до сих пор не уничтожили волков?

– Похоже, они предпочитают стратегию управляемого сдерживания. У них есть палка, которой можно лупить волков, но если пользоваться ею слишком часто, у тех появятся средства противодействия. Так что самое лучшее для гнездостроителей – выживать, скрываясь, и использовать оружие лишь как последнее средство, даже если это иногда будет означать признание поражения. Считай их оружие невероятно мощным антибиотиком, который применяется только при крайней необходимости, чтобы

у бактерий не выработалась сопротивляемость.

– И как называется это оружие?

– Инкантор. Это перевод Сидры, звучащий наиболее по-человечески.

– И какова ваша цель? Забрать инкантор с того корабля?

– Даже лучше – добыть информацию, которая позволит нам создать собственный инкантор, использовав в качестве промежуточного этапа гипометрическую технологию. Если сумеем сделать один, то будут потом и другие.

– Амбициозная цель.

– Другой у нас нет.

– Тебя не беспокоит, что гнездостроители вряд ли отнесутся снисходительно к такому использованию их технологий?

– Прежде всего, им в первую очередь не стоило столь беззаботно относиться к своим секретам. Мы не станем применять их технологии как попало, но если выбор стоит между полным вымиранием в ближайшем будущем и навлечением на себя гнева гнездостроителей, я выберу гнев. Даже всего лишь оттеснив волков из этого уголка космоса, мы выиграем время. К тому же Сидра рассказала мне кое-что еще.

Невил впервые с начала нашей встречи взглянул на меня с неподдельным интересом:

– Гм?

– Есть нечто, что может нам помочь завладеть инкантором, – некий рычаг.

– Какая-то хитрость при переговорах?

Я неловко поерзал, стесняясь собственного невежества.

– Что-то вроде того.

– Сидра многое знает о гнездостроителях. Что странно, если учесть, насколько скудны были наши собственные знания на момент моей кончины. Почти все… кроме тех координат.

– Сидра говорит мне лишь то, что считает нужным, да и то, если на нее надавить. Ты нам поможешь?

Невил задумался. Я не знал, размышляет он всерьез или просто тянет время, чтобы меня помучить. Мне никогда не приходило в голову, что я смогу наконец до него добраться, но так и не смогу убедить.

– Как ты относишься к Скорпу?

Перебрав все возможные ответы, я в итоге остановился на том, который был правдой:

– В общем, не особо.

– Недолюбливаешь свиней?

– Мне не нравится, что он недолюбливает меня. Скорп нисколько не поверил в мою историю; не поверил, что я мог быть

хотя бы наполовину таким, как ты. И не делал тайны из того, что считает меня недостойным его дружбы.

– Но ты каким-то образом сумел изменить его отношение?

– Я поставил на карту собственную жизнь. Он был готов подвергнуться медленной мучительной смерти, но я не мог позволить, чтобы он это сделал в одиночку, не имея плана побега. В итоге мы сумели спастись и добыли технологию, которая требовалась «Косе», чтобы добраться до корабля гнездостроителей.

– Думаешь, после этого он стал твоим другом?

Я отрицательно покачал головой:

– Я не настолько глуп, чтобы считать, будто его отношение мог изменить единственный поступок. Но начало уже положено. Я знаю, что никогда не стану равным тебе в его глазах, но, думаю, он понял, что я вовсе не самозванец.

– Мне хотелось бы поговорить со Скорпом. Поблагодарить за то, что он был со мной до самого конца. Пожелать ему удачи и снова услышать его голос. Он лучше любого из нас.

– Позволь передать ему эти слова.

– Думаешь, сможешь?

– Я причинил тебе немало зла, и этого уже не исправить. Но я могу стать хорошим человеком, каким, как мне всегда верилось, я был на Михайловом Дне. Позволь передать Пинки, что ты по-прежнему его друг.

– Есть небольшая проблема. – Он поднялся, оттолкнувшись руками от коленей. – Я кое-что пообещал тебе, Уоррен. Сказал, что, если ты когда-нибудь сюда вернешься, я тебя убью. А нарушать слово…

Я тоже поднялся; по спине пробежал холодок. Проклятье! Ведь мне уже казалось, что мы пришли к некоему согласию, что мне удалось его убедить.

– Невил, давай забудем на время то, что произошло между нами. Судьба человечества значит намного больше вражды двух братьев. Дай мне информацию. Как только инкантор окажется у нас, я вернусь сюда, и можешь делать со мной все, что захочешь. Дай мне отсрочку. А если это для тебя неприемлемо, придумай, как передать информацию напрямую Сидре.

– Я все еще не знаю, в самом деле ли ты явился сюда вместе со Скорпом. Почему я должен верить твоим словам? Ингибиторы проникают в других, и точно так же они могли проникнуть в тебя, в Сидру, да в кого угодно. Возможно, тебе нужна эта информация, чтобы наконец лишить инкантор всех шансов попасть в человеческие руки.

– Неправда! – умоляюще воскликнул я.

– Тогда докажи! Из тех, кто остался в тот день в живых, со мной только Скорп. Только он знает, какими были мои последние слова. Он должен помнить. И если он в самом деле хочет, чтобы я тебе доверял, он должен был сказать тебе эти слова.

Во мне нарастала злость. Меня начинали утомлять эти братские игры.

– Может, ты и стал хорошим человеком, Невил, но для меня ты всегда был чудовищем. Ничего не изменилось.

– То есть не знаешь?

Улыбнувшись, я покачал головой:

– Эти пески? Это море? Это серое унылое небо? Я с самого начала знал, где мы, глупец. Это Шотландия. Там мы родились и выросли. И твоим последним словом было «Шотландия».

Из тумана позади нас появились двое, размытые серые силуэты. Но мне показалось, будто один из них – пожилая женщина, а другой – женщина помоложе. И обе показывали знаками Невилу Клавэйну, чтобы он повернулся к ним, оторвав взгляд от серо-стального моря.

– Шотландия, – уже тише повторил я.

Невил кивнул. Без каких-либо видимых изменений – будто в глубинах моего мозга сработал некий трюк восприятия – мальчик превратился в мужчину, а мужчина в глубокого старика с ледяным, полным бесконечного терпения и тоски взглядом. Он видел и пережил больше, чем любой в этом мире.

– Ты вспомнишь все, что нужно вспомнить, – сказал он и шагнул навстречу Галиане и Фелке.

Я всплыл и вдохнул первый сладостный глоток живительного воздуха. Я остался жив, меня пощадили. И хотя в данный момент не мог ничего вспомнить, я знал, что где-то в недрах моего разума появились новые знания, которые я вскоре смогу выразить словами.

Я стер с глаз зеленую пену и поплыл вперед, тяжело дыша и радуясь тому, что жив, хотя и сомневался, что хватит сил доплыть до лодки. Щурясь от жжения в глазах, осмотрелся. Зеленые стены лагуны исчезли. Я не видел никаких следов сгустка, никаких туч в небе. Не имея иных ориентиров, невозможно было понять, что именно переместилось – сгусток или я сам. Мне вовсе не хотелось тут умереть, но руки и ноги все тяжелели, а мышцы все слабели. Будет сущим абсурдом, если я, успешно завершив переговоры с Невилом, погибну, не успев передать информацию друзьям. Но Вселенная горазда весьма извращенно шутить над своими обитателями.

Нет, поклялся я. Не здесь и не сейчас. Я должен выжить. Если

хватало сил мыслить, их должно хватить и на то, чтобы плыть. Или хотя бы держаться на плаву.

На краю моего поля зрения что-то блеснуло. Оно покачивалось на волнах, то исчезая, то вновь появляясь. Лодка. Я ее видел, и из этого следовало, что она должна была находиться поблизости, но сейчас ничто не казалось мне более далеким. В лицо ударила волна, и я хлебнул воды. В глазах потемнело, и лодка исчезла. Кашляя и отплевываясь, я было подумал, что она мне привиделась, но она появилась снова. Я зафиксировал положение лодки на фоне облаков, надеясь, что ни она, ни облака не будут слишком быстро двигаться относительно друг друга, и поплыл в ту сторону. Я так ослаб, что меня снесло бы самое пустяковое течение, но лодка, похоже, оставалась неподвижной, и я надеялся, что любое перемещение водных масс воздействует одинаково и на меня, и на нее.

В этой полоске серого металла мне удалось опознать лодку лишь потому, что никаких других искусственных предметов поблизости просто не могло быть. Теперь я мог различить подробности, надеясь увидеть Скорпиона – который, возможно, еще не заметил меня, но продолжал ждать.

Лодка была перевернута. Неудивительно, что ее так сложно было разглядеть среди волн. Я в ужасе смотрел на нее, не в силах поверить глазам. Только не это. После всего…

– Скорп… – одними губами прошептал я, еще не выплюнув воду.

В это мгновение я возненавидел всю планету. Я ненавидел жонглеров, океан и обитающие в этом океане разумы. Ненавидел раздражительного и неумолимого тирана, в которого превратился мой брат, и бездушную судьбу, которая позволила этому случиться. Но поскольку лодка обещала единственный шанс на спасение и утонуть мне по-прежнему не хотелось, я продолжал плыть, надеясь, что каким-то чудом лодка вдруг сама перевернется и я увижу свиномордого друга, который призывно помашет рукой.

Я все плыл. Лодка виднелась отчетливее, но в ней ничего не менялось. Будто в подтверждение парадокса Зенона, мои силы уменьшались вдвое, по мере того как вдвое сокращалось расстояние, которое оставалось преодолеть. Чтобы добраться до сомнительной цели, пришлось бы плыть бесконечно.

Сколько это заняло времени, я не имел ни малейшего понятия; возможно, с того момента, как я вынырнул, и до момента прикосновения к лодке прошло от силы несколько минут. Но борьбы и отчаяния в них вместилось столько, что хватило бы на годы.

Какое-то время я провел в воде, держась за лодку, – на большее не оставалось сил. Интуиция подсказывала, что перевернуть лодку вряд ли удастся, но, чуть передохнув, я все же попытался. Лодка была слишком тяжела, чтобы ее мог опрокинуть одинокий пловец. Глубоко вздохнув, я поднырнул под нее, там еще оставалось немного воздуха. Обнаружить Скорпиона я почти не надеялся, и его действительно не оказалось, как и всего нашего снаряжения. Хоть мы и считали, что надежно его закрепили, оверкиля оно не пережило.

Здесь было холоднее, и я понял, что вряд ли смогу долго продержаться. Последним усилием я вынырнул из-под лодки и полез на нее, цепляясь ногой за киль и пытаясь дотянуться пальцами до уключины. Взобравшись на горячий металл, я вытянулся ничком, радуясь: если все же предстоит умереть, это хотя бы не будет смерть утопленника. Затем я провалился в рваную полудрему, полную громоздящихся друг на друга видений. Где-то среди них промелькнуло осознание, что, когда мои пальцы скользили по борту лодки, их кончики были черны.

Но у меня уже не осталось сил, чтобы об этом задуматься.

Ярко светило солнце. Я ощущал холод и брызги морской воды. Лежа ничком на покачивающейся на волнах лодке, я скорее слабел, чем набирался сил. Когда появились пловцы, я уже не способен был сопротивляться. Они возникли из воды, прижав перепончатые ладони к бортам лодки и обратив ко мне загадочные усатые лица – наполовину человеческие, наполовину тюленьи. Кажется, я закричал – по крайней мере, пытался слабо протестовать. Но один из них приложил палец к моим губам, будто успокаивая испугавшегося ночного кошмара ребенка, и, следуя некоему странному убеждению, я покорно сдался.

А потом они увлекли меня в темнеющие воды.

Глава 28

Мне снились горячечные сны о звездах.

Викторина опасно балансировала на кухонном стуле, держа в одной руке ящик с красками, а в другой кисть. Она рисовала на потолке звезды – голубые, золотистые и красные пятна, похожие на мелкие цветы. Звезды светились, как будто в ее скудном наборе импровизированных материалов нашлись чудесные светящиеся красители, о существовании которых она прежде не подозревала – или, возможно, не считала нужным использовать, пока ей не пришла в голову мысль изобразить это звездное небо.

Звезды парили, создавая головокружительное ощущение

глубины. Вместо того чтобы являться неотъемлемой частью плоскости потолка, каждая отличалась собственным расстоянием до нее и яркостью – будто потолок вознесся на недостижимую высоту, а звезды были подвешены к нему на ниточках. Глядя на терпеливый труд девочки, я почувствовал головокружение. Ноги оторвались от пола, – казалось, я готов рухнуть в эту зияющую бездну.

– Я сделала немножко звезд, – сказала Викторина. – Они помогут попасть тебе куда нужно.

– Я сделал тебе машину, – сказал я так, будто этот ответ был единственно возможным.

Позже я узнал, что с момента моего появления в лагуне и до момента, когда я полностью пришел в себя, миновало трое суток. У меня не было повода сомневаться в точности этого срока, но если бы мне сказали, что прошло три часа или три вечности, вряд ли я стал бы возражать. Жонглеры образами разобрали меня на составляющие и собрали заново, как механизм, и где-то в процессе разорвалась связь времен.

Осознав, что не умер, не тону и не превращаюсь постепенно в мумию на днище лодки, я перешел к более содержательным наблюдениям. Я находился в чем-то вроде комнаты или палаты. Меня окружали стены и потолок, воздух был прохладным, но не доставлял неприятных ощущений. Бледные поверхности и изогнутые контуры, а еще высоко расположенное окно, украшенное изящной резьбой и кусочками разноцветного стекла, наводили на мысль о раковинных постройках, которые мы приспосабливали для собственных нужд в Первом лагере. Но я сомневался, что нахожусь в Первом лагере. Там не было ничего похожего на это помещение, а здешняя обстановка не имела ничего общего с модульными компонентами и материалами, которые по моей просьбе производила «Коса». Я лежал на кровати, возле которой находились два длинных и извилистых, похожих на кресла предмета, состоявшие из позвонков, тазовых костей, ребер и плавников. Имелось также нечто вроде невысокого стола на четверке пятнистых крабовых ног, и не то шкаф, не то комод, втиснутый в стенную нишу; похоже, он был изготовлен из китового уса. В разных местах стену украшали кружевные наросты из кости или коралла, образовав вьющиеся и разветвляющиеся цепочки.

Комната слегка покачивалась. В окна лился окрашенный цветными вставками свет; на стенах и полу перемещались в убаюкивающем ритме его пятна.

Мне довелось пережить нечто ужасное, исчерпавшее резервы

моей выносливости до предела. Я также знал, что достаточно отдохнул и готов вернуться в мир. Поднявшись с кровати, я ощутил лишь легкую боль в конечностях от внезапного усилия. Завернувшись в простыню – в воздухе все еще ощущалась влага, – я прошлепал босиком к стене. Приподнявшись на цыпочки, увидел сквозь зеленое стекло волны, облака и край напоминающего раковину сооружения, хотя оно, похоже, не составляло единого целого с тем, внутри которого я находился. Эти раковины имели другое назначение и выглядели иначе, но они явно относились к той же разновидности инопланетных сооружений, что и находящиеся на суше.

В стене позади меня открылась украшенная китовым усом дверь.

Вошел Пинки. Он был одет так же, как я помнил, и выглядел не слишком потрепанным. Окинув меня взглядом, он указал на кровать:

– Они считают, что тебе следует отдохнуть. Хорошо, что ты уже можешь вставать, но они лучше знают, сколько времени нужно приходить в себя после встречи с жонглерами.

– Они? – Мой голос прозвучал странно, и я коснулся горла, будто там что-то застряло. – Ты жив, Пинки! Какое счастье! Увидев перевернутую лодку…

– …И зная, какой из меня пловец… – Он кивнул. – Будь с ними подобрее, Сидра. Мы вовсе не хотим показаться плохими гостями и сорвать переговоры. Наши хозяева оказались любезнее, чем мы могли ожидать, особенно после того небольшого недоразумения в море, но вряд ли стоит испытывать судьбу.

– Я не… – Я замолчал, внезапно усомнившись в самом себе.

– Ты не?..

– Мне хотелось сказать, что я не Сидра. Но это было бы глупо. Я Сидра. – Я шагнул к кровати, и взгляд снова упал на кончики пальцев. – Я – это она. Я Сидра.

– Рад, что ты не сомневаешься.

– И мне кажется, произошло нечто невероятное.

У меня вдруг подкосились ноги – то ли из-за перемещений комнаты, то ли из-за того, что я потерял всякую уверенность в себе, – и я опустился на кровать. Передышка оказалась относительной, поскольку кровать двигалась вместе с комнатой. У меня закружилась голова, и показалось, будто я потерял связь с самим собой.

– Что случилось с Уорреном?

– Вонючка не вернулся.

– Ты уверен?

– Буря усилилась. В лагуне разразился настоящий ад. Я

спрятался в лодке и попытался переждать, но в конце концов меня выбросило в воду. Какое-то время я бултыхался, пытаясь не утонуть. Что было после, не помню – до того момента, когда пришел в себя. Меня поддерживали на плаву двое местных. Не знаю, как я до них добрался и что произошло со сгустком. Они почти ничего не говорили, просто успокаивали, чтобы я не дергался. Это были те самые, на которых мы наткнулись раньше, – а значит, мне повезло вдвойне, учитывая, как мы с ними обошлись.

Пинки опустился в кресло. Необычной формы, к его фигуре оно подходило не лучше, чем к моей; его ноги нелепо болтались по обе стороны.

– Они всего лишь пытались предупредить нас об опасности. Как оказалось, у них хорошие отношения с жонглерами, что-то вроде дипломатических связей. Они знают, когда можно плыть к сгустку, а когда не стоит. Пожалуй, надо было внимательнее отнестись к их совету, когда была такая возможность.

– Думаешь, мы потеряли Уоррена?

– Лишь двое вышли из этой бури живыми, Сидра. Ты и я. Пловцы искали вас с Уорреном. К тому времени, когда ты добралась до лодки, они уже нашли его тело.

– Он не умер, Пинки. Он часть меня.

Он наморщил рыло и, наклонив голову, уставился так, будто я стал жертвой дурацкого розыгрыша.

– Я всего лишь свинья и не знаю толком, что может случиться во время танцев с жонглерами. Но тебе все-таки придется объяснить.

– Я встретился с Невилом. Говорил с ним и назвал слово, которое знал только ты. Сидра… могла как-то в этом участвовать?

– Никому не известно, в чем участвовала Сидра. – Он ущипнул себя за лоб. – Погоди-ка… Кто сейчас говорит? Кто ты, по-твоему?

– Думаю, я одновременно и Сидра, и Уоррен, – осторожно ответил я, чувствуя, что должен поделиться с ним соображениями. – Я отчетливо помню, как мы с Сидрой плыли в лагуне. Потом я потерял из виду и ее, и тебя. Но я также помню, что я была Сидрой до того, как все началось. Помню, как дрейфовала в космосе и ждала, когда он меня найдет. Помню, как меня поймал Иоанн Богослов и мне казалось, что я умру там, в обществе безумного капитана и реанимированных им трупов. Ту песню, которую он постоянно пел, насчет седьмой печати… – Я вздрогнул, будто обрывки воспоминаний цеплялись за меня, увлекая назад, в бездну кошмара. – Это была я. И это был я. На

вопрос, кем я стал, Скорп, нет простого и однозначного ответа.

Он медленно кивнул. Должно быть, понял или по крайней мере поверил. У меня не имелось никаких причин лгать, как не имелось причин приписывать мое раздвоение личности посттравматическому шоку.

– Опять ты называешь меня Скорпом. Возвращаешь в прошлое, о котором я предпочел бы забыть.

– Даже не думал. Я давно тебя знаю – достаточно давно, чтобы имена не имели никакого значения.

– Об этом только мне судить. Ладно, пока примем все как есть. Следующий вопрос. Извини, если я слишком туп даже для свиньи. Какого хрена это вообще случилось?

– Извини за не меньшую тупость, – рассмеялся я. – Не имею ни малейшего понятия, друг мой. Не считая того, что Невил поклялся убить Уоррена, если тот когда-нибудь вернется на Арарат. Возможно, таким образом исполнилось его обещание – в смысле буквы, если не духа.

– У Сидры не было права голоса?

– Я ничего не помню о том, что стало с Сидрой после того, как мы потеряли друг друга в лагуне. Но нам известно, что Сидра раньше сильно пострадала. Возможно, это был наилучший вариант для нас обоих – подшить к Сидре Уоррена, чтобы создать целостную личность.

Пинки покачал головой:

– А я-то думал, что запасы всякой странной хрени во Вселенной уже исчерпались.

Я едва заметно улыбнулся:

– Все еще более странно. Мне кажется, в нас есть и частичка Невила. Не вся его личность, а несколько ее осколков. Вполне достаточно, чтобы помочь нам сделать то, что еще предстоит.

– Хочешь сказать, старик в самом деле не остался в долгу?

– Но мы получили то, чего хотели. Я знаю, где искать Харибду. Это ледяной гигант в системе Дзеты Тукана, примерно в шести с половиной световых годах от Арарата – чуть меньше восьми лет полетного времени. Как только «Коса» будет готова и беженцы окончательно обоснуются… Что ты так на меня смотришь?

– Нам нужно поговорить о беженцах. И о наших хозяевах.

– Это был мой следующий вопрос. Они в самом деле настолько дружелюбны, как ты говоришь?

– С учетом возможного недопонимания при общении – думаю, они на нашей стороне.

– Полагаю, это лучше, чем иной вариант. Кто они и как здесь оказались?

– Все не так просто, и, думаю, тебе все-таки нужно отдохнуть. Мы договорились не слишком тебя утомлять. Не важно, кто ты теперь, но силы тебе понадобятся.

– «Мы» – это кто?

– Со мной Роза-или-Нет и Баррас. Мы зовем себя временным плавучим посольством. Пловцы называют это место Марл, – думаю, это самое большое из поселений, но не единственное. Остальные наши в Первом лагере. Когда пловцы увидели лодку и поняли, что происходит, они послали другую группу на остров, чтобы установить контакт.

– Чего они ожидали?

– Пока мы не пустились в путь на лодке, они не знали, что мы высадились на планете. Мы не видели их, а они нас. – Он пожал плечами. – Что случилось, то случилось. Пловцы постарались обеспечить нам весь возможный комфорт, но я почти непрестанно страдал от морской болезни. Знаешь, сколько блевотины может извергнуть свинья?

– Говорят, помогает, если шире расставить ноги.

Пинки тяжело поднялся с кресла:

– Скажу, чтобы тебя покормили. Надеюсь, тебе нравится зелень, поскольку в ближайшие дни ничего иного есть и пить не придется. И почти все, что из тебя выйдет, тоже будет зеленым.

– Жду не дождусь. Так что насчет беженцев?

– Ешь, отдыхай, а потом поговорим. – Он двинулся к выходу, но обернулся. – Я теперь не знаю, кто ты, но исхожу из предположения, что с тобой нам будет лучше, чем без тебя.

– Я тоже так думаю. – Я помедлил, кое-что вспомнив. – Пинки?

– Да?

– Невил сказал, что хотел тебя поблагодарить. Сказал, что скучает по тебе и рад, что ты был с ним до самого конца. И еще сказал, что ты был самым лучшим из всех нас.

Пинки был прав – я нуждался в отдыхе больше, чем мне казалось. И я не до конца осознавал пределы возможностей собственного тела. Вряд ли что-то было для меня более знакомым, чем собственная плоть, и вместе с тем более чуждым. Пока я размышлял над случившимися со мной странностями, в голове у меня сидел Уоррен, но стоило ему смириться с тем, что теперь отсутствовало, и тем, что появилось, как начинала одерживать верх Сидра. Мы постоянно мелькали, сменяя друг друга, как во вращающемся зеркале, и где-то посреди этого ослепительного блеска находилась личность, в которую мы слились, – возможно, с некоторой добавкой Невила, которую он

подбросил в этот мерцающий союз. Я предпочел бы пребывать не в столь своеобразном состоянии, но это было все-таки лучше, чем не существовать вообще.

Время от времени мне приносили пищу. Я ел и отдыхал. Меня снабдили средствами для умывания, а при необходимости я пользовался обнаруженным внутри шкафа туалетом – своего рода спускным желобом, по которому отходы моей жизнедеятельности отправлялись в море. Сперва мне с трудом удавалось над этим желобом пристроиться, но после нескольких попыток я научился держать равновесие. Что из моря приходило, в море и возвращалось.

В основном еду приносил Пинки, а если не он, то Баррас или Роза-или-Нет. Поселение представляло собой плавучий остров, движимый силой ветра и при правильном управлении и хорошей погоде способный перемещаться чуть ли не быстрее, чем наша моторная лодка. Но когда я попытался узнать что-нибудь об их путешествии и о том, что обсуждалось до моего пробуждения, они отвечали крайне сжато.

Я нисколько их не винил. Пинки, уже побывавший на этой планете, кое-что знал о жонглерах образами и об их непредсказуемых дарах. Он вполне мог поверить в то, что остальным труднее было принять практически без доказательств. Баррас и Роза-или-Нет сразу же признали во мне Сидру, поскольку я выглядел как она. Но когда я обращался к ним как Уоррен, из моего рта раздавался голос Сидры. Напрасно я доказывал, что обладаю воспоминаниями мертвеца, мужчины, чье тело выловили из моря. Они видели раньше некоторые способности Сидры (мои), и ничто не мешало им полагать, что она (я) вполне могла получить доступ к моим (его) воспоминаниям и усвоить их, а то, что кажется Уорреном (мной), является лишь искусной мимикрией. Подобного вслух никто не говорил, но я мог все прочитать в их взгляде. Поверил бы я сам себе? Почти наверняка нет. И смог бы я предложить хоть что-то в качестве доказательства? Без шансов.

Единственным моим защитником оставался Пинки, поскольку он немного знал Уоррена и очень хорошо знал Невила, благодаря чему мог со временем убедить сомневающихся. Пока же мне оставалось добродушно терпеть настороженное отношение к себе.

Было ясно, что контакты с нашими хозяевами мне пока заказаны; а еще я выяснил, задавая вопросы и почти всегда получая уклончивые ответы, что с Первым лагерем все еще имеются какие-то сложности. Благоразумно прекратив биться в неприступную стену, я сосредоточился на восстановлении сил,

радуясь, что мое изломанное тело приведено в порядок и бушевавшие внутри меня сражения наконец прекратились.

Я-Сидра действительно помнила, как была очень больна, помнила, как пыталась скрыть серьезность своего положения от Уоррена и остальных, чтобы те не утратили веру в меня как в союзника. Вражеские сущности, прорвавшиеся сквозь мою защиту на Йеллоустоне, были близки к тому, чтобы убить меня. Но жонглеры изгнали их, и я ощущала себя абсолютно чистой.

Или не абсолютно? Да, во мне еще оставалось нечто, сидевшее очень глубоко. Но его я поместила туда сама, и жонглеры, будто уборщики в доме, поняли, что оно ценно и его следует оставить нетронутым.

Внезапно я замер, будто часовой механизм внутри меня наткнулся на сломанный зубец.

Прости, Уоррен. Ты не знал? Видимо, я об этом не упоминала.

Или сама не помнила. У нас у каждого имелись свои секреты, Сидра. Моим была ложь, с которой я предпочел жить, весь тот набор фальшивых воспоминаний, которые я для себя создал. Твоим была та штука, сидящая внутри тебя. Возможно, ты сама ее туда поместила. Но она настолько срослась с тобой, что ты в конце концов о ней забыла.

Я не забыла…

Кто-то из нас криво усмехнулся.

Но и не помнила в точности.

Пинки явно нервничал, ведя меня к остальным по извивающимся, со стенами из раковин коридорам Марла. Судя по всему, переговоры все еще пребывали в деликатной стадии и любая неосмотрительность с моей стороны могла перечеркнуть результаты многодневного труда. Но я вовсе не собирался вмешиваться в работу временного плавучего посольства. Мне хотелось только одного – покинуть Арарат, прежде чем улетучится знание, которым я обладал.

– У них есть свой язык и письменность, – говорил Пинки. – В нем можно найти вкрапления каназиана, рунглиша и норта, но никто из нас его толком не понимает.

– Значит, они все-таки происходят от людей. Вероятно, когда-то сюда прилетел корабль с генетически измененными колонистами, приспособленными к выживанию в океане. Но что-то пошло не так: корабль потерпел катастрофу или просто бросил их на произвол судьбы, и они скатились в темные века. Только теперь создают некое подобие водной цивилизации.

– Ого! – Он удивленно взглянул на меня. – Звучит интересно, но это крайне далеко от того, что случилось на самом деле. Они

не колонисты, Сидра. – Он резко остановился. – Сидра? Как мне тебя называть, Сидрой или Уорреном? Мне нужно с этим разобраться. Я всего лишь свинья, моим мозгам эту хрень не понять.

– В детстве Невил называл его Воином. Теперь Воин и Сидра в одном теле. – Я на миг задумался. – Так что называй меня Воин-Сидра. Как будто мы сплавились в некую субстанцию, которой иначе бы не существовало.

– Ладно, – с сомнением проговорил он, предпочтя не спорить. – Пусть будет Воин-Сидра. Кто сейчас говорит?

– Не уверен, что это имеет значение.

– У тебя в голове одна личность или две?

– Две, ставшие одной.

– Ну да, теперь понятнее.

– Лучше не объяснить. Такое ощущение, будто мы две жидкости, налитые в одну емкость. У каждого есть доступ к воспоминаниям другого, и чем больше мы ими делимся, тем менее важно, что прежде мы были разными людьми. Жидкости смешиваются. Наши голоса становятся одним голосом. Так что вполне есть смысл иметь одно имя на двоих.

Пинки зашагал дальше, явно неудовлетворенный моим ответом.

– Ладно, Воин-Сидра. Для тебя есть новость: это не колонисты, которые прибыли на Арарат после гибели Первого лагеря. Это выжившие. Или скорее их потомки. Потомки тех самых людей, которых мы тут оставили.

– Не может быть, – бесстрастно проговорил я. – Я был здесь тогда, Пинки. Я помню.

– Ага, так теперь вылез Вонючка?

– Нет, это я, Воин-Сидра, но с доступом к двум наборам воспоминаний. На Арарате остались люди, а не какой-то морской народ. У них не было технологий, которые позволили бы им перестроить тела, а если бы даже технологии имелись, на перестройку попросту не было времени.

– В этом смысле ты прав. Они не сами сделались пловцами. Их изменило море.

– Имеешь в виду жонглеров образами?

– Вероятно, но не ищи доказательств – не найдешь. С тех пор как мы оставили этих людей, прошло сто восемьдесят с лишним лет. Для нас это недавняя история, но они прожили ее намного медленнее, поколение за поколением. Те, кто помнил, что тут произошло, умерли шесть или семь поколений назад, и все, что осталось, – устные свидетельства, песни, истории, картины. – Он замедлил шаг. – Не осуждай их. Они могли вышвырнуть меня

обратно в море, но не сделали этого.

Я похлопал его по плечу:

– Они с первого взгляда понимают, кто друг. Как понял это я. Как поняли мы. Я так и не поблагодарил тебя за то, что ты помог наладить отношения с жонглерами, но считай, что я перед тобой в долгу.

– Свиньи не верят долгам.

– Почему?

– Печальный опыт. Обычно мы умираем раньше, чем с нами успевают расплатиться.

– И все же мне отчего-то кажется, что ты всех нас переживешь.

За время моего заточения я составил некоторое представление о том, где нахожусь. По словам Пинки, это нечто вроде плота, который никуда не плывет – должно быть, поставлен на якорь, чтобы не сносило. Таких островов тут целая флотилия. Основу каждого составляет большая водонепроницаемая раковина, частью притопленная для остойчивости. Некоторые раковины связаны между собой и способны перемещаться как одно целое, даже находясь на большом расстоянии друг от друга.

Мы перебирались с раковины на раковину посредством арочных тоннелей или горбатых мостиков – опасно узких, со слишком низкими для меня перилами. Их высота над уровнем моря иногда достигала тридцати – сорока метров. Должно быть, пловцы не знали страха высоты, поскольку могли пережить практически любое падение в воду.

Я видел, как они хлопочут: приводят в порядок плоты, чинят сети, карабкаются на стены раковин по решетчатым конструкциям. Слышались их похожие на лай разговоры, громкий смех и песни.

Другие раковины, особенно дальние (все поселение занимало пространство величиной с одну пещеру Солнечного Дола), покачивались на волнах независимо друг от друга. Их соединяли веревки из того же материала, что и сеть, которой пытались поймать нашу лодку, только прочнее. Канаты и сети применялись повсюду, отчего казалось, будто раковины плотно опутаны липкими водорослями.

Я не замечал ничего, что требовало бы для работы внешнего источника питания. Все устройства, даже самые сложные – подъемные мосты, шлюзы, лебедки, краны, – приводились в движение мускульной силой или хитроумной комбинацией водяных колес и резервуаров. Сделано это было из чего-то похожего на дерево или бамбук – жесткого, с зелеными прожилками. Скорее всего, это был морской организм, не

имеющий ничего общего с растительностью, которую я видел в окрестностях Первого лагеря. Иногда встречался металл и искусственный материал, видимо взятый в брошенной колонии, но он расходовался осмотрительно по причине его ценности и незаменимости. В больших количествах применялись кости, напоминающий китовый ус материал, а также похожий на коралл цемент, который, очевидно, вручную наращивали слоями, добавляя к раковинам мосты и прочие архитектурные элементы. Застывая, этот цемент становился твердым как камень, вполне соответствуя своему предназначению. У пловцов также имелись свечи и фонари, способные долго и ярко гореть, источая сладковатый запах. Из каких веществ они изготавливаются и по каким принципам работают? А это стекло в окнах и фонарях – на самом ли деле стекло? Или какая-то прозрачная окрашенная субстанция природного происхождения, наподобие кератина?

О многом я мог лишь догадываться, но мне было ясно, что это вовсе не примитивный народ. Ему свойственны ум и изобретательность, а также врожденное понимание многих утонченных принципов инженерного искусства и геометрии. Пловцы демонстрируют впечатляющую волю к жизни, бросая вызов природе, и их образ существования позволяет им оставаться вне зоны интересов ингибиторов. Но в силу тех же причин их жизнь полностью зависит от нрава планеты, капризов климата и геологических катастроф. Они вполне могут здесь выживать, и даже с определенным комфортом, но не более того. Им никогда не удастся сделать планету безопаснее, или спастись от явившейся с неба погибели, или перебраться в убежище получше.

Наконец мы вошли в просторный зал с высоким потолком и разноцветными окнами, более широкими, чем в моей комнате. Помещение украшали рельефы из уже знакомого мне каменистого цемента, но здесь он использовался в декоративных целях. Среди вычурной лепнины виднелись выполненные синими, золотыми и бирюзовыми красками фрески, изображавшие морских мужчин и женщин, занятых в некоем подобии античной драмы, – как будто я заглядывал в историю, уходившую в прошлое на тысячелетия, а не на несколько десятков лет. Имелись также надписи – цепочки витиеватых, похожих на усики насекомых символов, которые гирляндой окружали рисунки, порой привлекая взгляд кажущейся осмысленностью. В строчках этого письма проступали известные мне языковые формы – призрачные следы, которые обнаруживал мой мозг, но настолько перемешанные и искаженные, что прочесть я ничего не мог. И тем не менее я знал, что это работа человеческого разума.

Нас ждали Баррас и Роза-или-Нет, а также около двадцати пловцов, включая двоих сидящих – вероятно, считавшихся у них за главных. Их кресла возвышались на постаменте из раковинного материала, а остальные пловцы расположились на разных уровнях, будто в соответствии с некой церемониальной иерархией. Раньше я видел их лишь в воде или с большой высоты, и у меня не сложилось мнения о том, как они ходят на двух ногах. Оказалось, вне воды они отнюдь не радикально отличаются от людей. Их темную кожу испещряли серые, зеленые и золотистые пятна. Пальцы рук и ног были приспособлены к плаванию, а на широком торсе сидела толстая мускулистая шея, как постамент, поддерживая голову. У них были большие темные глаза, щелевидные ноздри, усы и нечто вроде гривы, часто с примесью зелени. Но помимо этих общих черт каждый обладал индивидуальными, и я уже вскоре мог делать осторожные предположения относительно возраста и пола. Их одежда, если ее можно было назвать таковой, представляла собой не то короткую юбку, не то набедренную повязку из грубой ткани зеленого цвета. У некоторых были плетеные нагрудники, похожие на защитные, но наверняка выполнявшие лишь декоративную функцию, а также пересекавшие грудь ремни, на которых висели инструменты и оружие, включая крючья вроде того, которым они пытались задержать нашу лодку.

– Те, что на тронах, – король и королева, – прошептал Пинки. – По крайней мере, это самое близкое соответствие для их титулов. Мужчину зовут Ринди, женщину Иврил. Похоже, они делят власть поровну. Насколько мы поняли, этой правящей династии семьдесят или восемьдесят лет – с того года, когда случилось нечто вроде переворота. Это даже не половина всей их истории, но о первой части они упоминают так, как мы – о бронзовом веке. – Он легонько подтолкнул меня вперед. – Представься. Говори медленно, и переводчики тебя поймут. И если хочешь моего совета, не особо распространяйся насчет двух личностей в одной голове. Мы пытаемся навести мосты, а не напугать наших союзников до смерти.

– Я что, такой страшный?

– С самого начала. Причем вы оба.

Я сделал несколько шагов к постаменту с тронами. Король и королева кивнули, но ничего не сказали.

– Я Сидра, – начал я, приложив руку к груди. – По крайней мере, под этим именем меня знали. – Я бросил извиняющийся взгляд на Пинки, поскольку намеревался сделать именно то, от чего он меня предостерегал. – Но я также Уоррен Клавэйн, брат Невила. Думаю, вы знаете Невила. Он является частью вашего

океана дольше, чем вы плаваете в этих водах.

Королева Иврил наклонилась вперед на троне. Кто-то из пловцов приблизился к ней и зашептал на ухо. Она несколько раз кивнула, – по крайней мере, этот жест у здешнего народа сохранился. Взглянув на меня, Иврил заговорила с переводчиком. Ее голос звучал негромко, и из тех обрывков, которые до меня долетали, я ничего не понимал.

Переводчик повернулся ко мне и заговорил пискливым раздраженным тоном, с сильным акцентом. Приходилось сосредоточиваться изо всех сил, чтобы что-то разобрать.

– Ты… два… в одном?

– Да, и это столь же странно для меня, как наверняка и для вас. Можете называть меня единым именем, Воин-Сидра, если так будет проще. Первая часть имени – прозвище, которое Невил Клавэйн дал своему брату в детстве. Сидра – сокращенное от Клепсидры, женщины, обитавшей раньше в этом теле.

Я ждал перевода. Процесс шел медленно, помощники то и дело совещались.

Наконец последовал ответ королевы Иврил:

– Ты… родня… Зеленого?

– Да, – мрачно кивнул я. – Я родня Невила Клавэйна. Его брат. И я видел его в сгустке жонглеров.

Иврил и переводчик снова обменялись репликами.

– Мы вас предупреждали. Зеленый злой. Злой и могущественный. Этот сезон – плохой сезон.

– Мы не могли ждать лучшего сезона. Но прошу прощения за то, что мы неверно поняли ваши добрые намерения.

Я помедлил, размышляя о том, насколько далеко могу зайти, не перенапрягая способностей переводчиков. У них был свойственный педантичным ученым хмурый вид. Вероятно, это были специалисты, которые отслеживали изменения в своем языке с самого начала и сохранили достаточно знаний о его старых формах, чтобы понять смысл моих слов и дать его неуверенную трактовку.

– Но вы правы, – продолжал я. – Мой брат вовсе не рад был меня видеть. Это моя вина, вернее, вина той части меня, которая когда-то была Уорреном. Уоррен несправедливо поступил с Невилом, и тот запретил брату появляться здесь впредь. Видите ли, мне довелось побывать тут раньше. Возможно, вы уже тогда плавали в этих морях, но не попадались мне на глаза и вряд ли видели меня. Иначе попытались бы мне помешать.

– Многие приходили. Многим не удалось.

– Но в этот раз мне удалось, – ответил я. – Уоррен хотел кое-что получить от своего брата и добился своего.

– Мы ничего у тебя не нашли.

– Он рассказал мне о планете, куда я должен отправиться вместе с моими друзьями. Примерно в восьми годах полета отсюда, на орбите звезды, которая называется Дзета Тукана.

Я кивнул в ту сторону, где, судя по игре падавшего сквозь окна света, находилось солнце.

– Мы знаем про звезды. – В ответе слышался легкий упрек, будто я считал хозяев совершенно неосведомленными насчет их места во Вселенной. – Мы знаем про корабли и планеты. Мы знаем, кем были и откуда пришли.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказал я.

– Вы улетите на корабле? Все?

Баррас встретился со мной взглядом, и, хотя я никогда не понимал свиней так же хорошо, как людей, я увидел в его глазах тревогу и предостережение. Я вступил на опасный путь.

– С вашего позволения, некоторые останутся.

– Почему?

– Наш корабль не рассчитан на такое количество пассажиров. Там, куда мы летим, будет очень опасно. Не все из нас добровольно прилетели на Арарат. Те, кого мы оставили в Первом лагере… вы знаете про Первый лагерь? – Я покачал головой, поражаясь собственной глупости. – Ну конечно. Это же вы забрали мой скиммер? И не удивлюсь, если узнаю, что вы ухаживали за могилами.

– Никто не может жить в Первом лагере, – сказал Ринди через собственного переводчика.

– Мы уже вернули его в пригодное для жизни состояние. Поселенцы не станут вас беспокоить, если вы сами не пожелаете вступить с ними в контакт, и не возьмут от моря больше, чем потребуется.

– Никто не может жить в Первом лагере, – повторил Ринди, а затем уточнил: – Никто не должен жить. Это запрещено.

– Они вам не конкуренты! – возмущенно заявил я. – Если бы вы избегали этих островов, то вообще бы ничего о них не знали.

– Не вам решать.

– Боюсь, что нам. Вы даже представить себе не можете, из какого ужасного места прибыли эти беженцы. Здесь не рай, но возможность жить на Арарате, жить свободно и без страха – самое меньшее, чего они заслуживают. Позволь им, Ринди. И ты тоже, Иврил. Боюсь, другого варианта просто нет.

– Вам не дадут.

Я покачал головой – скорее с грустью, чем со злостью.

– Мы не причиним вам вреда, но если вы нас вынудите, то вокруг Первого лагеря и ближайших островов будет поставлен

защитный кордон. Машины не дадут вам добраться до поселенцев.

– Машины откажут, – заявила Иврил, и ее супруг устало кивнул в знак согласия. – Разве не видите? У нас нет машин. Они отказали. Ваши тоже откажут.

– Вы не знаете, какие машины способен создать мой корабль. Машины, которые изготавливают другие машины. Машины, которые чинят любые повреждения, наносимые морем. – Поняв, что моя дипломатия наткнулась на неодолимую преграду, я попытался свернуть в более любезное русло. – Я вижу, что вы добрый и благородный народ, к тому же весьма изобретательный. Вы сумели обустроить здесь свою жизнь, а эти ваши залы просто прекрасны. Но вряд ли с вашей стороны будет разумно противиться нашему поселению, не стоит даже пытаться.

– Это не мы, – ответил Ринди.

– Не позволит Зеленый, – добавила Иврил. – Зеленый разозлится. Будет все злее и злее! – Она резко взмахнула рукой, растопырив перепончатые пальцы. – Зеленый заберет.

– Мы с ними это уже обсуждали, – тихо сказал Баррас. – Похоже, они совсем не шутят. Это не угроза, это предупреждение. Зеленый, кем или чем бы он ни был, не позволит основать поселение в Первом лагере.

– Да, – кивнула Роза-или-Нет. – Да и да. Твой брат, да. Это он. Тот, о ком они говорят, да. Он этого не допустит. Он знает, что это слишком, да, рискованно, да и да. Что их могут увидеть. Да, из космоса, воистину да. Волки. Он не позволит. Из-за них, из-за этого народа, да и да. Потому что он их любит.

– Он их защищает, – продолжил в том же духе Пинки. – Их и все остальное, что вобрал в себя этот океан за миллионы лет. Океан дает пловцам убежище, и они не высовываются, чтобы не привлечь волков. А жонглеры хранят воспоминания всех прочих.

– Брат Уоррена – лишь один из разумов во всей этой мешанине.

– Но это новый и властный разум. Солдат. Фарсидский Мясник! Рыцарь Кидонии! Я знал его. У него имелись свои слабости, но характер был тяжелый. Возможно, в этом океане живет некий дух, опекающая сила, частью которой он стал. Если так, готов побиться о заклад, что Зеленый взял власть в свои руки. Но на самом деле не важно, идет ли речь о нем одном или о целом океане других разумов. Король и королева выразились вполне ясно: если мы оставим поселение в Первом лагере, его смоет в море еще до того, как «Коса» выйдет в межзвездное пространство. И никакие похвальбы насчет оружия и машин ничего не изменят.

– Я не… – начал я и тут же замолчал. Пинки был совершенно прав: на первую же попытку пловцов мне возразить я ответил агрессивным выпадом. – Прошу прощения, – снова начал я. – Не будем больше говорить о применении силы. Это ваш мир, и признаю ваши соображения относительно Первого лагеря. – Я взглянул на остальных, отчаянно надеясь, что не переступаю черту. – Мы… отказываемся от всех дальнейших планов насчет поселения. То, что уже сделали, вернем в прежний вид. Когда корабль улетит, здесь не останется никаких следов нашего пребывания.

– А те, о ком ты говоришь? Те, кто собирался жить в Первом лагере? – спросила Иврил.

– Заберем их с собой. Они выдержали полет на Арарат, так что выдержат еще один. Будет некомфортно и небезопасно, но они останутся живы, по крайней мере на какое-то время, и, возможно, мы найдем другую планету, которая сможет стать для них домом.

– Они могут остаться, – сказал Ринди. – Но они должны измениться.

Я усомнился в том, что правильно его понял, но прежде чем успел попросить его уточнить, заговорила через своего переводчика Иврил:

– Море заберет их и изменит. Они станут больше похожи на нас. Если захотят.

– А если нет?

– Море их все равно заберет. Но они не будут жить.

Я вдруг понял, что мне нужно сесть. На меня обрушилось чересчур многое, чтобы его воспринять, не говоря уже о том, чтобы осмыслить. Ошеломленный, я повернулся к Баррасу:

– Наверняка они вам уже об этом говорили. Они что, всерьез считают, что беженцы могут стать пловцами, как наши хозяева? И чтобы точно так же приспособиться, достаточно всего лишь поплескаться в море?

– Вряд ли бы они предложили такое, будь оно невозможно. Но это вовсе не означает, что будет легко и что есть хоть какая-то гарантия успеха, – негромко ответил Баррас, будто опасаясь обидеть пловцов. – Это не в их власти. Но если мы согласимся, они обратятся к морю или к жонглерам, чтобы те нас изменили. Однако, если жонглеры не прислушаются к их просьбе, или Зеленый окажется не в духе, или просто сезон будет неподходящий… – Баррас пожал плечами. – Большего они сказать не могут.

– Возможно, на большее нам и не стоит рассчитывать. Как по-твоему, Баррас, беженцы пойдут на трансформацию ради того,

чтобы жить на Арарате?

Он потянул за росший из подбородка длинный волос.

– Некоторые – да. Они еще не пустили здесь корни, но прекрасно понимают, что лучше жить на планете, чем ютиться в тесном корабле, вынужденно проводя большую часть времени во сне. А учитывая, откуда они прилетели и что собиралась сделать с нами Свиная королева, попытать счастья у жонглеров образами – не такая уж плохая мысль. С этим… народом можно жить. – Он поколебался. – Но вряд ли согласятся все. Может, если бы никто из нас не мог покинуть Арарат, было бы иначе, но раз уж у кого-то есть возможность улететь…

– Возможность будет у всех, – заверил я. – «Коса» возьмет на борт столько, сколько потребуется. Но любой, кто полетит с нами, должен понимать, что это будет опасно.

– Хуже, чем отдаться на волю моря?

– Не знаю. Каждому придется решать самому.

– Мы сказали Иврил и Ринди, что обсудим это с тобой. Они спросили, не королева ли ты у нас, и я ответил, что нет, но у тебя действительно есть корабль.

– Теперь ты знаешь мой ответ. – Я сочувственно улыбнулся. – Который, как я понимаю, лишь многое усложнит.

– Да, было бы намного проще, будь ты тираном, который объявил бы, что с Арарата нас не заберут. Что случилось с прежней Сидрой?

– Она разбилась на множество осколков, как могло бы разбиться одно из этих окон. Осколки собрали, но части недостает, а часть никогда ей раньше не принадлежала. – Я снова посмотрел на короля и королеву пловцов. – Надеюсь, мое мнение совпадает с мнением моих друзей. Мы благодарны вам за честность и согласны с тем, что жизнь в Первом лагере для нас невозможна. Но для того чтобы решить все вопросы, нам требуется день или два. С вашего позволения, мы вернемся в Первый лагерь и поговорим с беженцами. Они уже встречались с пловцами, которых вы отправили за временным плавучим посольством, но было бы неплохо, если бы нас сопровождала небольшая делегация. – Заметив, что мои слова озадачили королей, я добавил: – С нами должны отправиться пловцы. Старые, мудрые, сильные, умеющие хорошо говорить.

– Будет сделано, – подумав, кивнула Иврил. – Через день ветер сменит направление, и вы совершите свое путешествие.

– Спасибо.

– Но до этого, – медленно проговорил Ринди, – нужно сделать одно дело.

– Одно дело? – переспросил я.

– Похоронить того, кто не вернулся живым. То, что с тобой произошло, весьма странно, но это никак не меняет того факта, что тело нуждается в похоронах. Если у вас есть на этот счет свои обычаи – расскажи о них. Но по нашему обычаю его тело должно вернуться в море.

Глава 29

Пинки упрашивал меня не участвовать в церемонии – что, возможно, было бы вполне разумно. Но инстинкт подсказывал, что я должен смириться со случившимся, признав факт неразделимого союза Воина и Сидры, и присутствие на устроенных пловцами похоронах этому только поможет. Мне требовалось окончательно осознать, что часть меня умерла.

– Понимаю твои благие намерения, друг мой, – сказал я. – Но мне нужно пройти этот путь до конца. Думаю, будет неплохо, если пловцы поймут, что мы готовы уважать их традиции. Что бы ни случилось в Первом лагере, часть беженцев наверняка решит связать судьбу с морем. Им потребуются друзья среди пловцов, и чем раньше мы продемонстрируем свою открытость, тем лучше. – Я крепко сжал плечо свина. – Скорп, ты уже похоронил в море моего брата. Никто не упрекнет тебя в том, что ты не испытываешь желания пройти через подобное еще раз.

– Было бы куда тяжелее, если бы я не видел в тебе еще одного Клавэйна.

– Надеюсь, так будет не всегда, – мягко ответил я. – Сидре тоже иногда надо себя проявлять. – Я собрался с духом. – Это всего лишь тело. Оно неплохо мне служило несколько веков, но, думаю, для нынешних времен тело Сидры подходит намного лучше. Она тоже была солдатом. И нам еще предстоит выиграть войну.

– Скажу только одно: пахнет от тебя куда лучше, чем раньше.

– Кому верить, как не свинье, – улыбнулся я. – Идем, нам пора на пристань. Было бы невежливо заставлять пловцов ждать.

Пристань, на которой я прежде видел возившихся с сетями и такелажем пловцов, располагалась в спокойной бухте. Высокий арочный проход вел из нее в открытое море, где виднелись вдали поднимающиеся и опускающиеся на волнах, будто дети на качелях, другие раковины. Море было темным, в небе сияли звезды – по обычаю пловцов похороны всегда происходили в полночь.

Плавсредство, на котором нам предстояло вернуться в Первый лагерь, было уже нагружено провизией, но отправиться нам предстояло лишь утром. Это была увеличенная версия

здешних плотов: восемь бревен связаны вместе, а девятое служит мачтой. Сооружение выглядело достаточно хрупким, но на таком прибыли в Марл Баррас и Роза-или-Нет, и я пообещал себе, что не допущу бестактности, усомнившись в его плавучести или опыте его хозяев.

У другого причала, под прямым углом к плоту, покачивался на воде другой, погребальный. Вокруг него в свете факелов занимались торжественными приготовлениями пловцы; одни плавали, а другие осторожно перемещались посуху вокруг на перепончатых руках и ногах. По какому-то знаку хлопотавшие над нашим плавсредством рабочие прекратили разговоры, оставили свое занятие и переместились к погребальному плоту. Я почти ничего не видел за массой блестящих тел, но при моем приближении пловцы расступились, словно половинки занавеса.

Плот выглядел примитивнее некуда. На нем не было ни паруса, ни руля. Ему попросту предстояло плыть по воле волн – и вовсе не обязательно долго.

На плоту стоял катафалк – ажурный ящик из переплетенного китового уса. Его обвивали зеленые лианы, образуя кружевную связь между всеми частями плота и его содержимым. Возле углов катафалка возвышались на опорах четыре фонаря, а на нем самом, вытянувшись лицом к небу, покоилось мое тело, тоже частично обвитое лианами.

Было чрезвычайно странно смотреть на мертвую оболочку, в которой я когда-то обитал. Какое-то время, возможно с минуту, я полагал, что сумею сохранить хладнокровную объективность, будто меня вызвали в морг и попросили опознать труп человека, которого я знал, но не особо близко. Лежавшая передо мной версия Уоррена Клавэйна была мне одновременно знакома и незнакома. Я успел привыкнуть к тому отпечатку, которое наложило на мое тело время, особенно в последние годы жизни в Солнечном Доле. Сидра, однако, устранила некоторую его часть, и меня поразила исходившая от лежавшего на катафалке энергия. Не энергия юности, поскольку тело осталось старческим, но я выглядел намного моложе и сильнее, чем мысленный образ, который сам же и создал. Толстым я никогда не был, но сейчас мышцы, которые успели было сделаться дряблыми, четко вырисовывались под кожей. Меня готовили к суровому испытанию, которое так и не наступило. Или, возможно, оно заключалось именно в том, чтобы бросить вызов морю, презрев клятву моего брата.

Я выглядел совершенно безмятежно, лежа на спине с закрытыми глазами, – просто уснувший крепкий старик. От чего бы я ни умер – от утопления или от какого-то более сложного

воздействия, – внешних повреждений не наблюдалось. Циновка, сплетенная из зелени, накрывала меня от бедер до груди, но я сильно сомневался, что она скрывает какие-либо травмы.

Внутри меня что-то внезапно оборвалось. От былой объективности не осталось и следа, и я почувствовал, как подкашиваются ноги. Меня подхватил Пинки. На катафалке покоилось не просто тело, не просто пустое вместилище, но я сам. Это была последняя вещественная нить, соединявшая меня с прежней жизнью – с той жизнью, когда я считал себя лучшим, чем был на самом деле; когда знал любовь и покой семейного круга, ощущал связь с маленьким, но вполне пристойным сообществом, которому отдал свои последние годы. В той жизни хватало хороших людей, хватало любви и дружбы, благодарности и доверия, служения и достоинства, ответственности и смирения. Казалось, от катафалка исходят бесчисленные мерцающие серебристые нити, связующие Мигеля де Рюйтера с его соплеменниками, а через них, посредством той же серебристой паутины, и со всем человечеством. Ничья жизнь не была никчемной, даже жизнь, основанная на лжи. Он создал нечто лучшее, чем тот материал, который ему дали.

«Ты хороший человек, и тебя любят».

Я понял, что рыдаю, оплакивая не себя, а этого мертвеца, которого провожали в последний путь. По иронии судьбы, соединившей наши личности в одном теле, я знал, что являюсь как жертвой, так и орудием преступления, и мог одновременно обвинять себя и утешать.

– Это была ошибка, – прошептал Пинки. – В следующий раз будешь слушать, что тебе говорят.

– Нет, не ошибка, – нашел в себе силы произнести я. – Мне нужно было здесь оказаться. Нужно было почувствовать.

– Я никогда не сомневался, что ты – это ты.

– Знаю.

– Но даже если бы у меня были сомнения, это полностью бы их развеяло. – Он повернулся к катафалку. – Ты должен его отпустить. Мы оба должны его отпустить.

– Он дал ниточку, связавшую тебя с Невилом. Теперь она порвалась.

– Я никогда от нее не зависел. – Он крепче сжал меня. – Но мы зависим от тебя. Попрощайся, Воин-Сидра.

К погребальному плоту в окружении придворных приблизились Иврил и Ринди. Их одежда в этот раз была более изысканной: на головах похожие на гребни уборы, а тела обмазаны светящимися красками. Встретившись со мной взглядом, они приступили к формальной части церемонии,

произнося мрачно-торжественные речи, перемежавшиеся протяжным пением и медленными стонами, похожими на вой. Часть ритуала вершили подданные, а часть оставалась прерогативой короля и королевы. Смысл накатывавших звуковых волн до меня не доходил, но я в полной мере ощущал их эмоциональную силу. Вовсе не обязательно было владеть языком пловцов, чтобы понять слова прощания. Они не знали этого человека, не имели ни малейшего представления о его жизни, не вели перечня его добрых дел и прегрешений. Но он вошел в их море и умер от него, и даже если это был знак того, что он не внял предупреждениям, пловцы готовы были простить ему все грехи.

Наступила тишина.

Собравшись с духом, я высвободился из рук поддерживавшего меня Пинки.

– Пожалуйста, – заговорил я срывающимся от слез голосом, – скажите Иврил и Ринди, что этот человек был бы им благодарен. Не знаю, что именно было сказано, но чувствую: слова были добрыми. Это намного больше, чем мы ожидали, и намного больше, чем он заслужил. – Я дотронулся до горла. – Я знаю, потому что частичка его остается во мне, и он услышал. Вы оказали ему честь.

– Мы не стали бы злить Зеленого, проявив неуважение к его брату, – ответила через переводчиков Иврил. – Пусть даже брата все избегали.

Я кивнул, не желая ей противоречить, но, казалось, она пытается оправдать свои поминальные слова, распространяя их на любую погибшую в море душу – так, словно ее смутило собственное милосердие.

– В любом случае все хорошо.

– Тогда заверши обряд, – сказал Ринди.

Пловцы уже обрезали удерживавшие плот канаты. Другие, столпившись в воде с длинными шестами, готовились толкать плот к ведущей в море арке. Но прежде чем он оказался бы недосягаем, оставалось сделать кое-что еще. Придворные вынесли пылающий факел, который побывал в руках у королей, а затем был передан мне.

Я уже намеревался опустить его и поджечь плот, но, поколебавшись, повернулся к тому, кто был рядом со мной с тех пор, как мы покинули Первый лагерь.

– Это Пинки, – объявил я, обращаясь ко всем собравшимся. – Вы уже немного его знаете. Поверьте, вы могли бы провести с ним всю жизнь, но не узнали бы и десятой доли того, что он видел и совершил. Он был другом моего брата в последние дни его

жизни, верным и преданным другом, а когда брат обратился к нему с просьбой сделать то, что могло бы показаться немыслимым для любого из друзей, Пинки не дрогнул. Не случись этого, вся наша история – как и ваша – пошла бы совершенно иначе. Тот день оставил в его жизни неизгладимый след. Но когда наши с братом разумы соприкасались – когда со мной говорил Зеленый, – он лишь попросил передать Пинки свою благодарность и признательность. Я несправедливо поступал со своим братом, и некоторые мои грехи не заслуживают прощения. Но если нас что-то и объединяет, то это наш общий друг Пинки. – Я кивнул в сторону моего тела. – Он знал этого человека. Знакомство продлилось меньше, чем оба могли бы надеяться, но успело вырасти в крепкую дружбу. Поэтому именно он должен взять этот факел.

Я протянул факел, с волнением ожидая реакции Пинки, и был рад, когда он не оттолкнул мою руку.

– Я свинья, – застенчиво проговорил он, а затем указал на меня. – Она… нечто иное. Так же, как и вы. Баррас, Роза-или-Нет… У каждого из нас есть своя история о том, как мы тут оказались и что сделало нас теми, кто мы есть. Так же, как и у того, кого вы зовете Зеленым. Хотите моего совета? Чуть меньше бойтесь стариковского нрава. Он куда больше лает, чем кусает, и Арарат не только его планета, но и ваша. – Он вздрогнул, будто только что совершил важнейшее открытие. – В общем, я хочу сказать, что все мы странные создания. Свиньи, морской народ, полусочленители… Но мы каким-то образом существуем, мы пока не умерли. Наверняка ведь это что-то значит? Мы не собираемся умирать. Мы держимся. Мы смесь всевозможных идей и образов жизни; мы ссоримся; от некоторых из нас дурновато пахнет… Собственно, от некоторых по-настоящему воняет, но главное – мы не сборище одинаковых черных кубиков с единственной идеей – захватить Вселенную. Порой мы бываем неприятны и в чем-то ущербны, порой совершаем дурацкие ошибки, но мы не машины, слишком тупые, чтобы понять, что их программа больше не имеет никакого смысла. Мы люди. Рыболюди, свинолюди, люди-люди, зомби-пауко-люди… Без обид, Воин-Сидра.

– Мне доводилось слышать и похуже.

– И мы никуда не деваемся. Может, мы всего лишь грязное пятно, но что с того? Множество пятен образуют Вселенную. И с нами пока не покончено.

Факел продолжал гореть, но пламя уже колебалось и темнело, и я замечал озабоченные взгляды придворных. Вероятно, ни на одной из предыдущих погребальных церемоний им не приходилось иметь дела с чрезмерно болтливым свином, и каких-

либо мер на этот случай у них не предусматривалось.

– Скоро будет покончено, если ты не подожжешь эту штуку, – шепнул я.

– Уж ободряющие слова у тебя всегда найдутся.

Наклонившись, он коснулся факелом катафалка. Плот не вспыхнул мгновенно – лишь вдоль лиан побежал поток искр. Видимо, они были пропитаны медленно горящим составом – тем же, что использовался для факелов и свечей. Ближайший пловец забрал у Пинки факел и ткнул им в плот в нескольких местах, чтобы огонь горел симметрично. Затем он вернул факел Пинки, а тот передал его мне – уже угасающий, коптящий.

Плот вспыхнул ярче, окутанный огненной сеткой. Пловцы направляли его, ловко подталкивая шестами. Пламя охватило одну сторону катафалка, а затем покоящееся на нем тело. Я смотрел, пока мог, но когда кожа на моем лице начала лопаться и чернеть, я понял, что больше не в состоянии этого выносить. Не отворачивался, боясь обидеть хозяев, так что обошелся сощуренными веками и периферийным зрением.

К тому времени плот был уже почти у арки. Огненные языки взметнулись к небу, будто пара лебединых крыльев, окутав тело и подсветив ворота. С десяток пловцов двигались следом на почтительном расстоянии, иногда подталкивая плот шестом, а так их вполне устраивало, что он следует течениям, проходящим через Марл. Пламя отражалось в волнующемся море, искры бросали вызов звездам.

– Не такой уж плохой конец, – тихо сказал я Пинки.

– Он отдал свой долг.

– Думаешь, старик бы с тобой согласился?

– Думаю, да.

– Ответ верен, – пробормотал я.

В последний раз взглянув из-под прищуренных век на свое бывшее тело, прежде чем стены арки скрыли его из виду, я бросил погасший факел в воду. Я не знал, соответствует ли это обычаям пловцов, но чувствовал, что вправе так поступить.

А потом я отвернулся от моря. Во время похорон я ощутил, что во мне завершился некий объединяющий химический процесс. Жидкости перемешались, став неразделимыми. Сидра была мертва – как и Уоррен.

Я стал… стала единым целым.

Воином-Сидрой.

Мы вернулись в Первый лагерь. Путешествие оказалось не столь тяжелым, как я ожидала, – дул попутный ветер, и море было спокойным. Я подумала о тех секундах, которых хватило бы

«Косе», чтобы пересечь это водное пространство, и которые, вероятно, могли бы на что-то повлиять в каких-то будущих расчетах. Но даже если корабль и был готов к полету, призвать его я не имела возможности, – чтобы ощутить его мысленный шепот, требовалось находиться гораздо ближе к Первому лагерю. К тому же я решила, что не простила бы себе, если бы, прожив две долгие жизни, ни разу не поплавала под парусом.

Баррас, Пинки и Роза-или-Нет сошли на берег первыми – им предстояло подготовить довольно-таки деликатную почву для дальнейшего. За ними последовала делегация пловцов, а затем на сушу сошла я, сосредоточив на себе множество взглядов. Вряд ли стоило просить свиней безоговорочно признать, кем я теперь являюсь, так что я сочла за лучшее держаться в стороне и говорить как можно меньше, оставив на долю беженцев более сложную задачу: определиться, с кем им связывать свои надежды – со мной или с морем.

За день что-либо решить было нереально, но какие-то шаги предпринять уже можно. Продолжать приготовления к новому заселению Первого лагеря не имело смысла, и их прекратили. Далеко не всем пришлось по душе, что их труд пропал впустую. Баррас и Пинки сообщили, что некоторые из оживленных свиней не соглашались бросать работу, но в этом отношении я была только рада применить власть. Я уже видела, на что способен в ярости мой брат – или брат Уоррена? – и не сомневалась, что остаться на этих камнях никому не позволят.

Вернувшись на «Косу», я велела роботам начать утилизацию всех использованных материалов, даже если для этого придется разбирать на части столы и стулья. Я оставила лишь минимум удобств, требовавшихся для обеспечения комфорта еще на пять дней – срок, который я дала оживленным, чтобы они решили свою судьбу. Остальных, все еще спавших, предстояло разбудить и опросить. Но если первые двенадцать сумеют прийти к единому мнению, пусть и не вполне единогласно, это может подтолкнуть остальных к более быстрому принятию решения.

Я поклялась не высказывать собственного мнения. Поскольку оставаться на Арарате я не собиралась, занимать ту или иную позицию выглядело бы с моей стороны лицемерием. И что бы ни выбрали свиньи, я им не позавидую. Если они снова отправятся с нами в космос, им придется нелегко, и нет никакой уверенности, что они останутся в живых. Но вряд ли кто-то без колебаний согласится утонуть и затем возродиться в чужом теле. Даже пловцы лишь отделывались заверениями, что море с радостью примет свиней и изменит их для новой жизни на Арарате. Меня злило, что они предложили этот вариант, не дав никаких

гарантий успеха. Раньше все было проще.

Так что я была только рада возможности отвлечься, находясь на борту «Косы» и возвращая ее к жизни. С кораблем за время моего отсутствия ничего не случилось. Сперва я опасалась, что он не признает моих полномочий, приняв меня за самозванку, которая лишь выглядит и говорит, как Сидра, или что станет реагировать на ограниченный набор команд, выделенный для Уоррена Клавэйна. Но корабль встретил меня с безоговорочной щенячьей преданностью, охотно продемонстрировав график проведенного ремонта и те давно планировавшиеся усовершенствования, которым он подверг себя в предоставленное ему время. Он был практически готов к полету. Собственно, большую часть оставшихся ремонтных работ можно будет завершить и в пути.

– Хороший корабль, – пробормотала я.

Направившись в лазарет, я подвергла себя полной диагностической проверке, включая глубокое нейросканирование. Жонглеры нисколько не изменили меня внешне, однако выяснить, что произошло у меня внутри, было сложнее. Обширные области моей уникальной мозговой структуры трансформировались, восприняв воспоминания и черты личности Уоррена Клавэйна. Вряд ли легко было понять, какую часть воспоминаний Сидры пришлось стереть или сократить, чтобы освободить место для новых, – если только я не наткнусь на некую странную пустоту внутри себя. Я ожидала, что после встречи с жонглерами от меня останется меньше, чем прежде, так что не особо страдала от того, что чем-то пришлось пожертвовать. Воспоминания походили скорее на голограмму, распределенную среди множества встроенных кодирующих структур, а вовсе не на цифровую книгу с чистыми страницами, но жонглеры умели разбирать разум на части и вновь его собирать также и на голографическом уровне. Человеческая наука не могла полностью изгнать то или иное воспоминание, не оставив смутных следов, но методы жонглеров вполне были на это способны.

Как только сканирование завершилось, я вернулась в рубку управления и просмотрела результаты, увеличивая и пролистывая собственные изображения – без кожи и в разрезе, цветистые выбросы структур головного мозга. Все мои нейродополнения оставались на месте – серебристо мерцающие имплантаты и связи, свидетельствовавшие о том, что мой мозг, по крайней мере отчасти, является творением нейромедицины сочленителей.

В самом ли деле они не пострадали, или меня подводит моя несовершенная память? Я проверила более ранние сканы в базе данных «Косы». Хотя мои органические ткани подверглись

некоторым изменениям – области мозга расширялись и уменьшались, будто спорящие о новых границах городские районы, – но имплантаты остались прежними. Воин-Сидра в этом отношении ничем не отличалась от Сидры. Все мои способности никуда не делись.

Что насчет остального? Того, что важнее всего?

Осталось ли оно внутри меня?

Я усилила глубину и разрешение сканов, снимая с себя слои, пока в тумане из тканей и костей не возникли очертания чего-то твердого, металлического.

Оно было на месте, в целости и сохранности.

Хорошо.

«Ты скоро нам понадобишься, – подумала я. – На Харибде».

Что-то внезапно вернуло меня к реальности. Это была «Коса», пытавшаяся привлечь мое внимание негромким повторяющимся сигналом датчиков.

Глава 30

Я созвала на совещание Пинки, Барраса, Розу-или-Нет и делегацию пловцов.

Они сидели полукругом у берега, а я, опустившись на корточки, пыталась сообразить, как лучше сообщить им новость, одновременно радостную и тревожную, и насколько эта новость может разрушить наши и без того пошедшие трещинами планы.

– Волки? – спросил Пинки, вглядываясь в мое лицо.

– Не волки, – ответила я. – По крайней мере, в ближайших окрестностях, откуда стоило бы ждать неприятностей, признаков ингибиторов нет.

– Тогда что? – спросила Роза-или-Нет.

– Не хочу раньше времени пробуждать надежду ни у кого из вас. В данный момент мне известно лишь то, что смог сообщить корабль на основании крайне слабых показаний датчиков. И я должна вам рассказать. Если мы решим, что информации можно верить, у нас не останется выбора, кроме как действовать, причем немедленно.

Пинки поскреб остаток уха:

– Никак не возьму в толк, о чем речь.

– Рад, что ты это сказал, – кивнул Баррас.

Я набрала в грудь воздуха:

– Возможно, леди Арэх жива. «Коса» поймала слабый движущийся сигнал, совпадающий с тем, что испускают маячки наших скафандров.

Как я и ожидала, наступила тишина. Я видела, как напрягся

Пинки, собираясь первым прокомментировать мои слова, но сдержался усилием воли, не желая подвергнуться насмешкам за то, что поверил чересчур поспешно.

– Ты говорила, что она погибла внутри звезды, – сказал Баррас.

– Да, – кивнула я. – В фотосфере Яркого Солнца, когда мы завершали торможение. Но все дело в том, что, когда это случилось, мы двигались очень быстро, быстрее скорости убегания от звезды. Когда леди Арэх отделилась от корабля, она двигалась с той же скоростью, что и мы, и если ей повезло живой вырваться из фотосферы, из поля тяготения звезды в открытый космос… возможно, она продолжает лететь, причем намного быстрее, чем «Коса». Она должна была миновать Арарат задолго до нашего прибытия. – Я кивнула в сторону полосы жемчужного неба над горизонтом. – Траектория совпадает, погрешность минимальная. Сигнал движется с той же скоростью и в том же направлении.

– Если все совпадает, да, – сказала Роза-или-Нет, – если все совпадает… почему мы ее еще не ищем?

– Потому что с любой разумной точки зрения ее не должно быть в живых. Я знаю возможности моих скафандров. Для леди Арэх и без того было опасно выходить на корпус корабля, хотя там ее защищала бронеткань, а также отчасти криоарифметические устройства, забиравшие тепло через подошвы. Но когда она сорвалась… – Я покачала головой, поняв свою ошибку. – Я не учла одну возможность. Леди Арэх вышла наружу, потому что у нас возникла проблема с девятым камнем. Когда он пропал, я решила, что он отвалился и улетел по своей собственной траектории.

– Но леди Арэх выжила, – сказал Пинки.

– Да, – кивнула я.

– То есть она забрала камень, да и да? – спросила Роза-или-Нет.

– Иначе она не смогла бы продержаться достаточно долго, чтобы покинуть поле тяготения Яркого Солнца. В первый раз показав нам камень у себя в цитадели, она заявила, что его недостаточно, чтобы защитить корабль. Но добавила, что его вполне хватит, чтобы защитить одиночный скафандр. Наверняка именно это и случилось: сорвавшись с корпуса, она сумела забрать камень. Бронеткань окутала скафандр, как вторая кожа. На леди Арэх по-прежнему воздействовали адские силы, но, поскольку она двигалась с большой скоростью, они быстро остались позади.

– Но ее никак не защищала криоарифметика, – заметил

Пинки.

– Да, никак. Но леди Арэх говорила, что гидеоновы камни тоже обладают некоторыми теплозащитными свойствами. В сочетании с аварийной системой жизнеобеспечения скафандра и его амортизационными качествами… Я вполне верю, что она выжила.

– Но до сих пор она молчала, – сказал Баррас.

– У меня две версии. Либо она знала об активности волков и воздерживалась от подачи сигнала, либо скафандр только сейчас привел ее в сознание. Хотя первое, пожалуй, довольно-таки маловероятно.

Пинки вонзил в меня взгляд со всей силой, на какую только был способен:

– Хорошо бы это не оказалось лишь миражом, Воин-Сидра.

– Искренне надеюсь, что не окажется.

– Мне нужно нечто большее, чем просто надежда.

– Как и всем нам. Именно поэтому я выступаю за то, чтобы немедленно стартовать. Неизвестно, сколько еще способна продержаться система жизнеобеспечения скафандра и в каком состоянии леди Арэх. Сигнал слишком слаб даже с учетом дистанции.

Пинки беспокойно взглянул на Барраса, затем снова на меня:

– Под «немедленно» ты подразумеваешь…

– Ближайшие двадцать шесть часов, – ответила я. – Чем раньше, тем лучше. И боюсь, не может быть и речи о том, чтобы найти леди Арэх и вернуться на Арарат. Каждый раз, когда мы пролетаем через эту систему или оказываемся на этой планете, мы подвергаем опасности себя и всех ее обитателей. Поэтому мы улетим насовсем. И тем, кто не окажется на «Косе», придется учиться жить здесь, со всеми вытекающими.

– Для кого-то выбор, и без того непростой, становится еще сложнее. – заметил Пинки.

– Не уверен, – медленно покачал головой Баррас. – Мне кажется, это даже к лучшему. Мы можем еще несколько недель спорить, остаться здесь или улететь, но так и не примем решения. А теперь речь идет о спасении жизни, причем жизни леди Арэх… – Он поднялся на ноги среди круга собравшихся. – Мы поставим в известность остальных. Но что касается меня, то я уже решил. Вы подарили нам планету, на которой можно жить, и во многих отношениях здесь гораздо лучше, чем там, где мы жили раньше. И я верю, что здешний народ нам поможет.

Пловцы до этого лишь слушали, не высказывая никаких мнений или замечаний.

– Путь в море нелегок, – сказал один из них. – Но многие его

прошли.

– Мы будем рядом, чтобы провести вас по этому пути, – добавил другой.

Роза-или-Нет встала возле Барраса:

– Баррас говорит, что остальные должны проголосовать. Но чем раньше вы сможете улететь, тем лучше.

– На «Косе» хватит места для каждого, кто захочет отправиться с нами, – сказала я, отметив, что Роза-или-Нет уже связала свою судьбу с остающимися. – Не важно, стартуем мы через двадцать шесть часов или через тринадцать, но обещание остается в силе.

– Я доведу это обещание до каждого, – сказал Баррас. – Но я хорошо знаю свиней и не сомневаюсь в том, каким будет их выбор. Они готовы присоединиться к пловцам.

– Не все, – возразила я.

– Сомневающиеся поймут. Имя леди Арэх всегда многое значило в Свинарнике, и они захотят сделать для нее все возможное. А задержка даже на считаные часы никак ей не поможет.

– Принуждать никого нельзя, – сказала я.

Баррас отмахнулся:

– Готовь корабль к отлету, Воин-Сидра. И ты, Пинки, тоже займись делом, поскольку тебе предстоит составить ей компанию.

Пинки пнул покрытый зеленой слизью камень:

– А я только-только начал привыкать к этому месту.

На все ушло тринадцать часов. Баррас был прав, обещая единогласное решение, каким бы способом оно ни было достигнуто.

Я стояла на спине корабля, глядя, как Пинки обнимает Розу-или-Нет, шепча что-то человеческой женщине. Наконец он повернулся и вскарабкался по похожим на ступени выступам на корпусе, после чего коротко помахал Баррасу и остальным, возможно внушая несбыточные надежды.

Все происходило настолько быстро, что я испытывала чувство вины. Я верила в добрые намерения пловцов и в то, что они сделают все возможное для своей новой паствы. И тем не менее судьба тех, кого мы оставляли на планете, была полна неопределенности. В утешение себе я могла сказать, что наше будущее, пожалуй, столь же туманно. Но появление среди нас леди Арэх, безусловно, добавит нам надежды, и потому мы вынуждены улететь, причем каждый час нашей задержки – это еще один час, на который сократится ресурс ее скафандра.

– Мне жаль, что все так закончилось, – сказала я Розе-или-

Нет, – и что у нас не осталось иного выбора. Но мне не жаль взваливать на тебя это бремя. Думаю, ты выдержишь. Думаю, ты не менее сильна, чем любой из нас.

Она отвела взгляд, будто ее обожгла моя похвала.

– Найди для нас леди Арэх, воистину да.

– Обязательно найду, – пообещала я, искренне веря в свои слова. – А когда доберемся до Харибды и получим то, что нам нужно, мы вернемся на Арарат.

– Все будет уже не так, да и да.

– Скорее всего. Но я знаю, что вам тут будет лучше. Мне жаль Снежинку, Омори и остальных; они были твоими друзьями точно так же, как и друзьями Пинки. Но мы постараемся, чтобы их жертва не стала напрасной.

– Ты никогда не спрашивала, как меня зовут по-настоящему, Воин-Сидра.

– А должна была?

– Многие спрашивают, воистину да. Оно кажется им… – Роза-или-Нет слегка стукнула себя по виску, будто в голове заклинило шестеренку. – Оно кажется им странным.

– Возможно. Но в странностях нет ничего плохого. Взгляни хотя бы на меня.

– Да, я смотрю на тебя, Воин-Сидра, – кивнула она и сразу добавила, будто продолжая ту же мысль: – В Свинарнике была одна свинья. После того что я с ней сделала, она не смогла бы жить. Но она никогда меня не винила. Она простила меня, да. Да и да.

– Ее звали Роза? – мягко спросила я.

– Или нет. Никто точно не знал. У нее к тому времени не было языка.

Что-то во мне напряглось, как заведенная пружина.

– Тебя заставили вырезать ей язык?

– Воистину да.

– Прости. Мне жаль, что тебя заставляли так поступать.

– Потом, когда у меня появился шанс бежать, именно она помогла мне выбраться. Она знала, что самой ей не уйти. И знала, что с ней сделает Свиная королева. – За единственным глазом, оставшимся у Розы-или-Нет, разыгрывалась кошмарная сцена. – Да, да и да. И я сказала, что возьму ее имя. Я не могла взять ее с собой, но могла взять ее имя. Я сказала, что всегда буду Розой-или-Нет, и никем другим. – Она взглянула на море. – Как думаешь, я буду все помнить, когда оно меня изменит?

– Думаю, ты будешь помнить все, что имеет для тебя значение, – сказала я. – И Роза… Роза-или-Нет? Спасибо тебе за все.

– Иди, Воин-Сидра. – В ее голосе зазвучала суровая нотка. – Иди и спаси леди Арэх. Да.

– Да, – ответила я.

– Воистину да.

Покончив с прощальными словами, мы с Пинки вошли в корабль и закрыли шлюз. Несколько минут оба молчали – слишком многое хотелось сказать, но никто не знал, с чего начать. Сам акт нашего отлета казался чем-то величественным, монументальным. У меня вдруг возникло ощущение, будто мы сняли с себя одну ответственность и тут же взвалили другую – отвернулись от друзей ради спасения женщины, которой грозит гибель.

Меня радовала возможность сосредоточиться на технических проблемах корабля. Вместо того чтобы сразу же стартовать, я открыла отверстия в бортах «Косы», и та начала всасывать морскую воду – пропущенная через гипералмазные компрессоры, вода послужит топливом для реактивной тяги. Постепенно водоросли выпустили корабль из своей хватки, и мы отплыли от Первого лагеря. Я дождалась, когда мы окажемся в километре от собравшихся на берегу зрителей, и подняла «Косу» над морем, все так же используя реактивную тягу компрессоров. Описав прощальный круг над Первым лагерем, мы устремились в космос, почти не потревожив атмосферу. Темноприводы и криоарифметические устройства делали нас незаметными для волков.

– Все у них будет хорошо, – наконец сказал Пинки.

– Обязательно будет, – согласилась я.

Но Пинки почти сразу же разрушил мою хрупкую уверенность, сказав лишь одно слово:

– Надеюсь.

Леди Арэх проделала путь в пятьсот миллионов километров по почти прямой траектории, с минимальным отклонением из-за гравитационного воздействия звезды и ближайших к ней планет, а также слабого влияния звезды-близнеца. Мы могли нагнать ее, в каком бы направлении она ни двигалась. Оказалось, что она летела в сторону небесного квадранта, в котором располагалась Харибда. Иначе как везением это назвать было нельзя: тут и экономия времени, и минимальные изменения скорости, без которых не обойтись, пока мы остаемся в звездном окружении Яркого Солнца.

«Коса» могла пройти через точку, где окажется леди Арэх, через пару дней после отлета с Арарата, но из-за необходимости уравнять скорость требовалось больше времени. Чтобы

приблизиться к источнику сигнала, нужна была неделя с лишним. В последние два дня сигнал слабел, а периоды молчания удлинялись. Впрочем, он и не играл уже существенной роли. Мы с Пинки сузили радиус области, где могла находиться леди Арэх, до десяти километров; добравшись туда, мы воспользуемся пассивными датчиками для поиска скафандра.

Пинки тревожился из-за ослабевающего сигнала. Я ему сочувствовала, но приободрить ничем не могла. Он однажды пережил потерю леди Арэх, потом ему вернули надежду, что она все еще жива, а теперь его сила духа подвергалась очередному испытанию при мысли, что он может найти дрейфующее в космосе мертвое тело.

– Вряд ли Вселенная так с нами поступит, – прошептала я. – Может, она и безразлична, но на самом деле не жестока.

Кажется, на какое-то мгновение я и впрямь в это поверила.

Еще через пятьдесят два часа леди Арэх смолкла. За последующие двое суток мы с Пинки, кажется, не обменялись ни единым словом. Не то чтобы мы упали духом, но нервы обоих были напряжены до предела.

Наконец «Коса» заметила леди Арэх – движущееся теплое пятнышко величиной с человека. Достаточно ли теплое, чтобы быть живым? Я предпочла об этом не размышлять. Не столь давно леди Арэх побывала внутри звезды; возможно, мы наблюдали лишь медленное угасание огарка, падающей в космическую бездну искорки.

Я вела «Косу», пока мы не оказались примерно в километре. Хотя мы давно покинули орбиту Арарата, сияния Яркого Солнца еще хватало, чтобы освещать скафандр. Мы с Пинки молча следили за ним, медленно вращающимся, из рубки управления. Прежде я представляла себе, как леди Арэх мчится в космосе, повернувшись визором к звездам, но реальность оказалась не столь величественной. В какой-то момент скафандр закувыркался, но никаких других движений заметно не было. «Коса» фиксировала активность некоторых систем скафандра, улавливала тепловые и электромагнитные сигналы, но для моих нейроощущений он оставался полностью немым. Диагностические запросы не получали ответа. Не ощущалась и какая-либо деятельность мозга леди Арэх. Лишь одно обстоятельство давало нам какую-никакую надежду: леди Арэх сжалась в позе эмбриона, прижав что-то к животу. Наверное, девятый камень был при ней, хотя никаких признаков бронеткани не наблюдалось.

– Пойду я, – без предисловий заявил Пинки.

Я не стала спорить. К этому времени он достаточно освоил

управление скафандром и шлюзом. Несколько минут спустя я уже смотрела, как он удаляется от корабля в сторону кувыркающегося силуэта, используя маневровые двигатели. Естественно, его скафандр был меньше, чем у леди Арэх, и поначалу ему не удавалось остановить вращение, но с помощью выбросов холодного газа он наконец стабилизировал и себя, и ее, а затем начал буксировать никак не реагирующий скафандр на корабль. Я облегченно вздохнула – дело сделано, теперь мы можем уйти в глубокий космос. И все же я нервничала, пока не закрылся шлюз.

Доверив «Косе» какое-то время управляться самой и предпочтя ничего не оставлять на долю роботов, я спустилась к шлюзу и встретила появившегося оттуда Пинки. Он тащил за собой второй скафандр, что было непросто даже в условиях временной невесомости.

– Плохо дело, – сказала я, оценивая видимые повреждения.

Внешний слой почернел и покрылся пузырями, наименее пострадавшие части отливали бронзой. Визор подернулся туманом, никакие индикаторы не горели. Я медленно вздохнула, напомнив себе, что у леди Арэх вряд ли имелись причины включать видимость индикаторов в настройках системы.

– Сам вижу, что ничего хорошего. – Пинки уже выбрался из скафандра, и тот самостоятельно вернулся на отведенное ему место. – Может, расскажешь о том, чего я не могу увидеть собственными глазами, Воин-Сидра?

Скафандр не открылся автоматически. Осторожно разжав руки леди Арэх, я извлекла из них гидеонов камень и ощупала его голыми пальцами, вновь почувствовав знакомые шершавость, твердость и холод. Внутри все так же пульсировал алый огонек, хотя и слабо.

– Он спит, – тихо проговорила я. – Но вряд ли мертв. Думаю, отдал немало сил, унося ее от Яркого Солнца, и теперь пребывает в восстановительной фазе.

– Леди Арэх нуждалась в нем, после того как улетела от звезды?

На этот вопрос у меня не нашлось уверенного ответа.

– Она летела достаточно быстро, и ее защищал только скафандр. Бронеткань пригодилась бы при встрече с микрометеоритами. Но ни с чем крупным она встретиться не могла.

– Иначе бы ее здесь не было.

– Бронеткань предохранила бы ее, но вряд ли смогла бы помочь при внезапном торможении. – Я провела ладонью над обгорелой поверхностью скафандра. – Повреждения на вид серьезные, и ясно, что скафандр не располагал ни запасом

энергии, ни материалами, чтобы их залечить. Но это ничего не говорит о том, что внутри.

Пинки посмотрел на меня или, вернее, в точку на лбу чуть выше глаз:

– Ты все еще ничего не чувствуешь?

– Нет.

– Скафандр ведь должен был раскрыться сам?

– Не должен, если он не знает, где находится или что произошло. Может, его датчики сильно повреждены и он считает, что все еще дрейфует в вакууме. – Хмурясь, я применяла разные управляющие протоколы в попытках преодолеть вполне разумный инстинкт скафандра, требовавший сохранить жизнь его обитателя. Но мои сигналы не вызывали никакого отклика, будто утратившие свою силу заклинания.

Я тяжело вздохнула.

– Что? – спросил Пинки.

– Придется резать. Другого выхода нет. Скафандр мертв, не считая слабой низкоуровневой функциональности, которая может означать все что угодно или ничего не означать.

– Умеешь ты порадовать, Воин-Сидра.

Нужно было как-то его отвлечь.

– Сходи в оружейный архив, Пинки. Принеси ножи и резаки ближнего действия. Может, даже бозерный пистолет.

– Это приказ?

– Дружеская просьба.

Он на секунду задумался.

– Ладно.

Свин ушел, что мне и требовалось. Естественно, ни в каком дополнительном оборудовании я не нуждалась – все необходимое для вскрытия уже имелось в самих скафандрах. Вызвав свободный скафандр, я вошла в него и провела минимальные тесты, затем отсоединила шлем и отложила в сторону. Сейчас мне были нужны лишь встроенные инструменты и оружие, и я решила, что Пинки будет легче, если он увидит мое лицо, вернувшись до того, как я закончу.

Усевшись верхом на леди Арэх, я приказала моей правой перчатке включить функцию резака. Указательный палец удлинился, его кончик расплющился и заострился, обретя форму скальпеля. Коснувшись лезвием верхушки шлема леди Арэх, я осторожно, медленно сделала разрез, при этом следила за поступающими от резака диагностическими данными. Перчатка слегка вибрировала – это работали скрытые в лезвии микроскопические механизмы. Являясь одновременно инструментом и лабораторией, лезвие бы отключилось, едва

встретив нечто похожее на живую ткань. Чрезмерно полагаться на его безотказность я, однако, не осмеливалась.

Лезвие с умеренным сопротивлением рассекало слои скафандра, чему помогала совместимость технологии и общие принципы, на которых та была основана. Судя по данным диагностики, оболочка скафандра обуглилась лишь на несколько миллиметров, и чем глубже погружался резак, тем меньше были повреждения. Это радовало. Внутренние слои, непосредственно граничившие с полостью для тела, имели обычную структуру. Скафандр леди Арэх никак не сопротивлялся моему вторжению.

Я прорезала узкую щель вдоль визора, через шейное сочленение и верхнюю часть груди. От поврежденных слоев скафандра исходил запах, такой едкий, что жгло в глазах. Все это время я ждала, что в нос ударит нечто ужасное – вонь жареной или разлагающейся плоти.

Пройдясь по животу леди Арэх, я остановилась на уровне ее бедер. Щель все так же выглядела черной линией, края почти соприкасались. Я выключила инструмент, вернула перчатку в исходное состояние. Оглядываясь на вход в помещение для скафандров, откуда мог вот-вот появиться Пинки, я просунула пальцы в щель над грудной клеткой. Потребовались немалые усилия, с которыми мои мышцы вряд ли справились бы в одиночку, но скафандр наконец поддался с шипением и треском. Щель расширилась, и вырвавшаяся из него вонь едва не заставила меня отшатнуться. Я закашлялась, отгоняя ладонью смрад от ноздрей, но это не был запах тела, пострадавшего от огня или гниения. Это были всего лишь последствия многодневного пребывания человека в скафандре с отказавшими системами фильтрации и переработки отходов.

Всего лишь естественный результат жизнедеятельности.

Я вытащила леди Арэх из скафандра. Покрытая склизкой массой, она была похожа на новорожденного. И никак не реагировала, но была жива, хотя и без сознания.

– Ах ты…

Я повернулась к Пинки:

– Ни слова, Скорп! Ни единого долбаного слова!

– Ты меня обманула, сволочь!

– Зато тебе не пришлось вскрывать скафандр. – Я отвела волосы леди Арэх со лба. – Я не знала, что́ мы найдем. Если бы все оказалось безнадежно, то мне не хотелось бы, чтобы ты ее увидел. Ты и так уже видел достаточно. И достаточно пережил.

Его злость отчасти угасла, но грудь продолжала тяжело вздыматься, а руки крепко сжимали превосходный набор режущих устройств, с которыми он вернулся.

– А если я сейчас разрежу тебя на куски?

– Можешь попробовать. – Я прижалась лбом ко лбу леди Арэх, обняв ее, как последнюю надежду и опору во Вселенной. – Есть! Ощущается деятельность мозга. Она жива.

Мои глаза были закрыты. Я чувствовала, как ее кожа липнет к моей. Амортизирующий гель, находившийся в ее скафандре, когда она вышла из «Косы», превратился в вязкую, комковатую, жирную грязь.

– Она жива.

– Хочу, чтобы она жила, – буркнул Пинки и выпустил из пальцев резаки, которые тут же поплыли прочь.

Леди Арэх вернулась к нам три дня спустя.

Мы с Пинки ждали, дежуря у ее койки. Наблюдали за ней часами, почти не разговаривая. После того как мы выловили скафандр, «Коса» постоянно ускорялась, и я рассчитывала, что на оставшемся пути до Харибды не возникнет никаких осложнений.

– Пинки, – произнесла леди Арэх, увидев свина. – Дорогой мой Пинки! Ты все-таки меня нашел. Или какая-то незарегистрированная часть моего мозга создает очень правдоподобную фантазию.

Пинки ущипнул себя:

– Кажется, я настоящий.

– Мне тоже так кажется. Сколько прошло времени?

– Двадцать шесть дней, – ответил он. – Ты летела сквозь систему со скоростью несколько сотен километров в секунду. Мы подобрали тебя три дня назад, и ты только сейчас очнулась. Сколько всего времени пробыла без сознания, мы не знаем.

– Камень был у меня?

– Да, вернулся в коллекцию.

– Хорошо. Неизвестно, на что мы можем рассчитывать с девятью, но с восемью вообще не было шансов.

– Вижу, талант повышать наш моральный дух не утрачен, твоя светлость.

– Ты тоже не утратил таланта напоминать о пределах моих возможностей, Пинки, – улыбнулась она. – За что я по-прежнему тебе благодарна. – Затем она обратилась ко мне: – Я тебя чувствовала, Клепсидра. Ты пыталась вытащить меня на свет. Спасибо.

– Ты слишком долго пробыла в скафандре, – сказала я.

– Наверняка ты видела, в каком он состоянии. Последнее, на что он был способен, – поддерживать во мне жизнь, и даже за нее в конце пришлось сражаться.

– Твой сигнал ослабевал.

– Я сама уменьшила его интенсивность, чтобы сберечь энергию. Рискнула, рассчитывая, что ты уже обнаружила сигнал, когда он был сильным. Надеялась, что твой корабль приближается к тому месту, где я нахожусь.

– В самом деле рискованно.

– Зато теперь ты можешь мной восхищаться. Пан или пропал, без вариантов. – Она чуть наклонила голову. – Да, это действительно ты, Клепсидра. Но что-то изменилось. – Внезапно ее взгляд встревоженно заметался. – Где Клавэйн? Я ожидала увидеть и его.

– На Арарате кое-что произошло, – сказал Пинки.

– Вы получили информацию?

– Да, – ответила я, слегка опешив от столь прямого вопроса. – И она вполне надежна. Мы знаем, где наша цель, и уже летим к ней. Как только корабль объявит, что ты достаточно здорова, мы погрузимся в криосон.

– Клавэйн поплыл?

Я кивнула:

– Клавэйн поплыл.

– И его встреча с братом состоялась?

– Состоялась моя встреча с братом, леди Арэх.

Нахмурившись, она смотрела на меня – сперва озадаченно, потом с сомнением, а затем будто начиная что-то понимать.

– Ох, Клепсидра…

– Вот уж действительно – ох.

– Кем ты стала?

– Тем, чего прежде не существовало. Чем-то новым во Вселенной.

– До чего же странные наступают времена…

– И это говорит женщина, которую выплюнула звезда, – проворчал Пинки.

Часть седьмая
Гнездостроитель

Глава 31

Харибда не представляла собой ничего особенного – еще один ледяной гигант с не слишком интересными погодными условиями и широко распространенной водородно-гелиевой химией, голубой шар диаметром пятьдесят тысяч километров, сопровождаемый гирляндой из тонких, как проволока, колец и выводком чахоточных лун, преимущественно грязных ледяных глыб. Ни в планете, ни в ее спутниках не было ничего достойного внимания. Подобные небесные тела возникали в Галактике с той же монотонной регулярностью, что и обкатанная волнами галька на пляже. Но именно потому, что этот ледяной гигант ничем не выделялся, он был идеальным укрытием. Ищущий убежища в лесу никогда не выбрал бы одиноко стоящее дерево.

Если бы Невил и Галиана прилетели сюда позже, уже занеся в каталог десяток похожих гигантов, они, возможно, не стали бы так тщательно его исследовать. В этом смысле нам повезло, поскольку в противном случае датчики «Сандры Вой» нипочем бы не обнаружили признаков аномалии, парящей глубоко под слоями окутывавших планеты облаков.

Ледяные гиганты не обладают четко определенной поверхностью, если не считать таковой их ядро. Они почти полностью состоят из атмосферы, газ в которой переходит в жидкое состояние, а затем превращается в ледяную мантию вокруг железного слитка величиной с Землю, давление внутри которого составляет тысячи гигапаскалей.

По обрывочным сведениям мы знали, что «Сандра Вой» сбросила на Харибду атмосферные зонды с радарами и сонарами, которые успели собрать данные, уже достаточно интересные сами по себе. Но давление и температура в низких слоях облаков разрушили устройства задолго до того, как те получили сколько-нибудь подробное изображение парящего объекта. Большего «Сандра Вой» была не в состоянии совершить. Аномалия выглядела интригующе, но являлась далеко не единственной обнаруженной за время путешествия загадкой, и ей пришлось ждать своей очереди. Предполагалось, что какое-то время спустя техника сочленителей продвинется настолько, что зонды смогут проникнуть в атмосферу Харибды достаточно глубоко, чтобы определить природу аномалии, даже если возможность добраться

до нее самой останется лишь в отдаленной перспективе.

Возможно, техника действительно продвинулась, но к тому времени появились более насущные проблемы, такие как выживание в межзвездной войне. Почти никто не заметил, как о Харибде практически забыли и вся ее значимость свелась к нескольким вызывающим недоумение наборам данных и одной загадочной картинке.

Никто из людей, сочленителей или кого-либо еще не сумел сложить эти фрагменты воедино и оценить их истинное значение.

Никто, кроме Сидры. Она – или та часть меня, которая принадлежала ей, – знала, что́ скрывается в ледяном гиганте. Знала и то, что добраться до аномалии можно только с помощью гидеоновых камней.

И вот мы рядом с Харибдой, однако наша задача лишь усложнилась. Чтобы долететь до этой планеты, потребовались десятилетия, многочисленные жертвы, моя собственная частичная смерть. До сих пор я считала Харибду неким светом в конце тоннеля, надеясь, что она немедленно раскроет все свои тайны. Но сейчас, когда мы оказались на орбите этой огромной, холодной и таинственной планеты, чьи сокровища, если таковые существовали, были скрыты под миллионами квадратных километров безмолвных голубых облаков, я поняла, что все только начинается.

По крайней мере, леди Арэх закрыла вопрос, действительно ли это нужная нам планета. Воспользовавшись своими системными привилегиями, она снова вызвала фрагмент изображения, который теперь можно было сравнить с реальным видом вращавшейся под нами Харибды.

В точности ничто не совпадало, но спустя столетия этого вполне можно было ожидать. Прежние полосы и завихрения сместились, испарившись и вновь воссоздавшись где-то еще. Но то, что находилось под нами, полностью соответствовало по цвету, яркости и предполагаемому химическому составу. Более того, леди Арэх сумела с высокой вероятностью опознать имевшиеся на изображении звезды. Прежде этого не позволяли никакие вычислительные мощности, но сейчас, по нашем прибытии, проблема упростилась во много раз, и, едва увидев результаты расчетов, я перестала беспокоиться насчет того, что мы могли пойти по ложному следу. Вдобавок темное пятно на изображении оказалось в точности там, куда должна была падать тень одной из лун.

«Коса» вела сканирование с орбиты, используя минимальные средства для проникновения в атмосферу, но они были не менее эффективны, чем те, которыми располагала «Сандра Вой»

и которыми пожертвовала, пытаясь разглядеть нечто, находившееся в глубине ледяного гиганта.

Для нас все должно было быть проще.

Мы совершили десять витков вокруг планеты, потом еще столько же, обеспечивая максимальное покрытие. За двадцатью последовали пятьдесят. К сотому витку мы уже многое знали о внешних слоях облаков – об их химическом составе и физических параметрах, о силе ветра. Почти наверняка это были самые подробные из всех данных, собранных о Харибде, по крайней мере собранных людьми. И ничто в них не намекало на какую-либо аномалию.

– Прошло немало времени, – сказал Пинки, озвучивая опасения, которые изо всех сил пытались скрыть мы с леди Арэх. – У Сидры, возможно, есть основания полагать, будто что-то все еще ждет нас там… Но кто знает? Может, оно давно улетело. Чем бы оно ни являлось.

– Оно все еще там, – заявила я.

– Верить можно во что угодно, – заметила леди Арэх.

– Вера тут ни при чем, – упрямо ответила я. – Эта штука никуда не улетела. Не в том она была состоянии, чтобы улететь. Сейчас мы ее не видим только потому, что она опустилась глубже с тех пор, как ее видели Невил и Галиана.

– Ты это точно знаешь или просто тебе так хочется?

– Знаю.

Пинки почесал воспаленный глаз. Он выглядел усталым с тех пор, как мы пробудились от криосна, и я подумала, что ему пришлось особенно тяжело.

– Вряд ли старик направил бы нас по ложному следу.

– Кто сказал, что у Невила было больше информации, чем у Сидры? – спросила леди Арэх.

– Никто. Но кто знает, что происходило в его голове с тех пор, как он ушел в океан, и до его встречи с Вонючкой? У него хватало времени, чтобы о многом подумать, впитать еще какие-то обрывки информации. Возможно, к моменту появления Вонючки Невил решил, что на Харибде все-таки что-то есть. И возможно, знал достаточно, чтобы предполагать, что эта штука никуда не делась.

Я кивнула. Аргумент мне понравился, хотя и не имелось никаких причин принимать его как данность.

– На Арарате присутствовали гнездостроители – по крайней мере, то, что от них осталось. Возможно, жонглерам досталась лишь небольшая часть их технологических знаний, но и это вполне могло убедить Невила, что путешествие на Харибду имеет смысл. Прошли века, что с нашей точки зрения чудовищно много.

Но мы всего лишь люди. Для гнездостроителя это мог быть всего лишь долгий день.

– Но того парящего объекта там нет, – произнесла леди Арэх.

Мы сидели в рубке управления, в окружении постоянно меняющихся картинок и графиков с орбиты. Сперва было даже увлекательно наблюдать, как собираются воедино все эти данные, но за сотню витков у нас накопились сомнения, грозившие перерасти в уныние.

– Значит, мы не слишком внимательно смотрим, – сказала я. – Спустимся пониже и воспользуемся активными средствами, которых пока что не применяли. Запустим ракеты, они послужат как мощные зонды. Будем пытаться, пока не получим результат. Даже если «Коса» погрузится в атмосферу на глубину, которой уже не сможет выдержать, а потом на глубину, которой не смогут выдержать гидеоновы камни, и все равно ничего не обнаружится, мы не сдадимся. Чего мы добьемся, повернув назад? Либо наше спасение здесь, либо его не будет до скончания времен. – Я повернулась к моим сомневающимся союзникам. – После того как Сидра похитила Уоррена из Солнечного Дола, они сыграли в одну игру. Вернее, было даже несколько партий этой игры. Сидра пообещала, что если он выиграет, то сможет вернуться к семье. На самом деле у него не было шансов, хоть Сидра и снизила свои когнитивные способности, чтобы слегка уравнять возможности. Уоррен об этом знал, но не сдавался, даже когда до поражения оставался всего один ход. Именно тогда Сидра поняла: он тот человек, который нам нужен. И того же я теперь требую от всех нас.

– А если бы он выиграл, пусть даже случайно? – спросил Пинки.

– Сидра исполнила бы свое обещание.

– Если я правильно понимаю, насколько важна была для нее эта победа, то вряд ли, – покачала головой леди Арэх.

– У Сидры имелся доступ к медицинским данным Солнечного Дола – к реестру рождений и смертей. На тот момент средняя ожидаемая продолжительность жизни для его жены составляла около двадцати лет. Викторина, возможно, прожила бы чуть дольше, но ненамного – детские болезни шли по нарастающей, а тамошняя медицина рушилась с каждым днем. Так что Сидра просто дождалась бы, когда он похоронит свою семью, а потом продолжила миссию. Мы точно так же оказались бы здесь, просто чуть позже в масштабах существования Вселенной. – Я кивнула на дисплеи. – И эта штука, чем бы она ни была, точно так же оставалась бы на месте.

Пинки вызывающе скрестил руки на груди. Обладая опытом

Уоррена и Сидры, я научилась читать его мысли. Я точно знала, когда он готов ввязаться в спор. Для него это было чем-то вроде зуда: не почешешься – не отпустит.

– Если у тебя была возможность сохранить жизнь Уоррену, то почему бы не оказать такую же любезность и остальным?

– Он проиграл, – ответила я. – Все прочее уже не имело значения.

Свин фыркнул и покачал головой, но промолчал.

– Я всегда знала, что нам поможет острое стерильное лезвие, – сказала леди Арэх. – И этим лезвием ты стала в тот момент, когда я заставила тебя унижаться передо мной. И порой меня жуть берет от того, насколько ты похожа на хирургический инструмент.

– Рада, что Сидра тебя не разочаровала, – ответила я. – Но не путай меня с ней. А теперь, может, обсудим, как нам поближе приглядеться к Харибде?

«Коса» опустилась ниже колец и всех крупных лун, не считая нескольких осколков, витавших после относительно недавнего гравитационного столкновения; им предстояло сгореть в атмосфере в ближайшие столетия. Я усилила чувствительность сканирования во всех электромагнитных режимах, так что теперь мы облучали Харибду на частотах и мощностях, отличных от тех, которые обычно испускала она сама, и наше отраженное излучение могло известить любого неподалеку – а может, даже на расстоянии в тысячи световых лет – о том, что происходит нечто странное. Подобно некой безрассудной цивилизации, бросившей свои силы на заполнение космоса радиоволнами, «Коса» с легкостью могла сгенерировать столько энергии, что выдала бы свое собственное присутствие.

Но я готова была пойти на риск, и со мной после некоторых раздумий согласились леди Арэх и Пинки. Гамбит был в эндшпиле. Все или ничего. Если на нас обрушатся все силы преисподней – что ж, так тому и быть.

Ничего не появилось. «Коса» увеличила количество режимов сканирования, дойдя до экзотических разновидностей излучения, которые не могли генерироваться естественным путем. Четкие признаки работы технологического разума, они проникали на тысячу километров внутрь Харибды, но ничего не находили. При наличии времени и ресурсов мы могли бы создать целую сферу излучателей и детекторов, которая полностью окружила бы планету, позволяя намного эффективнее вести поиск. Но, не считая ракет, которые можно было использовать и как приемники, «Косе» приходилось полагаться исключительно на

себя, надеясь, что какой-то отраженный сигнал достигнет ее датчиков.

Неудача меня не пугала. Если парящий объект опустился ниже, нет ничего странного в том, что он недосягаем для любых сканирующих режимов, даже для самых мощных. Мы продолжали снижаться, пока «Коса» не оказалась в верхних слоях атмосферы, после чего были посланы ракеты, уходившие все глубже в облачный покров. Они не обладали запасами энергии «Косы» и были по сравнению с ней медлительны и уязвимы, но я старалась использовать их разумно. Запуская ракеты вокруг планеты на разных широтах, долготах и высоте, вплоть до того уровня, где давление достигало ста атмосфер – что составляло предел их возможностей, – я сумела создать импровизированную сеть акустического слежения. Польза от нее будет лишь до тех пор, пока ракеты не израсходуют топливо и не разрушатся, так что действовать приходилось быстро. В некоторых ракетах были активированы боеголовки. Мы висели над ночной стороной Харибды, наблюдали, как возникают бледные соцветия взрывов, подсвечивая облака изнутри. Вопреки своеобразной красоте этого зрелища крошечные вспышки на фоне гигантской планеты напоминали о том, сколь ничтожно наше оружие, каким бы могущественным мы его ни считали, против величественных сил природы.

Впрочем, значение имела вовсе не яркость вспышек, а количество энергии, которую они испускали в атмосферу. Выбросы энергии создавали волны в газообразной среде, распространявшиеся вокруг тем дальше, чем ниже была их амплитуда. Оставшимся ракетам требовалось лишь слушать отголоски далеких событий и докладывать о своих находках на «Косу». Корабль уже смоделировал звуковой образ цели при отсутствии в атмосфере отражающих поверхностей, когда звуковые волны беспрепятственно проходят зону между нижним газовым слоем и жидкой мантией под ним. Любое отклонение наблюдаемых данных от модели – с учетом создаваемого погодными условиями шума – будет намеком на приближение к цели.

Если мы рисковали, сканируя с повышенной энергией, то подрыв боеголовок в облаках Харибды тем более мог восприниматься как провокация. Но поделать с этим ничего было нельзя, и в любом случае акустический поиск не мог длиться долго. Число имевшихся у меня ракет было ограниченно, и чем больше их взрывалось, тем меньше могло использоваться в качестве приемников.

– Что-то есть, – сказала леди Арэх после тринадцатичасового

уточнения моделей, когда на фоне шума проявился слабый, но наводящий на определенные мысли сигнал.

– Мне тоже так показалось, но не хотелось опережать твое мнение.

Данные о местонахождении цели вряд ли можно было назвать точными – они указывали лишь на плотную аномалию на определенной широте, долготе и глубине, с погрешностью примерно в шесть процентов от площади поверхности Харибды. Но я оставила в резерве несколько ракет, так что имелась возможность туже затянуть акустическую сеть.

Находится ли внизу нечто реальное, или это просто фантом атмосферной физики? Вскоре нам предстояло это выяснить – как только перегруппируются ракеты. Но если это окажется не тем, что мы ищем, у нас останется очень ограниченный набор вариантов. Верить можно во что угодно, как говорит леди Арэх. Но похоже, вера – последнее средство в нашем арсенале.

Ожидая возобновления акустического поиска, мы занялись финальными проверками гипометрического устройства.

– Как оно, на твой взгляд?

– Чудовищно, Воин-Сидра. Абсолютно вопреки здравому смыслу. Идеальное извращение. Каким оно и должно быть.

– Напомните, чтобы я поискал себе парочку других попутчиков, если будет такая возможность, – сказал Пинки.

Мы парили в скафандрах, проплывая сквозь узкое пространство между внешними частями устройства и образовавшимся в корабле углублением в форме луковицы. Устройство занимало почти весь объем этой ниши, имея пятнадцать метров в ширину и двадцать в длину. Ни одна из его частей не вызывала желания к ней приближаться, даже до того, как оно начало функционировать. Сейчас оно было неподвижно, но в свете наших фонарей, отражавшемся от многочисленных деталей, похожих на лопасти, трудно было избавиться от иллюзии медленного скольжения, как будто выходило из спячки свернувшееся кольцами чудовище. Это устройство создала Сидра, вернее, позволила ему зародиться внутри корабля, но оно досталось мне по наследству – и вряд ли пришлось по нраву.

– Гипометрическая технология создана не нами, – сказала леди Арэх. – Это огонь, который мы похитили, – огонь, которого не заслужили и который все еще способен обжечь.

– Может, стоило бы договориться с теми, кто его нам дал? – спросил Пинки.

– Технология служит нам с некоторых пор, но мы никогда не были ее хозяевами, – продолжала леди Арэх. – Я не стыжусь того,

каким образом мы ею завладели, как и того, что это стало возможно благодаря мне. Вероятно, без преимуществ, полученных с ее помощью, мы бы не достигли того уровня, когда у нас появились средства ее превзойти. Но даже думать не хочется о том, на что способен чужой огонь. И я часто спрашиваю себя: есть ли у нас вообще на это право?

– Дай-ка поразмыслить, – сказал Пинки. – Вымереть или… не вымереть? Знаешь, можешь обвинять меня в безрассудстве, но я предпочту вариант «не вымереть». И думаю, после всего того дерьма, через которое мы прошли, ты со мной согласишься.

– До сих пор я не высказывала сомнений. Но теперь, когда остался последний шаг… у меня такое чувство, будто нам предстоит совершить некий акт насилия против самой Вселенной. Акт, после которого нам, возможно, придется задуматься: не лучше ли все же было выбрать вымирание? Возможно, на совести цивилизации останется пятно, которое нам никогда стереть.

Пинки великодушно развел руками:

– Тогда валите все на меня. Моя совесть и без того нечиста, несколько новых пятнышек никто не заметит.

– Меня волнуют более прагматические вопросы, – сказала я. – Сработает ли эта техника? Воспримет она исходные образцы инкантора или просто выплюнет их? Мы сделали все что могли, но хватит ли этого? На самом деле мы ничего не знаем, и тесты это только подтвердили. Нам даже неизвестно, будет ли эта штука функционировать как гипометрическое устройство, пока мы ее не включим, и даже если будет, нет никакой гарантии, что она нас послушается.

– Если что-то пойдет не так, – вздохнула леди Арэх, – подозреваю, что зрелище будет впечатляющим. Жаль только, я не смогу собственными глазами увидеть последствия моей выдающейся глупости. Но по крайней мере, мы хотя бы попытаемся.

– От того, что мы таращимся на эту штуку, менее страшной она не становится, – сказал Пинки. – Не пора ли наконец ее завести?

– Проверка готовности завершена, – ответила леди Арэх. – Любой из нас может отдать приказ начать разогрев. Команды идут по нейросвязи, но для тебя, Пинки, я на всякий случай зарезервировала голосовой канал.

– И какое слово нужно сказать?

– Два слова: «среди равных».

Пинки несколько секунд помедлил.

– Ты их произнесла, но ничего не началось.

– Слова предназначены только для тебя. Если предпочитаешь

какие-то другие, можно устроить, но я решила, что эти вполне подойдут. Без твоей помощи у нас ничего бы не вышло, хотя вряд ли ты отдаешь себе отчет в том, как сильно мы от тебя зависели. Треножник – весьма устойчивая структура, но если одна нога ослабнет, он упадет.

– Слова как слова, – неохотно проговорил Пинки, не умевший принимать похвалу, как и критику в свой адрес. – Но вряд ли нам захочется находиться в этой комнате, когда проснется младенец.

– Разогрев – процесс не быстрый. И почему после стольких трудов мы должны отказываться от небольшого безобидного зрелища?

– Было бы забавно, – сказала я.

– Воистину, Воин-Сидра. Только в весьма специфическом смысле.

– Вы обе такие странные, – проворчал Пинки.

– И тем не менее ты путешествуешь вместе с нами, – усмехнулась леди Арэх.

Пинки немного помолчал, а затем решительно произнес:

– Среди равных.

Пару секунд ничего не происходило. И не раздалось ни единого звука, когда гипометрическое устройство заработало. И тем не менее сквозь вакуум и скафандры до нас донесся низкий, скрежещущий, как будто протестующий стон, когда громадная машина наконец пришла в движение, будто некий смертоносный часовой механизм. Все части устройства двигались согласованно: лопасти вращались в разные стороны, пересекаясь, но не соприкасаясь. Я была знакома лишь с азами гипометрической физики, но понимала, что эти похожие на несостоявшиеся поцелуи сближения лопастей имеют своей целью генерацию микроскопических частиц потенциала Казимира и что благодаря повторяющемуся возникновению и исчезновению этого эффекта образуется резонансная последовательность, своего рода гармоничное пение, с помощью которого таинственная сущность машины разрывает ткань пространства-времени, разворачивая ее в масштабах Планка, – как будто пальцы лениво перебирают нити на обтрепавшемся краю ковра, пока те не окажутся безнадежно спутанными.

Работа устройства медленно, но верно ускорялась. Машина проводила проверку каждой своей функции. По мере того как лопасти двигались все быстрее, глаз начал замечать вторичные волны, извилистые и спиралевидные, казавшиеся совершенно неуместными на фоне статичных очертаний устройства. Создавалось впечатление, будто оно нарушает все мыслимые законы геометрии и механики. Из скудной технической

документации, которой леди Арэх снабдила Сидру, мне было известно, что вскоре наступит момент, когда человеческие органы чувств уже не смогут воспринимать вращающееся устройство как нечто целостное. Казалось, оно пребывает между двумя несовместимыми состояниями – «слабо нарушая принцип причинности», как сказала об этом леди Арэх.

В окрестностях устройства становились непостижимыми все законы физики. И было ощущение, что оно перестает узнавать само себя, начиная задумываться о том, не следует ли ему заняться чем-то другим.

Пора было уходить.

Машина пробудилась.

К тому времени, когда мы вернулись в рубку управления, мои ракеты сосредоточились над уточненной областью поиска, повторяя процедуру эхолокации. Их сеть стала плотнее, опустившись в более низкие слои атмосферы. С орбиты из-за толстого газообразного слоя вспышки выглядели тусклее – всплывающие во тьме слабые огоньки.

Но там, вне всякого сомнения, что-то было.

– «Коса» полагает, что наша цель находится примерно в трех тысячах километров под внешним слоем облаков, – объявила я главным образом для Пинки, поскольку леди Арэх вполне могла сама получить и проанализировать те же данные. – Чуть глубже, чем могли проникнуть приборы «Сандры Вой», что для нас одновременно и хорошая, и плохая новость. Какую предпочитаете услышать первой?

– Всю жизнь не мог понять, зачем люди вообще задают этот вопрос, – проворчал Пинки.

Леди Арэх снисходительно взглянула на него:

– Думаю, сперва хорошую.

– Наша цель наверняка чрезвычайно устойчива к воздействиям среды, раз уж сумела столь долго здесь просуществовать. Это позволяет надеяться, что она все еще содержит нужную нам информацию. Меня бы беспокоило куда больше, если бы акустическая сеть уловила множественный сигнал, поскольку тогда речь шла бы о разбросанных обломках. Но похоже, парящая штуковина не пострадала. Что касается плохой новости, то она вполне очевидна: такая глубина – предел наших возможностей. Существующие криоарифметические системы «Косы» помогут справиться с тепловой нагрузкой, но давления корабль не выдержит. Или не выдержал бы, если бы у нас не было гидеоновых камней.

– Хорошо, что мы не потеряли один из них внутри звезды, –

заметил Пинки.

– Даже с девятью камнями нельзя ничего гарантировать. Но если та или иная защита откажет, по крайней мере наша смерть будет почти мгновенной.

– Знаешь, я готов был с тобой согласиться вплоть до слова «почти». – Он пожал плечами. – И все-таки они позволили нам пройти сквозь Яркое Солнце. Вряд ли подобное испытание входило в наши планы, однако приятно, что оно осталось позади. Не может же внутри планеты быть еще хуже?

– Вообще-то может, – ответила леди Арэх с садистским удовлетворением, которое она могла приберечь только для друга. – Да, динамические силы будут не столь суровы – мы не врежемся в плазму на скорости во много Махов и гравитационное воздействие не превысит одного *g*. Но давление и температура резко возрастут, приближаясь соответственно к тремстам тысячам атмосфер и трем тысячам градусов Кельвина.

– Тебя сбросило с корабля внутри фотосферы, – сказал Пинки. – И ты выжила.

– Да, выжила. Однако там проблем с перегревом было намного меньше. Я находилась внутри раскаленной, но при этом разреженной плазмы. Температура зависит от кинетической энергии сталкивающихся частиц – помещение можно назвать жарким, даже если в нем есть всего лишь пара атомов. Теплоемкость – свойство среды, а там, куда мы отправляемся, она будет крайне горячей и плотной. Криоарифметические устройства с ней справятся, но нам придется приблизиться к весьма опасному порогу.

– Я ждал, когда наконец начнется что-то опасное, – кивнул Пинки. – А то раньше было слишком уж легко и просто.

– Вдобавок, – терпеливо продолжала леди Арэх, – мы можем рассчитывать на теплоизолирующий эффект бронеткани, на вторичное свойство ее защитной пленки. Но я бы не слишком на это полагалась.

– Что ж, будь у меня пальцы погибче, я бы их скрестил. – Свин по очереди взглянул на нас обеих. – Мы же все равно это сделаем? И только для того, чтобы убедиться, что у Пинки нет никаких нереалистичных идей насчет оставшегося ему срока жизни?

– Чтобы убедиться, что их нет ни у кого из нас, – сказала я и решительно повернулась к приборам. – Когда начнем снижение, оставшиеся ракеты смогут уточнить позицию цели. Откладывать нет никакого смысла. Если это не наша цель, значит мы ее уже не найдем. Пристегнитесь. Я готовлюсь войти в атмосферу Харибды.

Леди Арэх следила за работой продолжавшего разогреваться

гипометрического устройства. Хотя она заверила меня, что никакое ускорение не повлияет на его функционирование, я все же не дала «Косе» чересчур резко сорваться с орбиты. Я постаралась, чтобы корабль вошел в верхние слои атмосферы ледяного гиганта как можно мягче, с вертикальной скоростью всего один километр в секунду. «Коса» вела себя странно, и мне приходилось постоянно пересчитывать управляющие параметры. Устройство в утолщении на ее хвосте действовало как адский гироскоп, презрительно воспринимая все попытки сохранить вращательный момент.

Голубой горизонт Харибды превратился из дуги в прямую линию. Поверхность ледяного гиганта все больше заполняла собой небо, горизонтальная перспектива сокращалась, и вот уже стали видны туманные слои водяных и метановых облаков. Как бы мы ни радовались тому, что наше продвижение происходит в дневное время, достигавший Харибды свет проникал лишь на несколько сотен километров ближе к ее ядру. На уровне нашей цели, куда не доходил ни один фотон, царила вековая тьма, как и в самой глубокой океанской впадине.

Корабль беспрепятственно вошел в верхние слои атмосферы. Сила тяжести была близка к стандартной – хотя масса Харибды и составляла около семнадцати масс Земли, планета была вчетверо больше. Именно этот факт бодрил меня больше всего, поскольку изначально предполагалось, что нам придется работать в условиях высокой перегрузки. Даже если бы сюда добралось старое тело Уоррена, у него не возникло бы никаких проблем с гравитацией, особенно после омолаживающих процедур. Но сейчас Уоррен находился в теле Сидры, и одно *g* воспринималось как нечто достойное презрения.

Пока мы снижались все с той же скоростью один километр в секунду, давление поднялось до одной атмосферы – примерно такое же испытывала «Коса» перед посадкой на Арарате. Но здесь было намного холоднее, а воздуха не хватило бы для поддержания жизни в любом ее виде. Хотя мы еще не нуждались в криоарифметических устройствах и гидеоновых камнях, я привела их в действие, чтобы проверить интеграцию с кораблем. Судя по нашему опыту, полученному в фотосфере, требовалось обеспечить гармоничное взаимодействие между двумя системами, не давая одной из них получить дестабилизирующее превосходство над другой.

Давление и температура росли с каждым километром. При десяти атмосферах мы уже находились под толстым пепельно-серым облачным покровом, превращавшим дневной свет в сумерки.

Внизу ярко вспыхнул последний из акустических зондов. Поиск цели завершился, но точнее ее позицию смогут определить только датчики «Косы», когда та окажется достаточно близко. Цель находилась внутри кубического объема со стороной примерно сто километров, и анализ отраженного сигнала указывал на целостный объект со сложной асимметричной геометрией, протяженностью от десяти до двадцати километров, ориентированный вертикально.

При двадцати атмосферах дневной свет оставил все попытки проникнуть глубже. Стало черно, как в склепе, и даже фальшивые иллюминаторы «Косы» не давали ни малейшего намека на то, где верх, а где низ. Темноприводы потеряли свою эффективность по сравнению с реактивными двигателями на холодном газе, и вдоль бортов «Косы» открылись похожие на жабры щели, которые начали всасывать атмосферу, сжимать ее и выбрасывать наружу. Из корпуса выросли стабилизаторы с рулями высоты, а мои органы управления превратились в нечто более подходящее для подводной лодки.

– Весьма способный корабль, – прокомментировала леди Арэх на глубине с давлением сто атмосфер. – Пожалуй, я бы не отказалась от такого же.

– Прибереги похвалу – он пока не прошел серьезных испытаний. По сравнению с тем, что ниже, мы все еще в вакууме.

– Нам что, должно полегчать от твоих постоянных упоминаний, насколько там все ужасно? – спросил Пинки. – Может, как-нибудь сами сообразим?

Я на секунду отвела взгляд от приборов:

– Тебе это доставит больше радости, Пинки?

– Сейчас хоть электрический зонд воткни мне в центр удовольствия, я не развеселюсь.

Между тем атмосфера становилась горячее и плотнее, она все больше походила на теплую жидкость, чем на газовую смесь. Мы миновали уровень в пятьсот атмосфер, затем в тысячу. «Коса» оставалась невозмутимой, несмотря на раздававшийся внутри нее глухой лязг и стоны. Решив, что Пинки сейчас меньше всего нуждается в моих ободряющих словах, я предпочла промолчать.

При давлении в десять тысяч атмосфер начали вспыхивать индикаторы перенапряжения, внушая легкую тревогу. Среда, которую пропускала сквозь себя «Коса», теперь скорее напоминала горячую, вязкую лаву, чем что-либо похожее на воздух. Пора привести в действие вспомогательные системы, стабилизировав их до того, как они понадобятся нам по-настоящему. Я ускорила циклы охлаждения криоарифметических устройств в логарифмическом масштабе, то и дело

останавливаясь и позволяя гидеоновым камням достичь временного равновесия. Из девяти узлов развернулась бронеткань, сливаясь в липкую, плотно прилегающую пленку, похожую на слизь миноги. Датчики «Косы» подернулись туманом, а затем адаптировались. Они все так же видели сквозь ткань, которая могла быстро исчезать и вновь появляться в определенных частях корабля, позволяя работать реактивным двигателям и рулям. Этот мерцающий эффект действовал столь искусно, что атмосфера не имела никаких шансов прорваться сквозь слабые места.

Долгие минуты снижения следовали одна за другой. Поскольку тьма снаружи оставалась неизменной и ничто внешне не указывало на давление и температуру за бортом, легко было вообразить, будто мы неподвижно висим на одной и той же высоте. Но хотя скорость нашего снижения замедлилась – «Косе» приходилось сопротивляться собственной плавучести, пытаясь уйти глубже, – мы продолжали преодолевать сотни метров в секунду. Показаниям датчиков давления и температуры уже нельзя было верить из-за влияния бронеткани, оставалось полагаться лишь на прогнозы, основанные на нашем ожидаемом перемещении. При пятидесяти тысячах атмосфер любой зонд, который «Коса» пыталась выпустить перед собой, проталкивая его сквозь бронеткань, будто рожки улитки, тотчас оказывался пожран окружавшей нас «лавой».

Наша цель все еще находилась в тысячах километров под нами. Внезапно меня пробрала холодная дрожь – не от жуткой мысли о том, каким чудовищным внешним условиям способна противостоять порожденная чуждым разумом машина, а оттого, что увиденное нами на Арарате ясно свидетельствовало: даже такой уровень неуязвимости все же не способен защитить от волков и их оружия. Почему мы, глупцы, решили, будто в этой штуковине есть нечто такое, что может превзойти технологии волков, учитывая уже представленные нам доказательства?

А потому, что инкантор – не обычное оружие и даже гнездостроители не применяли его иначе как последнее средство.

И я это знаю… Собственно, почему?

Опять-таки: потому что.

Потому что. Потому что. Потому что.

– Ты что-то бормочешь под нос, Воин-Сидра, – сказала леди Арэх. – Не слишком хорошая привычка. И не очень-то уместная сейчас.

– Гипометрическое устройство ведет себя как надо?

– Вполне. Разогрев подтвержден. Можно сказать, оно пребывает в задумчивости. Знает, что является скорее творцом,

чем оружием, и испытывает острейшую потребность узнать, что же ему предстоит сотворить. Желательно побыстрее удовлетворить эту потребность, иначе… – Леди Арэх замолчала, и на лице отразилась едва заметная тревога.

– Мне знаком этот взгляд, – проговорил Пинки. – И он мне не нравится.

– Поступил сигнал от мониторов, которые мы оставили на орбите Харибды. Воин-Сидра заметила бы его, не будь она слишком занята «Косой».

Я действительно заметила сигнал через какую-то пару секунд после леди Арэх и восприняла ее слова как упрек. Пара секунд по меркам сочленителей могла равняться целому дню.

– Вряд ли стоит ждать чего-то хорошего.

– Безусловно.

– Если вы забыли, на этом корабле есть некто третий, – проворчал Пинки.

– Если бы мы про тебя забыли, Пинки, то не обсуждали бы этот сигнал вслух. Мониторы обнаружили активность волков.

– Только этого мне и не хватало для полного счастья.

Решив, что какое-то время корабль может справляться и сам, мы с леди Арэх быстро просмотрели данные, поступавшие с мониторов по нейтронной связи сквозь окутывавшую нас мглу.

Волки появлялись из укрытий, расположенных вокруг колец и спутников, а также из более отдаленных областей. Их численность была достаточно велика, чтобы вызвать беспокойство, хотя и не могла сравниться с величиной роя, который вился вокруг Йеллоустона. Если полученные от мониторов сведения были верны, то мы видели сейчас относительно небольшую стаю; такая могла бы собраться в любой системе, представлявшей интерес для людей. От внимания ингибиторов в окрестностях Солнечного Дола нас избавлял лишь тот факт, что любые попытки там поселиться воспринимались как чистое безумие. Даже волки предпочитали не тратить зря ресурсы, оставляя там свои глаза и уши.

– Я не стала бы особо волноваться… – начала леди Арэх.

– Можешь не продолжать, – сказал Пинки. – Я уже чувствую, как за этим последует «однако».

– Леди Арэх, возможно, права, – заметила я. – С практической точки зрения данный факт ничего не меняет, разве что последствия неудачи становятся серьезнее. Теперь речь уже не идет об отсроченной гибели, лет через пятьдесят или сто. Если у нас ничего не выйдет, нам крышка, как только покинем Харибду. Не знаю, посмеют ли волки последовать за нами в атмосферу, но уверена, что мы должны создать инкантор, прежде чем улетим

отсюда.

– Я даже рада, что они тут, – сказала леди Арэх. – Чем раньше дадим понять, насколько далеко мы готовы пойти, тем быстрее распространится среди них это известие.

– Не понимаю, как они нас увидели. Мы приближались совершенно бесшумно, а во время поисков, хоть и рисковали, не вызвали их интереса.

– Мы вели себя крайне осторожно, Воин-Сидра, – согласилась леди Арэх, будто пытаясь меня успокоить. – Их появление совпадает с активацией гипометрического устройства. Скорее всего, волки чувствительны к проявлениям подобных технологий – локальным возмущениям метрики, вызванным нарушением причинности.

– В таком случае, когда наши союзники получат образцы для создания инкантора, им придется действовать очень быстро. Как только у них появится устройство-прототип, находящиеся поблизости волки об этом пронюхают и приготовятся к прыжку.

– Да, потребуется смелость, – кивнула леди Арэх. – Стоит один раз закалить клинок, и его нужно применять без угрызений совести. Без жалости и без колебаний. Так и будет, я знаю.

Пинки почесал рыло:

– На этом корабле найдется, где выпить?

Глава 32

Вскоре мониторы смолкли, – возможно, оно и к лучшему. Даже если бы мы знали, что замышляют волки, это бы нам нисколько не помогло. У нас имелись только одна цель и только один способ ее достичь, но как скоро мы до нее доберемся, никак от нас не зависело. Если волки уже дышали нам в затылок, оглядываться не имело смысла.

За сотней тысяч атмосфер последовали двести. Нас окутывала беззвучная чернота. В основном криоарифметические устройства и гидеоновы камни работали в согласии друг с другом. Время от времени приходилось менять один или несколько управляющих параметров, гася вспышки нестабильности, прежде чем те успевали выйти из-под контроля. Но все ограничивалось легкими стычками и перебранками между разными системами, и меня это радовало.

Снаружи теперь было горячо, как на поверхности звезды – относительно холодной, но все же звезды. Эта чудовищная энергия накапливалась внутри ледяного гиганта с момента его возникновения, на протяжении миллиардов лет. Но вряд ли стоило винить Вселенную в наших страданиях – она вовсе не

пыталась быть к нам жестокой, оставаясь величественно безразличной.

– Гравитометр что-то чувствует, – сказала леди Арэх.

Гравитометр, будучи пассивным детектором, ничего не излучал, так что пользоваться им было безопасно. Но до сего момента его сбивали с толку странные выбросы, исходившие от гипометрического устройства, и он не мог опознать никакой сигнал на фоне повышенного шума. Теперь же, похоже, мы оказались достаточно близко от парящего объекта, чтобы гравитометр начал ощущать его воздействие.

Я решила, что «парящий» – не слишком подходящее слово. Если бы объект пребывал в равновесии с похожей на жидкость атмосферой, он бы вытеснял в точности такую же массу водородно-гелиевой смеси, какой обладал сам, и, соответственно, оставался бы невидимым для гравитометра. Но он был намного тяжелее, чем объем вытесняемого им газа. Он должен был тонуть – собственно, утонуть уже давно, вероятно оказавшись далеко внизу, где-то в переходной зоне между атмосферой и по-настоящему жидкой мантией.

Гравитометр дал его контуры красной векторной графикой с зелеными техническими сведениями поверх нее. Мы теперь имели более точное впечатление по сравнению с полученным ранее от акустических зондов.

Высота объекта – пятнадцать с половиной километров. Наиболее широк сверху; книзу сужается неравномерно, отчего выглядит кривобоким и грубо отесанным, и еще кажется, будто от него отвалились какие-то части. В самом низу завершается не острием, а чем-то наподобие нескольких зазубренных пальцев, тянущихся к ядру Харибды.

Снижение продолжало замедляться – всасывавшие жидкость двигатели достигли предела своих возможностей. Мне ничего не оставалось, как снова запустить темноприводы. Они обеспечивали тягу, но ничего не излучали, так что выдать нас не могли. Однако тепловая нагрузка на корабль возросла, что требовало бóльших усилий от криоарифметических устройств, которые начали конфликтовать с гидеоновыми камнями. Я представила себя в роли охотника с двумя способными, но непослушными гончими. Несмотря на всю их преданность хозяйке, они с лаем кидаются друг на друга и норовят вцепиться в глотку.

Приходилось действовать крайне осторожно.

– Если «Коса» выдержит, – сказала леди Арэх, – то надо будет облететь эту штуковину, хорошенько ее рассмотрев со всех сторон. Возможно, где-то есть очевидная точка входа, которую мы отсюда попросту не видим.

– Если рассчитываешь обнаружить входную дверь со звонком, лучше умерь свои ожидания, – посоветовал Пинки.

– Ни в какой звонок звонить мы не будем, – ответила я.

Когда мы снизились на последние несколько десятков километров и приблизились к верхнему краю объекта, корпус корабля скрежетал и стонал, что, впрочем, не означало воздействия на него каких-то реальных сил. То было всего лишь слабое эхо напряжений, не полностью нейтрализованных бронетканью. Ткань генерировалась закрепленными на корпусе «Косы» камнями, но в нормальных условиях она создавала собственное, похожее на клетку, эластичное поле, которое поглощало пытавшиеся сокрушить корабль силы. Однако при давлении в треть миллиона атмосфер даже бронеткань трудилась на пределе своих возможностей.

– Забыл сказать: я так и не нашел, где тут можно выпить, – сообщил Пинки.

Я улыбнулась – он даже не пытался искать.

Мы погружались со скоростью несколько метров в секунду. Вокруг не было ничего, кроме сплошной черноты. Прожекторы «Косы» работали на максимальной мощности, пробиваясь сквозь жемчужный фильтр бронеткани, но поскольку вблизи не попадалось ничего крупнее ледяного зернышка, способного рассеять свет, они с тем же успехом могли быть выключены. Так продолжалось, пока из глубины не возникло нечто. Мои руки замерли на приборах. К этому мгновению я готовилась, но оно все равно застигло меня врасплох.

– А он большой, – сухо проговорила леди Арэх.

Если у корабля гнездостроителей и имелась какая-то предпочтительная ориентация – перед или зад, верх или низ, – то определить ее было невозможно. Прежде нам доводилось видеть лишь останки таких сооружений. Все, что можно сказать об этом объекте: что его широкий и толстый конец напоминал фундамент дворца или собора с множеством башен. Прожекторы выхватывали лишь ближайшие сотни метров поверхности корабля; остальное скрывалось в давящей тьме Харибды.

Из того, что мы могли увидеть, стало ясно, что объект представляет собой плотное ребристо-трубчатое скопление многочисленных элементов, похожих на раковины и расположенных под всеми вообразимыми углами. Либо эти десятки тысяч «раковин» изначально срослись вместе, либо корабль был выточен из чего-то огромного, с гору величиной, по воле некоего безумного архитектора. Между раковинами имелись отверстия – черные щели, уходившие на сотни или даже тысячи метров внутрь. Предложение леди Арэх поискать вход выглядело

вполне разумным, но на то, чтобы составить даже приблизительную карту поверхности объекта, ушли бы многие часы. Составление карты его потрохов наверняка заняло бы недели, если не месяцы.

Меня охватила граничащая с клаустрофобией паника. Я представила, как веду по этому лабиринту медленно перегревающийся, натужно скрежещущий корабль, пытаясь отыскать выход из одной тьмы в другую, куда более обширную…

– На этой глубине мои ракеты не выдержат, – сказала я на случай, если у кого-то возникнут сомнения. – И даже если бы можно было использовать их для разведки, я бы предпочла оставить их на потом.

– Полностью с тобой согласна, Воин-Сидра. – Леди Арэх положила ладонь на мою руку, все еще сжимавшую рычаг управления. – Ты отлично справилась, доставив нас сюда. Мы все отлично справились, уже хотя бы потому, что сумели добраться. Невил Клавэйн наверняка бы удивился.

– Скорее удивился бы тому, что нам потребовалось для этого столько времени, – возразила я.

– Старик избавил бы нас от кучи проблем, если бы удосужился кому-нибудь сообщить об этом месте до того, как умер, – сказал Пинки. – Вряд ли он поблагодарил бы меня за эти слова, но все равно это правда.

– Он не осознавал, насколько это важно, – объяснила леди Арэх. – Как и все мы. Даже сейчас приходится напрягать воображение. Если бы не Сидра, никто из нас не догадался бы искать здесь инкантор. Или вообще не подумал бы, что инкантор может существовать.

Оценка леди Арэх касалась Сидры, а не Воина-Сидры, так что комментировать я не стала. Раз уж я не отвечала за оплошности Сидры, то не могла и принимать похвалу за ее проницательность.

«Коса» медленно продвигалась вдоль сужающегося объекта, держась от него в нескольких десятках метров. Мимо нас проплывали раковины, спрессованные в ступени, террасы, шпили и башенки. Некоторые торчали подобно бушпритам, другие крепились на наклонных опорах, похожие на перевернутые канделябры. Время от времени свет прожекторов выхватывал дыру с неровными краями, как будто часть корабля оторвало взрывом, и это служило напоминанием – если мы вообще в таковых нуждались, – что гнездостроителям все же не удалось победить своих врагов; они лишь выработали стратегию, сводившую к минимуму вероятность столкновения.

Пятнадцать дополнительных километров выглядели мелочью по сравнению с расстоянием, на которое мы уже углубились в

Харибду, но все наши системы работали на пределе. Криоарифметические устройства сражались с теплом, как поступавшим снаружи, так и с излучаемым темноприводами. Гидеоновы камни пытались угнаться за их алгоритмическими циклами, завивая и изгибая бронеткань вокруг водоворотов антиэнтропийной активности, воспринимавшихся ими как угроза, которую следовало сдержать или даже нейтрализовать. Попытка уйти еще глубже увела бы «Косу» в опасные воды, где нас ждало неведомое – то, что нам прежде не доводилось ни испытывать, ни моделировать.

И потому, когда над нами проплыли самые нижние части объекта, похожие на шпили концы раковин, мы смогли облегченно вздохнуть. Мы медленно поднялись до нижнего торца и обогнули объект по спирали, чтобы наиболее эффективно закартировать его. Никаких люков или по крайней мере чего-то похожего на них нам не встретилось.

Оставалось лишь проделать вход самим.

Посовещавшись с леди Арэх и Пинки, я выбрала место примерно на половине высоты корабля – похожий на бородавку вырост, состоящий из пары десятков раковин, по крайней мере на два километра ниже видимых следов разрушений. В поврежденную зону входить не хотелось. Архитектура этих кораблей была модульной, разделенной на независимые объемы переборками из раковинного материала. Даже если часть корабля разрушилась, впустив внутрь атмосферу Харибды, в прилегающей к ней части может оставаться обычное, приемлемое для гнездостроителей давление.

Сориентировав «Косу» вертикально, я медленно подводила ее ближе, пока верхний шлюз не оказался в метре от выпуклой поверхности одного из раковинных выростов. Составив с помощью лазера его точную карту, «Коса» изменила форму своего шлюза так, чтобы две поверхности соприкоснулись с точностью до атома. Затем я завершила сближение, уменьшая расстояние, пока не произошел контакт и бронеткань не вогнулась внутрь шлюза. Она сопротивлялась дальнейшему движению, но я увеличила тягу двигателей и вынудила ее прильнуть к поверхности объекта. Теперь она имела топологическую форму мешка с вытянутой горловиной, окутывая «Косу», но прижимаясь кромкой горловины к выпуклой поверхности раковины. Убедившись, что соединение стабильно, я уменьшила мощность темноприводов – парящий объект уже взял на себя большую часть работы по удержанию нас на глубине.

– Отлично, Воин-Сидра.

Я убрала руки с приборов. Они были липкими от пота.

– Спасибо, леди Арэх.

«Косе» потребовалось несколько минут, чтобы реорганизовать свое внутреннее расположение, обеспечив удобный путь к отсеку со скафандрами и верхнему шлюзу. Минуты эти нам пригодились – всем нужно было собраться с мыслями и определить план дальнейших действий.

Мы молча облачились в скафандры, нервничая, как перед казнью. Поскольку не брали с собой ничего, кроме имевшихся в скафандрах инструментов, оружия и датчиков.

Шлюз «Косы» плотно прижимался к поверхности чужого корабля, не обнаруживая ни встречного давления, ни каких-либо ядовитых веществ или излучений, которые могли бы внушать тревогу.

Мы откачали воздух из шлюза, и я, не говоря ни слова, открыла внешний люк. За ним поблескивал белый, чуть просвечивающий раковинный материал. Все мы уже знали его на вид и на ощупь, но никогда не видели как часть корабля, в какой-то мере сохранявшую функциональность. Те раковины, что мы находили на Арарате, были безнадежно испорчены, но даже с ними работать оказалось невероятно трудно.

– С чего начнем? – спросила леди Арэх. – С лазеров, бозеров, резаков под давлением?

Я коснулась ладонями поверхности и совершила ряд точных движений, используя пясти для воздействия на узкие контактные полоски, расположенные на второстепенных гнездостроительских выростах. Делать это приходилось быстро, работая двумя конечностями с интерфейсом, предназначенным для четырех. Леди Арэх и Пинки наблюдали за мной, благоразумно предпочитая молчать. На поверхности возникали пузыри и темные пятна в виде геометрических узоров, запрашивая мои права и намерения. Получить пропуск в корабль гнездостроителей было не так-то просто, даже зная их язык. Я быстро составляла ответы, вежливо и уверенно подтверждая свои полномочия.

На раковине образовалась черная точка, она быстро выросла, превратившись в круглое отверстие диаметром метра полтора. Добравшись до края нашего шлюза, отверстие перестало увеличиваться. За ним простиралось темное пространство неопределимого размера. Стена из раковины была не толще ногтя. Я вздрогнула, представив, что должен выдерживать этот материал за пределами границ шлюза и той части бронеткани, которая прильнула к кораблю.

– Можно идти, – сообщила я.

– Вряд ли кто-то из людей столь долго и мучительно

размышлял о гнездостроителях, как я, – сказала леди Арэх. – И вряд ли кто-то собрал о них больше обрывков всевозможных знаний. Кроме тебя, Воин-Сидра. Но даже ты не могла выучить их язык. Никому не удавалось найти какие-либо письменные источники или…

– Значит, мне невероятным образом повезло, – ответила я, первой двинувшись к отверстию. – Давайте не будем тянуть. Проход признал мои полномочия, но может закрыться, как только я окажусь внутри.

– Может, еще не поздно пойти выпить?

– Для многого уже слишком поздно, Пинки. – Мне, однако, все же хотелось его успокоить. – Около двухсот лет назад Сидра наткнулась на архив гнездостроителей, включавший в себя жестовые команды. До сего дня их не доводилось испытать на практике. Сидре не хотелось раньше времени пробуждать надежду. Если бы ничего не вышло, мы бы прибегли к масс-энергетическим средствам, а может, даже ограниченно применили гипометрическое устройство в режиме оружия.

– Мне только кажется или ты с каждой минутой все хуже понимаешь, чего от нее ждать?

– И тем не менее вряд ли ты станешь спорить с тем, что дверь она открыла. Иди, Пинки. Я за тобой.

Я остановилась по другую сторону отверстия и протянула руку Пинки и леди Арэх. Кроме света из шлюза «Косы», путь нам освещали только скафандры. Обследовав радаром пространство, в котором мы оказались, мой скафандр сообщил, что обнаружил гладкую стену и что мы находимся в цилиндре диаметром порядка шестидесяти метров. Я усилила мощность шлемного фонаря и увидела слабое, молочного цвета отражение в окружавшей нас изогнутой поверхности. Пол под ногами оказался всего лишь уступом длиной в несколько метров, который резко обрывался в пустоту.

– Мы в чем-то вроде шлюза, – сказала я. – Сейчас в нем вакуум, как и в нашем. Видимо, это универсальная конструктивная черта, вне зависимости от расы. Мы выбрали точку входа почти случайно, но, вероятно, вся поверхность корабля покрыта подобными ячейками, чтобы гнездостроители могли входить и выходить, когда им захочется. Им не требовался фиксированный набор шлюзов, как нам, – они могли создать функционирующий шлюз в любом месте, просто с помощью соответствующих жестов. Леди Арэх, вы прошли?

– Прошли оба, Воин-Сидра, – и, похоже, дверь за нами закрывается, как ты и говорила.

– Это радует – значит, ячейка все еще работает как надо. Если

я права, скоро должно уравняться давление.

– Раз уж ты так хорошо владеешь информацией, чего ожидать от их атмосферы?

– Преобладает кислород, но она слишком теплая, едкая и плотная – не подышишь. Но, конечно, по сравнению с Харибдой это приятный ветерок. Мы также можем заметить…

– Сила тяжести падает, – перебила меня леди Арэх.

Я ознакомилась с показаниями на лицевом щитке – они совпадали с нейроданными, возникшими в моей голове.

– Да. Для гнездостроителей одно *g* – слишком много, чтобы передвигаться без вспомогательных средств. Вероятно, большая часть корабля создает свою среду с уменьшенной гравитацией. Шлюз обеспечивает оба перехода – как смену давления, так и изменение силы тяжести.

– Пока она падает, а не растет, нам вряд ли стоит беспокоиться. Я все еще на связи с «Косой», Воин-Сидра. Ты тоже?

– Да, и дверь, похоже, не особо ее блокирует. Тестовые команды принимаются и исполняются.

– Хорошо бы точно знать, когда прекратится связь.

– И даже заранее к этому подготовиться, – сказал Пинки. – У вас ведь еще и нейроконтакт?

– Нейральные протоколы продолжают работать, – ответила я. – Мы можем при необходимости переговариваться по каналам сочленителей. Но поскольку есть еще и ты, я считаю, что злоупотреблять этой связью было бы не слишком вежливо.

– Дамы, если встанет вопрос о спасении моей шкуры, прошу не щадить моих чувств.

– Не будем, – сказала леди Арэх. – Но есть еще одно соображение, о котором не упомянула Воин-Сидра. Словесное общение посредством скафандров может быть безопаснее, чем мысленная связь. Мы пока не знаем, как воспринимает нас этот корабль и какие средства он может применить, особенно если найдет уязвимость в нейроканалах. Не забывай, мы имеем дело с невероятно древней и изобретательной расой, научившейся выживать в любых условиях. Гнездостроители не просуществовали бы столь долго, если бы чрезмерно доверяли чужакам, особенно галактическим выскочкам вроде нас. Может, они не сочтут нас автоматически врагами, но и радушного приема не окажут.

– Если это радушный прием, над ним еще следует поработать, – заявил Пинки.

Он шагнул с края площадки, широко расставив руки, и начал, постепенно ускоряясь, опускаться на дно полости.

– Довольно-таки опрометчиво, – заметила я.

Судя по показаниям наших скафандров, сила тяжести уменьшилась до одной сотой *g* – примерно такую мы бы ощущали на небольшом спутнике или крупном астероиде. Пинки все же мог с легкостью пострадать или оказаться в ситуации, когда его скафандру пришлось бы прибегнуть к решительным мерам, чтобы сохранить жизнь своему обитателю. Но при такой плотности атмосферы скорость падения была намного ниже, чем в условиях земного давления и гравитации. Огни скафандра блеснули на фоне плавно изгибающегося кверху пола, блестевшего, будто лед, и Пинки приземлился со всем изяществом, какое только возможно для свиньи. Мы с леди Арэх последовали за нашим другом, мягко опустившись по обе стороны от него. Уступ, где располагалась дверь, за которой находилась «Коса», теперь был метрах в десяти над нами, венчая гладкий, скользкий обрыв из раковинного материала. Однако при определенной координации движений ничто не помешало бы запрыгнуть на него обратно; в случае чего помогли бы маневровые двигатели скафандров. Впрочем, меня это не особо беспокоило: если я сумела создать один шлюз, то при необходимости создам и другой, а затем, поскольку нейросвязь с «Косой» сохраняется, перемещу туда корабль.

Я присмотрелась к полу. Казалось, под тонкой просвечивающей поверхностью вихрятся потоки – будто косяки невероятно организованных серебристых рыбешек мчатся со скоростью нервных сигналов. Сквозь подошвы ботинок я ощущала пульсацию отдаленных процессов, столь же постоянных, как работа городского водопровода. Возможно, этот корабль спит, но он вовсе не мертв. А может, его уже пробудило наше появление.

Наконец я оторвала взгляд от пола, и мы прыжками двинулись вперед. Прыгали, пока не оказались у отвесной стены напротив того места, через которое вошли. При нашем приближении в ней без какого-либо вмешательства с моей стороны образовался проход, откуда на наши скафандры полилось голубое сияние. Никаких изменений в воздушных потоках не ощущалось, – должно быть, нас окружала обычная атмосфера пригодных для жизни частей корабля.

Проем имел полукруглую форму; дальше лежал плоский пол. Мы втроем вошли без малейших затруднений. Прежде чем оценить новое пространство, я обернулась и увидела, как отверстие закрывается.

– Связь все еще есть, Воин-Сидра?

– Слегка ослабла, но пока ничего серьезного.

Я окинула взглядом зал, в котором мы оказались, – огромный, круглый, с куполообразным сводом, залитый голубым

светом. Судя по данным моего скафандра, диаметр зала составлял чуть меньше восьмисот метров. Гладкие, лишенные каких-либо украшений поверхности испускали обычный для раковинного материала блеск. За ними наблюдалось то же подрагивающее змеевидное движение, что и под полом. От всех поверхностей исходило голубое сияние, стирая тени и не позволяя толком оценить расстояние и перспективу. Здесь не было ни гнездостроителей, ни каких-либо объектов, которые человек мог бы принять за машины или крупные модульные компоненты корабля. Я решила, что вряд ли это рубка управления – скорее нечто вроде атриума или вестибюля. Никаких входных отверстий в стенах или выше на куполе не наблюдалось.

Но путь все же имелся. В полу была выточена дорожка – сужающейся спиралью она круто уходила к середине зала, скрываясь там из виду.

– Это явно действующий корабль, – сказала я. – Вероятно, его хозяева находятся в анабиозе, пережидают опасность, которая вынудила их тут укрыться. Тысячелетие или даже десять тысячелетий – ничто для гнездостроителей. Все, что нам требуется, – найти средства для получения доступа к архитектуре данных корабля.

– Экий пустячок, – хмыкнул Пинки.

– А мы сумеем опознать эти самые средства, когда найдем их? – спросила леди Арэх.

– Я сумею, – ответила я, указывая на потолок. – Над нами двигатели и компоненты защиты, кубические километры опасных технологий, практически не требующих внимания экипажа. – Затем я указала на спиральную дорожку. – Под нами командно-управляющее ядро, инкубаторы, ясли и анабиозные камеры. Там и следует искать прямой портал в архитектуру данных. Вряд ли придется забираться слишком глубоко, чтобы найти то, что нам нужно.

– Можно подумать, ты там уже побывала, – сказал Пинки.

– Это не так.

– Кто сейчас ответил? Воин-Сидра, Сидра или старик?

– Никто из нас.

– Но ты обладаешь информацией, о которой до сих пор не было даже намека, – сказала леди Арэх. – Это, в частности, набор жестовых команд. Ты в самом деле нашла его в каком-то архиве, Воин-Сидра?

– Возможно, я кое-что упростила.

– Или попросту соврала? – спросил Пинки.

Это прозвучало деловито, без тени упрека, словно он хотел извлечь максимум пользы из ситуации, в которой оказался.

Я понимала, почему Невил был рад иметь такого друга.

Его друга. Нашего друга. Моего друга.

– По сути ничего не изменилось. Мы явились сюда за инкантором. Мы добудем инкантор – образцы, которые нужно предоставить «Косе», – и улетим. – Я шагнула на спиральную дорожку. – Предлагаю воспользоваться этим путем, вместо того чтобы тратить топливо. Корабль наверняка как-то ощущает наше присутствие, и не хотелось бы показаться невежливыми гостями.

Леди Арэх и Пинки последовали за мной.

– А он не сочтет бестактностью взлом архитектуры данных? – спросил Пинки.

– Прибережем эту бестактность на крайний случай, – ответила я. – Поскольку возможны последствия.

Пинки остановился, наклонился вперед и упер руки в бока.

– Пока путь назад еще не слишком далек, позволю себе спросить: мы в самом деле намерены спуститься в эту жуткую дыру?

– В самом деле, – весело сказала я. – Радуйся, Пинки. Сегодня славный день. Тебе предстоит совершить грандиозное открытие. Еще никто из позвоночных не бывал внутри подобного корабля.

Он выпрямился:

– День будет еще более славным, если кто-то из позвоночных сумеет оттуда выбраться.

Мы продвигались гуськом по уходящей вниз спирали. Голубое свечение становилось все резче и ярче. Под дорожкой, будто дразня, носились, вились, мерцали узоры.

– Что нам известно о гнездостроителях, леди Арэх?

– Очень мало, Воин-Сидра. Фрагменты событий и фактов, смутные воспоминания наиболее здравомыслящих контактеров из числа жонглеров образами. Отчасти они согласуются друг с другом, отчасти нет. Сюда можно добавить мои собственные обрывочные впечатления о пребывании в матрице Гадеса – когда, можно сказать, я даже не была по-настоящему жива.

– И какой мы сделаем вывод из этой разрозненной информации?

– Гнездостроители – древняя галактическая раса, одна из немногих, кому удалось избежать полного вымирания. Они имеют органическую, а не машинную природу. Их исходная форма аналогична земным членистоногим – это своего рода разумные крабы или омары. Название происходит от созданных ими обширных, свободно парящих в космосе сооружений – напоминающих гнезда скоплений раковиновидных элементов, в сотни, в тысячи раз крупнее этого корабля. Но после нашествия ингибиторов большинство гнездостроителей покинули эти

сооружения, превратившись в кочевников.

– Все верно, – подтвердила я. – И вместе с тем ошибочно.

Глава 33

Дорожка, чей наклон и радиус больше не менялись, уходила вниз подобно штопору. Ограждения отсутствовали, и в условиях микроскопической силы тяжести можно было легко сойти с нее и полететь вниз, при необходимости замедляя падение двигателями скафандра. Но я решила без нужды не провоцировать корабль.

– В чем ошибка, Воин-Сидра?

– Гнездостроители не смогли выжить. Они мертвы.

Пинки что-то пробурчал под нос. Мы продолжали спускаться.

– Не понимаю, на чем основано твое утверждение. Этот корабль вполне активен. Ты говорила, что на нем есть команда, пусть даже она в анабиозе. Как гнездостроители могут быть мертвы?

– Потому что все, что мы тут видим, создано не гнездостроителями. Сейчас объясню.

– Да уж, сделай одолжение, – кивнул Пинки.

– Когда-то давно – временной масштаб уже не имеет значения, но речь идет почти о миллионе лет – гнездостроители встретились с другой расой, тоже бежавшей от ингибиторов. Разница заключалась в том, что та, другая раса не признавала никаких этических норм. Обнаружив, что гнездостроители разработали стратегию, позволяющую полноценно существовать и путешествовать в космосе, эта вторая раса решила на них паразитировать.

– Каким образом? – спросила леди Арэх.

– Пришельцы завладели их телами. Они полностью завоевали космическую цивилизацию гнездостроителей, используя пленников, по сути, как средство передвижения. Разум гнездостроителей деградировал до чисто служебных функций, в то время как все мыслительные процессы взяли на себя хозяева. У них имелось самоназвание, но мы сойдем с ума, если попытаемся его произнести, так что будем называть их слизняками. Эти слизняки – владельцы и хранители всего того, что мы видим вокруг. Они управляют цивилизацией зомби, которые лишь внешне выглядят как гнездостроители.

– Это же…

– Все по Дарвину, леди Арэх. Не больше и не меньше. Волки довели всех нас до крайности, и именно в крайностях можно найти выражение как красоты, так и жестокости. Но не будем

судить слизняков чересчур сурово. Биосфера Земли породила не меньшие ужасы межвидовой узурпации прав, включая настоящий геноцид. Если сомневаешься, спроси любого неандертальца.

– Теоретически это все, конечно, интересно, – согласилась леди Арэх. – Но мы пришли за их оружием, а не за их совестью.

– Разумно, поскольку таковая у них отсутствует.

– Твои познания удивляют меня, Воин-Сидра. Не сомневаюсь в их надежности, – скорее всего, они происходят из того же источника, который научил тебя, как проникнуть в этот корабль и понять его организационную структуру. Ты всегда знала больше, чем было доступно нашему пониманию. Сам факт существования инкантора… Надо полагать, насчет него мы не ошибаемся?

– Нет, инкантор вполне реален.

– И теперь, когда мы здесь, ты уверена, что нам удастся его получить?

– Гнездостроители никогда бы его добровольно не отдали, как и слизняки. И для тех, и для других инкантор был оружием на самый крайний случай. Они считали – вероятно, обоснованно, – что ни одна низшая раса не удержится от того, чтобы применять его без разбора.

– Окажемся ли мы лучше?

– С ответом можно подождать еще тысячу лет. Сегодня мы делаем все возможное, чтобы выжить. Но, отвечая на первый твой вопрос, могу со всей уверенностью сказать: мы сумеем получить инкантор.

– И на чем же основана эта уверенность?

– У нас есть союзник, леди Арэх. Из местных. Пока могу лишь сказать: неправда, что слизняки не осознают своих преступлений. Есть те, кто считает иначе.

– Ты встретилась с одним из них, – восхищенно проговорила леди Арэх, будто только что нашла решение мучительной загадки, оказавшееся столь же восхитительным, сколь и очевидным. – Это единственный возможный ответ. В своих путешествиях, еще до того, как тебя занесло ко мне на орбиту, ты встретила одного из них и получила от него информацию. Вот откуда тебе известно, почему настолько важен этот парящий объект. Вот почему мы все теперь здесь. Это верно?

– Достаточно верно, чтобы служить нашим целям.

– И упоминать об этом, конечно же, было совсем не обязательно, – упрекнул Пинки.

– Сидра ничего не скрывала – просто ты не задавал ей нужных вопросов. – Я замедлила шаг, указывая на большие неподвижные силуэты за окружавшими спираль голубыми стенами. – Сушильные камеры. Видите гнездостроителей?

В слабом мерцающем свете виднелись расположенные по спирали ниши. В каждой покоился ракообразный инопланетянин – смутные водянистые очертания на фоне постоянно меняющейся голубизны. Леди Арэх ошибалась, я никогда прежде не видела гнездостроителя в каком бы то ни было состоянии. Все эти панцирные организмы имели похожие размеры и пребывали на одной стадии развития – значит, они одновременно прошли через ясли и столь же одновременно сбросили экзоскелеты. Туловище, имевшее около метра в поперечнике, покрывала складчатая оболочка с многочисленными отверстиями для конечностей и сенсоров. Ноги и мантипуляторы были плотно прижаты к телу, отчего существа казались засушенными.

– Никогда не любил крабов, – заметил Пинки. – А теперь еще меньше люблю.

Сушильные камеры продолжали сменять друг друга на протяжении многих витков спирали, имевшей высоту в добрую сотню метров. И это была лишь одна из сотен таких спиралей, разбросанных по всему кораблю с целью восполнить потери в случае катастрофы или нападения. Наконец витки снова начали расширяться, а затем мы вошли сверху в столь же большой, как и предыдущий, зал, в куполе которого тоже была прорезана спиралевидная борозда-дорожка. Внизу, залитое все тем же не дающим теней голубым светом, открывалась куда более многообещающая картина: геометрически правильный участок пола, похожий на регулярный парк, между аллей которого выросли похожие на толстые листья функциональные компоненты корабля.

– Мне кажется, тебе стоит кое о чем упомянуть, – сказала леди Арэх. – Там, внизу, что-то движется, причем весьма организованно.

– Да, – подтвердила я.

В пятидесяти метрах под нами прыгали и ползали по дорожкам бледные юркие существа, которые появлялись из отверстий в полу и нижних частях стен, сходясь по радиальным линиям в группы. В условиях малой силы тяжести они двигались с невероятной скоростью, будто стекающаяся ручейками жидкость.

– Они же вроде должны лежать в анабиозе, – напомнил Пинки.

– Посмотрим, чего они от нас хотят, – сказала я. – Непохоже, что у них есть оружие или броня.

Пинки посмотрел на меня:

– Это же гигантские бронированные крабы. Они сами – и оружие, и броня.

Гнездостроители вползали на спираль, выстраиваясь в ряд. Если прежде такие дорожки казались не самым удобным средством связи между разными частями корабля, то теперь я видела, как быстро и с какой легкостью движутся по ним его обитатели.

– Отойдите назад. – Прижавшись к внешней стене спирали – которая теперь была стеной купола, – я дала знак Пинки и леди Арэх последовать моему примеру. – Они никак на нас не реагируют. Если бы обнаружили наше присутствие и сочли его опасным для корабля, нас бы уже остановили или убили. Дело в чем-то другом.

– Они нас заметят, когда пройдут мимо! – возразила леди Арэх.

– Не думаю. Но это проще проверить, не пытаясь вжаться в стену.

– Пожалуй, предпочту пока не проверять, – поворчал Пинки, убеждая свой скафандр еще плотнее распластаться на стене.

Чем ближе подбирались к нам гнездостроители, тем быстрее они преодолевали очередной виток спирали. Всего их было около шестидесяти, на первый взгляд одинакового размера и формы, но при более пристальном рассмотрении наверняка бы обнаружились различия. У меня имелась теория, но озвучивать ее не имело смысла, пока эти существа не минуют нас.

Они пробежали последний круг под нами. Хотя мы не дышали внешней атмосферой, наши скафандры пользовались ею для восприятия звуков. Гнездостроители приближались с непрерывным металлическим шуршанием, будто из ножен извлекались тысячи мечей. Больше не раздавалось ничего – ни криков, ни слов, ни дыхания, ни каких-либо намеков на координацию действий.

Гнездостроители промчались мимо, все так же вприпрыжку. Как я и надеялась, на нас они не обратили ни малейшего внимания. Десять, двадцать – наверх, вдоль сужающейся спирали, в сторону сушильных камер и других частей корабля. Тридцать, сорок… Даже в прыжке их ребристые, зазубренные спины не доставали нам до бедра. Лишь под конец один из них, оказавшийся ближе к стене, чем остальные, зацепился за носок башмака леди Арэх, на мгновение потерял равновесие, несмотря на множество ног, и в возникшем хаосе не только свалился с края дорожки, но и увлек с собой еще двух. Они падали медленно, не шевеля ногами, а когда мягко приземлились – судя по всему, не пострадав, – вновь полезли наверх.

– Это функционеры, – сказала я, когда последний из упавших снова миновал нас, спеша за остальными. – В них нет слизняков.

А если и есть, то их умственные способности сильно снижены – либо в результате несчастного случая, либо в наказание. Они послушны, как подвергнутые лоботомии. Функционеры бодрствуют, пока остальная команда лежит в сушильных камерах. Исконная нервная система этих гнездостроителей сохранена ровно в той степени, чтобы можно было использовать их как биологических роботов, обслуживающих корабль. Мы их нисколько не интересуем, они толком не осознают нашего присутствия, даже проходя мимо. Им приказано отправиться в другую часть корабля с целью, не имеющей к нам никакого отношения. По крайней мере, прямого отношения, – уточнила я.

– Волки, – сказала леди Арэх.

– Вполне вероятно, что корабль обнаружил их присутствие в окрестностях Харибды и теперь переходит в режим готовности. И функционеры – часть этой подготовки.

– Боевые посты? – спросил Пинки.

– Вряд ли. Пока что гнездостроители выживали, избегая столкновений. И чтобы это изменить, потребуется очень многое.

Мы спустились до самого пола, но вторую волну гнездостроителей по пути не встретили. Я снова напомнила себе, что все увиденное нами с момента прибытия на этот корабль – лишь малая доля того, что на нем происходит. Возможно, по нему перемещаются многие тысячи функционеров, а какой-то процент спящей команды может находиться в процессе пробуждения, готовясь применить свои более совершенные умственные способности.

Мы пересекли пол, в любой момент ожидая очередного извержения гнездостроителей. Я почти не сомневалась, что они, если и появятся, не проявят к нам особого интереса, но они все равно могли стать помехой. К тому же существовала вероятность, что мы спровоцируем корабль действиями, которые уже сложнее будет игнорировать ему самому или его обслуге.

Из пола поднимались многочисленные выросты разнообразной формы. Каждый выглядел как мясистый просвечивающий мешок высотой мне по грудь, покрытый розовой или пурпурной пленкой; внутри шевелились светящиеся силуэты. От выростов отходили ложноножки всех форм и размеров – некоторые напоминали желеобразные утолщения, а другие имели множество граней, сверкавших преломленным светом. С человеческой точки зрения все эти выросты являлись управляющими терминалами, статусными панелями, портами для ввода данных, а также, возможно, имели десятки других предназначений, включая медицинскую диагностику или даже средства для наказания или эвтаназии. Я поискала в памяти

информацию о них, которая, как я полагала, должна была всплыть естественным путем, так же как и умение исполнять жестовые команды, – но тщетно. Я знала, на что смотрю, могла классифицировать объекты, отчасти догадывалась, для чего они служат, но конкретные подробности оставались для меня непостижимы.

– То самое место? – спросил Пинки.

– Ничем не хуже любого другого. Но я должна прибегнуть к методу проб и ошибок, чтобы найти нужный путь – тот, который приведет нас к образцам инкантора.

– Какое это удовольствие – блуждать наугад внутри чужого корабля, который плавает при давлении триста тысяч атмосфер в раскаленном море, способном поджечь звезду!

– Пусть она делает, что считает нужным, – сказала леди Арэх.

– Поверь, я вовсе не собираюсь ей мешать.

Поскольку с чего-то нужно было начинать, я выбрала вырост, увенчанный короной из ложноножек величиной с палец. Леди Арэх и Пинки смотрели, как я засовываю руку в скопище ложноножек, позволяя им осторожно ощупать перчатку и рукав. Выросты стимулировали скафандр химическими и электрическими сигналами, рассчитывая на его реакцию, как будто являлись сенсорным отростком гнездостроителя. Скафандр осторожно отвечал, следуя заранее введенному в него алгоритму. В тех местах, где его касались выросты, он создавал электрохимическое напряжение, пытаясь использовать более углубленную разновидность жестового языка.

В каком-то смысле вырост-терминал говорил со мной, или по крайней мере пытался говорить. Импульсы, принимаемые скафандром, упаковывались и переводились в совместимую с моими нейросистемами форму. Но это вовсе не значило, что я их понимала. Общение шло на недоступном моему непосредственному восприятию уровне – чужая технология вела переговоры с технологией сочленителей, а я только слушала.

Внутри меня прозвучал голос, велевший разъединиться.

Я высвободила перчатку и рукав. Выросты сперва вытянулись, пытаясь удержать, а затем резко отдернулись и свернулись – то ли недоумевая, то ли негодуя.

Леди Арэх взяла меня за руку и оглядела ее на предмет повреждений:

– Что случилось, Воин-Сидра?

– Все в порядке. Мне удалось связаться через этот терминал, но только с локальным узлом, не со всем кораблем. Попробую другой.

– Что происходит, когда ты контактируешь с этими штуками?

– Идут потоки информации между выростом, скафандром и моей прошивкой. Я не все понимаю, но моя программа должна уловить тот момент, когда мы окажемся близко к цели. Пока этого не случилось.

– Сперва жестовые команды, теперь средства для обработки данных гнездостроителей… Ты и впрямь настоящее чудо. – В этих словах прозвучало больше сарказма, чем похвалы. – Может, все-таки расскажешь, как такое возможно, Воин-Сидра? Ты говорила, что Сидра встретила одного из них. Могу лишь сделать вывод, что он передал намного больше сведений, чем пара намеков на то, как вломиться в их корабль.

Я уже стояла возле соседнего выроста с более крупными утолщениями. Собравшись с духом, сунула в него руку. Утолщения сомкнулись вокруг нее, ощупывая с любопытством кормящихся рыбешек. Каждое заканчивалось чем-то вроде рта, который присасывался к моей руке, будто пробуя ее на вкус.

– Сидра нашла слизняка, леди Арэх. Или этот слизняк нашел Сидру. Он оказался исключением из правила, о котором я говорила раньше.

– Слизняк, обладавший совестью?

– По крайней мере, обиженный на себе подобных. С ним поступили несправедливо, и он не пожелал это так оставить. Слизняку солгали. То была огромная, чудовищная ложь, потрясшая основы его мировоззрения. Якобы гнездостроители утратили разум еще до того, как слизняки их обнаружили, и единственное преступление слизняков в том, что они вселились в бесхозные тела, приспособив чужие технологии для нужд постразумной цивилизации. Может, это и был недостойный поступок, нечто вроде космического разграбления могил, но не ксеноцид в буквальном смысле слова.

– И никто из них не знал?

– Любая цивилизация склонна примириться с жестокостями, которые она творила в прошлом. Некоторые принимают это как данность, другие просто забывают. Слизняки предпочли стереть из памяти свои преступления, внушив себе, что гнездостроители всегда были пустыми носителями, и не более того. Настолько поверили в этот вымысел, что он сделался фактом. Но слизняк Сидры совершил открытие, опровергшее «факт». Он нашел реликты гнездостроителей, указывавшие на то, что разум сохранялся у этих существ до последнего, вопреки тому, что утверждала официальная идеология слизняков. За это слизняк понес наказание, которое вряд ли можно описать нашими словами, и после тысяч ужасных пыток его лишили тела носителя, бросив умирать, как улитку без панциря. По крайней

мере, это мы в состоянии понять. Но он остался жив. Ненависть отлично способствует выживанию.

– Со мной именно так и вышло, – заметил Пинки.

Внезапно в моей черепной коробке будто расцвел неоновый фейерверк.

– Я…

– Я тоже почувствовала, – быстро сказала леди Арэх. – Это «Коса». Сигнал тревоги.

Она была права – вспышка в моей голове не имела никакого отношения к гнездостроителям.

– Волки? – спросил Пинки.

– Нет, – ответила я, заставляя себя сосредоточиться на получаемых данных. – Не волки. «Коса» сообщает об инерциальном перемещении. Она все там же, где мы ее причалили, но ее тянет вглубь Харибды. Мы погружаемся заодно с кораблем гнездостроителей. Из-за слабого гравитационного поля мы ощущаем движение, но оно вполне реально. Именно так они реагируют на ингибиторов – не переходят в боевое состояние, а прячутся ближе к ядру Харибды.

– Они бы так не поступали, если бы корабль не мог выдержать? – умоляюще спросил Пинки. – Правда?

– Риск наверняка есть, иначе бы они сразу опустились на предельную глубину. Но проблема не в корабле гнездостроителей.

Сквозь стекло визора я увидела, как Пинки кивнул.

– Не сможет выдержать «Коса».

– Насколько глубже она в состоянии опуститься? – спросила леди Арэх.

– С нашими знаниями о гидеоновых камнях? Предсказать невозможно. На десять тысяч атмосфер, а может, на тысячу. А потом еще чуть-чуть – и нас раздавит.

– В таком случае отменяем операцию. Ты еще способна управлять «Косой»? Подведи ее как можно ближе и создай новый выход. Если не можешь – возвращаемся назад тем же путем.

– Мы пришли за инкантором, – упрямо заявила я.

– На этот раз придется признать свое поражение, но мы еще поборемся после. Командуй, Воин-Сидра. Твои усилия крайне благородны, но, если мы все трое погибнем, это уже никому не поможет.

– Ты забываешь о волках вокруг планеты. У Йеллоустона нам повезло, но тогда у нас были друзья, сумевшие их отвлечь. Здесь помощников нет. Чтобы прорваться сквозь рой волков, нужен инкантор.

– Мы сумеем от них ускользнуть, если уберемся отсюда

прямо сейчас. Давай, Воин-Сидра. Сама же сказала: еще немного – и нас раздавит.

Я оставила второй вырост в покое. На этот раз проблема была в другом – не в том, что вырост давал связь только с локальным узлом, а в том, что он, похоже, был запрограммирован на понимание ограниченного набора запросов, как упрощенный терминал, предназначенный для детей. Возможно, это и в самом деле было обучающее устройство для недоразвитых гнездостроителей, имевших на своем счету лишь несколько смен панциря.

Третий вырост был увенчан тонкими, похожими на усики листьями, поблескивавшими отраженным светом.

– Я вызову «Косу».

– Хорошо.

– Леди Арэх, ты мне доверяешь? То, о чем я хочу тебя попросить, весьма непросто для любого сочленителя, даже полусочленителя. И если бы мы поменялись местами, для меня бы это было не менее сложно.

Я услышала полный обреченности и грусти вздох.

– Ты хочешь, чтобы я отключила все мои ментальные барьеры. Тебе нужен неограниченный доступ к моему разуму.

– Как ты догадалась?

– Я же чувствую затылком твое дыхание.

– Извини, не думала, что все настолько очевидно.

– Не важно. – В ее голосе не было злости, лишь полное страха осознание. – Что случилось, Воин-Сидра? Что ты задумала?

Тонкие листья обвили мой скафандр, точно лианы, и крепко сжали в объятиях. Как только они вступили в контакт, поток электрохимической информации стал объемнее, в свою очередь требуя большего от меня.

– Три вещи, – ответила я. – Первое: предоставить тебе полный контроль над «Косой», включая все сопутствующие нейрокомандные процедуры. Ты говорила, что хотела бы иметь такой корабль, – что ж, «Коса» станет твоей, как только ты ей это позволишь. Навсегда.

– Продолжай, – судорожно сглотнув, сказала она.

– Второе: снабдить тебя жестовым синтаксисом. Тебе потребуется лишь малая его часть – чтобы создать шлюз и перейти на борт «Косы». Я выделю этот конкретный набор жестов. Думаю, корабль гнездостроителей послушается – мы пока что вели себя здесь достаточно вежливо.

– А третье?

– Ты обеспечишь обмен данными между моим разумом, твоим, «Косой» и гипометрическим устройством. Как только я

получу образцы инкантора, они будут переданы напрямую устройству при условии, что обмен будет возможен и далее.

– Ты могла бы сделать все это и сама, – сказал мне Пинки.

– Да, она могла бы, – подтвердила леди Арэх, поняв мои намерения. – Но только если бы не осталась в корабле гнездостроителей. Ты ведь это собираешься сделать, Воин-Сидра? Остаться здесь, отправив на «Косу» нас с Пинки?

– Другого выхода нет. Мы должны получить образцы, но для этого мне нужно больше времени, чем у нас есть, а рисковать «Косой» нельзя. Если вы отчалите и переместите «Косу» на менее опасную высоту, мы все равно сможем держать связь. Нам нужно лишь успеть передать образцы, и это займет не так уж много времени – они загадочны, но вовсе не сложны.

– Если погрузишься глубже, «Косе» уже не удастся вернуться за тобой.

– Знаю.

– И этот корабль может провести здесь многие годы, даже столетия.

– Это я тоже знаю.

– Система жизнеобеспечения твоего скафандра в конце концов не выдержит.

– Знаю.

– И ты погибнешь.

– Вполне вероятно, леди Арэх, что ограничивающим фактором станет вовсе не скафандр.

– Я тоже так думаю, Воин-Сидра.

Она молча смотрела на меня, и я чувствовала, насколько напряженные процессы идут за опечатанными дверьми ее разума. Но печати уже срывались.

– Чтобы решить этот вопрос, нам вовсе ни к чему устраивать поединок мнений, как было в Ярком Солнце. Мы можем поступить как друзья и союзники. Я… готова согласиться, что другого выхода нет. Будь у меня возможность общаться с этим кораблем, знай я его секреты в той же степени, что и ты, настояла бы на том, чтобы поменяться с тобой местами. Но твоими способностями я не обладаю.

– Ты заметила?

– Что именно?

– Как Вселенная сдвинулась со своей оси. Ты только что призналась в собственной неполноценности.

В ее голосе послышалось нечто похожее на веселье.

– Надеюсь, оно того стоит. Что ж, я снимаю все нейробарьеры, и можешь делать со мной что угодно. Полагаю, ты сумеешь проверить связь с «Косой»?

– Передаю тебе жестовый синтаксис, записываю его прямо в процедурную память. Связь установлена, но передача не начнется, пока образцы не окажутся у меня. До этого будет идти непрерывный поток тестовых пакетов, подтверждая жизнеспособность связи. Тебе покажется, будто ты превратилась в трубопровод под высоким давлением между мной и «Косой», но ничего страшного не случится.

– Не сомневаюсь, Воин-Сидра. – Леди Арэх глядела, как самопроизвольно сгибаются и разгибаются пальцы на ее руке. – Это, конечно же, и есть твой синтаксис – он ищет способ самовыражения, подобно тому как зудящая болячка требует, чтобы ее чесали! Забавно – такое ощущение, будто я всегда знала то, что мне впрыснули в голову считаные секунды назад.

– Извини, что я пошла кратчайшим путем, но так надо. – Я на мгновение сосредоточилась. – «Коса» отчаливает. Я велела ей опуститься на несколько сотен метров, чтобы оказаться вровень с нами.

– Да, я чувствую, как она движется. Твои командные полномочия уже передаются мне. Могу я кое о чем спросить?

– Если только не потребуется чересчур длинный ответ.

– Это твое решение… Я восхищаюсь им и принимаю его. Мы с Пинки сыграем отведенную нам роль. Но мне нужно знать: оно принято единогласно?

– Сидра была солдатом, и Клавэйн тоже. Естественно, у нас случались споры по мелочам, но разногласий в военных вопросах никогда не возникало. Так что Воин-Сидра говорит одним голосом.

– Старик, – сказал Пинки, – если там еще осталась хоть какая-то частичка тебя, то не сомневайся: ты все сделал правильно. Ты огромное бремя взвалил на меня тогда на Арарате, но вряд ли я тебя так уж сильно подвел. По крайней мере, с точки зрения свиньи. – Он помедлил. – И еще, Вонючка…

– Да?

– Считай, что в конце концов ты добился своего.

– Спасибо, что выступил в защиту Уоррена, – ответила я. – Думаю, это крайне важно. И если я могу говорить от его имени, то и от имени Невила тоже. Ты никогда никого не подвел, ни разу в жизни. Я знаю, что с Клавэйнами тебе не всегда бывало легко… но друзей они выбирали так же тщательно, как и врагов.

Пинки судорожно сглотнул:

– Сидра?

– Что ты хотел бы ей сказать?

– Мы справимся. И уж поверь, я всегда буду рядом с ее светлостью.

– Нисколько не сомневаюсь.

Я изобразила улыбку, смущенная затянувшимся прощанием – этой человеческой привычкой, дошедшей до нас из доисторических времен. Как будто отряд первобытных охотников покидает безопасную пещеру, отправляясь в железные объятия Харибды.

– А теперь возвращайтесь на «Косу». Мне же потребуется уйма терпения, чтобы убедить этот терминал отдать инкантор. Уходите. Нужные жесты придут естественным путем, а интуиция направит вас к нужному месту на стене. И отчаливайте, как только окажетесь на «Косе». Всплывайте осторожно – резкое уменьшение давления не менее опасно, чем дальнейшее погружение.

– Мы будем осторожны. – Леди Арэх подняла руку – пальцы больше не шевелились, они усвоили жестовый синтаксис. – Прощай, Воин-Сидра.

– До свидания, – сказал Пинки. – Это было… нечто.

– Воистину, – согласилась я.

Затем я повернулась спиной к друзьям, но это вовсе не означало, что они меня больше не интересуют или что мне не хочется смотреть, как они уходят туда, где им почти ничто не будет грозить. Требовалось полностью сосредоточиться, и я была уверена, что больше никакие наставления им не нужны.

Я полностью погрузилась в электрохимическое взаимодействие с терминалом, выделяя для этой задачи все более обширные области своего разума. Корабль гнездостроителей был жестоким любовником, – чем больше я ему отдавалась, тем большего он требовал. Но серьезность диалога, который он вел, наряду со сложностью и глубиной его запросов убеждала, что я приближаюсь к цели. Он раскрывался передо мной слой за слоем, шепча драгоценные секреты. С его точки зрения, мне можно было доверять.

Чуть позже я ощутила легкое покалывание в голове. «Коса» сообщала, что отчалила и теперь возвращается на относительное мелководье в триста тысяч атмосфер. Но корабль гнездостроителей не прекратил погружаться. Мы опустились уже на пятьсот километров с того момента, когда я проникла на борт.

Я продолжала работать. Завеса пугающей защиты и коварных ложных следов исчезала прямо на глазах. Я увидела ядро, в котором, подобно сокровищу в сундуке, покоились образцы. Корабль задал еще несколько вопросов, выполняя последнюю проверку, и наконец решил отдать добычу. Ядро раскрылось, и заклинание, позволяющее создать инкантор, влилось в мой разум, а оттуда перетекло в разум леди Арэх, из которого, в свою

очередь, отправилось в реестры «Косы», где уже нетерпеливо ждала машина-прототип.

– Сидра?

– Да, Клавэйн?

– Похоже, наша бестактность превысила некий порог. Сюда идут гнездостроители.

Мы снова распались на две отдельные личности, хотя это не было нашим сознательным выбором. Скорее целью было выживание, для которого требовалась возможность сосредоточиться на двух задачах. Сидра занималась проблемой инкантора – своего рода информационной разведкой, которая всегда была ее профессией, – а Клавэйн обеспечивал хладнокровное наблюдение за обстановкой. Я все еще оставалась Воином-Сидрой, но то, что теперь внутри меня двое, отрицать было бы глупо.

Появившиеся в зале новые гнездостроители были не столь многочисленны, как первая группа. Я насчитала всего лишь дюжину. Но, судя по независимости их движений, по осторожности и любопытству, это уже не были похожие на роботов функционеры, которых мы видели раньше. Похоже, внутри у каждого находился разумный слизняк, возможно, даже не один, который управлял бронированным телом, словно заменяемым механическим экзоскелетом. Скорее всего, они принадлежали к партии, вызванной из сушильных камер в связи с обнаружением сосредоточения волков. Но, ожив, они заинтересовались аномальной активностью в этом зале и вскоре обнаружили человека в скафандре (они знали о нас кое-что, хоть и относились к нам с полным безразличием), занятого похищением технологических секретов из их архива. Возможно, какая-то системная проверка уже сообщила, что эти секреты относятся к инкантору.

Я – или, вернее, Клавэйн – не стал колебаться. Скафандр отгонял гнездостроителей, не причиняя им серьезного вреда, поскольку наша задача состояла в том, чтобы завладеть данными, а не внести их хозяев в список наших врагов. Тонкий луч, пронзая панцирь, разогревал до кипения находившуюся под ним плоть, отчего гнездостроитель при малой силе тяжести улетал в сторону. Если бы этого оказалось недостаточно, скафандр воспользовался бы разрешением откусывать периферийные конечности, не причиняя вреда слизнякам.

Но если бы пришлось, мы бы их попросту убили.

Тем временем Сидра оставила во всех доступных местах информационной архитектуры корабля неудаляемое послание на языке слизняков, своего рода личное обращение. В понятных нам

терминах оно гласило: «Позвольте людям уйти с инкантором, позвольте сделать его дубликат и воспользоваться им так, как они считают нужным, и я сохраню в тайне то, как вы поступили с гнездостроителями. Но если попытаетесь помешать людям сейчас или решите противодействовать им в будущем, правда разойдется повсюду и будет отравлять существование каждого из вас, пока не погаснут звезды. Не сомневайтесь, средства для этого у меня имеются».

Насколько это подействовало, сказать было сложно. Новые гнездостроители уже не появлялись… но, возможно, корабль просто не мог собрать большее их количество за столь короткое время, вынужденный тратить все силы на дальнейшее погружение в ледяной гигант.

Однако тех, кто уже находился здесь, не так-то легко было отпугнуть. Теряя конечности и куски панцирей, они снова и снова набрасывались на скафандр. Я упорно не позволял себе прибегать к более смертоносным методам убеждения. Если пустить в ход высокоэнергетическое оружие, как избежать случайных повреждений, которые оно способно причинить кораблю? Возможно, они сыграют роковую роль, когда корабль погрузится глубже.

– Сколько еще?

– Около двадцати процентов информации уже передано на «Косу».

– Нельзя ли побыстрее?

– Откуда мне знать, Клавэйн?

– Просто спросил.

– От твоего вопроса никакой пользы. Я делаю все, что могу, но процесс идет крайне медленно. Самое узкое место – скафандр, а не связь между моим разумом и разумом леди Арэх.

– Тогда у меня есть предложение.

Наступила долгая пауза.

– Какое?

– Мы в любом случае погибнем, Сидра. Вряд ли кто-то из нас в этом сомневается. И даже если бы я считал, что у «Косы» есть шанс проникнуть в эти глубины, чтобы нас спасти, то не позволил бы подвергнуть риску Пинки и леди Арэх.

– Я согласна, – последовал после некоторого размышления ответ. – Мы и так слишком многого от них потребовали. Что бы ни случилось, здесь наша могила.

– Значит, вопрос не в том, умрем ли мы…

– …Но в том, какую пользу может принести наша смерть.

Снова пауза.

– Сколько, по-твоему, мы смогли бы прожить без скафандра,

Сидра?

– Очень недолго. И это было бы крайне неприятное времяпрепровождение.

– А точнее?

– Минуты четыре, от силы пять.

– Но зато исчезло бы узкое место. Особенно если…

– Особенно если сумеем установить прямую физическую связь между кораблем гнездостроителей и нашим разумом… и нас не будет замедлять скафандр.

– Так и нужно сделать, Сидра. Чем быстрее, тем лучше.

Из стратегических точек в полу появлялись новые выросты. Возле них собирались гнездостроители – те, кого не вывели из строя окончательно. Они срывали с мясистых корон похожие на плоды утолщения и соединяли их, образуя нечто более крупное.

– Клавэйн, ты понимаешь, что пути назад уже не будет? Когда нас коснется чужой воздух, я применю блокировку боли и вообще сделаю все, чтобы его можно было терпеть. Но это не сделает нашу смерть намного приятнее.

– Сидра, думаю, она все-таки будет легче, чем у многих других. Что насчет того, кто у нас внутри?

– Меня всегда интересовало, как давно ты об этом знаешь. – В ее голосе послышалась насмешка.

– Дольше, чем ты думаешь. Но не так давно, как следовало бы. Скажу тебе вот что: ты никогда мне не лгала. Я спросил тебя, не устройство ли это жизнеобеспечения, и ты ответила правдиво. Моя ошибка в том, что я решил: это устройство обеспечивает твою жизнь.

– Ты бы верил мне, зная, что я ношу в груди инопланетянина? Слизняка?

– Думаю, со временем я бы понял.

– Врешь.

– Ладно, убедила. Но я пытался.

Гнездостроители между тем собирались вокруг нас. Нечто крупное, сложенное из утолщений, теперь блестело и пульсировало, имея множество прожилок. Существа применили против нас несколько видов оружия. Некоторые отростки выплевывали голубой огонь, нечто вроде жидкой плазмы, – соприкоснувшись со скафандром, она начинала перемещаться, подобно амебе. Там, где плазма проползала, оставалась пузырящаяся дыра, с которой не справлялись программы самовосстановления. Другие выделяли нечто вроде кислоты, прожигая в броне глубокие борозды. Одновременно гнездостроители работали конечностями: кусали и хватали. Оружие скафандра продолжало действовать, и мы позволили ему

превысить ранее установленный порог, хотя и не намного.

Вдруг наступил перерыв. Везде валялись тела, конечности и горелые скорлупки. Оставшиеся гнездостроители кружили, шатаясь и хромая, будто обдумывая следующий ход. Вскоре они решат повредить или уничтожить терминал, если это им по силам. Возможно, они боятся повредить корабль, но нельзя исключать, что даже такой исход могут вскоре счесть приемлемым.

Пора.

– Открывай скафандр.

– Мы уверены?

– Да, мы уверены. Давай, пока есть возможность.

Последовала соответствующая команда. Скафандру, естественно, требовалось сверхчеловеческое убеждение, чтобы он согласился отдать своего обитателя на милость атмосферы, несовместимой с жизнью. Но мы весьма успешно освоили методы сверхчеловеческого убеждения. Все наши разногласия были забыты; как мы и обещали леди Арэх, осталось только единодушие.

Я снова стала Воином-Сидрой.

Нечто в моей груди сбросило все слои защиты, которыми оно себя добровольно окружило. Когда сломалась последняя из печатей, осталось только отшвырнуть прочь легкую завесу из мышц, костей и кожи – всего лишь одноразовую, ничего не значащую человеческую живую ткань. Как я и предполагала, ощущения, пока слизняк продирался наружу из моей груди, чтобы соединиться с кораблем гнездостроителей, нельзя было назвать приятными, но все могло оказаться намного хуже.

Голос, возможно принадлежавший мне, задал последний вопрос:

– Ты получила образец, леди Арэх?

– Да. Передача завершена. Идет сверка контрольных сумм. Я сразу же ввожу образец в прототип. Если что-то пошло не так, если где-то ошибка, то, полагаю, мы очень скоро об этом узнаем.

– Полагаю, мы тоже. Но ошибки не будет. – Я улыбнулась, позволив себе похвастаться в последний раз. – Я никогда не ошибаюсь. Доброй охоты, леди Арэх, и прошу тебя, позаботься как следует о своем корабле.

Я успела как раз вовремя. Связь с «Косой» начала пропадать. Где-то над нами под чудовищной тяжестью сжатой атмосферы закрывалась дверь во Вселенную. Остались только мы, в умирающем теле, в умирающем корабле, падая вглубь Харибды и надеясь, что сделанного нами должно хватить. Что бы ни случилось с леди Арэх, Пинки, инкантором или волками, нам уже

не суждено об этом узнать.

Но мы не сомневались: выполнено все, что было задумано. Машина-прототип получила свой образец – информацию, необходимую для создания инкантора. И сделанное однажды может быть повторено снова, в других системах. Имея в своем распоряжении этот грозный дар, человечество начнет давать отпор, покидая свои убежища и выходя из тени на свет. И даже если победы окажутся скромными, люди выиграют несколько столетий, чтобы предпринять что-то еще. Да, в конечном счете мы добились своего. И многое увидели и поняли.

– Прощай, Клавэйн.

– Прощай, Сидра.

Для нас все закончилось. Может, порой мы и были жестоки друг к другу, каждый по-своему, и совершали преступления. Но всегда находилось место доброте, утешению, попыткам искупить вину.

Однако у Сидры имелся еще один, последний дар.

Глава 34

Наконец я почувствовала, как спадает напряжение между гидеоновыми камнями и криптоарифметическими устройствами. «Коса» переместилась на две тысячи километров ближе к внешнему слою облаков; и хотя я полагала, что мы все еще достаточно глубоко, по-прежнему прячемся от волков, давление и температура, которым подвергался корабль, стали вполне терпимыми.

– Что? – спросил Пинки, уже несколько минут не сводивший с меня взгляда.

– Что – что?

– У тебя такой вид, будто ты знаешь то, чего больше никто не знает.

– Ну, вообще-то, у меня всю жизнь такой вид. Но ты прав, друг мой, – кое-что изменилось. – Пока гипометрическое устройство металось и крутилось быстрее прежнего, сминая и растягивая пространство-время, словно тесто, я нежно улыбалась, благодарная судьбе за то, что рядом со мной мой самый преданный союзник. – Пытаясь добраться до инкантора, Воин-Сидра сказала, что посылает тестовые пакеты, чтобы гарантировать стабильность связи. И это действительно было так. Пакеты прекрасно справились со своей задачей.

– А кроме того?

– Воин-Сидра внедрила в эти пакеты кое-какие не относящиеся к делу данные. Я поняла, что они имеют более

сложную структуру, но предпочла не разбираться с ними, пока нет уверенности, что образцы приняты без ошибок. Только теперь у меня нашлось время.

– И что там?

– Думаю, ты и сам уже мог догадаться, Пинки. Фрагменты жизни. Точнее, фрагменты двух жизней. Во мне теперь частичка Сидры и та частичка Клавэйна, которая прибыла вместе с Сидрой с Арарата.

– Позволено ли будет свинье спросить, кого из Клавэйнов?

– Полагаю, нам потребуется время, чтобы это выяснить. Во фрагментах наверняка содержатся следы Уоррена, специфические воспоминания и эмоциональные переживания, которые могут относиться лишь к его жизни до появления Сидры, сколь бы реальными или нереальными они ни были. Но если часть его последующей жизни включала в себя контакт с жонглерами, а с их помощью – общение с тем, что осталось от его брата… Не знаю. С какой-либо определенностью я могу утверждать лишь одно: теперь я хранительница этих фрагментов.

– Но они ведь не живут внутри тебя? Так, как было с Воином-Сидрой, – два разума в одном черепе?

– Нет, – не без сожаления ответила я. – Их голоса пока молчат. Возможно, они заговорят снова, но не сегодня. И тем не менее пока я владею этими фрагментами, пока ношу их в себе, вряд ли можно считать, что Сидра и Клавэйн по-настоящему мертвы.

– Тогда им стоило бы подвинуться. Наверняка у тебя в голове стало тесно.

– Мой разум – дом с множеством комнат. Места хватит всегда.

Пинки удивленно покачал головой:

– Я никогда не говорил, какое ты кошмарное существо?

– Не более кошмарное, чем необходимо. Такие уж сейчас времена.

Пинки кивнул в сторону консоли:

– По этим показаниям можно понять, как ведет себя наша новая игрушка? А то я чувствую себя точно собака, которой показывают иероглифы.

– Что-то рождается. Что-то ищет к нам путь. Думаю, через несколько минут мы получим некоторое представление о том, что оно собой представляет и что мы можем с его помощью сделать.

– И когда это случится, ты поймешь, как быть дальше?

– Принцип работы инкантора лежит за пределами даже моего понимания. Но набор команд, с помощью которых его можно применить, не так уж сложен.

Зная, что никакие мои слова или действия не ускорят начавшийся процесс, я заставила себя переключиться на более насущную проблему – наш отлет с Харибды. Воспользовавшись всеми активными и пассивными датчиками, я просканировала разрежающиеся слои атмосферы над нами и пространство в ближайших окрестностях орбиты. Меня больше не волновало, что таким образом я во всеуслышание сообщаю о нашем присутствии.

– Есть одна вещь, которая всерьез меня беспокоит, – сказал Пинки.

– Только одна?

– У гнездостроителей имелось это оружие. Но что-то помешало им воспользоваться.

– Они им пользовались. Но весьма скупо.

– И по какой же причине?

– Думаю, со временем мы это выясним. Но именно со временем. Мы с тобой видели, как гасли огни. Мы следили за тем, как переставали летать корабли и замолкали планеты. Мы наблюдали, как один за другим умирали очаги цивилизации. Для нас наступили сумерки. Сейчас наше возможное будущее – лишь несколько жалких столетий, и то если очень повезет. Но инкантор дает возможность изменить путь, по которому пойдет наша история. Этот путь может быть лучше или хуже, но нет сомнений, что он будет иным. А если века спустя мы поймем, что применение инкантора вызвало те или иные последствия, то достойно встретим их и заплатим за наши действия. Но мы будем жить, а это лучше, чем любая альтернатива.

После некоторой паузы свин понимающе, хотя и не вполне убежденно, кивнул:

– Старик наверняка считал бы так же.

– А ты?

– Думаю, пытаться выиграть время – вполне по-человечески.

– Так было всегда.

– Но ведь одного инкантора вряд ли хватит?

– Их будет больше, – ответила я. – Сидра все подготовила. Везде, где бывала, она велела «Косе» оставить своего рода семена, из которых за счет окружающей материи вырастали производственные модули вроде того, в котором мы создали гипометрическое устройство. Сидра оставила эти семена на Хеле, в Солнечном Доле, на Йеллоустоне – повсюду, где могли оказаться союзники, способные ими воспользоваться. Все, что требовалось этим модулям, – ждать прибытия образцов инкантора. И теперь нам нужно только передать их по назначению.

– Кто-то ведь должен знать, что делать, когда появятся

образцы.

– Такие люди есть. Об этом Сидра тоже позаботилась, – сказала я.

Работа гипометрического устройства близилась к завершению. Метания машины замедлялись, раскрывались лопасти, и все странное сооружение распадалось, будто в замедленной съемке взрывающейся бомбы. Пока «Коса» скрывалась в атмосфере от волков, наверняка столь же хорошо знавших о нас, как и мы о них, но все еще сомневавшихся, стоит ли нападать, пока мы внутри Харибды – ну куда еще может отправиться человеческий кораблик, кроме как обратно в космос? – я оставила Пинки в рубке управления, снова надела скафандр и направилась в камеру, где находилось устройство. Возможно, я поступила несколько опрометчиво, но мне хотелось увидеть собственными глазами результат наших трудов в первые мгновения его существования.

Гипометрическая машина разделилась на составные части, которые теперь выглядели как блестящие декоративные многогранники на стенах камеры. Там, где прежде находилась основная ее масса, теперь парил инкантор.

Описать его словами я не в силах. С некоторой уверенностью могу лишь сказать, что он занимал пространственный объем определенных размеров и формы – нечто вроде цилиндра диаметром метра три и длиной двадцать. Он оказался меньше, чем я ожидала, но интуиция подсказывала, что понятия размера и формы в отношении инкантора не вполне надежны. Это был артефакт из слоя реальности, не вполне совпадавшего с нашим. То, что я видела, – или то, что мне представлялось, – было лишь тенью или проекцией реальной сущности, истинная форма которой оставалась непостижимой. Я могла бы отправиться к жонглерам, чтобы те изменили пределы моего восприятия, но тогда лишилась бы возможности объяснить или описать увиденное кому-либо еще, даже по каналам мысленного обмена сочленителей.

Что я могу сказать в точности? Инкантор испускал свечение – близкое к пурпурному, состоявшее из красных и голубых фотонов. Откуда они исходили и какие темные сделки пришлось заключить, чтобы не нарушить бухгалтерию Вселенной, – это оставалось для меня неизвестным. Я вдруг поняла, что не могу отвести взгляда от бескрайних глубин этого света, от манящих, меняющихся и многослойных тайн инкантора. Внутри его виднелись какие-то детали, проблески структур и компонентов, намекавшие на разумную организацию. Но я не могла достаточно

долго удерживать в поле зрения одну из его частей, чтобы соотнести ее с другой. В глазах мутилось, мысли закручивались, будто ленты Мебиуса, и я вдруг сообразила, что перестала дышать.

Глубоко вздохнув, я отвернулась от инкантора. Он был завершен, и я знала, что с ним делать. Но в мою задачу не входило восхищаться им или пытаться его понять.

– Мы готовы? – спросил Пинки, когда я вернулась к нему.

– Готовы.

Мы покинули последние слои атмосферы. Под нами внутри Харибды сверкнул энергетический импульс, – судя по всему, гнездостроители все-таки ушли чересчур глубоко.

А затем мы развернулись навстречу волкам. И я приготовилась к схватке.

Николя выдвинула кухонный стул, приглашая меня сесть. Она была старше, чем я ее помнил, но не настолько, чтобы я не смог ее узнать. В чем-то годы ее пощадили, в чем-то не очень, но былая терпимость, к которой я столь часто призывал, никуда не делась, она проглядывала сквозь морщины и иные физические изъяны.

– Я никогда о тебе не забывал, – сказал я.

– Мы тоже, – ответила уже сидевшая Викторина.

Из ребенка она стала женщиной, примерно такого же возраста, как и Николя, когда мы с ней познакомились в наш первый год в Солнечном Доле, – хотя я все еще видел девочку, прячущуюся за многими слоями нелегкого жизненного опыта. Слои эти в чем-то походили на бронеткань «Косы» – они столь же плотно облегали Николя, повторяя все черты. Горе, печаль, гнев, отчаяние, надежда, тоска, разочарование. И снова надежда, снова отчаяние – они десятки раз подряд пытались сточить ее человеческую сердцевину, будто она была чуждым существом, которое Вселенная стремилась уничтожить. Но Викторина выдержала все испытания.

– Вы выжили, – проговорил я, со скрежетом придвигая стул.

Николя опустилась на свой напротив меня, рядом с дочерью. Теперь они были во многом похожи, вплоть до проседи в волосах и следов, которые оставило на их лицах время, будто работая по одному и тому же чертежу.

– Все едва не рухнуло, – сказала Николя. – Не только потому, что она забрала тебя. Ты был для нас важен, но не настолько. Хотя зачем я это говорю? У тебя хватало грехов, Мигель, но гордыня никогда не входила в их число.

– Насколько все было плохо?

– Очень плохо, – ответила Викторина.

Голос у нее был ниже, чем у матери, слова звучали более взвешенно, как будто каждая ее фраза становилась высеченным в камне приговором, не подлежащим отмене. Мне подумалось, что она никогда не заговаривала без необходимости, но многие были готовы ее слушать.

– После того как ты улетел, за пять лет умерла треть жителей. Но потом стало немного легче. Сидра оставила инструкции в архивах Святилища, как лучше справляться с помощью того, что у нас имелось. Потребовалось некоторое время, чтобы научиться, но потом настолько тяжело, как раньше, не бывало уже никогда. Ее фабричные модули начали производство машин, помогавших нам в медицине, сельском хозяйстве и жизнеобеспечении. И у нас теперь есть кое-что получше гибернаторов. Иногда бывает целесообразно проспать несколько лет или десятилетий.

– А защита?

– Ее Сидра тоже улучшила, – ответила Николя. – Усовершенствовала наши средства слежения и оружие. На семнадцатый год в нашей системе объявилась небольшая стая волков. Мы уже было решили, что нам конец, но оружие Сидры успешно их разогнало. Естественно, мы знали, что рано или поздно они вернутся в большем числе и что нам потребуется оружие помощнее. Но мы выжили.

– Здесь не появлялись другие корабли?

– Нет, – хором ответили обе со смесью сожаления и облегчения. – Никаких кораблей.

– Значит, никому больше не пришлось погибнуть. Что ж, пожалуй, оно и к лучшему. Хотя я предпочел бы знать, что где-то еще есть люди.

– А они есть? – спросила Викторина.

– Думаю, да. Кажется, с некоторыми я даже встречался. С каким-то морским народом, с их королем и королевой. Но мне нелегко вспомнить. – Я беспокойно пошевелил пальцами. – Даже не вполне уверен, что разговариваю с вами. Возможно, я умер или умираю. Или я все еще внутри планеты. Это происходит на самом деле? Мы действительно говорим?

– Ты хотел увидеть нас снова? – спросила Николя, не ответив на мой вопрос.

– Да! – страстно ответил я.

– Даже притом, что мы принадлежим к той твоей жизни, которая не совсем настоящая?

– Она абсолютно настоящая. Не важно, как меня звали или откуда, как я считал, я родом. Для меня вы были важнее всего.

Женщины переглянулись – наступил деликатный момент.

– Сидра оставила нам и многое другое, – сказала Викторина. – В том числе средства, с помощью которых мы сейчас общаемся. Вряд ли это было бы возможно, учитывая, какое время и расстояние нас разделяет. Но Сидра сказала, что, если мы будем достаточно часто тебя вспоминать, говорить о том, каким ты был, и о том, что бы мы хотели тебе сказать, ее машина будет собирать все наши впечатления в пакет, а когда представится возможность, отправит его в космос, и ты сможешь принять его, где бы ни находился. Мы могли отправить его в любой момент, но в оставленных Сидрой инструкциях сказано, что важно дождаться, когда мы сможем создать инкантор.

– Он у вас есть?

– Пока нет, – улыбнулась Николя, видя мое замешательство. – Но гипометрическая машина уже готова к активации, только и ждет, когда прибудут образцы. Возможно, это случится через год или несколько десятилетий, но случится обязательно.

– Вы ее испытывали?

– Нет. Сидра предупредила, что активация может сработать как приманка для волков, так что нам не следует даже подходить к устройству, пока образцы не окажутся у нас.

– Вот мы и ждем, – сказала Викторина, сжав руку матери. – Ждем дня, который, как мы знаем, обязательно наступит. Спокойные годы проводим во сне, Солнечный Дол нам это позволяет. Он знает, что мы понадобимся ему в будущем. – Она вдруг слегка смутилась. – Мы подумали, что тебе стоит это знать, где бы ты ни был.

– Скажи ему, – подбодрила ее Николя.

Викторина застенчиво улыбнулась.

– Я та, кого выбрал Солнечный Дол, – послушно продолжила она. – Или, вернее, меня выбрала Сидра. Гипометрическое устройство будет подчиняться только мне, а когда оно создаст инкантор, я стану его хранительницей. Это не мой выбор – все решили за меня.

Я покачал головой, восхищаясь, каким чудесным существом стала моя дочь.

– Викторина – истребительница волков. Что ж… тебе вполне подходит.

– Глупостей я точно делать не стану, – сказала она так, будто я пытался ей возражать. – Мне вовсе не обязательно знать, на что способен инкантор, чтобы понимать: придется очень даже нелегко.

– Появятся и другие, – сказал я. – Да, наверняка будет тяжко, но знай, что ты не одна. Будут новые системы, новые инканторы,

новые истребители волков. Эх, если бы я мог быть рядом, помогать…

– Тебя сейчас уже не было бы в живых.

Такая прямота слегка меня позабавила. Это было вполне в духе Николя, как бы ни хотелось мне возложить вину на промах машины Сидры. За это я и любил когда-то жену. И сохранил часть той любви.

– Да, скорее всего. Сидра омолодила меня на своем корабле, но только потому, что я был нужен ей именно таким. Собственно, я даже не уверен, был ли в том смысл. Но пока мы не добрались до… этого места, она не могла знать, что потребуется от нас обоих.

– Где ты? – спросила Викторина.

Пришлось приложить усилия, чтобы вызвать в памяти название и осознать мое нынешнее положение, изменить которое я уже не мог.

– На планете, которая называется Харибда.

– И ты там умрешь? – с той же беспощадной прямотой, что и ее мать, спросила она.

– Возможно, я уже умер. Или умираю. Но мне точно известно, что Сидра получила от вас этот пакет, иначе бы я не мог ничего узнать. Однако наверняка это случилось много лет назад, если только не имело место некое нелепое стечение обстоятельств. Сидра не хотела, чтобы я узнал раньше.

– Считаешь, она поступила жестоко? – спросила Николя.

– Нет, скорее милосердно. Как ни странно.

– Тогда почему именно сейчас?

– Потому что у нас все получилось. Образцы инкантора уже внутри «Косы». И очень скоро эти образцы отправятся к вам. Они будут распространяться по всему космосу, принимаемые и обрабатываемые всеми гипометрическими устройствами, которые оставила на своем пути Сидра. На это потребуется время, многие десятилетия. Но даже если волки перехватят эти сигналы, опередить их не сумеют. И куда бы волки за ними не последовали, в конце пути их встретит инкантор.

– Но ты этого уже не увидишь.

– Нет. Но мне хватает того, что я уже узнал. И это намного больше, чем я заслуживаю.

– И ты называешь это милосердием? – спросила Николя.

– Да, – ответил я.

Что-то подсказывало, что я слишком задержался в гостях. Я уже собрался отодвинуть стул и покинуть общество Николя и Викторины, но жена положила ладонь на мою руку:

– Останься, Мигель де Рюйтер. Вспомни, что я сказала тебе на

прощание. Ты хороший человек, и тебя любят.

Викторина подтвердила слова матери кивком, и мы взялись за руки. Я снова сел, точно зная на этот раз, что могу остаться. Белый свет любви заполнял наши сердца, словно выплескиваясь в комнату и очищая своим сиянием все вокруг.

Примечания

Далее приводится ряд дополнительных сведений о вселенной Пространства Откровения, включая хронологию, ключевых персонажей (имеющих отношение к данной книге) и краткий глоссарий. Я также добавил несколько замечаний о внутренней связности хронологии, что, как я надеюсь, может представлять определенный интерес.

Краткая хронология вселенной Пространства Откровения и Фазы Ингибиторов

2190 – война между Коалицией и сочленителями на Марсе.

2205 – Невил Клавэйн переходит на сторону Галианы.

Ок. 2300–2500 – Прекрасная Эпоха, период завоеваний, колонизации и великого процветания. Достижение совершенства в релятивистских звездных полетах. Загрузка разумов. Заселение многочисленных планет за пределами Солнечной системы. Разделение человечества на множество различных группировок. Осознание того факта, что большинство чужих цивилизаций, вероятно, вымерли.

2510 – человеческий космос поражает плавящая чума.

2567 – человеческая активность в системе Ресургема запускает Фазу ингибиторов.

2675 – Невил Клавэйн умирает на Арарате.

2750 – Сидра покидает Хелу по пути к Солнечному Долу.

2791 – прибытие Сидры в Солнечный Дол.

2828 – встреча Сидры и Мигеля с леди Арэх.

2850 – маневр у Яркого Солнца и возвращение на Арарат.

2858 – события внутри Харибды.

2882 – Викторина получает образец инкантора.

Ок. 2900–3300 – человечество отражает нашествие волков, начинается вторая «Прекрасная Эпоха», пока появление зеленой саранчи не вынуждает человечество рассеяться.

Ключевые персонажи в хронологии

Бренниген, Джон – живший крайне долго человек, который в конце концов кибернетически слился с звездным кораблем «Ностальгия по бесконечности».

Клавэйн, Невил – родившийся в середине двадцать второго

века солдат, ставший значительной фигурой во время первой войны с сочленителями, сектой нейроученых во главе с Галианой, основавших экспериментальный комплекс на Марсе.

Галиана – номинальная глава движения сочленителей и союзница Невила Клавэйна после того, как он перешел на ее сторону.

Гидеон – выживший представитель личинок, разумных существ, которого жестоко эксплуатировали криминальные группировки Города Бездны.

Аура – дочь Аны Хоури, одна из членов команды «Ностальгии по бесконечности». Ввиду странных обстоятельств ее зачатия, Аура с рождения обладала большим объемом тактической информации об ингибиторах. Ее мозг содержал ряд элементов нейрокибернетической архитектуры сочленителей, что делало ее своего рода полусочленительницей.

Эльс, Рашмика – псевдоним, взятый Аурой.

Хоури, Ана – бывший солдат, наемный убийца и специалист по оружию на борту «Ностальгии по бесконечности».

Скорпион – гиперсвинья, близкий друг и союзник Невила Клавэйна.

Пинки – псевдоним, взятый Скорпионом.

Скади – безжалостный сочленитель, чьим методам яростно противостоял Невил Клавэйн.

Веда, Ирравель – капитан звездного корабля, которая совершила один из самых долгих релятивистских полетов в истории, отправившись на многие столетия в дальние просторы Галактики.

Вой, Сандра – политическая фигура движения демархистов, занявших умеренную примирительную позицию в войне против сочленителей. В ее честь был назван один из первых звездных кораблей сочленителей.

Вольева, Илиа – старший член команды «Ностальгии по бесконечности», наставница и впоследствии подруга Аны Хоури.

Избранный глоссарий

Арарат – почти полностью покрытая водой планета жонглеров образами на орбите Пи Эридана.

Бозер – энергетическая система, использующая когерентную (конденсат Бозе – Эйнштейна) материю, обычно имеющая лазер или пучок частиц в качестве прототипа.

Каназиан – язык, включающий в себя элементы кантонского и квебекского французского. Основной язык демархистов.

Город Бездны – крупнейшая агломерация в человеческом космосе, построенная вокруг источающей газ пропасти на негостеприимном во всех прочих отношениях Йеллоустоне. Экономически близко связан с Блистающим Поясом.

Коалиция за нейрочистоту – объединение консервативных государств, противостоящее технологиям усовершенствования разума.

Сочленители – человеческая группировка, интенсивно использующая мысленную связь. Появившись на Марсе, технология сочленителей сделала осуществимыми человеческие межзвездные полеты.

Привод сочленителей, или С-привод – реактивный двигатель, разработанный сочленителями и продававшийся различным клиентам, в том числе демархистам.

Криоарифметическое устройство – основанная на квантовых вычислениях охлаждающая система, использующая местные нарушения термодинамики. Изобретение сочленителей.

Темнопривод – модифицированный привод сочленителей, не создающий обнаружимых выбросов.

Демархисты – человеческая группировка, использующая имплантаты для достижения всеобщей демократии в реальном времени.

Блистающий Пояс – во времена до чумы кольцо из десяти тысяч поселений на орбите Йеллоустона.

Великая Марсианская стена – построенная на Марсе кольцевидная «атмосферная дамба» высотой двести километров, спроектированная европейскими демархистами под руководством Сандры Вой. При ее строительстве применялись самые передовые материалы. Разрушена войсками Коалиции накануне второй войны с сочленителями.

Гавань – планета-колония на орбите Глизе-687.

Хела – ледяной спутник в системе 107 Рыб, на орбите газового гиганта Хальдоры.

Гиперсвинья – химера свиньи и человека, обладающая разумом на уровне человеческого.

Гипометрия – класс технологий, включающих манипуляции пространством-временем на планковском и субпланковском уровне.

Ингибиторы – самовоспроизводящиеся роботы нечеловеческого происхождения, использующие кубические модули разного размера. Известны также как волки.

Субсветовик – любой большой космический корабль, скорость которого не превышает релятивистской.

Наномеды – субклеточная технология, обычно медицинской, а

не военной или кибернетической природы.

Плавящая чума – нанотехнологический вирус, вероятно, нечеловеческого происхождения, ответственный за крушение золотого века демархистов в 2510 году.

Гнездостроители – симбиотический разум, сохранивший способность путешествовать в космосе, несмотря на появление ингибиторов.

Норт – язык, включающий элементы английского и испанского.

Жонглеры образами – аморфные водные организмы, образующие единую информационную сущность. Жонглеры встречались на нескольких изолированных планетах, что намекает на некую ранее существовавшую программу по их расселению. Жонглеры записывают и дополняют нейрообразы разумных организмов, оказывающихся в их морях.

Криосон – технология криогенного замораживания, применяемая демархистами, сочленителями и ультра.

Рунглиш – язык, производный от элементов русского и английского.

Ржавый Пояс – во времена после чумы пояс из разрушенных и захиревших поселений, оставшихся на орбите Йеллоустона.

Гибернация – менее прогрессивная форма анабиоза по сравнению с криосном, применимая лишь на небольших временных интервалах.

Ультра – свободное анархическое объединение команд звездных кораблей (происходящих из различных группировок), которые проводят всю свою жизнь в рейсах, часто при релятивистских скоростях.

Йеллоустон – главная населенная планета в системе Эпсилона Эридана, местонахождение Города Бездны.

Замечание по хронологии

Когда я начинал работу над этим романом, у меня имелся черновой сюжет, который, как я надеялся, впишется в существующую хронологию событий, изложенную в других книгах и рассказах, чье действие происходит во вселенной Пространства Откровения. Но столь просто все оказывается крайне редко.

Главные события, положенные в основу этого романа, действительно в общих чертах соответствуют существующему канону, так как по большей части происходят после «Пропасти искупления», являвшейся ранее последним романом в серии.

Единственное исключение – обрамляющие события из «Пропасти», действие которых отнесено дальше в будущее, примерно в 3300 год.

Трудности возникают на более поздних этапах действия романа, когда встает вопрос о том, как они соотносятся с хронологией рассказа «На севере Галактики».

Сюжет рассказа включает общение Ирравели Веда с представителем гнездостроителей на орбите звезды в скоплении Гиад в 2931 году. Из обсуждения, в котором участвует Ирравель, явно следует, что люди уже применили оружие гнездостроителей против ингибиторов, как они и намерены поступить в 2858 году, в финале «Фазы ингибиторов». Может показаться, что эти даты никак не противоречат друг другу, но при более близком рассмотрении возникает определенная сложность.

Хотя с точки зрения Ирравели речь может идти о 2931 годе, самые поздние новости, которые она могла бы получить с родины, относятся примерно к 2780 году, на полтора столетия раньше. Причина заключается в том, что звездное скопление Гиады находится намного дальше любых локаций, которые мы посещаем в этом и других романах.

Первый и наименее проблематичный выход – предположить, что соответствующий фрагмент повествования Ирравели содержит ошибку. Следующий фрагмент отстоит от него еще на четыреста лет, чего вполне достаточно, чтобы скорректировать хронологию, не нарушая последовательность событий.

Второй возможный подход заключается в допущении: поскольку Ирравель удаляется все дальше и дальше от Земли, она решила, что ей больше незачем синхронизировать свои часы с какой-либо локальной системой отсчета. В этом случае, хотя она и упоминает о 2931 годе, реальная дата, когда до нее доходит сигнал, может быть ближе к 3080 году с точки зрения земного наблюдателя. Последующие даты в ее повествовании можно обосновать тем, что Ирравель делала остановки, следовала кружным путем или просто передумала.

Что касается обрамляющих событий «Пропасти искупления», они по-прежнему согласуются с хронологией вне зависимости от любого из вышеупомянутых допущений.

Музыка чумы
Рассказ

Волантор снижался в атмосфере Города Бездны.

Летательный аппарат выписывал замысловатую извилистую траекторию среди густой мешанины пораженных чумой зданий. Из брюха машины били лучи прожекторов, прорезая пелену дождя, тумана и дыма, отражаясь от препятствий. Казалось, уходящим вниз уровням города не будет конца, как и всевозможным хитросплетениям архитектурных мутаций.

Взволнованно прильнувший к иллюминатору юноша внезапно ощутил приступ головокружения. Мериньяк всегда плохо переносил высоту – именно потому он и выбрал эту работу, хотя ему предлагали и другие варианты. Его уверяли, что стерилизационные бригады работают на самых нижних уровнях.

Неужели ему солгали?

Наконец в свете направленных вниз прожекторов появилось некое подобие ровной поверхности – уступ, торчавший скорее из стены одного из зданий, чем из настоящего основания города. От него уходили пандусы и мосты к другим уступам и площадкам, расположенным примерно на той же высоте. Ниже этого уровня имелись и другие – темные, окутанные туманом. В нескольких кварталах виднелся ближайший край нескончаемой Бездны, естественной пропасти, вокруг которой вырос город. Мериньяка затошнило при мысли о том, какие чудовищные глубины простираются под ним. Но если держаться широких площадок, подумал он, подальше от краев, не так уж сложно забыть о пустоте внизу.

– Черт! – бросила Моллой, раздраженно щелкнув пальцами. – Твои бумаги. Совсем забыла.

Гриер поднял взгляд, поправляя дыхательную маску.

– Ты только теперь решила их проверить?

– Если что, шею намылят мне, а не тебе, – буркнула Моллой.

Мериньяк нашарил документы, которые взял на орбите. Моллой разгладила их голой ладонью – тяжелые огнеупорные перчатки лежали у нее на коленях. Она была в бригаде начальницей, а Гриер – вторым по опытности.

Мериньяку не рассказали, что случилось с тем, кого он сменил.

– С Окраины Неба? – спросила Моллой.

– Да, – настороженно ответил юноша.

Она постучала по бумаге обгрызенным ногтем:

– Тут сказано, что ты был солдатом.

Он небрежно пожал плечами:

– Другую работу не так-то легко найти.

– Почему ушел?

Он взглянул на коротко выбритую, без единого шрама голову Моллой:

– Предоставилась возможность, вот и воспользовался.

– Предпочел поменять зону боевых действий на зачумленную задницу мира?

– По крайней мере, чума не пытается никого убить только за то, что он родился не на том краю полуострова.

Моллой медленно кивнула, похоже соглашаясь с логикой. Хуже солдатской жизни, пожалуй, и впрямь нет ничего.

– Что ж, он чист. Добро пожаловать в бригаду, Небесный Мальчик. Старайся не напортачить, и можешь вполне вписаться. – Она начала надевать перчатки. – Гриер, план работ у тебя?

– Угу. В общем, ничего сложного. Только три зачистки, все в одном секторе.

Она уже с хрустом натянула дыхательную маску, поэтому голос зазвучал приглушенно. Мериньяк услышал незнакомое слово.

– Спрокеры?

– Может, один или два… Почти наверняка два.

– Ты вроде сказал, что ничего сложного?

– С ними проблем быть не должно. – Гриер похлопал по карману огнеупорного комбинезона. – Для первого, который в здании номер два, у меня припасен ассоциативный тест. Заодно введем Небесного Мальчика в курс дела.

– А второй?

– В здании номер три. Судя по данным предыдущей бригады, неактивен. Справимся с легкостью.

– Все равно терпеть не могу спрокеров. Черт побери, подсунули нам двух в одну смену, да еще новичка в придачу! Есть чему радоваться. – Моллой указала на свое плечо. – Проверь-ка вентили – правый, похоже, ослаб.

Гриер завозился с бронированными кислородными шлангами, шедшими от ранца на спине Моллой к ее дыхательной маске.

– Что такое спрокер? – спросил Мериньяк.

Остальные рассмеялись: Гриер с добродушным сочувствием, Моллой с презрением.

Они помогли новичку облачиться в защитное снаряжение, затем все трое спустились по пандусу, выдвинувшемуся из брюха

волантора. Каждый тащил нагруженную оборудованием волокушу. Когда они спустились на поверхность уступа, Моллой просигналила волантору, и тот быстро скрылся среди верхних уровней.

Пару минут они возились с волокушами, убеждаясь, что снаряжение надежно сбалансировано и привязано. Мериньяку ничего не объясняли. Впрочем, этого и не требовалось – почти во всем смог бы разобраться даже ребенок. В экипировку входили средства для разрушения зданий, от кувалд и топоров до мощных дрелей и пластиковой взрывчатки, а также баки с горючим для огнеметов и сами огнеметы – длинные, ребристые, похожие на ружья. Выглядели они простыми в применении: подкручивай регулятор да жми на гашетку. В волокуше Мериньяка, кроме огнеметов, баков и кувалд, путешествовала изрядная груда электрических приборов и кабелей, защищенных от дождя импровизированным навесом.

Мериньяку пришло в голову, что он еще не дышал воздухом Города Бездны вне помещений. Пока Гриер и Моллой изучали защищенную от дождя карту, прокладывая путь к первому зданию, он откинул капюшон и снял дыхательную маску.

Он осторожно вздохнул, и сразу захотелось откашляться. Город был поражен болезнью, а его атмосфера – просто омерзительна. Дождь ничем не помогал, он лишь обжигал глаза и оставлял на перчатках ржавый осадок, похожий на наждак.

Юноша поплевал на очки, протер их и снова надел маску, постаравшись не оставить ни малейшего зазора.

– За мной, – сказала Моллой, впрягаясь в волокушу.

Первая запланированная остановка показалась почти рутинной.

До нее добрались минут за сорок, двигаясь вверх и вниз по пандусам и мостам, порой подходя достаточно близко к осыпающимся краям, но все же не настолько, чтобы у Мериньяка всерьез кружилась голова. Очки заливало потом, мышцы и суставы болели от напряжения. Тащить волокушу по неровной, мокрой поверхности было нелегко. Защитный костюм, покрытый толстым огнеупорным слоем, как будто осознанно сопротивлялся его усилиям.

У подножия здания Моллой и Гриер остановились и посмотрели на догонявшего их Мериньяка. За очками Моллой блестели глаза – единственная часть ее лица, которую он мог видеть.

– Уже утомился, Небесный Мальчик?

Он поднял руку в перчатке:

– Все в порядке. Просто приспосабливаюсь.

– Я думала, солдат должен быть покрепче.

– Я лишь несколько дней назад пробудился от криосна. – Он добавил голосу жесткости. – Справлюсь.

– Постарайся. Любая оплошность может стоить жизни. Скоро тебе предстоит поливать все вокруг огнем.

Он посмотрел назад, откуда они пришли:

– Почему нас не высадили поближе?

– Единственная прочная поверхность – тот уступ, – ответил Гриер. – Здесь, в окрестностях Бездны, все обветшало. Когда мы зачистим эту зону, сюда придут инспекторы и посмотрят, что можно укрепить, а что придется снести под новую застройку. В одном можно не сомневаться: кто-то на этом обязательно заработает.

Мериньяк взглянул на стену здания, чей верх терялся в тумане. Она напоминала дерево с разросшимися корнями; виднелись неосвещенные окна, разбросанные в странном беспорядке. Мериньяк предположил, что когда-то они располагались ровно, но мутация исказила симметрию здания, подобно тому как болезнь уродует человеческое лицо.

Гриер посветил фонарем в промежуток между двумя крупными «корнями». В сумраке виднелась широкая, заколоченная досками стеклянная дверь. Рядом с ней было что-то намалевано отражающей краской прямо на стене здания.

– Видишь? – спросила Моллой.

– Вижу.

– Это оставленная бригадой метка, Небесный Мальчик. Придется тебе научиться их читать, если хочешь, чтобы от тебя была хоть какая-то польза.

Мериньяк не находил ни малейшего смысла в неровных символах, отдаленно смахивавших на письменность.

– Что там написано?

– Версию для идиотов?

– Да, пожалуйста.

Моллой вздохнула, будто ответ требовал от нее геркулесовых усилий и воли.

– Это здание зачищено бригадой Бизли. Они подтверждают, что объект готов к стерилизации. Тут еще сказано, что они не довели дело до конца – закончилось горючее. Так что огненное чистилище должна устроить следующая бригада, то есть мы.

Мериньяк окинул взглядом здание:

– Мы что, должны сжечь тут все дотла?

Моллой повернулась маской к Гриеру.

– Он и впрямь совсем зеленый, – фыркнула она.

Гриер усмехнулся, но все же объяснил с некоторым снисхождением к новичку:

– Нет, мы не будем сжигать здание целиком. Для этого потребовалось бы куда больше, чем эти огнеметы и резервуары с горючим. Наша задача – обеспечить безопасность инспекторов и тех, кто будет работать после них, а для этого нужно выжечь последние следы чумы. В метке сказано, что команда Бизли провела внутреннюю зачистку, а для более высоких уровней необходимы специалисты. Все, что от нас требуется, – стерилизовать самый низ, снаружи.

– Раз так, это весьма полезная информация, – решил Мериньяк.

– …Когда научишься ее читать, – сказала Моллой и сразу поправилась: – Если научишься. Тогда ты поймешь, что в ней содержится до черта больше. Важно не только то, что написано, но и как оно написано. В послании от Бизли есть оттенок самодовольства. Тут не просто говорится; «Вот что вам нужно сделать», а скорее: «Смотрите, что мы вам оставили, котики. Надеемся, для вас это не чересчур, засранцы».

– Между бригадами существует здоровое соперничество, – пояснил Гриер. – Это способствует производительности. И надо сказать, мы выкладываемся на полную катушку, но и получаем сполна. Верно, Молли?

– Мы это заслужили, – мрачно произнесла Моллой. – Даже несколько раз. А бригада Бизли – нет.

Подойдя к своей волокуше, она взяла огнемет. Гриер последовал ее примеру. Мериньяк внимательно наблюдал и тщательно копировал их действия. Проверить бронированные шланги подачи топлива, открыть предохранительные вентили, подвигать гашетку и регулятор топливной смеси, убедиться, что они не заклинят, особенно при подаче горючего на полную мощность. Что-то подсказывало ему, что Моллой или Гриер недавно совершили какую-то оплошность, дорого им обошедшуюся.

– Сперва запал. – Гриер показал Мериньяку, как зажечь огонек на конце огнемета. – Потом медленно прибавляй пламя и бери поправку на ветер. Вряд ли ты хочешь, чтобы огонь загнулся тебе за спину.

Они направили огнеметы в небо. Пламя имело весьма своеобразный голубоватый оттенок, переходивший ближе к середине струи в темно-пурпурный, который, в свою очередь, превращался в странно пляшущую черноту. Пламя удлинялось метр за метром, пока не уподобилось голубому полотнищу длиной метров десять-двенадцать.

На фоне этого полотнища искрились капли дождя, оно непредсказуемо выгибалось и колебалось под порывами ветра, будто удерживаемая за хвост змея.

Огонь уничтожил часть тумана вокруг людей и над ними, обнажив стены здания.

– Видишь серебристые волокна? – сказала Моллой, направляя пламя в сторону стены. – Это прожилки чумной материи, вышедшие на поверхность. Направляй огонь туда, где эти узлы потолще всего. Как только вспыхнут, они сгорят сами. Не трать горючее зря – мне вовсе не хочется остаться без него, как случилось с Бизли.

Мериньяку разрешили попробовать первым, в качестве своего рода испытания. Опуская огнемет, пока пламя не стало почти горизонтальным, он ослаблял давление на гашетку, уменьшив длину струи до управляемых восьми или девяти метров. Шаг за шагом продвигаясь вперед, коснулся голубым языком похожего на нервный узел места, где сходились серебристые волокна, и замер, дожидаясь, когда чумная материя нагреется до температуры возгорания. Наконец серебро занялось голубым огнем, который начал медленно, но неуклонно распространялся вдоль волокон.

Отступив назад, Мериньяк выбрал другой сгусток. Моллой и Гриер молча наблюдали за ним. Минуту спустя они опустили огнеметы и включились в работу, поражая узлы, успевшие отползти в сторону от уже испепеленных.

Судя по молчанию старших сжигателей, Мериньяк успешно прошел испытание – или, по крайней мере, не провалил его.

Закончив жечь, Моллой отстегнула от пояса несколько разноцветных аэрозольных баллончиков и нанесла сообщение поверх оставленного предыдущей бригадой. Ее метка отличалась от первой, но явно состояла из элементов того же шифра.

– Черт бы тебя побрал, Бизли, – услышал Мериньяк ее голос. – Только попробуй еще раз отлить на нашей грядке…

Гриер сверился с картой, поворачивая ее то так, то этак, пока не добился нужной ориентации. Все впряглись в волокуши и направились к следующему зданию.

– Так чем ты занимался на войне, Мериньяк? – спросил Гриер, будто они уже стали старыми друзьями.

– Расскажите про спрокеров, – ответил тот. – А я расскажу вам про Окраину Неба.

Рассказ Мериньяка не изобиловал подробностями, но вполне удовлетворил слушателей. К его облегчению, вопросы (большинство которых задал Гриер) сводились лишь к общим местам.

Он рассказал, что служил солдатом в Северной коалиции, будучи последним оставшимся в живых сыном в семье, истребленной во время вторжения Южного ополчения.

– Какое-то время я служил в отряде Кесслера, но вскоре оттуда ушел. Я патриот и горжусь этим, но даже я понимал, что Кесслер слишком неразборчив в средствах.

– Надо полагать, тебя призвали? – спросила Моллой таким тоном, будто оценивала Мериньяка как личность.

– Нет, я пошел добровольцем. Южане убили моих братьев, а потом лишили меня отца. Я был слишком юн, чтобы пойти на войну, когда моя мать овдовела, но с тех пор считал дни.

– Твоя мать не возражала? – спросил Гриер.

– Как ты наверняка догадываешься, возражала. – Мериньяк со стоном навалился на волокушу, переводя дыхание. – Но она уважала мое решение исполнить долг перед семьей, хотя после смерти отца я автоматически освобождался от призыва. – Он снова застонал, пытаясь удержать норовившую опрокинуться волокушу, скрежетавшую полозьями по неровной поверхности. – Я видел отца. Его пытались вылечить в частном госпитале, но раны оказались слишком серьезны, и жизнь в нем поддерживали исключительно в медицинском смысле, чтобы изъять некоторые органы и отправить их в полевые клиники. На Окраине Неба только тяжелораненые имели шанс отправиться домой или хотя бы подальше от линии фронта.

– Вроде я понимаю, почему Город Бездны не так уж сильно тебя потряс, – сказал Гриер.

– Как я уже говорил, мне повезло – выпал шанс уйти. Среди призывников и добровольцев устраивалась лотерея, как бы для того, чтобы вселить надежду. Время от времени один из нас получал место на корабле, летевшем к какой-нибудь планете получше.

– Надо думать, ты бы предпочел домой вернуться, – предположила Моллой.

– Нет, – ответил Мериньяк. – Ни малейшего желания. Да и что мне там делать? Мать умерла, могилы братьев превратились в груды камней. Я исполнил долг перед Севером. И когда увидел свое имя в списках кандидатов на криосон, я согласился.

– Сожалею по поводу твоей матери, – посочувствовал Гриер.

Моллой усмехнулась, но промолчала.

– Ее погубила не война, – сказал Мериньяк. – Всего лишь болезнь. Но ведь болезнь – последствие войны. Наверное, мать была бы рада, узнав, что я ушел из армии. Хоть и не вернулся к ней.

– Ты часто о ней думаешь? – спросил Гриер.

– Для меня все затмила смерть отца. Но когда я был маленький и матери приходилось сообщать мне о гибели брата… она пела колыбельную и говорила, что в конце концов все будет хорошо. – Мериньяк с трудом перетащил волокушу через черную расщелину, в которую вполне можно было провалиться. – Она очень красиво пела, я никогда этого не забуду. – Словно разрушая чары собственных слов, он закончил: – Я свое рассказал. Теперь хочу услышать про спрокеров.

Подняв голубые факелы, они вошли в помещение, когда-то бывшее вестибюлем с высоким потолком; но теперь здесь царила гнетущая влажная духота, будто в теплице. На всех уровнях его пересекали росшие из стен ветвеподобные образования, которые уходили все выше и выше, становясь все запутаннее и непроходимее. В здании не осталось работающих источников энергии и осветительных приборов, но откуда-то сверху просачивалось серое сияние. Внутрь проникал и дождь – с ветвей стекала влага, многие из них поросли чем-то вроде блестящего мха.

– Нам придется туда подняться? – спросил Мериньяк, пытаясь придать голосу деловитый тон.

– Вызываешься добровольцем? – спросила Моллой.

– Пожалуй, я предпочел бы остаться тут.

Они потащили волокуши в вестибюль, пригибаясь под низкими ветвями. Просевший пол походил на неглубокую чашу, заполненную по щиколотку серой жидкостью. Мериньяк не сводил взгляда с приборов на волокуше, убеждаясь, что они остаются над водой. Очки опять запотевали, но он решил не снимать маску, желая выглядеть не хуже остальных.

В серой воде что-то пошевелилось, заставив его подпрыгнуть. Глядя на плавные обводы гибкого существа, плывущего у самой поверхности, Мериньяк наклонил огнемет. На мгновение ему вообразилась смертоносная змееподобная тварь с Окраины Неба.

– Спокойно, – насмешливо сказала Моллой. – Это всего лишь крыса. В последнее время они стали крупнее, но проблема не в них.

Они пробрались под низко нависающей толстой балкой, зайдя глубже в воду, затем двигались вверх по пологому склону, пока вода снова не стала по щиколотку, – уж точно слишком мелко для всяких плавающих чудищ.

Что-то ухватило Мериньяка за ногу. Он едва не упал, ахнув от страха. Его сапог запутался в кабелях, вероятно оставленных одной из предыдущих бригад. Высвободившись, он молча двинулся вперед.

Мериньяк с облегчением вздохнул, когда они добрались до цели. Моллой провела своих подчиненных сквозь хаос к задней стене здания, примерно напротив того места, где они вошли. Здесь свет был еще тусклее. Дождь не сочился каплями, а падал непрерывными струями, что казалось Мериньяку уже чересчур. Вода заливала все поверхности, висящие в воздухе капли образовывали голубые ореолы вокруг запалов огнеметов.

– Проснись, дружок! – выкрикнула Моллой.

Спрокером оказался мужчина, наполовину погребенный в стене. Казалось, будто пытается вырваться, как будто стена – вертикальное море, а сам он – тонущий пловец. Видна была только верхняя часть тела – грудь, вскинутые руки, голова, тянущаяся за последним глотком воздуха, прежде чем жертва будет проглочена зданием. Спастись человеку не удалось, но отчаянного усилия оказалось достаточно, чтобы он уподобился статуе, отлитой из свинца. Лицо походило на маску – пустые глазницы, неглубокая впадина рта. Там, где тело и одежда встречались со стеной, виднелись причудливые серебристые узоры, как будто человек продолжался в архитектуре и его нервная система срослась с сетью органов здания, ответственных за ощущения и реакции.

Люди подошли ближе, подняв огнеметы. Отблески и тени спрокера словно двигались в свете пламени, создавая впечатление, что человек вжимается в стену, пытаясь то ли распластаться по ней, то ли полностью в нее погрузиться.

– Этот не сдастся, – сказал Гриер.

– Разве не все они сопротивляются? – спросил Мериньяк.

– По-разному бывает. Некоторые выглядят отчаявшимися, они знают, что их ждет, и не сопротивляются. Другие сдаются даже охотно, как будто для них это избавление. Никогда не знаешь, что творится у них в башке.

– Обычно нам и не хочется этого знать, – оборвала дискуссию Моллой. – Положи огнемет, Мериньяк. Можешь помочь мне с тестовыми проводами? Расчисти входы, а то они уже заросли.

Он снова закрепил огнемет на волокуше, оставив, однако, голубой огонек запала. Моллой последовала его примеру, затем начала разматывать с катушки электрический кабель. Мериньяк снял с волокуши дрель – массивный инструмент с рукояткой на зубчатом колесе.

Предыдущая бригада уже просверлила в спрокере входные отверстия, пять белесых углублений – одно в черепе, два в груди, еще два в предплечьях. Присутствовавшая в спрокере активная плавящая чума уже начала их заживлять, и требовалось рассверлить, чтобы Моллой могла ввести зонды.

Взяв дрель, Мериньяк собрался с духом и закрутил рукоятку. Из-под медленно вращающегося сверла полезли серебристые завитки, ничуть не похожие на человеческую плоть, – казалось, спрокер сделан из мягкой блестящей глины. Чума полностью метаморфизировала человека, и то, что от него осталось, напоминало скорее ископаемое, чем труп.

Завершив работу, Мериньяк отступил назад.

Фыркнув, Моллой осмотрела входные отверстия, но, похоже, не сумела найти никаких изъянов. Она плотно вставила в каждое зонд, от которого тянулся кабель к аппарату на волокуше Мериньяка, а потом щелкала переключателями и крутила ручки, глядя на размытые волнистые линии на темных экранах. Навес защищал неидеально – дождь все же попадал на приборы. Вспыхивали искры на неизолированных контактах, слышались гудение и треск. Многие разъемы и кабели носили следы ремонта на скорую руку, с помощью изоленты. Моллой стукнула сбоку по постоянно гаснущему экрану, будто наказывая непослушного ребенка.

Откинув капюшон, Моллой надела потертые наушники. Волосы на ее гладком, без единого шрама черепе были подстрижены почти под ноль.

Мериньяк почувствовал, как зашевелились волосы у него самого.

– Мать, – повысив голос, заговорила Моллой. – Отец. Ребенок. Дом. Школа.

Гриер наблюдал за светящимися линиями.

– Ничего.

– Работа, – продолжала Моллой. – Общество. Капитал. Престиж.

– Пока только шум.

– Восхищение. Уважение. Город. Блистающий Пояс.

– Все то же самое.

Моллой попробовала произнести те же тестовые слова на нескольких других языках, помимо каназиана. Гриер сообщил, что изменения потенциалов не наблюдается. Моллой переключилась на специфические ассоциации.

– Викторина, Гладиус, Нервал-Лермонтов, Наблюдательные высоты, Бастион Третьего округа и Внешняя периферия. Летние Водопады и Белый Взгляд. Беспристрастный Нож. Делегация Ртути и встреча с Тропическими Сестрами.

– Ничего, – сказал Гриер, но с едва заметным сомнением. – Хотя… возможно, что-то мелькнуло при Нервал-Лермонтове. Попробуй еще раз.

– Сивилла, Викторина, Нервал-Лермонтов,

Наблюдательные…

Гриер покачал головой:

– На этот раз ничего.

Моллой постучала по наушникам:

– Только шум ветра и помехи. Думаю, пора отключаться.

Сняв наушники, она снова накинула на голову капюшон, отсоединила и смотала тестовые провода. Отключив гудящее оборудование, она взяла с волокуши огнемет, на конце которого все так же подрагивал запал, и подняла, словно намереваясь обрушить пламя на спрокера, но повернулась к Мериньяку:

– Давай, развлекись.

Он снова взял свой огнемет:

– Точно?

– Точно.

Моллой и Гриер отошли назад, подняв огнеметы, будто факелы на тайной церемонии посвящения. Мериньяк подошел ближе к спрокеру, крепче сжал приклад и открыл вентиль. Огненные языки окутали жертву, начав слизывать ее с краев, там, где из стены появлялись человеческие очертания. Затем пламя вспыхнуло ярче, пожирая добычу значительно быстрее, чем до этого чумные волокна.

Мериньяк старался изо всех сил. Огонь нагревал его маску и очки, обжигал кожу. Капли дождя в свете пламени блистали подобно кобальтовым самоцветам. Спрокер плавился, от него отваливались кусок, и он уже не походил на человека – бесформенный окутанный пламенем обрубок, с каждой секундой уменьшавшийся в размерах.

Наконец плеча Мериньяка коснулась рука в тяжелой перчатке.

– Достаточно, – сказала Моллой. – Их еще будет немало.

– Вам когда-нибудь доводилось ошибаться? – спросил Мериньяк, когда они шли к третьему зданию.

В голосе Моллой тотчас появилась подозрительная нотка.

– Например?

– Ну, не знаю… Тесты, которые вы проделывали над спрокером, словесные ассоциации… Они всегда надежны?

– В каком смысле? – уточнил Гриер.

– Вы проверяли спрокера на разумность, на следы его прежнего сознания. Что, если в нем остался разум, но вы просто не сумели подобрать нужные слова-триггеры? Или не хватило чувствительности приборов, чтобы уловить реакцию?

– Если приборы ее не улавливают, значит ее нет, – сказал Гриер.

Мериньяк вспомнил, как искрилось и трещало оборудование под дождем. Каким же потрепанным оно выглядит, собранное будто из не стыкующихся между собой частей.

– То есть никогда не случалось такого, чтобы следы разума остались незамеченными? – Он постарался обобщить вопрос, чтобы лишний раз не обидеть Моллой и Гриера, а затем сам же ответил: – Хотя какая разница, если здание все равно сжигают?

– Взгляни на это с другой стороны, – посоветовала Моллой. – Если бы ты был одним из этих несчастных пленников здания и какая-то часть тебя оставалась жива… но ты не мог бы ничего сказать или сделать, не имел бы возможности общаться с внешним миром? Черт побери, да разве это жизнь? Не предпочел бы ты, чтобы тебя сожгли?

– Думаю, я все же хотел бы иметь возможность выбора, – задумчиво ответил Мериньяк.

– Выбор – роскошь, – сказал Гриер. – Мы уже через это прошли.

Они добрались до третьего здания и, пройдя по короткому коридору с низким потолком, оказались в главном атриуме. Остановив волокуши, посветили вокруг фонарями.

Внутри на этот раз было сухо, с высокого куполообразного потолка не лил дождь и на полу не собиралась вода. Вместо обычного шума дождя откуда-то издали доносилось нечто вроде негромкого, постоянно меняющегося стона, причем не только сверху, но и со всех сторон. Мериньяк не помнил, чтобы снаружи дул сильный ветер, но здесь явно имело место движение воздуха, усиливаемое пронизывавшими здание каналами и сопровождавшееся почти мелодичным завыванием.

Благодаря открытому пространству атриума найти спрокера оказалось легче, чем в прошлый раз. Это была женщина, похожая на произведение искусства, в распоряжение которого, как истинному шедевру, предоставили целый зал. Как и первый спрокер, она находилась на уровне входа и тоже частично сливалась со стеной.

На этом сходство заканчивалось.

Мериньяк первым увидел ее, осветив фонарем и голубым огоньком запала. Он замер, как будто его сковал паралич.

Она была не просто хороша собой, даже мертвая. Вряд ли на своем веку Мериньяк видел настолько красивую женщину; он и представить себе не мог, что такая красота вообще способна существовать.

Он был не в силах моргнуть, даже отвести взгляд хотя бы на мгновение – такое действие казалось ему преступлением против

природы.

Если первый спрокер был застигнут в миг отчаянной борьбы, пытаясь вырваться из пожиравшей его стены, то спокойствие этой женщины свидетельствовало о совершенно ином. Она вообще не сопротивлялась – в ее позе и выражении лица Мериньяк чувствовал даже не апатичную покорность, а почти страстную, близкую к экстазу готовность отдаться.

Красавица не просто смирилась со своей трансформацией, но приняла ее со всем пылом и алчностью податливой любовницы. Впрочем, подумал Мериньяк, кто сказал, что последними ощущениями умирающего мозга обязательно должны быть мучения и страх, а не наслаждение и радость?

Видны были около двух третей ее фигуры, застигнутой не столько в попытках вырваться из стены, сколько погрузиться в нее, будто стена была благоухающим водопадом и женщине хотелось продлить мгновения восхитительной прохлады, в полной мере насладиться всеми ее умиротворяющими нюансами. Чума окрасила кожу в переливчатый зеленый цвет (или, возможно, та была зеленой изначально), и всю красавицу, за исключением головы и шеи, в изобилии окутывали листва и плоды – мерцающие зеленые листья, лозы и гроздья, отсвечивающие тем же металлическим блеском, что и она сама. Женщина безмятежно улыбалась, а ее взгляд, казалось, был устремлен куда-то в сторону, под каким бы углом Мериньяк ни пытался ее рассмотреть.

Первое потрясение от ее красоты прошло, но его все еще била дрожь, и он не мог понять, что за странная алхимия света и форм воздействует на него с такой силой. Ни одно живое существо не производило на него такого впечатления, как этот труп.

Если она в самом деле труп.

– Небесный мальчик влюбился, – сказала Моллой.

Что-то в нем надломилось, и он резко развернулся, замахиваясь, чтобы сбить маску с лица Моллой. В последнее мгновение Мериньяк опомнился и разжал кулак, тщетно пытаясь скрыть свое намерение.

– Дрель, – нервно проговорил он. – Дай мне дрель, черт побери! Ты же сама говорила, что у нас мало времени.

Моллой пристально посмотрела на него, наверняка догадавшись, что он собирался сделать, и в ее взгляде появилось нечто новое: не столько уважение, сколько неохотное понимание, что она переступила черту и впредь с ним следует быть поосторожнее.

– Да, конечно, – медленно проговорила она. – Дрель. Держи.

Мериньяк резко выхватил инструмент из ее руки.

Если эту женщину-спрокера и сверлили раньше, то отверстия полностью затянулись. Ему не хотелось нарушать ее идеальные формы, но он не мог позволить, чтобы это сделали Моллой или Гриер. Подобно хирургу, вынужденному проводить мучительную операцию на человеке и старающемуся причинить как можно меньше вреда, Мериньяк приступил к работе. Он выбрал места подальше от безупречно привлекательного в своей неподвижности лица, просверлив пару отверстий сквозь покров листьев и винограда ниже шеи, и еще пару выше лба, где металлическая листва образовывала нечто вроде высокой складчатой короны. Еще одно проделал в груди, там, где маняще высовывалась из листвы ее рука, словно приглашая последовать за красавицей внутрь стены. Всего пять отверстий, как и у первого спрокера; если этого хватило тогда, решил он, то наверняка хватит и сейчас.

– Дальше уже твоя работа, – сказал он Моллой, опуская дрель.

С сомнением окинув взглядом результаты его труда, она занялась лежавшим на волокуше оборудованием. Размотав пять проводов, погрузила зонды в просверленные Мериньяком отверстия, легким постукиванием загоняя внутрь до упора. Потом щелкнула тумблерами питания, и снова засветились экраны и циферблаты. Когда один из них закапризничал, Моллой несколько раз пошевелила контакт. Наконец прибор перестал трещать и мигать, и шкала озарилась ровным светом.

Моллой надела наушники и встала рядом со спрокером.

– Мать. Отец. Ребенок. Дом. Школа.

Стоявший у волокуши Гриер, прищурившись, глядел на приборы.

– Ничего.

– Работа. Общество. Капитал. Престиж.

– Ничего.

– Восхищение. Уважение. Город. Блистающий Пояс.

– То же самое.

Моллой сняла наушники.

– Опять ничего. Ладно, давайте жечь.

– Погодите, – сказал Мериньяк, удивленный столь быстрой постановкой диагноза. – С первым вы проводили больше тестов. Там были какие-то ключевые слова, куда конкретнее, чем все эти общие ассоциации.

– У нас нет их для каждого спрокера, – ответил Гриер. – Нам даже почти всегда неизвестно, кем были эти люди, чем занимались или с кем водили знакомство. Чума уничтожила девяносто девять процентов информационной базы этого сектора.

Тот предыдущий спрокер – один из редких случаев, когда у нас имелись какие-то биографические сведения.

– Но нужно ведь хоть что-то попробовать, – сказал Мериньяк. – Не можем же мы обречь ее на гибель только потому, что она никак не реагировала на первый набор ключевых слов.

– Нам некого обрекать на гибель, – ответила Моллой, проходя мимо него, чтобы вытащить зонды из отверстий. Но, уже протянув к ним руку, она поколебалась. – Впрочем, если ты и в самом деле хочешь сделать все возможное, никто не станет тебе мешать. Давай, Небесный мальчик, проделай дыру до самой мозговой коры, прямо между глаз.

Мериньяк хмуро посмотрел на нее:

– Не хочу.

– Угу, мы заметили. Но раз уж зашла речь о том, чтобы сделать все возможное… – Моллой потянулась к дрели в его руках. – С радостью сделаю это за тебя, раз уж тебе не хватает смелости.

Мериньяк направил дрель в потолок, как дуэльный пистолет.

– Нет, я сам. Только не ты.

Моллой отошла назад, выставив ладони в знак капитуляции.

– Пожалуйста. Только сверли поглубже, если хочешь получить какой-то результат. Убедись, что добрался до того, что еще не успело протухнуть.

Под взглядом Гриера, явно довольного, что Моллой и Мериньяк сумели разобраться между собой без его участия, Мериньяк собрался с духом, чтобы совершить святотатство. Слегка присев, он склонился к женщине и впервые увидел вблизи ее лицо. От его красоты перехватило дыхание, и он вдруг осознал, что перед ним стоит куда более сложная задача. И хотя ее лицо теперь находилось прямо напротив него, невидящий зеленый взгляд продолжал ускользать, словно она не осмеливалась посмотреть ему в глаза.

Дрожащими руками Мериньяк поднял дрель, прицелившись над самым носом женщины, нажал на ручку, и машинка застрекотала. Он коснулся сверлом кожи, убеждая себя, что причинит лицу лишь незначительный ущерб, оставив следы не крупнее родинок.

Сверло соскользнуло, прочертив блестящую борозду над бровью. Вздрогнув от ужаса, Мериньяк отдернул дрель.

Из-под маски Моллой послышался смешок.

– Начинай снова, – кашлянув, сказал Гриер. – Помедленнее. Нажимай, но не сильно. Пусть дрель делает все сама.

Мериньяк повредил лицо женщины, но не разрушил его красоты. Что, если блестящая рана создала идеальный контраст

со всем остальным, добавив несовершенство, которого прежде недоставало?

– Не спеши, Небесный мальчик.

Мериньяк крепче сжал дрель и начал заново, следуя совету Гриера. На этот раз не допустил ошибки и несколько мгновений спустя почувствовал сопротивление – сверло начало вгрызаться в плоть. Отлетали блестящие зеленые хлопья и завитки, острие продолжало углубляться в лоб. Он продолжал не торопясь давить на сверло, но вовремя остановился, не добравшись до критически важных мозговых структур, если таковые еще оставались.

Он извлек сверло и резко протянул руку:

– Зонд.

– Есть, сэр.

Моллой размотала шестой провод и сунула его конец в ладонь Мериньяка. Взяв зонд, тот вставил его в отверстие, затем взглянул на приборы.

– Попробуй еще раз.

Надев наушники, Моллой забормотала тестовые слова, которые почти сливались друг с другом.

– Мать, отец, ребенок, дом, школа… Все так же ничего, Гриер? У меня ничего. – Она помедлила. – Ладно, заканчиваем.

– При слове «отец» что-то мелькнуло, – с сомнением проговорил Гриер. – Попробуй еще раз, с начала.

– Серьезно?

– Нужно довести дело до конца. Пусть лучше парень увидит, что мы работаем с полной отдачей.

– Давай, – потребовал Мериньяк.

– Ладно, в последний раз. Мать. Отец. Ребенок. Дом. Школа. И еще раз. Мать. Отец. Ребенок. Дом. Школа. Работа. Общество. Капитал. Престиж. Есть что-нибудь, Гриер? У меня в наушниках только шум.

– Нет, ничего, – вздохнул Гриер. – Похоже, в первый раз был какой-то глюк. Можем снова повторить, если хочешь окончательно убедиться…

Моллой начала извлекать зонды.

– Нет, мы сделали все возможное ради Небесного мальчика. Она красивая, не спорю. Но красота не вернет этому городу жизнь.

– Я ее слышу, – сказал Мериньяк.

Остальные замерли, молча уставившись на него: Моллой с ладонью на наушниках, Гриер, смотрящий на экран с ровными светящимися линиями. Немая сцена продолжалась несколько секунд. Мериньяку казалось, будто он нарушил какое-то

исключительно серьезное правило профессионального этикета, переступив границу, о существовании которой даже не догадывался.

– Я сказал, что слышу ее, – повторил он. – Это началось, когда ты стала произносить слова во второй раз.

Моллой смотала провода с зондами. Гриер щелкал тумблерами, отключая гудящие приборы, пока волокуша не погрузилась в темноту.

– Никто ничего не слышал, – спокойно сказал Гриер.

– Вы не слушали. Голос идет не через наушники Моллой и не через приборы на волокуше. Он вокруг. Здание поет. – Мериньяк нахмурился под маской. – Его можно услышать. Если напрячь слух. Оно поет. Женским голосом. Слов нет, только звуки… теперь-то вы слышите?

– Ничего такого нет, парень, – тихо сказал Гриер. – Просто дождь на верхних уровнях, свист ветра в каналах… Те же самые звуки, что были тут, когда мы пришли.

– Оно поет. – Мериньяк кивнул на зеленую женщину. – Она поет. Это ее голос проникает в ткань здания. – Его тон стал злее. – Она поет! Только не говорите, что не слышите. Ее голос столь же прекрасен, как и она сама. Еще прекраснее! Она напоминает мне…

– Гриер, проверь его шланги, вдруг он их перепутал. Похоже, наш Небесный мальчик надышался испарений.

– С моими шлангами все в порядке и с головой тоже. Я прекрасно себя чувствую и знаю, что именно я слышу. Хватит притворяться, будто сами ничего не слышите. Она общается с нами единственным возможным способом.

У Мериньяка не было причины лгать. Если сперва он сомневался в собственных чувствах, когда музыка впервые возникла на фоне шума дождя и ветра, то теперь она заполняла его душу. Женский голос пел длинную повторяющуюся фразу, с каждым разом уходившую, подобно винтовой лестнице, на все более головокружительные высоты самовыражения. Она была полна горькой тоски и экстаза, отчаяния и исполнения желаний, надежды и безнадежности. Эмоции теснились, подпирая друг друга, и, когда Мериньяк уже мог поклясться, что предел достигнут и его разум более не выдержит, все продолжалось по-прежнему. Да, это было мучительно, но такие муки он был готов с радостью терпеть до скончания времен.

Красота в своем самом чистом виде никогда не знала жалости.

– Нет никакой музыки, – сказала Моллой, и на этот раз в ее голосе слышалось скорее беспокойство, чем насмешка. – Ничто

никуда не проникает, Мериньяк. Просто тебе кажется, будто ты что-то слышишь…

Он с трудом заставил себя возразить, боясь разрушить чары:

– Я знаю, что слышу.

– Может, он и впрямь что-то слышит у себя в голове, – негромко проговорил Гриер. – Психоз после оживления. Должно быть, его слишком быстро разморозили. Я слышал, такое бывало на орбите, когда прилетали последние корабли, – слишком многих нужно было обработать, вот и приходилось спешить.

Моллой сняла с волокуши огнемет:

– Может, и так. А может, дело кое в чем другом. – Она направила огнемет на Мериньяка. – Так что случилось, Небесный мальчик с якобы чистыми документами?

– Ты о чем? – заинтересовался Гриер.

– Что, если он прилетел к нам с какой-нибудь штуковиной в черепе? С хитроумным имплантатом, который следовало вытащить до того, как он спустился с орбиты?

– О нет, только не это! – потрясенно проговорил Гриер. – Мериньяк, скажи, что ничего такого нет. Скажи, что ты не носишь эту дрянь в черепе в чумной зоне!

Мериньяку вовсе не нравилось, что в руках у Моллой огнемет, в то время как сам он безоружен. Прежде чем кто-то успел ему помешать, он метнулся к волокуше и схватил свой.

– Опасен я был бы только для самого себя, так что какая разница?

– Сам признался, гаденыш! – радостно воскликнула Моллой.

– Я ни в чем не признавался. И вообще, это чепуха. Я совершенно чист. Проверяющих на орбите не подкупишь. – На конце огнемета заплясал язычок голубого пламени. – Их не подкупишь, – уже тише повторил Мериньяк.

– Наверняка этого не знаешь, пока не попробовал, – хмыкнула Моллой.

– Я не пробовал. – Мериньяк ткнул огнеметом в ее сторону. – А теперь на выход. И ты тоже, Гриер. Здесь мы закончили. Мы выйдем наружу, и вы намалюете на стене свою метку. Она будет говорить, что это здание никто не должен трогать до скончания века.

– В инструкциях ничего такого нет, – медленно проговорил Гриер, снимая с пояса свой огнемет.

– Тогда вам придется что-нибудь сочинить.

– Все кончено, Мериньяк. Положи огнемет, – не торопясь продолжал Гриер, держа огнемет одной рукой и жестикулируя другой. – То, что здесь произошло, останется между нами. Мы с Моллой похлопочем, чтобы тебя перевели в другую бригаду.

– К вашим соперникам? – едва не рассмеялся Мериньяк.

– Необязательно. Просто наши пути больше не пересекутся. Без обид. Бригад хватает по всему городу… Тебе даже не придется снова появляться в этом секторе.

– Хорошее предложение, Гриер, но что, если мне вовсе не хочется покидать этот сектор? Музыка сейчас звучит для меня, но нет никакой гарантии, что я буду ее слышать на другом конце Города Бездны.

Мериньяк замолчал, вновь сосредоточившись на зеленой женщине. Ее призрак покидал тело, – по крайней мере, так казалось. Зеленый фантом отделился от фигуры и, взмыв в воздух, завис над Мериньяком. На него смотрело столь же безгранично прекрасное лицо, как и у ее смертных останков, но не поврежденное сверлом. Ее все так же окутывали листья и грозди винограда, но теперь они походили на полупрозрачную зеленоватую вуаль, в которой то и дело возникали соблазнительные разрывы.

Она развела руки и взмыла выше, глядя на него с безмятежной нежностью. Сквозь ее очертания просвечивала структура потолка.

Из тела выскользнул еще один фантом, потом третий – столь же обворожительные. Они закружились над его головой. Гриер и Моллой, конечно, заметили блуждающий взгляд Мериньяка, но его это не волновало. Музыка теперь, казалось, исходила не из спрокера, а из движущихся призраков, отчего стала еще более чудесной.

Мериньяк услышал, как Гриер сказал:

– У парня крыша поехала.

– Мериньяк, – решительно заговорила Моллой, – отойди от спрокера. Нам нужно закончить работу.

Из ее огнемета вылетела короткая струя пламени. Это было последнее предупреждение.

Включив огнемет на полную мощность, Мериньяк направил его на Моллой. Голубое пламя вмиг объяло ее с головы до ног. Секунду казалось, будто Моллой и огонь стали симбионтами, не причиняющими вреда друг другу, но ничто не могло утолить ненасытную алчность пламени. Оно проникло в ее огнемет, добралось до бака с горючим, и Моллой упала на колени, превратившись в дико кричащий и размахивающий руками кошмар. Все это произошло за считаные мгновения, а затем Мериньяк поджег и Гриера. Гриер относился к нему получше, чем Моллой, но было ясно, что он обязательно среагирует на расправу со своей начальницей. И потому ничего не оставалось, как предать огню и его.

Как только Моллой и Гриера охватило пламя, Мериньяк погасил огнемет, чтобы не тратить горючее зря. Моллой лежала на полу бесформенной грудой, в которой уже почти невозможно было опознать человека. Гриера постигла точно такая же судьба, но с задержкой в несколько секунд.

Мериньяк уже спокойнее смотрел на них, убедившись, что огонь не распространится на спрокера. Пол под ними, как и остальные элементы здания, похоже, был огнеупорным, но Мериньяк для надежности прошел к волокушам и отсоединил провода и шланги, тянувшиеся к Моллой и Гриеру. Потом оттащил волокуши ко входу, чтобы случайная искра не коснулась оставшихся баков с горючим.

Моллой и Гриер превратились в кучки гари, по которым пробегали призрачные голубые огоньки. Интересно, подумал Мериньяк, как от них теперь пахнет? Пожалуй, лучше не снимать маску и очки.

Он понимал, что его поступок не останется без последствий, причем весьма серьезных; и чтобы их уладить, требовались все его умственные способности. Нужно сочинить достаточно правдоподобную историю про несчастный случай с Моллой и Гриером, которые были так добры к нему, новичку. Не слишком ли они спешили, позабыв об осторожности? Да откуда ему знать? Он впервые держал в руках огнемет.

Но об этом можно будет подумать потом. Главное, что музыка не смолкла. Она столь же прекрасна, как и в тот момент, когда впервые его коснулась; более того, теперь он единственный ее слушатель.

– Сделаю все возможное, – уверенно заявил Мериньяк. – Даю слово. Можешь так петь и танцевать вечно, а я постараюсь, чтобы никто не смог тебе помешать.

Музыка изменилась, хоть и едва заметно. В ее проникновенном, берущем за душу мотиве исчезли возвышенные ноты, зато появилась задумчивость, мимолетное сомнение вместо радостной уверенности в себе. Фантомы замедлили движение и снизились по спирали. Топливо почти сгорело, и по черным грудам лишь изредка пробегали тлеющие голубые огоньки. Казалось, фантомов притягивают сгоревшие тела, но стоило им протянуть руки и коснуться пепла, как любопытство сменялось чем-то иным. Они содрогались то ли от удивления, то ли от отвращения и начинали взволнованно выписывать круги. Изменилась и музыка – неуверенность уступила место бессилию, упадку. Наконец мелодия запнулась и смолкла, и в последних нотах уже не было никакой гармонии – это больше походило на завывания баньши, чем на хор ангелов.

Зеленые фантомы закружились быстрее, а затем втянулись внутрь спрокера. Мериньяк остался один в полной тишине.

Снова подойдя к зеленой женщине, он, как и прежде, наклонился, чтобы оказаться с ней лицом к лицу. Ее взгляд все так же уходил в сторону, будто повинуясь некой совершенно иной геометрии, чем та, что существовала в реальности. Мериньяк увидел, что на ее лбу не осталось никаких следов прочерченной им борозды. Полностью затянулись и другие отверстия от сверла.

Он решил, что в выражении ее лица что-то изменилось. Если прежде в ускользающем взгляде чувствовалось кокетство, то теперь он был полон тревоги. Перемена была едва заметной, как и та, в музыке, но не обратить на нее внимания Мериньяк не мог.

Казалось, она осуждает его, выражая разочарование, неодобрение, может быть, даже отвращение.

– Нет, – сказал Мериньяк, держа ее лицо в ладонях и пытаясь заставить ее взглянуть на него. – Нельзя, чтобы твоя музыка смолкла. Только не после того, что я для тебя сделал. – В его голосе зазвучала мольба. – Спой еще. Пусть они снова из тебя выйдут. Хочу услышать пение и увидеть их лица. Одного раза было мало!

Ничего не произошло. Несколько минут назад в этом зале бушевало пламя, но спрокер оставался холодным и неподвижным как сталь. Мериньяку казалось, будто он взывает к глухой стене.

Его мольбы сменились яростью. Он бил зеленую женщину кулаками, отламывая хрупкие листья и грозди от обвивших ее лиан. Чем больше Мериньяк причинял ей вреда, тем жестче, казалось, становилось выражение ее лица.

– Ты меня обманула! – срывающимся от тоски голосом выкрикнул он. – Ты меня обманула! Они сгорели из-за тебя!

Когда ярость сменилась медленно тлеющим отчаянием и иссякла мстительная мощь кулаков, Мериньяк, шатаясь, обогнул трупы Моллой и Гриера, миновал волокуши и шагнул в вечную ночь Города Бездны.

Сорвав маску и очки, он подставил лицо ночи и дождю. Туман рассеялся, и во мраке можно было видеть изуродованные здания во всю их высоту, до самых верхних обитаемых уровней. Там мерцали огни – мишура цивилизации, натянутая под самым потолком. Он подумал о бригадах чистильщиков, трудившихся день и ночь, отмывая, насколько возможно, оконные панели.

Возможно, для него это могло бы стать более подходящим призванием.

В темноте послышались голоса. Опустив взгляд, он увидел метрах в ста несколько человек в капюшонах и очках,

пробиравшихся по опасной поверхности. Он насчитал пятерых. Завесу дождя пронизывали лучи их фонарей. Одеты эти люди были как сжигатели, но они шли без волокуш с тяжелым оборудованием.

Луч фонаря упал на Мериньяка. Он присел, стараясь остаться незамеченным, но фонарь осветил его снова.

– Моллой, это ты?

– Это Гриер, – крикнул он в ответ, сообразив, что его все равно увидят. – Гриер, – повторил он.

– Все в порядке, Гриер?

– А ты кто?

– Фаркаш. Нам сообщили, что… – Фаркаш не договорил – под ногами зашатался фрагмент каменной кладки, вынудив людей поспешно искать твердую опору. Отдышавшись, Фаркаш снова заговорил, заметно хрипя: – Нам сообщили… Мериньяк еще там, Гриер?

– Да, Мериньяк там, с Моллой. Они… заканчивают работу. Все хорошо.

Фаркаша и его спутников отделяло от входа не более тридцати метров. Мериньяк перебирал варианты бегства, пытаясь решить, какой из них наименее опасен, если таковой вообще существовал.

– Гриер, – сказал кто-то из четверых, шедших позади Фаркаша, – с вашим новобранцем есть проблема.

– Что за проблема? – невинным тоном спросил Мериньяк, щурясь от яркого света фонаря.

– Меня зовут Колакс, – ответил женский голос. – Я констебль, только что с орбиты. Прибыла вместе с… еще одним оттаявшим с того же корабля, что и ваш новобранец. Я попросила Фаркаша проводить меня к вам.

– Зачем?

– Ваш Мериньяк не тот, за кого он себя выдает. Он здесь по поддельным документам. Все фальшиво, включая личность. Мой коллега едва из-за него не погиб.

– Не понимаю.

– Он нечист, – продолжала Колакс. – У него в голове остаточные структуры. Подозрение на чуму. Мой коллега должен был его просканировать и запретить ему появляться в окрестностях Города Бездны, по крайней мере до тех пор, пока не извлекут имплантаты. Но вашему новобранцу такая идея не пришлась по душе. Она напал на моего коллегу, ранил его, бросил умирать и подделал документы о допуске.

– Мы проверили его документы, – сказал Мериньяк.

– Похоже, недостаточно.

– Что ж, вряд ли стоит винить его за то, что он не захотел подвергнуться секретной хирургической операции, которую предложили ему на орбите, едва он сошел с корабля. Не говоря уже о том, во что бы это обошлось человеку, который только что пробудился из криосна, не имея ни одного кредита на счету.

– Гриер, – с сомнением проговорил Фаркаш, – ты уверен, что с твоей бригадой все в порядке?

– Да, в полнейшем. Мы закончили с этим зданием. – Мериньяк повернулся и с любовью посмотрел на стену. – Славно пожгли.

– Это он, – бросила Колакс.

Знала ли она или только предполагала, уже не имело значения. Нужно было бежать.

Он рванул с места, выбрав наименее проблематичный из путей к отступлению. Поверхность по-прежнему изобиловала опасностями, но без волокуши двигаться было легче, к тому же смешанное со страхом отчаяние придавало сил. Он перепрыгивал с одного ровного участка на другой, то и дело спотыкаясь на каменных осыпях, но сразу же возобновляя бег. Его пытались преследовать – он слышал взволнованные крики, хруст щебня под ногами, – но элемент неожиданности был на его стороне, и он вскоре свернул за угол, скрывшись от погони. К тому времени, когда они обогнут этот угол, Мериньяк исчезнет, выбрав один путь из многих возможных.

Если у него и имелся какой-то план после убийства Моллой и Гриера, то теперь он думал лишь об одном: как выиграть время и расстояние. Сюда пожаловала Колакс, так что придумывать объяснение случившемуся уже бесполезно. Но это вовсе не означает, что с Мериньяком покончено. Город огромен и темен, в нем царит беззаконие, так что в его лабиринтах вполне можно затеряться. Да, придется крайне быстро приспособиться к жизни беглеца. Но как он уже убедился, неумение адаптироваться не входит в число его недостатков. Если дикари способны жить в чреве Города Бездны, значит сможет и он.

Но он не дикарь, и подобное существование его не устраивает.

Он опять свернул за угол, нырнул под эстакаду и спохватился за долю секунды до того, как поставил было ногу на торчащий из поверхности шип. Тяжело дыша, огляделся по сторонам. Все звуки заглушал дождь, лившийся непрерывными толстыми струями откуда-то сверху. Мериньяк напряг слух, пытаясь уловить крики и топот преследователей. Вроде что-то есть на самом пределе слышимости, но чем сильнее сосредотачиваешься, тем явственнее кажется, что звуки удаляются, как будто

преследователи ошиблись и побежали не в ту сторону.

Постепенно он успокоился.

Теперь он мог позволить себе осторожность. Все, что ему требовалось, – методично продвигаться вперед, чтобы оставить позади сектор или два. Если идти медленно и тихо, есть шанс не выдать себя. Чтобы наверняка его поймать, следовало прислать побольше блюстителей закона, а не единственную несчастную женщину. Видимо, смерть мелкого чиновника, не пожелавшего помочь Мериньяку, не стоит того, чтобы устраивать организованную охоту. Какой смысл в поимке одного преступника, когда целый город погружен в хаос и безумие?

Он пробирался по темным переулкам, и никто не пытался ему помешать. То и дело Мериньяк замечал оставленные сжигателями метки, гордо светившиеся среди теней и грязи. Он представил себе дремлющих спрокеров, в которых пробуждали пародию на сознание. Если дрогнет стрелка индикатора, спрокер может остаться в живых. Если нет – исчезнет в голубом пламени.

Впереди упала его собственная тень, и вокруг стало светло. Мериньяк замер, зажатый в круге яркого света. Подняв взгляд, он услышал вой двигателей опускающегося сквозь дождь волантора.

Его все-таки нашли.

– Стоять, Мериньяк – если ты так себя называешь! – прогремел усиленный динамиками голос. – Тебе некуда бежать.

Он огляделся. Там, где прежде царила спасительная темнота, теперь сияла мешанина ослепительного света и теней, которая постоянно двигалась, словно пытаясь обмануть его восприятие. Из сияния появились призрачные фигуры. На мгновение они показались ему зелеными ангелами, но затем стало ясно, что это Фаркаш, его люди, Колакс и пятый преследователь.

– Сдавайся, Мериньяк! – прокричала Колакс сквозь рев волантора. – Это твой последний шанс!

– Последний шанс на что? – рассмеялся он.

– На то, чтобы избежать худшего. Судьи учтут смягчающие обстоятельства. Ты недавно вышел из криосна, и это зачтется в твою пользу. Человек, который рядом со мной… он солдат, тоже прилетел с Окраины Неба.

– Я Мериньяк, – сказал третий, чей акцент выдал гражданина Северной коалиции. – Ты забрал мою личность, мою память. Ты никогда не был солдатом. Твоя семья заведовала частным госпиталем, делала деньги на войне. Когда я лежал там, тяжело раненный, ты незаконно просканировал мой мозг и взял, что хотел, включая мое прошлое. Вполне достаточно, чтобы выдать себя за меня и занять место на корабле. Ты думал, что я умру и никто ничего не узнает. Но я выкарабкался. А когда открылось,

что ты сделал, другой солдат добровольно уступил мне место на корабле, чтобы я мог последовать за тобой. – Он помолчал, тяжело дыша. – Но не для того, чтобы наказать. Просто… вернуть то, что ты унес. Мое имя. Мое прошлое.

– Это ложь!

– Нет, – спокойно возразила Колакс. – Он на самом деле Мериньяк. Но ты порвал его память в клочья. Слишком спешил, не принял необходимых мер. И все-таки ты можешь отдать ему то, что знаешь.

– Вы хотите просканировать меня?

– Нет, это уже ничего не даст. Но Мериньяку нужно лишь заполнить пробелы. Расскажи ему о том, что помнишь, и этого будет достаточно. Просто говори.

– Почему он не хочет меня наказать?

– Потому что я уже навидался наказаний, – ответил настоящий Мериньяк. – Я всего лишь хочу вспомнить ее. Больше ни о чем не прошу.

– Кого – ее?

– Мою мать. И как она мне пела.

– Еще не слишком поздно, – сказала Колакс. – Ты совершал ошибки, но ничего такого, чего нельзя простить. Травмы войны… Вовсе не обязательно побывать на фронте, чтобы обзавестись ими. Что касается моего коллеги – он ранен, но с ним все будет хорошо. Как и с Мериньяком, если ты ему поможешь. Никто не погиб. Мы займемся твоей реабилитацией. Хочешь верь, хочешь нет, но живые нам гораздо нужнее, чем мертвые. Этот город разрушен, и потребуется множество рук, чтобы его восстановить.

Сняв маску и очки, он повернулся к женщине. Их теперь разделяло совсем небольшое расстояние.

– Ты сказала, никто не погиб?

Колакс приподняла голову:

– Что в этом странного?

– Ты бы так не говорила, если бы уже знала о судьбе Моллой и Гриера. Но вы не успели побывать в том здании. Вы не видели, что я с ними сделал.

– Что ты с ними сделал? – спросил Фаркаш.

– Они хотели, чтобы музыка смолкла, – объяснил он. – Я не мог этого допустить. И я сжег обоих.

– Не убегай! – выкрикнул Мериньяк. – Ты нужен мне! Мне нужна она!

Но он побежал.

Понимал, что в этом нет никакого смысла, но все равно побежал. Волантор следовал за ним неторопливо, как хищная тварь, которая уже впрыснула яд и лишь ждет, когда жертва

свалится замертво. Вне всякого сомнения, где-то позади двигались Фаркаш, Колакс и настоящий Мериньяк, руководствуясь светом прожектора.

Он оказался на чем-то вроде обрыва. За движущимся кругом света город проваливался в пустоту. Здания покачивались на ее кромке, как тяжело нагруженные галеоны возле черной воронки водоворота. Пропасть была столь огромна, что невозможно было увидеть другой ее край или хотя бы оценить глубину. Но он прекрасно знал, где находится. Это был край Бездны.

Вернуться он не мог, а любой путь влево или вправо ему бы вскоре перекрыли. Но в пустоту уходила каменная полоска – узкий пешеходный мост с покореженными металлическими перилами высотой по пояс. Свет задержался на ближнем конце моста, будто поощряя к тому, чтобы на него шагнуть.

– Не надо! – выкрикнула Колакс. – Этот мост никуда не ведет!

– Она говорит правду! – с растущим отчаянием в голосе подтвердил Мериньяк. – Я готов все простить… Все еще готов!

Человек, к которому они взывали, ступил на мост. Возможно, тот все же куда-то вел, а может, и нет, но здесь, на краю Бездны, для лже-мериньяка уж точно не было никакого будущего. Все благородные мысли о том, чтобы подвергнуть его реабилитации, наверняка развеются при виде дымящихся груд костей, а потом возникнет желание сжечь и его самого. Лучше уж бежать, и не важно, куда заведет его бегство.

Мост под его ногами казался прочным, но лишь поначалу. Чем дальше он отходил от края, тем сильнее ощущалась качка, и амплитуда колебаний, похоже, росла с каждым ударом подошвы о камень. Он оглянулся, ожидая, что Колакс и остальные – даже несчастный сирота Мериньяк – продолжат погоню. Но они не двигались, наблюдая за ним с относительно безопасного края Бездны. Даже волантор прекратил преследование, зависнув над группой людей.

И вот уже мост болтает так, что бежать невозможно. Пришлось перейти на размашистый шаг, хватаясь за погнутые перила. От качки лже-мериньяка затошнило, и ему ничего не оставалось, как ступать со всей осторожностью, балансируя на каждом шагу. Предательски шатались перила, едва не теряя связь с сооружением, которое они ограждали. Яркий свет фонарей волантора и сжигателей не позволял определить, насколько далеко мост простирается над пустотой.

Вздрогнув, перила отвалились и полетели вниз, оставив лже-мериньяка без опоры. Он упал на колени, задыхаясь, скованный чудовищным страхом высоты.

Из тьмы спустился зеленый ангел и на мгновение завис над

ним, представ во всей своей пугающей красе, а затем взмыл и закружил высоко над его головой. Появился второй фантом, за ним третий. Они промчались мимо человека, пролетели по дуге под мостом, потом устремились вверх. Все трое завертелись в головокружительном танце, уже знакомом ему. Они опускались все ниже, сужая круги.

Но выражения, застывшего на их лицах, он прежде не видел.

Фантомы явно были ему не рады.

Он содрогнулся, ощутив повеявший от них холод. Их недовольство росло, сменяясь зеленоглазой яростью.

– Они хотели, чтобы музыка смолкла, – снова умоляюще проговорил лже-мериньяк, на этот раз обращаясь к другим слушателям. – Но я должен был слышать, как ты поешь.

Зеленые ангелы превратились в зеленых фурий мщения и кары. С них сползала кожа, обнажая кости и сухожилия. Он закричал, замахал руками, пытаясь их оттолкнуть, и потерял хрупкое равновесие.

Он сорвался.

Его руки беспомощно молотили воздух. Поднимающийся снизу туман заглушал крик. Три зеленые фурии летели рядом с ним, подобно эскорту.

Наконец они запели. Но это была уже совсем другая песня, из тех, которые ни одна мать не спела бы единственному оставшемуся в живых сыну.

Благодарности

Мои друзья любезно согласились прочитать и прокомментировать эту книгу. Хотелось бы поблагодарить их, в произвольном порядке.

Спасибо вам, Берндт Хэндла, Коцка Уоллес, Тим Кауффман, Фрэнк Перрин, Сэм Миллер, Рой Миллер, Пол Макоули, Луиза Клеба, Боб Пелл, Кейт и Кэррол Шеррод, Малколм Галлоуэй, Улла-Майя Борг. А также спасибо моей жене Жозетт Санчес.

Все допущенные в книге огрехи, разумеется, полностью на моей совести.

Хочу также поблагодарить моих редакторов Джиллиан Редферн, Эбигейл Натан и Брит Хвайд за проницательность и поддержку, а также выразить признательность остальным сотрудникам издательств «Orion» и «Orbit».

И наконец, хотя моя мать Диана не успела увидеть этот роман в законченном виде, я благодарен ей за доброту и поддержку, которыми я пользовался на протяжении всей моей писательской карьеры, начиная с самых первых дней, когда в моем воображении родились Город Бездны и Йеллоустон.